Кр.
Р1 93388

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

О

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ВЫПУСКЪ VIII.

ТИФЛИСЪ.

—

1875.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Горскаго Управленія.

Выпускъ VIII.

ТИФЛИСЪ. 1875.

Сост. и грав. Дюстерлика.

Предметный каталог
Донской публичной библиотеки
им. К. Маркса

Проверено
1937—38 г.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

съ соизволенія

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказскою Арміею

при

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНІИ.

ВЫПУСКЪ VIII.

С 20,12
167264
Р.С.Ф.С.Р

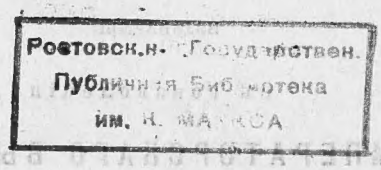
ТИФЛИСЪ.

—

1875.

4в. обл. - 1.
стр. 104 + 40 + 72 + 14 + 95
+ 12 + 43 + 40 + 24 + 54

Проверено
1937—38 г.



Типографія Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго.

Содержаніе.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Замѣтки о кюринскомъ языкѣ (въ связи съ изслѣдованными восточно-кавказскими языками), *Л. П. Загурскаго.*

2) Ингуши (ихъ преданія, вѣрованія и повѣрья), *Чаха Ахріева.*

3) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ.

4) О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами восточнаго Кавказа, *П.*

II. Этнографическіе очерки:

1. Двѣ недѣли въ Даргинскомъ округѣ (путевыя замѣтки), *Владиміра Вилльеръ де Лиль-Адамъ.*

2) Горское паломничество, *Асламбека Базоркина.*

3) Въ осетинскомъ аулѣ, *Инала Канукова.*

III. Горская лѣтопись:

1) Изъ горской криминалистики, *В. В. Цвѣткова.*

2) Составъ населенія Дагестанской области, *Н. В.*

3) Библіографическая замѣтка, *Н. В.*

IV. Приложеніе:

Сказки мангышлакскихъ туркенъ, *А. К.*

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ.

ЗАМѢТКИ О КЮРИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ

(въ связи съ изслѣдованными восточно-кавказскими языками).

На основаніи изслѣдованій ген. Услара.

Въ 1872 году ген. Усларъ отлитографировалъ свой трудъ о кюринскомъ языкѣ.

Прежде нежели приступимъ къ ознакомленію нашихъ читателей съ этимъ трудомъ, считаемъ нелишнимъ сообщить краткія свѣдѣнія, какъ о ходѣ изслѣдованій восточно-кавказскихъ языковъ, такъ и о территоріи, занимаемой послѣдними.

Изслѣдованія кавказско-восточныхъ языковъ начались за нѣсколько лѣтъ до умиротворенія Восточнаго Кавказа. Въ 1856 г. акад. Шифнеръ напечаталъ въ «Мемуарахъ Имп. Акад. наукъ» свой трудъ о такъ-называемомъ *тушскомъ языкѣ* (Versuch über die Thusch-Sprache). Тушскимъ языкомъ названъ г. Шифнеромъ языкъ одного изъ обществъ, населяющихъ Тушетію, а именно—языкъ Цовскаго общества. Это общество, называющее себя «бацби» (един. ч. «бацавъ»), расположено у верховьевъ Тушинской Алазани, которая протекаетъ дальше по Дагестану подъ названіемъ Андійскаго-Койсу. Цовскій языкъ обнаруживаетъ ближайшее сродство съ чеченскимъ. Въ 1863 г. акад. Шифнеръ издалъ очеркъ *удинскаго языка* (Versuch über die Sprache der Uden). Языкъ этотъ,—сколько извѣстно,—уцѣлѣлъ еще въ двухъ деревняхъ Нухинскаго уѣзда (въ Варташенѣ и Нижѣ). Немного раньше г. Шифнеръ отпечаталъ очеркъ аварскаго языка (Versuch über das Awarische), языка, самаго распространеннаго въ Нагорномъ Дагестанѣ. Перечисленные труды многоуважаемаго академика послужили основаніемъ для дальнѣйшаго изученія восточногорскихъ языковъ. Но г. Шифнеру, изучавшему кавказскіе языки въ столицѣ, приходилось бороться съ различными препятствія-

ми, — неудивительно поэтому, что отъ него ускользнуло нѣсколько особенностей, свойственныхъ, напр., аварскому языку.

Съ 1862 г. восточно-кавказскіе языки сталъ изучать на мѣстѣ ген. Услеръ, ознаменовавшій уже себя въ ученомъ мірѣ своимъ трудомъ объ абхазскомъ языкѣ. Началъ онъ съ *чеченскаго языка*. Чеченскій языкъ распространенъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ Сунжи—на пространствѣ, орошаемомъ рѣками, впадающими въ Сунжу съ правой стороны (замѣтимъ, однако, что въ верховьяхъ Чапти-Аргуна означенный языкъ уступаетъ мѣсто грузинскому языку). Чеченскій языкъ переходитъ на С. за Сунжу и доходитъ до Терека, гдѣ онъ уже все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто русскому языку. Кромѣ того, чеченскій языкъ на В. занимаетъ даже теченіе рѣкъ Ярыкъ-су и Акташа, до выхода ихъ на Кумыкскую плоскость, а на З. простирается до р. Камбилеевки (притока Терека) и даже до Терека (въ Джераховскомъ ущельи). Чеченскій языкъ распадается на нѣсколько нарѣчій. П. К. Услеръ изслѣдовалъ нарѣчіе самое распространенное, а именно нарѣчіе, употребляемое на плоскости. Число чеченцевъ, по официальнымъ показаніямъ, простиралось въ 1868 г. до 170,000. Трудъ П. К. Услера о чеченскомъ языкѣ далъ акад. Шифнеру возможность издать свои «Tschetschenzische Studien» и провести въ нихъ параллель между чеченскимъ и тушскимъ языками.—По изслѣдованіи чеченскаго языка, П. К. Услеръ принялся за изученіе *аварскаго языка*, который, прорѣзывая весь Нагорный Дагестанъ по направленію отъ С. къ Ю., составляетъ, вслѣдствіе этого обстоятельства и прежняго политическаго преобладанія аварскаго племени въ означенной странѣ, общеупотребительный языкъ для взаимныхъ сношеній жителей цѣлаго Нагорнаго Дагестана. Протяженіе въ длину территоріи аварскаго языка отъ С. къ Ю., отъ Чиръ-Юрта до Новыхъ Закаталъ, по прямой линіи — верстъ приблизительно 160. Ширина территоріи различная — наибольшая по серединѣ, на параллели Хунзака (бывшей резиденціи владѣтелей Аваріи), и простирается верстъ на 70. Вообще аварскій языкъ распространенъ главнымъ образомъ въ округѣ Гунибскомъ (входящемъ въ составъ Средняго Дагестана) и въ округѣ Аварскомъ (въ Западномъ Дагестанѣ). Число аварскаго населенія въ Дагестанѣ простиралось въ 1868 году, по официальнымъ показаніямъ, до 96,000. Аварскій языкъ распадается на два главныхъ нарѣчія: хунзакское и анцукское. Первое изъ нихъ занимаетъ сѣверную часть вышеозна-

ченной территоріи, а второе—южную. Ген. Усларъ изслѣдовалъ хунзакское нарѣчіе.—Затѣмъ онъ изучилъ языкъ народа, который, по своей численности, занимаетъ второе мѣсто въ Нагорномъ Дагестанѣ. Народъ этотъ, извѣстный намъ подъ именемъ казикумухцевъ, самъ себя называетъ лаками, а языкъ свой — *лакскимъ*. Число лаковъ простирается до 33,000.—Верстахъ въ 30-ти къ ЮВ. отъ Кумуха, главнаго селенія лаковъ, находится аулъ *Арчи*, жители котораго говорятъ особымъ языкомъ. П. К. Усларъ сообщилъ акад. Шифнеру коротенькую замѣтку о языкѣ жителей этого аула (см. «Bulletin de l'Acad. Imp.», t. VII, № 2). Затѣмъ въ VIII т. (№ 1) того-же изданія помѣщены были числительныя количественныя андійскихъ и дидойскихъ нарѣчій.—По изслѣдованіи лакскаго языка, П. К. Усларъ принялся за изученіе языковъ той части Дагестана, которая расположена къ В. отъ Нагорнаго Дагестана и представляетъ вообще, сравнительно съ послѣднимъ, уже менѣе гористый характеръ. Между означенными частями Дагестана проходитъ хребетъ, отдѣляющій бассейнъ Койсу, протекающихъ по Нагорному Дагестану, отъ бассейна рѣкъ и рѣчекъ, направляющихся на В. къ Каспійскому морю. Начиная отъ нижняго теченія Казикумухскаго Койсу, къ В. отъ территоріи аварскаго и лакскаго языковъ, по означенному водораздѣлу, — сѣвернѣе по обоимъ склонамъ его, а южнѣе по склону, обращенному къ Каспійскому морю, — распространены даргинскія нарѣчія. Они такимъ образомъ занимаютъ удлиненную полосу, простирающуюся по направленію отъ С. къ Ю. Самый сѣверный предѣлъ распространенія даргинскихъ нарѣчій составляетъ аулъ Кадаръ, лежащій близко отъ территоріи аварскаго языка; самый южный предѣлъ — сел. Чирахъ, находящееся въ близкомъ разстояніи отъ юго-восточной границы территоріи лакскаго языка. Число даргинскаго населенія простирается, по вычисленію П. К. Услара, приблизительно до 90,000. Основываясь на этихъ вычисленіяхъ и принимая во вниманіе цифры народонаселенія Дагестанской области, показанныя въ статьѣ г. Комарова (см. VIII кн. «Записокъ Кавк. Отд. Импер. Русск. Геогр. Общ.»), нужно предположить, что около $^2/_3$ даргинскаго населенія живетъ въ Даргинскомъ округѣ (входящемъ въ составъ Сѣвернаго Дагестана), а $^1/_5$ въ Кайтаго-Табасарапскомъ округѣ (въ Южномъ Дагестанѣ). Ген. Усларъ распредѣляетъ даргинскія нарѣчія на три группы: акушинскую, хайдакскую и вуркунскую. Хайдакскія нарѣчія, по его мнѣнію, при самомъ даже поверх-

ностномъ взглядѣ, обнаруживаютъ сродство съ акушинскими нарѣчіями. Что-же касается до вуркунскихъ нарѣчій, то П. К. Усларъ не рѣшилъ еще: составляютъ-ли эти нарѣчія особую третью группу, или должны быть причислены къ которой-либо изъ первыхъ двухъ. Какъ-бы то ни было, но число хайдакскихъ и вуркунскихъ дворовъ не составляетъ даже $^1/_{10}$ части числа всѣхъ даргинскихъ дворовъ. Изъ акушинскихъ нарѣчій самыя распространенныя: акуша и кеба (*кӕва*). Послѣднее занимаетъ мѣстность, находящуюся почти по серединѣ между территоріею акушинскихъ и территоріею хайдакскихъ нарѣчій. Оно извѣстно болѣе подъ названіемъ *хюркилинскаго*, по имени самаго многолюднаго селенія, жители котораго называютъ себя хюруками, самое-же селеніе называется хюркила-ші (т. е. селеніе хюруковъ). На картѣ Дагестана оно обозначено «Урахли». Названное нарѣчіе и было изслѣдовано П. К. Усларомъ.—Наконецъ, онъ изслѣдовалъ довольно распространенный *кюринскій языкъ*, занимающій самую южную часть Дагестана и переходящій за предѣлы послѣдняго. Какъ видно изъ этого краткаго обзора хода изслѣдованій восточно-кавказскихъ языковъ, лингвистическая дѣятельность П. К. Услара направлена на изученіе самыхъ распространенныхъ восточно-горскихъ языковъ. Акад. Шифнеръ помѣстилъ въ «Мемуарахъ Имп. Акад. наукъ» самые обстоятельные отчеты о трудахъ ген. Услара (въ томъ числѣ и объ изслѣдованіи послѣднимъ аварскаго языка). Въ «Отчетахъ» многоуважаемаго академика разъяснены многія свойственныя восточно-горскимъ языкамъ особенности.

Прибавимъ еще, что всѣ изслѣдованные восточно-кавказскіе языки принадлежатъ къ одному семейству. Такъ-какъ оно занимаетъ главнымъ образомъ гористыя мѣстности, то мы, чтобы не повторять часто выраженія: «восточно-кавказскіе языки», будемъ употреблять въ этой статьѣ также выраженія: «восточно-горскіе», «горскіе языки» (включая сюда и удинскій языкъ, принадлежащій тоже къ семейству восточно-горскихъ языковъ).

Теперь приступимъ къ ознакомленію нашихъ читателей съ послѣднимъ лингвистическимъ трудомъ ген. Услара. Этотъ трудъ, озаглавленный: «Языкознаніе. Кюринскій языкъ», занимаетъ 850 стр. in 4^0 и распадается, по примѣру прежнихъ лингвистиче-

скихъ трудовъ, на слѣд. отдѣлы: а) азбука (составленная изслѣдователемъ кюринскаго языка), б) территорія языка, в) фонетика, г) очеркъ грамматическаго строенія (отъ 33 до 344 стр.), д) образчики языка съ грамматическимъ разборомъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ и е) сборникъ кюринскихъ словъ (занимающій почти половину книги). Новый трудъ, по своему объему, превосходитъ всѣ прежніе лингвистическіе труды П. К. Услара, взятые порознь; онъ изобилуетъ примѣрами, знакомящими наглядно съ грамматическими свойствами языка и его оригинальною конструкціею. Вотъ внѣшняя сторона труда. Говорить о добросовѣстности исполненія его и о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчалъ многоуважаемый лингвистъ при изученіи кюринскаго языка (изобилующаго тоже, какъ и прочіе восточно-горскіе языки, оригинальными звуками для европейскаго уха и представляющаго много грамматическихъ особенностей), считаемъ совершенно излишнимъ дѣломъ. Означеннымъ трудомъ П. К. Усларъ завершилъ десятилѣтіе своей дѣятельности по изученію восточно-горскихъ языковъ. Плоды этой дѣятельности—объемистые и весьма цѣнные труды о языкахъ чеченскомъ, аварскомъ, лакскомъ (казикумухскомъ), хюркилинскомъ (даргинскомъ нарѣчіи) и кюринскомъ. Благодаря этимъ трудамъ, изслѣдованы языки почти полумилліоннаго горскаго разноязычнаго населенія. Дѣло изученія восточно-горскихъ языковъ значительно подвинулось впередъ, и, Богъ дастъ, оно и будетъ завершено нашимъ кавказскимъ многочтимымъ лингвистомъ, стяжавшимъ уже себѣ славное имя въ исторіи языкознанія.

Академикъ Шифнеръ, знакомящій постоянно ученый міръ съ лингвистическою дѣятельностью ген. Услара, помѣстилъ въ 1873 г. въ Мемуарахъ Имп. Акад. наукъ (VII série, t. XX, № 2) весьма обстоятельный отчетъ объ означенномъ трудѣ П. К. Услара (Ausführlicher Bericht über Baron P. von Uslar's Kürinische Studien). Въ «Отчетѣ» сжато, но тѣмъ не менѣе обстоятельно, сгруппированы фонетическія особенности разсматриваемаго языка; далѣе, отъ строго-грамматическаго очерка отдѣлены примѣры употребленія разныхъ грамматическихъ формъ. Въ сборникѣ словъ, приложенномъ къ «Отчету», указаны по-большей-части какъ слова заимствованныя, такъ и слова, обнаруживающія ближайшее сродство съ словами восточно-горскихъ языковъ. Въ предисловіи къ своему отчету акад. Шифнеръ указалъ на то обстоятельство, что въ кюринскомъ языкѣ, находившемся подъ про-

должительнымъ вліяніемъ тюрко-адербейджанскаго нарѣчія, обнаруживается борьба туземнаго элемента съ пришлымъ; далѣе, многоуважаемый лингвистъ указалъ на способъ ударенія, свойственный разсматриваемому языку, и на нѣкоторыя другія особенности послѣдняго, какъ, напр., на усиленіе и смягченіе согласныхъ въ концѣ и началѣ слоговъ, на частое появленіе *i* въ односложныхъ словахъ тамъ, гдѣ въ другихъ горскихъ языкахъ стоитъ болѣе сильная гласная.

Въ виду тѣхъ обстоятельствъ, что труды П. К. Услара отлитографированы въ весьма скромномъ количествѣ экземпляровъ и что отчеты акад. Шифнера доступны только небольшому кругу читателей, мы и рѣшились отъ времени-до-времени знакомить, по мѣрѣ нашихъ силъ, массу читающей публики съ трудами П. К. Услара.—Въ настоящихъ нашихъ замѣткахъ мы постараемся, на основаніи изслѣдованій нашего кавказскаго многоуважаемаго лингвиста, указать на главнѣйшія особенности кюринскаго языка, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгнемъ и къ сопоставленію его съ другими восточно-горскими языками.

§ 1. *Населеніе, говорящее кюринскимъ языкомъ*, расположено по обѣимъ сторонамъ средняго и нижняго теченія Самура. Поэтому-то оно и прозвало означенную рѣку «Куланъ-уацъ», т. е. серединною рѣкою. Мѣстность, населенная означеннымъ народомъ, не представляетъ уже того недоступнаго горнаго характера, какимъ отличается Нагорный Дагестанъ. Поэтому неудивительно, что и *кюринскій языкъ* представляетъ гораздо больше единства, нежели другіе, болѣе распространенные горскіе языки Восточнаго Кавказа. П. К. Усларъ находитъ въ поименованномъ языкѣ только два главныхъ нарѣчія: *кюринское и ахтинское*; но и они,—судя по образчику ахтинскаго нарѣчія, помѣщенному въ трудѣ ген. Услара,—такъ мало разнятся между собою, что такъ-называемое ахтинское нарѣчіе можетъ быть скорѣе названо говоромъ, нежели особеннымъ нарѣчіемъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на лингвистическое единство кюринскаго языка, ни языкъ этотъ, ни народъ, на немъ говорящій, не носили и не носятъ одного, опредѣленнаго наименованія. Называютъ, правда, всѣ кюринцы себя лезгинами; но это наименованіе, данное вообще всѣмъ жителямъ Дагестана, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ пріурочено исключительно къ означенному народу. Причины, по которой этотъ

народъ не выработалъ для себя одного общаго названія, надо искать въ его прежней политической разобщенности: въ-старину входилъ онъ въ составъ трехъ, можно сказать, политическихъ отдѣловъ: одинъ изъ нихъ, расположенный въ бассейнѣ средняго теченія Самура, состоялъ изъ трехъ, независимыхъ почти до позднѣйшаго времени, обществъ, изъ которыхъ главнымъ считалось ахтинское; другой, простирающійся къ сѣверу отъ нижняго теченія Самура, вошелъ, послѣ различныхъ переворотовъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія главнымъ образомъ въ составъ Кюринскаго ханства, а третій, лежащій къ югу отъ нижняго теченія Самура, входилъ въ составъ Кубинскаго ханства. Если примемъ во вниманіе прежнюю политическую разрозненность разсматриваемаго народа и то обстоятельство, что въ-старину лингвистическое единство играло въ народной жизни менѣе значительную роль, то и будетъ понятно, почему ни означенный народъ, ни языкъ его не носили одного, опредѣленнаго названія. Въ настоящее время этотъ народъ входитъ главнымъ образомъ въ составъ трехъ административныхъ отдѣловъ: Самурскаго и Кюринскаго округовъ, расположенныхъ въ южномъ Дагестанѣ, и Кубинскаго уѣзда, составляющаго часть Бакинской губерніи. Такъ-какъ самое значительное число означеннаго народа живетъ въ Кюринскомъ округѣ, то П. К. Усларъ принялъ условное названіе «кюринскій» для языка этого народа. Замѣтимъ также, что ген. Усларъ изучилъ нарѣчіе, употребляемое въ Кюринскомъ округѣ.

Не вдаваясь въ обстоятельное обозначеніе мѣстностей, занимаемыхъ этимъ народомъ, сдѣланное г. Усларомъ въ его трудѣ и перепечатанное въ VI вып. «Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ» и въ VIII кн. «Записокъ Кавк. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общества», укажемъ, только въ общихъ чертахъ, на *территорію языка* и на предѣлы распространенія его. Итакъ, во-первыхъ, кюринскимъ языкомъ говорятъ въ восточной части Самурскаго округа аулы, расположенные къ сѣв. и югу отъ средняго теченія Самура, начиная отъ аула Кюлитаръ (на картѣ Кавказа «Кюлютль»), находящагося въ 20-ти верстахъ внизъ по рѣкѣ отъ аула Рутула. Аулъ Кюлитаръ представляетъ крайнюю западную оконечность распространенія кюринскаго языка. Во-вторыхъ, кюринскій языкъ болѣе всего распространенъ къ сѣверу отъ нижняго теченія Самура, въ полосѣ, образующей такъ-называемое Кюрѣ (коренную кюринскую землю) и занимающей бо́льшую часть бассейна Чирахъ-су и Курахъ-чая. Въ верховьяхъ означенныхъ

рѣкъ прекращается кюринскій языкъ. Къ сѣверу, въ Южной Табасарани, по Карчагъ-су разбросано нѣсколько кюринскихъ ауловъ, изъ которыхъ Манкулди-хюръ (Имаглы) составляетъ крайній сѣверный предѣлъ распространенія кюринскаго языка. Въ-третьихъ, кюринцы составляютъ преобладающее, въ численномъ отношеніи, населеніе въ полосѣ земли, простирающейся къ югу отъ нижняго теченія Самура почти до самаго города Кубы. Кюринскій языкъ переходитъ и черезъ главный Кавказскій хребетъ: въ Нухинскомъ уѣздѣ, входящемъ въ составъ Елисаветопольской губ., есть нѣсколько кюринскихъ ауловъ, а въ числѣ ихъ сел. Филифаръ (на картѣ Кавказа «Филифли») можетъ быть принято за южный предѣлъ распространенія кюринскаго языка. Къ востоку этотъ языкъ доходитъ до Каспійскаго моря: кюринскій аулъ Фаргатъ находится у самаго устья южнаго рукава Самура. Итакъ, территорія кюринскаго языка, сравнительно съ территоріею языковъ сосѣднихъ горскихъ народовъ, занимаетъ довольно значительное пространство.

Число кюринскаго населенія. Цифры народонаселенія, вслѣдствіе существующихъ въ краѣ способовъ собиранія статистическихъ данныхъ, могутъ быть только приблизительно вѣрны. Не надо упускать изъ виду и того обстоятельства, что цифры, показывающія численность горскаго населенія, относятся не къ послѣднему времени. Самые распространенные дагестанскіе языки: аварскій, даргинскій (къ которому относится и хюркилинское нарѣчіе) и кюринскій. Число аварскаго населенія простиралась, по официальнымъ показаніямъ, въ 1868 г. до 96,000; даргинскими нарѣчіями говорятъ, по приблизительному исчисленію П. К. Услара, около 90,000 человѣкъ (полагая по $4^1/_2$ души на дворъ). Г. Усларъ насчиталъ 13,349 дворовъ въ Дагестанѣ, говорящихъ по-кюрински. Положивъ на дворъ по $4^1/_2$ души, получимъ 60,070— цифру кюринскаго населенія въ Дагестанѣ. Въ статьѣ г. Комарова «Народонаселеніе Дагестанской области», кюринскихъ дворовъ значится 14,126 (79,823 души) *). Г. Зейдлицъ, въ своемъ «Описаніи Бакинской губ.», насчиталъ въ Кубинскомъ уѣздѣ 28,641 жителей обоего пола, говорящихъ по-кюрински. Не придавая рѣшающаго значенія двумъ послѣднимъ вычисленіямъ, какъ основаннымъ на показаніяхъ сельскихъ властей, мы все-таки

*) См. VIII кн. «Записокъ Кавк. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общества», стр. 21.

должны предположить, что число кюринскаго населенія превышаетъ цифру 80,000.

§ 2. Теперь укажемъ на тѣ *языки, область которыхъ соприкасается съ территоріею, занимаемою кюринскимъ языкомъ.* На первомъ планѣ мы должны помѣстить удинскій языкъ, уцѣлѣвшій,—сколько извѣсто,—въ двухъ деревняхъ Нухинскаго уѣзда. Изъ нихъ дер. Варташенъ находится въ близкомъ разстояніи отъ кюринскаго селенія Филифаръ. Удинскій языкъ, принадлежащій къ семейству восточно-горскихъ языковъ, изъ изслѣдованныхъ языковъ ближе всего подходитъ къ кюринскому: въ немъ тоже нѣтъ родовъ, которые играютъ весьма важную роль въ прочихъ восточно-горскихъ языкахъ. Болѣе близкое сродство удинскаго языка съ кюринскимъ обнаруживается и въ фонетическомъ отношеніи. Поспѣшимъ, однако, замѣтить, что сродство ихъ далеко не такое, какое представляютъ между собою языки чеченскій и такъ-называемый тушскій (цовскій). Что-же касается другихъ горскихъ языковъ, граничащихъ съ территоріею кюринскаго языка, то замѣтимъ, что въ верхнемъ теченіи Самура распространены языки рутульскій, или михетскій, и цахурскій (правильнѣе цахюрскій) *), названные такъ по имени болѣе значительныхъ ауловъ; далѣе, въ верхнихъ теченіяхъ Курахъ-чая и Чирахъ-су преобладаетъ агульскій языкъ, а къ сѣверу отъ Кюрѐ (коренной кюринской земли)—табасаранскій. Г. Комаровъ замѣчаетъ, что языки рутульскій и цахурскій близки къ кюринскому, а агульскій—къ табасаранскому **). Это мнѣніе основано только на показаніяхъ туземцевъ и не провѣрено еще научными изслѣдованіями. П. К. Усларъ замѣчаетъ, что записанныя имъ агульскія личныя мѣстоименія и числительныя представляютъ нѣкоторое сродство съ кюринскими. Въ сборникѣ словъ, приложенномъ акад. Шифнеромъ къ его «Versuch über die Sprache der Uden», помѣщено нѣсколько табасаранскихъ словъ, представляющихъ поразительное сродство съ соотвѣтствующими имъ либо кюринскими, либо удинскими словами. Но на основаніи только подобныхъ данныхъ нельзя еще выводить заключеній о сродствѣ языковъ. Нерѣшеннымъ покамѣстъ остается и вопросъ о сродствѣ съ кюринскимъ языкомъ нарѣчій, употребляемыхъ на юго-западѣ Кубинскаго уѣз-

*) По транскрипціи П. К. Услара — *бӕхӱр* (по-кюрин. *хӱр* значитъ — селеніе, аулъ).

**) «Народонаселеніе Дагестанской области», стр. 19—21.

да, въ селеніяхъ: Хиналугѣ, Будухѣ и Крызѣ. Лингвистическія изысканія, предпринятыя въ послѣднее время П. К. Усларомъ, прольютъ, по всей вѣроятности, не мало свѣта и на группу юго-восточныхъ горскихъ языковъ.

Къ Ю. и по-большей-части къ В. отъ территоріи, занимаемой кюринцами, расположилось съ давнихъ поръ, чуждое горцамъ по языку, населеніе, говорящее тюрко-адербейджанскимъ нарѣчіемъ. Оно проникло и въ нѣкоторыя мѣстности кюринской территоріи. Благодаря этому обстоятельству, а также политическому преобладанію въ прежнія времена татарскаго элемента, тюрко-адербейджанское нарѣчіе значительно распространено въ странѣ, населенной кюринцами. Подъ болѣе сильнымъ вліяніемъ и подъ гнетомъ означеннаго населенія находились удины, перешедшіе съ отдаленныхъ временъ въ Закавказье и успѣвшіе уже почти совершенно отатариться. Кюринцы находились въ лучшемъ положеніи, но тѣмъ не менѣе тюрко-адербейджанское нарѣчіе произвело довольно сильное вліяніе и на кюринскій языкъ: болѣе половины словъ, собранныхъ П. К. Усларомъ, оказывается либо тюркскими и персидскими, либо арабскими. Подъ вліяніемъ тюрко-адербейджанскаго нарѣчія выработались, вѣроятно, и нѣкоторыя особенности въ звуковой системѣ разсматриваемаго языка. Несмотря на все это, кюринскій языкъ сохранилъ основные фонетическіе и грамматическіе законы, свойственные вообще восточно-горскимъ языкамъ.

§ 3. Приступимъ теперь къ очерку разсматриваемаго языка. Начнемъ съ обзора *звуковъ, свойственныхъ кюринскому языку*. По количеству звуковъ кюринскій языкъ не уступаетъ ни одному изъ изслѣдованныхъ восточно-горскихъ языковъ: кюринская азбука, составленная П. К. Усларомъ, представляетъ 49 начертаній, изъ которыхъ каждое выражаетъ отдѣльный звукъ. Кромѣ того, въ ахтинскомъ нарѣчіи есть еще одинъ, особый звукъ. Поспѣшимъ, однако, замѣтить, что нѣкоторые звуки зашли въ разсматриваемый языкъ изъ тюрко-адербейджанскаго нарѣчія и попадаются въ тюркскихъ и арабскихъ словахъ, другіе—встрѣчаются вообще весьма рѣдко. Есть и такіе звуки, которые не отличаются большою опредѣлительностью. Представимъ *начертанія кюринскихъ звуковъ* *).

*) Этотъ отдѣлъ статьи составляетъ дополненіе къ нашей статьѣ «Кавказско-горскія письмена», помѣщенной въ V выпускѣ «Сборника свѣдѣній о

Вотъ они:

Гортанные: *х; һ, ҡ, ҟ, ҕ; г, ӷ, ӡ; к, ԟ, ҝ, ҩ, ќ, к̈.*

Шипящіе: *с, ш; ц, ҵ, ҵ́; ч, ч́, ҷ; з, ж, з̌, ђ.*

Зубные: *д, т, ҭ, ҫ* и *н.*

Плавные: *р, л* и *j.*

Губные: *w, в, б, п, п́, ҧ, ф* и *м.*

Гласные: *а, е, і, о, у; æ, ӱ.*

Ахтинскій звукъ—*ў.*

Какъ видно изъ этого перечня звуковъ, самое большое ихъ число относится, какъ и въ другихъ восточно-горскихъ языкахъ, къ разрядамъ гортанныхъ и шипящихъ.

Въ числѣ 14 гортанныхъ звуковъ находимъ: одно *х*, 4 *h*, 3 *г* и 6 *к*. — Кюринское *х* соотвѣтствуетъ аварскому *х̈*, т. е. произносится съ хрипѣніемъ.—Категорія *h*: *һ, ҡ, ҟ* и *ҕ.* «Они», говоритъ составитель кюринскаго алфавита, «произносятся, какъ аварскія буквы того-же начертанія, т. е. первая имѣетъ слабое придыханіе и идетъ прямо изъ груди, вторую (*ҡ*) нашъ слухъ съ трудомъ отличаетъ отъ простаго русскаго *х*; *ҟ* имѣетъ нѣсколько гортанный звукъ», а послѣдняя — это арабское ع. При этомъ нужно замѣтить, что *ҟ* встрѣчается только въ арабскихъ словахъ (П. К. Усларъ нашелъ этотъ звукъ лишь въ одномъ кюринскомъ словѣ),—не всѣ кюринцы отличаютъ его отъ обыкновеннаго *һ.* *ҕ* (ع) встрѣчается тоже исключительно въ арабскихъ и тюркскихъ словахъ, зашедшихъ въ кюринскій языкъ. — Категорія *г*: *г, ӷ* и *ӡ.* «*г* выговаривается, какъ г въ великороссійскомъ языкѣ въ словахъ: городъ, гора; *ӷ* соотвѣтствуетъ малороссійскому выговору въ тѣхъ-же словахъ; *ӡ* выговаривается такъ-же, какъ и *ӷ*, но тутъ примѣшивается рѣзкій гортанный звукъ».—Категорія *к*: *к, ԟ, ҝ, ҩ, ќ* и *к̈.* Первыя четыре *к* извѣстны изъ другихъ горскихъ азбукъ (*ԟ* —это *к* съ придыханіемъ, *ҝ* произносится

Кавказскихъ горцахъ». Подобное дополненіе мы уже разъ сдѣлали въ VI вып. того-же Сборника.

гортанно, а *q*—это глубоко-гортанное *к*). Нужно только замѣтить, что «кюринское *ю* произносится какъ-бы двойное русское или аварское *к*, т. е. какъ-бы написано было *кк*,—чистаго русскаго *к* нѣтъ въ кюринскомъ языкѣ». Что-же касается двухъ остальныхъ *к*, то «*ю́* произносится такъ, какъ-бы написано было по-аварски *юh*, но тверже; по-русски приблизительно этотъ звукъ слѣдовало-бы переписать черезъ *ккх*; *к̃* выговаривается такъ, какъ-бы написано было по-аварски *кз*». Въ-заключеніе надо прибавить, что «различіе между кюринскими *к* не такъ опредѣлительно, какъ въ аварскомъ языкѣ, и потому въ иныхъ аулахъ нѣкоторыя изъ перечисленныхъ *к* взаимно смѣшиваются». Какъ видно изъ всего вышесказаннаго, система гортанныхъ звуковъ въ кюринскомъ языкѣ развита слабѣе, чѣмъ въ аварскомъ.

Шипящихъ звуковъ въ кюринскомъ языкѣ 12. Въ числѣ ихъ оказывается три *ц*: *ц*, *ƒ*, *ƒ* (въ аварскомъ — 4 *ц*). «Они произносятся такъ-же, какъ аварскія буквы того-же начертанія; но различіе между *ц* и *ƒ* въ кюринскомъ языкѣ менѣе ощутительно, чѣмъ въ аварскомъ» («авар. *ƒ* произносится тоньше и, такъ сказать, осторожнѣе, чѣмъ русское *ц*». «При произношеніи аварск. *ƒ* языкъ просовывается между зубами, но почти не касается верхнихъ зубовъ»). Въ кюринскомъ языкѣ находимъ и три *ч*: *ч*, *ч́*, *ƒ* (въ аварскомъ языкѣ ихъ 4). Первое и третье *ч* извѣстны изъ другихъ горскихъ азбукъ («*ч* есть русское или аварское *ч*, *ƒ* имѣетъ звукъ аварской буквы того-же начертанія, т. е произносится съ особенно сильнымъ напряженіемъ»). *ч́* есть звукъ промежуточный между русскимъ *ч* и аварскимъ *ч̃*,— это есть какъ-бы не вполнѣ удвоенное, полуторное *ч*». Въ числѣ шипящихъ есть двѣ, чуждыя аварскому и по-большей-части восточно-горскимъ языкамъ, а именно: *ʒ* (выражающая приблизительно сочетаніе *д* и *з*) и *ʒ̃* (подходящая къ сочетанію *д* и *ж*); но звукъ, выраженный первою, рѣдко попадается въ кюринскомъ языкѣ.

По разряду зубныхъ звуковъ нужно замѣтить, что *ɱ* есть *т* съ придыханіемъ, — оно встрѣчается во всѣхъ восточно-горскихъ языкахъ. Въ кюринскомъ языкѣ есть еще звукъ, изображенный П. К. Усларомъ посредствомъ *ч*. «Онъ произносится при

сильнѣйшемъ прижиманіи языка къ зубамъ, чѣмъ *т*, слѣд. далѣе отстоитъ отъ *д*, чѣмъ *т*». Что касается до *н*, то «оно, находясь въ концѣ слога или даже впереди согласной, имѣетъ рѣзкій носовой звукъ, болѣе подходящій къ тюркскому ڭ сагиръ-нунъ, чѣмъ къ французскому *n* nasal».

Плавная *л* произносится, какъ и въ другихъ горскихъ языкахъ, т. е. мягче, чѣмъ русское *лъ*, но тверже французскаго *l*.

Приступимъ теперь къ разсмотрѣнію губныхъ звуковъ, системою которыхъ кюринскій языкъ отдѣляется отъ языковъ Нагорнаго Дагестана, приближаясь болѣе всего въ этомъ отношеніи къ удинскому языку. Губныя играютъ незначительную роль вообще въ восточно-горскихъ языкахъ: звукъ *ф* имъ чуждъ, *п* встрѣчается рѣдко, еще рѣже попадается *ҙ* (т. е. *п* съ придыханіемъ); аварцы даже щеголяютъ тѣмъ, что въ своей рѣчи выбрасываютъ *б* и *м*. Удинскій языкъ уклоняется въ этомъ отношеніи отъ горскихъ языковъ: въ немъ есть *ф*, часто попадается и *ҙ*. Обратимъ при этомъ вниманіе еще на одно обстоятельство: въ удинскомъ языкѣ губныя иногда встрѣчаются тамъ, гдѣ въ сродныхъ языкахъ являются гортанные звуки. Возьмемъ, напр., слова: *бул* голова (въ табас. *дул*, въ кюрин. *діл*), *ҙул* глазъ (въ хюркил. *ћулі*), *ҙа* два (въ прочихъ горскихъ языкахъ начальный звукъ — *ҙ*, *к* или *д*). Кюринскій языкъ богаче удинскаго губными звуками: въ немъ, кромѣ *б*, *м*, *п* и *ҙ*, есть еще *п́*, при произношеніи котораго крѣпко сжимаются губы (въ удинскомъ языкѣ, по показанію А. П. Берже, подобный звукъ встрѣчается въ одномъ только словѣ), попадается часто и *ф*, которое встрѣчается иногда тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ находится гортанный звукъ (*фін* сѣмя — въ аварск. *ћон*, въ лакск. *ћанда*; *фур* яма—въ хюркил. *кур*, въ удин. яз. *ҙур*). Еще чаще употребляется этотъ звукъ въ ахтинскомъ нарѣчіи. Далѣе, *в* встрѣчается весьма рѣдко: на тысячу кюринскихъ словъ П. К. Усларъ отыскалъ этотъ звукъ лишь въ шести словахъ. Зато въ кюринскомъ языкѣ весьма часто встрѣчается *w*. Звукъ, выражаемый этою буквою, составляетъ бѣглый переходъ отъ *у* къ *в* (означенный звукъ находится и въ хюркилинскомъ языкѣ).

Восточно-горскіе языки вообще бѣдны гласными звуками,— въ алфавитахъ г. Услара ихъ обыкновенно только пять: *а*, *е*, *і*,

o, *y*. Въ хюркилинскомъ алфавитѣ, кромѣ этихъ пяти начертаній, имѣется еще буква *æ*, выражающая промежуточный звукъ между *a* и *e* и соотвѣтствующая англійскому *a* въ словахъ: and, fat. Исключеніе, относительно системы гласныхъ, представляетъ удинскій языкъ: если вѣрить показаніямъ лицъ, доставлявшихъ акад. Шифнеру лингвистическіе матеріалы по удинскому языку, то въ послѣднемъ находится 12 гласныхъ звуковъ, а въ числѣ ихъ три *a*, три *o* и столько-же *y*. Нѣкоторые звуки подходятъ къ звукамъ, имѣющимся въ тюрко-адербейджанскомъ нарѣчіи. Во всякомъ случаѣ, можно, кажется, предположить, что система гласныхъ звуковъ въ удинскомъ языкѣ выработалась подъ вліяніемъ означеннаго нарѣчія. Что касается кюринскаго языка, то онъ, по количеству гласныхъ звуковъ, бѣднѣе удинскаго, но богаче всѣхъ прочихъ восточно-горскихъ языковъ: въ немъ, кромѣ пяти гласныхъ, общихъ всѣмъ горскимъ языкамъ, имѣется и *æ*, свойственное хюркилинскому языку, и *ÿ*, произносимое, какъ французское *u* въ словѣ utile. Сверхъ того, въ ахтинскомъ нарѣчіи находится и *ў*, выражающее звукъ промежуточный между *y* и *ÿ*. Замѣтимъ еще, что *e* встрѣчается только въ нѣсколькихъ словахъ,—сами кюринцы замѣняютъ этотъ звукъ посредствомъ *y*.— Итакъ, кюринскій языкъ, представляющій, по развитію въ немъ системы гортанныхъ и шипящихъ звуковъ, много общаго съ языками Нагорнаго Дагестана, подходитъ своею системою губныхъ и гласныхъ звуковъ къ удинскому языку. Упомянемъ также и о томъ, что въ разсматриваемомъ языкѣ имѣется нѣсколько звуковъ, свойственныхъ хюркилинскому языку.

Слѣдуетъ ознакомиться и съ *Шифнеровскою транскрипціею кюринскихъ звуковъ*. Кюринская азбука многоуважаемаго академика имѣетъ много общаго съ прежними его латино-горскими алфавитами (см. IV таблицу, приложенную къ нашей статьѣ «Кавказско-горскія письмена»). Обратимъ здѣсь вниманіе только на начертанія нѣкоторыхъ звуковъ. Что касается гласныхъ, то *æ* изображено у г. Шифнера посредстомъ ä, *ÿ* — посредствомъ ü, звукъ-же ахтинскій *ў* изображенъ посредствомъ *u* съ точкою внизу. Что касается начертанія согласныхъ звуковъ, то *ƨ* изображено посредствомъ ġ, *ɜ*—посредствомъ g, *ƙ*—посредствомъ h. Поставивъ сверху, съ правой стороны, вертикальную черточку, получимъ

букву, соотвѣтствующую *h*. Далѣе, *k* въ шифнеровскихъ алфавитахъ изображено посредствомъ х. Поставивъ сверху, справа, черточку, получимъ букву, однозначущую съ *k̆*. *ꝁ* является въ алфавитахъ г. Шифнера въ видѣ k̆. Помѣстивъ подъ этимъ *к* точку, получимъ начертаніе, соотвѣтствующее буквѣ *ḱ*. *ꝁ* изображено посредствомъ ċ. Поставивъ сверху надъ шифнеровскимъ ċ (ч) черточку, получимъ начертаніе, соотвѣтствующее усларовскому *ć*. *c* изображено посредствомъ *t* съ точкою внизу, *ń*—посредствомъ *p* съ черточною на-верху, *w* имѣетъ тоже начертаніе, а буквѣ *b*—соотвѣтствуетъ *v*.

§ 4. Укажемъ теперь на главнѣйшія *фонетическія свойства* разсматриваемаго языка.

Обратимъ сначала вниманіе на *удареніе*, играющее довольно важную роль въ кюринскомъ языкѣ. Здѣсь замѣтимъ, что удареніе не менѣе важную роль играетъ и въ аварскомъ языкѣ. Въ лакскомъ языкѣ оно, по замѣчанію П. К. Услара, «не всегда явственно и часто измѣняется, смотря по тому или другому настроенію рѣчи». Но въ этомъ языкѣ «весьма ощутительно различіе между гласными долгими и короткими,—оно не рѣдко обозначаетъ собою различіе грамматическихъ формъ» (мы укажемъ еще на это явленіе). Различіе между долгими и короткими гласными ощутительно въ языкахъ хюркилинскомъ и чеченскомъ.— Возвратимся къ ударенію въ кюринскомъ языкѣ. Оно въ этомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ передвигается съ одного слога на другой. Это передвиженіе не рѣдко влечетъ за собою замѣну слабой гласной сильною и, наоборотъ, сильной слабою. Такъ, напр., если удареніе переходитъ на гласную корня, то въ приставкѣ происходитъ измѣненіе слабой гласной въ сильную и, наоборотъ, при передвиженіи ударенія на гласную въ приставкѣ или въ окончаніи, предшествующая гласная превращается въ слабую (подобное явленіе происходитъ и въ аварскомъ языкѣ. На это указалъ акад. Шифнеръ въ своемъ «Ausführlicher Bericht über B. P. von Uslar's Awarische Studien,» S. V). Дальше, если удареніе падаетъ на второй слогъ, то нѣкоторыя гласныя, находящіяся въ предъидущемъ слогѣ, произносятся весьма бѣгло, почти неуловимо для слуха. Случаи этихъ явленій укажутся дальше.

Затѣмъ перейдемъ къ кюринскимъ *гласнымъ*. Относительно

ихъ замѣтимъ, что а) кюринскій языкъ, какъ почти всѣ восточно-горскіе языки, избѣгаетъ встрѣчи двухъ гласныхъ. Если въ одномъ и томъ-же словѣ встрѣтятся двѣ гласныя, то для раздѣленія ихъ вводится *j*; напр., *баба* отецъ—*баба-j-ар* отцы. Если-же въ рѣчи одно слово начинается съ *а*, а предъидущее оканчивается на гласную, то означенное *а* отбрасывается и оба слова сливаются въ одно (вм. *ам гwале ава* онъ находится дома—говорится *ам гwалеwа*).

б) Въ кюринскомъ языкѣ развита конкордація гласныхъ (Vocalharmonie), состоящая въ томъ, что гласная приставокъ склоненій и спряженій находится въ зависимости отъ гласной корня, т. е. сильная гласная, находящаяся въ корнѣ, требуетъ тоже сильной гласной и въ приставкѣ, а слабая гласная—слабой. Сильныя гласныя: *а* и *у*, слабыя—всѣ остальныя (*æ, е, і, ÿ*). Примѣры: *фур* яма, твор. *фург*у, мѣст. падежъ *фура* (въ ямѣ), *фурар* ямы; *wіл* глазъ, твор. *wілі*, мѣст. падежъ *wіле*, имен. множ. *wілер*. Это явленіе обнаруживается и въ глаголахъ (въ образованіи прошедшаго времени, дѣепричастій). Свойство это, привитое, вѣроятно, тюрко-адербейджанскимъ нарѣчіемъ, нарушается главнымъ образомъ перестановкою ударенія на предшествующій слогъ, причемъ въ приставкѣ происходитъ измѣненіе слабой гласной въ сильную. Примѣры: *гѣр* посъ, твор. *гѣрг*у, мѣст. падежъ *гѣра*, имен. множ. *гѣрар*; *геӄ* шелкъ, имен. множ. *геӄар*, *сіл* человѣкъ *сілар* люди.

в) Гласныя корня подвержены измѣненіямъ; такъ, напр., *а* переходитъ въ *æ*, *æ* въ *е*, *о* въ *у*. Чаще всего измѣняются гласныя не только слабыя, но и сильныя, въ *і*. Нерѣдко эти превращенія обусловливаются передвиженіемъ ударенія на слѣдующій слогъ. Примѣры *гъмір—сімір* не былъ, *ӄар* загороженное мѣсто для скота — имен. множ. *ӄъар*, *ӄар* дѣло — *ӄіръар* дѣла. Буква *у* обнаруживаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ стремленіе къ переходу въ *і*; такъ, напр., въ окончаніяхъ косвенныхъ падежей множественнаго числа вмѣсто *у* употребляется и *і* (можно сказать: *сіцjаргу* и *сіцjарі* блюдами, *сіцjаргун* и *сіцjарін* блюдъ и т. д.).

Вообще *і* играетъ важную роль въ кюринскомъ языкѣ: оно, по замѣчанію акад. Шифнера, является въ этомъ языкѣ тамъ, гдѣ въ другихъ горскихъ языкахъ находится болѣе сильная гласная. Примѣры: *ріӡ* сердце—въ авар. языкѣ *раӡ*, въ лак. *даӡ*, *ніл* глазъ—въ хюркил. *кулі*, *ділъ* голова—въ табасар. *дул*, *ніӡ* ярмо—въ хюркил. *дуӡ*.

§ 5. Что касается *согласныхъ*, то онѣ: а) подвержены измѣненіямъ въ соотвѣтственныя сильныя (чаще всего), или-же слабыя. Болѣе всего происходитъ усиленіе конечной согласной, какъ-то: переходъ *г* въ *к* (*серг* чеснокъ — имен. множ. *серкер*), *з* въ *к̆* (*раз* солнце — *рак̆ар*), *к* въ *к̆*, *з* въ *ц* (*мез* языкъ—*мецер*), *д* въ *т* (*зуд* кулакъ—*зутар*), *б* въ *п* (*јаб* ухо—*јапар*) и т. д. Происходятъ (гораздо рѣже): ослабленіе конечной согласной, усиленіе конечной согласной и въ то-же время ослабленіе начальной согласной (*туд* горло — *тутер*), или, наоборотъ, усиленіе той и другой (*дуд* зима—*кутер*).

б) Ассимиляція согласныхъ, въ противоположность удинскому языку, слабо развита въ кюринскомъ языкѣ. П. К. Усларъ указалъ на случай ассимиляціи въ числительномъ *к̆анні сад* вм. *к̆адні сад* двадцать и одинъ (*ні* значитъ *и*). Акад. Шифнеръ указалъ на нѣсколько существительныхъ, въ которыхъ передъ окончаніемъ косвенныхъ падежей вставляется согласная, находящаяся въ началѣ корня (*ӡін* геній—твор. *ӡін-ӡ-і*, *ӡар* строка — твор. *ӡар-ӡ-і*, *цал* бурдюкъ—твор. *цал-ц-і* и т. д. и т. д.). Гораздо чаще, по нашему мнѣнію, подобная ассимиляція обнаруживается въ окончаніи повелительнаго наклоненія: *кун* пить—повел. *ку-к*, *хун—ху-х*, *іг̆ін—іг̆і-г̆*, *гатун—гату-т*, *атӡун—атӡу-тӡ*, *аӡун—аӡу-ӡ*, *іӡін—іӡі-ӡ*, *рушун—рушу-ш* и т. д.

в) Въ тюркскихъ языкахъ существуетъ соотношеніе между извѣстными согласными и гласными. Это явленіе, по мнѣнію акад. Шифнера, обнаруживается и въ кюринскомъ языкѣ по отношенію отрицательныхъ приставокъ *т*, *с*, *д* къ извѣстнымъ гласнымъ. П. К. Усларъ въ своемъ трудѣ (§ 10) указалъ на то, что

Р. 193338
Библиотека
им. К. Маркса

д встрѣчается впереди гласныхъ: *а, æ, е,* но не находится впереди *і, у, ӱ; т* — наоборотъ, а *г* попадается впереди всѣхъ этихъ гласныхъ.

г) Обратимъ вниманіе на нѣсколько согласныхъ, служащихъ, повидимому, для смягченія извѣстныхъ звуковъ.

Въ числѣ этихъ согласныхъ, по нашему мнѣнію, самую видную роль играетъ звукъ, изображенный посредствомъ *w*. Этотъ звукъ, составляющій бѣглый переходъ отъ *у* къ *в*, чаще всего встрѣчается послѣ извѣстныхъ гортанныхъ, а именно: послѣ всѣхъ *к, г* и послѣ *х*. Такъ-какъ онъ обнаруживаетъ ближайшее сродство съ *у*, то и исчезаетъ передъ *у*; напр. *маʒw* сказка — твор. *маʒуні* (передъ другими буквами онъ опять возстановляется: *маʒwар* сказки). Рѣдко встрѣчается и въ тѣхъ словахъ, въ окончаніи которыхъ передъ одною изъ означенныхъ гортанныхъ стоитъ *у* (*jуд* середина, *мурќ* ледъ, *дуллух* жалованье и т. д. Въ именительномъ-же множественнаго передъ окончаніемъ *ар* является *w*: *jудwар, мурќwар, дуллухwар*). Иногда въ именит. единственнаго числа, въ односложныхъ словахъ, встрѣчается дважды *w*, въ сопровожденіи гортанной, напр., въ словѣ *ќwаќw* червякъ. Тогда въ производныхъ падежахъ начальное *wа* превращается въ *у*. Итакъ, имен. множ. отъ *ќwаќw*— *ќуќwар* вм. *ќwаќwар* (попадаются, впрочемъ, и исключенія: *дwардw—дwардwар*). *wа* превращается въ *у* и въ предложеніяхъ: *г̆ума* вм. *г̆wа ама* остаюсь около, *ќума* вм. *ќwа ама* остаюсь подъ. При сочетаніяхъ *w* съ одною изъ вышеозначенныхъ гортанныхъ, законъ конкордаціи гласныхъ обнаруживается въ полной своей силѣ: *луӄ* рабъ — *луӄwар, нӱӄ* воробей—*нӱӄwер, маʒw* сказка—*маʒуні, маʒwар, мæʒw* жолудь—*мæʒӱні, мæʒwер*. Поэтому и *wа* измѣняется въ *у*, а *wе*—въ *ӱ*, и наоборотъ.—Вообще *w* звукъ, можно сказать, полугласный и полусогласный, встрѣчается весьма часто

въ кюринскомъ языкѣ. Онъ встрѣчается, во-первыхъ, въ окончаніи словъ тамъ, гдѣ въ другихъ горскихъ языкахъ находится одна изъ гортанныхъ. Примѣры: *мæзw* жолудь—въ удин. *мæх*, въ хюркилин. *міř*, въ авар. *міæх*; *назw* слеза — въ удин. *нез*, *назw* саманъ — въ удин. *нед*, *мугw* гнѣздо — въ хюрк. *муда*. Употребляется *w* и въ началѣ словъ, замѣняя собою болѣе твердый звукъ: *wарз* луна — въ лакскомъ *барз*, *wерфї* сладкій — въ чечен. *мерзіц*, *wіш* сто—въ арчин. *беш*, *wаѝ* боровъ — въ удин. *бод*, *wіѝ* ярмо — въ хюрк. *дуц*. Далѣе, *w* приставляется и въ началѣ словъ для смягченія начальнаго гласнаго звука: *wіл* глазъ — въ табасар. *ул*, *wун* ты—въ удин. и арчин. *ун*.

j играетъ, повидимому, подобную-же смягчающую роль; но оно, въ сравненіи съ *w*, встрѣчается довольно рѣдко. *j* употребляется въ началѣ нѣкоторыхъ словъ тамъ, гдѣ въ другихъ горскихъ языкахъ находится согласная: *jаѝ* мясо—въ лакскомъ *діц*, въ туш. *дітх*; *jацw* топоръ — въ чечен. *діз*, въ туш. *дід*, въ лак. *ріц*. Приставляется *j* и въ началѣ словъ для смягченія начальной гласной: *jаф* быкъ — въ удин. *ус*, въ авар. *оф*. Иногда начальное *і*, присоединяя къ себѣ гласную, обращается въ *j*. Возьмемъ, напр., табасаран. слово *іб* ухо — въ кюринскомъ *jаб*. Возьмемъ также кюринское слово *іřін* жать хлѣбъ и производное отъ него слово *jуř* сжатый хлѣбъ. Есть еще одинъ случай употребленія въ началѣ словъ *j* въ соединеніи съ гласною. Но прежде, нежели перейдемъ къ нему, мы должны сдѣлать оговорку. П. К. Усларъ указалъ на нѣсколько словъ, начинающихся съ *j* въ соединеніи съ гласною. Въ падежахъ, производныхъ отъ имен. единств., означенное *j* съ гласною отбрасывается; такъ, напр., *jіс* годъ имѣетъ въ твор. пад. един. числа *са*, въ имен. множ. *сар*, *jоз* день—твор. *ка*, имен. множ. *кар*. Акад. Шифнеръ видитъ въ этихъ и другихъ производныхъ падежахъ искаженныя формы (§§ 20, 35 и 48). Но въ сродныхъ горскихъ

языкахъ въ сооотвѣтственныхъ словахъ не оказывается *j* въ соединеніи съ гласною: *годъ* по-аварски *ҫон*, по-тушски *шо*, по-лакски *шін*; дальше, *день* въ удин. яз. *ʒі* (родит. *ʒінеі*), въ авар. *ҫо*, въ лак. *ҫіні*. Въ виду этого обстоятельства, нельзя-ли скорѣе видѣть въ именительномъ падежѣ единств. числа искаженіе темъ означенныхъ существительныхъ (*са*, *к̆а*)? Эти темы въ именит. падежѣ единств. числа должны-бы представить *с* и *к̆* (или сродное *ʒ*). Невозможность произнести ихъ безъ помощи гласныхъ и вызвала необходимость приставки къ нимъ *j* въ соединеніи съ гласною, а такимъ образомъ и получились слова: *jі-с*, *jо-ʒ*. Если-бы подобное предположеніе можно было принять за истину, то въ такомъ случаѣ, кажется, можно было-бы объяснить и формы повелительнаго наклоненія: *jак* отъ *ҫун* держать и *jіҫ* отъ *ҫін* умереть. На основаніи вышесказаннаго, можно было-бы сдѣлать попытку и объясненія числительнаго, представляющаго, повидимому, совершенно неправильную форму: мы хотимъ сказать о *jӕхҕӱр̣* сорокъ (для смягченія этого слова, образовавшагося вслѣдствіе значительныхъ сокращеній, явилось въ началѣ тоже, кажется, *jӕ*).

Плавная *р* является тоже въ началѣ словъ тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ встрѣчается болѣе твердый звукъ: *рiҕ* сердце—въ лак. *даҕ*, въ туш. *док* (корень *дак*), *рӕк* дорога—въ хюркил. *дӕҫ* (тропинка) и т. д.

Въ удинскомъ языкѣ часто не оказывается означенныхъ смягчающихъ звуковъ, вслѣдствіе чего нѣкоторыя слова имѣютъ крайне-упрощенный видъ. Итакъ, вмѣсто кюринскаго *jаḱ* мясо —въ удин. языкѣ выходитъ *еҫ*, вм. *wiḱ* ярмо—*ȯҫ*, вм. *wун* ты — *ун*, вм. *wуч* (творит. *wічі*) самъ — *іч* (*), вм. *рiҕ* сердце—*ук*, вм. *рӱк* зола—*іҫ*, вм. *руч̆у* шесть — *ӱк*.

---

*) Ради однообразія транскрипціи, мы замѣнили шифнеровско-удинскія буквы соотвѣтствующими имъ усларовскими начертаніями.

§ 6. Въ разсматриваемомъ языкѣ обнаруживается стремленіе къ *сокращенію словъ.*

а) Это сокращеніе происходитъ вслѣдствіе отбрасыванія извѣстныхъ согласныхъ. Такому отбрасыванію чаще всего подвержено *н*: оно отбрасывается въ имен. падежѣ личныхъ мѣстоименій (вм. *зун* я, *чун* мы—обыкновенно говорится *зу, чу*), а также въ родит. падежѣ вообще именъ (вм. *бабадін* отца, *зін* меня—употребляется *бабаді, зі*). *н* выбрасывается и въ серединѣ слова: вм. *дӱнҕ* мышка говорится *дӱҕ*.—Отбрасывается иногда и начальное *ј* въ словѣ *ја* есть: вм. *ѡуѡ ја* кто есть? *ѡуч ја* что есть? говорится: *ѡуѡа*? *ѡуча*?

б) Сокращеніе происходитъ посредствомъ отбрасыванія въ извѣстныхъ случаяхъ и гласныхъ. Такъ, напр., конечная гласная отбрасывается въ мѣстоименіяхъ указательныхъ и притяжательныхъ: вм. *ама* тотъ—говорится *ам*, вм. *зіді* мой—*зід* и т. д. Во-вторыхъ, изъ середины словъ выбрасывается иногда *і*: вм. *іҕічін* ему подобный—употребляется *іҕчін*. Кромѣ того, если въ первомъ слогѣ двухсложныхъ словъ находится *і, у* и *ӱ*, а удареніе падаетъ на слѣдующій слогъ, то означенныя гласныя произносятся почти неуловимо для слуха: *сітха̀* братъ, *луҕ̀ун* сказать, *тӱфѐнг* ружье произносятся почти такъ, какъ если-бы написано было: *стха, лҕун, тфенг*. Въ-третьихъ, выпадаетъ и начальная гласная. Акад. Шифнеръ указалъ на слово *чім* человѣкъ, передѣланное изъ слова *адем*. Укажемъ на слово *муд* надежда, образовавшееся изъ персидскаго *умуд*. Ахтинцы, вм. *ахпа* потомъ, говорятъ *х̀па*.—Мы уже говорили (см. § 4, а) объ отбрасываніи начальнаго *а* въ томъ случаѣ, когда предъидущее слово оканчивается на гласную.

в) Выбрасывается иногда цѣлый слогъ. Это выбрасываніе обыкновенно происходитъ въ дѣепричастіяхъ *јаз* находясь, *ејіз* дѣлаясь (вм. *кісен јаз* хорошъ будучи—говорятъ *кісен-з*, вм. *кіліг ејіз* смотря—*кілігі-з*. Далѣе, вм. *ѡуна* тобою

говорится *на*. Отбрасывается начальный слогъ въ нѣкоторыхъ формахъ глагола *ҭӯн* ѣсть (прошедшее *ҭӯна*)—повелит. *не*, дѣеприч. *нез*.

Сокращеніямъ особенно подверглись нарѣчія времени,—изъ нихъ нѣкоторыя приняли дотого сокращенный видъ, что этимологическое объясненіе ихъ происхожденія дѣлается невозможнымъ.

§ 7. Изъ краткаго, нами сдѣланнаго, очерка кюринскаго языка въ фонетическомъ отношеніи видно, что въ этомъ языкѣ обнаруживается, во-первыхъ, сильное стремленіе къ смягченію звуковъ,—вотъ почему въ немъ часто появляются *і*, *ѡ*, *ј*. Во-вторыхъ, въ этомъ-же языкѣ замѣтно стремленіе и къ сокращенію словъ. Но сказанное нами относилось собственно къ кюринскому нарѣчію. *Ахтинское-же нарѣчіе*, подчиняясь тѣмъ-же грамматическимъ законамъ, что и кюринское, *въ фонетическомъ отношеніи* представляетъ нѣкоторыя, весьма характерныя и интересныя особенности. Въ этомъ нарѣчіи система гортанныхъ и шипящихъ звуковъ развита слабѣе, нежели въ кюрин. нарѣчіи: въ немъ вовсе не оказывается *ř*, которое постоянно замѣняется черезъ *г*, *г* превращается иногда въ *h*, *ӄ* большею частью замѣняется черезъ *к*, а *k* въ нѣкоторыхъ случахъ—чрезъ *х*, вмѣсто *ḱ* иногда встрѣчаются другіе звуки; далѣе, нѣтъ вовсе *ђ* (оно замѣняется то черезъ *ю*, то черезъ *ц*), *з* и *ц* часто смѣшиваются. Что касается зубныхъ звуковъ, то ахтинцы замѣняютъ встрѣчающійся въ окончаніяхъ кюринскихъ склоненій и спряженій звукъ *д* черезъ *з* (вм. *бададі* отцемъ, *ӄанда* нравится—говорятъ: *бабазі*, *ӄанза*). Обратимъ вниманіе еще на одну особенность. Въ разсматриваемомъ нарѣчіи *ф* встрѣчается тамъ, гдѣ его нѣтъ въ кюринскомъ: оно замѣняетъ иногда не только *h* (въ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ и нарѣчіяхъ: *фі* вм. *hі* который? *фіна* вм. *hіна* гдѣ? и т. д.), или *ħ* (*гатфар* вм. *řwатħwар* весна), но даже шипящую *ш* (въ образчикѣ ахтинскаго нарѣчія, помѣщенномъ въ трудѣ П. К. Услара, мы встрѣтили: *фене*

пошелъ вм. *шана*, *кіфеjла* когда возвратился вм. *кішаjла*). Болѣе слабое развитіе въ этомъ нарѣчіи системы согласныхъ звуковъ требуетъ въ немъ и менѣе употребленія смягчающихъ звуковъ. Такъ, напр., *w* въ началѣ словъ замѣняется черезъ *ӱ* (*ӱл* вм. *wіл* глазъ, *ӱрт* вм. *wірт* медъ), а въ концѣ черезъ *г* (*ділiг* вм. *ділiw* у головы; *жанагур* вм. *ђанаwур* волкъ),—оно иногда и исчезаетъ (*гатфар* вм. *ǩwатkwар* весна). Далѣе, смягчающее *j* въ нѣкоторыхъ случаяхъ исчезаетъ (*аб* вм. *jеб* веревка).—Что касается гласныхъ, то замѣтимъ, что *і* не играетъ уже той роли, какую оно играетъ въ кюринскомъ нарѣчіи; такъ, напр., вмѣсто его встрѣчаются иногда *е*, *у* (*неше* вм. *ніше* ремесло, *jус* вм. *jіс* годъ), *е* также является и вмѣсто *а* (*jе* вм. *jа* есть). Еще одна особенность—это долгая гласная *а*: *а* долгое является вмѣсто *æ* въ формахъ мѣстныхъ падежей удаленія (*сікрā* вм. *сікрæ* отъ лисицы). Особенно часто употребляется *ӱ*: оно ставится вмѣсто *і* и *у* (*зӱ* вм. *зі* мой, *тӱш* вм. *туш* не есть). — Въ ахтинскомъ нарѣчіи обнаруживается и меньше стремленія къ сокращенію словъ; такъ, напр., ахтинцы удерживаютъ иногда конечное *н* въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ кюринцы его отбрасываютъ (вм. *і* этотъ, *ібур* эти, *а* тотъ—ахтинцы говорятъ: *ін*, *інбур*, *ан*). Ахтинцы удерживаютъ и гласныя, выбрасываемыя кюринцами (вм. *ǩwа* нахожусь около, у—они говорятъ *гаwа*). Кюринцы отбрасываютъ иногда цѣлый начальный слогъ,—ахтинцы удерживаютъ или цѣлый этотъ слогъ или по-крайней-мѣрѣ гласную (кюринцы говорятъ *на* тобою, ахтинцы—*wуна*, кюринцы отъ глагола *тӱн* ѣсть — прошед. *тӱна*—образуютъ дѣепричастіе *нез*, ахтинцы—*ӱнез*). Изученіе фонетическихъ особенностей ахтинскаго нарѣчія можетъ пролить свѣтъ и на нѣкоторыя грамматическія формы кюринскаго языка. Такъ, напр., образованіе нарѣчій мѣста, производныхъ отъ мѣстоименій указательныхъ, можетъ быть уяснено только посредствомъ ахтинскаго

нарѣчія (нарѣчія мѣста, напр., *гіна, гіна, гінал* и т. д. образуются прямо отъ ахтинскаго мѣстоименія *гін* этотъ, посредствомъ присоединенія къ нему извѣстныхъ падежныхъ окончаній).

§ 8. Коснемся теперь *лексической стороны* кюринскаго языка. Мы выше замѣтили, что болѣе половины словъ, находящихся въ кюринскомъ словарѣ П. К. Услара, оказывается тюркскими, персидскими или арабскими. Въ кюринскій языкъ отъ сосѣдняго тюркскаго населенія перешли даже такія слова, какъ *гін* (лицо), *далу* (спина), *дамар* (жила), *кафф* (пѣна), *гіг* (роса), *гапла* (лѣвый). Нѣкоторыя изъ заимствованныхъ словъ употребляются вмѣстѣ съ однозначащими кюринскими словами (напр., *кулар* и *далу*, — оба означаютъ спину), другія вытѣсняютъ туземныя слова, попадающія вслѣдствіе этого въ число такъ-называемыхъ устарѣлыхъ словъ (укажемъ на слово *лаwар* верблюдъ, замѣненное тюркскимъ *deve*). Во время этой лексической борьбы, происходящей въ разсматриваемомъ языкѣ уже съ давнихъ поръ, по всей вѣроятности исчезло изъ употребленія не мало кюринскихъ словъ. Но при всемъ томъ, уцѣлѣло еще значительное количество туземныхъ словъ, указывающихъ ясно на лексическое сродство кюринскаго языка съ восточно-горскими языками. Отыскиванію лексическаго сродства даннаго языка съ другими должно предшествовать обстоятельное сравнительное изученіе ихъ фонетическихъ особенностей. Въ настоящее время, когда еще не всѣ горскіе языки изслѣдованы и когда вслѣдствіе этого не уяснены надлежащимъ образомъ многія фонетическія особенности и изслѣдованныхъ языковъ, лексическія сближенія извѣстнаго горскаго языка съ другими языками могутъ быть болѣе или менѣе отрывочны. Ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями относительно лексическаго сродства кюринскаго языка съ восточно-горскими языками.—Сличая сборникъ кюринскихъ словъ съ горскими словарями, находимъ, во-первыхъ, слова, сродныя съ словами почти всѣхъ или большей части изслѣдованныхъ восточно-кавказскихъ языковъ. Возьмемъ, напр., слова, означающія: *огонь* (въ кюрин. *баj*, въ авар. и хюркил. *ба*, въ лак. *бу*, въ чечен. и туш. *бе*), *небо* (въ кюрин. языкѣ *цаw*, въ лак. *цаг*, въ авар. *зоб*, въ хюркил. *зубрі*,

въ удин. *ƒав* блескъ), *холодъ* (въ кюрин. *мæді*, въ удин. *мі*, въ лак. *міҗ* ледъ, въ хюркил. *мї*), *дубъ* или *жолудь* (въ кюрин. *мæгw*, въ удин. *мæх*, въ хюрк. *мїг*, въ авар. *мікх*, въ туш. *мух*), *яблоко* (въ кюрин. и лак. *іг*, въ авар. *ƒег*, въ удин. *есш*, въ чечен. *ƒаж*, въ хюркилин. *ƒінц*), *тернъ* (въ кюрин. *цаз*, въ удин. *цац*, въ лак. *ƒаƒ*, въ авар. *заз*), *ячмень* (въ кюрин. *мох*, въ чечен. *мук*, въ хюрк. *мукі*, въ удин. *му*, въ авар. *муh* всякое хлѣбное зерно), *медвѣдь* (въ туш. и чечен. *ча*, въ удин. *сшуе*, въ лак. *цуша*, въ кюрин. *сеw*, въ авар. *ƒї*, въ хюрк. *сінка*), *волъ* (въ авар. *оƒ*, въ кюрин. *јаƒ*, въ удин. *ус*, въ ингуш. нарѣчіи чеченскаго языка *уст*, въ хюркил. *унц*, въ лак. *ніц*), *мясо* (въ удин. *ед*, въ кюрин. *јак*, въ лак. *діҗ*, въ хюрк. *дї*, въ туш. *дітх*), *молоко* (въ кюрин. *нек*, въ лак. *наҗ*, въ хюркил. *нї*, въ удин. *над* сыворотка, — удины молоко называютъ сладкою сывороткою), *сыръ* (въ кюрин. *насу*, въ хюркил. *нусіа*, въ лак. *ніс*, въ туш. *начх*, въ чеч. *нехчі*). Возьмемъ также слова: *языкъ* (въ кюрин. *мез*, въ хюркил. *міз*, въ удин. *муз*, въ лак. *маз*, въ авар. *маҕ*, въ туш. *мотт* — корень *матт*, — въ чечен. *муот*), *сердце* (въ удин. *ук*, въ кюрин. *ріҗ*, въ авар. *раҗ*, въ хюркил. *урҗі*, въ лак. *даҗ*, въ туш. *док*, въ чеч. *дуог*), *носъ* (въ кюрин. *нер*, въ авар. *меƒер*, въ чечен. *мара*, въ туш. сходное названіе). Только что приведенныя слова по-большей-части односложныя (восточно-горскіе языки изобилуютъ такими словами) и сродны между собою, — незначительныя разницы, замѣчаемыя между даннымъ словомъ и соотвѣтствующими имъ словами, обусловливаются фонетическими законами тѣхъ языковъ, къ которымъ принадлежатъ эти слова. Здѣсь не мѣсто пускаться въ разъясненіе фонетическихъ особенностей горскихъ языковъ, — нѣкоторыхъ особенностей мы уже коснулись, при разсмотрѣніи звуковыхъ особенностей кюринскаго языка. Прибавимъ къ этому, что въ чеченскомъ и тушскомъ языкахъ часто, въ особенности передъ

гортанными, является *т* тамъ, гдѣ въ другихъ горскихъ языкахъ его не оказывается; далѣе, въ серединѣ хюркилинскихъ словъ нерѣдко вставляется *н*; въ томъ-же языкѣ, не терпящемъ вообще *р* въ началѣ словъ, означенный звукъ уступаетъ иногда свое мѣсто гласной.—Возвратимся къ лексическимъ сближеніямъ кюринскаго языка съ горскими языками. Въ кюринскихъ личныхъ мѣстоименіяхъ 1-го и 2-го лица обнаруживается нѣкоторое сродство съ соотвѣтствующими мѣстоименіями восточно-кавказскихъ языковъ: *зун* я—въ удин. *зу*, въ арчин. *зон*, въ чечен. *суо*; *ѡун* ты—въ удин. *ун* (въ нижскомъ нарѣчіи *hун*), въ арч. *ун*, въ лак. *іна*, въ хюрк. *h'у*, въ чечен. *х́уо*. Темами для косвенныхъ падежей единственнаго числа являются: въ кюрин. языкѣ по-большей-части *за* и *ѡа*, въ удинскомъ — *за* и *ва*, въ арчинскомъ (для нѣкоторыхъ падежей) — *за* и *уа*. Въ хюркилинскомъ-же языкѣ темою для косвенныхъ падежей мѣстоименія втораго лица является *h'у*, а въ чеченскомъ для мѣстоименія втораго лица—*х́у*, а для мѣстоименія перваго лица—*су*. До нѣкоторой степени сродство представляютъ и другія мѣстоименія: *аҗа* тотъ—въ удин. *те*, въ лак. *тā*, въ арчин. *җа-у*, въ авар. *до-у*; *аза* (служащее для указанія предметовъ, находящихся ниже говорящаго) — въ лак. *гā*, въ авар. *го-у*; *ѡуч* самъ — тема для косвенныхъ падежей единств. числа *ѡічі*—въ удин. *іч*; *ѡуѡ* мѣстоименіе возвратное — въ авар. *ѡі-у*. Ограничимся этими сближеніями. О числительныхъ поговоримъ послѣ. Есть и другія слова, сродныя съ словами почти всѣхъ или большей части горскихъ языковъ. Къ послѣдней категоріи принадлежатъ и нѣкоторыя прилагательныя. Сродство замѣчается и въ глаголахъ. При дальнѣйшемъ ознакомленіи съ дагестанскими языками и при лучшемъ уясненіи фонетическихъ особенностей изслѣдованныхъ языковъ, окажутся сродными не мало и такихъ словъ, которыя теперь считаются чуждыми другъ другу.

Во-вторыхъ, нѣкоторыя слова являются въ другихъ языкахъ съ подходящимъ значеніемъ: *ҟѡач* нога—въ хюрк. *ҟѡаҕ* и въ авар. *ҟоач̄* лапа, *хӱр* селеніе—въ лак. *ккур* угодья (зем-

ля, находящаяся вокругъ аула и въ пользованіи его жителей), *сан* лѣсъ — въ лак. *тзана* дрова, *мадi* холодъ — въ лак. *мiц* ледъ и т. д. — И это явленіе указываетъ на то обстоятельство, что горцы пользовались однимъ и тѣмъ-же лексическимъ матеріаломъ.

Въ-третьихъ, по мѣрѣ изслѣдованія горскихъ языковъ, обнаруживаются яснѣе признаки существованія въ семействѣ восточно-кавказскихъ языковъ отдѣльныхъ группъ. Языки, принадлежащіе къ извѣстной группѣ, представляютъ и больше лексическаго сродства между собою. Большое лексическое сродство существуетъ между чеченскимъ и тушскимъ (собственно цовскимъ) языкомъ. Ближайшее лексическое сродство,—хотя и не въ такой степени, — замѣчается между кюринскимъ и удинскимъ языками, видимо принадлежащими къ одной группѣ. Несмотря на это, въ кюринскомъ языкѣ находится не мало такихъ словъ, которыя, удаляясь въ лексическомъ отношеніи отъ удинскихъ, почти тождественны съ словами языковъ, принадлежащихъ къ другимъ группамъ. Примѣры: *варз* луна—въ лак. яз. *барз*, *кал* корова—въ хюркил. *джал*, *ђеђ* коза — въ авар. *це*, *кач* сука—въ лак. *кäчі* собака и т. д., и т. д. Это обстоятельство указываетъ на необходимость лексическихъ сближеній даннаго горскаго языка не только съ болѣе близкимъ къ нему языкомъ, но и съ языками, принадлежащими къ другимъ группамъ. Только при такомъ сличеніи и могутъ быть уяснены разныя лексическія особенности, непонятныя тогда, когда сличается данный языкъ только съ болѣе сроднымъ языкомъ. Въ подтвержденіе этого, возьмемъ кюринскія числительныя: 1 *са* — въ удинскомъ языкѣ *са*, въ хюркил. и лак. *ца*, въ авар. *ђо*, въ арчин. *ос*; 20 *ка* — въ удин. *qа*, въ хюркил. *за*, въ авар. *qо*, въ лак. *qу*, въ арчин. *qаі*, въ чечен. и туш. *тqа*; 8 *мўжў*—въ удин. *муз*; 6 *рўгў*—въ удин. *ўк*. Для того, чтобы убѣдиться въ сродствѣ двухъ послѣднихъ словъ, необходимо сличить ихъ съ однозначащими числительными другихъ горскихъ языковъ: съ хюркилинскимъ *урiг* и съ лак. *рахј*. Но возьмемъ *qwе* 2. Оно, будучи сродно съ однозначащими числительными другихъ горскихъ языковъ (арчин. *ққуе*, дидойскимъ *qе*, хюркилин. *кwі*, лак. и авар. *қі*), рас-

ходится совершенно съ удин. *ца*. Тоже нужно сказать и объ *ери* 7, сроднымъ съ хюркил. *жерк* и лак. *аргул. жа-д* (*д* приставка), вѣроятно, сродно съ хюрк. *шн-ал* (*ал* приставка). Есть нѣсколько и такихъ числительныхъ, которыя, кажется, образовались вслѣдствіе сокращеній. Таковы: *бгу* 10, *ду* 4, *нгу* 3. Первому изъ нихъ, т. е. *бгу*, соотвѣтствуютъ: лакское *аб*, авар. *анб*, арч. *уиу*, хюрк. *жиб*, удин. *виб*. Сравнивая съ ними кюринское *бгу*, мы видимъ, что въ немъ, повидимому, сохранилось конечное *г*, которое явилось въ сопровожденіи *у*. Не беремся за объясненіе этого явленія; но подобное явленіе представляютъ *ду* и *нгу*: 4 въ арч. *евд*, въ лак. *мудд*, въ авар. *унд* — въ кюринскомъ *д-у*; 3 въ авар. *габ*, въ андійск. *гоб*, въ ботлик. нарѣчіи *набу*, въ хюрк. *кав* (звукъ, изображенный послѣднею буквою, составляетъ переходъ отъ нашего *б* къ *в*), въ удин. *агб*—въ кюрин. *нгу* (нужно при этомъ замѣтить, что въ кюринскомъ языкѣ конечное *б* передъ гласною весьма часто замѣняется сроднымъ ему *н*). За объясненіе *ггу* (9) не беремся.

Въ-заключеніе замѣтимъ, что лексическія сближенія горскихъ языковъ важны не только въ одномъ лингвистическомъ отношеніи. При сличеніи горскихъ словъ, невольно поражаетъ вниманіе то обстоятельство, что горскіе языки, имѣющіе, можно сказать, общія названія для нѣкоторыхъ растеній и животныхъ умѣренной полосы, не представляютъ таковыхъ названій для растеній и животныхъ теплой полосы,—по-большей-части для послѣднихъ имѣются либо заимствованныя слова, либо метафорическія и описательныя выраженія (такъ, напр., цовцы названіе для фазана заимствовали у грузинъ, аварцы называютъ его лѣснымъ пѣтухомъ, кукурузу — пшеницею изъ Загорья, т. е. изъ Кахетіи). Горцы не имѣютъ общаго названія и для горы. Тушины и чеченцы имѣютъ для нея переносныя названія: въ тушскомъ языкѣ *лам* означаетъ небо и гору (*ламу дуажа* — радуга, букв. небесный поясъ, *ламур* небесный и горный); въ авар. языкѣ *мехер* означаетъ носъ и гору. Кюринское слово *ггунт*

означаетъ холмъ и вообще маленькое возвышеніе,—для названія горы кюринцы употребляютъ тюркское слово даҕ. При дальнѣйшемъ изученіи кавказскихъ языковъ можно будетъ, на основаніи лексическихъ сближеній, дѣлать предположенія объ общемъ характерѣ мѣстности, занимаемой предками горцевъ и о степени ихъ культуры; но подобныя предположенія должны быть вѣнцомъ изслѣдованій кавказскихъ языковъ. Возвратимся къ филологіи.

§ 9. При разсмотрѣніи горскихъ языковъ въ лексическомъ отношеніи, слѣдуетъ обращать вниманіе не только на сродныя и общія коренныя слова, но и на способы, пріемы, употребляемые горцами какъ при названіи тѣхъ предметовъ, для которыхъ, повидимому, въ горскихъ языкахъ не было коренныхъ словъ, такъ и для обозначенія тѣхъ понятій, которыя возникли по мѣрѣ успѣховъ горцевъ въ культурѣ и въ умственномъ анализѣ. Эти пріемы, можно сказать, одинаковы: горцы обыкновенно или распространяютъ названія извѣстныхъ предметовъ на другіе, показавшіеся въ чемъ-нибудь похожими на нихъ (по-аварски горо обозначаетъ шарикъ и градъ, меҕер носъ и гору), или удваиваютъ извѣстныя слова (по-удински ҕала большой—ҕалҕала очень большой, по-аварски ҕїн однажды—ҕїнҕїн иногда), или употребляютъ нѣкоторыя существительныя во множественномъ числѣ, или-же образуютъ составныя слова (по-авар. *міръ*—ҙобраҕ, т. е. небо-земля, *сутки*—ҙордодо, т. е. ночь-день, по-чечен. *родители*—нанда, т. е. мать-отецъ, *лицо* по-авар.—берҕал, т. е. глазъ-ротъ, по-тушски—носъ-ротъ, *черепаха* по-лакски—кора-лягушка). Чаще всего горцы прибѣгаютъ къ описательному способу (*скорпіонъ* по-авар. называется девятиустомъ, чеченцы *пчелу* называютъ мухою улья, удины — медовою мухою, тушины называютъ *рѣсницу* волосами глаза; *оса* у лаковъ называется пчелою колючки), или къ метафорическимъ сравненіямъ (аварцы *страуса* называютъ верблюдомъ-птицею, *оленя* — лѣснымъ быкомъ, *фазана*—лѣснымъ пѣтухомъ, лаки *трутня* называютъ осломъ-пчелою). Для выраженія отвлеченныхъ понятій, горцы нерѣдко обращаются къ образамъ, почерпнутымъ изъ чувственнаго міра (тушины слова: «*почитать*, *слушать*, *думать*» выражаютъ такъ: дѣлать колѣномъ, протягивать уши, говорить сердцемъ). Въ языкахъ Нагорнаго Дагестана, въ которыхъ находится менѣе заимствованныхъ словъ, чѣмъ въ кюринскомъ языкѣ, вышесказанные спо-

собы образованія названій для разныхъ предметовъ и понятій вообще въ большемъ употребленіи, чѣмъ у кюринцевъ, но и послѣдніе нерѣдко къ нимъ прибѣгаютъ.

Итакъ: а) кюринцы часто переносятъ названіе извѣстнаго предмета на другіе, вслѣдствіе чего въ ихъ языкѣ оказывается изрядное количество словъ, имѣющихъ по нѣскольку значеній. Примѣры: *ќеќ* копыто, ноготь и коготь, *діл* голова, вершина, начало (рѣки), *сіѡ* ротъ и отверстіе (колодца, кармана), *ҕан* подошва и дно, *ҕар* волосъ и щетина, *хал* вѣтвь, рукавъ (чохи), протокъ (рѣки), чашка (вѣсовъ), ноздря, усъ, каждый изъ близнецовъ отдѣльно, *мугѡ* гнѣздо и паутина, *ќуркур* пузырь и бубенчикъ, *хар* градъ и бобъ, *ҕај* огонь и лихорадка, *јарар* заря и корь. Есть также прилагательныя и глаголы, имѣющіе различныя значенія: *лал* нѣмой и тихій (напр. *лал ѡаҕ* тихая рѣка), *ќучун* взять и купить, *ѓурун* жарить, печь и поспѣвать, *аҕун* наполнить и зарядить (ружье), *іҕіѡун* опорожнить и разрядить (ружье), *ҕушун* топтать, мять и побѣждать.

б) Удвоеніе тоже въ ходу, хотя оно и рѣже бываетъ, чѣмъ, напр., въ удинскомъ языкѣ. Удвоеніе придаетъ слову вообще больше опредѣлительности. Примѣры: *гіла* теперь—*гіла гіла* только что теперь, *ҕѡачі* ногою—*ҕѡачі ҕѡачі* пѣшкомъ, *ам дулу дулукді шузаѡа* (здѣсь *дулу* употреблено, видимо, вмѣсто *дулукді*) онъ назадъ, назадъ идетъ, т. е. онъ пятится. Удвоеніе дѣепричастій сообщаетъ послѣднимъ настоящій ихъ характеръ. Приведемъ примѣръ: *ам зі діліѡ фу нез ачана* онъ пришелъ ко мнѣ, чтобы ѣсть хлѣбъ, т. е. чтобы обѣдать (здѣсь дѣепричастіе *нез* переводится: чтобы ѣсть), *ам зі діліѡ фу нез нез ачана* онъ пришелъ ко мнѣ, ѣдя хлѣбъ (здѣсь дважды употребленное дѣепричастіе *нез* переводится: ѣдя).

в) Посредствомъ употребленія словъ во множественномъ числѣ сообщается имъ собирательное значеніе, а иногда и видоиз-

мѣняется это значеніе. Примѣры: *ҕул* лопатка (кость позади плеча)—*ҕулар* спина, *ҕwал* собственно значитъ комната — *ҕwалер* домъ, *сур* могила—*сурар* кладбище; *кӱлеҕ* ключъ—*кӱлеҕар* замо̀къ, *рад* желѣзо — *радар* оковы, капканъ для ловли звѣрей, *дул* доска—*діфре дулар* мышеловка, *дошум* войско—*дошумар* война.

г) Составныя слова имѣются тоже въ разсматриваемомъ языкѣ; но нѣкоторыя изъ нихъ, подвергшись значительнымъ фонетическимъ измѣненіямъ, не могутъ быть вполнѣ объяснены этимологически. Укажемъ только на нѣсколько составныхъ словъ: *сіwхӱн* воздержаніе рта, т. е. постъ; *кіпреҕ* раковина (акад. Шифнеръ полагаетъ, что это слово составлено изъ словъ: *к̈іб* лягушка и *раб* вм. *јаб* ухо=лягушечье ухо); *дwетхwер* близнецъ (отъ *дwед* два и *хwер*,—послѣднее слово, трудно объяснимое этимологически, по всей вѣроятности произошло отъ слова *хун* родиться); *ҕајлапан* молнія (*ҕај* огонь, а *лапан* должно быть-означаетъ ударъ: въ языкѣ имѣется слово *лаҕаш* ударъ ладонью); *дардулув* летучая мышь (*лув*—крыло, а *дард*, можетъ быть, образовалось изъ слова *дwардw* тряпка).

д) Нѣкоторымъ предметамъ кюринцы придаютъ своеобразные эпитеты: указательный палецъ называется ими хорошимъ пальцемъ (*к̈ені ҕуо*), четвертый палецъ — жидовскимъ пальцемъ (*ґаwуд ҕуб*), красный перецъ — жидовскимъ перцемъ, черный—базарнымъ.

е) Слова, выраженныя описательнымъ образомъ: *взвѣсить*—положивши на вѣсы, потянуть, *торговать*—взявши по цѣнѣ, по цѣнѣ отдать, *летать* — дать крылья (полетъ), *нюхать* — тянуть запахъ (выраженіе «я понюхалъ цвѣтокъ» переводится такъ: мною изъ-подъ цвѣтка потянулся запахъ).

ж) Сообщимъ еще нѣсколько примѣровъ употребленія перифрастической метафоры: *ҕун гімі* — огненная лодка (пароходъ), *ґарун гімі* вѣтряная лодка (парусное судно), *ҕун ҕwал*—огненная комната (кухня); *јаҕді мірґ* — быкъ-олень

(самецъ олень), *калді мірҗ* — корова-олень (оленья самка), *јаҕді җӱр* — быкъ-заяцъ (заяцъ самецъ); *ќіҕді ҕанаѡур*—кобель-волкъ, *ќачді ҕанаѡур*—сука-волкъ (волчица); *ачкарді җеќ* — пѣтухъ-фазанъ (самецъ фазанъ), *ачкарді ѡерч*—курица-фазанъ (самка), *җеќді ӱрдег* — пѣтухъ-утка (селезень), *ѡерчді ӱрдег* — курица-утка; *ҕіжеру емір*— пчелиный эмиръ (пчелиная матка).

Примѣчаніе. Для выраженія отвлеченныхъ понятій, кюринцы часто прибѣгаютъ къ образамъ и представленіямъ, заимствованнымъ изъ чувственнаго міра. Вотъ нѣсколько подобныхъ выраженій: мною до него (букв. за него) всегда рука доставляется—я ему всегда помогаю, сними его съ меня—удали его отъ меня; имъ мнѣ за воротникомъ часы держались—онъ мнѣ обѣщалъ часы; на голову тянуть—не покорствовать, мною на него потянулась голова—я его посѣтилъ; на этой лошади пусть сдѣлается находящимся глазъ (твой)—присмотри за этою лошадью, онъ выпалъ изъ глаза Божія—Богъ его оставилъ, отъ пропавшей лошади глазъ мой отрѣзался—я не надѣюсь болѣе найти пропавшую лошадь, за отцомъ глазъ остается мой—я желаю видѣть отца; на мнѣ (букв. за мною) сонъ находится—мнѣ спать хочется; мною за нимъ ухо приставилось—я его подслушалъ, приставь ухо — слушай; его сердце упало—онъ испугался, его имя спало съ моего сердца—я забылъ его имя, его сердце сѣло на дѣвушку—онъ влюбился въ дѣвушку; я, говоря, говоря, его опорожнилъ—я, говоря, его успокоилъ.

Сообщимъ еще нѣсколько метонимическихъ выраженій: онъ приходитъ къ моей головѣ—онъ ко мнѣ приходитъ, онъ пошелъ подъ глазъ начальника—онъ пошелъ на встрѣчу начальнику; мною къ нему глазъ закрылся—я ему мигнулъ; онъ, глазъ закрывъ, до открытія письмо писать кончилъ—онъ мигомъ письмо написалъ.

Подобный конкретный способъ выраженія не чуждъ,—какъ мы выше сказали,—вообще восточно-кавказскимъ языкамъ.

---

§ 10. Теперь слѣдовало-бы приступить къ грамматическому очерку кюринскаго языка. Но для того, чтобы имѣть возможность, при разсмотрѣніи грамматическихъ свойствъ кюринскаго языка, лучше оріентироваться, необходимо прежде ознакомиться, хотя въ *самыхъ общихъ чертахъ, съ грамматическимъ строеніемъ изслѣ-*

дованныхъ восточно-кавказскихъ языковъ, къ семейству которыхъ принадлежитъ и означенный языкъ. Далѣе, такъ-какъ кюринскій языкъ, по разнообразію своихъ формъ и вообще по грамматическимъ свойствамъ, подходитъ ближе къ дагестанскимъ, нежели къ тушскому и чеченскому языкамъ, то, при ознакомленіи съ грамматическимъ строеніемъ восточно-кавказскихъ горскихъ языковъ, нужно имѣть въ виду по-преимуществу дагестанскіе языки.

При первомъ ознакомленіи съ восточно-горскими языками, невольно обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайное обиліе грамматическихъ формъ: число падежей, напр., въ изслѣдованныхъ дагестанскихъ языкахъ простирается приблизительно отъ 20 до 50 (въ лакскомъ); глагольныхъ формъ еще больше, — въ аварскомъ языкѣ число ихъ (считая и сложныя времена) переходитъ за 100. Обиліе падежныхъ формъ даетъ возможность выразить самыя разнообразныя отношенія даннаго предмета къ другимъ, вслѣдствіе чего въ означенныхъ языкахъ дѣлается почти излишнимъ употребленіе прилоговъ или,—точнѣе выражаясь,—послѣлоговъ (предлоговъ, поставляемыхъ передъ именами, въ означенныхъ языкахъ не оказывается). Глагольныя формы служатъ для выраженія разнообразныхъ моментовъ и обстоятельствъ дѣйствія или состоянія: въ авар. языкѣ имѣются времена: намѣреваемыя, начинательныя, надлежащія, учащательныя, безпрерывныя, опредѣленныя, неопредѣленныя, ваглазныя (употребляемыя тогда, когда говорящій не былъ самъ свидѣтелемъ того, о чемъ онъ разсказываетъ); въ лакскомъ языкѣ, между прочимъ, есть времена: допускающія, подтвердительныя, постоянныя, продолжительныя; въ кюринскомъ имѣются формы для выраженія того понятія, что совершившійся переходъ въ извѣстное состояніе, продолжается и въ настоящее время. Кромѣ изъявительнаго наклоненія, находятся наклоненія: условное, условно-желательное, встрѣчаются различныя повелительныя: повелительное непосредственное, повелительное отдаленное, повелительное допускающее, повелительное запретительное. Для нѣкоторыхъ глагольныхъ формъ трудно придумать вполнѣ подходящія названія. Въ числѣ причастій и дѣепричастій имѣются: винословныя, одновременныя, преждевременныя, послѣдовательныя, предѣльныя; но при этомъ обнаруживается отсутствіе относительныхъ мѣстоименій, а также союзовъ винословныхъ и союзовъ, служащихъ для сочетанія съ опредѣляемымъ предложеніемъ обстоятельственныхъ предложеній времени (союзовъ: когда, пока, прежде-чѣмъ и т. д.). — Во-вторыхъ, въ дагестанскихъ

языкахъ существуютъ разнообразныя прилагательныя: въ лакскомъ языкѣ, напр., находятся прилагательныя, обозначающія продолжительность, постоянство, неизмѣнность или повторительность извѣстнаго качества; въ аварскомъ языкѣ имѣются прилагательныя, служащія для выраженія того понятія, что извѣстнымъ качествомъ данный предметъ отличается отъ другихъ. Въ означенныхъ языкахъ существуетъ и изрядное количество мѣстоименій, въ особенности-же указательныхъ, служащихъ для обозначенія различнаго положенія указываемаго предмета: одни изъ этихъ мѣстоименій употребляются въ рѣчи для указанія на предметы, болѣе близкіе къ лицу, которое говоритъ, чѣмъ къ тому, которому говорится; другіе—наоборотъ—служатъ для указанія предметовъ, болѣе близкихъ къ тому, которому говорится; третьи употребляются тогда, когда указывается предметъ, находящійся выше, либо ниже говорящаго. Есть и такія мѣстоименія, посредствомъ которыхъ придается болѣе опредѣлительности указанію: въ аварскомъ языкѣ, напр., имѣется мѣстоименіе, служащее для выраженія понятія—тотъ самый, который говоритъ, въ кюринскомъ—тотъ, о которомъ было говорено, показанный.—Въ-третьихъ, въ восточно-кавказскихъ языкахъ (за исключеніемъ кюринскаго и удинскаго языковъ) предметы распредѣляются по родамъ, или по категоріямъ. Послѣднихъ въ чеченскомъ языкѣ 6, а въ тушскомъ 7.—Казалось-бы послѣ сказаннаго нами, что грамматическій механизмъ горскихъ языковъ необыкновенно сложенъ; но, присмотрѣвшись поближе къ нему, приходится удивляться его простотѣ и незатѣйливости. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разсмотримъ способы образованія разныхъ частей рѣчи и флексій.

§ 11. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о *вставочныхъ и приставочныхъ звукахъ и слогахъ*, которые играютъ, между прочимъ, важную роль какъ при образованіи нѣкоторыхъ частей рѣчи, такъ и при образованіи флексій.—Во-первыхъ, въ горскихъ языкахъ извѣстные звуки являются показателями родовъ или категорій; они вставляются въ разныхъ частяхъ рѣчи. Другіе звуки (въ дагестан. языкахъ) употребляются для обозначенія положенія даннаго предмета въ пространствѣ или относительно другого предмета. Они обыкновенно приставляются къ указательнымъ мѣстоименіямъ и производнымъ отъ нихъ нарѣчіямъ (въ кюринскомъ языкѣ они являются и передъ нѣкоторыми вспомогательными глаголами). Во-вторыхъ, приставочные звуки или суффиксы служатъ для образованія или различныхъ существитель-

ныхъ, или прилагательныхъ, причастій, мѣстоименій, нарѣчій. Въ-третьихъ, есть суффиксы, служащіе для образованія нѣкоторыхъ падежей и извѣстныхъ глагольныхъ формъ. Вообще суффиксы употребляются весьма часто. Нерѣдко они сообщаютъ тѣмъ словамъ, съ которыми соединяются, разнообразные оттѣнки значенія (такихъ приставокъ оказывается особенно много въ аварскомъ языкѣ). Наконецъ замѣтимъ, что нѣкоторые приставочные слоги или звуки имѣютъ энклитическій характеръ и иногда отбрасываются, не нарушая значенія даннаго слова (какъ, напр., слоги или звуки, приставляемые къ окончанію числительныхъ количественныхъ).

Между приставочными и вставочными звуками самое оригинальное явленіе представляютъ звуки, служащіе показателями родовъ, или категорій. Они присоединяются къ разнымъ частямъ рѣчи. Относительно распредѣленія названій предметовъ на роды или категоріи и способовъ обозначенія тѣхъ или другихъ, изслѣдованные восточно-горскіе языки представляютъ интересныя особенности. Мы разсмотримъ главнѣйшія. Въ аварскомъ языкѣ названія предметовъ распредѣляются на 3 рода: къ мужескому роду относятся названія существъ разумныхъ мужескаго пола, къ женскому роду — названія существъ разумныхъ женскаго пола, а къ среднему роду—всѣ слова, означающія существа одушевленныя, но неразумныя, предметы неодушевленные и отвлеченныя понятія. Каждый родъ характеризируется извѣстнымъ опредѣленнымъ звукомъ. Эти характеристическіе родовые звуки: *в* (или-же его замѣняющее *у*) для мужескаго рода, *ј* — для женскаго и *б* для средняго рода. Присутствіе характеристическихъ родовыхъ звуковъ легче всего обнаруживается въ вспомогательномъ глаголѣ, означающемъ «быть». Примѣры: *вац в-уго* братъ есть, *јац ј-іго* (здѣсь *і*, вслѣдствіе фонетическихъ условій, замѣняетъ *у*) сестра есть, *ћој б-уго* собака есть, *гуажі б-уго* сука есть, *међер б-уго* гора есть, *ћул б-уго* надежда есть. Во множественномъ числѣ имѣется общій для всѣхъ родовъ звукъ *р*: *вацал р-уго* братья суть, *јацал р-уго* сестры суть, *муђрул р-уго* горы суть и т. д. Характеристическіе родовые звуки являются въ разныхъ частяхъ рѣчи: въ существительныхъ (*в-ац* братъ, *ј-ац* сестра, *б-ац* братъ и сестра у жи-

вотныхъ, *в-аді* голодъ мужчины, *j-аді* голодъ женщины, *б-аді* голодъ животнаго), въ мѣстоименіяхъ (*до-у* онъ, *до-j* она, *до-б* оно), въ прилагательныхъ (*в-адара-у* голодный, *j-адара-j* голодная, *б-адара-б* голодное), въ глаголахъ (*ка-в-ізе* дѣлать, говоря о мужчинѣ, *ка-j-ізе*—говоря о женщинѣ, *ка-б-ізе*—о предметахъ средняго рода), въ нарѣчіяхъ (*це-в-е* впереди мужчина, *це-j-е* впереди женщина, *це-б-е* впереди предметъ средняго рода), въ прилогахъ (*жани-у*, *жани-j*, *жани-б* внутри, въ). Характеристическіе родовые звуки являются и въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ падежей.—Въ хюркилинскомъ языкѣ, какъ и въ аварскомъ, названія предметовъ распредѣляются тоже на 3 рода. Характеристическіе звуки для родовъ мужескаго и средняго, можно сказать, тѣ-же, что и въ аварскомъ языкѣ: для мужескаго рода—*w* (составляющее крайне бѣглый переходъ отъ *у* къ *в*) и для средняго *в* («хюркилинское *в* изображаетъ тотъ почти неуловимый для нашего слуха звукъ, который служитъ переходомъ отъ нашего *б* къ нашему *в*»). Для женскаго рода являются уже другіе звуки, а именно: *р* и *д*; первое, за весьма немногими исключеніями, ставится въ концѣ слова, а второе—въ началѣ. Примѣры: *ада лі-w* отецъ, *ургі лі-в* лошадь есть, *ава лі-р* мать есть, *w-ах* лицо мужчины, *в-ах* лицо животнаго, *д-ах* лицо женщины. Для множественнаго числа нѣтъ особенныхъ звуковъ: для 1-го и 2-го лицъ мужескаго и женскаго родовъ употребляются звуки, характеризирующіе женскій родъ въ единств. числѣ, а именно: *д* въ началѣ словъ и *р* въ концѣ; для 3-го же лица мужескаго и женскаго родовъ, равно какъ и для всѣхъ лицъ средняго рода, употребляется *в*, звукъ, характеризирующій средній родъ въ единственномъ числѣ. Какъ видно изъ этого, въ употребленіи родовыхъ звуковъ для множественнаго числа замѣтна извѣстная градація. Подобное явленіе замѣчается и въ тѣхъ восточно-горскихъ языкахъ, въ которыхъ вмѣсто родовъ находимъ категоріи. — Въ арчинскомъ языкѣ названія предметовъ распредѣляются уже на 4 категоріи: къ первой категоріи относятся названія существъ разумныхъ мужескаго пола, ко второй — названія существъ разумныхъ женскаго пола, къ третьей

категоріи принадлежатъ слова, означающія существа одушевленныя, но неразумныя, а къ четвертой — неодушевленныя. Характеристическіе категорическіе звуки въ мѣстоименіи указательномъ и въ прилагательныхъ: для 1-й категоріи (именъ мужескаго рода)— *у*, для 2-й категоріи (именъ женскаго рода) — *р*, для 3-ей категоріи (названій предметовъ одушевленныхъ, но неразумныхъ)— *б*, а для 4-й— *м*; во множ. числѣ общій звукъ *б* (вспомогательный глаголъ представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ этого правила). Въ лакскомъ языкѣ находится тоже 4 категоріи: къ первой категоріи принадлежатъ названія существъ разумныхъ мужескаго пола, ко второй категоріи — названія существъ разумныхъ женскаго пола; слова, означающія одушевленныя, но неразумныя существа, принадлежатъ къ третьей категоріи, а прочія существительныя имена — или къ четвертой, или къ третьей категоріи. Характеристическіе звуки: для 1-й категоріи — *в* (или *у*), для 2-й— *д* (или *р*), для 3-й— *б*, а для 4-й— *д* (или *р*); во множественномъ числѣ для послѣдней категоріи употребляется звукъ *д* (или *р*), а для трехъ первыхъ—по большей части звукъ *б*.—Въ тушскомъ языкѣ для названій существъ разумныхъ мужескаго пола характеристическимъ звукомъ является опять *в*, для названій существъ разумныхъ женскаго пола— *j* (какъ и въ аварскомъ), для словъ, означающихъ одушевленныя существа— *б*, а для словъ, означающихъ не достигшія половаго развитія существа — звукъ *д*. Во множественномъ числѣ для словъ, означающихъ существа разумныя мужескаго пола, употребляется звукъ *б*, а для прочихъ *д*. Названія прочихъ предметовъ требуютъ въ единствен. числѣ *j* и во множественномъ тоже *j*, или въ единственномъ *б* и во множественномъ *б*, или *j*. Такимъ образомъ и выходитъ 7 категорій. Въ чеченскомъ языкѣ подобныхъ категорій имѣется 6,— характеристическими категорическими звуками являются тоже: *в*, *j*, *б* и *д*. Въ распредѣленіи предметовъ по категоріямъ, а также въ способѣ обозначенія множественнаго числа, чеченскій языкъ представляетъ нѣкоторыя отступленія отъ тушскаго языка. — Какъ видно изъ предлагаемаго краткаго обзора характеристическихъ родовыхъ и категорическихъ звуковъ, горскіе языки представляютъ много общаго какъ относительно распредѣленія названій многихъ предметовъ по родамъ и категоріямъ, такъ и въ способахъ обозначенія тѣхъ и другихъ. Горцы вооб-

ще строго соблюдаютъ употребленіе въ рѣчи извѣстныхъ родовыхъ и категорическихъ звуковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта строгость доходитъ до щепетильности. Въ подтвержденіе этого, П. К. Усларъ, въ своемъ трудѣ о лакскомъ языкѣ (§ 10), привелъ весьма характерный примѣръ. Надо предварительно замѣтить, что дѣвушка относится лаками къ той-же категоріи, къ которой относится и дитя, т. е. къ третьей категоріи — къ категоріи существъ, не достигшихъ полового развитія. Итакъ «лакская дѣвушка говоритъ о себѣ: *на б-ура* я есмь; сказать про нее: *та д-урі* она есть (*д* характеризируетъ существа разумныя женскаго пола: *нінгу д-урі* мать есть), вмѣсто *та б-урі*, значитъ нанести ей самое тяжкое оскорбленіе». Однако «неприличнымъ покажется», продолжаетъ П. К. Усларъ, «если, уже на другой день брака, молодая скажетъ о себѣ: *на д-ура* я есмь; но, съ другой стороны, смѣшно, если женщина, имѣвшая уже ребенка, скажетъ о себѣ: *на б-ура*. Всѣ эти тонкости весьма строго соблюдаются». Замѣтимъ при этомъ, что слово *бӏкурі* новобрачная, молодая, относится лаками къ той-же категоріи, къ которой принадлежитъ и слово *кваббa* блудница, т. е. къ категоріи безполыхъ существъ. Несмотря на строгое соблюденіе употребленія горцами родовыхъ или категорическихъ звуковъ, несмотря на то, что горцы стараются обозначать роды или категоріи почти при каждой части рѣчи, въ горскихъ языкахъ оказывается громадное количество такихъ словъ, въ которыхъ, вслѣдствіе фонетическихъ условій, нельзя вставить характеристическихъ родовыхъ или категорическихъ звуковъ, и въ которыхъ поэтому роды или категоріи вовсе не обозначены. Только языки аварскій и арчинскій представляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе—вслѣдствіе того, что въ нихъ въ концѣ прилагательныхъ и мѣстоименій прилагательныхъ ставится *постоянно* родовой или категорическій звукъ.

Въ числѣ изслѣдованныхъ восточно-горскихъ языковъ оказывается два языка, не имѣющихъ характеристическихъ родовыхъ звуковъ, а именно: языки кюринскій и удинскій. П. К. Усларъ подмѣтилъ, однако, довольно интересное явленіе въ кюринскомъ языкѣ: въ этомъ языкѣ односложныя существительныя, обозначающія одушевленныя, но неразумныя существа, принимаютъ передъ окончаніемъ косвенныхъ падежей единственнаго чис-

ла звукъ *р*. Также и въ словѣ *луҕ*, означающемъ «рабъ», вставляется передъ окончаніемъ косвенныхъ падежей названный звукъ (и въ туш. яз. слово съ этимъ-же значеніемъ не относится къ категоріи существъ разумныхъ мужескаго пола). Видѣть-ли въ означенномъ вставочномъ *р* слѣдъ существованія прежде въ разсматриваемомъ языкѣ категорическихъ звуковъ—это вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ только при дальнѣйшемъ изслѣдованіи другихъ горскихъ языковъ, принадлежащихъ къ юго-восточной группѣ.

§ 12. Теперь приступимъ къ указанію способовъ образованія частей рѣчи. Замѣтимъ предварительно, что въ восточно-горскихъ языкахъ находятся формы, общія для разныхъ частей рѣчи; такъ, напр., въ этихъ языкахъ родительные падежи личныхъ мѣстоименій составляютъ и мѣстоименія притяжательныя; прилагательныя часто принимаютъ форму родительнаго падежа существительныхъ; въ языкахъ кюринскомъ, тушскомъ и чеченскомъ такъ-называемое неопредѣленное наклоненіе употребляется и въ значеніи существительнаго. Далѣе, причастія обыкновенно имѣютъ общія окончанія съ прилагательными, а дѣепричастія — въ большинствѣ языковъ—съ нарѣчіями качественными.—Для образованія производныхъ словъ употребляются обыкновенно суффиксы, приставляемые къ первообразнымъ словамъ. Являются иногда и двойные суффиксы. Есть и другіе способы образованія производныхъ словъ, какъ, напр., повтореніе даннаго слова, или-же его окончанія (по-преимуществу въ аварскомъ языкѣ), замѣна короткой гласной долгою (въ лакскомъ языкѣ). При недостаткѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ производственныхъ слоговъ, горцы прибѣгаютъ къ составленію сложныхъ словъ, или-же къ описательнымъ выраженіямъ и заимствованнымъ словамъ.

Разсмотримъ порознь образованіе разныхъ частей рѣчи.

а) *Производныя существительныя* образуются изъ разныхъ частей рѣчи (глаголовъ, прилагательныхъ, существительныхъ, прилоговъ). Производныя существительныя, служащія для выраженія отвлеченныхъ понятій, образуются во всѣхъ языкахъ посредствомъ присоединенія извѣстнаго суффикса къ первообразному слову (въ лак. яз. *луҕе* черный—*луҕе-шібу* чернота, въ хюрк. *віҕ* голова—*віҕ-діш* господство и т. д.). Отглагольныя существительныя не во всѣхъ языкахъ сопровождаются суффиксомъ (по-авар *ҕарізе* просить—*ҕарі* просьба, по-чечен. *дāлар* выходить и вы-

ходъ). Вообще горскія существительныя бѣдны производственными слогами: въ нихъ, напр., не достаетъ суффиксовъ для обозначенія дѣйствователей: имена дѣйствователей чаще всего образуются посредствомъ присоединенія къ даннымъ существительнымъ заимствованныхъ словъ, означающихъ: мастеръ, человѣкъ, дѣлатель. Для выраженія пола различныхъ существъ, по-большей-части приставляются слова, означающія: мужчина, женщина, а полъ животныхъ выражается словами, означающими: самецъ, самка, или особыми названіями. Степени родства очень часто выражаются описательнымъ образомъ (сынъ брата, отецъ мужа и т. д.). Нѣтъ характеристическихъ суффиксовъ (за исключеніемъ аварскаго языка) и для обозначенія орудій дѣйствія; не достаетъ и словъ, служащихъ для обозначенія предметовъ вмѣщающихъ (аварцы, напр., солонку называютъ: вещью, въ которую всыпается соль; лаки, для обозначенія того-же предмета, прибѣгаютъ къ выраженію: соль сыплющее). Вообще горскія существительныя отличаются, такъ сказать, неподвижностью въ образованіи словъ: въ нихъ, напр., нѣтъ ни уменьшительныхъ, ни увеличительныхъ именъ.

б) *Прилагательныя образуются* или изъ простыхъ корней, или изъ существительныхъ, мѣстоименій, нарѣчій, прилоговъ. Прилагательныя въ нѣкоторыхъ языкахъ являются въ видѣ первообразныхъ словъ. Часто они имѣютъ,—какъ мы уже сказали,—окончаніе родительнаго падежа существительныхъ. Въ окончаніи прилагательныхъ является по-большей-части извѣстный слогъ, ихъ характеризирующій, въ нѣкоторыхъ языкахъ—во всѣхъ падежахъ, а въ другихъ—въ косвенныхъ только. Эти характеристическіе слоги являются (въ нѣкоторыхъ языкахъ) и въ числительныхъ количественныхъ и въ извѣстныхъ мѣстоименіяхъ. Разсмотримъ окончанія прилагательныхъ. Окончанія аварскихъ прилагательныхъ представляютъ, безспорно, указательный характеръ: *а-у*, *а-ј*, *а-б* (*у*, *ј*, *б* показатели родовъ) этотъ, эта, это, *е-у*, тотъ; *којш* дурно—*којш-а-у* дурной, *ћіҗін* мало—*ћіҗін-а-у* малый. Въ удинскомъ языкѣ, въ косвенныхъ падежахъ является *т* въ сопровожденіи падежнаго окончанія: *шел* хорошій, род. *шел-таі*, дат. *шел-ту* и т. д. (въ указательныхъ и вообще прилагательныхъ мѣстоименіяхъ, въ числительныхъ количественныхъ—тоже). Въ этомъ языкѣ имѣется мѣсто-

именіе *ме* тотъ, —въ лак. яз.—*мā* тотъ, въ арч. *ца-у* (*у* показатель категоріи) онъ и этотъ.—Въ языкахъ хюркилин. и лакскомъ окончанія прилагательныхъ имѣютъ уже иной характеръ. Въ окончаніи хюркил. прилагательныхъ является по-большей-части *л*, предшествуемое извѣстными гласными. Оно-же является и въ окончаніи числительныхъ количественныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, но здѣсь не имѣетъ указательнаго характера. Это окончаніе сообщаетъ слову, къ которому присоединяется, значеніе большей опредѣлительности: *сај* онъ—*сај-ал* онъ одинъ, онъ самъ. Подобное-же значеніе имѣетъ и окончаніе лакскихъ прилагательныхъ—*да*. Слогъ этотъ (означающій вообще устраненіе сомнѣнія, подтвержденіе), придаетъ также больше опредѣлительности и тѣмъ мѣстоименіямъ, къ которымъ онъ присоединяется. Въ окончаніи-же числительныхъ количест. являются слоги: *ва*, *ра* или *да* и *ба*, т. е. категорическіе звуки, сопровождаемые *а*. Являются они и въ окончаніяхъ личныхъ и указат. мѣстоименій, сообщая имъ возвратное значеніе. Для выраженія того понятія, что дѣйствіе произведено было самимъ лицомъ, а не кѣмъ-либо другимъ, означенные слоги повторяются. Употребляются они и предъ окончаніемъ *да* для выраженія того понятія, что какой-нибудь предметъ, бывшій у извѣстнаго лица, находится и теперь-же у него.—Въ горскихъ языкахъ есть прилагательныя уподобительныя и прилагательныя съ ослабленнымъ значеніемъ. Въ аварскомъ языкѣ имѣются прилагательныя, заключающія въ себѣ понятіе объ изобиліи или недостаточности качества; въ лакскомъ языкѣ находятся прилагательныя, выражающія то понятіе, что извѣстное качество или свойство принадлежитъ продолжительно, постоянно и неизмѣнно данному предмету. Всѣ они образуются изъ прилагательныхъ-же посредствомъ присоединенія къ послѣднимъ извѣстныхъ приставокъ, или словъ (въ лак. языкѣ, напр., *дадāрда* трусливый, *дадāр-дāнд-да* трусоватый, собственно трусомъ пахнущій: *дāнд* значитъ—запахъ).—Въ нѣкоторыхъ языкахъ происходитъ и удвоеніе прилагательныхъ (въ удин. языкѣ *гзала* большой—*гзал-гзала* очень большой), или-же ихъ окончанія (въ авар. яз. *гзудіјаб гу* большая лошадь—*гзудіјаб-аб гу* означаетъ, что извѣстная лошадь боль-

шая между другими лошадьми, и что этимъ она и отличается отъ нихъ). Лакскій языкъ представляетъ особенность въ образованіи прилагательныхъ съ усиленнымъ значеніемъ: для полученія подобнаго прилагательнаго, гласная, находящаяся передъ окончаніемъ, обращается въ долгую: *лукеда* черный — *лукēда* весьма черный.—Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ образованія разныхъ прилагательныхъ, послѣднія сохраняютъ неизмѣннымъ свой первообразный видъ. Эта неизмѣнность яснѣе всего проявляется въ отсутствіи особыхъ формъ для степеней сравненія. Для выраженія неравенства степени качества, при сравненіи предметовъ, названіе предмета, служащаго для сравненія, ставится въ падежѣ уступающемъ, въ падежѣ извлеченія, или въ пад. удаленія, а прилагательное остается неизмѣннымъ: *дуjjар уду кінда урі* (по-лак.) братъ отъ сестры хорошъ есть, т. е. братъ лучше сестры. Низшая-же степень выражается обыкновенно отрицаніемъ: *jацħан вац ӡijац ħеч̆о* (по-авар.) какъ сестра братъ хорошъ не есть (братъ не такъ хорошъ, какъ сестра). Для выраженія превосходной степени, существительное, служащее для сравненія, ставится въ падежѣ извлеченія, въ пад. уступающемъ, или въ пад. удаленія множ. числа; при этомъ присоединяются слова, означающія: очень, особенно, изъ всѣхъ,—прилагательное-же остается неизмѣннымъ. Примѣры: *зі шах шарі рушулалх кісен jа* (въ кюрин.) моя сестра изъ всѣхъ дѣвушекъ хороша есть, *із десттіна маjра ву нāхахаџ* (въ чечен.) онъ особливо храбрый есть изъ мужчинъ.

в) *Образованіе мѣстоименій.*—Родительные падежи личныхъ мѣстоименій составляютъ и мѣстоименія притяжательныя. Мѣсто возвратныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица въ большинствѣ языковъ занимаютъ личныя мѣстоименія (фраза: «я себя хвалю» выражается такъ: мною я хвалюсь). Личное мѣстоименіе 3-го лица составляетъ и указательное мѣстоименіе со значеніемъ — тотъ. Дагестанскіе языки,—какъ мы уже сказали,—весьма богаты указательными мѣстоименіями. Послѣдніе образуются посредствомъ помѣщенія извѣстныхъ приставокъ обыкновенно передъ мѣстоименнымъ корнемъ: *т-ā* (въ лак. яз.) тотъ, *ц-ā* тотъ, который находится выше, *г-ā* тотъ, который находится ниже, и т. д. Въ хюркил. языкѣ подобные приставочные звуки являются въ концѣ мѣстоименія: *hi-т* тотъ, *hi-ш* тотъ, который находит-

ся ближе къ говорящему, *hi-л* тотъ, который находится ближе къ тому, которому говорится, *hi-ӄ* тотъ, который находится выше говорящаго, *hi-х* тотъ, который находится ниже. Лакскій языкъ представляетъ ту особенность, что въ немъ указательныя мѣстоименія *тā*, *ӄā*, *гā* и др. принимаютъ короткія гласныя вмѣсто долгихъ. Это случается тогда, когда указанію не придается особеннаго значенія. О кюринскихъ указательныхъ мѣстоименіяхъ скажемъ послѣ.—Вопросительныя мѣстоименія иногда происходятъ отъ разныхъ корней. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно усмотрѣть указательный характеръ названныхъ мѣстоименій. Въ подтвержденіе этого, укажемъ на кюринское мѣстоименіе *hi* который?, сродное съ указательнымъ *ha*, означающимъ: тотъ, о которомъ говорено было, показанный. Косвенные падежи удинскихъ вопросительныхъ (*е-таі* чего? *мано-таі* котораго? и т. д.) имѣютъ, повидимому, указательный характеръ. Подобное явленіе замѣчается и въ чеченскомъ вопросительномъ *мілху*, косвенные падежи котораго имѣютъ тѣ-же окончанія, какія имѣютъ и косвенные падежи указательнаго *дӡāрініг* тотъ. Можно усмотрѣть указательный характеръ и въ нѣкоторыхъ другихъ горскихъ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ.—Относительныхъ мѣстоименій въ большинствѣ горскихъ языковъ нѣтъ. Исключеніе представляютъ языки тушскій и удинскій. Лакское *мā*, приставляемое къ прилагательнымъ, хотя и переводится: тотъ, который (*луhемā* тотъ, который черенъ), но не играетъ въ рѣчи той роли, которую играютъ въ нашихъ языкахъ относительныя мѣстоименія. Вѣроятно, и удинскія и тушскія относительныя, помѣщаемыя впереди придаточныхъ предложеній, выработались подъ чуждымъ вліяніемъ, такъ-какъ подобное употребленіе относительныхъ мѣстоименій не согласно съ законами конструкціи горскихъ языковъ.—Для образованія опредѣлительныхъ мѣстоименій горцы прибѣгаютъ: или къ частицамъ (по-авар. *доу* тотъ — *доу-го* тотъ самый, *кінау* который—*кінау-го* всякій), или къ удвоенію окончанія (въ аварскомъ языкѣ), или-же къ составнымъ мѣстоименіямъ (въ кюр. *hар-жуою* каждый кто—всякій, кто-бы

то ни былъ, въ хюркил. *харжудіца* всякій,—состоитъ изъ: *хар-жуділ-ца* каждый-который-одинъ).

г) Переходимъ къ *числительнымъ*. — Въ основѣ горскаго счисленія лежитъ десятеричная система. Въ числахъ, начиная съ 10-ти, къ десятку или прибавляются единицы (въ туш., чечен. и удин. единицы помѣщаются сначала), или слово, выражающее десятокъ, ставится въ мѣстномъ падежѣ, имѣющемъ значеніе: на, сверху (въ лак. 23 выражается: сверху двадцати три). Въ хюркилинскомъ языкѣ девять не присоединяется къ десяткамъ: 19 выражается такъ: одинъ не доставая—двадцать. Для 20-ти имѣется, повидимому, первообразное слово. Далѣе 20-ти счетъ идетъ, въ большинствѣ языковъ, двадцатеричный (80—четыре сорокъ). Слово, означающее 1000, заимствовано. 100 имѣетъ различныя наименованія въ различныхъ группахъ языковъ. Счетъ сотенъ десятеричный. Тушины употребляютъ для сотенъ счетъ и десятеричный, и двадцатеричный (сто выражается: 5 разъ двадцать, 400—двадцать разъ 20 и т. д.). Въ дагестанскихъ языкахъ къ окончанію числительныхъ количественныхъ приставляются извѣстные слоги или звуки, которые часто отбрасываются (преимущественно при бѣгломъ счетѣ).—Для полученія различнаго рода числительныхъ горцы прибѣгаютъ къ пріемамъ, уже намъ извѣстнымъ. Такъ, напр., они удваиваютъ числительныя (для полученія числительныхъ распредѣлительныхъ: *кьі-кьі* въ авар. яз. два два, т. е. по-два), употребляютъ составныя слова (собирательныя числительныя въ большинствѣ языковъ образуются посредствомъ присоединенія къ числу слова, означающаго—вмѣстѣ: два вмѣстѣ, т. е. вдвоемъ), или прибѣгаютъ къ описательному способу выраженія (при образованіи дробныхъ числительныхъ; напр., трехъ частей одна часть — треть. Въ авар. языкѣ числительныя послѣдовательныя выражаются такимъ образомъ: *бебо жагьи* одинъ за однимъ держась, т. е. одинъ за другимъ). Кратныя образуются посредствомъ присоединенія къ числительному количественному извѣстнаго суффикса. — Вообще и числительныя отличаются неизмѣнностью своего первообразнаго вида; такъ, напр., въ большинствѣ языковъ нѣтъ особенной формы для выраженія числительныхъ порядковыхъ. Чаще всего, для выраженія ихъ, присоединяется къ данному числительному количественному причастіе будущее отъ глагола, означающаго — сказать (въ лак. *жуд-угіима* четвертый, букв. четыре, кото-

рые скажутся). Въ хюркилинскомъ языкѣ для этого-же употребляется причастіе прошедшее, а въ удинскомъ причастіе настоящее отъ глагола, означающаго тоже—сказать.

д) *Образованіе глаголовъ.* — Значительная часть глаголовъ образуется посредствомъ присоединенія извѣстныхъ глаголовъ къ прилагательнымъ, существительнымъ, нарѣчіямъ, прилогамъ, глаголамъ и къ корнямъ словъ. Примѣры: *абад-ћун* (въ кюрин.) богатымъ сдѣлаться, *јеќе-ѡун* (вм. *јеќе-аѡун*) большимъ сдѣлать, возвеличить, *аҙу-бесун* (въ удин.) горькимъ сдѣлать, *ругун* (по-кюрин. вм. *руг-аѡун*) пыль сдѣлать, *ӈікӈізе* (по-авар.) букв. хорошо сдѣлаться, *ала-бесун* (въ удин.) возвысить, букв. наверхъ сдѣлать, *дішар* (въ туш.) лежать, *дар* сдѣлать—*діш-дар* положить, букв. лежать сдѣлать (faire coucher), *нез-тун* (въ кюрин) заставить ѣсть, букв. ѣсть оставить (laisser manger). Послѣдніе примѣры показываютъ, что нѣкоторые глаголы служатъ для образованія залоговъ. Изъ приведенныхъ-же выше нами примѣровъ видно, что глаголы, съ которыми соединяются данныя слова, принадлежатъ къ категоріи вспомогательныхъ глаголовъ. Главное ихъ значеніе: дѣлаться, сдѣлаться, дѣлать, сдѣлать. Перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ: въ туш. и чечен. *д-ар* (корень *ар*) дѣлать, въ туш. *д-алар* дѣлаться, въ лак. *ћун* сдѣлаться и *ā н* сдѣлать, въ кюрин. *ћун* сдѣлаться и *аѡун* сдѣлать, въ удин. *есун*, производное отъ него *баҟсун* сдѣлаться и *бесун* сдѣлать, въ хюркил. *іс* сдѣлаться и *ѡаqіс* сдѣлать, въ авар. *ӈізе* сдѣлаться. Окончанія этихъ глаголовъ составляютъ и окончанія неопредѣленныхъ наклоненій самостоятельныхъ глаголовъ (есть и др. окончанія, какъ, напр., въ авар. языкѣ *не*). Вообще окончаніями неопредѣленныхъ наклоненій являются: *ар* (въ туш. и чечен. яз.), *н.* предшествуемое гласною (въ лак. и кюрин.), *сун* (въ удин.) и *с*, предшеств. гласною (въ хюркил.); въ авар. языкѣ—*зе* и *не* (*е* бѣгло произносится). Замѣтимъ при этомъ, что въ кюринскомъ языкѣ окончанія формъ самостоятельныхъ глаголовъ тождественны съ окончаніями формъ вспомогательныхъ глаголовъ, а въ удин. языкѣ глаголы вообще являются въ видѣ

сложныхъ глаголовъ, составленныхъ изъ глагольныхъ корней и вспомогательныхъ глаголовъ. — Въ роли вспомогательныхъ глаголовъ являются иногда и др. глаголы. Вспомогательные глаголы,—какъ мы сейчасъ видѣли,—употребляются для образованія глаголовъ и нѣкоторыхъ залоговъ. При помощи ихъ образуется,—какъ мы увидимъ дальше,—множество глагольныхъ формъ.—Для образованія-же видовъ въ горскихъ языкахъ существуютъ другіе пріемы. Такъ, напр., въ авар. языкѣ для выраженія повторяющагося дѣйствія удваивается данный глаголъ, причемъ отбрасывается окончаніе первой составной части (*бодізе* взять—*бодбодізе* брать нѣсколько разъ сряду). Въ языкахъ лакскомъ и хюркилинскомъ разные виды образуются черезъ вставку въ данныхъ глаголахъ извѣстныхъ слоговъ и звуковъ: *ізан* (въ лак. языкѣ) быть, остаться лишь въ извѣстный промежутокъ времени—*із-л-ан* періодически, регулярно бывать, *із-аб-ан* бывать по-временамъ, иногда; глаголъ *ic* (въ хюркил. языкѣ) сдѣлаться—*ір-ic* дѣлаться, *imahic* превратиться—*ima-л-hic* превращаться и т. д. Иногда въ этомъ-же языкѣ превращеніе глаголовъ одиночнаго значенія въ глаголы продолжительнаго значенія происходитъ посредствомъ замѣны гласной корня другою гласною: *aic* послать—*iic* посылать, *apic* летѣть—*ypic* летать и т. д. Подобное явленіе замѣчается и въ аварскомъ языкѣ,—но вообще оно не часто происходитъ въ горскихъ языкахъ.

е) *Нарѣчія* иногда состоятъ изъ корней только, а чаще бываютъ производныя. Нарѣчія *образуются* изъ разныхъ частей рѣчи. Нарѣчія качественныя въ большинствѣ языковъ образуются изъ прилагательныхъ посредствомъ присоединенія извѣстнаго суффикса. Окончаніе ихъ по-большей-части бываетъ тождественно съ окончаніемъ дѣепричастія. Въ кюринскомъ языкѣ нарѣчіе качественное состоитъ изъ прилагательнаго, тѣсно соединеннаго съ *яаз*—настоящимъ дѣепричастіемъ отъ глагола *есть*.—Большое количество нарѣчій происходитъ отъ мѣстоименій (указательныхъ, вопросительныхъ). Образованіе мѣстоименныхъ нарѣчій происходитъ различнымъ способомъ. Во-первыхъ, они бываютъ тождественны съ извѣстными падежами мѣстоименій: *кіуз* (въ кюрин. яз.) зачѣмъ? (*кіуз* дат. пад. отъ мѣстоименія *жуг* что?), *стенж* (въ удин. яз.) почему? (причинный падежъ отъ *ежа* что?), *сіоан*

(въ хюркил.) какъ? (тожественный падежъ отъ *сі* что?) и т. д. Во-вторыхъ, мѣстоименныя нарѣчія образуются изъ мѣстоименныхъ корней: *іс* (въ туш.) этотъ—*ісеѫ* здѣсь и т. д. Подобныя нарѣчія склоняются совершенно правильно: *ісеѫ* здѣсь —*ісере* отсюда и т. д. Въ-третьихъ, нарѣчія образуются посредствомъ присоединенія къ мѣстоименію извѣстнаго суффикса: *ha-у* (въ авар.) этотъ—*ha-ні-у* здѣсь, *hіш* (въ хюркил.) этотъ—*hіш-ку* сюда и т. д. — Есть и нарѣчія составныя: *е-вахт* (въ удин. яз.) когда? (составлено изъ *е* какое? и *вахт* время), *те-вахт* тогда, букв. то время. — Образуются нарѣчія и изъ существительныхъ (большею частью нарѣчія времени). Мы не станемъ пускаться въ изложеніе способовъ образованія этихъ нарѣчій уже и потому, что многія изъ нихъ приняли дотого сокращенную форму, что этимологическое объясненіе ихъ происхожденія дѣлается иногда невозможнымъ.—Нарѣчія образуются и изъ числительныхъ количественныхъ. Иногда и прилоги употребляются вмѣсто нарѣчій. — Въ-заключеніе обратимъ вниманіе только на нѣкоторыя особенности. Въ горскихъ языкахъ находится немало нарѣчій и прилоговъ, переносимыхъ отъ означенія мѣста и качества къ означенію времени: *hалаw* (въ хюркил. яз.) впереди и прежде, *мāк* (въ лак.) за и послѣ, *мāкhіф* (составл. изъ *мāк* за и *hіф* впереди) когда-нибудь, *маqwаз* (въ кюрин.) близко и недавно, *ʒемер* (въ авар.) много и часто, *камлі* (въ хюркил.) недостаточно и рѣдко. Дальше, для усиленія значенія удваивается данное нарѣчіе: *hалаw* прежде—*hалаw hалаw* сначала. Есть нарѣчія метонимическія (въ кюр. *ізілді* на этотъ разъ, букв. въ этой рукѣ) и описательныя (въ хюркил. *hанаhа ваараші* до-сихъ-поръ, букв. пока не достигнется, не наступитъ теперь). — Въ числѣ нарѣчій встрѣчаются и заимствованныя.

Отрицаніе по-большей-части выражается посредствомъ отрицательныхъ формъ глагола.—Частицы отрицанія: въ чечен. яз. *ца* (въ сокращенномъ видѣ *ц*), въ туш. *цо*, въ кюрин. *г* (*hіг* ничто,—съ нимъ сродно аварское *hеґо* не есть), въ лак. *акка*,

въ хюркил. *аḱ*, въ удин. *ҧе* (въ кюрин. есть тоже отрицательныя частицы: *т*, *ч*, замѣняемыя иногда сроднымъ звукомъ *д*).

ж) *Прилоги.* Въ числѣ прилоговъ попадается немало такихъ, образованіе которыхъ бросается въ глаза съ перваго-же разу. Подобными прилогами изобилуетъ кюринскій языкъ: *вокругъ* въ этомъ языкѣ выражется черезъ дѣепричастіе прошедшее отъ глагола *алюӱн* вертѣться, *за*—черезъ *ҕалаз*, дѣепричастіе настоящее отъ глагола *ҕала* нахожусь за; *ѡіліѭ* впередъ, букв. подъ глазомъ. Возьмемъ еще: хюркил. *цугдај* середина—*цугдајніѡ* въ-серединѣ (прилогъ), или лакское *дјā* (родит. пад. *дјāніл*) середина—*дјāніу* между, туш. *ҧе* сторона—*ҧеѫ* (мѣстный падежъ) — подлѣ, букв. въ-сторонѣ, чечен. *јуд* середина—*јуддіеѫ* между, букв. въ-серединѣ.

з) *Союзами* вообще бѣдны восточно-кавказскіе языки: въ нихъ не оказывается союзовъ, употребляемыхъ въ нашихъ языкахъ для выраженія послѣдовательности причинной, а также и союзовъ, служащихъ для сочетанія съ опредѣляемымъ предложеніемъ обстоятельственныхъ предложеній времени. Нѣтъ и союзовъ изъяснительныхъ. Исключеніе представляютъ языки тушскій и удинскій, въ которыхъ употребленіе союзовъ, означающихъ: *что*, *чтобы*, *чтобы не*, привито, кажется, чуждыми языками. Впрочемъ, и въ означенныхъ языкахъ (по замѣчанію акад. Шифнера) названные союзы часто выбрасываются въ рѣчи. Далѣе, союзы *амма* но, *ја* или заимствованы,—первый изъ нихъ рѣдко употребляется. Зато соединительный союзъ приставляется къ каждому изъ соединяемыхъ словъ: *дун-гі мун-гі* я и ты и (въ авар. языкѣ), *рузі-ра*, *узі-ра*, *ада-ра*, *ава-ра* (въ хюркил.) сестра и, братъ и, отецъ и, мать и.—Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, соединительный союзъ помѣщается послѣ того слова, съ которымъ онъ соединяется. Тоже явленіе замѣчается и въ употребленіи условныхъ союзовъ, вопросительныхъ и др. частицъ. — *Частицъ* въ горскихъ языкахъ вообще оказывается изрядное количество; они употребляются въ значеніи: то, и даже, дескать, молъ, вѣдь и т. д. Эти частицы намекаютъ на связь высказанной мысли съ мыслями невысказанными, но легко подразумѣваемыми въ моментъ разговора, и сообщаютъ рѣчи крат-

кость, къ которой стремятся горцы.—Частицы́ бываютъ простыя и сложныя.

§ 13. Перейдемъ теперь *къ флексіямъ*.

а) Начнемъ съ *склоненій*. Въ восточно-кавказскихъ языкахъ,—какъ мы уже сказали,—нѣтъ предлоговъ. Мѣсто ихъ заступаютъ прилоги или, лучше сказать, послѣлоги (postpositiones). Дальше, прилоговъ опять оказывается немного,—мѣсто ихъ занимаютъ падежныя окончанія: *бабаді-ѥ́* (въ кюрин. яз.) подъ отцемъ, букв. отцемъ-подъ (*ѥ́* падежное окончаніе), *адаміна-ѣ* (въ лак. яз.) у человѣка, букв. человѣка-у. Прилоги-же чаще всего употребляются лишь для большей опредѣлительности: *ккатлу-лу* (въ лак.) подъ домомъ, *ккатлу-лӯ* подъ низомъ дома (*лӯ* прилогъ). Многія изъ падежныхъ окончаній образовались изъ прилоговъ: *ккатлу-җа* около дома (*җа* падежное окончаніе образовалось изъ прилога *җарау* около), *ккатлу-ј* на домъ (*ј* сокращено изъ *јалӯ* на, надъ). Нѣкоторые глаголы и существительныя употребляются вмѣсто прилоговъ (мы объ этомъ уже говорили). Вѣроятно, также нѣкоторыя падежныя окончанія образовались изъ глаголовъ и другихъ частей рѣчи (укажемъ на *ӑун*—окончаніе падежей въ авар. языкѣ, употребляемыхъ въ значеніи: по-направленію; оно, по всей вѣроятности, представляетъ подвергшуюся сокращенію форму дѣепричастія прошедшаго отъ глагола *аӑіне* подниматься). Но значительная часть падежныхъ окончаній и прилоговъ подверглась дотого сокращеніямъ, что объясненіе ихъ происхожденія оказывается невозможнымъ.—Въ горскихъ языкахъ больше всего мѣстныхъ падежей. Они по-преимуществу служатъ для означенія въ рѣчи, въ какомъ относительномъ положеніи въ пространствѣ находится данный предметъ къ другому—въ состояніи покоя и движенія (напр. въ предложеніяхъ: «птица летитъ на дерево», «птица находится надъ деревомъ», слова: «на дерево, надъ деревомъ» ставятся въ мѣстныхъ падежахъ). Въ горскихъ грамматикахъ встрѣчаются и падежи, употребляемые при сравненіи въ рѣчи одного предмета съ другимъ (падежи: сравнительный, равняющій, уподобляющій, уступающій, тожественный). Въ нѣкоторыхъ языкахъ имѣются: падежъ союзный и пад. лишенія, въ удин. языкѣ есть падежъ причинный, а въ чеченскомъ—нарѣчистый. Послѣдняго рода падежи образуются

посредствомъ присоединенія къ склоняемому слову извѣстныхъ частицъ. Отдѣливъ эти падежи, да мѣстные, получимъ весьма скромное число падежей, а именно: именительный, родительный, дательный и творительный (послѣдняго нѣтъ въ лакскомъ языкѣ). Винительнаго падежа не имѣется (въ тушскомъ и удинскомъ языкахъ существуетъ падежъ, только отчасти приближающійся, по своему значенію, къ винительному падежу; онъ названъ г. Шифнеромъ «casus affectivus»). Вообще творительный падежъ (instructiv, activ) замѣняетъ собою винительный падежъ: въ горскихъ языкахъ слово, обозначающее дѣйствующій предметъ, ставится въ творительномъ падежѣ, а названіе предмета, подверженнаго дѣйствію, въ именительномъ (вмѣсто: я читаю книгу, говорится: мною читается книга); въ нѣкоторыхъ случаяхъ названіе дѣйствующаго предмета ставится въ дательномъ падежѣ (напр. мнѣ любится отецъ). Вслѣдствіе этого, нѣтъ,—строго говоря,—и залоговъ дѣйствительныхъ. Лакскій языкъ имѣетъ особенный, оригинальный способъ обозначенія дѣйствующаго предмета. Значительное число падежей въ дагестанскихъ языкахъ производится отъ творительнаго (въ лакскомъ отъ родительнаго). Въ удинскомъ языкѣ большее число падежей образуется изъ дательнаго падежа. Что касается множественнаго числа, то обыкновенно именительный падежъ этого числа образуется изъ именит. падежа единств. числа, посредствомъ присоединенія извѣстнаго суффикса, характеризирующаго множественное число. Въ косвенныхъ падежахъ множ. числа за этимъ суффиксомъ чаще всего слѣдуютъ окончанія падежей единственнаго числа. Въ горскихъ языкахъ по-большей-части для множественнаго числа имѣются различные суффиксы; въ нѣкоторыхъ языкахъ (въ чечен., удин.) — иногда двойные. Болѣе однообразія въ образованіи множественнаго числа представляетъ кюринскій языкъ.

Въ восточно-горскихъ языкахъ склоняются не только существительныя, прилагательныя, мѣстоименія, причастія, но и нарѣчія, прилоги, а въ нѣкоторыхъ языкахъ—неопредѣленныя наклоненія и дѣепричастія. Склоненіе этихъ частей рѣчи въ большинствѣ случаевъ идетъ однообразно. Отклоненія представляютъ мѣстоименія личныя и нѣкот. др., въ особенности-же вопросительныя. Въ нѣкоторыхъ языкахъ косвенные падежи указательныхъ и вообще прилагательныхъ мѣстоименій имѣютъ окончанія, принадлежащія къ другому корню (въ удин. языкѣ *цо-но* онъ, род. *це-туі*, дат. *це-*

ту; въ кюрин. *аҭа-ма* тотъ, твор. *аҭа-да*, дат. *а-ҭадаз* и т. д.).

Сдѣлаемъ замѣчаніе относительно склоненія словъ сложныхъ и опредѣлительныхъ. Въ словахъ сложныхъ обыкновенно слово, служащее опредѣленіемъ или дополненіемъ другого, помѣщается впереди: *роҕол ҕелеко* (въ авар. яз.) лѣсной пѣтухъ, т. е. фазанъ, *ҕалкхоj* (въ авар.), *сіwхӱн* (въ кюрин.) воздержаніе рта, т. е. постъ. Падежнымъ измѣненіямъ подвергается только вторая часть составнаго слова. Не подвергаются падежнымъ измѣненіямъ и прилагательныя, и мѣстоименія, стоящія передъ существительными и составляющія опредѣленіе послѣднихъ (склоняются означенныя части рѣчи только тогда, когда они являются въ видѣ существительныхъ и когда они стоятъ отдѣльно отъ нихъ). Буквальный переводъ прилагательныхъ и мѣстоименій, служащихъ опредѣленіемъ существительныхъ, выходитъ крайне-страннымъ, а иногда сообщаетъ предложенію совершенно другой смыслъ: *піс ҡасдін* (въ кюрин. яз.) дурного человѣка, букв. переводъ—дурной человѣка, *маса чімдін баз* другого человѣка садъ, букв. переводъ—другой человѣка садъ, *і базда* въ этомъ саду, букв. переводъ—этотъ въ саду. Слово *маса* стоитъ вмѣсто *масадан*, *і*—вм. *іда*. Намъ кажется, что на подобныя слова нужно смотрѣть, какъ на слова, тѣсно соединившіяся съ своими существительными и подвергшіяся вслѣдствіе этого сокращенію. Въ горскихъ языкахъ вообще, при тѣсномъ соединеніи двухъ словъ, первое слово подвергается сокращенію. Приведемъ примѣръ: *меҳ* (по авар.) время, твор. *меҳаӈ* временемъ — *меҳмеҳаӈ* по-временамъ, букв. временемъ временемъ. Въ первой составной части этого слова видимо выброшено окончаніе творит. падежа—*аӈ*.

б) *Глагольныя флексіи*. Въ спряженіяхъ съ самаго начала слѣдуетъ обратить вниманіе на *способъ обозначенія лицъ*. Въ нашихъ индо-европейскихъ языкахъ личныя глагольныя окончанія образовались, какъ извѣстно, посредствомъ присоединенія личныхъ мѣстоименій къ глагольнымъ корнямъ. Такъ, напр., слово *есмь* (старинное *есми*, греч. ἐςμὶ, санскр. *асми*) образовалось посредствомъ присоединенія къ корню *ес (ас)*, выражающаго *бытіе*, слога *ми*, составляющаго корень личнаго мѣстоименія перваго

лица. Просматривая горскія грамматики, мы находимъ подобное явленіе въ одномъ только удинскомъ языкѣ. Возьмемъ, напр., глаголъ *бесун* дѣлать. Корень *бес*. Посредствомъ присоединенія къ *бес* личныхъ мѣстоименій (изъ нихъ нѣкоторыя являются въ измѣненномъ видѣ) получились лица для настоящаго времени: *бес-а-зу, бес-а-ну, бес-а-не, бес-а-јан, бес-а-нан, бес-а-дун* (за объясненіе вставочнаго здѣсь звука *а* мы не беремся; но, во всякомъ случаѣ, можно предположить, что онъ не составляетъ неизмѣнной характеристики настоящаго времени, такъ-какъ попадаются глаголы, въ которыхъ—въ наст. времени—не оказывается названнаго звука). Иногда личныя мѣстоименія вставляются въ серединѣ: отъ *ес*—корня глагола *есун* приходить—образуются такимъ образомъ лица настоящаго времени: *е-з-са, е-н-са, е-не-са, е-јан-са* и т. д. Потомъ, причастіе прошедшее *бі* дѣлавшій — *бі-зу* аористъ, причастіе настоящее (оно-же и будущее) *бал—бал-зу* будущее. Личныя глагольныя окончанія находятся въ языкахъ лакскомъ и хюркилинскомъ. Возьмемъ, напр., лакское *у-ра* я есмь и ты еси, *у-рі* онъ есть, *б-у-ру* мы есмы и вы есте, *б-у-рі* они суть (*б* — категорическій звукъ). Корень здѣсь *у* (отъ него образовалось и причастіе настоящее *у-за*). *ра, рі, ру* личныя окончанія; но они, повидимому, не имѣютъ ничего общаго съ личными мѣстоименіями. Замѣтимъ при этомъ, что окончанія 1-го и 2-го лица одинаковы. Наконецъ, окончанія *ра, рі* въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ замѣняются другими окончаніями (*ау, а*). Одно только можно вывести заключеніе, что окончаніе 1-го и 2-го лица смягчается или сокращается для 3-го лица. Подобное смягченіе или сокращеніе происходитъ и въ хюркилинскомъ языкѣ. Въ этомъ языкѣ по-большей-части для каждаго лица единств. числа существуетъ особое окончаніе; но есть и такія времена, въ которыхъ для всѣхъ лицъ имѣется одно общее окончаніе. Можетъ быть, дальнѣйшее изученіе восточно-горскихъ языковъ броситъ свѣтъ на происхожденіе личныхъ глагольныхъ окончаній въ языкахъ лакскомъ и хюркилинскомъ.—Затѣмъ въ другихъ восточно-кавказскихъ языкахъ для всѣхъ лицъ существуетъ одно окончаніе, составляющее лишь характеристику времени: *в-у*

(въ чечен. яз.) я есмь, ты еси, онъ есть (*в* показатель рода), *в-ара* я, ты, онъ былъ.

Перейдемъ теперь къ *глагольнымъ формамъ*. Простыхъ глагольныхъ формъ оказывается весьма немного. Относительно производства временъ нужно замѣтить слѣдующее: одни времена образуются изъ глагольнаго корня, другія изъ неокончательнаго наклоненія, а въ нѣкоторыхъ языкахъ и изъ другихъ формъ (напр. изъ извѣстныхъ формъ дѣепричастія и причастія). Отъ этихъ формъ происходятъ др. формы. Примѣры: *дiшар* (въ туш. яз.) лежать, корень *дiш*—наст. изъяв. *дiш-у*, прош. несовершен. *дiшу-р*, прош. соверш. *дiш-е*, аористъ — *дiше-р*; *рекъiне* (въ авар. яз.) сѣсть верхомъ—будущ. опредѣл. *рекъiн-а*, прич. буд. опред. *рекъiнеу*, дѣеприч. прош. соверш. *рекъун* — наст. неопред. *рекъуна*, прич. наст. неопр. *рекъунеу*; *ласун* (въ лак. яз.) взять—прич. буд. *ласун-да*, буд. неопред. *ласунда-ра*; *бi* (въ удин. яз.) причастіе прош. отъ *бесун* дѣлать — *бi-зу* аористъ и т. д. Иногда трудно опредѣлить грамматическое соотношеніе между коренными формами. Но вообще число такъ-называемыхъ неправильныхъ глаголовъ въ горскихъ языкахъ не большое. Самое значительное число временъ въ горскихъ языкахъ образуется при помощи вспомогательныхъ глаголовъ. Глаголы эти обозначаютъ: быть, дѣлаться, дѣлать. Совокупляется иногда нѣсколько формъ такихъ глаголовъ, вслѣдствіе чего получаются весьма сложныя формы; напр., въ кюринскомъ языкѣ находимъ такую форму: *еiјз жез кана кууј* букв. дѣлая дѣлаясь сдѣлавшись пусть сдѣлается. Авар. языкъ при этомъ прибѣгаетъ къ свойственному ему удвоенію: *iна iна вуқунеу вуқарау* (причастіе прошед. безпрерывное). Правило размѣщенія составныхъ формъ такое: сначала ставится глагольная форма даннаго глагола или его тема, а за нею вспомогательные глаголы. Въ языкахъ лакскомъ и хюркилинскомъ вспомогательные глаголы играютъ меньшую роль въ образованіи временъ,—въ этихъ языкахъ развился другой способъ различать дѣйствіе: посредствомъ вставки въ данномъ глаголѣ извѣстныхъ слоговъ или звуковъ образуются глаголы, обозначающіе различныя степени продолжительности дѣйствія или состоянія, вслѣдствіе чего и получается изрядное

количество глагольныхъ формъ. Въ лакскомъ языкѣ приставляются еще къ глагольнымъ формамъ извѣстныя частицы, видоизмѣняющія ихъ значеніе: *на шава у-ра* я дома — *на шава у-ҫа-ра* я дѣйствительно дома; *іҕај-ҫа* бывающій—*іҕај-нā-ҫа* постоянно бывающій, *іҕан-ҫа* который будетъ, *іҕан-ну-ҫа* могущій быть и т. д. Иногда въ горскихъ языкахъ на подмогу являются и извѣстныя формы другихъ глаголовъ: въ лакскомъ языкѣ, напр., такую роль играетъ *ҕі* дѣеприч. отъ глагола *ҕун* сказывать: *іҕан-ҕі* намѣреваясь быть, букв. быть говоря. Подобный способъ обозначенія намѣреваемаго дѣйствія существуетъ и въ хюркилинскомъ языкѣ. Благодаря этимъ способамъ образованія глагольныхъ формъ, въ горскихъ языкахъ получается изрядное количество временъ изъявительнаго наклоненія, множество причастій и дѣепричастій. Времена наклоненій условнаго, условно-желательнаго образуются изъ соотвѣтствующихъ временъ изъявительнаго наклоненія (иногда причастій) чаще всего посредствомъ присоединенія къ нимъ извѣстныхъ частицъ.

§ 14. Въ горскихъ языкахъ вообще обнаруживается стремленіе къ накопленію въ данномъ словѣ различныхъ понятій и обстоятельствъ. Возьмемъ, въ подтвержденіе сказаннаго, хюркилинское слово *шіѡра* я (говоритъ мужчина) нахожусь на-верху. Въ этомъ словѣ находимъ: *ра*—показателя времени и лица, *ѡ*—показателя рода и *ші*, обозначающее положеніе предмета. Иногда подобное накопленіе является, повидимому, совершенно излишнимъ: *к̈ѡанзі-к̇ к̈уш к̇ѡа* (въ кюрин.) *подъ* камнемъ птица находится *подъ*, *в-ац в-адара-у в-уго* (въ авар.) братъ голоденъ есть. Въ этомъ предложеніи находимъ четыре раза употребленнымъ показателя рода. Вслѣдствіе стремленія къ означенному накопленію, происходитъ, по всей вѣроятности, то явленіе, что горцы стараются сократить составныя части даннаго слова. Вѣроятно, множество слоговъ или простыхъ звуковъ представляютъ обломки словъ, уже навсегда утратившихъ свой первообразный видъ. Вообще горская рѣчь носитъ характеръ по-преимуществу синтетическій,—она избѣгаетъ видимо словораздѣльности. Вотъ почему слова, служащія для выраженія отношеній между предметами, являются въ видѣ сокращеннаго падежнаго суффикса, не имѣя,

конечно, уже той силы, какую имѣютъ въ нашихъ языкахъ предлоги. Горской рѣчи вообще чужды,—какъ мы сказали,—относительныя мѣстоименія; въ ней-же ощущается недостатокъ союзовъ, служащихъ для выраженія связи между предложеніями. Въ этомъ случаѣ на выручку являются разнообразныя причастія и дѣепричастія, причемъ въ нѣкоторыхъ языкахъ и послѣднія (а иногда неопредѣленныя наклоненія) подвергаются падежнымъ измѣненіямъ. Но при всемъ томъ, связь между предложеніями иногда ничѣмъ не выражается. Приведемъ нѣсколько оборотовъ горской рѣчи, замѣняющихъ собою отсутствіе относительныхъ мѣстоименій и союзовъ, служащихъ для выраженія связи между предложеніями: *ӑуо воккуӊ волуш, суо ђімiӊ вара* (по-чечен.) ты большимъ будучи, я малымъ былъ, *дун ахiа вугеу меӑаӊ ваӷа дове* (по-авар.) я въ саду сущій въ (то) время, приходи туда, *дун iна роӄове мун вачiнеђан* я пойду въ лѣсъ ты придти какъ (т. е. прежде чѣмъ ты придешь); *дун аӄулеу чiјас коала буго* я призываемъ человѣкомъ пишется, т. е. я призываемъ человѣкомъ, который пишетъ; *суēгаӑ гаур јолуӊ ваша дiкiӊ ву* (по чечен.) у меня лошадь сущая братъ хорошъ есть, т. е. у меня лошадь находящаяся *брата, который* хорошъ есть, *дiк чу бугеу вац ӊiјау вуго* (по-авар.)—тоже значеніе; *суēгаӑ гаур јолчу вашас јāздуо* (по-чечен.) у меня лошадь сущая братомъ пишется, т. е. у меня лошадь брата, который пишетъ.

Представляя этотъ весьма бѣглый и отрывочный очеркъ грамматическаго строенія восточно-кавказскихъ языковъ, мы считаемъ нужнымъ пояснить, что цѣлью этого очерка вовсе не было желаніе сдѣлать сравнительный обзоръ названныхъ языковъ. Этою цѣлью мы не могли задаваться какъ потому, что еще не всѣ дагестанскіе языки изслѣдованы, такъ и потому, что подобный обзоръ можетъ быть сдѣланъ только нашими многоуважаемыми лингвистами, посвятившими цѣлые годы изученію означенныхъ языковъ. Повторимъ еще разъ, что, при составленіи очерка грамматическаго строенія восточно-кавказскихъ языковъ, мы имѣли въ виду только дать возможность читателямъ, неознакомленнымъ съ означенными языками, лучше оріентироваться при чтеніи краткаго грамматическаго очерка кюринскаго языка. Къ этому очерку теперь и приступимъ.

---

§ 15. Начнемъ съ *существительныхъ.*

Кюринскій языкъ бѣденъ *производными* существительными. При отсутствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ производственныхъ суффиксовъ, послѣдніе часто замѣняются либо суффиксами и прибавочными словами, заимствованными у тюркскаго населенія, либо простыми словами, не имѣющими между собою никакой этимологической связи; очень часто кюринцы замѣняютъ недостатокъ производственныхъ словъ описательными или метафорическими выраженіями.—Разсмотримъ порознь образованіе различныхъ существительныхъ. Въ кюринскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ восточно-горскихъ языкахъ, не оказывается *ни увеличительныхъ, ни уменьшительныхъ именъ.* Во-вторыхъ, *неопредѣленное наклоненіе,* подлежащее всѣмъ падежнымъ измѣненіямъ, можетъ быть разсматриваемо, *какъ* настоящее *существительное* (*кікін* писать и писаніе, *вун* пить и питье, *дін* умереть и смерть и т. д.). Въ-третьихъ, *названія дѣйствователей* чаще всего выражаются посредствомъ причастій (напр. *фу ґірадайді* хлѣбъ пекущій—хлѣбопекъ). Довольно часто названія дѣйствователей встрѣчаются съ тюркскимъ окончаніемъ *чі*,—нерѣдко также они обозначаются посредствомъ тюркскаго слова *устар* мастеръ (*ґад* кузница—*ґасун устар* кузницы мастеръ, кузнецъ). Для этой-же цѣли употребляется и окончаніе *бан* (*нехір* стадо—*нехір-бан* пастухъ). Въ кюринскомъ словарѣ П. К. Услара отыскали мы и окончаніе *кан* (*зурге-кан* охотникъ), замѣняемое черезъ указанное окончаніе *бан. кан* употребляется и въ аварскомъ языкѣ,—съ нимъ сродно и хюркилинское *дхна*, заимствованное, по всей вѣроятности, изъ персидскаго языка. *Названія орудій дѣйствія* «не имѣютъ никакого характеристическаго окончанія и не представляютъ этимологической связи съ глаголомъ». *Названія предметовъ вмѣщающихъ* выражаются обыкновенно при помощи тюркскаго слова *ƙаб*, означающаго посуду (*делен ƙаб* солонка, *нехеді ƙаб* молочникъ, букв. молочная посуда). — Далѣе, *полъ существъ разумныхъ* выражается или прибавочными словами (*ашуд сім* любовникъ, *ашуд паб* любовница, — *сім* мужчина, *паб* женщина), или словами, не имѣющими между собою никакой этимологической связи (*ґам* новобрачный, *ƙweƙw*

новобрачная), а чаще всего описательнымъ образомъ: вотчимъ выражается—неродной отецъ, пасынокъ—неродной сынъ, племянникъ — брата сынъ и т. д. Дѣдъ выражается — *҂ікі баба* (grand-père), бабка—*҂ікі деде* (grand' mère), бабка съ отцовской стороны — *баде* (это слово, видимо, представляетъ сокращеніе словъ: *бабадін деде* отца мать). Въ кюринскомъ языкѣ, «въ-противоположность другимъ дагестанскимъ языкамъ, вовсе нѣтъ простыхъ названій для двоюроднаго, троюроднаго и т. д. Троюродное родство не можетъ быть выражено иначе, какъ черезъ: отца дяди сына сынъ и т. п.». Благодаря указаннымъ способамъ образованія названій для обозначенія родства, а также заимствованнымъ словамъ, въ кюринскомъ языкѣ имѣется довольно много названій, обозначающихъ различнаго вида родство (есть даже названіе для женъ одного мужа въ отношеніи другъ къ другу). Названій собственно производныхъ весьма мало, — да и они оказываются необъяснимыми въ этимологическомъ отношеніи (напр. слова: *хучул* внукъ, *шутул* правнукъ). *Различіе пола животныхъ* большею частью обозначается тюркскими словами *ерке́к* самецъ, *діші* самка (*ерке́к сеѵ* медвѣдь, *діші сеѵ* медвѣдица). Впрочемъ, для обозначенія различія пола нѣкоторыхъ животныхъ, кюринцы употребляютъ и туземныя слова, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ перифрастической метафорѣ: волка самца называютъ они кобелемъ-волкомъ, волчицу—сукою-волкомъ, оленя самца—быкомъ-оленемъ, оленью самку—коровою-оленемъ; даже заяцъ самецъ носитъ названіе быка-зайца. Для выраженія различія пола фазана и утки, кюринцы употребляютъ слова: пѣтухъ и курица (см. § 9, ж). Для *названія домашнихъ животныхъ*, составляющихъ предметъ хозяйской заботливости, существуетъ множество словъ, обозначающихъ ихъ полъ, возрастъ и другія обстоятельства (такъ, напр., имѣются особыя названія для буйвола вообще, для буйвола самца и для буйлицы, для буйленка вообще и для подросшаго буйленка, далѣе—для буйлицы, отлученной отъ матери и пр.). Большая часть подобныхъ названій тюркскаго происхожденія, другія—обнаруживаютъ сродство съ словами восточно-горскихъ языковъ. Названія эти по-большей-части не имѣютъ этимологической связи между собою.

Находятся, однако, въ кюринскомъ языкѣ и существитель-

ныя, образуемыя изъ первообразныхъ словъ посредствомъ присоединенія къ послѣднимъ незаимствованнаго суффикса: такъ образуются отвлеченныя существительныя при помощи суффикса *ѡал* (напоминающаго тушскую приставку *ол*), присоединяемаго большею частью къ прилагательнымъ: *кісен* добрый — *кісенѡал* доброта, *мæді* холодный — *мæдіѡал* холодъ. Кюринскія отвлеченныя существительныя представляютъ ту особенность, что они производятся и отъ различныхъ глагольныхъ формъ. Такъ, напр., *аѡаj* (вм. *аѡаjді*) находившійся — *аѡаj-ѡал* то, что находилось, какъ находилось (*ада аѡаj-ѡал туна* имъ, какъ находилось, оставлено, *ӄаб аѡаj-ѡал аҕура* сосудъ, какъ былъ, наполни, т. е. по-прежнему); *ѫедаj* (вм. *ѫедаjді*) дѣлаемый — *ѫедаjѡал* что дѣлаемо есть, что можно сдѣлать и т. д.

Въ кюринскомъ словарѣ П. К. Услара отыскали мы нѣсколько существительныхъ, находящихся видимо въ этимологической связи съ соотвѣтствующими имъ глаголами. Перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ и укажемъ на соотвѣтствующіе имъ глаголы: *цан* пашня — *цун* (прошед. *цана*) пахать, *ӗен* жатва — *іӗін* (прошед. *іӗена*) жать хлѣбъ; *ѥѡæл* шовъ — *ѥӱн* (прош. *ѥѡена*) шить, *іҕæл* сорная трава — *іҕін* (прош. *іҕена*) полоть сорную траву; *рæзѡ* мельница — тема для косвенныхъ падежей *рæгӱ* — *рæзӱн* молоть; *кучур* шолудь — *кучун* насыпать. Слову *зӱр* мука, можетъ быть, соотвѣтствуетъ глаголъ *рæзӱн* молоть (начальный слогъ *рæ* отбрасывается и въ др. словахъ: *рæдін* и *дін* умереть). — Отыскали мы и существительныя, образовавшіяся изъ существительныхъ не при помощи производственныхъ суффиксовъ, но черезъ употребленіе данныхъ словъ или во множественномъ числѣ (*ҕул* лопатка, кость позади плеча — *ҕул-ар* спина, *сур* могила — *сур-ар* кладбище и т. д.), или въ извѣстномъ падежѣ единств. числа (слово *туҙал* перстень представляетъ, по всей вѣроятности, мѣстный падежъ со значеніемъ *на* отъ слова *ҙуб* палецъ, также точно и *хіѡæл* подшивка ярма составляетъ подобный мѣстный падежъ отъ слова

xew—тема косв. падежей *xiwe*—затылокъ). Попадаются и прилагательныя, употребляемыя какъ существительныя (*jaňahan* серьга есть собственно прилагательное, образовавшееся изъ слова *jaňa* въ ухѣ,—*han* суффиксъ). Вообще кюринскій языкъ, кажется, бѣднѣе другихъ изслѣдованныхъ восточно-кавказскихъ языковъ (за исключеніемъ удинскаго) производными существительными.

§ 16. *Склоненіе существительныхъ.* Кюринскіе падежи подведены П. К. Усларомъ подъ два разряда: одни изъ нихъ служатъ для выраженія отвлеченныхъ отношеній между предметами, другіе — мѣстные падежи — употребляются по-преимуществу для обозначенія относительнаго положенія предметовъ въ пространствѣ. Вводить въ кюринскую грамматику третій разрядъ падежей, а именно разрядъ падежей, употребляемыхъ въ рѣчи при сравненіи предметовъ, не оказалось надобности, такъ-какъ, для обозначенія неравенства степени качества, названіе предмета, служащаго для сравненія, ставится въ мѣстномъ падежѣ удаленія, а для выраженія уподобленія и тожества сравниваемыхъ предметовъ въ разсматриваемомъ языкѣ имѣется только одинъ суффиксъ *ħiz* какъ. Поспѣшимъ, однако, замѣтить, что кюринцы, для выраженія тожества сравниваемыхъ предметовъ, вводятъ еще въ данное предложеніе, кромѣ означеннаго суффикса, нарѣчіе, означающее *такъ* или *столько* и тюркскій союзъ *ќi* *что.* Примѣры: *пачаh-ħiz aǩweda wун* какъ царь ходишь ты (уподобленіе), *ciтxa aӄ ќiсен ja ќi wax-ħiz* братъ *такъ* (*aӄ*) хорошъ есть, *что* (*ќi*) сестра *какъ* (*ħiz*), т. е. братъ также хорошъ, какъ сестра (тожество).

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію двухъ указанныхъ разрядовъ падежей.

§ 17. Основу склоненія въ кюринскомъ языкѣ, подобно тому, какъ и въ другихъ восточно-кавказскихъ языкахъ, составляютъ падежи перваго разряда, т. е. падежи, служащіе для обозначенія отвлеченныхъ отношеній между предметами. Въ горскихъ языкахъ этихъ падежей немного,—въ кюринскомъ языкѣ ихъ всего четыре (именительный, творительный, родительный и дательный). Винительнаго нѣтъ, — мѣсто его занимаетъ творительный падежъ, въ которомъ ставится слово, обозначающее дѣйствующій предметъ (названіе предмета, подверженнаго дѣйствію, употреб-

ляется въ именительномъ). Примѣры: *бабаді кіҕіда кагаз отцемъ* пишется письмо, *гечре ѡаҕа сірнаѡ ејізаѡа рыбой* въ рѣкѣ плаваніе дѣлается. Иногда слово, обозначающее дѣйствующій предметъ, ставится въ дательномъ падежѣ (примѣры: *собакѣ* въ полѣ куропатка увидѣлась, *пастуху* на дорогѣ часы нашлись). Но подобнымъ образомъ употребленный дательный падежъ, при обозначеніи дѣйствующаго предмета, не имѣетъ той силы, какую представляетъ творительный падежъ. Вообще послѣдній играетъ важную роль въ рѣчи, — отъ него-то и производятся всѣ остальные косвенные падежи. Это производство совершается вполнѣ однообразно.

Разсмотримъ сначала *образованіе падежей единственнаго числа*. Представимъ парадигмы склоненій.

И. *баба* отецъ *дал* прутъ *ѡах* сестра *јаҕ* быкъ *цур* мѣдь
Т. *баба-ді дал-і ні ѡах-а јаҕ-р-а цур-ц-і*
Р. *баба-ді-н дал-і ні-н ѡах-а-н јаҕ-р-а-н цур-ц-і-н*
Д. *баба-ді-з дал-і ні-з ѡах-а-з јаҕ-р-а-з цур-ц-і-з*

«Въ обыкновенной рѣчи конечное *н* родительнаго падежа чаще всего отбрасывается, и тогда форма родительнаго дѣлается тожественною съ формою творительнаго». Кромѣ того, нужно замѣтить, что вмѣсто *у* и *ў*, находящихся въ окончаніяхъ творительнаго и производныхъ отъ него падежей, употребляется и звукъ *і*. Такимъ образомъ можно сказать: *неру* и *нері*, *нерун* и *нерін*, *ҕўлў* и *ҕўлі* и т. д. (обратимъ мимоходомъ вниманіе еще на то обстоятельство, что изъ всѣхъ изслѣдованныхъ восточно-горскихъ языковъ къ кюрин. языку, по образованію косвенныхъ падежей единств. числа, ближе всего подходитъ арчинскій языкъ: въ немъ въ окончаніяхъ родительнаго и дательнаго являются *н* и *с*; послѣдніе падежи по-большей-части образуются изъ творительнаго и наконецъ творительный падежъ образуется тоже или черезъ прибавленіе гласной къ корню именительнаго падежа, или черезъ присоединеніе извѣстнаго слога).

Изъ вышеприведенныхъ парадигмъ склоненія видно, что вся трудность его заключается въ *образованіи творительнаго падежа*. Окончаніями этого падежа бываютъ или слоги *ді* и *ні*, или какая-нибудь гласная (передъ конечными гласными иногда вставляется *р*, или-же одна изъ шипящихъ). Чаще встрѣчается окончаніе

ді: оно присоединяется, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ словъ, ко всѣмъ существительнымъ, кончащимся въ именительномъ на гласную. Это-же окончаніе, за весьма немногими исключеніями, принимаютъ и существительныя, кончащіяся на согласную и состоящія изъ двухъ и болѣе слоговъ. Окончаніе *ді* приставляется и къ нѣкоторымъ односложнымъ существительнымъ, кончащимся на согласную. Суффиксъ *ні* приставляется къ большинству односложныхъ словъ, кончащихся на согласную. Во многихъ односложныхъ существительныхъ, кончащихся на согласную, творительный падежъ образуется посредствомъ присоединенія къ именительному извѣстныхъ гласныхъ. Итакъ, твор. пад. въ односложныхъ существительныхъ, оканчивающихся на согласную, образуется различнымъ образомъ. Обратимъ еще вниманіе на одно обстоятельство: въ разсматриваемомъ языкѣ попадаются слова, имѣющія двойной твор. падежъ: *мæзѫ* жолудь—твор. *мæзу̀* и *мæзу̀ні*, *баѓ* лапа—твор. *баѓу* и *баѓіні* и т. д. Есть слова, имѣющія и тройное окончаніе для означеннаго падежа: *хар* градъ и бобъ—твор. *хару*, *харіні* и *харадi*, *серг* чеснокъ—твор. *серкі*, *серкіні* и *серкеді* и т. д. Вѣроятно, эти различныя формы явились въ языкѣ не вдругъ, вѣроятно также и то, что полныя формы явились раньше, нежели сокращенныя. При этомъ естественно рождается вопросъ, не имѣютъ-ли суффиксы *ді* и *ні* какого-нибудь этимологическаго значенія? Въ настоящее время, когда еще не всѣ горскіе языки изслѣдованы, невозможно дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ; но нельзя не указать на то, что *д* является въ окончаніи прилагательныхъ, является оно также и въ окончаніи причастій, и въ косвенныхъ падежахъ указательныхъ мѣстоименій. Можетъ быть, суффиксъ *ді*, присоединяемый къ окончанію существительныхъ, имѣлъ первоначально указательное, или опредѣлительное значеніе. Замѣтимъ при этомъ, что падежныя окончанія нѣкоторыхъ арчинскихъ существительныхъ представляютъ явственно указательный характеръ: они тождественны съ падежными окончаніями указательныхъ мѣстоименій. Примѣры: *ҭау* онъ и тотъ—твор. *ҭау-му*, дат. *ҭау-мус*, род. *ҭау-мун*,—*уш-ду* братъ—твор. *уш-му*, дат. *уш-мус*, род. *уш-мун*; *ҭор* она и та—прочіе падежи: *ҭор-мі*, *ҭор-міс*, *ҭор-мін*, — *дош-дур*

сестра—прочіе падежи: *дош-нi, дош-мiс, дош-мiн.* Быть можетъ, дальнѣйшее изслѣдованіе горскихъ языковъ разъяснитъ этимологическое значеніе падежныхъ суффиксовъ, находящихся въ фонетической связи съ темою существительнаго.—Въ кюринскомъ языкѣ творит. падежъ въ словахъ двусложныхъ и въ словахъ, кончащихся на гласную, образуется почти всегда посредствомъ присоединенія суффикса *di*,—при этомъ тема существительнаго остается неизмѣнною (здѣсь присоединеніе падеж. суффикса *di* обусловливается бо̀льшимъ количествомъ слоговъ и конечною гласною темы существительнаго). Въ односложныхъ-же существительныхъ, кончащихся въ имен. на согласную, въ окончаніи творит. падежа являются различныя окончанія, происходитъ притомъ нерѣдко и измѣненіе гласныхъ и согласныхъ, находящихся въ именит. падежѣ. Замѣна согласныхъ другими сродными звуками (§ 5, а) указана обстоятельно въ трудѣ г. Услара, — случаи этихъ замѣнъ удачно сгруппированы акад. Шифнеромъ; но вообще обозначеніе способовъ образованія твор. падежа въ означенныхъ существительныхъ представляетъ столько затрудненій, что П. К. Усларъ ограничился въ большинствѣ случаевъ перечисленіемъ словъ, принимающихъ въ этомъ падежѣ извѣстное окончаніе. Въ виду этого, намъ остается ограничиться лишь нѣсколькими замѣчаніями.— Мы сказали, что односложныя существительныя, кончащіяся на согласную, имѣютъ въ творит. падежѣ или сокращенное окончаніе, или полное, т. е. принимаютъ въ окончаніи твор. падежа или только гласную, или суффиксъ (*di, ni*). Въ первомъ случаѣ гласная окончанія находится въ извѣстной зависимости отъ гласной корня. Во второмъ случаѣ передъ суффиксомъ вводится обыкновенно, за весьма немногими исключеніями, гласная, которая побольшей-части находится тоже въ зависимости отъ гласной корня. Такимъ образомъ въ образованіи твор. падежа гласная корня играетъ главную роль. Но, однако, есть случаи, въ которыхъ и гласная корня подвергается незначительному фонетическому измѣненію. Дальше, въ нѣкоторыхъ словахъ, имѣющихъ сокращенное окончаніе, передъ конечными гласными вводится или *р*, или одна изъ шипящихъ. Скажемъ сначала нѣсколько словъ о вставочныхъ согласныхъ, а потомъ поговоримъ о гласныхъ конечныхъ, вставочныхъ, а также и о гласныхъ корня. Итакъ: а) вставочное *р* является въ словахъ, означающихъ одушевленныя неразумныя существа (*jaƀ* быкъ—тв. *jaƀ-р-а*). Шипящія вставляются передъ

і въ немногихъ словахъ. Нѣсколько изъ этихъ словъ, по замѣчанію акад. Шифнера (см. его «Ausführ. Bericht...», § 19), начинаются съ шипящей (*ђін* тв. *ђін-ђ-і*, *ђар* строка—*ђар-ђ-і* и т. д.). Но попадаются и такія слова, въ корнѣ которыхъ не оказывается шипящей, а между-тѣмъ она является передъ окончаніемъ (*к̆ѡан* камень—*к̆ѡан-ʒ-і*; *ѡан* звукъ—*ѡан-ц-і* и т. д.). б) Относительно конечныхъ и вставочныхъ гласныхъ нужно замѣтить, что между этими гласными и гласными корня существуетъ извѣстное соотношеніе. Во-первыхъ, во многихъ словахъ гласная, находящаяся въ корнѣ, является и въ окончаніи твор. падежа. Примѣры: *ѡах* сестра—твор. *ѡах-а*, *ћѡећѡ* невѣста — *ћѡећѡ-е*, *ʒіл* рука — *ʒіл-і*, *ћу̇л* море—*ћул-у̇*, *ҟунҭ* холмъ — *ҟунҭ-у*. Это полное соотвѣтствіе между окончаніемъ твор. падежа и гласною корня чаще всего встрѣчается, — сколько мы могли замѣтить, — въ словахъ, имѣющихъ въ корнѣ *і* (этотъ звукъ, какъ мы уже видѣли, играетъ важную роль въ языкѣ), или съ нимъ сродное *у̇*. Въ концѣ твор. падежа, представляющаго, — какъ это видно изъ вышеприведенныхъ примѣровъ,—фонетическое расширеніе темы именительнаго, не можетъ стоять *ӕ*, звукъ, отличающійся необыкновенною краткостью; онъ въ этомъ случаѣ чаще всего замѣняется сроднымъ съ нимъ *е*, причемъ нерѣдко и коренное *ӕ* обращается въ *е*: *пӕл* лобъ — тв. *пел-е*, *дӕл* соль — *дел-е* и т. д. Точно также конечное *ѡ* именительнаго падежа замѣняется въ творительномъ сроднымъ съ нимъ звукомъ *у* (*јаҟѡ* топоръ—тв. *јаҟ-у*). Во-вторыхъ, часто, въ силу закона конкордаціи гласныхъ (§ 4, б), происходитъ въ твор. падежѣ замѣна сильной гласной корня другою сильною гласною, а слабой—другою слабою. Сильныя гласныя: *а*, *у*, слабыя: *ӕ*, *е*, *і*, *у̇*. Примѣры: *г̆ар* вѣтеръ—тв. *г̆ар-у*, *лув* крыло — *лув-а*; *ѡӕд* трава—*ѡӕд-і*, *мес* тюфякъ—*мес-і*, *дін* присяга—*дін-е*, *деӕ* мокрота—*деӕ-у̇*, *к̆у̇р* заяцъ—*к̆у̇р-е*; *мӕʒѡ* жолудь—*мӕʒ-у̇*, *рӕʒѡ* мельница — *рӕʒ-у̇*. Указанный законъ нарушается, повидимому, главнымъ характеристическимъ звукомъ *і*. Недавно мы указали на то, что въ твор. па-

дежѣ онъ можетъ замѣнять конечное *у*; онъ иногда является въ окончаніи твор. падежа и въ тѣхъ словахъ, въ корнѣ которыхъ находится *а*: *кал* корова—*кал-і*, *цан* пашня—*цан-і* и т. д. Сказанное нами о соотношеніи, существующемъ между гласною корня и гласною окончанія твор. падежа, примѣнимо и къ тѣмъ существительнымъ, въ которыхъ передъ окончаніемъ этого падежа вставляется *р*. Окончаніями для означеннаго падежа въ такихъ существительныхъ служатъ *а* и *е*: первое является въ словахъ, имѣющихъ въ корнѣ одну изъ сильныхъ гласныхъ, второе—въ тѣхъ существительныхъ, въ корнѣ которыхъ находится одна изъ слабыхъ гласныхъ: *јаƒ̆* быкъ—тв. *јаƒ̆-р-а*, *луф* голубь—*луф-р-а*; *ҭеҭ* муха—*ҭеҭ-р-е*, *ƒ̆іƒ̆* саранча—*ƒ̆іƒ̆-р-е* и т. д. Также и передъ *ді* вставляется по-большей-части *а* или *е*: первое тогда, когда въ корнѣ находится сильная гласная, а второе въ словахъ, имѣющихъ слабую гласную: *ř̆ум* дымъ—*ř̆ум-а-ді*, *hæq* потъ—*hæq-е-ді*, *æіw* снѣгъ—*æіw-е-ді* и т. д. Остальныя гласныя, а именно: *і*, *ў*, или *у* вставляются передъ *ні*. Вставка этихъ звуковъ обусловливается часто гласною, находящеюся въ корнѣ: *ř̆іř̆* ось — тв. *ř̆іř̆-і-ні*, *ƒ̆ўт* пара — *ƒ̆ўт-ў-ні*, *буд* ободъ—*буд-у-ні* и т. д. Замѣтимъ, что чаще всего вставляется *і*: оно вставляется въ существительныхъ, заключающихъ въ корнѣ *і*, *е*, *æ*, *а*; является оно иногда и въ словахъ, имѣющихъ въ корнѣ *у*. в) Подвергаются измѣненію и гласныя корня. Такимъ измѣненіямъ больше всего подвержены слова, принимающія суффиксъ *ні* (*хат* буса — тв. *хіґіні*, *ќарг* рогъ—*ќірґіні*). Въ словахъ-же, принимающихъ въ окончаніи твор. падежа гласную, гласная корня, подвергшись измѣненію, по-большей-части возстанавливается въ окончаніи твор. падежа: *ƒ̆ал* стѣна—тв. *ƒ̆іл-а*, *сахw* коренной зубъ—*сухw-а*, *хеw* затылокъ—*хіw-е* и т. д. Сюда отнесемъ и тѣ слова, въ корнѣ которыхъ происходитъ замѣна *æ* въ *і*,—только въ окон-

чаніи твор. падежа такихъ словъ является не *æ*, а сродное съ послѣднимъ *е* (о причинѣ этого явленія мы сказали выше): *ћæл* стрѣла—*ћіл-е*, *хæл* вѣтвь—*хіл-е*. Суффиксъ *ді*, такъ сказать, гарантируетъ гласную корня отъ измѣненій. Гласныя корня гарантируются отъ измѣненій почти всегда и въ тѣхъ немногихъ односложныхъ существительныхъ, въ которыхъ передъ окончаніемъ *і* вставляется одна изъ шипящихъ. Подвергается иногда измѣненіямъ и коренное *а*, предшествуемое звукомъ *w*: *хwал* канава—тв. *хулі*, *хwат* слива — *хучуні*. Объ измѣненіяхъ, которымъ подвергается *w*, см. въ § 5, г.—Говоря объ образованіи творит. падежа, не слѣдуетъ упускать изъ виду и ударенія. Замѣтимъ, что удареніе никогда не ставится надъ суффиксами *ді* и *ні*; въ словахъ-же, кончащихся въ твор. на гласную, оно обыкновенно является надъ конечною гласною. Бываютъ, однако, случаи, въ которыхъ оно отодвигается на гласную корня, — тогда слабая гласная окончанія обращается въ сильную: *нер* носъ—тв. *нѐр-у*, *кӱр* конюшня—*кӱр-у* (попадаются исключенія).—Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что нѣкоторыя слова образуютъ неправильно твор. падежъ. Къ категоріи таковыхъ словъ принадлежатъ по-преимуществу существительныя, начинающіяся въ именительномъ съ *j*, сопровождаемой гласною; въ такихъ словахъ въ твор. и производныхъ отъ него падежахъ обыкновенно отбрасывается начальное *j* и сопровождающая его гласная (*jіс* годъ — тв. *са*). Объ этихъ существительныхъ мы уже говорили (§ 5, е). Здѣсь упомянемъ только о словѣ *jуд* середина, которое въ твор. падежѣ имѣетъ двѣ формы: *jудwа* и *дула*. Вторая форма представляетъ сокращеніе первой (въ чеч. и туш. яз. находится *jуд* однозначащее слово).

Множественное число. Именительный падежъ этого числа образуется изъ именительнаго единственнаго черезъ присоединеніе къ нему суффикса *ар* или *ер*. Это общее правило. Отъ означеннаго падежа совершенно однообразно производятся косвенные падежи, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Возьмемъ слова: *wах* сестра, *ʒіл* рука и *баба* отецъ.

Им.	*ѡах-ар*	*ʒіл-ер*	*баба-ј-ар*
Тв.	*ѡах-ар-у*	*ʒіл-ер-у*	*баба-ј-ар-у*
Род.	*ѡах-ар-у-н*	*ʒіл-ер-у-н*	*баба-ј-ар-у-н*
Дат.	*ѡах-ар-у-з*	*ʒіл-ер-у-з*	*баба-ј-ар-у-з*

Прим. Окончаніе *у* можетъ быть замѣнено въ *і*; «но *у*, какъ кажется, предпочтительнѣе».

Замѣтимъ съ самаго начала, что *существительныя многосложныя образуютъ* именительный множ. числа посредствомъ присоединенія къ именительному единственнаго *ар*. *Если слово оканчивается* въ имен. единственнаго *на гласную*, то передъ *ар* вводится *ј*, въ силу того закона, что языкъ не терпитъ встрѣчи двухъ гласныхъ: *баба—баба-ј-ар*, *деде* мать—*деде-ј-ар* и т. д. Отъ *хѡа* сынъ имен. множественнаго — *ру-хѡа-ј-ар*. Въ этомъ словѣ замѣчается, повидимому, двойной суффиксъ: одинъ въ окончаніи, а другой—въ началѣ (*ру*, какъ суффиксъ множ. числа, попадается и въ др. горскихъ языкахъ).

Существительныя односложныя, кончащіяся на согласную, въ именит. множественнаго оканчиваются то на *ар*, то на *ер*. Присоединеніе того или другого суффикса обусловливается фонетическими условіями языка. Итакъ, во-первыхъ, сильныя коренныя гласныя требуютъ въ имен. множ. числа *ар*, а слабыя—*ер*. Примѣры: *ѡах — ѡах-ар*, *јаꙁѡ* топоръ—*јаꙁѡ-ар*, *буд* ободъ—*буд-ар*; *сеѡ* медвѣдь—*сеѡ-ер*, *ʒу̀л* мужъ—*ʒу̀л-ер*. Во-вторыхъ, слова, имѣющія въ корнѣ слабыя гласныя, принимаютъ въ имен. множ. числа *ар* въ томъ случаѣ, когда удареніе передвигается на гласную корня: *пе́к* шелкъ, тв. ед. *пѐкді*—им. множ. *пѐкар*, *ҁім* человѣкъ, твор. ед. *ҁімді—ҁім-ар*, *сер* гулянье, тв. ед. *сѐрді—сѐрар*, *ду̀з* равнина, тв. ед. *ду̀зді—ду̀з-ар* (у акад. Шифнера въ словахъ: *сер-ар* и *ду̀з-ар* удареніе по ошибкѣ поставлено надъ гласными суффикса, см. § 32 и слич. сборникъ словъ). Слова, имѣющія, на-оборотъ, сильныя гласныя въ корнѣ, принимаютъ въ имен. множественнаго *ер* въ томъ случаѣ, когда въ окончаніи твор. единственнаго находится слабая глас-

ная: *гаƒ* кошка, тв. ед. *гаƒі*—имен. множ. *гаƒ-ер*, *кал* корова, тв. ед. *калі—кал-ер*, *ҟwал* комната, тв. ед. *ҟwалі—ҟwал-ер*, *wан* голосъ, тв. ед. *wан-ц-і—wан-ер*, *к̈wан* камень, тв. ед. *к̈wан-ʒ-і—к̈wан-ер*. Найдется весьма немного словъ, которыя-бы не подошли подъ означенное правило. — Изъ сказаннаго нами видно, что, при образованіи имен. падежа множ. числа, нужно принимать во вниманіе не только именительный, но и творит. падежъ единств. числа. Въ этомъ еще больше можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія тѣхъ измѣненій, которымъ подвергаются какъ согласныя, такъ и гласныя именительнаго множественнаго. Такъ, напр., мы сказали, что нѣкоторыя согласныя измѣняются къ твор. единственнаго въ сродныя съ ними согласныя,—тоже явленіе происходитъ и въ именит. множественнаго. Примѣры: *јаб* ухо, тв. ед. *јаńу*—имен. мн. *јаńар*, *ʒуд* кулакъ, тв. ед. *ʒучу—ʒучар*, *мугw* гнѣздо, тв. ед. *мукwа—мукwар* и т. д. Въ твор. единственнаго коренныя гласныя замѣняются иногда другими гласными,—тоже замѣчаемъ и въ имен. множественнаго: *ƒал* стѣна, тв. ед. *ƒіла*—имен. множ. *ƒілар*, *хwат* слива, тв. ед. *хучуні—хучар*, *кwæкw* щека, тв. ед. *кўк̈we—кўк̈wер* и т. д. Возьмемъ еще такъ-называемыя неправильныя слова: *јіс* годъ, тв. един. *са*—им. множ. *сар*, *јоʒ* день, тв. ед. *к̈а—к̈ар* и т. д.—Есть, однако, случаи, въ которыхъ именительный множественнаго представляетъ измѣненія, чуждыя творительному единственнаго. Мы выше сказали, что суффиксъ *ді*, присоединенный въ твор. падежѣ къ словамъ двусложнымъ и многосложнымъ, гарантируетъ ихъ отъ всѣхъ фонетическихъ измѣненій, — суффиксъ множественнаго числа не имѣетъ этого свойства. Примѣры: *іҳæл* сорная трава, тв. ед. *іҳæлді*—им. мн. *іҳелар*, *сіńæл* усъ, тв. ед. *сіńæлді—сіńелар*. Точно также и шипящая, стоящая передъ конечнымъ *і*, гарантируетъ коренную гласную отъ измѣненія ея въ твор. единственнаго,—во множ. числѣ мы замѣчаемъ другое: *ʒæл* сани, тв. ед. *ʒæлці*—им. мн. *ʒелер*, *сæл* наводненіе, тв. ед. *сæлці—селер* (приведенные нами примѣры показываютъ, что *æ* не можетъ стоять не только въ концѣ существительныхъ, но и передъ суффиксомъ

множ. числа). Въ извѣстныхъ многосложныхъ словахъ (§ 5, г) не оказывается *w* въ твор. единственнаго, — во множественномъ же числѣ оно является передъ *ар*: *бу̀тр̣ру̀к* червякъ, тв. ед. *бу̀тру̀кді*—им. мн. *бу̀тру̀к-w-ар*, *губару̀к* ласточка, тв. ед. *губару̀кді—губару̀к-w-ар* и т. д. Наконецъ замѣтимъ, что нѣкоторыя коренныя гласныя, обнаруживающія наклонность къ измѣненію въ др. гласныя (*а* въ *і*), вслѣдствіе передвиженія въ твор. един. ударенія на коренную гласную, остаются неизмѣнными,—передвиженіе ударенія въ имен. множественнаго на приставку производитъ и измѣненіе коренной гласной: *ка̀р* дѣло, тв. ед. *ка̀рді*—им. мн. *кіра̀р*, *кас* человѣкъ, тв. ед. *ка̀сді—кіса̀р*.—Изъ всего сказаннаго нами объ образованіи творительнаго единственнаго и именительнаго множественнаго числа видно, что въ основѣ образованія ихъ лежатъ по-преимуществу фонетическія условія.

§ 18. *Мѣстные падежи*, т. е. формы, служащія для обозначенія относительнаго положенія въ пространствѣ одного предмета къ другому. Въ горскихъ языкахъ одни изъ нихъ образуются обыкновенно изъ извѣстнаго падежа (чаще всего творительнаго) посредствомъ присоединенія къ нему въ концѣ извѣстнаго суффикса. Такимъ образомъ получаются основныя мѣстныя формы. Изъ этихъ формъ производятся однообразно другія мѣстныя черезъ прибавленіе новыхъ суффиксовъ.—Обиліемъ мѣстныхъ формъ кюринскій языкъ уступаетъ другимъ изслѣдованнымъ дагестанскимъ языкамъ. Сравнительная бѣдность этихъ формъ обнаруживается уже изъ того, что основныя мѣстныя формы, означающія покой, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и для обозначенія движенія. Итакъ, *бабадік* значитъ: подъ отцемъ (букв. отцемъ-подъ) и подъ отца, *бабадал*—на отцѣ и на отца, и т. д. Суффиксовъ, служащихъ для обозначенія мѣстныхъ формъ, оказывается тоже немного.

Разсмотримъ образованіе мѣстныхъ формъ. Начнемъ съ *основныхъ мѣстныхъ формъ, означающихъ покой и движеніе*. Они образуются изъ творит. падежа. Возьмемъ слово *баба* отецъ, твор. *бабаді*,—основныя мѣстныя формы: 1) *бабаді-к подъ* отцемъ и *подъ* отца, 2) *бабаді-w у* отца, *къ* отцу, 3) *бабаді-к за* от-

цемъ и *за* отца, 4) *бабада* (и *бабадi*) *въ* отцѣ, 5) *бабадал на* отцѣ и *на* отца. Замѣтимъ, что для обозначенія движенія *въ* какое-нибудь мѣсто обыкновенно употребляется дат. падежъ: *зун чамуз шузаwа* я въ лѣсъ иду (*чамуз* дат. пад.). Способъ образованія трехъ первыхъ формъ не требуетъ никакихъ объясненій. 4-ая форма сродна съ творительнымъ. Она обыкновенно оканчивается на *а* или на *е*, и въ тѣхъ словахъ, которыя въ твор. оканчиваются на одну изъ этихъ гласныхъ, она тождественна съ формою этого падежа. Въ словахъ, кончащихся въ твор. на *у*, для полученія означенной формы, окончаніе это превращается въ *а* (*цаwу* небомъ—*цаwа* въ небѣ); въ тѣхъ-же словахъ, въ окончаніи твор. падежа которыхъ находится *i* или *ў* (слабыя гласныя), означенная форма образуется посредствомъ измѣненія указанныхъ гласныхъ въ *е* (*зiлi* рукою—*зiле* въ рукѣ, *зўлў* мужемъ—*зўле* въ мужѣ). Так. обр. и здѣсь проявляется законъ конкордаціи гласныхъ. Въ словахъ, кончащихся въ твор. на *дi* и *нi*, 4-ая форма оканчивается на *да* и *на* (можетъ она сохранять и окончаніе твор. падежа). Итакъ, означенная форма не имѣетъ, строго говоря, одного опредѣленнаго, неизмѣннаго суффикса. — 5-ая форма образуется изъ 4-ой посредствомъ присоединенія суффикса *ал*, употребляемаго въ значеніи *на*, *надъ*. Поэтому въ словѣ, напр., *бабадал* нужно видѣть сліяніе *бабада* и *ал* (если 4-ая форма оканчивается на *е*, то въ окончаніи 5-й формы получается *æл*: *зiле—зiлæл*). Суффиксъ *ал*, быть можетъ, заимствованъ у сосѣдняго тюркскаго населенія (по араб. على *надъ*),—во всякомъ случаѣ въ изслѣдованныхъ дагестанскихъ языкахъ онъ не встрѣчается (въ удин. языкъ онъ вошелъ). Прочіе суффиксы: *w*, *ḱ* и *k*, или-же къ нимъ подходящіе, встрѣчаются въ горскихъ языкахъ либо въ качествѣ суффиксовъ мѣстныхъ падежей, либо въ качествѣ суффиксовъ указательныхъ мѣстоименій. Означенныя мѣстныя формы дла множ. числа образуются изъ твор. падежа этого числа (*бабаjару—бабаjару-ḱ*, *бабаjару-w*, *бабаjару-k*; 4-ая форма оканчивается на *а*: *бабаjара*, а 5-ая образуется изъ послѣдней).

Отъ формъ, означающихъ покой и сближеніе, производятся

формы, означающія удаленіе, или посредство: первыя черезъ присоединеніе æ (замѣтимъ мимоходомъ, что въ удинскомъ языкѣ для обозначенія удаленія употребляется суффиксъ *о*, въ лак. языкѣ подобное значеніе имѣетъ суффиксъ *а*), *вторыя — черезъ присоединеніе характернаго кюринскаго слога ді*. Представимъ парадигмы для мѣстныхъ формъ.

Покой и сближеніе.		Удаленіе.		Посредство.
подъ	*бабаді-ќ*	изъ-подъ *бабаді-ќ-æ*	черезъ-подъ	*бабаді-ќді*
у, къ	*бабаді-ѡ*	отъ *бабаді-ѡ-æ*	черезъ-у	*бабаді-ѡ-ді*
за	*бабаді-к*	изъ-за *бабаді-к-æ*	черезъ-за	*бабаді-к-ді*
въ	*бабада* (*ді*)	изъ *бабадæ*		
на	*бабадал*	съ *бабадал-æ*	черезъ-надъ	*бабадал-ді*.

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно употребленія нѣкоторыхъ изъ показанныхъ формъ. Формы, оканчивающіяся на *ді*, употребляются и для выраженія того понятія, что дѣйствіе совершается черезъ, подъ, мимо извѣстнаго предмета (напр., предложенія: «бараны пошли *черезъ гору*», «облака уходятъ *за югъ*, лисица *подъ стогомъ* пошла», «лисица у *стога* прошла» требуютъ формъ, оканчивающихся на *ді*: *дагдал-ді, к̈ібледік-ді, марќінік-ді, марќініѡ-ді*), и для выраженія того, что дѣйствіе совершается посредствомъ даннаго предмета (*ам са ƒ̈ілінал-ді ќутҙун* его *веревкой* привяжи); но означенныя формы употребляются также и для обозначенія предѣла, до котораго совершается дѣйствіе (особенно, когда имѣется въ виду обозначить болѣе точнымъ образомъ этотъ предѣлъ): *зі фур сіѡіѡ-ді к̈ўлæ аƒ̈ана* моя яма *по края* отъ пшеницы наполнилась, *сіҕ баҙді дулал-ді аҙадна* лисица *до середины* сада дошла, *нæнал-ді до* вечера и. т. д. (обратимъ вниманіе на то, что слогъ *ді*, съ которымъ мы уже встрѣтились и съ которымъ дальше не разъ еще встрѣтимся, придаетъ мѣстнымъ формамъ, — какъ это видно изъ только-что приведенныхъ примѣровъ, — значеніе большей опредѣлительности). Возьмемъ теперь форму, кончающуюся на *ќ* и форму производную отъ нея, означающую уда-

леніе. Прямое значеніе ихъ: подъ, изъ-подъ; но они употребляются и въ значеніи проницающемъ: *ђiлак деж кiткiзава* въ стѣну (букв. подъ стѣну) сырость проникаетъ, *ӄаwук-æ ҵелi хiкатна* сквозь крышу (букв. изъ-подъ крыши) протеканіе вышло. Примѣры эти показываютъ недостаточность мѣстныхъ формъ. Приведемъ еще нѣсколько своеобразныхъ кюринскихъ выраженій: *wарi wахарук-æ ам iјерді ја* изъ всѣхъ сестеръ (букв. изъ-подъ всѣхъ сестеръ) она красивая есть, *i ђiђдiк-æ кiсен џек жедi* изъ этого цыпленка (букв. изъ-подъ этого цыпленка) хорошій пѣтухъ выйдетъ; *цæлцiк-æ амај нафт заз ђе* отъ бурдюка (букв. изъ-за бурдюка) остающуюся нефть мнѣ дай.—Какъ-бы то ни было, но и изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что кюринцы, по примѣру прочихъ горскихъ народовъ, стараются выразить, какъ можно отчетливѣе, разнообразныя отношенія даннаго предмета къ другимъ предметамъ. При недостаткѣ нѣкоторыхъ формъ, они пользуются либо падежами, служащими для выраженія отвлеченныхъ понятій (напр. дательнымъ—для обозначенія движенія въ какое-нибудь мѣсто), либо прибѣгаютъ къ словамъ, замѣняющимъ прилоги.

§ 19. *Слова, употребляемыя въ значеніи прилоговъ.* Мы выше сказали (§ 13), что въ восточно-кавказскихъ языкахъ нѣтъ предлоговъ, что мѣсто ихъ заступаютъ прилоги или, лучше сказать, послѣлоги (postpositiones); указали мы также и на то, что, вслѣдствіе обилія мѣстныхъ формъ, и прилоговъ оказывается немного. Кюринскій языкъ представляетъ ту особенность, что въ немъ вовсе нѣтъ прилоговъ (прилогъ *зејрi* кромѣ заимствованъ изъ араб. языка). Мѣсто ихъ занимаютъ либо мѣстныя формы, либо слова, употребляемыя въ значеніи прилоговъ. Роль такихъ прилоговъ играютъ по-преимуществу нѣкоторыя существительныя. Являются они чаще всего въ извѣстной мѣстной формѣ послѣ того существительнаго, для котораго они играютъ роль прилоговъ: *i гарцi џанi-w булах iwа* у этого дерева внизу (букв. этого *дерева подошвы-у*) родникъ находится. Укажемъ только на нѣкоторыя слова, употребляемыя въ значеніи прилоговъ, и приведемъ нѣсколько примѣровъ ихъ употребленія.

дiл голова, начало: *ам ӄажiмдi дiлi-w ӡwа* онъ

возлѣ начальника (букв. у головы начальника) находится (*ділі-w* у головы переводится *возлѣ*), *ам hакімді ділі-w-æ шана* онъ *мимо* начальника (букв. отъ головы начальника) ушелъ и т. д.

ҵан подошва, дно: *а гаран ҵані-к азудін* подъ то дерево (букв. подъ подошву того дерева) сядемъ.

wіл глазъ: *гі хурун wілі-к базлар ʼкwа передъ* нашимъ ауломъ (букв. подъ глазомъ нашего аула) сады находятся.

дулук позади (первоначальное значенiе этого слова—спина,—въ языкѣ сохранилось *ҵула* на спинѣ): *зі базді дулук булах ҷала* позади моего сада родникъ находится.

Формы отъ исчезнувшаго изъ употребленiя слова *ҷwæн* задъ: *ҷwæніз, ҷwæнік* и т. д.: *ам зі ҷwæніз ќwезаwа* онъ ко мнѣ сзади (букв. онъ къ моему заду) подходитъ.

пад сторона (тема косвен. падежей *пага*): *а хур wаþун а пага аwа* этотъ аулъ *за* рѣкою (букв. въ той сторонѣ рѣки) находится, *за ім hакімді пагал-æ аwуна* я это *для* или *ради* начальника (букв. со стороны начальника) сдѣлалъ, *заз гайді пагал-æ ќæhwе þе* мнѣ *вмѣсто* чаю кофе дай.

ара промежутокъ: *ам гімару арада hайді гуш* онъ *между* людьми (букв. въ промежуткѣ людей) оказавшiйся не есть, т. е. его не оказалось среди людей.

Въ значенiи прилоговъ употребляются и дѣепричастiя нѣкоторыхъ глаголовъ: *æлќwена*, дѣепр. прош. отъ глагола *æлќун* вертѣться, употребляется въ значенiи *вокругъ*: *хурæл æлќwена хандаҵ ала* вокругъ аула (на аулъ обвертѣвшись) канава находится.

ҷалаз, дѣепр. отъ глагола *ҷала* нахожусь за, чаще всего употребляется въ значенiи *съ*: *ќе зун бабадік ҷалаз шанай* сегодня я съ отцемъ (букв. за отцемъ находясь за) пошелъ.

«*Безъ* переводится помощью отрицательной формы дѣепричастiя глагола *аwа—аwагіз* не находясь», а также другихъ вспомогательныхъ глаголовъ, означающихъ — находиться: *гу*

ḱe jad awariz амудна мы сегодня *безъ* воды (букв. вода не находясь) остались.

§ 20. *Прилагательныя.* — Прилагательныя бываютъ коренныя и производныя. Прилагательныя качественныя, состоящія по-большей-части изъ однихъ корней, относятся къ первой категоріи (замѣтимъ мимоходомъ, что слово *гешін* голодный, показанное въ трудѣ П. К. Услара въ числѣ коренныхъ словъ, нужно, кажется, отнести къ числу прилагательныхъ производныхъ: въ языкѣ есть слово *гаш* голодъ). Къ категоріи производныхъ прилагательныхъ принадлежатъ притяжательныя и вообще относительныя прилагательныя. Во-первыхъ, существительное, употребленное въ род. падежѣ един. числа, составляетъ прилагат. притяжательное: *п́ап́ан генібаш* жены платье, или женино платье. Существительныя-же, употребленныя въ род. пад. множ. числа, составляютъ уже прилагат. относительныя, такъ-какъ они означаютъ качество, свойственное цѣлому роду, или виду извѣстныхъ предметовъ: *п́ап́арун генібаш* женщинъ платье, т. е. женское платье. Окончаніе означенныхъ прилагательныхъ—*н*. Оно составляетъ и окончаніе прилагательныхъ, производныхъ отъ нарѣчій времени. Такія прилагательныя образуются черезъ присоединеніе къ нарѣчію или *н* (*гіла* теперь—*гілан* теперешній), или *ан* (*над* вчера—*над-ан* вчерашній); происходитъ иногда, при образованіи прилагательныхъ, расширеніе ихъ (*п́ака*—завтра *п́ака-ḥан* завтрашній, *ḱе* сегодня—*ḱенін* сегодняшній), или измѣненіе гласной корня (*шаз* въ прошломъ году—*шіз-ан* прошлогодній). Можетъ-быть, прилагательное *ḥічін* подобный произошло отъ *ḥіз* какъ, такъ-какъ. Затѣмъ другихъ производныхъ прилагательныхъ не имѣется,—въ языкѣ нѣтъ, напр., прилагательныхъ, означающихъ мѣсто (слово *внутренній* выражается: внутри находящійся, *я здѣшній*—я отсюда есмь).—Вообще кюринскій языкъ бѣденъ прилагательными: въ немъ имѣются только прилагательныя съ ослабленнымъ значеніемъ и прилагательныя уподобительныя. Первыя образуются посредствомъ присоединенія къ данному слову частицы *ḥіз* (*jepy* красный — *jepy-ḥіз* красноватый, букв. такъ-какъ красный); для полученія-же вторыхъ присоединяется прилагательное *ḥічін* (*narah-ḥічін*

цареподобный).—Дальше, при выраженіи неравенства качества въ сравниваемыхъ предметахъ, прилагательное, какъ и въ др. горскихъ языкахъ, остается неизмѣннымъ; измѣненіямъ въ этомъ случаѣ подвергаются лишь существительныя. Объ этомъ мы уже говорили (см. § 16). Вообще статья «степени сравненія» должна быть въ грамматикахъ горскихъ языковъ,—какъ намъ кажется,—отнесена къ отдѣлу именъ существительныхъ.

Перейдемъ къ *склоненію прилагательныхъ*. Прилагательныя въ кюринскомъ языкѣ, какъ и въ др. горскихъ языкахъ, «поставляются обыкновенно впереди опредѣляемыхъ ими существительныхъ, причемъ не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ, ни по падежамъ, ни по числамъ»: *kicen баба* добрый отецъ, *kicen бабаді* добрымъ отцемъ, *kicen бабаjар* добрые отцы. Прилагательныя склоняются только тогда, когда они стоятъ отдѣльно отъ существительныхъ. Склоняются они такимъ образомъ:

Ед. ч.: им. *kicen-ді*, тв. *kicen-да*, род. *kicen-дан* и т. д.

Мн. ч.: — *kicen-бур*, *kicen-бург*, *kicen-буругн* и. т. д.

Какъ видно изъ этого, *ді* и *бур* склоняются совершенно правильно. Суффиксы *ді* и *бур* принадлежатъ, конечно, къ разнымъ корнямъ. Въ слогѣ *бур* бросается въ глаза сперва *ур*, составляющее часто суффиксъ множ. числа въ удинскомъ, а иногда въ арчин. и лак. языкѣ (вообще *р*, сопровождаемое гласною, является часто въ горскихъ языкахъ въ качествѣ суффикса множ. числа). Звукъ *б*, стоящій передъ *у*, составляетъ тоже суффиксъ множ. числа въ разныхъ горскихъ языкахъ (въ кюрин. языкѣ онъ встрѣчается въ словѣ *чеб* сами). Можетъ-быть, *бур* представляетъ двойной суффиксъ (двойные суффиксы множ. числа встрѣчаются часто въ удин. языкѣ). Слоги *ді* и *бур* составляютъ окончаніе и причастій. П. К. Усларъ полагаетъ (см. § 141), что *ді* значитъ: сущій (*kicen-ді* хорошъ сущій). Но навряд-ли подобное объясненіе можетъ быть примѣнено ко всѣмъ случаямъ употребленія этихъ слоговъ. Даже въ прилагательныхъ слоги *ді* и *бур* не имѣютъ, кажется, указаннаго значенія. Возьмемъ, напр., предложеніе: *зі баба kicen чім jа* мой отецъ хорошій человѣкъ есть. Оно можетъ быть замѣнено слѣдующимъ предложеніемъ: *зі баба kicenді jа* мой отецъ хорошій есть (подразумѣвается *чім* человѣкъ). Здѣсь, кажется, *ді* не имѣетъ значенія *сущій*. Не видѣть-ли скорѣе въ

означенныхъ слогахъ опредѣлительные, или указательные суффиксы? Какъ-бы то ни было, но они являются и въ окончаніи указательныхъ и вообще прилагательныхъ мѣстоименій. Перейдемъ къ мѣстоименіямъ.

§ 21. *Мѣстоименія.*—Для того, чтобы не прерывать связи съ только-что сказаннымъ, начнемъ съ указательныхъ мѣстоименій. Указательныя мѣстоименія, въ самомъ упрощенномъ видѣ, суть слѣдующія: *і, а, аҭа, Һа, ѡані, аҕа.* Изъ нихъ *і* (этотъ) «служитъ для указанія на предметы, находящіеся близко къ говорящему и къ тому, которому говорится (весьма часто въ разсказѣ имѣетъ оно значеніе члена опредѣлительнаго); *а* указываетъ на предметы, удаленные отъ говорящаго, хотя-бы и близкіе къ тому, которому говорится»; *аҭа* (въ арч. *ҭа-*, въ лак. *тā*, въ удин. *те*, въ авар. *до—*) служитъ для указанія предметовъ, отдаленныхъ какъ отъ того, который говоритъ, такъ и отъ того, которому говорится; *Һа* (въ авар. *Һа—*) имѣетъ значеніе: тотъ, о которомъ говорено было, сказанный, показанный; *ѡані* служитъ для указанія предметовъ, находящихся выше говорящаго, *аҕа* (въ лак. *гā*, въ авар. *ҕо—*, въ удин. *ода* внизу) — для указанія предметовъ, находящихся ниже говорящаго. Въ концѣ указательныхъ мѣстоименій является въ ахтинскомъ нарѣчіи *н* (*ін*, *ан* и т. д.),—въ кюринскомъ нарѣчіи оно сохранилось въ нарѣчіяхъ мѣста, образуемыхъ изъ указательныхъ мѣстоименій. Замѣтимъ при этомъ, что *ѡані* (*ѡанін*) есть собственно прилагательное, означающее — верхній, *аҕа* (*аҕан*) означаетъ — нижній. Указанныя мѣстоименія являются въ упрощенномъ видѣ «только тогда, когда непосредственно предшествуютъ существительнымъ, на которыя указываютъ, причемъ они не подлежатъ падежнымъ измѣненіямъ и остаются одинаковы, какъ въ единств., такъ и во множ. числѣ: *і ҁім* этотъ человѣкъ, *і ҁімдін* этого человѣка, *і ҁімар* эти люди». Находясь отдѣльно, они въ окончаніи именит. пад. един. числа принимаютъ по-большей-части *ма*, а въ прочихъ падежахъ они имѣютъ тѣ-же окончанія, какія имѣютъ и прилагательныя. Вотъ, какъ, напр., склоняется *а*:

Ед. число: имен. *а-ма*, твор. *а-да*, род. *а-дан*, дат. *а-даз*

Мн. число: „ *а-бур*, „ *а-буру*, „ *а-бурун*, „ *абуруз*

Суффиксъ *ма*, вѣроятно, имѣетъ значеніе суффикса указательнаго: въ языкѣ *ма* употребляется отдѣльно въ значеніи — вотъ. Замѣтимъ еще, что *і* принимаетъ въ окончаніи не *ма*, но *мі (і-мі)*. Вѣроятно, здѣсь конечное *а*, вслѣдствіе вліянія начальнаго кореннаго *і*, превратилось тоже въ *і* (точно также и къ *кі* который? приставляется *мі*). Замѣтимъ мимоходомъ, что *м* является (въ косвен. падежахъ) и въ арчин. указательныхъ мѣстоименіяхъ. По образцу означенныхъ мѣстоименій склоняются по-большей-части прилагательныя мѣстоименія.

Мѣстоименіе *ама (ам)* составляетъ и мѣстоименіе личное со значеніемъ *онъ*. Остальныя личныя мѣстоименія: *зуы* (я) и *жуы* (ты). Мы уже проводили параллель (§ 8) между ними и личными мѣстоименіями другихъ горскихъ языковъ. Представимъ здѣсь парадигмы склоненія означенныхъ мѣстоименій.

Ед. число.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. *зуы*	*гуы*	*жуы*	*йгӀуы*
Тв. *за*	*гӀна*	*жуна (на)*	*йгӀуне*
Род. *зи (и)*	*ги (и)*	*жи (и)*	*йгӀу (и)*
Дат. *заз*	*газ*	*жаз*	*йгӀнез*

Прим. Мѣстныя формы производятся отъ дат. падежа (*за-йс*, *йгӀне-йс*; *га-ж*, *йгӀне-ж* и т. д.

Множ. число образуется, повидимому, черезъ усиленіе начальной согласной, — по-крайней-мѣрѣ множ. число мѣстоименія второго лица образовалось вслѣдствіе приставки въ началѣ *йс*, что ясно видно изъ дат. падежа (въ прочихъ падежахъ *йгӀж* замѣнилось въ *йгӀу*. О переходѣ *же* въ *у* см. § 5, г).—Родительные падежи мѣстоим. личныхъ служатъ, какъ и въ др. горскихъ языкахъ, *мѣстоименіями притяжательными*. «Если существительныя только *подразумѣваются*, *то* мѣстоименія притяжательныя, какъ и всѣ прилагательныя, принимаютъ окончаніе *ди*, во множ. *бур*, и подлежатъ всѣмъ падежнымъ измѣненіямъ». — Въ кюринскомъ языкѣ существуетъ особенное возвратное мѣстоименіе для 1-го и 2-го лица, и особенное для 3-го. Мѣстоименіе возвратное для 1-го и 2-го лица, какъ въ единств., такъ и во множ. числѣ (оно-же относится и къ неопредѣленному лицу) *жув* склоняется совершенно правильно (*жув—жува* и т. д.). Оно можетъ быть, ради большей ясности, замѣняемо формами личныхъ и притяжатель-

ныхъ мѣстоименій: *за зу чӱхӱзаwа* мною я моюсь, *wаз wі wах ҡанда* тебѣ твоя сестра любится. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ *жув* не можетъ быть употреблено. Мѣстоименіе возвратное 3-го лица един. числа *wуч* самъ,—тема для косвен. падежей *wічі*,—напоминаетъ собою удинское *іч*; множ. его число (*чеб—чіпі* и т. д. представляетъ, повидимому, сокращеніе темы един. числа,—*б* суффиксъ множ. числа). Самыя неправильныя формы представляютъ мѣстоименія вопросительныя *wуж* кто? (тема косвен. падежей *ні*) и *wуч* что? (тема косвен. пад. *кӱ*).— Мѣстоименій *относительныхъ* нѣтъ. Подобное явленіе замѣчается почти во всѣхъ изслѣдованныхъ горскихъ языкахъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о *составныхъ мѣстоименіяхъ*. Къ такимъ мѣстоименіямъ принадлежатъ неопредѣленныя, отрицательныя и нѣкоторыя опредѣлительныя мѣстоименія: *hар-wуж* букв. каждый кто — кто-бы то ни былъ, *hар-wуч* букв. все что—что-бы то ни было, *hар-са* каждый одинъ — каждый, *са ҡас* букв. одинъ человѣкъ—нѣкто, *са зат* букв. одна вещь—нѣчто (послѣднія два мѣстоименія съ присоединеніемъ къ нимъ *ні* (*и*) и съ отрицательной глагольной формой имѣютъ значеніе—никто, ничто, *ҡwан са ҡасді-ні неч* камень и *однимъ человѣкомъ не* съѣстся и т. д.); *ма-са* другой (кажется, подобно удинскому *те-са*, букв. можетъ быть переведено: тотъ одинъ), *ме-ҡӱ* другой, въ значеніи: *не этотъ, а тотъ иной, извѣстный* (der andere). Это мѣстоименіе, кажется, образовалось изъ *ма* и *дwед* два (конечное *д* въ числительныхъ, находящихся впереди существительныхъ, отбрасывается,—*дwе* замѣнилось *ҡӱ* и, вслѣдствіе закона конкордаціи гласныхъ, *а* въ *ма* измѣнилось въ *е*). — Упомянемъ и о сложномъ мѣстоименіи *міhіз* весь. Вторая составная часть *hіз* значитъ: какъ, такъ-какъ. Послѣ *міhіз* слѣдуютъ падежные суффиксы (*міhіз-да міhіз-бур* и т. д.). *Одни—другіе* выражаются: *садбур—садбур* букв. одни—одни.

§ 22. *Числительныя.—Числительныя количественныя.* Корен-

ныя числительнныя: 1 *сад*, 2 *qwед*, 3 *ńуд*, 4 *qуд*, 5 *wад*, 6 *руӡ̆уд*, 7 *ерід*, 8 *мӱоюӱд*, 9 *ӄӱд*, 10 *ƒ̆уд*, 20 *к̆ад*, 109 *wіш*, 1000 *аӡӡур* (заимствовов. изъ персид.). Какъ видно изъ этого, числительныя большею частью оканчиваются на *д*. Если количественное находится непосредственно впереди существительнаго, то конечное *д* обыкновенно отбрасывается. — Числит. *сад*, (*са*) играетъ въ рѣчи, повидимому, роль члена неопредѣлительнаго: *на оуwаз са ӄwал аја* ты себѣ *одинъ домъ* построй, *гі к̆оншідік са піс азар ќwа* у моего сосѣда *одна мучительная болѣзнь* есть, *са ӡеміл јад ӡwаш нѣсколько* (un peu) воды принеси.—Относительно *образованія числительныхъ* нужно замѣтить, что въ числахъ отъ 11 до 20 помѣщается сперва *ƒ̆уд* десять и къ нему присоединяются единицы. Слова, обозначающія единицы, остаются неизмѣнными; но *ƒ̆уд* подвергается измѣненіямъ: во-первыхъ, конечное *д* выбрасывается, во-вторыхъ, образовавшееся так. обр. *ƒ̆у* остается неизмѣннымъ только передъ тѣми словами, въ корнѣ которыхъ находится сильная гласная: *ƒ̆у-сад*, *ƒ̆у-qуд* и т. д. (*ƒ̆іńуд* 13 составляетъ исключеніе); дальше, въ *ƒ̆-ерід* выпало *у* (на основаніи того закона, что языкъ не терпитъ встрѣчи двухъ гласныхъ); въ словахъ, означающихъ 12, 18 и 19, *у* въ *ƒ̆у*, въ силу закона конкордаціи гласныхъ, измѣняется въ *і* и *е* (*ƒ̆і-qwед*, *ƒ̆е-мӱоюӱд*, *ƒ̆е-ӄӱд*). Отъ 20 до 100 счетъ идетъ двадцатеричный: 80 — *qудк̆ад* (4 двадцать), 60 *путк̆ад* (3 двадцать). Слово, означающее *сорокъ*, представляетъ двѣ неправильныя формы: *јахƒ̆ур* и *јæхӄӱр*. Оба эти слова туземнаго происхожденія: въ словѣ *јахƒ̆ур* слогъ *ƒ̆ур* представляетъ видимо сокращеніе слова *ƒ̆уд*, сопровождаемаго суффиксомъ множ. числа, — быть-можетъ, *х*, стоящее впереди *ƒ̆ур*, представляетъ сокращеніе слова, означающаго *четыре*, т. е. слова *qу*; *ја* могло явиться въ качествѣ смягчающаго слога (§ 5, г). Подобнымъ образомъ и *јæхӄӱр*, можетъ-быть, представляетъ сокращеніе *qwедкад* (*јæ* смягчающій слогъ). Дальше, слова, озна-

чающія промежуточныя цифры между двадцатью и слѣдующими десятками, выражаются при помощи союза *ні и*, который обыкновенно приставляется къ первому слову, причемъ конечное *д*, въ силу закона ассимиляціи, обращается въ *н*: 30 *ӄанніҕуд* (вм. *ӄадніҕуд*—двадцать и десять) и т. д. Счетъ сотенъ десятеричный (*мӱжӱд ѡіш*—восемь сто).—«Если количественное находится отдѣльно отъ существительнаго, то оно подлежитъ измѣненіямъ (*сад—сада*, *садбур* или *сабур* и т. д.).

Числительныя *порядковыя* выражаются при помощи причастія *луһудајді* сказываемый (отъ *луһун* сказать): *третій—ӈуд луһудајді* три сказываемый и т. д. — Числительныя *дробныя* выражаются, какъ и въ др. горскихъ языкахъ, описательнымъ образомъ (*треть*—трехъ частей одна часть). «*Собирательныя* выражаютси при помощи нарѣчія *санал* во-едино (два въ-едино—вдвоемъ). «*Вдвое* переводится черезъ *дѡе-ӄат*, *втрое* черезъ *ӈуд-ӄат* и т. д.» Слово *ӄат* видимо образовалось изъ глагола *ӄатун* сложить, свернуть. Для полученія числительныхъ *распредѣлительныхъ*, числительное количественное повторяется: *сасад* (вм. *сад-сад*) букв. одинъ одинъ—по-одному. *Кратныя* образуются чаще всего черезъ присоединеніе къ количественнымъ суффикса *ара* (съ суффиксомъ *ара* еще встрѣтимся).

§ 23. *Глаголы.* — Въ отношеніи грамматическихъ свойствъ глаголовъ, кюринскій языкъ имѣетъ много общаго съ изслѣдованными восточно-горскими языками: въ немъ тоже нѣтъ дѣйствительныхъ глаголовъ (мѣсто ихъ занимаютъ страдательные); вспомогательные глаголы играютъ тоже важную роль, какъ при образованіи глаголовъ, такъ и при производствѣ временъ; въ большомъ употребленіи и причастія, падежныя формы которыхъ часто замѣняютъ отсутствіе союзовъ, служащихъ для сочетанія съ опредѣляемымъ предложеніемъ обстоятельственныхъ предложеній времени (замѣтимъ при этомъ, что въ кюринскомъ языкѣ склоняется и неопредѣленное наклоненіе, — падежныя формы его замѣняютъ недостатокъ союзовъ изъяснительныхъ и винословныхъ); далѣе, союзы, обозначающіе: *если*, *хотя*, *даже когда* ставятся послѣ глагольной формы.—При всемъ томъ, кюринскіе глаголы представляютъ и нѣкоторыя характерныя особенности: въ означенномъ языкѣ, во-первыхъ, глагольныя формы не только не измѣ-

няются по лицамъ, но и чужды измѣненій по родамъ и числамъ (*шана* — прошед. время отъ *шун* пойти — относится къ обоимъ числамъ, ко всѣмъ лицамъ и родамъ); во-вторыхъ, основныхъ глагольныхъ формъ весьма немного; далѣе, въ разсматриваемомъ языкѣ не выражаются степени продолжительности дѣйствія. Основу-же спряженія составляютъ нѣсколько вспомогательныхъ глаголовъ, весьма часто употребляемыхъ въ рѣчи; при помощи ихъ образуется какъ множество производныхъ глаголовъ (окончанія формъ извѣстныхъ вспомогательныхъ глаголовъ служатъ и окончаніями для формъ самостоятельныхъ глаголовъ), такъ и разнообразныхъ глагольныхъ формъ. Означенные глаголы принадлежатъ къ категоріи недостаточныхъ глаголовъ,—часто одна и та-же форма можетъ обозначать различные моменты дѣйствія, и для опредѣленія того, какой именно моментъ дѣйствія она выражаетъ, нужно принять во вниманіе смыслъ предложенія, или-же связь послѣдняго съ соединеннымъ съ нимъ предложеніемъ. Бо̀льшая опредѣлительность получается посредствомъ присоединенія къ данной глагольной формѣ (чаще всего дѣепричастію) извѣстныхъ формъ другихъ вспомогательныхъ глаголовъ. Подобныя соединенія даютъ возможность обозначать также разнообразные моменты дѣйствія. Благодаря соединеніямъ различныхъ формъ вспомогательныхъ глаголовъ, получается значительное количество новыхъ формъ. Вообще, кюринскій языкъ, по обилію глагольныхъ формъ, не уступаетъ ни одному изъ изслѣдованныхъ дагестанскихъ языковъ.

§ 24. Приступимъ къ вспомогательнымъ глаголамъ. — Начнемъ съ *существительныхъ глаголовъ*. Корень ихъ—*а* (замѣтимъ мимоходомъ, что корнемъ этихъ глаголовъ и въ др. горскихъ языкахъ является всегда извѣстная гласная). Къ указанному корню обыкновенно приставляются въ началѣ извѣстные звуки, или слоги. — Посредствомъ присоединенія *j* или извѣстнаго намъ уже звука *д*, получаются *ја* и *да есть*, глаголы, служащіе въ предложеніи связью между подлежащимъ и сказуемымъ. Первый изъ нихъ имѣетъ болѣе общее значеніе, чѣмъ *да*, которое можетъ быть переведено: оказывается, обнаруживается (*ӱ̈рен јаӄ кісен ја* заячье мясо хорошо есть, *ӱ̈рен ја кісен-да* заячье мясо оказывается хорошо; *ам ҕадуллу ја* онъ уменъ, *ам ӱ̈е ҕадуллу-да* онъ сегодня уменъ, т. е. онъ сегодня обнаружилъ умъ;

заз гешін-да мнѣ голодно, т. е. я ощущаю голодъ и т. д.). *Основныя формы* этихъ глаголовъ: *настоящее да* и *ја*, *прош. да-ј* и *гір* (послѣдняя форма, повидимому, неправильная,—объ ней мы еще упомянемъ). Присоединивъ къ нимъ слогъ *жа* (если), получимъ условныя формы: *да-жа*, *дај-жа*, *гір-жа*. *Отъ прошедшаго времени* производятся причастія: *дај-ді*, *гір-ді* (имѣющія значеніе то настоящаго, то прошедшаго времени) и отглагольныя существительныя: *дај-жал*, *гір-жал* (употребляемыя для выраженія какъ настоящаго, такъ и прошедшаго момента).—Глаголъ *ја имѣетъ дѣепричастія*: настоящее—*јаз* и прошедшее—*гіз*.—*Причастія склоняются* точно также, какъ и прилагательныя. Изъ числа мѣстныхъ формъ причастій чаще всего встрѣчаются формы удаленія: *даједал-а*, *гірдал-а* (букв. означ. съ бывшаго) въ соединеніи съ *ўжаніз* или *дулукді* (послѣ) для выраженія предложенія: послѣ того, какъ былъ, были (*најіб гірдала ўжаніз* послѣ того, какъ онъ былъ наибомъ). Поставивъ вмѣсто *ўжаніз* или *дулукді—жалікді* (прежде), получимъ причастіе со значеніемъ: прежде того, какъ былъ, были.—Есть еще формы: *гір-ла*, *дај-ла*, означающія—въ то время какъ, когда былъ, были (*жун најіб гірла* ты наибомъ когда былъ). Первая составная часть есть прошедшее время, имѣющее значеніе—былъ, были, а приставка *ла* покамѣстъ необъяснима этимологически. Употребляются въ томъ-же значеніи и мѣстныя формы, образовавшіяся изъ указанной формы: *гірла-в*, *гірлавді*, *дајла-в*, *дајла-вді*. — Какъ видно изъ сказаннаго, *ја* и *да* принадлежатъ къ категоріи недостаточныхъ глаголовъ: они, напр., не имѣютъ формъ для обозначенія будущаго времени и неопредѣленнаго наклоненія; мы видѣли также, что нѣкоторыя формы означенныхъ глаголовъ (причастіе, отглагольное существительное) употребляются какъ для выраженія настоящаго, такъ и прошедшаго момента.

Въ кюринскомъ языкѣ находятся глаголы, служащіе для выраженія того понятія, въ какомъ положеніи въ пространствѣ находится извѣстный предметъ. Подобные глаголы образуются по-

средствомъ приставки къ *а*, корню глагола, означающаго *есть*, извѣстныхъ слоговъ. Так. обр. образуются: *аѡ-а* глаголъ, выражающій самое общее понятіе о нахожденіи предмета (*ꙗѡале чім аѡа* въ домѣ человѣкъ находится), *ал-а*—глаголъ, означающій нахожденіе *на*, *ѥ́ѡ-а*—означ. нахожденіе *подъ*, *ѯ̆ѡ-а*—положеніе *у*, *около*, *при*, *ѯ̆ал-а* нахожденіе *за*, или-же нахожденіе *съ*. Между поименованными глаголами и суффиксами, приставляемыми къ существительнымъ для образованія мѣстныхъ формъ, существуетъ весьма замѣтное соотношеніе: въ поименованныхъ глаголахъ встрѣчаются приставки или тѣ-же, какія находятся и въ мѣстныхъ формахъ, или-же соотвѣтствующія суффиксамъ послѣднихъ, вслѣдствіе чего кюринская рѣчь представляетъ плеоназмы: *цаѡ-ал ціф ал-а на* небѣ облако находится *на*, *ѯ̆ѡанзі-ѥ́ ѯ̆уш ѥ́-ѡ-а подъ* камнемъ птица находится *подъ* (здѣсь *ѡ*, стоящее передъ *а*, должно быть, вставочное), *чам-а чім а-ѡ-а въ* лѣсу человѣкъ находится *въ* (мѣстная форма, означающая нахожденіе *въ*, оканчивается чаще всего на *а*, которое, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ силу фонетическихъ законовъ, измѣняется въ *е*,—*ѡ* въ *аѡ-а*, должно быть, тоже вставочное); въ глаголѣ *ѯ̆ѡа ѯ̆ѡ* соотвѣтствуетъ суффиксу мѣстной формы—*ѡ*; въ глаголахъ-же *ѯ̆ала ѯ̆ал* соотвѣтствуетъ суффиксу *ѥ*. Для выраженія того понятія, что данный предметъ, занявшій извѣстное положеніе, сохраняетъ или сохранилъ то-же положеніе, существуютъ глаголы, составленные изъ глагола *ама* (остается) и указанныхъ глаголовъ: *алама* (вм. *ала ама*) остается *на*, *ѯ̆алама* остается *за*, *съ* и т. д. Глаголъ *ама*, кажется, имѣетъ указательный характеръ, на что намекаетъ какъ составъ, такъ и значеніе его: дѣепричастіе этого глагола, присоединяясь къ дѣепричастіямъ другихъ глаголовъ, переводится — *только-что*.—Всѣ поименованные глаголы спрягаются точно также, какъ и *да*: *аѡа, аѡа-ј, аѡај-ді, ала, ала-ј* и т. д. Дѣепричастіе они имѣютъ только настоящее: *аѡаз, алаз* и т. д.—Изъ означенныхъ глаголовъ, въ качествѣ вспомогательныхъ глаголовъ, являются *ама* и *аѡа*: дѣепричастіе перваго (*амаз*) постоянно присоединяется къ дѣепричастіямъ др. глаголовъ (объ этомъ мы сейчасъ говорили); болѣе важ-

ную роль, въ соединеніяхъ съ др. глаголами, играютъ формы глагола *ана*.

§ 25. Переходимъ къ вспомогательнымъ глаголамъ, играющимъ важную роль въ разсматриваемомъ языкѣ. — Ограничимся изложеніемъ существеннаго.—*Глаголы*: *кун* сдѣлаться (иногда значитъ: случиться, оказаться, обнаружиться) и *жез* дѣлаясь. Они заключаютъ въ себѣ по-преимуществу понятіе о переходѣ изъ одного состоянія въ другое. Глаголы эти недостаточные.

Глаголъ *кун* заключаетъ въ себѣ понятіе о совершившемся, или-же долженствующемъ совершиться переходѣ изъ одного состоянія въ другое. *Неопредѣленное наклоненіе*—*кун* сдѣлаться (оно склоняется), *повелительное*—*кук* сдѣлайся, *повелительное допускающее* — *куј* пусть сдѣлается. — Большинство формъ этого глагола служитъ для выраженія понятія о совершившемся уже переходѣ изъ одного состоянія въ другое,—большинство формъ и происходитъ отъ *двухъ прошедшихъ совершенныхъ временъ*: *кана* и *каја*. Вотъ что говоритъ П. К. Усларъ объ употребленіи этихъ временъ: «*кана* преимущественно употребляется въ отдѣльныхъ предложеніяхъ... Если-же рѣчь состоитъ изъ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ предложеній, то *кана* обозначаетъ что-нибудь ожидаемое, истекающее изъ предъидущаго; *каја* обозначаетъ нѣчто неожиданное, о чемъ собственно слѣдуетъ разсказать». Такъ, напр., въ предложеніи «нынѣшній годъ благопріятенъ былъ, хороши и урожаи сдѣлались (были)» слѣдуетъ употребить *кана*; въ предложеніи-же «нынѣшній годъ благопріятенъ былъ, но урожаи плохи сдѣлались (были)» нужно употребить *каја*. Итакъ, глаголъ *кун* имѣетъ два повелительныя и два прошедшія совершенныя. Отъ *кана* происходитъ *давнопрошедшее* — *канај*. Дальше, означенный глаголъ имѣетъ *причастіе прошедшее* и *дѣепричастіе прошедшее*: первое—*каји-дѣ* (или *каји*, если находится впереди существительнаго) сродственно, по своему происхожденію, съ прошедшимъ совершеннымъ вторымъ (конечнаго его *а* не находимъ въ причастіи); дѣепричастіе прошедшее—*кана* тождественно, въ этимологическомъ отношеніи, съ прошедшимъ совершеннымъ первымъ (сравнительное языкознаніе пред-

ставляетъ примѣры замѣны двухъ этихъ формъ одной другою). Перечислимъ еще формы, образовавшіяся изъ двухъ названныхъ формъ, или-же изъ прошедшаго совершеннаго второго: *ћајідалæ дулукді* (или *ӡwæніз*) послѣ того какъ сдѣлалось (или сдѣлается), *ћајіла* въ то время какъ (когда) сдѣлалось (или сдѣлается), *ћанамаз* (вм. *ћана амаз*) или *ћајіwалді* только-что сдѣлалось (или сдѣлается), *ћајіwал* — отглагольное существительное. Какъ видно изъ этого, означенныя формы могутъ относиться къ разнымъ временамъ. Это явленіе замѣчается и въ др. глаголахъ.—Назовемъ условныя времена: *ћана-ӡа* (условное прошедшее) *ћанај-ӡа* (условное предполагаемое) и *ћајі-ӡа* (условное будущее); они соотвѣтствуютъ тремъ прошедшимъ.— Скажемъ еще нѣсколько словъ о соединеніяхъ формъ глагола *ћун* съ формами др. глаголовъ. Обыкновенно дѣепричастіе *ћана* соединяется съ формами глагола *аwа*. Однѣ изъ этихъ составныхъ формъ (*ћанаwа*—вм. *ћана аwа*—букв. сдѣлавшись находится, *ћанаwајді* сдѣлавшись находящійся и т. д.) служатъ для выраженія того понятія, что совершился переходъ въ извѣстное состояніе, которое и теперь еще продолжается (*зун тох ћанаwа* букв. я сытъ сдѣлавшись нахожусь, т. е. я насытился и теперь сытъ); другія формы (*ћанаwај* сдѣлавшись находился и т. д.) показываютъ, что совершился переходъ въ извѣстное состояніе, которое уже прекратилось. Бываютъ и такія соединенія, что въ началѣ ставятся дѣепричастія другихъ глаголовъ (*јаз, аwаз*), а потомъ формы глагола *ћун* (*аwаз ћајіла* букв. находясь когда сдѣлался, т. е. когда сдѣлался находящимся). Бываютъ еще другія соединенія.

Глаголъ «*жез* — дѣлаясь» (чтобы дѣлаться, сдѣлаться).— Большинство формъ этого глагола (*же-да, же-дај, же-дајла* и т. д.) указываетъ на то, что онъ образовался изъ неразъяснимаго глагольнаго корня и формъ существительнаго глагола *да*. Примемся за объясненіе формъ означеннаго глагола. *жез* названо П. К. Усларомъ дѣепричастіемъ и переводится обыкновенно: дѣлаясь; въ большинствѣ, однако, случаевъ оно является не въ этомъ

значенiи и служитъ, повидимому, для выраженiя другой глагольной формы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ употребленiя означенной формы: *ам ћазўр жез хiгана* онъ возвратился, чтобы сдѣлаться готовымъ (здѣсь *жез* переводится: чтобы сдѣлаться), *ам фу нез агана* онъ пришелъ, чтобы ѣсть хлѣбъ, *зун шузаwа гшеќiз* я иду плакать. Изъ этихъ примѣровъ видно, что означенная форма имѣетъ скорѣе характеръ супинум'а и употребляется для выраженiя отношенiя сказуемаго къ дѣйствiю въ будущемъ.—Объ имѣющемся совершаться или совершиться дѣйствiи, или-же переходѣ изъ одного состоянiя въ другое можно высказаться съ большею и меньшею увѣренностью; можно высказаться также съ большею или меньшею увѣренностью и о томъ, напр., какъ переходъ изъ одного состоянiя въ другое могъ-бы совершиться при извѣстныхъ условiяхъ. Эти понятiя выражаются въ кюринскомъ языкѣ посредствомъ простыхъ формъ названнаго глагола. За главныя его формы слѣдуетъ принять: *жеда* и *жедi*. Первая изъ нихъ г. Усларомъ названа *аористомъ*, а вторая *будущимъ*. Приведемъ примѣръ употребленiя *жеда* въ значенiи аориста: *ћар ќуз зi дiл тƚа жеда* каждый день моя голова больна дѣлается. Въ этомъ предложенiи, какъ замѣчаетъ П. К. Усларъ,—*жеда* выражаетъ не то понятiе, что у меня голова болитъ въ то время, когда я говорю, а то, что я подверженъ хронической болѣзни. Также и предложенiе *за гiла кiсенз кiќiда* (я теперь хорошо пишу) обозначаетъ не то понятiе, что я именно хорошо пишу въ то время, когда говорю, а то, что я вообще хорошо пишу, а слѣд. могу хорошо писать и потомъ. Поэтому въ аористѣ *жеда* заключено также понятiе и о будущемъ времени. Употребленный въ послѣднемъ смыслѣ аористъ составляетъ *будущее несомнѣнное*: *ћiqwан мадi ћаjiтƚанi, зун фад урусiјатда жеда* какъ-бы холодно ни было, я скоро въ Россiи сдѣлаюсь (буду). «Вторая форма *жедi* (форма будущаго) не такъ утвердительна, какъ *жеда*, всего чаще подлежитъ какимъ-либо условiямъ» и, будучи употреблена въ отдѣльномъ предложенiи, заключаетъ въ себѣ понятiе только о возможности въ будущемъ времени извѣстнаго состоянiя. Чтобы показать разницу въ значенiи между названными формами, возьмемъ предложенiе: *qуд jуq маћудгiќа гуɀwа жеда* изъ четы-

рехъ аршинъ чоха выходитъ (а слѣд. и выйдетъ непремѣнно); поставимъ теперь вмѣсто *жеда—жеді*, и получимъ предложеніе, означающее изъ четырехъ аршинъ чоха *можетъ выйти*. Этимъ двумъ означеннымъ формамъ соотвѣтствуютъ формы, видимо отъ нихъ происшедшія: *жеда-ј* и *жеді-р* (*дір* напоминаетъ *гір*,—въ кюрин. языкѣ замѣна *д* въ *г* и, обратно, *г* въ *д* часто происходитъ). Обѣ эти формы (*зависимыя отъ условія*) употребляются для выраженія того понятія, что переходъ въ извѣстное состояніе могъ-бы произойти при извѣстныхъ условіяхъ; разница между ними та, что *жедај* означаетъ болѣе тѣсную зависимость отъ условія, чѣмъ *жедір*. Пояснимъ сказанное примѣромъ: *ам денгірџа, адакж кісен гім жедір* если-бы онъ не умеръ, то изъ него хорошій человѣкъ *могъ-бы выйти* (сдѣлаться). Если въ этомъ предложеніи вм. *жедір* вставимъ *жедај*, то означенное предложеніе получитъ такой смыслъ: если-бы онъ не умеръ, то изъ него хорошій человѣкъ *вышелъ-бы на-вѣрно*. *Жедај* можетъ быть употреблено и къ отдѣльномъ предложеніи. Въ этомъ случаѣ оно принимаетъ видъ прошедшаго, — названо оно г. Усларомъ: *прошедшимъ повторительнымъ*. Какъ видно изъ примѣровъ, находящихся въ трудѣ многоуважаемаго лингвиста, это прошедшее повторительное имѣетъ характеръ *аориста*, *перенесеннаго въ прошедшее время*, а именно оно означаетъ, что извѣстное состояніе имѣло полную возможность происходить, и происходило прежде: *џеһіл шахгунда һар ќуз зі діл џа жедај* въ молодости каждый день у меня голова болѣла. Двумъ аористамъ соотвѣтствуютъ и два условныя времена: *жеда-џа* и *жедај-џа*.— Другія формы: *жедај-ді* (причастіе), *жедај-ла* въ то время какъ, когда сдѣлается (сдѣлалось) и т. д. Есть еще форма *жедалді* со значеніемъ: пока, прежде чѣмъ сдѣлается (пока не сдѣлалось). Разсматриваемый глаголъ имѣетъ повелительное *жен* (названное въ трудѣ г. Услара *1-мъ лицомъ повелительнаго наклоненія* и *желательнымъ*); оно служитъ для выраженія или желанія (въ отдѣльномъ предложеніи), или предположенія о томъ, что можетъ произойти (или могло произойти) извѣстное состояніе (въ соединенныхъ предложеніяхъ).—Форма *жез* соединяется обыкновенно съ *формами* глагола *awa*. Вслѣдствіе сочетанія *жез* съ *awaj*

(находился) образуется *прошед. несовершенное.* Соединеніе *жез* съ *ава* (находится) служитъ для выраженія того понятія, что переходъ въ извѣстное состояніе происходитъ въ то самое время, въ которое я говорю (это есть кюринское *настоящее время*). Сочетаніе *жез* съ *аваӄӏ* (находящійся) даетъ *причастіе настоящее*, а съ *аваз* (находясь)—*дѣепричастіе настоящее.* Дѣепричастіе настоящее получается и посредствомъ повторенія вышепоказанной формы: *зун шузава ешеӄіз* я иду плакать—*зун шузава ешеӄіз ешеӄіз* я иду плача. Не беремся за объясненіе этого явленія. *Формы* глагола *жез соединяются* съ формами извѣстныхъ намъ вспомогательныхъ глаголовъ. Эти соединенія сообщаютъ различные оттѣнки значенія формамъ названнаго глагола,—размѣръ настоящей статьи не дозволяетъ намъ вдаться въ разсмотрѣніе этихъ соединеній.

§ 26. *Вспомогательные глаголы:* *авун* дѣлаться, сдѣлаться кѣмъ-либо или чѣмъ-либо и *ӕӏіз* дѣлаясь (чтобы дѣлаться, сдѣлаться) кѣмъ-либо или чѣмъ-либо. По формѣ эти глаголы страдательные, а по значенію дѣйствительные: *за гагур авуна* мною кинжалъ сдѣлался. — Формы ихъ соотвѣтствуютъ формамъ глаголовъ *кун* и *жез.*

Формы глагола *авун. Прошед. соверш. 1-е — авуна, прош. соверш. 2-е —авура* (въ глаголѣ *кун* прош. сов. 2-е кончается на *ја*, — окончанія этого времени *ра* и *ја* зависятъ,—какъ увидимъ дальше,—отъ фонетическихъ условій). Отъ этихъ временъ происходитъ большинство формъ: *авуна-ј, авур-ӄӏ* и т. д. — *Повелительное—аја, повел. допускающее—авурај.*

Формы глагола *ӕӏіз. Аористъ — ӕӏӈда, будущее — ӕӏӈӏ.* Изъ этихъ временъ образуется правильно большинство формъ глагола: *ӕӏӈда-ј, ӕӏӈӏ-р, ӕӏӈда-ј-ӄӏ* и т. д. *Повелит. желательное—ӕӏӈ.*

Дальше, *дѣепричастіе прошед. авуна* и *дѣеприч.* (аориста) *ӕӏіз* соединяются обыкновенно съ формами глагола *ава.* Соединенія эти производятъ тѣ-же формы, какія получаются отъ сочетанія формъ *ава* съ *кана* и *жез* (*ӕӏіз ава — настоя-*

щее, ейіз awaj—прошед. несовершенное и т. д.).—Глаголъ *ейіз* представляетъ довольно изрядное количество соединеній (нѣкоторыя изъ нихъ служатъ для выраженія намѣреваемаго дѣйствія, другія—для обозначенія начинающагося или начавшагося дѣйствія).

§ 27. *Производные глаголы.*—Для образованія этихъ глаголовъ и ихъ простыхъ формъ основою служатъ формы вспомогательныхъ глаголовъ *кун, жез* и *awун, ейіз*. Выборъ того или другого вспомогат. глагола обусловливается требованіями значенія: *абад-кун* богатымъ сдѣлаться — разбогатѣть, *абад-awун* обогатиться кѣмъ-либо или чѣмъ-либо. Означенные вспомогательные глаголы присоединяются къ прилагательнымъ, существительнымъ (*руг-ун* вм. *руг-awун* пыль сдѣлать), къ глагольнымъ корнямъ — обыкновенно къ повелительному наклоненію (*акӗwaz* стой! *акӗwaz-ун* стой сдѣлать, остановиться). — Въ этихъ соединеніяхъ составъ формъ *кун* и *жез* остается неизмѣннымъ (*абад-кун, абад-кана, абад-жеда*); глаголы-же *awун* и *ейіз* подвергаются чаще всего сокращеніямъ. Во-первыхъ, если глагольный корень оканчивается на гласную, то тогда выбрасывается начальная буква поименованныхъ глаголовъ: *jарґwун* вм. *jарґу-awун* сдѣлать краснымъ, *jарґуіз* вм. *jарґу-ейіз*; во вторыхъ, если глагольный корень оканчивается на гласную, то сокращеніе бываетъ болѣе значительное: *кіліг-ун* смотрѣть вм. *кіліг-aw-ун, кіліґла* вм. *кіліг-awу-ла, кіліг-із* вм. *кіліг-ей-із кіліг-да* вм. *кіліг-ейі-да*. Въ глаголахъ, корни которыхъ оканчиваются на извѣстныя гортанныя (*д, кӗ, кь* и т. д.), вводится въ спряженіе *w* (*руг-ун—руг-w-а* и т. д.).

Глаголы, происшедшіе вслѣдствіе сочетанія *awун* и *ейіда* съ глагольными корнями, служатъ для выраженія дѣйствія, переходящаго на др. предметъ. Мы указали способъ ихъ образованія,—нѣкоторые изъ такихъ глаголовъ образуются иначе. Такъ, напр., отъ слова *гешін* (голодный) нельзя образовать глагола—*гешін-ун*. Для образованія изъ такихъ словъ глаголовъ, обозначающихъ дѣйствіе переходящее, вводится передъ глагольнымъ окончаніемъ слогъ *ар* (*гешін-ар-ун*). Есть глаголы, имѣющіе двойную форму

(*тух-ун* и *тух-ар-ун* насытить). При помощи вставочнаго слога *ар* весьма часто образуются *глаголы*, *имѣющіе «понудительное значеніе»*: *аӄ̈ѡазун* стать—*аӄ̈ѡаз-ар-ун* заставить стать (при образованіи нѣкоторыхъ глаголовъ, какъ съ этимъ, такъ и переходящимъ значеніемъ, *ар* не вводится, но измѣняется послѣдняя буква корня, причемъ иногда подвергается измѣненію и гласная, предшествующая окончанію корня).

Въ кюринскомъ языкѣ такъ-называемая понудительная форма еще образуется (для всѣхъ глаголовъ) посредствомъ присоединенія къ дѣепричастію даннаго глагола формъ глагола *тун*, который собственно значитъ—*оставить*: *аӄ̈ѡазун* остановиться —*аӄ̈ѡазіз-тун* заставить остановиться.—«Изъ послѣдней формы образуется форма *аӄ̈ѡаз-ар-із-тун* (здѣсь слогъ *ар* введенъ между глагольнымъ корнемъ и окончаніемъ дѣеприч. аориста). Эта глагольная форма имѣетъ значеніе передаточнаго понужденія: *ҕӕ́кімді заѡ зі балқан аӄ̈ѡаз-ар-із-туна* начальникомъ отъ меня моя лошадь остановлена была, т. е. начальникъ заставилъ меня остановить мою лошадь. — Дальнѣйшее передаточное понужденіе можетъ быть выражено такъ: *јанаралді ҕӕ́кімдіѡ заѡ зі гада медресада аӄ̈ѡаз-ар-із-таз-туна* (*таз* дѣепр. глагола *тун*) генералъ приказалъ начальнику, чтобы онъ приказалъ мнѣ, чтобы я своего сына въ школу отдалъ». Но подобныя формы рѣдко употребляются.

Весьма обширное употребленіе имѣютъ глаголы, производные отъ корней *ѓі* (*ѓір*) и *қан*. Эти корни соединяются съ недавно указанными вспомогательными глаголами и съ формами глагола *да* (есть). Отъ корня *ѓі* (*ѓір*) образуются глаголы: *ѓір-ҕун* сдѣлаться извѣстнымъ, узнаться (напр., мнѣ моя украденная лошадь узнана сдѣлалась), *ѓір-ун* вм. *ѓір-аѡун* сдѣлаться извѣстнымъ, узнаться черезъ посредство кого-либо или чего-либо («мною ему кузницы мастерство извѣстнымъ сдѣлалось») и *ѓі-да* извѣстно.—Отъ корня *қан* происходятъ глаголы: *қан-ҕун* сдѣлаться желаемымъ, понравиться, *қан-ар-ун* сдѣлаться желаемымъ, понравиться черезъ посредство кого-либо или чего-либо и *қан-да* желательно. *қан-да* весьма часто употребляется въ

рѣчи,—оно обыкновенно относится къ дѣепричастіямъ. Относясь къ дѣепричастію аориста (супинум'а), оно употребляется въ значеніи—*желательно*: *заз ҕѡалер ејіз ҕанда* мнѣ домъ построить желательно; если-же *ҕанда* относится къ дѣепричастію прошед. совершенному, то оно принимаетъ характеръ герундія и переводится—*должно*: *за ҕѡалер аѡуна ҕанда* мною домъ сдѣлавшись должно (мнѣ должно построить домъ).

§ 28. *Самостоятельные глаголы.*—Формы этихъ глаголовъ подходятъ подъ двѣ категоріи: однѣ соотвѣтствуютъ формамъ глагола *аѡун* (*к̈ачун* взять, прош. соверш. 1-ое—*к̈ачу-на*, пр. сов. 2-е *к̈ачу-ра* и т. д.); формы второго разряда спрягаются по примѣру *ејіз* (*к̈ачу-з*, *к̈ачу-да*, *к̈ачу-ді* и т. д.). Нужно только замѣтить, что прош. сов. 2-е оканчивается на *а* въ тѣхъ глаголахъ, въ которыхъ прош. сов. 1-е кончается на *ана* или *ена* (*даҕ-ана—даҕ-аја*).

Образованіе большинства формъ не представляетъ никакихъ затрудненій. Есть только четыре формы, а именно: *неопредѣл. наклоненіе*, *повелительное*, *прош. совершенное 1-е* и *дѣепричастіе* (аориста), взаимное соотношеніе между которыми, по словамъ П. К. Услара, остается неяснымъ. Не будемъ браться и мы за разъясненіе соотношенія между этими формами, а ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями. Изъ перечисленныхъ четырехъ формъ первыя три принадлежатъ къ одной категоріи, и поэтому можно предположить, что между ними, не смотря на всѣ такъ-называемыя исключенія, обусловливаемыя фонетическими свойствами языка, должно существовать соотношеніе. Но сначала скажемъ нѣсколько словъ о *неопредѣленномъ наклоненіи*. Оно чаще всего оканчивается на *ун*, иногда на *ӱн*, рѣдко на *ін*, *ен*. Въ окончаніи двусложныхъ глаголовъ, передъ конечнымъ *н*, является обыкновенно или гласная, находящаяся въ корнѣ (*чух-ун*, *чӱх-ӱн*, *із-ін*), или-же другая гласная. При этомъ обнаруживается законъ конкордаціи гласныхъ, т. е. послѣ сильной гласной корня слѣдуетъ въ окончаніи сильная, а послѣ слабой—слабая: *аҕ-ун*, *леҕ-ӱн*, *рӕд-ін* и т. д. Ближайшее сродство съ неопредѣленнымъ представляетъ *повелительное наклоненіе*. Въ немъ, во-первыхъ, за немногими исключеніями, находятся тѣ-же гласныя, какія встрѣчаются и въ неопредѣленномъ. Далѣе, въ окон-

чаніи его или исчезаетъ конечная согласная этого наклоненія (*к̈а-гу-н—к̈агу*), или-же, вмѣсто ея, является извѣстная согласная. Разсмотримъ сперва второй случай. Въ громадномъ большинствѣ глаголовъ въ окончаніи пов. является согласная, предшествующая окончанію, или-же съ нимъ сродная: *к-у-н*—пов. *к-у-к, ат̧-у-н—ат̧-у-т̧; к-у-н—к-у-г, ч-у-н—ч-у-д* и т. д. Въ немногихъ глаголахъ встрѣчается въ окончаніи означеннаго наклоненія *р* (*ту-н—ту-р*), играющее въ языкѣ часто роль смягчающаго звука (§ 5, г). Найдется около 20-ти такихъ глаголовъ, въ которыхъ въ окончаніи повелительнаго находится *н*, вслѣдствіе чего оно, по своей формѣ, тождественно съ неопредѣленнымъ. Въ окончаніи повелительнаго (въ немногихъ глаголахъ) исчезаетъ иногда согласная неопредѣленнаго—одна, или-же вмѣстѣ съ предшествующею ей гласною. Въ такомъ случаѣ происходитъ по-большей-части и измѣненіе гласной корня, или-же вообще наружнаго вида глагола: *луh-ун*—пов. *лаh, туху-н—тах-ѡ* (здѣсь *у* замѣнилось сроднымъ ему *ѡ*), *д-ун—ја-к* (здѣсь *ј*, сопровождаемое *а*, явилось, какъ мы замѣтили въ § 5, въ качествѣ смягчающаго звука, — *ун* выпало). Находится нѣсколько такихъ глаголовъ, которые форму повелительнаго производятъ отъ корня, чуждаго корню неопредѣленнаго. Какъ-бы то ни было, но общій основной законъ ближайшаго сродства повелительнаго съ неопредѣленнымъ остается ненарушимымъ.—Приступимъ къ указанію способовъ образованія *прошед. совершеннаго 1-го.* Оно оканчивается на *на*. Передъ этимъ окончаніемъ можетъ стоять та гласная, которая находится и передъ окончаніемъ неопредѣленнаго (*уг-ун—уг-уна, еш-ін—еш-іна*); чаще-же всего гласная, предшествующая окончанію неопредѣленнаго, замѣняется въ прошедшемъ другою гласною, сильная—сильною, а слабая—слабою: *ат̧-ун—ат̧-ана, іг̆-ін—іг̆-ена* и т. д. Такому измѣненію, конечно, больше всего подвержены глаголы, кончащіеся на *ун*. Если притомъ и въ корнѣ еще находится *у*, то послѣднее весьма часто превращается въ *і* (*дуг̆-ун—діг̆-ана*). Кромѣ того, послѣ извѣстныхъ звуковъ, по-преимуществу гортанныхъ, вводится часто передъ *ана* или *ена*—*ѡ*: *к̈уз̧-ун—к̈уз̧-ѡ-ана, рæз̧-у̇н—рæз̧-ѡ-ена.*—Итакъ, три разсмотрѣнныя основныя формы, формы, при-

надлежащія къ одной и той-же категоріи, представляютъ соотношеніе между собою и по ихъ образованію. Четвертая-же основная форма (дѣепричастіе аориста), принадлежащая къ другой уже категоріи глагольныхъ формъ, не представляетъ и по способу ея образованія яснаго соотношенія къ указаннымъ основнымъ формамъ. Мы сличали форму дѣепричастія не съ однимъ только неопредѣленнымъ наклоненіемъ, но и съ прочими основными формами, и замѣтили, что нѣкоторые глаголы обнаруживаютъ стремленіе къ сохраненію конечнаго *н*, что, вслѣдствіе этого, оно является и въ окончаніи повелительнаго и дѣепричастія (аориста): *ешін*, пов. *ешін*—дѣепр. *еше-н-з*, *асун*, пов. *асун*—дѣепр. *аса-н-з* и т. д. Нашли мы также довольно изрядное число такихъ глаголовъ, которые обнаруживаютъ стремленіе къ фонетическимъ измѣненіямъ, что особенно замѣтно проявляется при образованіи прош. совершеннаго 1-го. Въ такихъ глаголахъ по-большей-части и въ дѣепричастіи встрѣчаются подобныя измѣненія: *ӄук-ун*, пр. сов. *ӄук-ѡ-ана*—дѣепр. *ӄук-ѡ-аз*, *æк-ӱн*, *æк-ѡ-ена* — *æк-ѡ-ез*, *ацун*, *ац-ана*—*ац-аз* и т. д. Во многихъ глаголахъ существуетъ извѣстное соотношеніе между гласною окончанія и гласною корня дѣепричастія: *іг̆ін*, пр. сов. *іг̆ена*—дѣепр. *іг̆-із*, *ду-г̆ун*, пр. сов. *діг̆ана*—дѣепр. *діг̆із* и т. д. Но притомъ встрѣтили мы и совершенно непонятныя для насъ явленія.

Въ кюринскомъ языкѣ находятся такіе самостоятельные *глаголы, впереди которыхъ являются суффиксы, приставляемые къ существительнымъ для образованія мѣстныхъ формъ* (суффиксы эти,—какъ мы сказали въ § 24,—являются и передъ существительными глаголами). Эти суффиксы, однако, рѣдко приставляются къ самостоятельнымъ глаголамъ. Перечислимъ нѣсколько глаголовъ, являющихся въ связи съ означенными суффиксами: *чун* вложить—*ӄ-у-чун* подложить (*ӄ* употреб. въ значеніи *подъ*, *у* вставочный звукъ), *шун* пойти—*к-у-шун* пойти въ возвратный путь (*к* суф., употреб. въ знач. *назадъ*), *к̆ѡеді* приду—*æл-к̆ѡеді* поворочу (*ал*—суф.). Въ приставляемыхъ суффиксахъ и въ глаголахъ, къ которымъ они присоединяются, происходятъ иногда фонетическія измѣненія: *ачун* придти—*х-у-чун* возвратиться, *зун* принести — *х-у-кун* принести обратно, *тухун* унести—*ху-т-хун* унести обратно и т. д.

Кромѣ того, встрѣчаются и *составные глаголы*. Они обыкновенно подвергаются значительнымъ фонетическимъ измѣненіямъ: вслѣдствіе соединенія *ӡ̆ун* (*ӡ̆ана, ҕе, ӡ̆уз*) дать и *к̈ахі́ун*—взять—образовался глаголъ *к̈ах-кун* (*к̈ах-кана, к̈ах-це, к̈ах-куз*) отдать взятое; глаголъ *гах-ҕанҕун* (потребовать возврата) образовался, вѣроятно, изъ *к̈ах-кун* и *ҕанҕун* (сдѣлаться желаемымъ). Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, глаголъ, стоящій въ началѣ, сохраняетъ, при соединеніи своемъ съ др. глаголомъ, только свой корень. Подобное явленіе происходитъ и въ др. горскихъ языкахъ (§ 12, д).

§ 29. Въ-заключеніе укажемъ на *способы обозначенія отрицанія*.—Кюринскія отрицательныя частицы: *д, т, ч* (онѣ сродны между собою) и *ч*. Первыя три чаще всего ставятся въ началѣ глагольныхъ формъ. Выборъ одной изъ нихъ обусловливается, какъ замѣчаетъ г. Усларъ, звуковыми условіями. Означенныя частицы могутъ являться однѣ, или въ соединеніи съ извѣстною гласною: онѣ являются однѣ передъ глаголами, начинающимися съ гласной (*асун—д-асун, алудун—ч-алудун*); въ соединеніи съ гласною онѣ ставятся передъ глаголами, начинающимися съ согласной (*кун—ту-кун, дін—ті-дін, ӡ̆ун—да-ӡ̆ун*). Какъ видно изъ этого, къ отрицательной частицѣ присоединяется или гласная, находящаяся въ корнѣ, или гласная, соотвѣтствующая послѣдней (и здѣсь тоже проявляется законъ конкордаціи гласныхъ). Вслѣдствіе присоединенія къ глаголу отрицательной частицы, иногда происходитъ въ немъ фонетическое измѣненіе: *луҕун—да-лҕун, хуҕун—да-хҕун, к̈ахі́ун—да-хі́ун*.—Отрицательная частица *ч* является обыкновенно въ концѣ нѣкоторыхъ основныхъ формъ: *да—да-ч, ҕана—ҕана-ч, к̈ачуна—к̈ачуна-ч*. При этомъ выбрасывается иногда послѣдній слогъ: *же-ді—же-ч* (*ді* выброш.). Отъ основныхъ отрицат. формъ образуются производныя формы: *дач*—прош. вр. *дач-ір, к̈ачунач—к̈ачунач-ір* и т. д. Здѣсь отрицательная частица является уже передъ окончаніемъ. Глаголъ *ја* имѣетъ, повидимому, самостоятельную отрицательную форму—*чуш*, отъ которой

происходятъ производныя формы: *чуш-ір*, *чуш-із* и т. д. (не замѣняетъ-ли здѣсь *ш* отрицательной частицы *ч*?). Въ сложныхъ формахъ и производныхъ глаголахъ обыкновенно является *д*, *т* или *ч* въ серединѣ: *ћун-ч-аwун*, *аҟај-да-ћун*.— Есть еще *частица*, *имѣющая запретительное значеніе*. Этимологическій видъ ея подаетъ поводъ къ недоумѣнію. Замѣтимъ сначала, что въ нѣкоторыхъ восточно-горскихъ языкахъ (въ удин., лак., чеченскомъ) употребляется запретительная частица *ма*; она ставится впереди глагольной формы. Въ кюринскомъ языкѣ она можетъ, подобно отрицательнымъ частицамъ, стоять впереди ея, послѣ нея (и, какъ кажется, въ серединѣ). Въ вспомогательныхъ глаголахъ она употребляется въ слѣдующемъ видѣ: *ме-же-р* и *же-мі-р*, *ме-јі-р* (здѣсь передъ *j* выпало *е*) и *еjі-мі-р*. Эти формы являются въ производныхъ глаголахъ или въ полномъ составѣ, или въ сокращенномъ: *аҟај-же-мір* и *аҟај-мір*; въ самостоятельныхъ-же глаголахъ является, послѣ извѣстной формы, принявшей сокращенный видъ, только *мір*: *ҟачу-мір*, *ҟwе-мір*. Акад. Шифнеръ полагаетъ (§ 111), что *мір* и составляетъ запретительную частицу. Но если-бы это было и такъ, то все-таки останется неразъяснимымъ раздѣленіе этой частицы на двѣ части въ формахъ *ме-же-р* и *ме-јі-р*. Не видѣть-ли скорѣе въ *жер* и *јір* (употреб. вм. *еjір*) особенную глагольную форму (въ парадигмахъ спряженій находятся: *жері-ді*, *де-жер*, *де-жер-ла*)? Мы видѣли, что *мір*, являющееся, въ производныхъ глаголахъ, въ окончаніи повелительнаго представляетъ сокращеніе формы *же-мір*.

§ 30. *Нарѣчія*. — *Нарѣчія качественныя* образуются изъ прилагательныхъ, соединенныхъ съ дѣепричастіемъ *јаз* въ сокращенномъ видѣ: *кісен-з* (хорошо) образовалось изъ *кісен-јаз* (хорошъ будучи).

Въ кюринскомъ языкѣ находится много *мѣстоименныхъ нарѣчій*. Во-первыхъ, въ немъ встрѣчаемъ *кӱз* зачѣмъ, составляющее дательный падежъ мѣстоименія *wуч* (что?). Всѣ остальныя мѣстоименныя нарѣчія образуются или изъ мѣстоименій указательныхъ, или-же изъ вопросительнаго *hi* который? Эти нарѣчія, по способу ихъ образованія, раздѣлимъ на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ образуются посредствомъ присоединенія извѣстныхъ частицъ къ означеннымъ мѣстоименіямъ, являющимся, при этомъ соединеніи, въ упрощенномъ видѣ; другія производятся прямо отъ

мѣстоименій, безъ присовокупленія частицъ.—Къ первой категоріи относятся нарѣчія: *hі-ꙗ* какъ? *і-ꙗ*, *аꙁа-ꙗ*, *ѡані-ꙗ*, *аꙁа-ꙗ*, *hа-ꙗ*, которыхъ общее значеніе—такъ, съ оттѣнками, опредѣляемыми различіемъ указанія; *hі-дѡан* сколько? *дѡан*, *а-дѡан*, *аꙁа-дѡан* и т. д., — общее значеніе послѣднихъ — столько, сколько, съ оттѣнками, опредѣляемыми тоже различіемъ указанія.—Ко второй категоріи относятся главнымъ образомъ нарѣчія мѣста: Они склоняются и выражаютъ различныя обстоятельства мѣста: *ін-а* здѣсь, *ін-æ* отсюда; *ін-у* здѣшнимъ мѣстомъ, *ін-уꙁ* сюда, *ін-уѡ* здѣсь подлѣ, *ін-у-ѥ́* здѣсь подъ, *ін-у-ѥ́ді* сюда внизъ и. т. д. «Во всѣхъ этихъ формахъ указывается на какое-либо одно опредѣленное мѣсто. Чтобы придать этимъ нарѣчіямъ болѣе обширное значеніе (въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ здѣшнія мѣста и т. п.), употребляютъ формы множ. числа: *ін-ар-ун*, *ін-ар-уз* и т. д.». Совершенно такимъ-же способомъ производятся нарѣчія мѣста и отъ прочихъ мѣстоименій указательныхъ и отъ *hі* который?—Замѣтимъ здѣсь кстати, что для выраженія: въ нѣкоторомъ мѣстѣ, въ нѣкот. мѣсто и т. д., употребляются нарѣчія, производныя отъ *са* одинъ и склоняемыя по образцу указанныхъ мѣстоименій: *сана*, *сануз* и т. д. Приставивши къ нарѣчіямъ, производнымъ отъ *са*, мѣстоименіе *hар* каждый (*hар сана*, *hар сануз*), получимъ нарѣчія, означающія: вездѣ, всюду. Нарѣчія *сана*, *сануз*, сопровождаемыя *ні* (и) и съ отрицательной формой глагола обозначаютъ: нигдѣ, никуда (*ꙁу сануз-ні шудаг* я и въ одно мѣсто не пойду, т. е. никуда не пойду).—Есть нарѣчія мѣста, образуемыя и изъ существительныхъ: *ѡі-лі́ѥ́ді* впереди (букв. подъ глазомъ), *ѯ̆ѡæніꙁ* назадъ.—Есть нарѣчія, переносимыя отъ означенія мѣста къ означенію времени: *ѡілі́ѥ́ді* впереди и прежде, *ѯ̆ѡæніꙁ* назадъ и послѣ, *мадѡа* (*мадѡаꙁ*) близко и недавно.

Переходимъ къ *нарѣчіямъ времени*. Между нарѣчіями времени встрѣчаются заимствованныя: *hæміша* всегда, *гаh-гаh* иногда, порою, *еѡæл* сначала и др. Нѣкоторыя изъ нихъ уживаются вмѣстѣ съ нарѣчіями туземнаго происхожденія (*hæміша* и *hар са ꙗуꙁ*). Коренныхъ нарѣчій времени оказывается не-

много, зато языкъ богатъ производными нарѣчіями. Въ образованіи этихъ нарѣчій принимаютъ участіе разныя части рѣчи, а по-преимуществу имя существительное. При образованіи означенныхъ нарѣчій, кюринцы прибѣгаютъ къ разнымъ пріемамъ: къ употребленію составныхъ словъ, къ удвоенію, или сокращенію извѣстныхъ словъ, къ описательнымъ и метонимическимъ выраженіямъ. Укажемъ, въ общихъ чертахъ, на способы производства нарѣчій времени. Во-первыхъ, существительныя, означающія время и употребленныя въ извѣстныхъ падежахъ, образуютъ и нарѣчія времени: *нани* вечеръ—дательный пад. *нани-з* составляетъ и нарѣчіе, означающее *вечеромъ*, *нісіні* полдень—*нісіні-з въ полдень*. Но въ этомъ случаѣ существительное чаще всего подвергается легкому фонетическому измѣненію: отъ *јоз* день (тема для косвенныхъ падежей—*ӄа*) дат. пад. *ӄаз*—нарѣчіе *ӄуз* днемъ, отъ *јіф* ночь (тема для косвен. пад. *фе*) дат. *фез* — нарѣчіе *фіз* ночью, отъ *јіс* годъ (тема для косвен. пад. *са*) дат. пад. *саз*—нар. *суз*, отъ *ҳуw* время дат. *ҳуwаз*—нар. *ҳуз*; *јіфер* (или *фер*) ночи—*іфера* нѣсколько ночей, по-ночамъ, *ӄар* (вм. *јіӄар*) дни—*іӄара* нѣсколько дней, на-дняхъ. Замѣтимъ при этомъ, что *ара*, какъ мы выше видѣли (§ 22), составляетъ суффиксъ для числительныхъ кратныхъ: *ҕуд-ара* четырежды). Присоединяется къ указаннымъ нарѣчіямъ числительное *са* одинъ: *са фіз* въ одну ночь, *са ӄуз* въ одинъ день, *са ҳуз* въ одно время; присоединяется при этомъ и слово *кар* каждый—*кар са ҳуз* во всякое время, всегда. Приставляются и мѣстоименія указательныя: *а wахгунда* въ то время, *і wахгуналді* до-сихъ-поръ, *бірe* когда—*а-бірe* тогда, *і-бірe* теперь. Происходитъ и повтореніе существительныхъ или нарѣчій: *іӄан* (род. пад. отъ *јоз*) — *іӄан ӄан* ежедневно, *іфен фен* каждую ночь, *ҕад* скоро—*ҕад ҕад* скоро, поспѣшно. Есть нарѣчія, происшедшія отъ существительныхъ, употребленныхъ въ переносномъ значеніи (*і зілді* на этотъ разъ, букв. въ этой рукѣ). Въ образованіи нарѣчій принимаютъ участіе и глаголы: *нісіні ожедалді* прежде чѣмъ сдѣлается полдень, т. е.

до-полудня, *гіла-к̈ѡедалді* прежде чѣмъ пришло, наступило (или наступитъ) теперь, т. е. до-сихъ-поръ, *раз еҕідајла* когда закатывается солнце, т. е. на солнечномъ закатѣ, *над-амаз* букв. вчера—оставаясь, т. е. впродолженіи вчерашняго дня, *гіламаз* (вм. *гіла-амаз*) тотчасъ. Здѣсь нарѣчія выражаются описательнымъ образомъ. Къ такимъ нарѣчіямъ принадлежатъ: *меќу к̈уз* въ иной день, т. е. послѣ завтра; слѣдующій затѣмъ день—*ҕалај к̈уз* (букв. въ день, находящійся за), далѣе—*ҕалачір к̈уз* (букв. въ день, не находящійся за) и т. д.—Въ нарѣчіяхъ времени происходитъ сокращеніе: вмѣсто *гіла-к̈ѡедалді* можно употребить—*гіла-далді* или *гілалді*), вм. *ҕінін јіс* нынѣшній годъ—*ҕі* въ нынѣшнемъ году. Быть-можетъ, и въ нарѣчіи *к̈е* (сегодня) сохранилась только первая составная часть сложнаго слова, а выпало слово *ҕінін* нынѣшній,—на это намекаетъ прилагательное *к̈е-цін* или *к̈е-нін* сегодняшній. Къ сокращеннымъ нарѣчіямъ принадлежитъ и *шаз* въ прошломъ году, видимо образовавшееся изъ *шаји суз* (или *саз*). Нѣкоторыя нарѣчія подверглись дотого фонетическимъ измѣненіямъ, что этимологическое разъясненіе ихъ происхожденія дѣлается почти невозможнымъ.

§ 31. *Союзы и частицы.*—Кюринскій языкъ, подобно другимъ восточно-кавказскимъ языкамъ, бѣденъ союзами. Болѣе употребительные союзы: *ні и*, *ҭа если*. Помѣщаются они послѣ тѣхъ словъ, съ которыми соединяются (подобное явленіе происходитъ и въ др. горскихъ языкахъ). Союзъ *ні* приставляется къ каждому изъ соединяемыхъ словъ, за исключеніемъ послѣдняго: *деѡе-ні, сіҕ-ні сеѡ* верблюдъ и, лисица и, медвѣдь. *ні* означаетъ и вопросъ. Присоединяясь къ условнымъ формамъ, оно принимаетъ значеніе *хотя* (если и): *ам ѥісен ја-ҭа-ні* онъ хорошъ если и (хотя онъ хорошъ). Такое-же значеніе принимаетъ *ні*, присоединяясь къ частицѣ *дѡан столько, такъ*. Есть еще другіе союзы, изъ которыхъ бо̀льшая часть заимствована (*ја* или, *мегер* развѣ, *амма* но, *ќі* что, чтобы, *біре* когда). Союзы, служащіе для сочетанія

предложеній (по-большей-части заимствованные) чаще всего выбрасываются: таково свойство горскихъ языковъ. Недостатокъ союзовъ замѣняется употребленіемъ извѣстныхъ глагольныхъ формъ,—одна изъ такихъ формъ глагола *луһун* сказать, именно дѣепричастіе аориста (*луһуз*) принимаетъ часто смыслъ: *потому-что*.

Въ кюринскомъ языкѣ есть нѣсколько *частицъ*, присоединяемыхъ либо къ извѣстнымъ только, либо къ разнымъ глагольнымъ формамъ для усиленія или подтвержденія ихъ значенія; такъ, напр., *ҭун* присоединяется къ повелительному для усиленія просьбы или приказанія, *ҕал* приставляется къ причастіямъ, зависящимъ отъ глагола *ҕіда* (извѣстно), въ значеніи: *молъ*, *де*, *дескать*; *ԛwан* присоединяется къ разнымъ глагольнымъ формамъ для подтвержденія того, что выражено глаголомъ (*ам кісен усҭар ја-ԛwан* онъ хорошій мастеръ есть-*дѣйствительно*). — Заимствованное нарѣчіе *бес*, означающее собственно *довольно*, употребляется въ соединяемыхъ предложеніяхъ, въ смыслѣ: *то какъ-же*, *то*... (*пеј-ҕамбар даһајла, бес ам wужа* если онъ не пророкъ, *то* кто-же онъ?). Наконецъ замѣтимъ, что къ глагольнымъ формамъ присоединяется и междометіе *һа* ахъ! съ цѣлью возбудить вниманіе къ сказанному или къ тому, о чемъ говорится,—чаще всего оно ставится въ самомъ концѣ предложенія (*һіԛwан даҕлар аwа, һа* сколько горъ, *ахъ*! *над за wаз лаһанај, һа* вчера мною тебѣ сказалось, *вѣдь*!).

§ 32. Въ разныхъ мѣстахъ нашей статьи мы указали на порядокъ и способъ размѣщенія въ кюринской рѣчи второстепенныхъ частей простого предложенія (словъ опредѣлительныхъ и дополнительныхъ); указали мы также и на то, что мѣсто союзовъ и относительныхъ мѣстоименій, служащихъ въ нашихъ языкахъ для соединенія предложеній, занимаютъ падежныя формы неопредѣленнаго наклоненія и причастій. Въ заключеніе представимъ нѣсколько *оборотовъ кюринской рѣчи*.

wаз герек ја најіб һун тебѣ должно наибомъ (букв. наибъ) сдѣлаться.

wун кісен чім һун герек ја букв. ты хорошій человѣкъ сдѣлаться должно есть.

леҕбер һуналді, чім алчах жедані работникъ *по-*

тому-что сдѣлался (черезъ сдѣланіе), человѣкъ презрительный дѣлается-ли?

заз ҵанда најіб жез мнѣ желательно наибомъ (букв. наибъ) сдѣлаться.

һакім ћвезаwа заз нурhан жез начальникъ идетъ ко мнѣ гость (чтобы) сдѣлаться.

ам wiгiн нiк дiгiз шана онъ его поле чтобы полито было пошелъ (т. е. онъ пошелъ полить свое поле).

wу гi ҵwалiз агајдi, заз хwешi hана ты въ нашъ домъ пришедшій, мнѣ радость сдѣлалась.

зу акурдi, ада wiгiн паб гунуjхна я увидѣнный, имъ его жена скрылась, т. е. увидѣвъ меня, онъ скрылъ свою жену.

ам дусгаздх акајна акурдi, заз хwешi hана онъ изъ тюрьмы освободившись увидѣнный, мнѣ радость сдѣлалась.

Приведемъ еще нѣсколько такихъ оборотовъ кюринской рѣчи, которые представляютъ, — какъ намъ кажется, — сокращеніе предложеній. Въ § 14 мы сообщили примѣры сокращенной горской рѣчи («у меня лошадь сущая братъ хорошъ есть», «у меня лошадь сущая братомъ пишется»). Но въ тѣхъ языкахъ, изъ которыхъ мы почерпнули примѣры сокращенной рѣчи, названія всѣхъ предметовъ распредѣляются по категоріямъ и каждая категорія характеризируется извѣстнымъ опредѣленнымъ звукомъ, а потому не трудно разобрать составъ даннаго сокращеннаго предложенія и опредѣлить, гдѣ находятся сказуемое главнаго и сказуемое придаточнаго предложеній. Въ кюринскомъ-же языкѣ нѣтъ категорическихъ звуковъ, а потому разборъ сокращенныхъ предложеній оказывается несравненно труднѣе,—иногда можно даже придти къ заключенію, что причастія, встрѣчаемыя въ означенныхъ предложеніяхъ, имѣютъ значеніе дѣйствительное. Такъ, напр., возьмемъ предложеніе: *i кал аҵајдi ја* эта корова выдоена есть. Это предложеніе не сокращенное, *аҵајдi* (выдоенная) имѣетъ значеніе страдательное. Въ предложеніи-же «*iм кал аҵајдi ја*», которое переводится: «она корову доившая есть», *аҵајдi* (доившая) имѣетъ, повидимому, дѣйствительное значеніе. Но, допустивъ это, нужно было-бы предположить, что и слово *кал* (корова) поставлено въ винительномъ падежѣ, котораго нѣтъ въ языкѣ. Буквальный переводъ фразы «*iм кал аҵајдi ја*»: она—корова выдоенная—есть.

Въ первомъ предложеніи мѣстоим. *ім* (*і*) служитъ опредѣленіемъ для *кал* и поэтому является въ сокращенномъ видѣ; во-второмъ-же предложеніи оно не относится къ слову *кал*, а составляетъ вмѣстѣ съ *ја* одно—главное—предложеніе; *кал ацаjді*—сокращенное предложеніе. Смыслъ цѣлой фразы таковъ: она есть (подразумѣвается: *которою*) выдоена корова. Приведемъ нѣсколько, тоже легкихъ, примѣровъ: *нац заз акурді ім ја* вчера мнѣ видѣнный этотъ есть, *зу акурді імја* я видѣнный—этотъ есть, т. е. это тотъ (*которымъ*) я видѣнъ былъ; *заз зі балцан ѓунѓјжwај каѓаз ѓірҟана* мнѣ моя украденная лошадь разбойникъ узнался, т. е. мнѣ узнался разбойникъ (*которымъ*) украдена моя лошадь. Вотъ примѣръ болѣе сложнаго сокращеннаго предложенія: *зун зі ӂwаҟwај балцан аwај ѓіка ѓірҟана хіѓана* я—моя пропавшая лошадь находившееся мѣсто сдѣлавшись узнаннымъ—возвратился, т. е. я возвратился, когда мнѣ сдѣлалось узнаннымъ мѣсто, въ которомъ находилась пропавшая моя лошадь. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, при разборѣ смысла данныхъ предложеній, нужно принимать во вниманіе какъ порядокъ размѣщенія причастій, такъ и существительныя, къ которымъ они относятся. Также нужно поступать и при разборѣ сокращенныхъ предложеній въ др. горскихъ языкахъ. Разборъ ихъ, однако, не представляетъ тѣхъ затрудненій, какія встрѣчаются при анализѣ кюринской рѣчи.

Этимъ мы закончимъ наши замѣтки о кюринскомъ языкѣ, который, представляя немало интересныхъ особенностей, вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняется и законамъ, общимъ прочимъ изслѣдованнымъ языкамъ восточнаго Кавказа. Законы эти постепенно уясняются, благодаря неутомимымъ изслѣдованіямъ досточтимаго кавказскаго лингвиста: почти съ каждымъ годомъ, съ появленіемъ каждаго новаго труда г. Услара, такъ долго бывшая загадочною *Гора языковъ* дѣлается все болѣе и болѣе достояніемъ науки.

Л. Загурскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*строки:*	*напечатано:*	*должно быть:*
3	7 сверху	къ ЮВ	къ ЮЗ
4	14 снизу	объ ислѣдованіи	объ изслѣдованіи
8	15 —	простиралась	простиралось
17	16 и 17 —	укапалъ	указалъ
23	6 —	отъ глагола	изъ глагола
24	2 сверху	прямо отъ	прямо изъ
27	1 снизу	*ꞥwi*	*ꞥwi*
28	2 сверху	*wa-д*	*wa-д* 5
—	17 —	*ꞥу*	*ꞥу̇*
36	16 снизу	отецъ	отецъ есть
40	6 сверху	различныхъ	разумныхъ
45	10 —	*ŋ́iꞥŋiзе*	*ŋ́iꞥŋiзе*
48	14 —	въ нихъ	въ нихъ вообще
52	4 снизу	язывовъ	языковъ
53	9 —	Правило	Общее правило
—	12 —	*eijз*	*ejiз*
55	15 сверху	*роƙове*	*роƙове*
—	— —	*вагінеɧан*	*ваґінеɧан*
57	17 —	*шутул*	*шучул*
65	12 снизу	отбрасывается	отбрасываются
66	3 сверху	замѣнено	измѣнено
67	12 —	къ твор.	въ твор.
68	4 —	*бу̇трӱ́кді*	*бу̇ꞩрӱ́кді*
—	— —	*бу̇трӱ́к-w-ар*	*бу̇ꞩрӱк-w-ар*
—	14 снизу	мѣстныя	мѣстныя формы
69	2 сверху	обозначеяія	обозначенія
—	5 снизу	дла	для
70	15 —	*дагдалді*	*даꞩдалді*

71	11 и 12	свер.	остаююуюся	остающуюся
73	3	снизу	*jeру*	*jaру*
76	13	—	*ḱw*	*ḱwe*
77	10	—	*тотъ иной*	*тотъ, иной*
78	2	сверху	109	100
—	1	снизу	*qwедкад*	*qwедк̆ад*
79	14	сверху	выражаютси	выражаются
80	3	снизу	*ja кісен-да*	*jaḱ кісен-да*
81	5	сверху	*чір-ꞧа.*	*ja-ꞧа, чір-ꞧа.*
85	1	снизу	*маhудчіḱœ*	*маhучдіḱœ*
86	6	сверху	замѣна *д*	измѣненіе *д*
88	14	—	*ак̆waз*	*ак̆waз*
—	—	снизу	на гласную	на согласную
94	4	—	однѣ	одни
95	7 и 8	свер.	нарѣчія мѣста: Они	нарѣчія мѣста. Они

ПОПРАВКИ.

Стран.:	*строки:*		*напечатано:*	*должно быть:*
26	7 и 8	сверху	нѣкоторое сродство	сродство
48	2	—	частицы: *т*, *ч*, замѣняемыя иногда сроднымъ звукомъ *д*.	частицы: *т*, *ч* и сродная съ ними *д*.

Слѣдуетъ выбросить:

На 25 3 и 4 — въ туш. *мух*

— 73 13 снизу *к̆е* сегодня — *к̆енін* сегодняшній

Нужно вставить:

На 56 10 сверху Предварительно замѣтимъ, что

Дополненіе къ статьѣ „Кавказско-горскія письмена“, помѣщен. въ V вып. „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“.

Въ 1872 г. акад. Шифнеръ отпечаталъ свой цѣнный для науки отчетъ объ изслѣдованіи аварскаго языка П. К. Усларомъ («Ausführlicher Bericht über Baron P. v. Uslar's Awarische Studien», Mém. de l'Acad. Imp. des scien. de St.-Péters., VII série, t. XVIII, № 6). Въ этомъ отчетѣ находится нѣсколько новыхъ латино-аварскихъ начертаній, которыхъ не было въ прежнемъ трудѣ многоуважаемаго академика объ аварскомъ языкѣ (Versuch über das Awarische), а слѣд. и въ нашей вышепоименованной статьѣ. Не доставало прежде изображеній для слѣдующихъ начертаній: *ẋ*, *x̄*, *ħ*, *кх*, *ƒ*, *ć*, *č̄*. Кромѣ того, звукъ *h̋* неправильно былъ обозначенъ посредствомъ ḥ. — Въ «Отчетѣ» акад. Шифнера *ẋ* изображено также точно, *x̄* — посредствомъ *x* съ значкомъ сверху, имѣющимъ подобіе крючочка, *ħ* изображено черезъ ḥ, *h̋* обозначено посредствомъ этого начертанія съ присоединеніемъ къ нему съ правой стороны, сверху, вертикальной черточки. Далѣе, буква *ƒ* изображена черезъ ċ (*c* съ крючочкомъ). *c*, какъ извѣстно, обозначается у г. Шифнера посредствомъ ċ. Поставивъ надъ послѣднимъ вертикальную черточку, получимъ начертаніе, соотвѣтствующее буквѣ *ć*; помѣстивъ-же значокъ, имѣющій подобіе крючочка, получимъ начертаніе, соотвѣтствующее буквѣ *č̄*. Наконецъ замѣтимъ, что аварскій звукъ, изображенный у г. Услара двумя буквами (*кх*), обозначенъ у акад. Шифнера посредствомъ одной буквы q̇.

Оговорка.—Въ вышепоименованной нашей статьѣ мы нѣсколько разъ ссылались на «Записку о составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ», написанную въ 1861 г. П. К. Усларомъ и предназначенную имъ для помѣщенія въ VI книжкѣ «Записокъ Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общества». Названная статья была отпечатана (и мы имѣли возможность пользоваться ею); но, однако, по желанію самого автора,—о чемъ мы недавно узнали,—она не вошла въ означенныя записки. Не вникая въ мотивы этого рѣшенія со стороны многоуважаемаго нашего лингвиста, приходится искрен-

но сожалѣть о такой участи названной статьи, статьи, въ которой строго-логически былъ набросанъ планъ составленія крайне-упрощенной азбуки горскихъ языковъ и начертаны основныя изображенія звуковъ, свойственныхъ этимъ языкамъ. «Записка» составлена была въ 1861 году, и въ томъ-же году алфавитъ П. К. Услара удачно былъ примѣненъ къ абхазскому языку, имъ-же изслѣдованному, а затѣмъ и ко всѣмъ горскимъ языкамъ (за исключеніемъ осетинскаго, для котораго придуманъ былъ алфавитъ акад. Шёгреномъ еще въ сороковыхъ годахъ).—Здѣсь мы должны коснуться одного обстоятельства, находящагося въ связи съ вышеуказанною запискою. Въ VI кн. «Записокъ Кавк. Отд. Рус. Геогр. Общ.» сказано, что въ 1861 г. составилась, подъ предсѣдательствомъ (уже покойнаго) Ив. Бартоломея, коммисія, взявшаяся выработать алфавиты для горскихъ языковъ. Какъ выполнила свою задачу означенная коммисія, состоявшая изъ импровизированныхъ филологовъ, этого нисколько не поясняютъ мѣстныя научныя изданія. Надо, однако, думать, что попытка членовъ коммисіи окончилась, — какъ и слѣдовало ожидать, — полнѣйшею неудачею. Вотъ что говорится въ предисловіи къ Абхазскому букварю, изданному коммисіею въ 1865 году: «Коммисія пришла къ убѣжденію, что составленная генералъ-маіоромъ Усларомъ азбука болѣе соотвѣтствуетъ точному выраженію звуковъ абхазскаго языка, чѣмъ *первоначально составленная самой коммисіей*». На 3-ей-же стр. означеннаго букваря находимъ слѣдующее: »Алфавитъ этотъ мы заимствовали изъ литографированнаго изданія сочиненія г.-м. Услара, подъ заглавіемъ Абхазскій языкъ, 1862 года, *позволивъ себѣ сдѣлать перестановку въ порядкѣ буквъ*». Коммисія, какъ это мы показали въ нашей статьѣ «Кавк.-горскія письмена» (см. стр. 61), занималась лишь механическимъ,—и то не всегда удачнымъ,—переписываніемъ абхазскаго алфавита, составленнаго П. К. Усларомъ.

Л. З.

ИНГУШИ

(ИХЪ ПРЕДАНІЯ, ВѢРОВАНІЯ И ПОВѢРЬЯ).

Ингуши раздѣляются на нѣсколько обществъ. Общества эти слѣдующія: Кистинское, Джераховское, Назрановское, Карабулакское, Галгаевское, Галашевское и Цорпское. Изъ нихъ Назрановское и Джераховское, какъ ближайшія къ русскимъ поселеніямъ, были относительно русскихъ въ болѣе миролюбивыхъ отношеніяхъ, чѣмъ всѣ остальныя; такъ, напримѣръ, во время враждебныхъ дѣйствій другихъ обществъ, назрановцы и джераховцы весьма нерѣдко помогали русскимъ въ усмиреніи своихъ соплеменниковъ.

Родоначальникомъ Кистинскаго общества, по народному сказанію, былъ Кистъ, сынъ одного знаменитаго сирійскаго владѣльца изъ дома Каменъ (Комненъ?). Во время первыхъ крестовыхъ походовъ, онъ убѣжалъ изъ Сиріи въ Абхазію, а отсюда черезъ нѣкоторое время перешелъ въ Грузію. Но Грузія въ то время была въ самомъ печальномъ положеніи отъ постоянныхъ нападеній арабовъ и турокъ, такъ-что Кистъ принужденъ былъ убѣжать отсюда въ непреступныя Кавказскія горы и поселился въ одномъ изъ ущелій Сѣвернаго Кавказа, недалеко отъ верховьевъ Терека. Здѣсь онъ основалъ аулъ Арзія,—слово, значащее по переводѣ на русскій языкъ—орелъ. При этомъ онъ, вѣроятно по примѣру своихъ предковъ, избралъ гербъ, съ изображеніемъ орла; этотъ гербъ, какъ знакъ власти, былъ передаваемъ изъ рода въ родъ старшему члену семьи. Этотъ гербъ въ настоящее время, какъ намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, хранится въ одномъ изъ правительственныхъ учрежденій. На груди орла вырѣзана звѣздообразная фигура, а на шеѣ находится надпись вырѣзными буквами:

(переводъ: «Во имя Бога милостиваго и милосердаго, да будетъ благословеніе Божіе надъ Умаръ-Сулейманомъ Мамиловымъ (это слово переведено гадательно, но скорѣе такъ, нежели какъ-бы это былъ 155 годъ...), да будетъ хвала Богу за пожалованіе ястреба владѣльцу правовѣрному» (два послѣднія слова могутъ быть и въ творительномъ падежѣ, въ такомъ случаѣ вмѣсто «владѣлецъ» ближе перевести «повелитель» и вмѣсто «правовѣрному»—правовѣрныхъ; впрочемъ, эти два слова такъ неясно вырѣзаны, что можно принять ихъ даже за годъ—и тогда будетъ три слова, въ значеніи: (данъ) въ Сиріи 349, 249, или 345, 245. Во всякомъ случаѣ переводъ надписи приблизительный, самая-же надпись написана куфическими буквами.

Сынъ Киста Чардъ имѣлъ сына, Чарда-же. Послѣдній построилъ въ Арзіи 16 «осадныхъ» башенъ и замковъ, которые существуютъ и въ настоящее время. Послѣ Чарда слѣдовали его прямые потомки: Эдипъ, Эльбіазъ и сыновья послѣдняго, Мануилъ и Андъ. Послѣ смерти Мануила, сынъ его Дауръ-бекъ поссорился съ дядею Андомъ, оставилъ Кистинское общество и переселился въ сосѣднее, Джараховское общество. При послѣдующихъ потомкахъ Киста, власть ихъ стала значительно уменьшаться надъ обществомъ, такъ-что потомки: Шейлынкъ, Багаметъ и Тачъ играли между народонаселеніемъ роль старшихъ членовъ семейства; впрочемъ, сосѣди относились къ этимъ лицамъ, какъ къ владѣтелямъ кистинскимъ; такъ, напримѣръ, грузинскій царь Ираклій принималъ одного изъ потомковъ Тача съ большимъ уваженіемъ и почестями, подобающими владѣтельнымъ лицамъ.

Родоначальникомъ Джераховскаго общества считается нѣкто Джерахматъ, съ незапамятныхъ временъ поселившійся въ ущельи, по бокамъ рѣчки Арм-хій, впадающей въ Терекъ. Ущелье названо Джераховскимъ по имени родоначальника. Джерахматъ, такъ-же какъ и Кистъ, былъ выходцемъ, но не изъ Сиріи, а Персіи. Во время его переселенія, Джераховское ущелье было совершенно необитаемо; Джерахматъ имѣлъ около себя 100 человѣкъ дружины, находившейся въ его подчиненіи и исполнявшей всѣ его приказанія. Спустя нѣкоторое время послѣ этого переселенія, въ Джераховское ущелье начали приходить посторонніе жители и населяли свободныя мѣста—съ дозволенія Джерахмата. Послѣдній защищалъ съ своей дружиной новыхъ переселенцевъ и за это пользовался весьма значительными правами надъ остальными

народонаселеніемъ; такъ, напримѣръ, онъ имѣлъ право держать холоповъ и брать подати съ жителей Джераховскаго ущелья. Джерахматъ жилъ до глубокой старости и втеченіи своей жизни пользовался между своими новыми соотечественниками большимъ уваженіемъ. Сыновья Джерахмата, Лорсинъ и Бекъ, пользовались между джераховскими жителями точно также большимъ уваженіемъ. Подобно кистинскимъ предводителямъ, они неоднократно были принимаемы грузинскими царями къ своему двору и получали отъ нихъ при своемъ возвращеніи богатые подарки. Вѣроятно, грузинскіе цари ласкали горскихъ предводителей—съ цѣлію пріобрѣтенія ихъ расположенія и предупрежденія со стороны джераховцевъ хищническихъ нападеній на пограничныя грузинскія земли. А эти нападенія въ первыя времена существованія ингушевскихъ обществъ были весьма часты: они производились большею частію предводителями небольшихъ отрядовъ дружины, причемъ они весьма нерѣдко забирались въ самую глубь грузинскаго царства. Главною цѣлью нападеній были желанія пріобрѣсть краснаго шелку и ситцу для праздничныхъ бешметовъ своей фамиліи. О характерѣ этихъ нападеній мы можемъ судить по нѣкоторымъ народнымъ ингушскимъ преданіямъ о старинныхъ ингушскихъ герояхъ.

Члены Джераховскаго общества находились точно также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ своими сосѣдями—осетинами; значительная часть послѣднихъ жила почти на одной землѣ съ джераховцами. Кромѣ того, между джераховцами и осетинами, населявшими ущелье р. Терека, существовалъ обычай: брать плату за проѣздъ черезъ Дарьяльское ущелье; причина этого обычая лежала не столько въ правѣ сильнаго, сколько въ томъ обстоятельствѣ, что окрестное населеніе слѣдило за исправностью дороги и, въ случаѣ ея порчи, дѣлало поправки общими силами. Необходимость обоюдныхъ сношеній постоянно заставляла ихъ быть болѣе или менѣе внимательными къ положенію этой дороги и тѣмъ оказывать значительную услугу проѣзжавшимъ караванамъ. Сумма, собиравшаяся съ проѣзжающихъ, раздѣлялась между ближайшимъ населеніемъ; при этомъ въ способѣ распредѣленія была разница: въ осетинскомъ населеніи деньги отдавались не всѣмъ членамъ общества, а только самому привеллегированному сословію — алдарамъ; между ингушскимъ населеніемъ деньгами пользовались всѣ, какъ правители, такъ и остальные классы, въ рав-

ной степени,—обстоятельство, указывающее на слабое развитіе между ингушскимъ населеніемъ аристократическаго элемента. Джераховцы въ послѣднія времена были болѣе другихъ горцевъ привержены русскому правительству; такъ, напримѣръ, они защищали русскія границы отъ нападеній на нее лезгинъ, тушинъ и другихъ народовъ, жившихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ.

Назрановское общество составилось изъ переселенцевъ разныхъ горскихъ обществъ и потому не имѣетъ своей самостоятельной исторіи. Оно издавна еще находилось въ миролюбивыхъ отношеніяхъ къ русскимъ и заэто не однократно терпѣло хищническія нападенія со стороны своихъ сосѣдей—соплеменниковъ. Въ Назрановскомъ обществѣ еще менѣе замѣтенъ аристократическій элементъ, чѣмъ въ остальныхъ ингушскихъ обществахъ.

Происхожденіе Галгаевскаго общества неизвѣстно; въ отдаленнѣйшій періодъ времени между галгаевцами почти не было случаевъ потомственной передачи власти отъ одного лица къ другому, какъ мы видимъ это въ другихъ обществахъ. Жители всегда выбирали изъ своей среды отличнѣйшихъ по своему уму, богатству, а не исключительно по происхожденію, людей и передавали имъ право судить и производить расправу; но при этомъ судьи, или старшины, не пользовались правомъ окончательно рѣшать дѣла безъ согласія старѣйшихъ членовъ общества. Только за кровь убитаго старшины взыскивалось болѣе платы, чѣмъ за обыкновеннаго галгаевца. Относительно чуждыхъ народовъ, галгаевцы держали себя совершенно независимо; такъ, наприм., не смотря на то, что въ концѣ XVIII столѣтія галгаевцы считались подданными тарковскихъ шамхаловъ, они не платили имъ никакой дани и зависимость эта была только номинальною. Если галгаевца убивалъ какой-либо простой осетинъ, то месть галгаевца простиралась не только на убійцу, но и на его господина, или владѣтеля. Воинственность галгаевцевъ была причиною того, что сосѣднія съ ними племена нерѣдко нанимали ихъ, или платили имъ дань за защиту отъ другихъ какихъ-либо враждебныхъ сосѣдей.

Къ числу позднѣйшихъ обществъ принадлежитъ еще Карабулакское, населявшее сѣверо-западный уголъ ингушской территоріи. Оно составилось, какъ и Назрановское, изъ переселенцевъ горскихъ обществъ и не имѣетъ никакихъ историческихъ преданій. Въ послѣднее время карабулаки стали называться галашевцами, по

имени ущелья, которое они заняли. Подобно многимъ другимъ горскимъ племенамъ, карабулаки находились въ зависимости отъ шамхала тарковскаго и платили ему дань по 1 рублю со двора. Завоеваніе этого края русскими уничтожило эту зависимость и освободило ихъ отъ довольно стѣснительной дани. Карабулаки были довольно воинственный народъ и пользовались между сосѣдями своими славою разбойниковъ. Во время самостоятельнаго существованія, они управлялись, какъ и галгаевцы, выборными изъ своей среды, такъ-что между ними не существовало какихъ-либо наслѣдственныхъ общественныхъ обязанностей.

Остальныя общества образовались во времена позднѣйшія; кромѣ того, постоянная зависимость ихъ отъ другихъ сильнѣйшихъ обществъ исключала возможность развитія въ нихъ какой-либо исторической самостоятельности и образованія какихъ-либо историческихъ преданій.

Кромѣ этихъ частныхъ свѣдѣній объ ингушскихъ обществахъ, между народонаселеніемъ существуетъ преданіе вообще о людяхъ, населявшихъ ингушскую территорію во времена, предшествовавшія историческому періоду жизни ингушскаго населенія. Общій характеръ этого преданія даетъ поводъ предполагать, что оно относится къ аборигенамъ ингушскаго племени, населявшимъ ингушскую территорію ранѣе того времени, когда явились пришельцы—основатели обществъ.

«Давнымъ-давно жилъ человѣкъ Солса. Люди жили тогда подъ землею въ большихъ подвалахъ, выложенныхъ камнемъ; эти подвалы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились до-сихъ-поръ. Солса былъ весьма умный и честный человѣкъ; онъ родился не отъ обыкновенной женщины, а прямо произошелъ отъ Бога. Однажды Солса проѣзжалъ по подземелью и ему встрѣтилась на дорогѣ тазовая кость человѣческая, такая большая, что Солса на конѣ проѣхалъ сквозь нее. Потомъ Солса опечалился, что нарушилъ спокойствіе мертваго человѣка. Солса сталъ просить Бога, чтобы Онъ воскресилъ этого человѣка въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ прежде, и ударилъ кость плетью. Въ то-же время изъ кости сдѣлался человѣкъ, такой большой, какъ гора; но онъ былъ слѣпъ и не могъ видѣть солнца. Солса просилъ объ этомъ Бога для того, чтобы большой человѣкъ не сдѣлалъ ему вреда. Большой человѣкъ громко спросилъ: «кто оживилъ меня»?—«Я, Соска-Солса»! (Соска прибавлено для обозначенія имени отца).—«Отчего-же ты

не далъ мнѣ зрѣнія»? спросилъ большой человѣкъ. Соска-Солса отвѣчалъ: «если-бы у тебя было зрѣніе, ты-бы съѣлъ весь свѣтъ». —«Что это за свѣтъ»? говоритъ большой человѣкъ,« здѣсь прежде былъ одинъ лѣсъ»!—«Нельзя тебѣ разсказать»—отвѣчалъ Соска-Солса: «скажи мнѣ: что ты прежде ѣлъ»? Вмѣсто отвѣта, большой человѣкъ пошарилъ кругомъ и, взявъ большой камень, растеръ его между руками и началъ ѣсть. «Мы ѣли это», сказалъ большой человѣкъ—«и все что намъ попадалось».—«Какъ-же вы воевали другъ съ другомъ»? снова спросилъ Соска-Солса. Тогда большой человѣкъ вырвалъ большой чинаръ, поспѣшно очистилъ его и бросилъ имъ въ Соска-Сола. Но послѣдній, увидѣвъ приготовленіе большого человѣка, заранѣе отскочилъ въ сторону. Большой человѣкъ, бросивъ дерево, сказалъ про себя: «я убилъ этого муравья за то, что онъ разбудилъ меня безъ зрѣнія». —«Какъ-же ты убилъ меня, когда я живъ»? возразилъ Соска-Солса. Большой человѣкъ въ отвѣтъ ему сказалъ: «кто родится послѣ насъ, тѣ будутъ умнѣе насъ; мы стыдились спасать себя отъ смерти и убивали другъ друга чинарами».—«Какъ-же вы могли храбро воевать между собою, когда у васъ была такая плохая пища, какъ ты показалъ мнѣ—песокъ, камень», говоритъ Соска-Солса. Большой человѣкъ сказалъ ему: «поѣзжай по этому своду до конца; тамъ стоитъ береза, подъ нею лежатъ два хлѣба, возьми и принеси сюда». Соска-Солса поѣхалъ, какъ сказалъ большой человѣкъ, нашелъ хлѣбы и привезъ ихъ. Тогда большой человѣкъ спросилъ: «какъ тебѣ показываются эти хлѣбы: хороши они?—«Мнѣ кажутся они очень хорошими», отвѣчаетъ Соска-Солса, «я былъ сильно голоденъ, откусилъ одинъ только кусокъ и теперь—сытъ».—«Съ этими двумя хлѣбами», сказалъ большой человѣкъ, «мы могли путешествовать четыре мѣсяца; а вы-же чѣмъ питаетесь»?—«Мы маленькіе», говоритъ Соска-Солса, «а все-таки мнѣ кажется, что этихъ хлѣбовъ мало и на одинъ разъ».—«Должно быть плохо на свѣтѣ», сказалъ большой человѣкъ, «если вамъ на одинъ разъ идетъ столько хлѣба, сколько намъ шло на четыре мѣсяца. Ты меня разбудилъ, подай-же мнѣ и зрѣніе, а если не дашь, то сдѣлай меня опять костью». Соска-Солса махнулъ плетью и большой человѣкъ сталъ опять тазовою костью.

«Въ одно время съ Соска-Солса жили въ горахъ *джелты* (греки); они были народъ трудолюбивый и образованный, хоть не такъ, какъ теперь; они были хорошіе строители и построили

много башенъ и замковъ; кромѣ того, они оставили въ разныхъ мѣстахъ большіе клады. Они уѣхали отъ насъ въ какую-то другую сторону. Послѣ джелтовъ жили *вамположъ*; между ними были двуротые. Одна женщина родила двухъ мальчиковъ: одноротаго и двуротаго. Однажды братья вышли на охоту; лѣса въ то время тамъ не было, а росъ небольшой кустарникъ. Въ то время въ Терской долинѣ жили кабардинцы; одинъ кабардинецъ ходилъ въ кустахъ. Братья напали на него и захватили его въ плѣнъ. Въ скоромъ времени на вамположъ разсердился Богъ и они начали умирать. Кабардинецъ, бывшій въ плѣну у вамположъ, воротился въ Терскую долину, взялъ съ собою кабардинку и, привезши ее въ горы, женился на ней. Отъ этого брака произошли горные ингуши. Въ то время умеръ одинъ кабардинскій князь, жившій въ Терской долинѣ; жена его никому не сказала о смерти своего мужа; днемъ она прятала его трупъ въ уединенномъ мѣстѣ, ночью приносила въ свою саклю и оплакивала его. Черезъ нѣсколько времени кабардинцы узнали про смерть своего князя, взяли его и похоронили, а потомъ собрали свое имущество и выселились дальше на плоскость, недалеко отъ Тулотова аула. Отсюда кабардинцы весьма часто нападали на вамположъ, грабили ихъ жилища и убивали ихъ самихъ, или уводили въ плѣнъ. Вамположъ разсердились на кабардинцевъ и въ свою очередь напали на нихъ; послѣдніе испугались и выселились еще дальше на равнину. Вамположъ разрушили ихъ жилища и забросали ихъ камнями; эти камни и до-сихъ-поръ лежатъ на томъ-же мѣстѣ. Въ то время самое употребительное оружіе было — луки, а у нѣкоторыхъ ружья, но не такія, какъ теперь, а съ фитилями. Послѣ-того-какъ вамположъ прогнали кабардинцевъ, послѣдніе такъ и остались на своемъ мѣстѣ».

Это преданіе, какъ можно видѣть изъ кое-какихъ частностей его, имѣетъ довольно значительную историческую достовѣрность: пребываніе въ горахъ грековъ, напримѣръ, подтверждается остатками развалинъ отъ ихъ прежнихъ построекъ, а также сохранившимися почти въ цѣлости церквами въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ; точно также во многихъ мѣстахъ восточной части Джераховскаго общества и въ ущельяхъ кистинскихъ попадаются полуразрушенные подземные каменные своды. Послѣдніе, по всей вѣроятности, относятся къ тому времени, когда въ Кавказскихъ горахъ происходили постоянныя передвиженія разнорелигіозныхъ народовъ,

причемъ опасность со стороны враждебныхъ нападеній заставляла строить потаенныя—подземныя жилища. Наконецъ, рожденіе Сосска-Солса отъ Бога и его способность дѣлать чудеса можно принять за извращенное понятіе о Христѣ, занесенное въ горы переселенцами джелтами. Преданіе о «вамположѣ», между которыми были двуротые, вѣроятно, намекаетъ на то, что между этими пришельцами были люди съ зобами; такъ-какъ этой болѣзни почти не существуетъ между туземнымъ населеніемъ, то «вамположъ» надо принимать выходцами изъ такихъ странъ, гдѣ эта болѣзнь существовала.

Приведемъ теперь нѣсколько данныхъ, характеризующихъ міровоззрѣніе ингушъ.

Земля, человѣкъ и горы.

Земля образовалась прежде Бога; она имѣетъ видъ яйца и стоитъ на доскѣ, доска—на морѣ, а море на какой-то «темнотѣ». Если Богъ захочетъ, то Онъ и уложитъ всю землю въ яйцѣ (неопредѣленность величины земли). Сначала земля имѣла мягкую поверхность, подобную ватѣ, такъ-что нога уходила глубоко въ землю. Для того чтобы земля сдѣлалась прочнѣе, Богъ образовалъ горы, черезъ 20 лѣтъ послѣ появленія земли. Горы раздѣляютъ землю на двѣ равныя части (подобно экватору). До образованія горъ, на землѣ былъ страшный холодъ. Богъ повелѣлъ собраться холоду на горы; отъ этого на землѣ сдѣлалось теплѣе, а на горахъ явился снѣгъ. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, а изъ ребра человѣческаго сдѣлалъ женщину. Они нѣкоторое время жили на землѣ, но не оставили намъ послѣ себя потомковъ. Послѣ ихъ смерти, изъ спинного мозга перваго человѣка родился муравей, а изъ муравья со-временемъ сдѣлался новый человѣкъ. Этотъ новый человѣкъ *былъ покрытъ шерстью, какъ кошка*. Онъ былъ очень большого роста, сильный и питался тѣмъ, что находилъ съѣстного на землѣ.

Когда человѣкъ находится еще въ утробѣ матери, къ нему является ангелъ и проситъ поскорѣе выйти на свѣтъ. Человѣкъ не соглашается и говоритъ, что онъ умретъ съ голоду, такъ-какъ его никто не будетъ кормить. Ангелъ говоритъ: «тебя будетъ кормить Богъ» и при этомъ пишетъ имя Бога на ладони

человѣка. Это имя остается написаннымъ до-тѣхъ-поръ, пока человѣкъ не разожметъ своей ладони. Но лишь только онъ сдѣлаетъ это, какъ имя Бога тотчасъ-же улетаетъ, въ видѣ маленькихъ брызгъ, и несется по воздуху. Черезъ нѣкоторое время брызги падаютъ на какомъ-нибудь мѣстѣ. Когда человѣкъ впослѣдствіи ступитъ на мѣсто паденія брызги, онъ въ ту-же минуту умираетъ отъ такой смерти, какую ему назначитъ Богъ. Поэтому иногда случается, что человѣкъ находится на волоскѣ отъ мѣста паденія брызги и на волоскѣ отъ смерти.

Море.

Былъ одинъ знаменитый человѣкъ, котораго Богъ весьма любилъ. Человѣкъ этотъ былъ очень умный и честный, ему подчинялись всѣ животныя, которыя тогда существовали на землѣ: птицы, звѣри, рыбы и всякіе гады. Человѣкъ этотъ зналъ имена всѣхъ животныхъ и понималъ ихъ языкъ, когда они говорили между собою. Одинъ разъ онъ шелъ съ своимъ войскомъ по такому мѣсту, гдѣ не было воды. Войско его захотѣло пить. Тогда человѣкъ сталъ просить Бога, чтобы онъ послалъ его войску воду. Богъ сказалъ ему: «Я пошлю тебѣ тогда воду, когда ты и все твое войско не будете въ состояніи ходить и станете чуть живы». Когда всѣ были почти въ безчувственномъ состояніи, знаменитый человѣкъ сталъ опять просить у Бога воды. Тогда Богъ послалъ птицу тушолъ-котэмъ (удодъ); она прилетѣла на то мѣсто, гдѣ было войско, и начала клевать землю; послѣ этого изъ земли стала появляться вода въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клевала тушолъ-котэмъ, и стала наполнять поверхность земли. Войско напилось воды и пошло дальше. Между тѣмъ земля сжималась и вода прибывала все больше и больше, такъ-что черезъ нѣсколько времени на этомъ мѣстѣ образовалось большое море, —оно заняло цѣлую треть всей поверхности земли. Однажды Богъ собралъ всѣхъ птицъ и спросилъ: кто изъ нихъ перелетитъ море? Журавль взялся перелетѣть. Богъ далъ ему въ пищу трехъ гусей и журавль полетѣлъ. Долго онъ летѣлъ и сталъ уставать. Ему на дорогѣ попалась рыба и спросила его: «куда, журавль, летишь»? Журавль повѣдалъ ей цѣль своего перелета. Тогда рыба замѣтила ему: «я совѣтую тебѣ вернуться назадъ, ты не долетишь и до половины, какъ у тебя не достанетъ провизіи и

ты умрешь съ голода и усталости; лети назадъ, пока у тебя есть провизія». Журавль послушался и полетѣлъ назадъ. Послѣ этого ни одна птица не согласилась перелетѣть черезъ море.

Туманъ, громъ, молнія, дождь, землетрясенія, морозъ.

Прежде на землѣ не было ни тумана, ни дождя, ни грома, ни молніи, ни землетрясенія, ни вѣтра. Однажды женщина пошла за дровами и нашла дорогой что-то бѣлое и мягкое—въ родѣ ваты. Она подумала, что это вата, и взявши вещь, принесла ее домой и заперла въ сундукъ. Черезъ нѣсколько времени, подошедши къ сундуку, она увидѣла, что онъ во многихъ мѣстахъ растрескался и изъ него выходилъ туманъ; послѣдній поднялся вверхъ и началъ расходиться по свѣту. Послѣ этого появился и громъ. Когда туманъ бываетъ надъ моремъ, то онъ набираетъ въ себя водяныхъ пузырьковъ и несетъ ихъ вверхъ; отъ этого бываетъ дождь. Отдѣльныя капли дождя при своемъ паденіи никогда не собираются вмѣстѣ.

Есть на свѣтѣ синія птицы — зехапъ; во время дождя онѣ летаютъ въ тучахъ, съ большою силою машутъ крыльями и этимъ производятъ громъ; въ то-же время ангелъ Жебраль-мелекъ гоняется въ тучахъ за дьяволомъ съ большою шашкою и машетъ ею, стараясь ударить дьявола; отъ блеска шашки происходитъ молнія.

За Меккой, въ далекой странѣ, есть большая гора Капламъ; отъ нея во всѣ мѣста земли расходятся жилы, подобно-тому-какъ у человѣка росходятся жилы отъ сердца. Когда люди на землѣ начинаютъ забывать Бога и вести дурную жизнь, Богъ посылаетъ ангела Жебраль-мелека, который величиною съ суставъ человѣческаго пальца. Жебраль-мелекъ сходитъ въ средину горы и начинаетъ трясти ее; отъ этого на землѣ происходятъ землетрясенія.

Богъ сначала содержалъ людей очень хорошо; на землѣ не было холода, такъ-что пища была очень хорошая—и люди и животныя сдѣлались очень сытыми. Тогда Богъ послалъ имъ холодъ, чтобы они не зажирѣли. Лѣтомъ холодъ опускается въ сре-

дину земли, а зимою выходитъ на поверхность. Земля согрѣвается еще отъ того, что въ срединѣ ея есть огонь.

Небо, солнце, звѣзды и разныя измѣненія въ ихъ видѣ.

Солнце величиною съ городъ (верстъ 15 въ окружности); оно состоитъ изъ огня и прикрѣплено на небѣ къ *арша* (нѣчто въ родѣ скатерти); ангелъ водитъ солнце по небу; днемъ оно освѣщаетъ живыхъ людей, а ночью—мертвыхъ; при закатѣ оно погружается въ море.

Когда люди начинаютъ забывать Бога, онъ посылаетъ затмѣніе; ангелъ, движущій солнцемъ, закрываетъ его концомъ арша и тѣмъ напоминаетъ людямъ о Богѣ.

Луна также прикрѣплена къ арша; затмѣнія ея происходятъ отъ тѣхъ-же причинъ, которыя образуютъ затмѣнія солнечныя.

По другому народному преданію: сестра гоняется за братомъ и заслоняетъ луну. Изображенія на лунѣ — изображенія брата и сестры. Свѣтъ луны составляетъ девятую часть свѣта солнечнаго, а теплота—восемнадцатую часть теплоты солнца. Разстояніе отъ земли до солнца и луны одинаково.

Солнечные круги показываютъ, что Богъ смотритъ на землю. Человѣкъ, родившійся въ тотъ день, когда на солнцѣ бываютъ какія-либо явленія въ родѣ круговъ, будетъ умнымъ и честнымъ.

Каждая звѣзда на небѣ принадлежитъ какой-нибудь душѣ, но только человѣкъ не можетъ знать, какая именно звѣзда принадлежитъ ему. Если звѣзда падаетъ съ неба, то это признакъ, что человѣкъ, которому принадлежитъ звѣзда, умретъ черезъ годъ, въ день паденія звѣзды. Звѣзды также прикрѣпляются на небѣ, они также движутся, одновременно съ другими большими небесными тѣлами: солнцемъ и луной.

Кометы обозначаютъ рожденіе какого-нибудь знаменитаго и честнаго человѣка. *Несчастій-же онѣ никакихъ не предвѣщаютъ.* (Послѣднее обстоятельство составляетъ весьма замѣчательную особенность въ народныхъ пнгушскихъ вѣрованіяхъ. Из-

вѣстно, что всѣ народы признаютъ явленіе кометы — грознымъ предзнаменованіемъ какихъ-либо страшныхъ, общихъ для человѣчества, бѣдствій).

По понятіямъ ингушъ, каждому человѣку заранѣе опредѣлено быть или честнымъ, или умнымъ, или злымъ и т. п., безъ всякихъ болѣе опредѣляющихъ представленій положенія человѣка въ обществѣ. Это опредѣленіе отмѣчено на лопаткѣ каждаго человѣка. Исключеніе составляютъ только цари, какъ лица высшаго происхожденія: они происходятъ отъ пророка Мухаммеда и навсегда запечатлѣны всѣми совершенствами человѣческими. Изъ потомковъ пророка никогда не можетъ быть простой человѣкъ, а непремѣнно царь.

Приведемъ теперь нѣсколько ингушскихъ преданій, отчасти историческаго, отчасти религіознаго содержанія *).

Елта **).

Давнымъ-давно люди жили гораздо ближе къ Богу, чѣмъ теперь; въ случаѣ нужды, каждый человѣкъ могъ лично явиться къ Богу и просить все, что ему было нужно. У одной вдовы былъ маленькій сынъ. Однажды онъ говоритъ матери: «мать! я пойду къ Богу и попрошу у него чего-нибудь, мы бѣдны и у насъ многаго не достаетъ». — «Сынъ мой», говоритъ мать,—«ты такой оборванный, приближенные Бога не допустятъ тебя до него». Сынъ снова говоритъ: «нѣтъ, мать, я надѣюсь добраться до Бога, пойду попытаю счастія». Послѣ этихъ словъ сынъ пошелъ къ Богу. Когда ангелы и приближенные увидѣли оборванную одежду мальчика, то не допустили его къ Богу. Мальчикъ печально возвращался домой. На дорогѣ ему попался сынъ Бога, «Елта».

*) Нѣкоторыя изъ этихъ преданій были напечатаны въ Терскихъ Вѣдомостяхъ 1872 г.

**) Елта—по ингушски значитъ хлѣбное зерно. У ингушъ есть обычай давать лицамъ въ имена—названія разныхъ предметовъ, животныхъ и т. п.

Куда ты идешь»? спрашиваетъ Елта мальчика «и отчего ты печаленъ»? Мальчикъ разсказалъ Елтѣ о своей неуспѣшной попыткѣ проникнуть въ жилище Бога. «Отецъ мой управляетъ цѣлымъ міромъ»! — воскликнулъ Елта, выслушавъ слова мальчика, — «неужели я не могу управлять однимъ мальчикомъ»? «Я беру тебя подъ свое покровительство», — обратился Елта къ мальчику, — «проси у меня чего тебѣ угодно»! — Мальчикъ отвѣчалъ: «я хочу посѣять пшеницу и прошу урожай». — «Пусть будетъ урожай пшеницы на твоей пашнѣ, иди и сѣй», сказалъ Елта и пошелъ дальше.

Мальчикъ съ матерью посѣяли пшеницу. Къ великой радости, у нихъ былъ такой хорошій урожай, какого ни у кого не было изъ сосѣдей: на одномъ стеблѣ выросло по два колоса. Когда хлѣба стали созрѣвать, Богъ послалъ своихъ ангеловъ посмотрѣть урожаи пшеницы и всего остального. Ангелы, осмотрѣвъ всѣ пашни, доносятъ Богу, что на пашнѣ мальчика, котораго они не допустили къ нему, урожай лучше, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей. Услышавъ отвѣтъ ангеловъ, Богъ воскликнулъ: «какъ могъ явиться у мальчика урожай безъ моей воли! наведите надъ его пашней громъ и грозу, пусть они погубятъ ее»! Ангелы передали приказаніе Бога матери Грома и Грозы, чтобы она послала своихъ дѣтей для истребленія пашни мальчика.

Когда Елта узналъ о приказаніи своего отца, то послалъ сказать мальчику, чтобы онъ съ матерью поспѣшили убрать свой хлѣбъ. Мальчикъ и мать дружно принялись за работу; когда они убирали уже послѣдній снопъ, пошелъ сильный дождь съ грозой и градомъ и истребилъ всѣ хлѣба на поляхъ, кромѣ убраннаго хлѣба мальчика. Послѣ дождя Богъ посылаетъ своихъ ангеловъ осмотрѣть хлѣба. Когда возвратившіеся ангелы донесли Богу, что у всѣхъ жителей хлѣба истреблены, а у мальчика цѣлы, Богъ сильно разсердился за невыполненіе своей воли и приказалъ позвать мать вѣтровъ. Когда она явилась, Богъ сказалъ ей: «подними бурю и ураганъ и разнеси хлѣбъ мальчика». Елта, узнавши объ этомъ приказаніи, послалъ сказать мальчику, чтобы тотъ перенесъ весь свой хлѣбъ на гумно и прикрылъ хорошенько. Лишь только мальчикъ съ матерью окончилъ укладку хлѣба, поднялась страшная буря и начала разносить по воздуху клочками весь хлѣбъ сосѣдей, а хлѣбъ мальчика, прикрытый каменьями, не былъ разбросанъ. Ангелы, посланные Богомъ для развѣдыванія о дѣйствіи бури, въ третій разъ донесли ему, что буря разнесла и погубила всѣ хлѣба у жителей, а хлѣбъ мальчика остался цѣлъ.

Тогда Богъ приказалъ ангеламъ, чтобы у всѣхъ жителей съ каждаго тока получалось только по одной мѣркѣ хлѣба.

Елта, узнавъ объ этомъ, предупредилъ мальчика, чтобы онъ отаптывалъ свой хлѣбъ не массой, а по одному снопу. Мальчикъ сдѣлалъ по совѣту Елты и отъ каждаго снопа получилъ мѣру пшеницы, между-тѣмъ какъ у сосѣдей почти не было ничего. У мальчика столько уродилось хлѣба, что онъ раздалъ очень много своимъ сосѣдямъ, наиболѣе пострадавшимъ отъ неурожая.

Когда Богъ узналъ, что и четвертое его приказаніе не достигло своей цѣли, то страшно разсердился и приказалъ позвать къ себѣ Елту и мальчика. Когда послѣдніе пришли, Богъ грозно обратился къ мальчику: «почему у тебя вышелъ хорошій хлѣбъ въ то время, какъ у остальныхъ жителей дурной, и кто помогалъ тебѣ въ этомъ»? Мальчикъ подробно разсказалъ о своихъ дѣлахъ, прибавивъ, что ему помогалъ Елта. «Какъ ты смѣлъ идти противъ моихъ желаній»? грозно обратился Богъ къ сыну, — «тебѣ слѣдовало-бы за твое ослушаніе выколоть глазъ»! — При послѣднихъ словахъ Богъ такъ сильно ткнулъ пальцемъ въ глазъ сына, что тотъ выскочилъ изъ головы, и съ-тѣхъ-поръ Елта остался одноглазымъ. Кромѣ Елты, у Бога были еще два сына: Этеръ и Воскресенье.

Кривой Елта управляетъ надъ дикими звѣрями; Этеръ завѣдуетъ дѣлами мертвыхъ, а Воскресенье господствуетъ надъ временемъ.

Соотвѣтственно этому раздѣленію, ингуши въ разныхъ случаяхъ своей жизни просятъ о помощи того или другого Бога. Охотникъ, передъ отправленіемъ на охоту, считаетъ необходимымъ сдѣлать воззваніе къ Елтѣ о дарованіи ему успѣха. Этеру приносятъ жертвы и молятся въ томъ случаѣ, когда долго длится предсмертная агонія умирающаго: въ этомъ случаѣ, родные больного просятъ Этера взять его къ себѣ, т. е. прекратить жизнь для избавленія отъ мученій. Наконецъ, Воскресенье олицетворено въ формѣ дня — воскресенья, считаемаго священнымъ и важнымъ праздникомъ. Такъ-какъ, давнымъ-давно, большая часть ингушъ была христіанами, то въ позднѣйшія ингушскія религіозныя вѣрованія вошли въ исковерканномъ видѣ понятія христіанской религіи. Въ настоящее-же время религія ингушъ весьма неопредѣленна и представляетъ смѣсь понятій языческихъ, мухамме-

данскихъ, христіанскихъ и т. п. Эта неопредѣленность придаетъ какой-то индеферентный характеръ религіозному настроенію ингушскаго народа. Между ингушами вслѣдствіе этого религіозныхъ фанатиковъ гораздо менѣе, чѣмъ между сосѣдними полудикими кавказскими народами.

Магалъ.

Въ горахъ есть теперь развалины одного аула, который прежде носилъ названіе Магалъ. Аулъ этотъ расположенъ на обрывистомъ склонѣ Черныхъ горъ, въ Шанскомъ ущельѣ. Давнымъ давно, когда аулъ этотъ былъ еще населенъ такъ, что могъ выставить шестьдесятъ всадниковъ,—жилъ въ немъ одинъ ученѣйшій человѣкъ, котораго знали также Магаломъ; у него была весьма замѣчательная священная книга, изъ которой онъ обыкновенно почерпалъ свою мудрость и знаніе; эта книга и теперь еще хранится въ храмѣ, находящемся между развалинами аула и носящемъ названіе «Магаерда».

У ученѣйшаго мудреца Магала, именемъ котораго былъ названъ самый аулъ, хранилась драгоцѣнная и замѣчательная «звѣзда вѣтровъ»; она лежала въ крѣпкомъ сундукѣ, котораго не могли разбить никакіе инструменты, и на самомъ его днѣ была прикрыта многими другими вещами, представлявшими своею важностію и драгоцѣнностію предметъ зависти и почтенія, какъ другихъ ученыхъ, такъ и всѣхъ соплеменниковъ. Въ домѣ этого-же Магала жила замѣчательная бѣлая змѣя; она умѣла говорить по-человѣчески и считалась членомъ семьи Магала за свою разумность и кроткое поведеніе.

Однажды ученый Магалъ, приготовивши всѣ необходимыя дорожныя принадлежности и вооружившись лучшимъ своимъ оружіемъ, отправился на югъ, въ «грузинскую сторону», которая лежала далеко за снѣговыми горами. Окончивъ всѣ свои дѣла, Магалъ возвращался назадъ.

Дорогой онъ заѣхалъ на ночлегъ въ аулъ Заторъ; по обыкновенію горцевъ, хозяинъ сакли, въ которой Магалъ остановился, зарѣзалъ барана и сталъ угощать своего гостя. Во время ѣды, Магалъ замѣтилъ, что у козла, лежавшаго недалеко отъ кунацкой

сакли, закачалась борода. Обстоятельство это поразило Магала, такъ-какъ въ то время въ горахъ вовсе не существовало вѣтровъ. Магалъ, не смотря на свой сильный аппетитъ, пересталъ ѣсть и началъ думать о причинѣ такого страннаго явленія. Вдругъ онъ вспомнилъ о «звѣздѣ вѣтровъ», которая хранилась въ его сундукѣ; такъ-какъ ключъ отъ сундука онъ оставилъ своей женѣ, то у него явилась мысль: нѣтъ-ли какого-либо несчастія въ его домѣ—съ сундукомъ? Эта мысль до того овладѣла Магаломъ, что онъ, не кончивши своей ѣды, тотчасъ-же вскочилъ на коня и поскакалъ домой.

Между-тѣмъ въ его отсутствіе въ семьѣ случилось важное происшествіе. Одинъ изъ маленькихъ сыновей Магала любилъ постоянно играть съ бѣлою змѣею; во время отсутствія отца, онъ, играя съ нею, ударилъ ее ножомъ и отрубилъ ей хвостъ. Змѣя страшно разсердилась на мальчика, бросилась на него и ужалила такъ, что мальчикъ вскорѣ умеръ. Несчастная мать мальчика, прибѣжавши на крикъ своего ребенка и увидѣвъ его трупъ, совершенно растерялась отъ горя и начала бѣгать по комнатамъ. Въ это время, ища какъ-бы безсознательно тряпки для раны сына, она отворила завѣтный сундукъ и начала ворочать въ немъ рукою.

Лишь только она отвернула предметы, покрывавшіе «звѣзду вѣтровъ», послѣдняя быстро поднялась и улетѣла на небо. Съ этого времени въ горахъ начали дуть почти ежедневно сильные вѣтры, между-тѣмъ-какъ прежде ихъ никогда не бывало.

Прискакавши домой, Магалъ былъ страшно пораженъ совершившимся несчастіемъ, особенно потерею звѣзды.

Зная, что бѣлая змѣя владѣетъ многими чудодѣйственными секретами, онъ сталъ вызывать ее къ себѣ изъ норки, обѣщалъ сдѣлать ей хвостъ изъ золота и серебра, а за это просилъ ее только содѣйствовать возвращенію съ неба «звѣзды вѣтровъ» въ завѣтный сундукъ.

Послѣ усиленныхъ просьбъ, бѣлая змѣя наконецъ вышла изъ своей норки и приблизилась къ Магалу. Она хотѣла уже вступить съ нимъ въ переговоры, но, нечаянно взглянувши на свой отрубленный хвостъ, вдругъ раздумала и сказала ему: «нѣтъ, Магалъ! какъ я не забуду своего отрѣзаннаго хвоста, придѣлавши золотой, такъ и ты не забудешь своего сына и рано или поздно убьешь меня. Поэтому между нами больше уже не можетъ быть мира и согласія!» Сказавши это, змѣя опять поползла назадъ и скрылась въ своей норкѣ. Когда змѣя вышла изъ норки для

объясненія съ Магаломъ, «звѣзда вѣтровъ» такъ низко опустилась съ неба надъ саклею Магала, что ее можно было достать съ крыши; когда-же змѣя удалилась въ свою норку, «звѣзда вѣтровъ» снова поднялась на воздухъ, такъ-что чуть виднѣлась на высотѣ.

Послѣ смерти Магала, у него остались три сына: Гуй, Цикни и Кетло. Гуй и Кетло жили въ аулѣ Тумго, который существуетъ и въ настоящее время на склонѣ Красныхъ горъ, въ Галгаевскомъ ущельѣ. Гуй былъ громаднѣйшаго роста, имѣлъ два рта: одинъ на обыкновенномъ мѣстѣ, а другой на затылкѣ; первымъ ртомъ онъ ѣлъ обыкновенную пищу, а заднимъ—преимущественно перегрызалъ кости. Соотвѣтственно своему роту, Гуй имѣлъ большую физическую силу и внушалъ уваженіе своимъ друзьямъ и страхъ врагамъ.

Цикни завидовалъ славѣ и силѣ своего брата Гуя и желалъ какъ-нибудь уничтожить его; онъ составлялъ съ этою цѣлію нѣсколько плановъ, но всѣ они, по неудобству, долгое время не могли быть выполняемы. Наконецъ появился одинъ благопріятный случай. Гуй собрался ѣхать въ Грузію, для того чтобы ограбить тамъ нѣкоторыя крайнія богатыя селенія и запастись ситцами *) для своихъ старыхъ постелей.

Цикни просилъ Гуя взять его съ собою, на что тотъ согласился. Во время дороги они расположились ночевать въ первую ночь въ степи. Лишь только Гуй заснулъ, Цикни связалъ его самыми крѣпкими веревками и бросилъ одного въ степи, въ той надеждѣ, что постоянно бродившіе разбойники убьютъ его. Самъ-же Цикни поспѣшно воротился домой и объявилъ домашнимъ, что Гуй безъ вѣсти пропалъ въ горахъ. Проснувшись послѣ крѣпкаго сна, Гуй самымъ легкимъ движеніемъ рукъ разорвалъ связывавшія его веревки и громко закричалъ отъ гнѣва: «кто смѣлъ связать меня?»

На его крикъ подошли пастухи, недалеко ходившіе съ стадами барановъ, и объявили, что они видѣли, какъ одинъ человѣкъ поспѣшно связалъ его веревками и уѣхалъ по направленію къ Краснымъ горамъ. По описанію внѣшняго вида этого человѣка пастухами, Гуй догадался, что то былъ его братъ Цикни.

Въ сильномъ гнѣвѣ, Гуй взобрался на высокую Черную гору, которая отдѣляла его отъ аула, и громко закричалъ:

*) Грузія въ прежнія времена слыла между ингушами страною ситцевъ; нѣкоторые грузинскіе цари дарили ингушамъ ситцы для того, чтобы ингушскіе наѣздники не грабили грузинскихъ границъ.

«погоди, Цикни, я съ тобой раздѣлаюсь!» Хотя до аула было не менѣе сорока верстъ разстоянія, Цикни услышалъ крикъ Гуя, страшно перепугался его угрозы и, вскочивъ на коня, убѣжалъ изъ дома. Послѣ этого Цикни поселился на вершинахъ Галгаевскаго ущелья и былъ родоначальникомъ многочисленныхъ ингушскихъ семействъ. Гуй воротился въ аулъ Тумго.

Потомство Гуя населяетъ мѣста соединенія Кистинскаго ущелья съ Галгаевскимъ. Изъ уваженія къ силѣ и храбрости Гуя, сыновья его сдѣлали ему памятникъ—столбъ, вышиною въ двѣ сажени, шириною въ два аршина; памятникъ этотъ своею величиною представляетъ, будто бы, настоящую величину роста Гуя.

Баркумскій «кантъ» *).

Въ Галгаевскомъ ущельѣ, на правомъ берегу р. Ассы, при подошвѣ Красныхъ горъ, стоитъ небольшой аулъ Баркумъ. Окрестная мѣстность представляетъ суровый и дикій видъ своею слабою растительностію и высокими навислыми скалами; только около Баркума видпѣется небольшой лѣсъ, пріятно освѣжающій взоръ своимъ видомъ, послѣ скучнаго однообразія окружающей картины. Основателемъ Буркумскаго аула былъ одинъ знаменитый своей храбростію, ловкостію и гостепріимствомъ наѣздникъ, или «кантъ». Около Баркума жилъ въ то-же время одинъ христіанскій царь; въ въ его аулѣ была небольшая церковь **), построенная изъ хорошаго сѣраго камня, который привозился на эшакахъ изъ далекихъ чужихъ странъ. Царь и Баркумскій «кантъ» жили между собою въ дружбѣ и согласіи, часто ѣздили другъ къ другу и проводили время или въ увеселеніяхъ, или въ разговорахъ о своихъ дѣлахъ. Однажды царь и «кантъ» дали другъ другу клятву въ томъ, чтобы выполнять всѣ тѣ просьбы, которыя они будутъ предлагать одинъ другому.

У Буркумскаго «канта» была красавица жена, съ такимъ бѣлымъ цвѣтомъ лица, какого не было ни у одной женщины во

*) Названіе «кантъ» не имѣетъ строго-опредѣленнаго значенія: иногда «кантомъ» называютъ молодого человѣка вообще, иногда-же пожилого, отличившагося удальствомъ; поэтому слово «кантъ» почти тоже-что русское «молодецъ».

**) Церковь эта существуетъ до-сихъ-поръ; она построена довольно изящно, въ византійскомъ вкусѣ, и замѣчательна величиною камней, изъ которыхъ построена,—слишкомъ въ аршинъ длины каждый.

всемъ свѣтѣ. Когда эта красавица пила воду, то она видна была въ горлѣ красавицы,—до того было чисто и прозрачно ея тѣло.

Черезъ нѣсколько дней послѣ клятвы, христіанскій царь съ *музыкой* пріѣхалъ въ домъ Баркумскаго «канта»; тотчасъ-же между ними началось гулянье и продолжалось цѣлые три дня. На четвертый день христіанскій царь проситъ «канта» подарить ему красавицу жену. «Кантъ» былъ сильно опечаленъ этой просьбой и пошелъ къ женѣ. Увидѣвъ разстроенное лицо своего мужа, красавица спросила его: «отчего ты такъ печаленъ»? Мужъ разсказалъ ей просьбу христіанскаго царя и просилъ ея совѣта. Жена начала говорить «канту»: «если ты далъ такую клятву царю, ты долженъ ее выполнить; христіанскій царь очень богатъ и силенъ,—если ты не выполнишь его просьбы, онъ сдѣлается твоимъ врагомъ и разоритъ нашъ аулъ. А для того, чтобы вознаградить себя за то, что потеряешь меня, ты проси у царя, чтобы онъ втеченіи трехъ дней выбрался изъ своего аула, а мѣсто и постройку подарилъ-бы тебѣ. Также скажи ему, что все, незабранное имъ втеченіи трехъ дней, останется въ твою пользу». «Кантъ» поступилъ такъ, какъ ему совѣтовала жена. При разставаньи съ христіанскимъ царемъ, онъ сказалъ послѣднему: «вотъ тебѣ моя жена, бери ее съ собою, я отдаю ее согласно нашей клятвѣ; черезъ три-же дня я пріѣду въ твой аулъ и буду просить у тебя подарка». Послѣ этого они разстались. Черезъ три дня Баркумскій «кантъ» пріѣзжаетъ къ христіанскому царю, пируетъ у него, а потомъ обращается съ такой просьбой: «мы поклялись выполнять просьбы другъ друга; я прошу у тебя, чтобы ты подарилъ мнѣ землю и постройку, которыя тебѣ принадлежатъ здѣсь. Втеченіи трехъ дней ты долженъ выселиться отсюда и забрать съ собою добро, какое можешь, а что останется по прошествіи трехъ дней, то будетъ моимъ добромъ». Христіанскій царь, хотя и былъ опечаленъ такой просьбой, но долженъ былъ выполнить ее и черезъ три дня съ имуществомъ своимъ выбрался изъ этого аула въ Тарскую долину. Земля-же и постройка достались Баркумскому «канту». Отъ христіанскаго царя, выселившагося въ Тарскую долину, произошло Кабардинское племя, а отъ Баркумскаго «канта»—большая ингушская фамилія.

Имя Баркумъ-канта *) упоминается еще въ слѣдующихъ двухъ преданіяхъ:

I.

Мухаммедъ былъ посредникомъ между Богомъ и людьми. Сначала онъ не зналъ, что онъ пророкъ, но иногда чувствовалъ, что онъ находится подъ дѣйствіемъ сверхъ-естественной силы. Шейхи-же знали, что онъ пророкъ. Однажды Мухаммедъ сидѣлъ на курганѣ и передъ нимъ былъ спущенъ съ неба на золотыхъ цѣпяхъ коранъ, величиною съ мельничное колесо. Этотъ самый коранъ Мухаммедъ положилъ на осла и двинулся отъ востока къ западу и дошелъ до Тхагоба-еррдъ. Мухаммедъ шелъ съ своимъ братомъ и десятью товарищами; онъ шелъ проповѣдывать слово божіе. Онъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Тхагоба-еррдъ; тогда тамъ не было никакихъ построекъ. Когда Мухаммедъ задумалъ проповѣдывать коранъ, — это узналъ одинъ христіанинъ. Чтобы помѣшать Мухаммеду, онъ подкрался, сдѣлалъ выстрѣлъ изъ ружья и убилъ брата Мухаммеда. Послѣ его смерти, Мухаммедъ оставилъ это мѣсто и возвратился назадъ. Но какъ онъ хотѣлъ повезти съ собою трупъ брата на ослѣ, то долженъ былъ оставить коранъ,—и вотъ Мухаммедъ зарылъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ построенъ Тхагоба-еррдъ. Христіанскіе шейхи узнали, гдѣ зарытъ коранъ, и они построили тамъ церковь. Камни для постройки они возили изъ Тифлиса. Послѣ, на этомъ мѣстѣ поселился христіанскій царь. Затѣмъ этотъ царь былъ выгнанъ Баркумъ-кантомъ.

II.

Канава Темира хромого **).

Отецъ Темира былъ овцеводъ, почему Темиръ съ малолѣт-

*) Иначе: Баркимъ и Бартумъ.

**) Отъ Галгаевскаго ущелья до Малой Кабарды проходитъ канава, которая, какъ говорятъ чеченцы, доходитъ до Каспійскаго и Чернаго морей; проведена она Темиромъ хромымъ (ӕстхо) для отысканія пропавшаго сына; въ преданіи-же не говорится, что Темиръ былъ ханъ, а сынъ человѣка съ посредственнымъ состояніемъ.

ства пріучался къ этому-же роду хозяйства. Однажды, пасши барановъ, Темиру удалось поймать зайца, котораго онъ пустилъ въ свое стадо, полагая, что заяцъ—козленокъ.

По возвращеніи со стадомъ домой, Темиръ показываетъ отцу зайца, котораго онъ принялъ за козленка.

«Ну, поймай-же мнѣ этого козленка», говоритъ ему отецъ.

Темиръ, сдѣлавъ нѣсколько быстрыхъ и ловкихъ прыжковъ, поймалъ зайца и передалъ его отцу. «Э, подумалъ отецъ, онъ съ такою ловкостью и быстротою не будетъ у меня долго жить» и переломилъ сыну ногу. Говорятъ, съ этого времени Темиръ сдѣлался хромымъ.

Односельцемъ Темира былъ какой-то кузнецъ, который жилъ на концѣ аула.

Однажды Темиръ сидѣлъ въ кузнѣ этого кузнеца, и кузнецъ, какъ-то опершись головой на ручку молота, заснулъ. Въ это время Темиръ замѣтилъ, что изъ ноздрей кузнеца вышло какое-то маленькое насѣкомое, направившееся внизъ по ручкѣ молота на наковальню, и затѣмъ въ посуду, наполненную водой. Черезъ нѣсколько времени насѣкомое это обратно возвратилось въ ноздри кузнеца. «Уфъ», сказалъ, проснувшись, кузнецъ, «какой я сейчасъ сонъ видѣлъ». — «Какой-же ты сонъ видѣлъ?» спросилъ его Темиръ, «разскажи».—«Вообрази себѣ, снилось мнѣ, будто-бы я отправился по узкому хребту какой-то горы къ желѣзному холму, а оттуда въ море, но что я видѣлъ на днѣ морскомъ, о, это необыкновенное чудо!»—«Ну, чтожъ ты видѣлъ тамъ?» спросилъ его Темиръ.

— «Видѣлъ я», продолжалъ кузнецъ, «золото и серебро, и этихъ дорогихъ металловъ хватило-бы на цѣлый свѣтъ». Темиръ сейчасъ-же разъяснилъ себѣ этотъ сонъ; онъ смекнулъ, что подъ кузнею находится кладъ, и говоритъ кузнецу: «перенеси свою кузню въ другое мѣсто, вѣдь тебѣ все равно, гдѣ-бы она ни находилась, а мнѣ, какъ хромому, удобнѣе жить на концѣ аула.» Кузнецъ согласился на предложеніе Темира и перенесъ свою кузню на другое мѣсто, а Темиръ началъ строить на томъ мѣстѣ домъ. Когда Темиръ приступилъ копать фундаментъ, то нашелъ цѣлыя груды серебра и золота. Темиръ скрылъ свое богатство отъ всѣхъ.

Въ это самое время пропалъ у Темира сынъ, котораго нигдѣ не могли отыскать; вслѣдствіе чего Темиръ, не жалѣя богатства, принялся проводить громадную канаву. Для этого онъ нанялъ множество народу, думая, что работающіе распространятъ

по всему свѣту слухъ о причинѣ этой работы, и навѣрно дойдетъ слухъ этотъ до сына его, если онъ живъ, и, авось, онъ прибѣжитъ къ нему.

Впослѣдствіи оказалось, что сынъ его былъ купленъ Баркимомъ. Баркимъ поклялся при покупкѣ его, что онъ будетъ смотрѣть на него, какъ на родного сына; сынъ Темира въ свою очередь тоже далъ клятву Баркиму, что и онъ будетъ жить у него до-тѣхъ-поръ, пока онъ, Баркимъ, не скажетъ ему: «ступай домой».

Сынъ Темира обладалъ такимъ секретомъ, что могъ узнавать магнитную шашку и *турпулъ* лошадь *). Однажды, когда онъ и Баркимъ ѣхали вмѣстѣ, то нашли черепъ лошади. Сынъ Темира, остановившись около этого черепа, сказалъ: «тебя, лошадь, убили, вѣроятно, потому, что не знали о твоей сверхъестественной силѣ и что ты *турпулъ*».—»Развѣ ты можешь отличить турпулъ отъ обыкновенныхъ лошадей?» спросилъ его Баркимъ **). —«Да, я могу узнать лошадь этой породы и отличить магнитную шашку отъ простой,» отвѣтилъ сынъ Темира.

— «Хорошо», сказалъ Баркимъ,—«мы отправимся на самыхъ красивыхъ коняхъ, съ лучшимъ оружіемъ, на большую дорогу и будемъ поджидать человѣка, имѣющаго подобную лошадь и магнитную шашку.» Они стали на большой дорогѣ и слѣдили за каждымъ проѣзжимъ.

Наконецъ замѣтили они нѣсколько человѣкъ съ навьюченными лошадьми.

Какъ только увидѣлъ ихъ сынъ Темира, сказалъ: «вонъ у того, который ѣдетъ послѣднимъ, лошадь турпулъ и шашка магнитная». Когда съ ними поравнялись путники эти, то Баркимъ и сынъ Темира остановили ѣхавшаго послѣднимъ и предложили ему за его лошадь красиваго коня съ серебряной сбруей, а взамѣнъ его шашки—оправленную золотомъ и серебромъ саблю. Путникъ былъ удивленъ этимъ предложеніемъ и даже, принявъ это за насмѣшку, сказалъ имъ: «вы не смѣйтесь надъ моей лошадью и шашкою, не заставляйте меня отставать отъ товарищей мопхъ.» Баркимъ и сынъ Темира увѣрили его, что они серьезно хотятъ съ нимъ помѣняться лошадью и шашкою, и, конечно, тотъ, не зная достоинствъ своей лошади и шашки, съ радостью помѣнялся.

*) Турпулъ означаетъ необыкновенную силу.

**) По понятію горцевъ, тотъ человѣкъ можетъ узнавать турпулъ-лошадь и магнитную шашку, кто одаренъ сверхъ-естественною силою, или, говоря туземнымъ языкомъ, кто—шейхъ.

Сынъ Темира пустилъ лошадь эту съ тремя кобылицами въ горы на вольное пастбище. Въ концѣ года онъ поймалъ одну изъ этихъ кобылицъ и зарѣзалъ ее, но, посмотрѣвъ на мозгъ костей ея, сказалъ, что еще нужно, чтобы пріобрѣтенная имъ лошадь паслась вольно, и съ этими словами онъ опять пустилъ ее съ остальными двумя кобылицами на вольное пастбище. Въ концѣ года онъ поймалъ другую кобылицу и, зарѣзавъ ее, нашелъ, что его лошади еще нужно пастись на вольномъ пастбищѣ. Черезъ годъ сынъ Темира зарѣзалъ и третью кобылицу; по мускуламъ ея онъ опредѣлилъ, что уже можно ѣздить на пріобрѣтенной имъ лошади.

Сынъ Темира и Баркимъ отправились, однажды, на одну общественную скачку, куда съѣзжались самые лучшіе наѣздники. Въ этомъ состязаніи отличился, какъ своимъ удальствомъ, такъ и быстротою своего коня, сынъ Темира. Когда онъ сдѣлалъ послѣдній кругъ *), то Баркимъ сказалъ ему: «довольно, ты первымъ отличился на этой скачкѣ, ступай себѣ домой». Какъ только Баркимъ произнесъ эти слова, сынъ Темира поскакалъ въ ту сторону, гдѣ, какъ онъ слышалъ, отецъ его проводитъ канаву. Баркимъ опомнился, что онъ далъ промахъ, забывъ клятву, данную сыномъ Темира, что онъ будетъ жить у него до-тѣхъ-поръ, пока онъ не скажетъ ему: «ступай домой». Баркимъ послалъ за нимъ погоню. Сынъ-же Темира, видя, что его почти догоняетъ уже всадникъ, сидящій на сѣрой лошади, пустилъ своего коня по каменистой почвѣ,—тогда догонявшій его отсталъ, но догонялъ его другой всадникъ, у котораго была лошадь съ бѣлымъ пятномъ на лбу. Сынъ Темира сталъ скакать по направленію къ солнцу, и этотъ всадникъ отсталъ отъ него; спустя немного сталъ его догонять третій всадникъ. На этотъ разъ сынъ Темира направилъ свою лошадь противъ вѣтра, послѣ чего и третій всадникъ сталъ отставать отъ него. Послѣдній всадникъ, видя, что его погоня за сыномъ Темира будетъ напрасна, крикнулъ ему: «остановись на короткое время и дай мнѣ отвѣтъ на мои вопросы» Темировъ сынъ остановился и обернулся къ нему. Всадникъ спросилъ его: «почему, когда одинъ изъ насъ, сидящій на сѣромъ конѣ, сталъ догонять тебя,—ты сталъ скакать по каменистой почвѣ»?—«А потому, что у сѣрой лошади бываютъ слабыя копыта

*) Въ прежнее время горцы устраивали скачки не только, какъ нынѣ, для однѣхъ поминокъ, но и для общаго состязанья. Въ послѣднемъ случаѣ, мѣстомъ для скачки назначался особый кругъ.

и она не въ состояніи скакать по камнямъ, а моей-же все равно, такъ-какъ она турпулъ».—«А почему ты направился къ солнцу, когда одинъ изъ насъ, сидящій на конѣ съ бѣлымъ пятномъ на лбу, догонялъ тебя»?—«Потому-что у лошади съ бѣлымъ пятномъ на лбу кости бываютъ тоньше и солнечные лучи сильно нагрѣваютъ мозгъ ея, и вслѣдствіе этого лошадь ослабѣваетъ и не можетъ скакать, какъ моя».—«На какомъ основаніи ты направилъ свою лошадь противъ вѣтра, когда я тебя догонялъ?» —«На томъ основаніи, что у твоей лошади хвостъ и грива слишкомъ густые, вслѣдствіе чего вѣтеръ ослаблялъ силу твоей лошади, а для моей-же это все равно.»

Послѣ этихъ вопросовъ всадникъ возвратился назадъ, а сынъ Темира поѣхалъ дальше къ отцу. Онъ пріѣхалъ ночью въ лагерь своего отца, который все еще проводилъ канаву. Онъ потихоньку вошелъ въ одинъ шалашъ и повѣсилъ свою магнитную шашку. Въ это время всѣ шашки, которыя находились въ шалашѣ, притянулись къ шашкѣ сына Темира. Повѣсивъ шашку, онъ вышелъ оттуда, разсѣдлалъ свою лошадь и пустилъ ее между лошадьми своего отца. Лошади эти, какъ только къ нимъ присоединился конь сына Темира, стали ржать. Темиръ, хотя узналъ (такъ-какъ онъ былъ шейхъ), что сынъ его прибылъ въ лагерь, но никому не сказалъ объ этомъ; только рано утромъ онъ собралъ своихъ приближенныхъ и далъ имъ мѣшокъ съ золотомъ, чтобы они пронесли его по лагерю, показали-бы каждому человѣку, для оцѣнки его. Приближенные Темира пронесли мѣшокъ этотъ по лагерю, каждому показывая. Одни говорили, что золото это—вѣчный кусокъ хлѣба; другіе говорили, что съ этимъ золотомъ можно достичь всего, чего душѣ человѣка угодно. Однимъ словомъ, всякій оцѣнивалъ золото это различно. Когда показали мѣшокъ съ золотомъ всѣмъ въ лагерѣ, то приближенные Темира явились къ нему и разсказали мнѣніе каждаго. Темиръ спросилъ ихъ: «всѣхъ-ли они спросили о цѣнѣ этого золота»?—«Всѣхъ», отвѣчали посланные, «за исключеніемъ одного молодого человѣка, который пріѣхалъ вчера ночью и легъ спать недалеко отъ палатокъ, укрывшись своею буркою».

— »Ступайте и спросите этого юношу, во что онъ оцѣнитъ этотъ мѣшокъ». Тѣ отправились къ юношѣ и спросили его, какъ онъ цѣнитъ это золото? Юноша отвѣчалъ съ улыбкой (въ смыслѣ иронiи), что онъ не стоитъ куска хлѣба. Отвѣтъ этотъ показался приближеннымъ Темиръ смѣшнымъ и они съ хохотомъ возвратп-

лись къ Темиру и передали ему, что они слыхали отъ юноши. «Да», сказалъ Темиръ, «правду говоритъ юноша этотъ, что мѣшокъ съ золотомъ, который вы показывали ему для оцѣнки, не стоитъ куска хлѣба, потому-что безъ золота человѣкъ можетъ обойтись, но безъ хлѣба онъ не въ состояніи прожить; подобный отвѣтъ можетъ дать только мой сынъ; приведите этого юношу ко мнѣ». Приближенные привели юношу къ Темиру, который узналъ въ немъ своего сына, а послѣдній своего отца. Отъ сына своего Темиръ узналъ, что онъ находился у Баркима,—и съ войскомъ своимъ двинулся противъ него. Баркимъ долженъ былъ бѣжать изъ Діттахо въ Галгаевское ущелье, гдѣ онъ основалъ нынѣшній аулъ Озикъ; впослѣдствіи этотъ аулъ тоже оставилъ Баркимъ и переселился въ Шуанское ущелье, гдѣ устроилъ аулъ Макале, а оттуда онъ переселился въ Кистинское ущелье, гдѣ, между нынѣшними аулами Ляжкъ и Оббоно, основалъ новый аулъ *). Затѣмъ Баркимъ оставилъ и этотъ аулъ, перешолъ въ Джераховское ущелье, на лѣвый берегъ рѣки Терека, и устроилъ нынѣшній аулъ Цими. Здѣсь онъ и умеръ **).

Основаніе аула Оббоно ***).

Хотя мы теперь дурные люди, но наши предки не были похожи на насъ; они были славными героями и прославили себя между народомъ.

---

*) Аулъ этотъ нынѣ въ развалинахъ.

**) О смерти Баркима, или, какъ осетины называютъ его, Батраса, носятся между ингушами тѣ-же сказанія, какъ и между первымъ народомъ. Сказанія эти уже напечатаны въ четвертомъ выпускѣ Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, въ статьѣ «Матеріалы для древней исторіи осетинъ», г. П.

***) Замѣчательно, что почти каждый горный аулъ имѣетъ преданіе о своемъ основаніи и вообще о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе. Во многихъ случаяхъ, исторія о прошломъ ограничивается одними только преданіями объ основаніи аула, тогда-какъ обстоятельства и событія позднѣйшаго времени не удерживаются въ народной памяти, причемъ эти преданія, переходя изъ рода въ родъ, не только не сокращаются въ своемъ содержаніи, но еще болѣе увеличиваются отъ прибавленій народной фантазіи. Главною причиною живучести этихъ преданій надо считать то чувство уваженія къ своимъ предкамъ, которое въ горскомъ населеніи доходитъ до обожанія. Это-же служитъ главною причиною прикрасъ и преувеличенія событій, сопровождавшихъ основаніе какого-либо аула. Разсказчикъ, передавая какое-либо событіе о своихъ предкахъ-основателяхъ, обыкновенно совершенно преобра-

Наши предки происходятъ отъ Орхустойцевъ; они вышли изъ Балты, поселились на берегу рѣки Арм-хій и основали аулъ Оббоно. Аулъ этомъ былъ взятъ и разоренъ кабардинцами дотла. Только одинъ мальчикъ остался живымъ, да и тотъ былъ брошенъ съ высоты берега, но остался живъ, хотя получилъ девять ранъ. Мальчикъ этотъ былъ поднятъ и взятъ женщиной, возвращавшейся съ мельницы въ аулъ Ффарпа. Ему дали названіе Цискъ (кошка). А почему ему дали такое названіе, такъ это потому, что онъ былъ живучъ, какъ кошка, хотя и имѣлъ девять ранъ. Цискъ,—пусть его высокая душа попадетъ въ рай!—жилъ у той женщины, которая его подняла. Когда онъ выросъ и имѣлъ уже такую силу, что могъ поднять ружье, пріѣхалъ въ Ффарпа одинъ кабардинецъ, участвовавшій въ разореніи Оббоно. «Вотъ, этотъ гость убилъ твоихъ родныхъ»! говоритъ (Циску) вскормившая женщина;—«ступай, возьми ружье и стрѣляй въ него»! Цискъ еле-еле поднялъ ружье и сдѣлалъ выстрѣлъ въ гостя. «Откуда, на кого и кто сдѣлалъ выстрѣлъ»? посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы. Кабардинецъ, узнавши, что изъ разореннаго аула Оббоно остался одинъ въ живыхъ, поспѣшилъ домой и далъ знать о будущей опасности отъ мщенія со стороны Циска. Цискъ, скоро послѣ того, оставивши аулъ Ффарпа, перешелъ на жительство въ свой аулъ Оббоно. Здѣсь онъ женился и отъ него произошли четыре сына. Самый замѣчательный изъ нихъ былъ Хорсъ. Однажды Хорсъ отправился во внутрь Кистинскаго ущелья. Узнавши о его путешествіи, тринадцать человѣкъ изъ аула Гаранъ подстерегли его. Между ними былъ одинъ человѣкъ, прославив-

---

жается и изъ обыкновеннаго, равнодушнаго хрокикера дѣлается самымъ восторженнымъ поэтомъ. Въ этомъ случаѣ весьма нерѣдко встрѣчаются въ его разсказахъ такія вычурно-поэтическія изображенія событій, что переводчику приходится или сокращать содержаніе разсказа, или-же испещрять его вычурными оборотами туземнаго краснорѣчія. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда разсказчикъ обладаетъ хорошимъ даромъ слова, переводы самыхъ краснорѣчивыхъ фразъ не затруднительны; но когда желаніе быть краснорѣчивымъ и желаніе почтить память предковъ хвалою въ разсказчикѣ сильнѣе наличной способности къ краснорѣчію,—тогда переводчикъ поневолѣ долженъ отдѣлять зерно содержанія отъ шелухи краснорѣчія, такъ-какъ въ противномъ случаѣ онъ встрѣтитъ неодолимыя препятствія въ русской грамматикѣ. Хорошихъ разсказчиковъ между ингушами очень мало; ингушскій языкъ гораздо болѣе пригоденъ для систематическаго изложенія, чѣмъ къ блестящимъ фразамъ поэтическаго изложенія. Зато разсказчикъ, обладающій даромъ слова, представляетъ иногда такіе обороты рѣчи, которые могутъ удивить лингвиста своею своеобразностію.

шійся своимъ крѣпкимъ лбомъ, такъ-что могъ биться имъ съ бараномъ. Хорсъ срѣзалъ всѣмъ имъ головы, какъ-бы одному; онъ сталъ бѣжать обратно домой; за нимъ поднялась погоня. Его уже догоняли, но онъ, къ счастью, встрѣтилъ ѣхавшаго верхомъ человѣка изъ Джераховскаго ущелья. Хорсъ объяснилъ всаднику свое безъисходное положеніе, просилъ его отвезти обратно на короткое разстояніе, лишь-бы только укрыться отъ преслѣдованія. Всадникъ вошелъ въ положеніе Хорса, посадилъ его сзади себя, поѣхалъ обратно и спряталъ его въ дремучемъ лѣсу. Затѣмъ самъ сталъ возвращаться. Встрѣчаетъ онъ людей, преслѣдовавшихъ Хорса. «Не видѣлъ-ли ты человѣка»? спросили они всѣ. Всадникъ отвѣтилъ отрицательно. Тогда они возвратились домой. Хорсъ жилъ въ лѣсу. Онъ боялся отца—и не возвратился домой. Онъ думалъ, что Цискъ будетъ сердиться за то, что онъ нажилъ себѣ тринадцать кровниковъ. Между-тѣмъ о необыкновенномъ побѣгѣ Хорса разнесся слухъ повсюду; объ этомъ узналъ и отецъ его, Цискъ. Онъ послалъ, чтобы тотъ пришелъ домой. Хорсъ отъ радости, что отецъ его доволенъ, однимъ прыжкомъ былъ уже на другомъ берегу р. Арм-хій — прямо скакнулъ въ объятія своего отца. Цискъ задалъ большой пиръ въ честь побѣды своего сына.

Вотъ каковы были наши предки!

Орштохойцы (карабулаки).

Чопа, сынъ Барата, и Загкъ, сынъ Гарда, были знаменитые мужи; трудно было дать кому-нибудь изъ нихъ преимущество; оба они жили возлѣ рѣки Фортопа, одинъ на одномъ берегу, другой на другомъ; до-сихъ-поръ видны слѣды ихъ жилищъ. Чопа не имѣлъ наслѣдниковъ, — говорятъ, что онъ былъ женатъ на лѣсной женщинѣ *).

Въ Ногайской странѣ жилъ одинъ князь, Баркчапо. Ему

*) Ингуши вѣрятъ, что въ лѣсахъ живетъ особая порода лѣсныхъ людей. Лѣсные мужчины покрыты волосами; имѣютъ страшный видъ, свирѣпый и коварный характеръ; на груди у нихъ острый топоръ. Лѣсныя женщины отличаются чрезвычайной красотой; волосы у нихъ до пятъ и прекраснаго золотисто-серебрянаго цвѣта; но по характеру онѣ также злы и коварны.

была предсказана смерть отъ руки или Чопа, или Загка. На томъ мѣстѣ, гдѣ жители собирались для препровожденія времени, лежало бревно съ дуплomъ. Туда забрался Чопа съ цѣлію убить князя. «Нужно осмотрѣть бревно», сказали ногайцы, когда пришелъ князь проводить время. «Что скажутъ прочіе князья, когда узнаютъ, что я не могу спокойно проводить день и смотрю въ бревно, на которое долженъ сѣсть»?—и князь отклонилъ предосторожность своихъ подвластныхъ. Чопа оставилъ бревно и перешелъ въ отхожее мѣсто князя и сталъ его тамъ ждать. Князь пришелъ туда—и Чопа закололъ его.

Чопа продолжалъ свою связь съ лѣсной женщиной и у него потомъ были двѣ дочери. «А что, Чопа, ты испугаешься, если къ тебѣ придетъ ночью какое-нибудь чудовище»? спросила однажды у него лѣсная женщина «Настолько не испугаюсь, что не потеряюсь защищать себя, кто-бы ни напалъ на меня»! отвѣчалъ Чопа.—«Сегодня я оставлю тебя одного въ лѣсу и ты долженъ показать свою храбрость; въ полночь придетъ къ тебѣ лѣсной человѣкъ»! говоритъ женщина. Чопа сѣлъ въ лѣсу одинъ. Въ полночь поднялась буря, гроза и все приняло страшный видъ. Вдругъ, съ вихремъ, появляется чудовище; оно освѣщалось огнемъ и подошло къ Чопѣ. Чопа сдѣлалъ выстрѣлъ въ него. «Я братъ той женщины, которая живетъ съ тобою»! говоритъ чудовище, «напрасно ты выстрѣлилъ»! Раздался стонъ и чудовище исчезло. «А что, приходилъ кто-нибудь къ тебѣ»? спросила женщина Чопу.—«Да, приходило въ полночь огненное чудовище; я сдѣлалъ въ него выстрѣлъ. Послѣ этого оно сказало, что оно — твой братъ; стало страдать и опять исчезло»!—«Ты убилъ брата моего»! начала упрекать она Чопу. Связь между ними продолжалась и у нихъ родился сынъ. Когда сынъ подросъ, то Чопа сталъ опасаться отмщенія отъ него за убитаго дядю. Онъ долженъ былъ прекратить свою продолжительную связь съ лѣсной женщиной. Онъ даже боялся ходить въ лѣсъ. Однажды, онъ отправился на плоскость, къ кабардинцамъ, которые жили на теперешней назрановской плоскости. Чопа возвращался домой черезъ ущелье Аршту. Передъ входомъ въ ущелье, Чопа наткнулся на огромное чудовище. Чудовище это спрашиваетъ: кто онъ такой? «Чопа», отвѣчаетъ тотъ. —«Какой ты маленькій человѣкъ»! говоритъ чудовище. «Послушай, Чопа: я лѣсной человѣкъ; мы, лѣсные мужи, полюбили одну ногайскую княжну. Чтобы не обидѣть насъ, княжна не хотѣла отдать преимущество никому изъ насъ; она велѣла намъ удалиться,

такъ-какъ она скажетъ послѣ: за кого изъ насъ выйдетъ замужъ. Съ дороги мой товарищъ тайкомъ воротился къ княжнѣ; его я подстерегаю. Онъ долженъ возвращаться на арбѣ съ невѣстой и съ деньгами. Между нами должна произойти драка и въ дракѣ мы убьемъ другъ друга. Тогда тебѣ останется невѣста и огромное богатство. Но, вотъ, я засну и прозѣваю товарища и разбудить меня никакіе твои толчки не могутъ. Я лягу подъ дерево, и когда будетъ ѣхать мой товарищъ, то подруби дерево, чтобы оно упало на меня; только этимъ и можно меня разбудить». Черезъ нѣсколько времени поднялся вѣтеръ и Чопа увидѣлъ, что на арбѣ съ невѣстой ѣдетъ лѣсной мужъ. Онъ сталъ рубить дерево и оно упало на лѣсного человѣка, спавшаго подъ нимъ. «Что ты меня будишь»? говоритъ онъ Чопѣ. «Вонъ, ѣдутъ»! отвѣчаетъ Чопа. Между лѣсными мужами произошла драка; они убили другъ друга. Чопѣ остались невѣста и огромное богатство. «Теперь ты должна выйти за меня»! говоритъ Чопа невѣстѣ.—«Лучше отпусти меня, возьми себѣ все богатство; ты не можешь быть моимъ мужемъ, потому-что не можешь исполнять супружескихъ обязанностей». Чопа настаивалъ на своемъ. «Ну, если достанешь до моихъ колѣнъ, то я выйду за тебя»! Чопа не могъ достать до ея колѣнъ. Тогда онъ отпустилъ ее назадъ домой. Чопа отправился дальше по ущелью Аршту. Не доѣзжая до аула Бултумъ, онъ встрѣтилъ своего лѣсного сына. Между ними произошла драка. Чопа былъ раненъ и ограбленъ сыномъ своимъ, въ отмщеніе за дядю. Чопу взяли жители аула Бултумъ. Чопа умиралъ; онъ завѣщалъ, чтобы въ комнатѣ его, гдѣ онъ будетъ лежать мертвый, никого не было. Такъ и сдѣлали. Но одна женщина изъ любопытства осталась въ комнатѣ съ трупомъ. Въ полночь комната вдругъ освѣтилась и въ ней явилась лѣсная женщина съ своими прекрасными дочерьми оплакивать Чопу. Затѣмъ онѣ омыли его трупъ и одѣли его. Къ разсвѣту, лѣсная женщина говоритъ своимъ дочерямъ, что она чуетъ запахъ человѣческій. «Кто слышитъ нашъ разговоръ, да не удовлетворятся души его потомства»! Произнесши это заклятіе, лѣсная женщина исчезла съ дочерьми. Отъ той женщины произошли Орштохойцы (карабулаки). Извѣстно, что они самый безпокойный народъ и ничѣмъ не удовлетворяются.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ преданіями ингушъ, мы приведемъ еще, слышанныя нами, сказанія о происхожденіи Галгаевскаго общества и о переселеніи джераховцевъ.

Преданіе о происхожденіи Галгаевскаго общества. Сначала галгаевцы переселились изъ Гаши-Берасгъ (Гаши — ущелья). Предка ихъ звали Га, а у него сынъ былъ Галгай и другой — Габертэ (что значитъ—кабардинецъ). Галгай вышелъ изъ ущелья Гайши (Аргунскаго округа), поселился въ теперешнемъ Галгаевскомъ ущельѣ и основалъ Галгаевское общество. Габертэ-же переселился въ Кабарду и основалъ Кабардинское общество.

О томъ-же разсказывается иначе:

Сначала въ Галгаевскомъ ущельѣ былъ основанъ аулъ Аэйги-Калла, тремя братьями. Старшаго брата звали Аэйги, отъ котораго произошло названіе аула; второго брата — Хамхо; онъ отдѣлился отъ брата и основалъ аулъ Хамхо; младшаго — Таркимъ. Онъ сказалъ: «я поселюсь на берегу рѣки Ассы, гдѣ могу купать своего коня»! и основалъ аулъ Таркимъ.

Отъ Аэйги произошелъ Борхонло и основалъ аулъ Баркимъ; отъ Хамхо произошелъ сынъ Косто и основалъ аулъ Косто. Отъ Таркима произошелъ Барахо и основалъ аулъ Барахо.

Когда жить стало тѣсно, галгаевцы начали выселяться на долину (Тарскую). Выселившись туда, они построили 60 башенъ, чтобы вести войну съ чеченцами, осетинами и кабардинцами. Когда пришли русскіе, то галгаевцы перестали воевать съ осетинами, но стали больше воевать съ чеченцами и кабардинцами. Когда стало жить тѣсно въ (Тарской) долинѣ, галгаевцы переселились дальше (къ сѣверу) и основали аулъ Назрань.

Преданіе о переселеніи джераховцевъ. Первымъ переселился въ Джерахъ Леванъ (изъ Галгаевскаго ущелья). Онъ жилъ противъ аула Абанъ-Кистепа, который находится на р. Арм-хій. Прежде-чѣмъ переселиться на новое мѣсто, Леванъ разостлалъ бурку и бросилъ стаканъ, произнося такія заклинанія: «я переселюсь въ ту сторону, куда обратится стаканъ (открытою частью); это будетъ признакомъ новаго счастливаго мѣста». Леванъ переселился къ западу и основалъ Джерахъ (нынѣ Верхній Кале). Старый Юртъ носилъ названіе Тешель-Калэ. До-сихъ-поръ находятся на этихъ мѣстахъ признаки прежняго жилья. Въ новомъ аулѣ жили Цуровы и Хаматхановы. Леванъ говоритъ: «намъ жить тѣсно, выселяйтесь въ новое мѣсто»! Цуровы и Хаматхановы продолжали селиться и хотѣли сдѣлать башню; но Леванъ сбро-

силъ камни, приготовленные Цуровыми и Хаматхановыми. На этомъ мѣстѣ Леванъ построилъ фамильный склепъ. Потомки Левана разселились къ западу и основали аулы Пашетъ и Фортоугъ. Цуровы тоже разселились къ западу и основали Верхній и Нижній Озми.

Для-того-чтобы связать потомковъ, Леванъ устроилъ праздникъ: «братскій святой» (цу). На томъ мѣстѣ, куда собираются для праздника, построена часовня. Туда ходятъ молиться ежегодно (приблизительно на 4-й недѣлѣ великаго поста).

Въ часовнѣ находились: стаканъ Левана, который онъ бросалъ, и чучело голубя. Въ то время всякій былъ убѣжденъ, что кто раньше принесетъ жертву, того Богъ приметъ съ большею любовью.

Однажды Боровы, въ день праздника, въ воскресенье, передъ разсвѣтомъ, отправились съ жертвой въ часовню. Одинъ изъ нихъ вздумалъ пошутить и взялъ чучело голубя: онъ вдругъ сдѣлался живымъ и улетѣлъ. Остальные, когда пришли, не нашли чучела голубя. Съ-тѣхъ-поръ Боровы стали бѣдствовать.

Сказанія объ орхустойцахъ.

Къ историческимъ-же преданіямъ ингушъ отчасти должны быть отнесены сказанія объ *орхустойцахъ*. Объ этомъ народѣ мною сказано было нѣсколько словъ въ III выпускѣ «Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ». Здѣсь мы приведемъ всѣ тѣ сказанія объ орхустойцахъ, какія, пока, пришлось намъ слышать между ингушами.

I.

Извѣстно, что Батоко-Шертуко выручалъ орхустойцевъ во всѣхъ ихъ бѣдствіяхъ и былъ главнымъ руководителемъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Батоко-Шертуко могъ также во всякое время отправляться на тотъ свѣтъ и возвращаться оттуда. У одного изъ орхустойцевъ умерла мать. Крѣпко горевалъ онъ по ма-

тери. «Знаешь», говоритъ Батоко-Шертуко, «если ты такъ сильно любишь свою мать, то чѣмъ ты можешь утѣшить себя и ее»? —«Чѣмъ-же»? спрашиваетъ орхустоецъ.—«Зарѣжь что-нибудь изъ своего скота—и зарѣзанное будетъ твоей матери».—«Правду ты говоришь, Батоко-Шертуко»? спрашиваетъ орхустоецъ, какъ-бы не вѣря ему. —«Если не вѣришь, то пошли вмѣстѣ со мною какое-нибудь довѣренное лицо на тотъ свѣтъ, а ты здѣсь зарѣжь что-нибудь—въ утѣшеніе своей матери». Такъ орхустоецъ и сдѣлалъ: онъ зарѣзалъ пѣтуха, курицу и вмѣстѣ съ корзиною чурековъ раздалъ бѣднымъ. Между-тѣмъ Батоко-Шертуко, вмѣстѣ съ довѣреннымъ лицомъ, отправился на тотъ свѣтъ. Идутъ они и видятъ горы; подъ горами находится (умершая) мать орхустойца, на вершинѣ-же сидѣли пѣтухъ и курица и возлѣ нихъ стояла корзина съ чуреками. Возвратившись съ того свѣта, Батоко Шертуко, вмѣстѣ съ довѣреннымъ лицомъ, говоритъ орхустойцу: «мы видѣли горы, гдѣ сидѣла твоя мать, а на вершинѣ сидѣли зарѣзанные пѣтухъ и курица и возлѣ нихъ стояла корзина».—«Нѣтъ, я ничего не рѣзалъ для матери»! началъ говорить орхустоецъ, чтобы испытать его. «Не знаемъ», говорятъ Батоко-Шертуко и товарищъ, «только мы видѣли на томъ свѣтѣ мать твою, пѣтуха и курицу»!

Орхустоецъ убѣдился въ томъ, что зарѣзанныя животныя въ память покойниковъ — доходятъ до нихъ. Говорятъ, что съ этого времени ввели обычай—дѣлать по покойникамъ поминки.

II.

Говорятъ, что когда Батоко-Шертуко умиралъ, то сказалъ: «я сожалѣю, что забылъ показать народу благое дѣло для всего человѣчества: научить косить съ такою-же скоростью, съ какою сгребается сѣно,—и научить пахать съ такою-же скоростью, съ какою поле взборанивается. Мы теперь видимъ, что Батоко-Шертуко говорилъ правду: теперь русскіе уже дѣлаютъ такъ, какъ говорилъ Батоко-Шертуко.

III.

Урузманъ, Орзми, Солса, Патаразъ, сынъ Хамча*), отправились на охоту. Цѣлый день они напрасно прогуляли и ничего не убили. Когда они шли съ неудачной охоты, Урузманъ на дорогѣ убилъ зайца. «Напрасно я убилъ этого зайца! О горе, что я убилъ его! Какъ я раздѣлю его между нами? Лучше бросить его на дорогѣ»! сказалъ Урузманъ.—«Я тебѣ дамъ совѣтъ, но не знаю, какъ ты примешь мой совѣтъ», сказалъ Солса.—«Если ты посовѣтуешь бросить его на дорогѣ, то я этимъ буду доволенъ», сказалъ Урузманъ. «Ты отдашь зайца тому, кто сдѣлалъ что-нибудь удивительное».—«Я на это согласенъ», сказалъ Урузманъ. Тогда Солса вынулъ изъ кармана двѣ пули, пожалъ ихъ въ рукѣ—и у него очутились на ладони красавица и юноша. Оба (они) стали чистить внутренность зайца. Когда они очистили внутренность зайца, Солса пожалъ ихъ въ рукѣ — и они опять превратились въ пули. «Ну, теперь, Патаразъ-Хамча, сдѣлай что-нибудь удивительное, или разскажи что-нибудь удивительное»!—«Чтожъ бы вамъ разсказать удивительнаго? Я возвращался однажды усталый съ дальней дороги; я далъ слово, что остановлюсь у того, куда конь меня поведетъ. Конь мой остановился у двора вдовы».—«Спасибо,—меня, сироту, вспомнилъ»! сказала вдова, и угостила меня самымъ лучшимъ образомъ. Послѣ ужина, мы легли спать въ одной саклѣ (комнатѣ) на двухъ (разныхъ) постеляхъ. Въ полночь я всталъ и подошелъ къ ея постели, но вдова сказала: «оставь меня, я уже забыла заниматься тѣмъ, чего ты хочешь, послѣ смерти своего хозяина»,—и я долженъ былъ оставить ее въ покоѣ. Во второй разъ я всталъ и прпсталъ къ ней. Тогда и она встала, взяла изъ-подъ подушки плеть и сказала: «да превратишься въ суку, лежащую возлѣ двери»! И я превратился въ собаку. Я прославился въ цѣломъ краѣ, и народъ говорилъ (о какой-нибудь собакѣ): «хороша, какъ сука, превратившаяся изъ Патаразъ-Хамча»! Въ горахъ паслось нѣсколько стадъ и волки ихъ страшно истребляли. Пастухи должны были обратиться къ хозяину: «если намъ», говорили они, «вдова не дастъ суку, превратившуюся изъ Патараза-Хамча, то всѣ стада будутъ уничтожены»! Вдова дала меня. Въ ту ночь, когда я пришелъ въ горы, волки при-

*) Всѣ эти лица — одни изъ главнѣйшихъ героевъ въ сказаніяхъ объ орхустойцахъ.

ступили и я закричалъ: «я сука, сдѣлавшаяся изъ Патаразъ-Хамча! подходите къ стадамъ». Волки подступили, я бросился на нихъ, задушилъ шесть штукъ и набросился на седьмого, стараго волка. — «Дай мнѣ сказать три слова: какая польза, если ты убьешь меня — стараго волка? я тебѣ дамъ полезный совѣтъ».— «Какой ты совѣтъ дашь мнѣ»?—«Здѣсь убито шесть волковъ — и завтра пастухи будутъ спорить о томъ, чья собака убила волковъ. Ты поставь тогда всѣхъ волковъ на ноги и собаки разбѣгутся въ разныя стороны». На другое утро, правда, былъ споръ: чьи собаки убили волковъ. Споръ кончился тѣмъ, что пастухи поставили волковъ на ноги, какъ живыхъ. Собаки разбѣжались, а я бросился на волковъ. «Правда», говорятъ пастухи, «эта сука убила этихъ волковъ»! Они стали давать мнѣ молоко, но я ничего не ѣлъ. «Любимую собаку вдовы надо отправить домой», сказали пастухи. Меня отдали вдовѣ. У хозяйки я тоже ничего не могъ ѣсть. «Что я буду дѣлать? я живу безъ хозяина, могу жить и безъ тебя»! она толкнула меня ногой и легла спать. Тогда я потихоньку взялъ плеть, ударилъ ею себя и превратился опять въ Патараза, сына Хамча; потомъ я ударилъ вдову и сказалъ: «превратись въ кобылицу Шалуха» *)! и она превратилась.—«Вотъ, что со мною случилось»! сказалъ Патаразъ, сынъ Хамча.—«Теперь тебѣ, Орзми, разсказать что-нибудь удивительное».«—Былъ я разъ влюбленъ въ женщину, и она тоже любила меня. Мы поклялись не разставаться никогда. Она умерла отъ болѣзни; я ужасно былъ пораженъ горемъ. Только одинъ стыдъ — умереть изъ-за смерти любовницы—удерживалъ меня отъ самоубійства. Всѣ родственники и знакомые, какъ мужчины, такъ и женщины, собрались ее хоронить. Я попросилъ у одной вдовы одежду, и, одѣвшись въ женское платье, отправился вмѣсти съ другими женщинами на похороны. Трупъ ея лежалъ посреди двора. Всѣхъ женщинъ пригласили войти въ саклю, но меня — нѣтъ. Я остался на дворѣ. Увидѣвши трупъ своей любовницы, я рѣшился исполнить клятву — не разставаться другъ съ другомъ: я легъ съ нею и укрылся ея похороннымъ саваномъ. Вышедшимъ на дворъ хозяевамъ показалось, что трупъ ея распухъ, и они рѣшились скорѣй похоронить ее. Лежавши въ могилѣ, я былъ доволенъ, что исполнилъ свою клятву. Вдругъ приползла въ могилу змѣя; я сталъ бить ее кулакомъ и убилъ; черезъ нѣсколько времени

*) Названіе лучшей породы лошадей.

приползла другая змѣя. Увидѣвши, что первая лежитъ, она поползла обратно; но, спустя немного, возвратилась въ могилу съ травой и провела по тѣлу убитой мною змѣи; змѣя оживилась. Тогда я опять сталъ бить ихъ и они выползли изъ могилы. Думаю: если эта трава оживила змѣю, то отчего ей не подѣйствовать на мою возлюбленную? Я провелъ травой по трупу — и возлюбленная ожила и сказала: «у меня бокъ болитъ, должно быть я долго лежала»!

Въ разговорѣ о томъ, что съ нею случилось,—мы вышли изъ могилы. Теперешняя моя жена—она самая (любовница). Прежній мужъ требовалъ ее обратно. Я только одно говорилъ: «ты, вѣдь, похоронилъ свою жену»! Вотъ, что случилось со мною! Не было еще примѣра, чтобы мертвый оживился»!

По общему рѣшенію, зайца отдали Орзми.

IV.

Солса и Патаразъ возвращались съ дальней дороги; они проходили черезъ одинъ большой городъ; вмѣстѣ съ ними было еще шесть орхустойцевъ. Всѣ они остановились у одной престарѣлой вдовы и съ дороги сильно проголодались. Между-тѣмъ вдова налила (водою) котелъ, вмѣщавшій въ себѣ быка, и бросила туда для варки три ребра. Затѣмъ она взяла изъ мѣшка щепотку муки, начала ее сѣять и приготовлять чурекъ. «Что она за сумасшедшая! Неужели она думаетъ накормить насъ — голодныхъ —тремя ребрами мяса и щепоткой муки»?

Вдругъ щепотка муки наполнила цѣлое корыто, а отъ трехъ ребръ наполнился весь котелъ мясомъ. «Какое это удивленіе»! начали говорить орхустойцы, «изъ трехъ ребръ наполнился котелъ мясомъ, а изъ щепотки наполнилось корыто мукою,—объясни намъ причину этого! Насъ очень удивляетъ превращеніе малаго въ большое».

«Такая благодать была до рожденія Патаразъ-Хамча; эти ребра — быка, зарѣзаннаго до рожденія Патараза, и мука, смолотая тоже до рожденія Патараза. По когда появился на свѣтъ Патаразъ-Хамча, вся эта благодать пропала». — «Неужели виновникомъ скудости Патаразъ-Хамча»? спросилъ Патаразъ-Хамча вдову. Она не знала его въ глаза (въ лицо) и отвѣчала: «да»!

—«Какъ-же возстановить прежнюю благодать и зависитъ-ли это отъ Патараза-Хамча»? спросилъ онъ вдову.—«Не знаю»! отвѣчала вдова. Орхустойцы возвратились домой. Патаразъ-Хамча былъ сильно опечаленъ тѣмъ, что появленіе его на свѣтъ — есть причина потери благодати для всего человѣчества. Онъ рѣшился погибнуть, чтобы не носить на себѣ больше грѣховъ человѣческихъ душъ. Поэтому, по возвращеніи своемъ домой, онъ позвалъ всѣхъ жителей, чтобы они привезли дровъ. Затѣмъ онъ нажегъ изъ этихъ дровъ углей и велѣлъ вокругъ углей поставить мѣхи. Онъ сталъ посреди углей и велѣлъ жечь ихъ и поддувать мѣхами. Не смотря на ужасный жаръ, Патаразъ-Хамча, хотя раскалился, но не умиралъ. Тогда онъ говоритъ съ досадой: «бросьте меня въ рѣку; можетъ-быть, вода отниметъ душу мою»! Его бросили въ рѣку и онъ тогда совсѣмъ окрѣпъ.

Извѣстно, что Батоко-Шертуко былъ посредникомъ между этимъ смѣтомъ и тѣмъ свѣтомъ. Патаразъ-Хамча обратился къ Батоко-Шертуко, чтобы онъ взялъ его съ собою на тотъ свѣтъ. Ешпоръ-же (богъ жертвъ) принялъ ихъ. «Ты прежде времени пришелъ сюда», сказалъ Ешпоръ Патаразу-Хамча, «поэтому я не принимаю тебя сюда». — «Если не принимаешь, то уничтожь скудость, порожденную между людьми черезъ появленіе мое на свѣтъ», сказалъ Патаразъ-Хамча, «иначе я останусь здѣсь»!—«Я сниму только одну третью часть скудости, именно: одну часть я оставлю на вершинахъ горъ, другую на кобылицахъ и третью на женщинахъ *) и двѣ части на всемъ человѣчествѣ, ты-же долженъ возвратиться назадъ и прійти обратно оттуда до захода солнца»! Патаразъ-Хамча успѣлъ возвратиться обратно, когда еще на вершинахъ горъ свѣтило солнце,—и этотъ свѣтъ называется: «свѣтъ Патараза-Хамча».

V.

Сидѣли, какъ мы вотъ теперь, Соска-Солса, Батоко-Шертуко и другіе орхустойцы въ *пегатъ* **). Соска-Солса чистилъ ружье. «Во что ты оцѣниваешь мое ружье»? спросилъ онъ Батоко-Шер-

*) По понятіямъ нѣкоторыхъ фанатиковъ-ингушъ, женщина никогда не удовлетворяется въ своихъ любовныхъ стремленіяхъ, а кобылица никогда не наѣдается.

**) Постоянное мѣсто сходки, куда собираются аульные зѣваки.

туко.—«Я оцѣниваю твое ружье цѣною проса, помѣщающагося въ дулѣ твоего ружья»! Соска-Солса очень обидѣлся и разсердился на Батоко-Шертуко, что онъ такъ оцѣнилъ его ружье. «Коня моего во что ты оцѣниваешь»? спросилъ Соска-Солса у Батоко-Шертуко.—«Твоего коня я оцѣниваю въ корову»! отвѣтилъ Батоко-Шертуко.—«Какъ-же ты такъ оцѣниваешь, когда мнѣ за него давали плѣнника»! возразилъ Соска-Солса.—«Почему я оцѣниваю твоего коня—въ корову, я объясню тебѣ: корова имѣетъ вымя и четыре соски и выкармливаетъ (ими) четырехъ человѣкъ. Неужели, (судя) по этому достоинству,—твой конь стоитъ больше четырехъ человѣкъ, выкормленныхъ коровою»?—«Во что ты меня оцѣниваешь»? спросилъ Соска-Солса у Батоко-Шертуко. Батоко-Шертуко стѣснялся отвѣтить на вопросъ Соска-Солса. «Безъ боязни можешь отвѣтить»! сказалъ Соска-Солса.—«Ты стоишь хорошей собаки», сказалъ Батоко-Шертуко. Соска-Солса разсердился на Батоко-Шертуко, но какъ далъ ему слово, что не будетъ ничего дѣлать, то и оставилъ его въ покоѣ. Черезъ нѣсколько времени, Соска-Солсѣ пришлось путешествовать; онъ наткнулся на пастуховъ, пасшихъ овецъ, и увидѣлъ собаку, далеко отставшую отъ стада. Соска-Солса замѣтилъ, что собака находится въ пренебреженіи. Онъ спросилъ одного пастуха: почему онъ пренебрегаетъ собакой? «Она стара», отвѣтилъ пастухъ. Соска-Солса остался ночевать у пастуховъ. Пастухи, по обычаю, зарѣзали барана. Соска-Солсѣ было жаль собаки и онъ подѣлился съ нею ужиномъ. Настала темная ночь; поднялась страшная буря и гроза. Ночью волки безпокоили стадо; только старая собака своею бдительностію отгоняла волковъ. На другое утро пастухи нашли трехъ изъ нихъ мертвыми. Поднялся споръ между пастухами: какой собакой убиты волки? Чтобы узнать, Соска-Солса велѣлъ поставить волковъ на ноги, какъ живыхъ, и затѣмъ натравить собакъ. Такъ и сдѣлали. Всѣ пастушескія собаки испугались и разбѣжались, только одна старая собака бросилась на убитыхъ волковъ. Спорный вопросъ рѣшился самъ-по-себѣ между пастухами. Соска-Солса разстался съ пастухами и сдѣлалъ наказъ, чтобы они цѣнили достоинство старой собаки. Соска-Солса вспомнилъ страшную ночь, вспомнилъ, какъ старая собака, несмотря на темную ночь, карауллла ихъ, а онъ спалъ подъ буркой и боялся показать свою голову. Онъ оцѣнилъ достоинство собаки. Вспомнилъ онъ, какъ Батоко-Шертуко оцѣнилъ его наравнѣ съ хорошей собакой — и остался доволенъ.

VI.

Давно это было. Сидѣли орхустойцы; между ними находился Соска-Солса. Они разсуждали: «есть-ли такой край, гдѣ-бы (они) не были и не грабили»? Въ то время, когда они вели этотъ разговоръ, возвращалась съ рѣки одна вдова съ водой. Она невольно подслушала разговоръ орхустойцевъ. Ее замѣтили и орхустойцы. «Она, вѣроятно, смѣется надъ нашей самоувѣренностію! Ступай, Батоко-Шертуко: можетъ-быть, она знаетъ страну, въ которой мы не были и не грабили»? Батоко-Шертуко отправился къ вдовѣ—спросить ее: можетъ быть, она знаетъ страну, въ которой не были орхустойцы? «Я вдова-сирота; въ случаѣ неудачи, орхустойцы могутъ оскорбить меня; кто можетъ заступиться за меня»? —«Не бойся, скажи»! говорятъ орхустойцы.—«За семью горами пасется стадо Горжая и на это стадо орхустойцы не сдѣлали нападенія»!—«Надо отправиться»! сказали они общимъ голосомъ. Они отправились въ путь. Вотъ перешли они и седьмую гору и увидѣли громадное стадо Горжая. «Намъ стыдно и недостойно дѣлать тайнымъ образомъ»! говоритъ Соска-Солса, «надо дать знать Горжаю, что орхустойцы собираются сдѣлать нападеніе на его стадо, и пусть приготовится»! Они послали къ Горжаю.

— «Какъ они могутъ сдѣлать нападеніе на мое стадо, изъ котораго посвящаютъ Богу жертвы? Не жалѣю я ничего для гостей своихъ! Это будетъ съ ихъ стороны святотатство! Я тебѣ не вѣрю; вѣроятно, между ними что-нибудь произошло», сказалъ Горжай посланному и послалалъ его обратно. «Какъ-же мы можемъ увѣрить его, что хотимъ сдѣлать нападеніе, чтобы онъ поднялъ тревогу»? сказалъ Соска-Солса. — «Его можетъ увѣрить только невѣстка его, жена его младшаго сына; она ходитъ за водой того источника, изъ котораго самъ Горжай пьетъ воду. Если она скажетъ ему, то онъ повѣритъ ей. Кто изъ васъ способенъ завлечь женщину»? спросилъ Соска-Солса. «Я могу»! сказалъ одинъ изъ орхустойцевъ, именно Тахшако. Тахшако отправился рано утромъ, ко времени намаза, къ источнику, откуда бралъ воду Горжай. Къ его приходу пришла туда любимая невѣстка Горжая. Онъ утащилъ ее, порвалъ на ней платье. Когда они возвращались, то Тахшако говоритъ ей: «скажи своему свекру, что пришли орхустойцы, и въ томъ числѣ Соска-Солса,—угнать его бѣлое стадо», пригрозивъ, что если она промолчитъ, то онъ раз-

несетъ слухъ, что онъ имѣлъ съ нею любовное сношеніе; затѣмъ онъ будетъ ждать отъ нея отвѣта.

—«Со мною сегодня сдѣлалъ посрамленіе одинъ изъ орхустойцевъ; вотъ доказательство — разорванное мое платье; онъ просилъ, чтобы ты приготовился къ нападенію на твое бѣлое стадо», сказала она Горжаю.—«Женщина всегда остается безстыдною! я смотрю на тебя, какъ на женщину, потерявшую стыдъ: какъ могутъ напасть на мое стадо, которое я посвятилъ съ благодарностію своему Создателю-Богу и высокимъ святымъ, и когда приношу жертву, то не жалѣю лучшаго барана. Неужели есть у кого-либо жадное (корыстолюбивое) желаніе противъ моего стада»? Горжай не принялъ заявленія своей невѣстки. Невѣстка возвратилась къ источнику, гдѣ ждалъ ее Тахшако, и сказала ему: «я заявляла своему свекру о намѣреніи орхустойцевъ напасть на стадо, но онъ не принялъ моего заявленія». Тахшако возвратился обратно къ своимъ.

— «Ну, что тебѣ удалось сдѣлать»? спросили орхустойцы. —«Я ждалъ прихода любимой невѣстки Горжая къ источнику, и когда она явилась, я схватилъ ее, порвалъ платье на ней и велѣлъ сказать свекру о нашихъ намѣреніяхъ. Она возвратилась и сказала, что Горжай не повѣрилъ ей».—«Какими средствами вызвать Горжая на тревогу»? сказали орхустойцы. Они отправились за совѣтомъ къ пастухамъ. «Единственное средство— это убить любимую Горжая птицу, сидящую на его башнѣ», сказали пастухи. Тогда Соска-Солса обратился къ орхустойцамъ съ слѣдующимъ вопросомъ: «кто изъ васъ лучше всѣхъ умѣетъ пускать пули»?—«Я могу»! сказалъ одинъ изъ орхустойцевъ, именно Орузби. Орузби, чуть только разсвѣло, отправился въ домъ Горжая и убилъ его любимую птицу. Рано всталъ Горжай и увидѣлъ на дворѣ свою любимую птицу. «Видно, меня не хотятъ оставить въ покоѣ»! Осѣдлавши своего коня, сѣвши на него, онъ поднялъ тревогу противъ орхустойцевъ. Онъ обратился къ небу съ слѣдующими словами: «Орхустойцы пришли угнать мое бѣлое стадо, изъ котораго я всегда приносилъ лучшаго барана Богу и великимъ святымъ; заступитесь за меня, всѣ святые»! Его мольба была услышана Соли (богомъ-громовержцемъ). Потомъ поднялась буря, гроза, и всѣ жители погнались за орхустойцами. Тѣ изъ орхустойцевъ, которые стрѣляли лучше, шли послѣдними. «Надо идти потише, пусть догоняетъ Соли, я пожму бока этому святому»! сказалъ Соска-Солса. Дѣйствительно, ихъ догналъ Соли и

Соска-Солса схватилъ святого и поломалъ ему бока. Буря и гроза утихли. Получивъ свободу, святой оставилъ преслѣдовать орхустойцевъ и погода очистилась совершенно. Также по свѣту (когда сдѣлалось свѣтло), орхустойцы позволили Горжаю догонять ихъ. Соска-Солса схватилъ Горжая, связалъ его и посадилъ на лошадь лицомъ къ хвосту, потомъ пустилъ въ поле на произволъ и на смѣхъ людямъ.

Орхустойцы возвратились съ ограбленнымъ стадомъ Горжая домой.

Примѣчанія:

1) Въ текстѣ нѣкоторыхъ ингушскихъ сказаній у меня различно написаны имена героевъ: такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ значится: *Баркимъ*, а въ другомъ: *Баркумъ*; тоже самое слѣдуетъ замѣтить объ имени *Батоко-Шертуко*, или *Шуртуко* и *Ширтга*. Это произошло отъ того, что сказанія мною были записываемы въ различныхъ мѣстахъ, т. е. въ горахъ и на плоскости: въ горахъ говорятъ *Баркумъ*, а на плоскости *Баркимъ*; также въ первой мѣстности—*Соска*, а въ послѣдней—*Сеска*.

Вообще въ горахъ слышатся яснѣе *о*, *у*, а на плоскости эти звуки превращаются въ *и*, *е*. Вопросъ: какое нарѣчіе чище, плоскостное или горское? Назрановцы считаютъ свое нарѣчіе чище и деликатнѣе, поэтому относятся къ горскому говору съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Но, конечно, горское нарѣчіе чище, самобытнѣе, на него менѣе имѣли вліяніе постороннія нарѣчія.

О словѣ *орхустойцы* слѣдуетъ замѣтить, что въ немъ окончаніе я добавилъ произвольно, для болѣе яснаго пониманія. Строго говоря, нужно писать *орхустхой*, такъ-какъ по-ингушски, если рѣчь идетъ о членѣ какого-нибудь общества, то прибавляется большею частью окончаніе: въ единственномъ числѣ *хо*, а во множественномъ *хой*. Такъ, въ единственномъ числѣ говорятъ *орхустхо*, а во множественномъ *орхустхой*, *оритохо* (карабулаки)—*оритохой*, *джерахо*—*джерахой*, *насырхо*—*насырхой* и т. д.

Считаю также нелишнимъ замѣтить, что у ингушъ произносятъ прежде имя отца, потомъ сына. Такъ, напр., *Соска-Солса*. Здѣсь первымъ поставлено имя Соска, а затѣмъ сына его — Солса. Тоже самое — Батоко-Шертуко. Въ разсказахъ ингуши произносятъ неразрывно оба имени — отца и сына.

2) Къ сказанію «Магалъ». Въ Кистинскомъ и Джераховскомъ ущельяхъ дуютъ южные вѣтры въ началѣ весны и въ концѣ лѣта. Вѣтры эти причиняютъ ингушамъ большіе убытки: разносятъ хлѣбъ, неубранный съ поля, а въ особенности сѣно, такъ-что ингушъ иногда остается безъ всякаго запаса на зиму. Неудивительно, что на ингуша вѣтеръ наводитъ страхъ и въ воображеніи его является олицетвореніемъ женщины, которая называется «матерью вѣтровъ». Ей, во время полевыхъ работъ, посвящаютъ понедѣльникъ, и соблюдается строго, чтобы въ этотъ день никто не работалъ въ аулѣ. На того-же, кто не соблюдаетъ этого праздника, смотрятъ какъ на нарушителя общественнаго благополучія и, боже сохрани, если въ тотъ день случится вѣтеръ! Тогда со всѣхъ сторонъ слышны проклятія на голову виновника и всякій отъ него отвращивается. Вообще, ингуши сожалѣютъ о томъ несчастіи, которое случилось въ семействѣ Магала, ибо, по ихъ вѣрованію, если-бы не случилось несчастіе въ этомъ семействѣ, то и не было-бы вѣтра.

Ч. Ахріевъ.

АДАТЫ
ЮЖНО-ДАГЕСТАНСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

I.

КЮРИНСКІЙ ОКРУГЪ.

При разборѣ дѣлъ по адату, доказательства всегда представляетъ истецъ. Доказательствами считаются: собственное признаніе и показаніе свидѣтелей *). Число свидѣтелей зависитъ отъ важности разбираемаго дѣла.

Въ дѣлахъ, влекущихъ за собою кровомщеніе, какъ, напримѣръ, по убійствамъ и прелюбодѣяніямъ, требуется четыре свидѣтеля. Во всѣхъ прочихъ дѣлахъ считается достаточнымъ двухъ свидѣтелей.

При одномъ свидѣтелѣ требуется присяга истца, и тогда доказательство считается равносильнымъ показанію двухъ свидѣтелей.

Свидѣтелемъ можетъ быть всякій, достигшій 15-ти лѣтняго возраста мусульманинъ, который въ полномъ разумѣ и къ разбираемому дѣлу неприкосновенъ.

Не допускаются къ свидѣтельству: лица женскаго пола, родственники **), люди опороченные общественною молвою и питающіе къ противнику явную вражду.

Дѣйствительность родства и вражды должна быть доказана

*) Письменные документы не считаются доказательствами; они получаютъ силу только тогда, когда подписавшіе документъ свидѣтели подтвердятъ присягою дѣйствительность ихъ.

**) Дальнее родство въ тяжебныхъ дѣлахъ не имѣетъ значенія.

свидѣтелями, число коихъ опредѣляется по усмотрѣнію дивана (суда).

При сомнительности свидѣтеля требуется, чтобы одинъ *) изъ ближайшихъ его родственниковъ, по выбору противника, принялъ присягу въ томъ, что свидѣтель по дѣлу, о которомъ спрашиваютъ его, показываетъ истину.

Если выбранный родственникъ, безъ уважительной причины **), не соглашается принять присягу, то этимъ доказывается неблагонадежность свидѣтеля, который въ такомъ случаѣ къ свидѣтельству и не допускается.

Каждый свидѣтель опрашивается отдѣльно и подробно, въ присутствіи тяжущихся, о всѣхъ обстоятельствахъ, могущихъ повести къ открытію истины.

Если въ показаніяхъ двухъ свидѣтелей оказывается разнорѣчіе, то ихъ свидѣтельство не принимается; если-же изъ трехъ свидѣтелей два показываютъ одинаково, а въ показаніи третьяго есть разнорѣчіе, то принимаются только два первые.

Въ случаѣ устраненія одного или всѣхъ свидѣтелей, истцу не воспрещается представить новыхъ свидѣтелей.

Показаніе свидѣтеля принимается за доказательство, если онъ лично присутствовалъ при совершеніи дѣла, по которому его спрашиваютъ, или узналъ объ обстоятельствахъ дѣла изъ устъ самого отвѣтчика. Показаніе-же по слухамъ отъ другихъ ни въ какомъ случаѣ за доказательство не принимается.

Показанія свои свидѣтели подтверждаютъ присягою, отъ которой освобождаются только съ согласія отвѣтчика.

Присяга бываетъ двухъ родовъ:

1) Обыкновенная, установленная шаріатомъ ***), и 2) кебин-

---

*) Если дѣло особенной важности, то число присягателей можетъ быть, по усмотрѣнію дивана, увеличено до 6-ти; въ такомъ случаѣ противная сторона избираетъ 3-хъ и столько-же отвѣтчикъ.

**) Уважительною причиною отказа отъ принятія присяги можетъ быть только то, что лицо, отъ котораго требуютъ присягу, при свидѣтеляхъ дало обѣтъ ни по какимъ дѣламъ не принимать присяги.

***) По правиламъ шаріата, приводимому къ присягѣ должны быть даны вопросы, относящіеся до религіи, и если онъ не отвѣтитъ удовлетворительно, то къ присягѣ, а слѣдовательно и къ свидѣтельству, не допускается. Этого правила, однако-же, строго не придерживаются, потому-что всѣ кюринцы, исключая грамотныхъ, на такіе вопросы отвѣтить не могутъ.

ная *), утвердившаяся въ народѣ обычаемъ и состоящая въ томъ, что если показаніе присягателя окажется ложнымъ, то бракъ его съ женою становится незаконнымъ.

Адаты по преступленіямъ и проступкамъ вообще. Если кто-нибудь обвиняетъ другого въ совершеніи какого-либо преступленія, или проступка, то отъ него требуются доказательства, согласно адату **).

Если-же истецъ доказательствъ не имѣетъ, то отвѣтчикъ долженъ очистить себя отъ взводимаго на него обвиненія присягою.

Такимъ-же образомъ отвѣтчикъ очищаетъ себя присягою, если истецъ предъявляетъ на него одно только подозрѣніе.

Очищеніе производится слѣдующимъ образомъ: отвѣтчикъ, подтверждая свое показаніе присягою, представляетъ нѣсколько человѣкъ родственниковъ, или, за неимѣніемъ ихъ, постороннихъ лицъ, которые присягаютъ въ томъ, что отвѣтчикъ по данному дѣлу невиненъ. Число присягателей, изъ коихъ, если они родственники, одна половина выбирается истцомъ, другая отвѣтчикомъ, а если они посторонніе люди, то однимъ отвѣтчикомъ, — бываетъ различно, смотря по важности обвиненія:

а) При убійствахъ и другихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою кровомщеніе, требуется *сорокъ* ***) присягателей; такое-же число присягателей требуется при покражѣ изъ дома, гдѣ находится семейство хозяина, изъ мельницы, равно какъ и изъ саманника, изъ ямы, въ которую ссыпаютъ хлѣбъ, изъ мечети и при воровствѣ плуга съ поля, или за сожженіе плуга тамъ-же.

б) При воровствѣ лошади или буйвола, цѣна коихъ рѣдко превышаетъ 100 р., требуется *десять* присягателей.

---

*) Кебинная присяга имѣетъ большое значеніе въ туземномъ населеніи, ибо жена отходитъ отъ мужа, какъ-только узнаетъ, что онъ ложно присягнулъ; поэтому кебинная присяга допускается обыкновенно въ дѣлахъ болѣе важныхъ и гдѣ свидѣтели навлекаютъ на себя сомнѣніе.

**) Въ дѣлахъ по воровству, истецъ можетъ имѣть тайныхъ свидѣтелей, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, безъ особенной крайности обнаруживаться не хотятъ; тогда обвиняемому предлагается очистить себя присягою, и когда онъ это исполнитъ, то, не смотря на очищеніе, свидѣтели открываются и доказываютъ виновность по изложеннымъ выше правиламъ; но при этомъ за истину показанія свидѣтелей должны присягать вдвое больше присягателей противъ числа таковыхъ, очищавшихъ отвѣтчика.

***) Число присягателей не можетъ быть болѣе сорока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, указанныхъ ниже.

в) При воровствѣ быка или коровы, оцѣняемыхъ обыкновенно отъ 10 до 30 руб., требуется *пять* присягателей.

г) При воровствѣ барана, или другой мелкой скотины, требуется по *одному* присягателю на каждую голову.

д) Соразмѣрно этимъ цѣнамъ назначается число присягателей при воровствѣ другого какого-либо имущества.

Къ присягѣ приводятся сперва присягатели, выбранные истцомъ, который вызываетъ каждаго по-одиночкѣ; если при 5-ти и болѣе, даже 20 ти присягателяхъ, въ дѣлахъ обыкновенныхъ, первые два,—а въ дѣлахъ кровныхъ,—три человѣка, откажутся отъ присяги, безъ уважительныхъ причинъ, то отвѣтчикъ признается виновнымъ, хотя-бы остальные и желали принять присягу. Если первые изъ выбранныхъ истцомъ принимаютъ присягу, а изъ послѣдующихъ нѣкоторые, но не больше половины ихъ, отказываются, то дѣло рѣшается въ пользу отвѣтчика, такъ-какъ присягатели, выбранные послѣднимъ, давшіе заранѣе слово, никогда отъ присяги не отказываются.

Если отвѣтчикъ и истецъ состоятъ между собою въ родствѣ и, слѣдовательно, родственники, долженствующіе очистить отвѣтчика, въ тоже время суть родственники истца, въ такомъ случаѣ родственники вправѣ отказаться совсѣмъ отъ присяги и отвѣтчику предоставляется выбрать присягателей изъ посторонних людей.

Когда цѣлому селенію предлагается очистить себя присягою, то изъ каждаго дыма по одному совершеннолѣтнему жителю приводятся къ присягѣ въ томъ, что они и ихъ семейства невинны въ дѣлѣ, по которому ихъ подозрѣваютъ.

Если отвѣтчикъ по какому-нибудь дѣлу очиститъ себя присягою, то истецъ не можетъ по тому-же дѣлу требовать очищенія отъ другого лица; но это не лишаетъ его права, когда онъ соберетъ надлежащія доказательства, возобновить свой искъ противъ прежняго отвѣтчика; только при этомъ требуется, чтобы со стороны свидѣтелей его было присягателей вдвое болѣе противъ того числа, которое очистило отвѣтчика. Присягатели выбираются изъ ближайшихъ родственниковъ свидѣтелей, одна половина отвѣтчикомъ, а другая самими-же свидѣтелями *).

Въ дѣлахъ спорныхъ и по разнаго рода сдѣлкамъ, отвѣт-

*) Этотъ адатъ существуетъ только въ Котуръ-Кюринскомъ магалѣ; въ прочихъ-же магалахъ бывшаго Кюринскаго ханства онъ силы не имѣетъ.

чикъ, если не захочетъ очистить себя присягою, имѣетъ право предложить истцу принять присягу самому или съ нѣсколькими родственниками въ томъ, что жалоба его справедлива, и затѣмъ обязанъ удовлетворить истца; въ дѣлахъ-же кровныхъ и по воровству этотъ адатъ не допускается. Сказанное выше о присягателяхъ, выбранныхъ истцомъ, примѣняется въ настоящемъ случаѣ къ присягателямъ, выбраннымъ отвѣтчикомъ, и дѣло рѣшается въ пользу той или другой стороны, смотря потому, сколько человѣкъ приняло присягу и въ какомъ порядкѣ они ее выполнили.

Если-же, на предложеніе отвѣтчика, истецъ откажется отъ выполненія присяги, то онъ лишается права требовать очищенія отъ отвѣтчика и долженъ представить уже на искъ свой доказательства.

Адаты по убійствамъ и пораненіямъ. За умышленное убійство человѣка родственники убитаго обязаны мстить: они вправѣ тотчасъ убить убійцу, или кого-нибудь изъ ближайшихъ его родственниковъ, если имѣютъ къ тому удобный случай; но до этого дѣло рѣдко доходитъ, во-первыхъ потому, что какъ самъ убійца, такъ и его родственники принимаютъ мѣры къ защитѣ, а во-вторыхъ потому, что являются посредники, изъ почетныхъ лицъ, которые немедленно уводятъ убійцу съ мѣста происшествія, или гдѣ онъ укрылся, и открываютъ переговоры о назначеніи канлы, т. е. лицъ, на которыхъ родственники убитаго вправѣ выместить вражду. Послѣ этого прочіе родственники убійцы, освобождаясь отъ преслѣдованія, могутъ безопасно оставаться на мѣстѣ своего жительства *).

Въ канлы назначаются: убійца и одинъ или два изъ ближайшихъ его родственниковъ; они удаляются изъ своей деревни въ селенія, болѣе отдаленныя. Побочные канлы, изъ родственниковъ убійцы, примиряются съ врагами безъ особаго затрудненія, и даже въ очень непродолжительномъ времени послѣ совершенія убійства: одинъ изъ нихъ возвращается въ своемъ селеніи черезъ сорокъ дней, а другой по истеченіи полугода **); но и этотъ

*) Съ прекращеніемъ ханской власти въ Кюрѣ, въ ханствѣ принято: въ случаѣ убійства, старшина селенія немедленно даетъ знать о происшествіи наибу, а самъ въ тоже время принимаетъ мѣры для отвращенія кровомщенія, для чего совмѣстно съ почетными людьми деревни выводитъ канлы, согласно обычаю; если наибъ не можетъ скоро прибыть на мѣсто преступленія, то о выводѣ канлы онъ дѣлаетъ распоряженіе.

**) Въ прежнее время второй канлы оставался до примиренія.

послѣдній срокъ можетъ быть уменьшенъ, если удаленіе побочнаго канлы приноситъ замѣтный ущербъ его хозяйству и лишаетъ его семейство необходимаго пропитанія. Самъ-же убійца долженъ оставаться канлы, пока не склонятъ родственниковъ убитаго къ примиренію *).

Право на убійство канлы имѣютъ только тѣ ближайшіе родственники убитаго, которые, при примиреніи убійцы, получаютъ удовлетвореніе за кровь **); если они убиваютъ канлы, то кровь принимается за кровь и вражда прекращается; если-же убиваютъ кого-нибудь изъ родственниковъ убійцы, не канлы, то черезъ это возникаетъ новая кровная вражда, если только противники не согласятся зачесть кровь за кровь. Тоже самое бываетъ, если канлы будетъ убитъ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ убитаго, не имѣющимъ на то права.

При примиреніи, убійца обязанъ заплатить родственникамъ убитаго за кровь извѣстное вознагражденіе, которое въ настоящее время установлено: за кровь мужчины 250 руб. ***), а за кровь женщины половину, т. е. 125 руб.

При примиреніи соблюдается слѣдующій обрядъ: на канлы надѣваютъ бѣлый саванъ и опоясываютъ его шашкою; въ этомъ нарядѣ старики и почетные люди ведутъ его въ домъ ближайшаго родственника убитаго, какъ-бы въ знакъ того, что онъ является съ повинною головою, принося съ собою оружіе для казни и платье для погребенія. Подошедши къ воротамъ, они останавливаются; въ это время съ противной стороны выходитъ довѣренное лицо, которое, снимая съ канлы сначала саблю и саванъ, а потомъ папаху, гладитъ его по головѣ. Затѣмъ мулла произноситъ молитву «Фатиха»,—и преступленіе предается забвенію.

Если, послѣ примиренія, родственники убитаго убьютъ кан-

---

*) При ханскомъ управленіи, срокъ для примиренія нерѣдко назначался ханами; теперь онъ двухъ-годичный.

**) Деньги за кровь при примиреніи получаютъ тѣ родственники, которые, по правиламъ шаріата, вправѣ наслѣдовать покойному.

***) Въ прежнія времена платилось при примиреніи канлы: за кровь мужчины 4 іола, или 24 тумана; туманъ составлялъ три быка, или три коровы, или три ружья, или три сабли, или три паласа, или три участка земли, и такъ далѣе, т. е. по три штуки одинаковыхъ вещей; дѣвушка принималась каждая въ 6 тумановъ, хорошая лошадь въ одинъ туманъ и во столько-же хорошій буйволъ; однихъ и тѣхъ-же предметовъ больше одного тумана не назначалось, но могли поступать въ уплату двѣ дѣвушки, составлявшія половину цѣны крови. Назначеніе всѣхъ этихъ предметовъ зависѣло отъ примирителей.

лы, съ которымъ тоже примирились, то изъ этого возникаетъ новая кровная вражда; но обиженной въ послѣднемъ случаѣ сторонѣ предоставляется право, по соглашенію, зачесть кровь за кровь и принять обратно уплаченную во время примиренія сумму.

Если убійство совершено нѣсколькими лицами, то всѣ участники въ преступленіи выводятся въ канлы и остаются ими до примиренія *). Кровныя деньги въ подобныхъ случаяхъ платятся всѣми канлы, по ровной части. Но если, до примиренія, одинъ изъ канлы былъ-бы убитъ по кровомщенію и тѣмъ прекратилась-бы вражда, то оставшіеся въ живыхъ канлы слѣдуемую съ каждаго часть за кровь уплачиваютъ родственникамъ убитаго канлы, ихъ соучастника.

Если убійство совершено цѣлымъ обществомъ, при чемъ трудно бываетъ положительно указать, кто именно убійца, въ такомъ случаѣ канлы не назначаются, а только общество обязано удовлетворить за кровь родственниковъ убитаго.

Если отецъ убьетъ сына или дочь, то онъ за кровь не отвѣчаетъ, такъ-какъ удовлетвореніе за нее слѣдуетъ ему-же **).

При убійствѣ брата братомъ, убійца уплачиваетъ за кровь прочимъ братьямъ, или дѣтямъ убитаго, если они есть и не пожелаютъ считать его канлы; а если ихъ нѣтъ, то освобождается отъ отвѣтственности. Тоже самое разумѣется при убійствѣ сестры братомъ, если это убійство совершено не за прелюбодѣяніе.

Несовершеннолѣтіе съ того возраста, въ которомъ мальчикъ можетъ понимать преступленіе, не освобождаетъ убійцу отъ вывода въ канлы, но обыкновенно родственники убитаго, снисходя къ молодымъ лѣтамъ убійцы, соглашаются получить плату за кровь.

За нечаянное убійство виновный не выводится въ канлы, но обязывается заплатить родственникамъ убитаго за кровь, т. е. 250 р. за мужчину, а за женщину половину этой суммы. Такимъ-же образомъ получается удовлетвореніе за кровь, если убійца совершилъ убійство въ припадкѣ помѣшательства, или другой какой-либо болѣзни, въ которой больной не могъ имѣть сознанія въ томъ, что учиняетъ преступленіе.

Если кто-нибудь отъ нанесенной ему другимъ раны умретъ,

---

*) Этотъ адатъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ измѣняется тѣмъ, что изъ выводимыхъ пяти канлы одинъ, по выбору обиженной стороны, называется главнымъ (башъ-канлы), а остальные побочными (малъ-канлы).

**) Наказанія за подобныя убійства зависѣли отъ мѣстной власти.

то виновный считается убійцею; онъ выводится въ канлы, и къ нему примѣняются всѣ правила, установленныя для убійцъ.

Въ томъ, что дѣйствительно смерть произошла отъ раны, удостовѣряетъ лѣкарь; но если-бы онъ, вслѣдствіе хорошаго состоянія раны, причины смерти не могъ опредѣлить положительно, то со стороны поранителя, который въ этомъ случаѣ возражаетъ противъ обвиненія со стороны родственниковъ умершаго, должны быть представлены присягатели въ томъ, что смерть произошла не отъ раны, а отъ другой болѣзни. Адатъ въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду не удостовѣреніе противъ смерти, а добросовѣстность присягателей, которые, собравъ подробныя свѣдѣнія о болѣзни и смерти умершаго, соображаютъ степень сомнѣнія и затѣмъ рѣшаются принять присягу или отказываются отъ нея.

За полученныя отъ раны увѣчья взыскиваются съ виновнаго, въ пользу обиженнаго, деньги въ половину крови, т. е. 125 р.; за увѣчье считаются: потеря разсудка, потеря одного глаза, потеря языка, или дара слова, потеря обонянія, невладѣніе одною ногою, или одною рукою и неспособность къ половому сообщенію. Дѣйствительность увѣчья удостовѣряется туземнымъ лѣкаремъ, по залѣченіи раны.

Если отъ нанесенныхъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ ранъ произойдетъ увѣчье нѣсколькихъ членовъ, то плата опредѣляется въ $^2/_3$ цѣны крови, и даже вѣсколько больше, но ни въ какомъ случаѣ не равняется цѣнѣ за полную кровь, которая назначается только за лишеніе жизни.

За всѣ прочія раны, по залѣченіи оныхъ, обиженные получаютъ вознагражденіе, по назначенію лѣкаря, который опредѣляетъ, во сколько скотинъ рана оцѣнивается; при оцѣнкѣ сложная цѣна двухъ скотинъ полагается въ 11 руб., т. е. одна изъ нихъ въ 5 р., а другая въ 6 руб.

Всѣ расходы на покупку лѣкарствъ, при пользованіи ранъ, падаютъ на ранившаго, а за труды лѣкаря платитъ самъ раненый.

Адаты по прелюбодѣяніямъ. За прелюбодѣяніе, по народному обычаю, слѣдуетъ убить на мѣстѣ преступленія виновника и виновницу; право на убійство имѣютъ: если виновная женщина не замужняя, то ближайшіе ея родственники, а если замужняя, то и ея мужъ.

Если виновникъ, по открытіи преступленія, успѣетъ скрыться бѣгствомъ, то онъ выводится въ канлы и къ нему примѣняются всѣ правила, установленныя для убійцъ; жена въ такомъ

случаѣ получаетъ отъ мужа немедленно разводъ, а участь незамужней женщины зависитъ отъ милосердія тѣхъ ея родственниковъ, у коихъ она живетъ, если только она не успѣетъ укрыться или найти убѣжище и покровительство у постороннихъ людей.

Съ канлы въ этомъ случаѣ взыскивается при примиреніи за полную кровь мужчины, т. е. 250 р., въ пользу мужа, если виновная была замужняя женщина,—и въ пользу ея родственниковъ, если незамужняя.

Если изъ виновныхъ въ прелюбодѣяніи будетъ убитъ одинъ только мужчина, то убійца долженъ доказать дѣйствительность прелюбодѣянія и тогда за кровь не отвѣчаетъ. Если-же онъ доказательствъ представить не можетъ, то родственники должны очистить убитаго присягателями отъ обвиненія и затѣмъ убійца или выводится въ канлы, или-же оставляется безъ отвѣтственности, смотря по тому, очистятъ-ли убитаго, или нѣтъ.

Если прелюбодѣяніе не обнаружено, а только есть сильное подозрѣніе, тогда мужъ, или родственникъ, вправѣ требовать отъ мужчины, на котораго падаетъ подозрѣніе, очищенія.

Адаты по изнасилованію. При изнасилованіи женщины, совершеннолѣтней или несовершеннолѣтней, поступается съ виновнымъ какъ за прелюбодѣяніе; онъ выводится въ канлы и платитъ при примиреніи родственникамъ изнасилованной за полную кровь, т. е. 250 руб.

Изнасилованіе должно быть доказано свидѣтелями; въ противномъ случаѣ съ обвиняемаго требуется только очищеніе присягателями.

Адаты по увозу женщинъ. За увозъ женщины отвѣчаютъ какъ за убійство мужчины; увезшій выводится въ канлы и родственники увезенной вправѣ убить его безъ всякой за то отвѣтственности; но, обыкновенно, мѣстная власть, по полученіи объ увозѣ женщины свѣдѣнія, принимаетъ мѣры, какъ о доставленіи виновному безопаснаго убѣжища, такъ и скорѣйшемъ примиреніи его съ врагами, причемъ увезшій платитъ обиженнымъ полностію 250 руб., если женщина замужняя, а если дѣвушка, или вдова, то по возможности менѣе, до 125 руб.

Если увезенная была незамужняя и ни за кого не обручена, то взыскиваемыя съ увезшаго, во время примиренія, деньги поступаютъ полностію въ пользу родственниковъ увезенной, а если та была обручена, но безъ совершенія кебина, то женихъ получаетъ отъ родственниковъ невѣсты лишь обручальные рас-

ходы; если-же со стороны жениха была выдана въ замужество за родственника невѣсты сестра, или другая родственница, то онъ вправѣ требовать, взамѣнъ ея, другую непорочную дѣвицу, или деньгами 60 р.; остальныя затѣмъ деньги поступаютъ, какъ сказано выше, въ пользу родственниковъ увезенной.

Если увезенная была обручена съ совершеніемъ кебина, то взыскиваемыя съ увезшаго, при примиреніи, деньги получаетъ полностію женихъ, какъ законный мужъ увезенной дѣвицы. Если увезенная была замужняя женщина, то деньги за кровь получаетъ мужъ; если-же мужъ проститъ женѣ и согласится принять ее къ себѣ (что иногда случается, вслѣдствіе того, что онъ не желаетъ лишить дѣтей матери), то въ такомъ случаѣ и увезшій освобождается отъ преслѣдованія, потому-что, простивъ одному изъ виновныхъ, мужъ лишается права преслѣдовать другого.

Право на убійство канлы предоставляется только родственникамъ увезенной, а жениху въ такомъ-только случаѣ, если, кромѣ обрученія, совершенъ былъ кебинъ съ увезенною дѣвицею.

Увезшій, заплативъ за кровь, имѣетъ право жениться на увезенной, если только пожелаетъ и получитъ на то согласіе ея родственниковъ.

Адаты по воровствамъ. За доказанное воровство взыскивается съ виновнаго въ пользу обиженнаго двойная стоимость украденнаго имущества *); сверхъ того, воръ обязанъ пополнить расходы, сдѣланные хозяиномъ на открытіе воровства, т. е. обязанъ уплатить *муштулучныя деньги*, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ превышать цѣны пропажи. Дѣйствительность муштулучныхъ денегъ за открытіе воровства должна быть подтверждена или показаніемъ свидѣтелей, или присягою истца.

При отысканіи у кого-нибудь воровского имущества, хозяинъ вправѣ оное отобрать, какъ только представитъ ясныя доказательства, что это имущество дѣйствительно принадлежитъ ему и у него тогда-то уворовано; если уворованное имущество состоитъ изъ какой-нибудь скотины, то сверхъ того требуется,

*) Въ недавнее еще время существовалъ обычай, что при воровствѣ, напримѣръ, изъ мельницъ, взыскивалась съ вора двѣнадцать разъ стоимость украденнаго имущества; при воровствѣ между пастухами барановъ взыскивалось за одного барана семь барановъ; но какъ эти адаты невсегда примѣнялись къ дѣлу, то принято было за правило при всѣхъ вообще воровствахъ взыскивать только вдвое, если это дозволяетъ состояніе вора, въ противномъ случаѣ взыскивается въ одинъ разъ, или нѣсколько болѣе.

чтобы истецъ и оба его свидѣтеля узнали претендуемую скотину въ табунѣ, или стадѣ, куда для этой цѣли нарочно пускаютъ ее.

Если тотъ, у котораго найдено воровское имущество, докажетъ *), что оно пріобрѣтено имъ покупкою, или мѣною, у другого лица, то онъ освобождается отъ двойной отвѣтственности и ему выдается письменное свидѣтельство въ томъ, что у него отобрано такое-то воровское имущество. Съ этимъ свидѣтельствомъ, называемымъ *айнамал'омъ*, онъ обязанъ отправиться къ тому лицу, у котораго пріобрѣлъ воровское имущество и требовать отъ него возврата той цѣны, какую онъ при покупкѣ заплатилъ. Продавецъ, удовлетворивъ покупщика, получаетъ поэтому-же айнамалу удовлетвореніе отъ того лица, у котораго онъ опознанное имущество пріобрѣлъ, и т. д., каждый продавецъ, по предъявленіи айнамала, возвращаетъ покупщику ту сумму, которую онъ при продажѣ получилъ, пока наконецъ не дойдутъ до перваго продавца, который или окажется воромъ, когда не въ состояніи представить доказательствъ, какимъ способомъ онъ опознанное имущество пріобрѣлъ, или окажется законнымъ владѣльцемъ этого имущества, когда представитъ ясныя доказательства, что опознанное имущество до продажи составляло неоспоримую, законную его собственность.

Въ первомъ случаѣ, т. е. при открытіи вора, виновный отвѣчаетъ за воровство вдвое и пополняетъ расходы, сдѣланные хозяиномъ для открытія кражи **). Во второмъ-же случаѣ, когда продавецъ докажетъ, черезъ двухъ или болѣе свидѣтелей, что опознанное имущество есть его законная собственность, тогда отобранное имущество возвращается опять тому лицу, у котораго оно первоначально было найдено, и всѣ бывшія между разными лицами сдѣлки, по продажѣ этого имущества изъ рукъ въ руки, получаютъ снова законную силу, а опознавшій его остается безъ удовлетворенія, на томъ основаніи, что допускается возможность, по необыкновенному сходству между двумя предметами, впасть въ ошибку при опознаніи имущества. Если опознанное имущество состоитъ изъ какой-нибудь скотины и продавецъ показываетъ, что она его доморощенная, то требуется, чтобы

*) Доказательства должны быть представлены въ томъ мѣстѣ, гдѣ предъявленъ искъ.

**) Опознавшій уворованное у него имущество, если захочетъ получить издержки, обязанъ идти вмѣстѣ съ лицами, черезъ руки которыхъ переходило это имущество, до перваго продавца.

самъ продавецъ и его свидѣтели опознали ее въ табунѣ, или стадѣ, какъ объ этомъ установлено для истца, при опознаніи скотины.

Если кто-нибудь изъ лицъ, черезъ руки коихъ опознанное воровское имущество проходило, показываетъ, что оно пріобрѣтено имъ покупкою отъ другого лица, но доказательства на это не имѣетъ, а продавецъ отъ этого отпирается, то въ такомъ случаѣ требуется, чтобы послѣдній очистилъ себя отъ обвиненія присягою.

Если тотъ, у кого отыскано воровское имущество, докажетъ, что оно пріобрѣтено имъ покупкою, или другою законною сдѣлкою, отъ родственника истца, живущаго вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ домѣ, то онъ освобождается отъ всякой отвѣтственности, потому-что, по мѣстному обычаю, всѣ лица мужского пола, живущія въ одномъ домѣ и составляющія одно семейство, пользуются равнымъ правомъ распоряжаться имуществомъ, и, слѣдовательно, покупщикъ не могъ подозрѣвать продавца въ воровствѣ; но истецъ имѣетъ право получить свое имущество обратно, если уплатитъ покупщику ту цѣну, за которую этотъ послѣдній купилъ его у родственника истца; кромѣ того, истецъ вправѣ требовать удовлетворенія отъ своего родственника, когда докажетъ, что проданное послѣднимъ имущество составляло исключительную его собственность *).

При одновременной пропажѣ разнаго имущества съ одного мѣста, достаточно открыть одну изъ уворованныхъ вещей, или-же представить ясныя доказательства на кражу одной изъ нихъ, чтобы обвинить человѣка, у котораго она найдена, или который изобличенъ въ кражѣ ея, въ воровствѣ всего остальнаго, пропавшаго въ одно время, имущества; для этого требуется только, чтобы истецъ черезъ свидѣтелей доказалъ, что отысканная у обвиненнаго вещь дѣйствительно пропала у него въ одно время съ прочимъ показываемымъ имуществомъ, а если истцу бываетъ невозможно представить свидѣтелей, какъ напримѣръ, при воровствѣ изъ дома, гдѣ постороннія лица не могутъ знать обстоятельствъ воровства, а родственники, по адату, не вправѣ выступить въ свидѣтели, то достаточно, чтобы самъ истецъ при-

*) Женщины, какъ лишенныя права распоряжаться въ домѣ имуществомъ, въ подобныхъ случаяхъ обвиняются въ воровствѣ наравнѣ съ посторонними лицами.

нялъ присягу въ томъ, что у него украдено именно то и то, такой-то стоимости, и что вещь, которая найдена, пропала у него вмѣстѣ съ прочимъ претендуемымъ имуществомъ.

Если хозяинъ откроетъ въ опознанной имъ воровской скотинѣ какіе-нибудь пороки, или недостатки, не бывшіе въ ней до пропажи, то скотина оставляется за воромъ, который въ такомъ случаѣ обязанъ заплатить истцу стоимость скотины до пропажи, на что должны быть представлены доказательства со стороны истца; кромѣ того, само-собою, обвиняемый отвѣчаетъ за воровство вдвое и пополняетъ расходы, сдѣланные на открытіе пропажи.

Адаты по гражданскимъ дѣламъ *). Если кто-нибудь изъ дѣтей оставляетъ безъ позволенія родительскій домъ, то онъ лишается права на наслѣдство, если только отецъ при жизни не проститъ ему этого поступка. Равнымъ образомъ отецъ вправѣ лишить наслѣдства тѣхъ изъ своихъ дѣтей, которыя своимъ неуваженіемъ, непокорностію и вообще дурными поступками навлекаютъ на себя его гнѣвъ.

Если кто-нибудь, при жизни своей, отдалъ въ пользованіе другого принадлежащее ему имѣніе, то, послѣ смерти его, наслѣдники, безъ ясныхъ доказательствъ, не вправѣ на оное претендовать, ибо то обстоятельство, что самъ хозяинъ при жизни своей не объявлялъ никакой претензіи на неправильное завладѣніе имѣніемъ, служитъ доказательствомъ, что таковое уступлено было имъ добровольно.

Если дѣвушка взята была въ замужество съ обязательствомъ выдать взамѣнъ ея другую дѣвушку, то въ случаѣ отказа послѣдней, соблюдается слѣдующее правило: если условіе заключено было отцомъ, то дочь обязана безпрекословно покориться его желанію, потому-что воля отца для дѣтей священна, она остается ненарушимою даже послѣ его смерти; если-же условіе сдѣлано кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ ея, то дѣвушка вправѣ отказаться, потому-что, по правиламъ шаріата, нельзя заставить женщину вступать въ бракъ противъ ея воли, — подобную власть имѣетъ только отецъ. Родственникъ, нарушающій, вслѣдствіе несогласія дѣвушки, договоръ, обязанъ вмѣсто нея отдать другую безпорочную дѣвушку въ тотъ домъ, изъ котораго уже дѣвушка

---

*) Доказательства при разборѣ гражданскихъ исковъ требуются на основаніи правилъ, изложенныхъ выше.

взята въ замужество, или заплатить деньгами 60 р. и возвратить обручальные подарки, если таковые были сдѣланы женихомъ *).

Если кто-нибудь продаетъ чужое имущество, находящееся въ вѣдѣніи, или во временномъ пользованіи его, то имущество отбирается у покупщика и возвращается хозяину, если только послѣдній представитъ ясныя доказательства, что имѣніе принадлежитъ ему и продано безъ его согласія. Покупщику-же имѣнія предоставляется требовать удовлетворенія отъ того лица, которое ему неправильно продало имущество **).

Если послѣ совершенія продажи возникаетъ между покупщикомъ и продавцомъ споръ на счетъ цѣны проданнаго товара, то дѣло рѣшается въ пользу того изъ тяжущихся, который представитъ ясныя доказательства въ подтвержденіе своего показанія; если-же обѣ стороны представляютъ доказательства, или ни та, ни другая сторона доказательствъ не имѣетъ, то въ такомъ случаѣ договоръ уничтожается и имущество возвращается продавцу ***).

---

*) Хотя дѣвушки, на основаніи приведеннаго адата, и могутъ уклоняться отъ предназначенныхъ имъ родственниками браковъ, но онѣ не вправѣ свободно располагать собою, и браки ихъ, безъ согласія отца, или заступающаго мѣсто его родственника, по правиламъ шаріата, совершаться не могутъ.

Въ прежнее время существовалъ обычай, дозволявшій отцу, или родственнику дѣвушки, при выдачѣ ея замужъ, брать съ жениха *іолъ*, что было ничто иное, какъ продажа. Въ послѣднее время, по согласію большинства жителей, іолъ воспрещенъ, чѣмъ значительно улучшилось положеніе женщинъ, служившихъ предметомъ промысла ихъ родственниковъ.

**) Этотъ адатъ, заимствованный изъ шаріата, даетъ поводъ къ неправильнымъ искамъ во многихъ случаяхъ, напримѣръ: старшій родственникъ, или старшій братъ, продастъ землю изъ нераздѣленнаго имѣнія и деньги употребляетъ на общую надобность; проходитъ 10, 15 и 20 лѣтъ, продавецъ умираетъ, а оставшіеся родственники, достигшіе совершеннолѣтія, требуютъ возвращенія земли у покупщика, доказывая, что продавшій совершилъ продажу безъ ихъ согласія; между-тѣмъ у продавца не осталось никакого имѣнія, такъ-что покупщикъ, возвративъ землю, остается безъ удовлетворенія. Или-же, что также часто случается, два брата, по согласію, продаютъ землю, но продажу совершаетъ одинъ изъ нихъ; проходитъ время, земля получаетъ большую цѣнность, часто купившій удабриваетъ ее, — тогда другой братъ предъявляетъ искъ, что земля продана безъ его согласія, что другой братъ, разумѣется, подтверждаетъ. Купившій принужденъ возвратить землю, получая отъ продавца только тѣ деньги, которыя онъ заплатилъ ему прежде. Вслѣдствіе этого, означенный адатъ, при разборѣ жалобъ въ судѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняется тѣмъ, что истцу предоставляется право требовать удовлетворенія не съ покупщика, а съ продавца.

***) Заимствованъ изъ шаріата.

Если покупщикъ откроетъ въ купленной имъ скотинѣ какіе-нибудь пороки, или недостатки, о существованіи которыхъ онъ при заключеніи торга не зналъ, то договоръ уничтожается, причемъ покупщикъ долженъ доказать, что эти пороки находились въ скотинѣ еще до совершенія покупки. Въ противномъ-же случаѣ договоръ остается въ своей силѣ.

Если какое-нибудь имущество, какъ, напримѣръ, садъ, домъ и т. п., находится въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ лицъ и одинъ изъ владѣльцевъ желаетъ продать принадлежащую ему часть, то онъ обязанъ предложить покупку ея своимъ сотоварищамъ, которые, при одинаковыхъ условіяхъ продажи, пользуются преимуществомъ передъ посторонними лицами на пріобрѣтеніе продаваемой части изъ общаго имѣнія.

Если отвѣтчикъ, при предъявленіи на него какой-либо претензіи, объясняетъ, что таковая дѣйствительно была, но имъ уже удовлетворена, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ представить въ подтвержденіе своего показанія ясныя доказательства. Если отвѣтчикъ въ удовлетвореніи имъ претензіи истца доказательствъ не имѣетъ, то истецъ обязанъ принять присягу въ томъ, что онъ удовлетворенія отъ отвѣтчика не получалъ, или-же можетъ предложить послѣднему принять присягу въ томъ, что онъ претензію истца удовлетворилъ, и дѣло рѣшается въ пользу того, кто выполнитъ присягу.

Если кто-нибудь заключилъ условіе съ другимъ, которое по какимъ-либо обстоятельствамъ не выполнилъ, то долженъ вознаградить убытки отъ этого происшедшія.

Если заключившій съ кѣмъ-либо условіе пожелаетъ передать другому исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ, то долженъ въ тоже время увѣдомить объ этомъ то лицо, съ которымъ заключилъ договоръ; въ случаѣ несоблюденія этого правила, онъ отвѣчаетъ за неуспѣхъ предпріятія.

Если какая-нибудь операція предпринимается нѣсколькими товарищами и выполненіе ея съ общаго согласія поручается одному изъ нихъ, то дѣйствія послѣдняго должны клониться къ общей пользѣ участниковъ въ предпріятіи. Онъ, производящій операцію, въ случаѣ необходимости принять такія мѣры, которыя выходятъ изъ круга обыкновенныхъ, допускаемыхъ обычаемъ, обязанъ спросить согласія своихъ товарищей по операціи, а если этого не исполнитъ, то отвѣчаетъ передъ ними за происшедшій отъ этого вредъ.

Если кто-нибудь засѣетъ чужое поле безъ позволенія хозяина, то вся жатва, за исключеніемъ сѣмянъ, которыя возвращаются засѣвателю, поступаетъ въ пользу хозяина земли.

Если чья-нибудь скотина потравила чужой посѣвъ или покосъ, то хозяинъ скотины отвѣчаетъ за потраву по оцѣнкѣ, производимой довѣренными лицами, выбираемыми обѣими заинтересованными сторонами. Если потрава несоразмѣрна числу найденнаго на хлѣбахъ или покосѣ скота, то хозяинъ скота обязанъ указать, чья еще скотина, кромѣ его, причинила потраву. Если-же онъ этого не знаетъ, то долженъ принять присягу въ томъ, во сколько онъ оцѣниваетъ причиненный его скотиною убытокъ, и платитъ обиженному, согласно выполненной имъ присягѣ. Скотину, находимую на посѣвахъ, хозяева хлѣбовъ должны только сгонять съ своихъ полей, и подвергаются отвѣтственности, если будетъ доказано, что чья-нибудь скотина убилась или пропала, вслѣдствіе того, что угнали ее далеко, въ такія мѣста, гдѣ она могла оборваться съ кручи, или другимъ образомъ погибнуть.

Если кто-нибудь найдетъ чужую скотину, то онъ не вправѣ ею располагать, а обязанъ немедленно объявить о томъ старшинѣ селенія, который доводитъ о пригульной скотинѣ до свѣдѣнія мѣстной власти. Если пригульная скотина, съ разрѣшенія власти, отдана кому-нибудь для сбереженія, то тотъ, кому это поручено, вправѣ употреблять скотину на свою работу, съ тѣмъ, чтобы ее кормить и за нею присматривать; если скотина у него падетъ, то онъ отвѣчаетъ за нее передъ хозяиномъ въ томъ только случаѣ, когда будетъ доказано, что онъ причинилъ ей смерть.

Если-же кто-нибудь употребляетъ пригульную скотину на свои работы, безъ вѣдома старшины, или безъ разрѣшенія начальства, то, при возникновеніи жалобы со стороны хозяина скотины, виновный подвергается отвѣтственности, какъ за присвоеніе себѣ чужой собственности *).

Общественный пастухъ обязанъ пригонять стадо только до въѣзда въ селеніе, а оттуда должны разбирать и пригонять домой скотину сами хозяева. Если при возвращеніи стада не окажется какой-нибудь скотины, то за пропажу ея отвѣчаетъ пастухъ; если-же пропажа случится въ деревнѣ, послѣ пригона стада домой, то пастухъ не подвергается отвѣтственности, такъ-

*) Въ силу этого адата никто не можетъ оправдываться при продажѣ чужой скотины тѣмъ, что она была имъ найдена.

какъ потеря скотины произошла отъ недосмотра самого хозяина *).

При назначеніи вознагражденія обиженной сторонѣ, въ особенности за кровь, гдѣ оно значительно, поступаетъ всякое имущество виновнаго, и онъ не имѣетъ права противорѣчить назначенію, исключая одного только случая, когда земля, предназначаемая въ уплату, составляетъ «вакфъ», т. е. такая, съ которой, по завѣщанію, часть дохода слѣдуетъ на мечеть. Но и въ этомъ случаѣ адатъ допускаетъ уваженіе, если только имѣется другое имущество, равноцѣнное таковой землѣ; въ противномъ случаѣ, не смотря на вакфъ, земля поступаетъ на удовлетвореніе, съ тѣмъ, чтобы тотъ, къ кому она поступитъ, взносилъ въ мечеть слѣдуемый доходъ.

Дополнительные адаты на нѣкоторые случаи. При выдачѣ дѣвушекъ въ замужество взамѣнъ, по взаимному условію, если съ одной стороны бракъ совершенъ, а съ другой нѣтъ, и женихъ умретъ, то дѣвушка, ему назначенная, должна поступить въ жены родному или двоюродному брату, или-же ихъ сыновьямъ **), а если таковыхъ родственниковъ у умершаго жениха не имѣется, то дальніе не могутъ требовать выдачи имъ назначенной въ замужество дѣвушки и она остается у своихъ родныхъ, но при этомъ то лицо изъ нихъ, которое заключило условіе, обязано удовлетворить кого слѣдуетъ за выданную дѣвушку деньгами или вещами, въ размѣрѣ на 60 рублей.

При выдачѣ дѣвушекъ въ замужество назначается приданое домашними вещами, которое поступаетъ:

а) если дѣвушка, по совершеніи кебина, перешла въ домъ мужа, то, въ случаѣ ея смерти, приданое остается мужу;

б) если отданная безъ замѣна дѣвушка, по совершеніи кебина, не перешла въ домъ мужа, то послѣ ея смерти вещи остаются ея роднымъ;

в) при замѣнѣ дѣвушекъ, когда обѣ стороны назначаютъ, съ какой цѣнности вещами должны быть онѣ выданы, если одна дѣвушка перешла къ мужу, а другая умретъ въ домѣ родныхъ, то

*) Этимъ адатомъ, относительно отвѣтственности пастуха, сами кюринцы въ точности не руководствуются, потому-что при подобныхъ условіяхъ никто не захочетъ принять на себя обязанность пастуха за ту дешевую плату, которую пастухи получаютъ отъ жителей.

**) При этомъ адатѣ, судъ соображается всегда съ желаніемъ дѣвушки и, въ случаѣ ея несогласія, склоняетъ на маслаатъ.

мужъ ея получаетъ половину вещей, назначенныхъ въ приданое, и половину отданныхъ имъ подарковъ, а самъ обязанъ уплатить кебинъ. Но если кебинъ не былъ совершенъ съ умершей, то противная сторона не имѣетъ права требовать половины таковыхъ вещей, не смотря на то, что невѣста, перешедшая къ мужу, отданная взамѣнъ умершей, унесла вещи назначенной цѣнности. Въ этихъ случаяхъ, вмѣсто умершей дѣвушки, назначенной взамѣнъ выданной, родные не обязаны отдавать другую, или уплачивать полныя деньги,

и г) если умретъ мужъ, то жена, возвращаясь изъ его дома къ роднымъ, получаетъ всѣ тѣ вещи, которыя остались въ цѣлости изъ числа унесенныхъ при ея замужествѣ въ приданое.

Въ случаѣ воровства изъ дома, въ которомъ владѣлецъ украденнаго имущества остановился проѣздомъ или гостемъ, хозяинъ дома за пропажу не отвѣчаетъ, если только къ обвиненію его не будетъ доказательствъ; но онъ обязанъ, по требованію истца, очиститъ себя и своихъ домашнихъ присягателями.

Если мужъ изобличенной въ прелюбодѣяніи жены объявитъ, что она для него чиста, то вмѣстѣ съ этимъ онъ лишается права и на удовлетвореніе со стороны обольстителя. Такимъ-же точно образомъ не можетъ требовать вознагражденія и отецъ, простившій обличенную въ прелюбодѣяніи дочь, если не объявитъ согласія выдать ее замужъ за виновнаго въ любовной съ нею связи.

Истецъ вправѣ требовать отъ подозрѣваемаго въ воровствѣ очистительную присягу даже и въ такомъ случаѣ, когда украденное имущество, вслѣдъ за объявленіемъ подозрѣнія, подброшено, или инымъ секретнымъ образомъ возвращено хозяину.

При взаимномъ убійствѣ, кровь засчитывается за кровь и родственники убитыхъ примиряются вслѣдъ за тѣмъ почетными жителями.

Если братья, или родственники, живутъ вмѣстѣ, пользуясь нераздѣльно имѣніемъ, и между ними не заключено какихъ-либо условій относительно имущества, то всѣ взысканія на уплату за кровь, по убійству, по прелюбодѣянію, за пораненіе, за кражу, въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо изъ нихъ этихъ преступленій, а также всѣ издержки на содержаніе дома, за исключеніемъ неправильной растраты и расходовъ на свадьбу, должны быть относимы на общее имущество. Такимъ-же образомъ и всякое пріобрѣтеніе кѣмъ-либо изъ нихъ поступаетъ въ общее достояніе.

Этотъ адатъ относится и къ постороннимъ, не родственни-

камъ, которые согласились добровольно жить вмѣстѣ, соединивъ свое имущество въ общее.

Если изъ числа нѣсколькихъ братьевъ, живущихъ вмѣстѣ, послѣ смерти ихъ отца, нѣкоторые изъ нихъ женятся, тогда-какъ другіе остаются холостыми, то, въ случаѣ раздѣла имѣнія, послѣдніе получаютъ больше противъ женатыхъ, на столько, на сколько простирается расходъ, сдѣланный при женитьбѣ изъ общаго имущества. Но если женатые вступили въ браки при жизни отца, то, при раздѣлѣ послѣ его смерти, холостые не получаютъ излишней противъ женатыхъ части, на томъ основаніи, что отецъ имѣлъ право сдѣлать расходъ на одного сына больше, чѣмъ на другого.

Въ случаѣ смертельнаго пораненія, совершеннаго безъ свидѣтелей, если умирающій назоветъ убійцу, то это обвиненіе не считается полнымъ, въ томъ вниманіи, что раненый, въ предсмертной агоніи, можетъ ошибиться, или выговорить не то имя, которое желаетъ (вслѣдствіе ненормальнаго состоянія чувствъ), и потому съ названнаго требуется только очистительная присяга *).

При совершеніи нечаяннаго убійства нѣсколькими лицами, если не будетъ открыто, кто именно изъ нихъ таковое учинилъ, назначается каждому очистительная присяга, и кого не очистятъ присягою, тотъ обязанъ уплатить за кровь. Если-же всѣ будутъ очищены присягою, то удовлетвореніе взыскивается со всѣхъ поровну. При этомъ случаѣ канлы не назначаются.

Если, во время драки, убійца будетъ раненъ, безъ увѣчья, убитымъ, то при удовлетвореніи за кровь послѣдняго цѣна раны убійцы не засчитывается и онъ обязанъ уплатить кровныя деньги полностью **).

---

*) Въ Табасаранскомъ наибствѣ подобное обвиненіе считается полнымъ, съ тѣмъ только условіемъ, что лица, слышавшія слова раненаго, какъ свидѣтели, должны быть извѣстны своею честностью, и имъ дается присяга вмѣстѣ съ 40-ка родственниками раненаго въ подтвержденіе истины показанія.

**) Въ нѣкоторыхъ магалахъ округа убійца теряетъ право вознагражденія и за увѣчье, но примѣненіе этого адата, при строгой справедливости, можетъ быть допущено въ такомъ только случаѣ, когда убійца первый былъ причиною драки, безъ уважительнаго на то побужденія, и получилъ увѣчье вслѣдствіе необходимой защиты.

II.

КАЙТАГО-ТАБАСАРАНСКІЙ ОКРУГЪ.

Сѣверная Табасарань.

Адаты по убійствамъ. Если кто убьетъ кого-либо, то во время оплакиванія тѣла (яса), немедленно, почетные старшины магала, собравшись и разсмотрѣвъ обстоятельства преступленія, назначаютъ трехъ человѣкъ въ канлы (убійцу и двухъ ближайшихъ его родственниковъ), а остальные обязаны прочесть молитву «фатиха». Спустя нѣсколько дней, вновь собираются эти-же старшины, штрафуютъ убійцу шестью штуками рогатаго скота и при этомъ освобождаютъ изъ-подъ крови одного изъ назначенныхъ трехъ канлы, оставивъ таковыми двухъ остальныхъ. Если-бы во время требованія обществомъ старшинъ отъ убійцы въ штрафъ шести штукъ скота или стоимости ихъ, онъ дерзнулъ противиться, то домъ его предавался огню.

По совершеніи убійства до учиненія первоначальнаго обряда —указанія канлы—всѣ члены фамиліи (тохума) убійцы не должны показываться родственникамъ убитаго, подъ опасеніемъ быть убитыми. По указаніи канлы, остальные члены фамиліи убійцы отъ преслѣдованія родственниковъ убитаго избавляются. Убійца (башъ-канлы) и одинъ изъ его родственниковъ (малъ-канлы) находятся въ преслѣдованіи отъ родственниковъ убитаго. По убійствѣ котораго-нибудь изъ нихъ, вражда между двумя тохумами прекращается и совершается примиреніе. Малъ-канлы предоставляется право, по истеченіи 40 дней послѣ назначенія его въ канлы, просить родственниковъ убитаго освободить его изъ-подъ крови; если онъ успѣетъ склонить ихъ къ тому, то платитъ отъ 50 до 100 р.; затѣмъ, прочтя родственникамъ убитаго молитву «фатиха», дѣлается свободнымъ отъ преслѣдованія, а убійца остается подъ кровью, до примиренія или убійства. Если этотъ послѣдній, до примиренія или убійства, умретъ своею смертію, то тѣмъ вражда не прекращается, а родственники его обязаны указать родственникамъ убитаго другого канлы, ближайшаго родственника убійцы.

Если-бы малъ-канлы, по истеченіи 40 дней, не хлопоталъ о выходѣ изъ-подъ крови, чтобы не платить денегъ отъ 50 до 100 р., то онъ преслѣдуется наравнѣ съ убійцею.

Если, по выходѣ малъ-канлы изъ-подъ крови, кто-нибудь изъ фамиліи убитаго произведетъ по немъ выстрѣлъ, то съ виновнаго взыскивается въ пользу общества одинъ быкъ или его стоимость; за рану-же обязанъ удовлетворить, а за убійство съ нимъ поступается какъ съ первоначальнымъ убійцей.

Если-бы родственники послѣдняго убитаго пожелали засчитать кровь за кровь, то это допускается; въ противномъ-же случаѣ оба убійцы остаются канлы.

Примиреніе башъ-канлы совершалось въ прежнее время слѣдующимъ порядкомъ:

1) если убитъ членъ слабаго тохума, а убійца человѣкъ зажиточный, но сильнаго тохума, то за кровь платилось имуществомъ на сумму 600 рублей;

2) если убитъ членъ сильнаго тохума человѣкомъ зажиточнымъ, но слабаго тохума, то убійца обязанъ, взявъ за руки своихъ дѣтей и жену, выйти изъ дома, оставивъ весь домъ со всею домашнею утварью родственникамъ убитаго, хотя-бы имѣніе его было вдвое болѣе цѣны за кровь (600 р.), и кромѣ того долженъ принять присягу въ томъ, что у него, кромѣ оставленнаго въ домѣ, никакого другого имущества нѣтъ;

3) если убійца бѣднаго состоянія и не имѣетъ столько имущества, чтобы удовлетворить родственниковъ убитаго, и родственники его, убійцы, не захотятъ ему помочь, а обиженные убійствомъ не удовлетворяются тѣмъ, что имѣетъ убійца, то этотъ послѣдній остается до своей смерти канлы *).

Если нѣсколько человѣкъ убьютъ кого-нибудь, и въ убійствѣ его никто не сознается, то каждый изъ нихъ обязанъ отдѣльно очистить себя присягою сорока человѣкъ. Если всѣ они успѣютъ очиститься, то сообща удовлетворяютъ за кровь, а если одинъ изъ нихъ не очистится, то только этотъ послѣдній удовлетворяетъ за кровь.

При очищеніи лицъ присягою сорока человѣкъ, 20 изъ нихъ назначаетъ истецъ поименно, а остальныхъ 20 приводитъ отвѣтчикъ, по своему усмотрѣнію.

Если членъ какой-нибудь фамиліи убитъ неизвѣстнымъ лицомъ и родственники его заподозрили кого-нибудь, то этотъ послѣдній обязанъ очистить себя присягою сорока человѣкъ; если

---

*) При открытіи округа опредѣлено взыскивать съ убійцы женщины 300 р., а мужчины 600 рублей.

онъ не очистится отъ подозрѣнія, то съ нимъ поступается какъ съ убійцею.

Если-бы въ обоюдной дракѣ оба были убиты, то засчитывается кровь за кровь, а если одинъ будетъ убитъ, а другой раненъ, и этотъ послѣдній излѣчится отъ ранъ и успѣетъ согласить родственниковъ убитаго на миръ, то платитъ за кровь за вычетомъ расходовъ, употребленныхъ на лѣченіе ранъ своихъ; кромѣ того, съ убійцы взыскивается штрафъ—6 штукъ рогатаго скота или стоимость ихъ.

Если между двумя тохумами или двумя обществами произойдетъ драка, отъ которой будутъ убитые и раненые, то смотря по числу убитыхъ съ обѣихъ сторонъ засчитывается кровь за кровь, а если съ которой-нибудь стороны больше убито, нежели съ другой, то за излишне-убитыхъ платится по 600 р. за каждаго, а за раны засчитывается тоже по расчету.

Если отецъ убьетъ своего сына или дочь, то за кровь не отвѣчаетъ; но отъ штрафа въ пользу общества не избавляется.

Если мать убьетъ сына или дочь, то она и родственники ея обязаны удовлетворить отца убитыхъ и заплатить штрафъ обществу.

Если мужъ убьетъ жену, то обязанъ удовлетворить за кровь родственниковъ ея и заплатить въ пользу общества штрафъ.

Кто убьетъ отца, тотъ обязанъ заплатить за его кровь другимъ братьямъ и сестрамъ своимъ, а если ихъ нѣтъ, то родственникамъ отца, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишается наслѣдства на его имѣніе; кромѣ того, платитъ обществу штрафъ.

Кто убьетъ мать свою, тотъ обязанъ заплатить родственникамъ ея за кровь и штрафъ въ пользу общества.

Если жена убьетъ своего мужа, то обязана удовлетворить за кровь родственниковъ мужа и уплатить штрафъ въ пользу общества.

Кто, заставши жену свою съ любовникомъ, убьетъ ихъ обоихъ на мѣстѣ, тотъ не отвѣчаетъ за убійство.

Если онъ убьетъ одного любовника, а жену оставитъ у себя, то обязанъ удовлетворить родственниковъ убитаго за кровь и заплатить обществу штрафъ.

Если онъ убьетъ жену, а любовникъ успѣетъ скрыться, то за убійство жены не отвѣчаетъ, но преслѣдуетъ ея любовника.

Если онъ убьетъ любовника, а жена успѣетъ скрыться и онъ оставитъ ее безъ преслѣдованія, то обязанъ удовлетворить

за его кровь, а если хотя и черезъ нѣсколько времени убьетъ жену свою, то за кровь любовника ея не отвѣчаетъ.

Кто убьетъ беременную женщину, тотъ платитъ за кровь, какъ ея, такъ и плода ея: если плодъ мужского пола, то платитъ полторы крови, а если женскаго пола или по незрѣлости его нельзя различить, то платитъ за одну кровь.

Если кто неумышленно убьетъ кого-либо, тотъ, по желанію родственниковъ убитаго, обязанъ удовлетворить ихъ какъ за умышленное убійство.

Если сумасшедшій или несовершеннолѣтній совершитъ убійство, то онъ отъ платежа за кровь не избавляется.

Мѣстные врачи (джарахи), за неудачное лѣченіе или за операцію, отъ которой больной умеръ, не отвѣчаютъ.

Адаты по пораненіямъ. Если кто ранитъ кого-либо, то обязанъ пригласить врача (джараха), который, пользуя раненаго, живетъ на всемъ довольствіи виновнаго.

Если раненый отъ этихъ ранъ умретъ, то виновный удовлетворяетъ врача и самъ дѣлается канлы, какъ по убійству.

Если раненый вылѣчится, то врачъ опредѣляетъ стоимость раны; назначенная сумма дѣлится на три части, изъ коихъ двѣ части получаетъ раненый и одну часть врачъ.

Если раненый лишится какого-нибудь дѣйствующаго члена, т. е. руки, ноги или глаза, то получаетъ удовлетвореніе за полкрови.

Если кто-нибудь изъ раненыхъ взведетъ подозрѣніе на кого-либо въ пораненіи его, а тотъ въ томъ не сознается, то подозрѣваемый обязанъ очистить себя присягою: если рана незначительна—съ 6-ю, а если значительна, то съ 12-ю лицами; въ противномъ случаѣ обязанъ удовлетворить раненаго, какъ сказано выше.

Если въ дракѣ между нѣсколькими лицами кто-нибудь раненъ, и въ пораненіи его никто не сознается, то каждый изъ находившихся при томъ долженъ очистить себя присягою. Если всѣ успѣютъ очиститься, то удовлетворяютъ раненаго сообща; если-же кто изъ нихъ не успѣетъ принять присягу, то онъ одинъ удовлетворяетъ за рану.

Если кто раненъ и укажетъ на кого-нибудь, какъ на виновнаго въ этомъ, то отъ раненаго требуются свидѣтели; если онъ представитъ свидѣтелей и они примутъ присягу, то обвиняемый обязанъ удовлетворить раненаго.

Если раненый вылѣчится и, получивши удовлетвореніе съ виновнаго, черезъ нѣсколько времени умретъ и родственники его потребуютъ отъ поранителя удовлетвореніе, доказывая, что раненый умеръ отъ ранъ, то претензія ихъ отвергается адатомъ *).

Кто поранитъ беременную женщину, отчего она выброситъ плодъ, тотъ обязанъ удовлетворить ее какъ за увѣчье, такъ и за плодъ ея, смотря по тому, какого онъ пола.

Если чья-нибудь собака укуситъ кого-нибудь и хозяинъ ея будетъ предупрежденъ о томъ въ первый разъ, то за второе укушеніе хозяинъ собаки обязанъ удовлетворить за рану.

Если чья-нибудь лошадь или скотина, замѣченная уже въ причиненіи людямъ вреда, вновь нанесетъ таковой кому-либо, то хозяинъ ея отвѣчаетъ за ушибы и убійства.

Если сумасшедшій или несовершеннолѣтній учинитъ какое-нибудь пораненіе, то онъ удовлетворяетъ по адату наравнѣ съ прочими.

За неумышленное пораненіе виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное, если родственники раненаго того пожелаютъ.

Адаты по прелюбодѣяніямъ и похищенію женщинъ. Кто уведетъ дѣвицу, тотъ обязанъ склонить родственниковъ ея разрѣшить ему совершить съ нею кебинъ—и помириться. Если отецъ ея живъ, то безъ его согласія кебинъ не можетъ быть совершенъ, а если отца нѣтъ въ живыхъ, то и безъ согласія остальныхъ родственниковъ, по одному лишь согласію дѣвицы, кебинъ совершается. За разрѣшеніе совершить кебинъ, отецъ получаетъ отъ похитителя 600 руб. и мирится съ нимъ. Если, при похищеніи дѣвицы, родственники ея догонятъ похитителя и убьютъ обоихъ, то за убійство не преслѣдуются.

Если кто похититъ просватанную дѣвушку и скроется съ нею, то родитель ея обязанъ возвратить жениху все то, что имъ издержано во время сватовства по день похищенія его дочери, и ему предоставляется право преслѣдовать похитителя, какъ канлы. Если, во время преслѣдованія похитителя съ похищенною, родственники послѣдней убьютъ перваго, а дѣвушка успѣетъ скрыть-

*) Назначеніе лицъ по требованію истцовъ къ присягѣ производится слѣдующимъ образомъ: когда требуется присяга съ 6-ю лицами, то назначается 9 человѣкъ: три ближайшихъ родственника, три лица изъ другой фамиліи и три изъ третьей фамиліи; изъ этого числа отвѣтчикъ долженъ выбрать трехъ и представить трехъ по своему усмотрѣнію, а гдѣ требуется 12 присягателей, тамъ назначается по шести, три раза, тѣмъ же порядкомъ.

ся, то они за убійство не отвѣчаютъ, буде родственники похитителя не приняли похищенной къ себѣ въ домъ. Если-бы она вошла въ ихъ домъ и они пожелали-бы принять ее въ свое семейство, расчитывая совершить кебинъ за брата убитаго при похищеніи ея, то могутъ сдѣлать предложеніе ея родителямъ, чтобы они долѣе не преслѣдовали ея, что и они съ своей стороны не будутъ искать крови своего сына. Въ такомъ случаѣ совершается кебинъ и они между собою мирятся. Если-бы дѣвушка вошла не въ домъ своего похитителя, а въ чей-либо посторонній, то хозяинъ дома ее ни за что не выдаетъ, и если-бы онъ пожелалъ взять ее за себя или за кого-нибудь изъ членовъ своего семейства, то обязанъ просить на то согласія у отца убитаго и у ея отца, а главное у отца перваго, безъ чего кебинъ не можетъ быть совершенъ. Кромѣ того, желающій взять эту дѣвушку за кого-нибудь изъ членовъ своего семейства, можетъ заплатить за кровь убитаго похитителя и совершить кебинъ. Если-бы эта дѣвушка во время преслѣдованія вбѣжала въ домъ бека, то она освобождалась отъ преслѣдованія, но поступала въ вѣчныя рабыни бека, который распоряжался ею по своему усмотрѣнію. Съ похитителя взыскивался штрафъ — шесть штукъ рогатаго скота въ пользу общества *).

Кто уведетъ вдову, съ того взыскивается штрафъ—три штуки рогатаго скота, и съ ея согласія совершается кебинъ.

Кто похититъ чужую жену, тотъ преслѣдуется мужемъ и родственниками ея; если, во время преслѣдованія, мужъ догонитъ и убьетъ обоихъ бѣжавшихъ, то за убійство ихъ не преслѣдуется. Если онъ убьетъ похитителя, а жену приметъ къ себѣ въ домъ, то отвѣчаетъ за кровь. Если убьетъ ее, а похититель скроется, то онъ за убійство жены не преслѣдуется, а самъ преслѣдуетъ похитителя, какъ канлы, и вѣчно не мирится съ нимъ. Если похититель успѣлъ скрыться съ похищенною, то отъ мужа зависитъ дать разводъ своей женѣ, или вѣчно преслѣдовать ихъ обоихъ. До развода, они оба его враги, канлы, а послѣ дачи развода мужъ не вправѣ преслѣдовать ее, а уже преслѣдуетъ одного похитителя, какъ канлы. Если, до дачи мужемъ развода женѣ своей, похититель будетъ хлопотать о примиреніи, то мужъ можетъ требовать сколько ему угодно, но не выше цѣны крови,

*) Адатъ этотъ, какъ относительно поступленія въ рабыни, такъ и относительно штрафа, нынѣ не примѣняется.

т. е. 600 р., а если самъ даетъ разводъ женѣ своей, то во время примиренія можетъ получить отъ похитителя только за полкрови, т. е. 300 руб.; за остальныя полкрови похититель покупаетъ у родителей похищенной позволеніе на совершеніе кебина, которые могутъ дать согласіе на кебинъ, и ничего не взявши. Если-бы похищенная, по какому-либо случаю, отказалась отъ своего похитителя (чего, однако, до сего времени не случалось), то обязана половину убытка, понесеннаго черезъ похищеніе ея, возвратить похитителю *).

Если кто лишитъ невинности дѣвушку и она, прійдя домой, скажетъ о томъ своимъ роднымъ, то родные требуютъ отъ названнаго дѣвушкою виновнаго очистительной съ 40-ка лицами присяги; если онъ не въ состояніи очиститься и если отецъ убьетъ дочь свою, то виновный платитъ штрафъ—шесть штукъ рогатаго скота въ пользу общества и самъ дѣлается канлы отца лишенной имъ невинности дѣвушки, а если отецъ не убьетъ своей дочери, то виновный, кромѣ штрафа въ пользу общества, платитъ отцу ея 60 руб.

Лишившій невинности дѣвушку не можетъ противу желанія отца ея жениться на ней, а если отецъ дѣвушки пожелаетъ выдать ее за растлителя, то, хотя-бы виновный и не желалъ того, совершается кебинъ.

За изнасилованіе вдовы съ виновнаго взыскивается штрафъ —три штуки рогатаго скота.

Если изнасилована замужняя женщина, то мужъ ея требуетъ отъ виновнаго очистительной присяги съ 40-ка лицами; если онъ не успѣетъ очиститься, то дѣлается канлы, и то въ такомъ только случаѣ, если мужъ убьетъ жену свою; въ противномъ-же случаѣ убить виновнаго запрещается. Съ него взыскивается шесть шкукъ рогатаго скота въ пользу общества и 60 руб. въ пользу мужа.

Адаты по воровствамъ. Если у кого будетъ украдена кѣмъ-либо скотина и виновный въ воровствѣ сознается, то удовлетворяетъ обиженнаго стоимостью оной.

Если у кого пропадетъ скотина или лошадь и воръ неизвѣстенъ, то обиженный ищетъ вора. Если, по издержаніи рушпета, ему указанъ будетъ воръ, то онъ обращается къ нему, тре-

*) По похищеніямъ женщинъ, кромѣ самого виновнаго, никто другой въ канлы не назначается и никакой отвѣтственности не подвергается.

буя удовлетворенія; если тотъ сознается, то удовлетворяетъ обиженнаго, какъ за скотину, такъ и за издержки, понесенныя на открытіе вора, а если не сознается, то обязанъ очистить себя присягою шести человѣкъ: трехъ по назначенію обиженнаго воровствомъ и трехъ по своему усмотрѣнію; если онъ не выполнитъ требуемой присяги, то удовлетворяетъ обиженнаго, въ противномъ-же случаѣ отъ взысканія освобождается. Если затѣмъ свидѣтель, указавшій вора, убѣжденъ въ томъ, что воръ очистился неправильно, а ему фактически извѣстно, что это воровство учинено указаннымъ имъ лицомъ, то онъ требуетъ съ обиженнаго воровствомъ второй рушпетъ, чтобы выйти и явно уличить вора. Тогда обиженный воровствомъ обязанъ предупредить вора объ этомъ, и когда послѣдній согласится на улику и плату двойного рушпета, то свидѣтель обнаруживаетъ себя и обличаетъ вора. Голословное его показаніе не имѣетъ силы, а онъ обязанъ двойнымъ числомъ людей противу принятой присяги воромъ опровергнуть его присягу, а именно, воръ назначаетъ свидѣтелей 18 человѣкъ: шесть изъ ближайшихъ его родственниковъ, шесть изъ другого тохума и шесть изъ третьяго тохума, изъ коихъ свидѣтель обязанъ представить шесть человѣкъ изъ названныхъ поименно и шесть кого самъ пожелаетъ. По принятіи этой присяги, уничтожается первая присяга вора, — и онъ удовлетворяетъ обиженнаго воровствомъ: какъ стоимостью уворованнаго у него скота, такъ и заплаченнымъ рушпетомъ *).

Если у кого пропадетъ какая-нибудь скотина или лошадь, которую черезъ нѣсколько времени онъ опознаетъ гдѣ-нибудь, то онъ обязанъ объявить о томъ старшинѣ или кому-нибудь изъ жителей селенія, въ которомъ проживаетъ владѣлецъ опознанной скотины; этотъ послѣдній долженъ хранить ее до-тѣхъ-поръ, пока опознавшій ее не явится съ требуемыми адатомъ доказательствами на дѣйствительную принадлежность ему опознаннаго. Обиженный воровствомъ возвращается въ свою деревню, объявляетъ о томъ своему кази или муллѣ и проситъ составить «айнамалъ-кагазъ» (свидѣтельство, въ которое вписываются всѣ примѣты уворованнаго) на имя кази того мѣста, гдѣ опознано уворованное. Съ этою бугмагою и двумя свидѣтеля-

*) Подозрѣваемому въ воровствѣ назначаютъ для принятія присяги къ оправданію его девять человѣкъ: трехъ изъ ближайшихъ его родственниковъ, трехъ изъ посторонняго тохума и трехъ изъ третьяго тохума, изъ коихъ онъ обязанъ назначить трехъ и кромѣ того трехъ по своему усмотрѣнію.

ми, знавшими его скотину еще до пропажи, приходитъ онъ на то мѣсто, гдѣ опознана лошадь или скотина. Мѣстная власть (молла —старшина) распоряжается, чтобы опознанный предметъ былъ выведенъ съ нѣсколькими другими, подобными ему. Потомъ предъявляютъ опознавшему, безъ свидѣтелей, есть-ли между этими предметами его лошадь или скотина; когда онъ объявитъ, что есть, тогда его отводятъ въ сторону и приводятъ одного изъ свидѣтелей, котораго спрашиваютъ о томъ-же; когда онъ тоже скажетъ, что есть, и укажетъ, которая именно, тогда и онъ отводится въ сторону. Затѣмъ приводится другой свидѣтель; если и этотъ укажетъ на ту-же самую скотину, то этимъ свидѣтелямъ не должно давать присяги, а слѣдуетъ отдать опознанное. Но для большей неопровержимости доказательства имъ дается присяга. Опознанная лошадь или скотина передается опознавшему оную, и послѣдній выдаетъ владѣвшему ею айнамалъ-кагазъ, 20 коп. денегъ и поларшина холста; получившій эту бумагу, если самъ онъ не воръ, отдаетъ ее тому, отъ кого ему досталась опознанная лошадь или скотина, и отъ него получаетъ удовлетвореніе.

Если у кого украдена лошадь и нѣсколько штукъ скота и воръ неизвѣстенъ, то онъ даетъ знать своимъ кунакамъ объ этой потерѣ и проситъ о розысканіи уворованнаго. Если кто-нибудь изъ нихъ явится къ нему и потребуетъ рушпетъ, то обиженный воровствомъ даетъ ему извѣстную сумму денегъ. Свидѣтель объявляетъ, что одну пропавшую его скотину онъ видѣлъ у такого-то, ведетъ его къ нему и указываетъ эту скотину; владѣющій ею требуетъ такихъ-же доказательствъ, какія изложены выше, по исполненіи чего онъ обязанъ удовлетворить обиженнаго за всю его потерю или указать то лицо, отъ котораго онъ пріобрѣлъ опознанную у него скотину; этотъ указываетъ другого и т. д. Послѣдній, т. е. настоящій воръ, удовлетворяетъ обиженнаго за всю потерю, съ рушпетомъ.

Если воромъ чьей-либо скотины указывается покойникъ, то указывающій обязанъ подтвердить присягою 12-ти человѣкъ на могилѣ этого покойника, что погребенный въ этой могилѣ дѣйствительно уворовалъ принадлежащую такому-то скотину; по выполненіи этой присяги въ присутствіи родственниковъ обвиняемаго, взысканіе падаетъ на его имѣніе.

Если въ воровствѣ чьей-либо скотины указывается на жителя посторонней деревни, то свидѣтель обязанъ за три дня дать знать ему, чтобы онъ вышелъ на *орталыгъ* (мѣсто разбора дѣлъ);

на другой день повторяется вызовъ; на третій день, когда выходятъ на орталыгъ, опять даютъ знать обвиняемому лицу. Если онъ не явится къ полудню, то ждутъ до сумерекъ; если онъ и къ сумеркамъ не явится, то обиженный и свидѣтель, принявъ присягу съ шестью своими родственниками, дѣлаютъ выстрѣлы и возвращаются, а не явившійся считается воромъ и обязанъ удовлетворить обиженнаго *).

Если нѣсколько человѣкъ учинили одно воровство и одинъ изъ нихъ, взявъ рушпетъ съ обиженнаго, указалъ своихъ соучастниковъ и это узнаютъ его товарищи, то за воровство отвѣчаютъ сообща, а рушпетъ возвращаетъ доказчикъ.

Если по какому-либо воровству обличенъ кто-нибудь, который, имѣя участниковъ, скроетъ ихъ до удовлетворенія обиженнаго, то послѣ того претензія его къ нимъ не принимается во вниманіе.

Если въ чьемъ-либо домѣ встрѣтится два кунака, незнакомыхъ другъ другу, и при домохозяинѣ учинятъ промѣнъ скотины или лошади и впослѣдствіи у котораго-нибудь изъ нихъ будетъ опознана таковая, то тотъ, у котораго опознана лошадь или скотина, обращается къ домохозяину и проситъ его указать то лицо, съ которымъ учиненъ промѣнъ. Хозяинъ дома обязанъ указать его, въ противномъ случаѣ удовлетворяетъ обиженнаго воровствомъ изъ собственности.

Если въ чьемъ-нибудь домѣ остановится кунакъ, у котораго въ ту ночь похитятъ изъ конюшни лошадь или скотину, и вмѣстѣ съ тѣмъ возьмутъ что-нибудь у хозяина дома, то они оба ищутъ вора. Если кунакъ имѣетъ при этомъ подозрѣніе на домохозяина, то требуетъ отъ него очистительной присяги. Если-же воровство случилось безъ ущерба домохозяину, то этотъ послѣдній безотговорочно удовлетворяетъ своего кунака стоимостью пропажи, и самъ ищетъ вора.

Если учинено у кого-нибудь въ домѣ воровство со взломомъ стѣны, и воръ неизвѣстенъ, то, по подозрѣнію, требуется очистительная присяга: при воровствѣ женскаго платья съ 12-ю, а безъ этого съ 6-ю лицами.

Если кто-нибудь пойманъ въ виноградномъ саду, когда виноградъ зрѣетъ, то сторожа (курухчи) имѣютъ право, хотя-бы

---

*) Адатъ этотъ нынѣ не примѣняется.

онъ и не взялъ винограду, зарѣзать у него быка; впрочемъ, онъ, по согласію съ курухчи, можетъ выкупить своего быка, заплативъ отъ 1 до 5 руб. *).

Адаты по поджогамъ. Если у кого подожженъ самманникъ, стогъ сѣна, хлѣбъ въ стогахъ и на корню, и виновный извѣстенъ, то потерпѣвшій получаетъ удовлетвореніе съ виновнаго по стоимости сгорѣвшаго **).

Если виновный непзвѣстенъ, а подозрѣвается, или извѣстенъ и не сознается, то ему дается присяга съ 40-ка родственниками; не исполнившій этого удевлетворяетъ обиженнаго за его потерю и платитъ въ пользу общества штрафъ ***).

За поджогъ дома, орѣховыхъ деревьевъ и проч. взыскивается по стоимости сгорѣвшаго, но если въ домѣ сгорѣли люди, то взыскивается за ихъ кровь и штрафъ, какъ за убійство.

Адаты по взысканію долговъ. Если кто долженъ деньги или что-нибудь изъ имущества и отъ уплаты отказывается, то отъ истца требуется два свидѣтеля, которые обязаны принять присягу, вмѣстѣ съ истцомъ, въ томъ, что претензія послѣдняго справедлива; тогда отвѣтчикъ обязанъ удовлетворить его, а если истецъ не имѣетъ свидѣтелей, то отвѣтчику дается очистительная присяга.

Если кто объявитъ претензію за долгъ къ кому-нибудь и этотъ послѣдній въ томъ сознается, но объявитъ, что заплатилъ, то отъ него требуются свидѣтели; если ихъ нѣтъ, то онъ обязанъ очистить себя присягою.

Если должникъ окажется несостоятельнымъ, то имущество его дѣлится между его кредиторами, или-же ему дается отсрочка для заработковъ и удовлетворенія кредиторовъ ****).

---

*) Воровство вещей и всякаго имущества розыскивается и взыскивается, какъ и воровство скота.

**) Прежде взыскивался при этомъ съ виновнаго штрафъ въ пользу общества — шесть штукъ рогатаго скота, или стоимость ихъ.

***) Если явится свидѣтель уличать кого-нибудь въ учиненіи поджога, то свидѣтельство свое онъ долженъ подкрѣпить присягою съ 40-ка лицами, изъ коихъ половину назначаетъ отвѣтчикъ, а остальныхъ приводитъ свидѣтель, по своему усмотрѣнію.

****) По займамъ денегъ никакихъ письменныхъ документовъ не употребляется.

Адаты, относящіеся до убытковъ, причиняемыхъ покоснымъ и пахотнымъ мѣстамъ. Если у кого на полѣ сдѣлана потрава чьимъ-либо скотомъ, то общество посылаетъ двухъ человѣкъ опредѣлить стоимость потравы; потомъ обиженный взыскиваетъ съ хозяина скота удовлетвореніе.

Если обвиняемый въ потравѣ не сознается, то отъ обиженнаго потравою требуется два свидѣтеля; если онъ таковыхъ не имѣетъ, то обвиняемому дается присяга.

Общество, для сбереженія жительскихъ хлѣбовъ и покосовъ, назначаетъ караульщика, «курухчи», который слѣдитъ за тѣмъ, чтобы скотина не травила оберегаемыхъ имъ полей. За пойманную скотину на полѣ въ первый разъ, онъ получаетъ отъ хозяина оной одинъ чурекъ, во второй разъ и далѣе — по одной килѣ пшеницы или другого хлѣба.

Если хозяинъ скота, найденнаго на общественныхъ посѣвахъ и поляхъ, не признаетъ объявленіе курухчи справедливымъ, то для утвержденія показанія курухчи достаточно присяги этого послѣдняго.

Если чья-либо скотина найдена въ виноградномъ саду, во время поспѣванія винограда, то хозяинъ ея платитъ курухчи одну сабу пшеницы.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Всякій мужчина, желающій жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ, долженъ заплатить за нее условленную плату (іолъ-пули) ея родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ—опекуну (векилю) *).

Если мужчина, сватая дѣвушку изъ другого семейства, условливается въ свою очередь выдать за кого-нибудь изъ членовъ того семейства, свою сестру или дочь, то въ такомъ случаѣ іолъ-пули не платилось и обмѣнъ этотъ называется башъ-баша.

Если при этомъ сватовствѣ дѣвица одной стороны не достигла еще возраста, въ который дозволяется вступать въ бракъ, то ея сторона доплачивала, по условію, тому семейству, изъ котораго бралась совершеннолѣтняя дѣвушка.

Обрученіе совершается слѣдующимъ образомъ: со стороны жениха назначается два человѣка сватовъ, которые приходятъ въ домъ нѣвѣсты и приносятъ, по обыкновенію, *нишанъ*, состоящій изъ кольца, платка и другихъ подарковъ; по принятіи ихъ,

*) Адатъ этотъ отмѣненъ въ 1862 г., причемъ объявлено, чтобы, кромѣ кебина, ничего не платить, а кебинъ назначенъ отъ 30 до 40 руб.

дѣвица считается обрученною невѣстою и не имѣетъ права отказываться отъ своего жениха, въ противномъ-же случаѣ родственники ея обязаны возвратить жениху всѣ расходы вдвое, а если женихъ откажется отъ своей невѣсты, то лишается подарковъ, присланныхъ во время обрученія въ домъ невѣсты, какъ равно не получаетъ и издержекъ, произведенныхъ при сватовствѣ.

Отецъ имѣетъ полное право распорядиться дочерью; одинъ онъ можетъ выдать ее замужъ противу ея желанія; остальные родственники не вправѣ распоряжаться ею. Если какую-нибудь дѣвушку отецъ просваталъ за кого-нибудь и до совершенія кебина умеръ, то дѣвушка та можетъ отказаться отъ своего жениха, и родственники ея, не имѣя права заставить ее выйти за своего жениха, обязаны удовлетворить послѣдняго, какъ сказано выше.

Если два семейства породнились между собою, т. е. обручили одинъ у другого дѣвушекъ (башъ-баша), и у котораго-нибудь изъ этихъ семействъ умерла дѣвушка, то родные или родственники ея обязаны выдать другую, въ противномъ-же случаѣ обязаны заплатить іолъ-пули.

Опредѣленной цѣны іолъ-пули не было; оно совершенно зависѣло отъ обоюдныхъ условій и доходило отъ 100 до 400 руб. Обыкновенно, за дѣвушку платилось болѣе, нежели за вдову.

За исключеніемъ іолъ-пули, назначается кебинъ, т. е. женихъ записываетъ женѣ своей кебинныя деньги: если невѣста дѣвица, то отъ 15 до 40 руб., а если вдова, то отъ 5 до 20 руб., что составляетъ неотъемлемую собственность женщины. Если по совершеніи кебина дѣвушка окажется нецѣломудренною, то женихъ ея имѣетъ право потребовать отъ родителей дѣвушки въ возвратъ іолъ-пули и развестись съ нею.

Мужъ имѣетъ право во всякое время дать разводъ своей женѣ, причемъ обязанъ удовлетворить ее кебинными деньгами и возвратить ей все то, что она принесла изъ дома своихъ родителей, исключая тѣхъ вещей, которыя сдѣланы не по желанію жениха, а по волѣ родныхъ ея.

Жена имѣетъ право требовать развода отъ своего мужа только въ трехъ случаяхъ: а) если мужъ не въ состояніи исполнять своихъ супружескихъ обязанностей; б) если онъ зараженъ прилипчивою болѣзнью и в) если, по бѣдности своей, онъ не въ состояніи прилично содержать ее.

ВЕРХНІЙ КАЙТАГЪ.

Магалы: Ганкъ, Гапшь и Мюра.

Адаты по убійствамъ. Если кто-нибудь убилъ кого-либо и въ убійствѣ сознался, то онъ обязанъ тотчасъ удалиться изъ деревни, выдавъ *шаріатъ-ахча* 4 р. 25 к., послѣ чего назначается семь человѣкъ въ канлы изъ ближайшихъ родственниковъ убійцы. Затѣмъ между родственниками убитаго и убійцы совершалось лицезрѣніе (бетъ-гёрмагъ) *). Какъ убійца, такъ и остальные канлы, не должны оставаться въ деревнѣ и не должны возвращаться домой, — убійца до примиренія съ врагами, а прочіе до 40 дней. Если убійца до примиренія прійдетъ домой и о томъ узнаютъ враги, то тотчасъ просятъ объ удаленіи его, и за принятіе взыскиваютъ съ его имѣнія или съ родственниковъ его за каждый вечеръ по одному быку. Остальные канлы, по истеченіи 40 дней отъ дня назначенія ихъ въ канлы, обязаны явиться къ своему сельскому муллѣ и объявить о своемъ прибытіи и каждый отдѣльно принять присягу съ 40 человѣками, въ томъ, что они за сорокадневную отлучку ни разу не ступили ногой на землю своей деревни, въ противномъ-же случаѣ платятъ родственникамъ убитаго: шесть по 2 р., а седьмой 8 руб. **).

Если кто убьетъ кого-нибудь и въ убійствѣ не сознается, то отъ истца требуются свидѣтели; если истецъ выставитъ свидѣтеля одного, то этотъ послѣдній обязанъ показаніе свое подтвердить присягою 40-ка человѣкъ и кромѣ того истецъ подкрѣпляетъ показаніе своего свидѣтеля; а если свидѣтелей два человѣка, то каждый изъ нихъ долженъ принять присягу съ тремя человѣками.

Если кто убитъ въ собственномъ своемъ домѣ, саду, на собственной землѣ, арбѣ или изъ засады, то убійство это называется «караканъ»; убійца выдаетъ родственникамъ убитаго семь шаріатъ-ахча, полагая каждый по 4 руб. 25 коп., и семь человѣкъ канлы. Послѣдніе обязаны заплатить каждый по 60 руб. родственникамъ убитаго или-же должны удалиться изъ деревни

*) Адатъ этотъ теперь не примѣняется.

**) Канлы эти могутъ, и не выходя изъ деревни на означенный срокъ, заплатить шесть—по 2 руб., а седьмой—8 руб. Родственники убитаго, кромѣ самого убійцы, другихъ канлы убивать не имѣютъ права.

и не возвращаться въ нее. По уплатѣ-же означенной суммы, прочтя молитву «фатиха», они остаются въ своемъ домѣ. Если-бы родственники убитаго, до полученія денегъ, убили кого-нибудь изъ канлы, то вражда прекращается и первый убійца возвращается домой; остальные-же канлы отъ платежа каждый 60 р. не избавляются.

Если два человѣка, поссорясь между собою, убьютъ одинъ другого, то засчитывается кровь за кровь и между родственниками ихъ вражды не остается.

Если одинъ будетъ убитъ, а другой тяжко раненъ, то этотъ послѣдній обязанъ тотчасъ послѣ смерти перваго удалиться, выдавъ шаріатъ-ахча и семь человѣкъ канлы.

Если послѣ того раненый умретъ, то тѣло его не можетъ быть привезено въ деревню для погребенія, а родственники его обязаны испросить на то позволеніе родственниковъ убитаго, пославъ имъ одного трехлѣтняго быка, или деньгами 8 руб.

Когда между двумя тохумами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые, и если убитыхъ съ обѣихъ сторонъ равное число, то засчитывается кровь за кровь; а если съ одной стороны больше убитыхъ, чѣмъ съ другой, то та сторона, съ которой убитыхъ больше, требуетъ отъ противной стороны платы за превышающее число кровей. Если кто изъ раненыхъ, до своей смерти, назначитъ, отъ чьей пули онъ умретъ, то, не принимая никакихъ отговорокъ, съ названнымъ лицомъ поступается какъ съ убійцею; въ противномъ-же случаѣ тохумъ, въ которомъ больше убитыхъ, требуетъ предъявленія нѣсколькихъ пуль противной стороны, на тотъ конецъ, чтобы выбрать себѣ канлы за число убитыхъ свыше своихъ.

Если между двумя обществами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые, и если убитыхъ съ обѣихъ сторонъ будетъ равное число, то засчитывается кровь за кровь, а если съ одной стороны больше, то противная сторона обязана заплатить по числу кровей.

Если между нѣсколькими лицами произойдетъ драка, въ которой будетъ одинъ убитый, и въ убійствѣ его никто не сознается, то родственникамъ убитаго предъявляются пули участвовавшихъ въ дракѣ; чья пуля будетъ выбрана, тотъ дѣлается канлы.

Если отецъ убьетъ сына или дочь, то хотя онъ за убійство никому не отвѣчаетъ, но отъ платежа штрафа въ пользу общества не избавляется. Штрафъ — трехлѣтній быкъ, или 8 руб.

Кто убьетъ отца, тотъ обязанъ удалиться, если того пожелаютъ остальные члены его семейства; въ противномъ-же случаѣ онъ остается дома и платитъ штрафъ въ пользу общества, т. е. трехлѣтняго быка, или 8 руб. *).

Если мать убьетъ сына или дочь при жизни мужа, и этотъ послѣдній потребуетъ отъ нея кровь, то она обязана удалиться, какъ убійца, и съ нею поступается какъ съ канлы.

Если мать убьетъ сына или дочь, послѣ смерти мужа, то она никѣмъ не преслѣдуется **).

Если мужъ убьетъ жену, то онъ обязанъ удалиться, какъ убійца. Если у него есть дѣти, которыя пожелаютъ простить ему убійство матери, то имѣютъ на это право, пригласивъ его быть главой ихъ семейства; но отъ штрафа въ пользу общества онъ не избавляется; при этомъ, по явкѣ, онъ обязанъ угостить весь тохумъ жены и помириться съ нимъ.

Если жена убьетъ мужа, то съ нею поступается на основаніи общаго адата по убійству.

Если кто убьетъ брата или сестру, то отъ остальныхъ братьевъ и сестеръ зависитъ преслѣдовать его или простить; во всякомъ случаѣ съ убійцы взыскивается въ пользу общества штрафъ.

Кто убьетъ беременную женщину, тотъ обязанъ выдать два шаріатъ-ахча и двухъ канлы, и кромѣ того семь канлы на основаніи общаго адата по убійству.

Неумышленное убійство преслѣдуется какъ и умышленное.

Если сумасшедшій или несовершеннолѣтній учинятъ убійство, то они подлежатъ преслѣдованію по общему для убійцъ адату.

Если чья-либо лошадь или скотина убьетъ кого-нибудь, то хозяинъ оной платитъ родственникамъ убитаго 60 руб. ***).

---

*) Если члены семейства потребуютъ, чтобы убійца удалился, то онъ лишается права на наслѣдство отца; если-же нѣтъ, кромѣ его, никого въ семействѣ, то онъ дѣлается владѣльцемъ всего наслѣдства отца и никѣмъ не преслѣдуется.

**) По всѣмъ вышеприведеннымъ примѣрамъ общество взыскиваетъ съ каждаго преступника по одному трехлѣтнему быку, или деньгами 8 руб.

***) Свидѣтелями по убійствамъ не допускаются: враги отвѣтчика и родственники истца; врагами называются тѣ люди, которые не раздѣляютъ грусть и радость (хеиръ-шара). При примиреніи, за кровь платится отъ 300 до 400 р. Какъ для подкрѣпленія показаній свидѣтелей, такъ и по присягѣ для очищенія отъ подозрѣнія, не назначаютъ присягателей, а каждый, отъ котораго требуется присяга, обязанъ приводить своихъ наиближайшихъ родственниковъ.

Адаты по пораненіямъ. Кто ранитъ кого-нибудь и въ томъ сознается, тотъ, по желанію раненаго, приглашаетъ врача, который, пользуя раненаго, живетъ на всемъ довольствіи виновнаго; раненый день пользуется пищею на счетъ виновнаго и день на свой; по выздоровленіи, опредѣляется стоимость ранъ и за лѣченіе виновный удовлетворяетъ врача; если рана безъ увѣчья, то раненый получаетъ за нее всего 1 р. 20 к., а если съ увѣчьемъ, то увѣчье опредѣляется по шаріату.

Если въ пораненіи виновный не сознается, то раненому предоставляется принять присягу съ шестью человѣками своихъ родственниковъ, и доказать, что дѣйствительно ранилъ обвиняемый; тогда съ этимъ послѣднимъ поступается какъ сказано выше.

Если между нѣсколькими лицами въ дракѣ будетъ кто-нибудь раненъ, и въ пораненіи никто не сознается, то поступается какъ указано въ предъидущемъ случаѣ.

Если раненый умретъ, то съ виновнымъ поступается какъ съ убійцею.

Кто побьетъ беременную женщину, отчего произойдетъ выкидышъ, съ того взыскивается 60 руб. въ пользу беременной и ея мужа.

Кто ранитъ кого-нибудь неумышленно, тотъ не избавляется отъ отвѣтственности на основаніи общаго адата по пораненію.

Если чья-нибудь собака укуситъ кого-нибудь, то хозяинъ ея обязанъ лѣчить рану на основаніи общаго адата по пораненію.

Если чья-нибудь лошадь или скотина отъ неосторожности хозяина ударитъ и нанесетъ кому-нибудь ушибъ, то хозяинъ ея отвѣчаетъ какъ за нанесеніе раны *).

Адаты по прелюбодѣяніямъ и похищенію женщинъ. Кто похититъ дѣвицу и съ нею скроется въ домѣ своего односельца, тотъ, оставивъ дѣвушку въ этомъ домѣ, самъ уходитъ въ свой домъ; послѣ этого собираются почетные жители въ домъ отца похищенной, спрашиваютъ его, что онъ думаетъ по этому дѣлу,—отецъ отвѣчаетъ, что если дочь его на совершеніе кебина согласна, то и онъ не противится **), но съ тѣмъ, чтобы похититель совершилъ адатъ, заключающійся въ слѣдующемъ: похититель записываетъ женѣ своей кебинъ, отъ 40 до 400 руб.

*) За всякое пораненіе виновный обязанъ заплатить въ пользу общества штрафъ — 4 рубля.

**) Въ этомъ случаѣ отецъ обязанъ дать свое согласіе на кебинъ,—иначе онъ принуждается къ этому.

деньгами, или соотвѣтственное суммѣ этой имѣніе; посылаетъ въ домъ похищенной разной матеріи на одежду и въ ту-же ночь совершается кебинъ; отецъ ничего не получаетъ, и спустя дня два приглашаетъ въ домъ свой родителей и родственниковъ похищенной, угощаетъ ихъ и мирится.

Если похищенная отзовется, что она не желаетъ совершенія кебина съ похитителемъ, то ее возвращаютъ въ домъ родителей, а похититель обязанъ удалиться изъ деревни на 40 дней; по истеченіи этого времени, возвратясь домой, онъ обязанъ принять присягу съ 40 человѣками въ томъ, что онъ, похищая названную дѣвушку, не имѣлъ никакой лукавой цѣли, а его желаніе было совершить съ нею кебинъ; въ противномъ случаѣ платитъ родителямъ похищенной 60 руб. и мирится.

Если похититель съ похищенною скроется въ другую деревню, то родители дѣвицы посылаютъ къ ней людей и спрашиваютъ, согласна-ли она на совершеніе кебина, или нѣтъ; если согласна *), то отъ родителей зависитъ тотчасъ разрѣшить совершеніе кебина и позволить похитителю возвратиться домой; въ противномъ-же случаѣ виновный остается внѣ своей деревни 40 дней и болѣе, при чемъ дѣвушка живетъ въ одномъ домѣ, а похититель въ другомъ; они не имѣютъ сообщенія до-тѣхъ-поръ, пока виновный, черезъ посредство почетныхъ жителей, не склонитъ родителей ея на совершеніе кебина.

Кто похититъ обрученную дѣвушку, тотъ обязанъ удовлетворить жениха вдвое противу сдѣланныхъ имъ при сватовствѣ расходовъ; затѣмъ поступаютъ по вышеизложеннымъ адатамъ. Но если дѣвушка откажется отъ похитителя и женихъ согласится жениться на ней, то она возвращается въ домъ своихъ родителей, а похититель удаляется на 40 дней, со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя указаны адатомъ на тотъ случай, когда похищенная отказывается отъ своего похитителя.

Кто лишитъ дѣвушку невинности, тотъ обязанъ жениться на ней, въ противномъ-же случаѣ долженъ удалиться изъ деревни и скрываться, какъ канлы. Отецъ ея не вправѣ принуждать его жениться на своей дочери, а преслѣдуетъ обоихъ какъ враговъ; виновный-же имѣетъ право просить ея руки, и отецъ можетъ согласиться на совершеніе кебина; въ противномъ-же слу-

*) Въ данномъ случаѣ дѣвушка не имѣетъ права отказываться отъ похитителя.

чаѣ отецъ не долженъ принимать къ себѣ въ домъ и дочери своей.

Кто схватитъ чью-нибудь жену или дочь за руку, но не успѣетъ изнасиловать ее по какой-либо причинѣ, тотъ обязанъ удалиться на 40 дней и по возвращеніи очистить себя присягою 40-ка человѣкъ; въ противномъ-же случаѣ платитъ 60 руб.

Если кто будетъ замѣченъ въ прелюбодѣяніи съ чьей-нибудь женою, то мужъ даетъ разводъ своей женѣ и преслѣдуетъ виновнаго; если убьетъ его, то за кровь не отвѣчаетъ, а во время примиренія получаетъ отъ него деньгами 60 руб.; виновному жениться на этой женщинѣ, послѣ даннаго ей развода, не воспрещается.

Кто похититъ чужую жену, тотъ обязанъ заплатить мужу ея за разводъ столько денегъ, сколько онъ потребуетъ, по цѣнѣ за кровь, т. е. отъ 100 до 400 р.; до дачи развода мужъ имѣетъ право убить обоихъ, на что такое-же право имѣютъ и родители похищенной. По совершеніи кебина съ похитителемъ, этотъ послѣдній обязанъ угостить всѣхъ родственниковъ жены *).

Адаты по воровствамъ. Если кто учинитъ воровство и, до обличенія по адату, самъ явится и объявитъ хозяину уворованнаго, что онъ сдѣлалъ это воровство, то обиженный получаетъ отъ него удовлетвореніе по стоимости своей пропажи, каковую стоимость долженъ подтвердить присягою семи человѣкъ.

Если кто учинитъ воровство и въ томъ не сознается, то обиженный обязанъ уличить виновнаго черезъ свидѣтелей: если свидѣтель одинъ, то онъ подтверждаетъ показаніе свое присягою трехъ человѣкъ, а обиженный подкрѣпляетъ ихъ показаніе присягою шести человѣкъ; если два свидѣтеля, то они принимаютъ присягу каждый съ тремя человѣками, и виновный удовлетворяетъ обиженнаго въ $2^1/_2$ раза болѣе противу пропажи.

Если у обиженнаго нѣтъ свидѣтелей, то обвиняемому дается присяга съ 24 человѣками родственниковъ; принявши присягу, онъ избавляется отъ отвѣтственности; въ противномъ-же случаѣ удовлетворяетъ обиженнаго воровствомъ на основаніи общаго по воровству адата.

Кто купитъ или промѣняетъ лошадь, или какую-нибудь скотину, которая окажется порочною, тотъ позже трехъ дней не

---

*) При похищеніяхъ съ обоюднаго согласія, съ обоихъ взыскивается штрафъ по 8 руб.; въ противномъ-же случаѣ—съ одного только похитителя.

имѣетъ права возвратить ее продавцу, если между ними не было заключено особаго на такой случай условія.

Кто опознаетъ свою лошадь или скотину у кого-нибудь, тотъ долженъ сдѣлать на ней какой-нибудь знакъ ножомъ, т. е. отрѣзать клокъ отъ гривы или хвоста, если опознана лошадь, а если другая скотина, то клокъ шерсти, потомъ привести двухъ свидѣтелей. Настоящій владѣлецъ опознанный предметъ соединяетъ съ другими, соотвѣтственными съ нимъ, и приводитъ опознавшаго съ кунакомъ, на тотъ конецъ, чтобы онъ сказалъ, есть-ли тутъ ему принадлежащій предметъ; потомъ предъявляютъ опознанное свидѣтелямъ, каждому порознь. Если одинъ изъ свидѣтелей узналъ скотину, а другой нѣтъ, то оба обязаны принять присягу, вмѣстѣ съ хозяиномъ ея, а если оба свидѣтеля опознали ее, то она безъ присяги отдается имъ; послѣ этого опознавшій выдаетъ айнамалъ, 20 коп. и кусокъ холста тому, у кого скотина опознана.

Если тотъ, у кого опознана скотина, пріобрѣтена имъ покупкой, то онъ передаетъ продавцу айнамалъ и получаетъ удовлетвореніе; тотъ передаетъ другому и третьему и т. д.; если айнамалъ остановится напослѣдокъ на лицѣ, которое станетъ доказывать, что скотина эта его доморощенная, то, составивъ бумагу (аранъ-танигъ) и объяснивъ въ ней примѣты скотины, отъ которой произошла опознанная, — отправляется съ двумя свидѣтелями къ тому, который опозналъ означенную выше скотину, и, принявъ присягу съ своими свидѣтелями, уничтожаетъ первый айнамалъ и присяжное показаніе свидѣтелей, и послѣдній получаетъ обратно опознанную скотину *).

Кто изъ уличенныхъ воровъ укажетъ на соучастника съ нимъ въ воровствѣ, уже умершаго, тотъ обязанъ принять присягу съ семью человѣками своихъ ближайшихъ родственниковъ на могилѣ обвиняемаго, въ присутствіи родственниковъ его.

Кто изъ уличенныхъ въ воровствѣ сошлется на кого-нибудь изъ жителей посторонней деревни, тотъ обязанъ предварить его въ томъ, что онъ указываетъ на него въ передачѣ ему скотины, воровство которой на немъ остановилось. Если тотъ сознается въ этой передачѣ и согласится удовлетворить обиженнаго воровствомъ безъ всякаго адата, то обличеный отводитъ обиженнаго къ названному лицу.

---

*) За всякое воровство взыскивается въ пользу общества 8 руб.

Если-же тотъ не сознается въ передачѣ скотины, воровство коей остановилось на обиженномъ, то послѣдній отправляетъ къ нему двухъ человѣкъ предварить его, что въ такой-то день онъ выдаетъ его воромъ; это-же предвареніе посылаетъ онъ черезъ другихъ двухъ человѣкъ во 2-й разъ и наконецъ въ назначенный день изобличенный посылаетъ еще двухъ человѣкъ къ тому-же лицу; если и затѣмъ онъ не явится на орталыгъ, то, прождавъ до вечера и принявъ присягу съ своими людьми, дѣлаютъ выстрѣлы и возвращаются, — тогда обиженный обращается за удовлетвореніемъ къ вновь изобличенному.

Адаты по поджогамъ. Кто подожжетъ домъ, саманникъ, стогъ сѣна, хлѣбъ въ снопахъ и на корню, тотъ обязанъ удовлетворить обиженнаго, по оцѣнкѣ убытковъ нѣсколькими лицами, въ $2^1/_2$ раза противу оцѣнки.

При обвиненіи кого-либо въ поджогѣ, истецъ обязанъ выставить свидѣтелей; если у истца одинъ свидѣтель, то этотъ послѣдній принимаетъ присягу съ тремя человѣками, показаніе коихъ подтверждаетъ обиженный, принявъ присягу съ семью человѣками, а если два свидѣтеля, то каждый принимаетъ присягу съ тремя человѣками.

Если у истца нѣтъ свидѣтелей, то подозрѣваемому дается присяга съ 40-ка человѣками; если онъ не успѣетъ принять таковой, то съ нимъ поступается какъ съ виновнымъ въ поджогѣ.

Адаты по долговымъ обязательствамъ. Если кто долженъ кому и въ томъ не отказывается, но не имѣетъ чѣмъ заплатить, то родственники его обязаны удовлетворить кредитора.

Если кто долженъ кому и въ томъ не сознается, то отъ истца требуются свидѣтели; если онъ представитъ одного свидѣтеля, то этотъ послѣдній подтверждаетъ показаніе свое присягою трехъ человѣкъ родственниковъ.

Если должникъ отзовется, что дѣйствительно былъ долженъ, но отдалъ, то обязанъ подтвердить это черезъ свидѣтелей *).

Адаты по убыткамъ, причиняемымъ покоснымъ и пахотнымъ полямъ. Если одинъ или нѣсколько человѣкъ скотиной своей потравятъ пастбищное или покосное мѣсто или хлѣбъ, то, по жалобѣ обиженнаго, два человѣка добросовѣстныхъ людей, въ присутствіи истца и отвѣтчиковъ, опредѣляютъ убытокъ, за который виновные обязаны удовлетворить обиженнаго.

---

*) Въ обоихъ случаяхъ, если нѣтъ свидѣтелей, противная сторона принимаетъ присягу съ семью человѣками.

Если хозяева скота въ потравѣ не сознаются и обиженный потравой не представитъ свидѣтелей, то первые должны принять присягу съ семью человѣками.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Всякій желающій жениться прежде всего приглашаетъ къ себѣ въ домъ и угощаетъ отца той особы, которую хочетъ сватать, причемъ дѣлаетъ предложеніе; когда отецъ даетъ согласіе, то на другой день мать или сестра желающаго жениться беретъ кольцо и что-нибудь изъ съѣстнаго и отправляется въ домъ невѣсты; по принятіи невѣстою кольца, и дня черезъ два, женихъ приноситъ въ ея домъ мѣдной посуды рублей на 5, затѣмъ всякій праздникъ (оруджъ и курбанъ-байрамъ) приноситъ въ домъ невѣсты деньгами по 50 коп. и на большомъ чурекѣ халву; все это отдаривается сырными пирожками (чуды); передъ свадьбою, по желанію невѣсты, покупается разной матеріи рублей на 30, до 60-ти, которая также отсылается въ домъ невѣсты; приготовляютъ бузу и совершаютъ кебинъ, причемъ записывается въ кебинъ отъ 40 до 100 р., когда-же невѣста входитъ въ ворота дома жениха, ей назначается одна штука рогатой скотины или эшакъ, при входѣ-же въ комнату ей дарится сундукъ.

Если, до совершенія кебина, невѣста не захочетъ идти за жениха, то родители ея обязаны заплатить жениху вдвойнѣ за всѣ его издержки.

Если женихъ откажется отъ невѣсты, то лишается всего того, что издержано имъ при сватовствѣ.

Если, черезъ нѣсколько времени по совершеніи кебина, мужъ не захочетъ содержать жену свою и предложитъ ей разводъ, то обязанъ заплатить записанный кебинъ, отдать все то, что имъ было при сватовствѣ отослано невѣстѣ, и все то, что она принесла въ домъ мужа при замужествѣ; потомъ жена, раздѣливъ золу, сколько ея окажется въ домѣ, и взявъ изъ нея свою часть, развѣваетъ ее по воздуху и отправляется въ домъ своихъ родителей.

Жена ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права требовать отъ мужа развода.

Если невѣста окажется нецѣломудренною и мужъ не пожелаетъ оставить ее у себя, то онъ отсылаетъ ее обратно въ домъ ея родныхъ *).

*) Хотя этотъ адатъ и существуетъ, но подобныхъ случаевъ жители упомянутыхъ магаловъ не помнятъ.

Магалъ Каракайтагъ.

Адаты по убійствамъ. Кто убьетъ человѣка и въ томъ сознается, тотъ выдаетъ родственникамъ убитаго шаріатъ-ахча деньгами 6 руб. и одного быка; родственники убитаго, по принятіи шаріатъ-ахча, назначаютъ изъ ближайшихъ родственниковъ убійцы четырехъ человѣкъ канлы; канлы эти обязаны удалиться изъ деревни на 40 дней, а по прошествіи этого времени возвращаются домой и черезъ почетныхъ жителей даютъ знать о томъ родственникамъ убитаго; каждый изъ канлы, отдѣльно, долженъ принять присягу съ 40 человѣками своихъ родственниковъ въ томъ, что онъ впродолженіи 40 дней ни разу не ступилъ ногой на землю своей деревни. По выполненіи этой присяги, они читаютъ молитву «Фатиха» родственникамъ убитаго и водворяются на мѣстѣ своего жительства. Если-же кто изъ нихъ не успѣетъ принять присягу съ 40 человѣками, тотъ платитъ родственникамъ убитаго 8 руб. Этимъ-же канлы предоставляется право, не выходя изъ деревни на 40 дней, заплатить каждому по 8 р. Кромѣ убійцы, остальныхъ канлы убивать родственники убитаго права не имѣютъ.

Если кто убьетъ человѣка и въ томъ не сознается, то родственники убитаго обязаны выставить свидѣтелей: если свидѣтель одинъ, то онъ обязанъ принять присягу съ семью человѣками, а если два свидѣтеля, то они принимаютъ присягу каждый съ семью человѣками своихъ родственниковъ; затѣмъ съ убійцей поступается какъ сказано выше.

Если обиженный убійствомъ не имѣетъ свидѣтелей, то обвиняемому дается присяга съ 40 человѣками; принявши присягу, онъ избавляется отъ отвѣтственности, въ противномъ-же случаѣ съ нимъ поступается какъ съ виновнымъ.

Если два или нѣсколько человѣкъ убьютъ одного, то родственники убитаго, по своему усмотрѣнію, одного изъ участниковъ назначаютъ башъ-канлы, а остальные платятъ 60 руб.

Если два человѣка, поссорясь между собою, нанесутъ одинъ другому смертельныя раны, отъ которыхъ одинъ умретъ на мѣстѣ, а другой останется живъ, хотя на день, то этотъ послѣдній обязанъ поступить, какъ убійца, и тѣло его не можетъ быть похоронено безъ разрѣшенія родственниковъ перваго, которымъ должно послать, для полученія согласія на погребеніе, одного быка.

Если между двумя тохумами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые, и если убитыхъ съ обѣихъ сторонъ равное число, то засчитывается кровь за кровь. Если-же съ одной стороны будетъ больше убитыхъ, чѣмъ съ другой, то та сторона требуетъ отъ противной выдачи канлы по тому числу кровей, которое превышаетъ число убитыхъ съ противной стороны *).

Неумышленные убійцы отвѣчаютъ какъ и умышленные.

Несовершеннолѣтніе или сумасшедшіе за убійство человѣка отвѣчаютъ какъ обыкновенные убійцы **).

Если кто убьетъ беременную женщину, тотъ выдаетъ два шаріатъ-ахча и двухъ канлы.

Кто убьетъ жену свою съ любовникомъ, тотъ за убійство ихъ не преслѣдуется и ничѣмъ не отвѣчаетъ.

Если мужъ убьетъ одного любовника, а жену оставитъ у себя, то выходитъ въ канлы.

Если мужъ убьетъ жену, а любовникъ успѣетъ скрыться, то за убійство жены не отвѣчаетъ и преслѣдуетъ любовника.

Если мужъ, заставши жену свою съ любовникомъ, не успѣетъ убить ни одного изъ нихъ, то оба они считаются канлы, какъ его самого, такъ и родственниковъ его жены, и за убійство ихъ никѣмъ не преслѣдуются.

Адаты по нанесенію ранъ. Если кто ранитъ кого-нибудь, то, по желанію раненаго, виновный приглашаетъ врача (джараха), который, пользуя раненаго, живетъ на продовольствіи виновнаго. Если, по оцѣнкѣ раны, раненому слѣдуетъ 10 руб., то джараху платится кромѣ того 5 руб., т. е. сумма, опредѣленная за рану, дѣлится на три части, изъ коихъ двѣ получаетъ раненый и одну врачъ.

Если виновный не сознается въ нораненіи, а раненый утвердительно говоритъ, что его ранилъ названный имъ, то съ этимъ послѣднимъ поступается какъ съ виновнымъ въ нанесеніи ранъ.

Если нѣсколько человѣкъ, поссорясь между собою, ранятъ одного изъ участвовавшихъ въ ссорѣ, то отъ этого послѣдняго зависитъ назначить изъ нихъ виновнаго.

Если раненый черезъ нѣсколько времени умретъ, то винов-

---

*) Такъ поступается и въ томъ случаѣ, когда произойдутъ убійства между двумя обществами.

**) Не было случаевъ, а потому нѣтъ и адатовъ, по убійствамъ: мужа, жены, отца, сына и дочери.

ный въ пораненіи его дѣлается канлы и съ нимъ поступается какъ съ убійцею.

За неумышленное пораненіе таже отвѣтственность, какъ и за умышленное.

Если сумасшедшій, или несовершеннолѣтній, поранитъ кого-нибудь, то подвергается отвѣтственности наравнѣ съ прочими поранителями.

Если чья-нибудь собака или скотина по третьему разу нанесетъ кому-нибудь вредъ, то хозяинъ ея отвѣчаетъ какъ виновный въ нанесеніи ранъ.

Если кто отъ раны получитъ увѣчье, то получаетъ удовлетвореніе отъ виновнаго по слѣдующему расчету: за палецъ на рукѣ 10 р., за цѣлую кисть руки 60 р., за ногу 60 руб. и за глазъ 60 руб.

Адаты по прелюбодѣянію и уводу женщинъ Кто уведетъ дѣвушку и съ нею скроется въ домъ свой, тотъ посылаетъ нѣсколько почетныхъ стариковъ уговаривать родителей дѣвушки совершить кебинъ (отецъ имѣетъ право не согласиться на кебинъ и преслѣдовать обоихъ); по убѣжденію стариковъ, онъ разрѣшаетъ совершить кебинъ, большею частію ничего не взявши; но иногда получаетъ удовлетвореніе по своему желанію, но никакъ не свыше 300 руб.

Кто уведетъ засватанную дѣвушку, тотъ, кромѣ изложеннаго выше, долженъ заплатить жениху втрое противу расходовъ, сдѣланныхъ имъ при сватовствѣ.

Кто уведетъ вдову, тотъ отвѣчаетъ какъ за уводъ дѣвушки.

Кто лишитъ невинности дѣвушку, тотъ преслѣдуется какъ убійца, но старшины стараются уговорить обѣ стороны совершить кебинъ; въ противномъ-же случаѣ виновный удаляется изъ деревни.

Кто изнасилуетъ вдову, тотъ обязанъ удалиться изъ деревни на 40 дней и по возвращеніи принять присягу съ 40 человѣками, что онъ невиненъ въ взводимомъ на него обвиненіи; въ противномъ-же случаѣ платитъ родственникамъ вдовы 60 руб. и мирится.

Если кто похититъ чужую жену, то его преслѣдуетъ мужъ, и если онъ, догнавши, убьетъ ихъ обоихъ, то за убійство не отвѣчаетъ.

Если преслѣдуемые успѣютъ скрыться, то похититель дѣлаетъ предложеніе мужу дать разводъ женѣ своей; если мужъ

согласенъ на разводъ, то получаетъ съ похитителя столько денегъ, сколько пожелаетъ, но не свыше, однако, 300 руб.

Кто схватитъ дѣвушку, но не успѣетъ изнасиловать ее, тотъ обязанъ удалиться изъ деревни на 40 дней; по прошествіи этого времени, онъ возвращается и обязанъ принять присягу съ 40 человѣками въ томъ, что онъ схватилъ эту дѣвушку не съ цѣлію насмѣшки, а изъ желанія вступить съ нею въ бракъ, т. е. совершить кебинъ; въ противномъ-же случаѣ платитъ родственникамъ ея 60 руб.

Адаты по воровствамъ. Кто украдетъ у кого-нибудь скотину, или что другое, и въ воровствѣ сознается, тотъ удовлетворяетъ обиженнаго по стоимости пропажи.

Если виновный не сознается и у обиженнаго нѣтъ свидѣтелей, то виновному дается присяга съ семью человѣками, по выполненіи которой онъ избавляется отъ отвѣтственности; въ противномъ-же случаѣ обязанъ удовлетворить обиженнаго за его пропажу.

Если обиженный имѣетъ одного свидѣтеля, то этотъ послѣдній, уличая виновнаго, принимаетъ присягу съ двумя человѣками, а если имѣется два свидѣтеля и они люди хорошаго поведенія, то ихъ голословное показаніе считается достаточнымъ для улики вора.

Если два человѣка произведутъ какое-нибудь воровство, причемъ одинъ изъ нихъ будетъ обличенъ и этотъ послѣдній сошлется на своего сообщника, который между-тѣмъ будетъ отказываться, то первому предоставляется присягою съ семью человѣками своихъ родственниковъ обличить послѣдняго; по принятіи этой присяги, они оба сообща удовлетворяютъ обиженнаго.

Если нѣсколько человѣкъ произведутъ воровство и одинъ изъ нихъ, взявъ съ обиженнаго рушпетъ, откроетъ товарищей, то всѣ они обязаны удовлетворить обиженнаго за уворованное имущество, съ рушпетомъ, сообща.

Если-же товарищи откроютъ, что въ воровствѣ ихъ выдалъ одинъ изъ нихъ и за то взялъ рушпетъ, то рушпетныя деньги, если онѣ еще не уплачены обиженному воровствомъ, возвращаетъ выдавшій, одинъ, безъ участія товарищей; въ томъ-же случаѣ, когда они уплатили уже рушпетъ сообща, они взыскиваютъ его съ выдавшаго и дѣлятъ между собою *).

*) Остальные адаты по воровству согласны съ адатами магаловъ Ганкъ, Гапшь и Мюра. Таковы-же адаты и относительно поджоговъ и долговыхъ обязательствъ.

Адаты по убыткамъ, причиняемымъ покоснымъ и пахотнымъ полямъ и виноградным садамъ. Если чья-нибудь скотина зайдетъ въ чей-либо садъ, даже и въ свой, то она рѣжется и потребляется обществомъ *).

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Если невѣста откажется отъ жениха, то родители ея возвращаютъ жениху всѣ расходы втрое и даютъ одного быка въ штрафъ **).

Магалъ Урджамулъ (Ирча-муль).

Адаты по убійствамъ. Если кто убьетъ человѣка и въ томъ сознается, или произошло убійство явное, отъ котораго уклониться нельзя, то виновный обязанъ выдать шаріатъ-ахча, состоящій: изъ одного хорошаго быка, котла цѣною отъ 2-хъ до 3-хъ руб. и наличныхъ денегъ отъ 2-хъ до 3-хъ р., и удалиться изъ деревни; вслѣдъ затѣмъ родственники убитаго назначаютъ изъ ближайшихъ родственниковъ убійцы четырехъ человѣкъ, которые такъ-же, какъ и убійца, должны удалиться изъ деревни. Убійца можетъ вернуться домой на другой-же день, даже можетъ и вовсе не выходить изъ деревни, а прочіе канлы до 40 дней не должны возвращаться въ деревню, а по истеченіи этого времени возвращаются и о томъ сообщаютъ родственникамъ убитаго; затѣмъ каждый изъ нихъ съ 40 человѣками принимаетъ присягу въ томъ, что онъ въ убійствѣ ихъ родственника ни словомъ, ни дѣломъ не участвовалъ и что втеченіи сорокадневнаго нахожденія своего въ канлы онъ ни разу не ступилъ ногой на землю своей деревни; въ противномъ-же случаѣ каждый изъ нихъ обязанъ заплатить родственникамъ убитаго по 4 р. Канлы эти имѣютъ право не выходить изъ деревни, заплатя каждый по 4 руб. Родственники убитаго назначенныхъ за убійцей канлы убить права не имѣютъ. Если-бы эти родственники сдѣлали, до 40-ка дней по кому-нибудь изъ канлы выстрѣлъ и нанесли рану, то за нее не отвѣчаютъ, а если убьютъ, то отвѣчаютъ за это убійство; по прошествіи-же 40-ка дней и за рану отвѣчаютъ.

---

*) Адатъ этотъ не примѣняется. Въ остальномъ относящіеся сюда адаты согласны съ таковыми-же адатами магаловъ Ганкъ, Гапшь и Мюра, только для оцѣнки убытковъ назначаютъ по одному человѣку виновный и обиженный,—а не общество.

**) Въ остальномъ адаты о бракахъ согласны съ таковыми-же адатами магаловъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

Если убійца въ преступленіи не сознается, то въ этомъ случаѣ примѣняется адатъ, существующій въ Каракайтагѣ; только свидѣтели истца принимаютъ присягу не съ 7-ю, а съ 40-ка человѣками.

Если два человѣка поссорятся между собою и одинъ изъ нихъ будетъ убитъ, а другой раненъ, то этотъ послѣдній обязанъ выдать шаріатъ-ахча, а самъ лѣчится на свой счетъ; если выздоровѣетъ, то дѣлается канлы, а если умретъ, то засчитывается кровь за кровь; но во время похоронъ тѣла послѣдняго, родственники его обязаны испросить на то позволеніе у родственниковъ прежде убитаго, пославъ имъ одного трехлѣтняго быка.

За кровь мужчины, женщины и дитяти адатъ одинъ и тотъ-же и разницы въ удовлетвореніи за кровь нѣтъ.

Если въ ссорѣ между нѣсколькими лицами произойдетъ драка, въ которой будетъ убитъ одинъ, но кѣмъ именно—неизвѣстно, то отъ родственниковъ его зависитъ выбрать изъ среды дравшихся двухъ канлы: одного *башъ*, а другого *малъ*, изъ которыхъ первый обязанъ выдать шаріатъ-ахча и скрыться, а послѣдній черезъ сорокъ дней заплатить 60 р.; остальные участники въ дракѣ отъ всякаго взысканія избавляются и никѣмъ не преслѣдуются.

Если между двумя обществами или тохумами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые, то при равномъ числѣ убитыхъ съ обѣихъ сторонъ засчитывается кровь за кровь, а если съ одной стороны больше убитыхъ, то эта сторона получаетъ удовлетвореніе отъ противной по числу превышающихъ кровей. Если выйдетъ въ подобныхъ случаяхъ споръ, то сторона, въ которой больше убитыхъ, имѣетъ право требовать предъявленія пуль или другихъ знаковъ отъ участвовавшихъ въ дракѣ лицъ противной стороны, для выбора канлы по числу лишнихъ кровей.

Если кто убитъ безъ всякой причины, въ своемъ домѣ, саду, на своемъ полѣ, арбѣ или изъ засады, то такое убійство называется «кара-канъ»; по этому убійству убійца платитъ родственникамъ убитаго семь шаріатъ-ахча и выдаетъ семь канлы, изъ коихъ пятеро черезъ 40 дней возвращаются домой и не преслѣдуются, а двое называются башъ-канлы и преслѣдуются до примиренія съ врагами или до убійства ихъ.

Кто убьетъ беременную женщину, тотъ, во время примиренія, платитъ за двѣ крови *).

---

*) Въ остальныхъ случаяхъ убійствъ адаты Урджамулъ-магала согласны

Адаты по прелюбодѣяніямъ и уводу женщинъ. Кто похититъ просватанную дѣвушку, тотъ обязанъ заплатить жениху за всѣ расходы втрое и независимо того 60 руб. деньгами, а отцу дѣвушки—по его желанію, не свыше однако 300 руб. *).

Кто похититъ чужую жену, тотъ платитъ мужу ея за разводъ 60 р. и отцу ея по его желанію, но тоже не свыше 300 р.

Кто лишитъ дѣвицу невинности, тотъ обязанъ жениться на ней; въ противномъ-же случаѣ оба они дѣлаются канлы **).

Адаты по поджогамъ. Въ случаѣ поджоговъ соблюдаются тѣ-же адаты, какъ и въ Каракайтагѣ, съ тою лишь разницею, что свидѣтелю дается присяга съ 16-ю человѣками ***).

Магалъ Терекеме.

Адаты по убійствамъ. Если кто убьетъ кого-либо, то обязанъ выдать родственникамъ убитаго шаріатъ-ахча 3 руб. 30 к. и самъ удалиться изъ деревни, между-же родственниками убитаго и убійцы совершается обрядъ лицезрѣнія. Прежде, во время примиренія, за кровь ничего не платилось, а если родственники убійцы успѣвали склонить родственниковъ убитаго на миръ, то ограничивались угощеніемъ всей фамиліи убитаго и, по прочтеніи молитвы «фатиха», дарили имъ что-нибудь изъ оружія, или лошадь, но необязательно, и называли другъ друга кровными братьями. Нынѣ-же за кровь платится 300 руб.

Если убійца не сознается въ преступленіи, то отъ истца требуются свидѣтели: если у истца два свидѣтеля, то присяжное ихъ показаніе принимается за достаточное доказательство къ обвиненію убійцы, а если одинъ свидѣтель, то онъ принимаетъ присягу въ томъ, что видѣлъ, какъ обвиняемый убилъ извѣстнаго человѣка, истецъ-же принимаетъ присягу и подтверждаетъ, что показаніе свидѣтеля его правильно.

Если два человѣка убьютъ одного, то родственники убитаго, по своему желанію, назначаютъ одного изъ нихъ башъ-канлы, а другого малъ-канлы, на 40 дней, и если до 40 дней убьютъ

съ адатами магала Каракайтагъ. Тѣ-же адаты по нанесенію ранъ и по воровствамъ.

*) За увозъ вдовы тотъ-же адатъ.

**) За изнасилованіе вдовы или замужней женщины адатъ тотъ-же.

***) Адаты по долговымъ обязательствамъ, возмѣщенію убытковъ и брачнымъ дѣламъ тѣ-же, что и въ Каракайтагѣ.

послѣдняго, то первый возвращается домой и, совершивъ первоначальный обрядъ бетъ-гёрмагъ, мирится съ родственниками убитаго.

Если въ дракѣ между нѣсколькими лицами произойдетъ убійство, въ которомъ никто не сознается, то родственники убитаго, по своему желанію, назначаютъ одного изъ участвовавшихъ въ дракѣ башъ-канлы, а остальные избавляются отъ преслѣдованія *).

Если отецъ убьетъ своего сына или дочь, то онъ никѣмъ не преслѣдуется.

Если мать убьетъ сына или дочь, то отъ мужа зависитъ прогнать ее и преслѣдовать, какъ убійцу, или оставить безъ преслѣдованія.

Если сынъ убьетъ отца или мать, то за убійство не преслѣдуется.

Убійца брата тоже не преслѣдуется.

Кто убьетъ жену, тотъ дѣлается канлы родственниковъ ея.

Если жена убьетъ мужа и если убитый имѣетъ дѣтей, то виновную преслѣдуютъ дѣти, а если нѣтъ дѣтей, то прочіе родственники мужа.

Убившій беременную женщину выдаетъ два шаріатъ-ахча по 3 р. 30 коп. и двухъ башъ-канлы **).

Адаты по нанесенію ранъ. Если раненый вылѣчится, то виновный въ нанесеніи удовлетворяетъ врача, дѣлаетъ угощеніе раненому со всею его фамиліею и мирится съ нимъ.

Если виновный въ нанесеніи не сознается, то соблюдается тотъ-же адатъ, какъ и при несознаніи въ убійствѣ.

Если два человѣка ранятъ одного, то оба удовлетворяютъ врача, и если раненый умретъ, то виновныхъ преслѣдуютъ какъ убійцъ.

Если чья-нибудь скотина или лошадь ушибетъ кого-нибудь, то хозяинъ ея обязанъ вылѣчить ушибленнаго, а если онъ умретъ отъ этого ушиба, то скотина или лошадь, какъ виновная, отдается хозяиномъ ея родственникамъ убитаго ***).

*) Въ томъ случаѣ, когда два человѣка, поссорясь между собою, нанесутъ одинъ другому смертельныя раны, отъ которыхъ одинъ умретъ, — адатъ такой-же, какъ въ Урджамулъ-магалѣ.

**) По убійству «караканъ» тотъ-же адатъ, какъ въ магалѣ Урджамулъ. За всякое убійство съ виновныхъ взыскивалось по одному буйволу въ пользу бека. Въ остальныхъ случаяхъ убійства адаты тѣ-же, что въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

***) За рану взыскивается штрафъ, сообразно съ величиною ея, отъ 5

Адаты по прелюбодѣяніямъ и уводу женщинъ. Кто похититъ дѣвицу, тотъ скрывается съ нею 40 дней; втеченіи этого времени родные ея преслѣдуютъ ихъ; если найдутъ и убьютъ ихъ, то за кровь не отвѣчаютъ [1]).

Кто похититъ чужую жену, тотъ платитъ мужу ея за разводъ 150 руб. и по разводѣ женится на ней.

Если, послѣ платежа 150 руб. похитителемъ мужу похищенной и до совершенія кебина, она объявитъ нежеланіе выйти за виновнаго, то она подлежитъ убійству [2]).

Кто обниметъ чужую жену, тотъ скрывается бѣгствомъ на 20 и 30 дней; затѣмъ отъ мужа зависитъ развестись съ женою или оставить ее при себѣ; если онъ дастъ ей разводъ, то не имѣетъ права преслѣдовать виновнаго [3]).

Адаты по воровствамъ [4]). Если у кого изъ конюшни выведена скотина, то подозрѣваемому дается присяга съ 40-ка человѣками, по выполненіи которой онъ избавляется отъ отвѣтственности.

Если кто опознаетъ свою лошадь у кого-нибудь, съ которою украдены и другія лошади, то этотъ послѣдній обязанъ указать, отъ кого ему таковая досталась; если онъ не пожелаетъ открыть лицо, отъ котораго ему досталась опознанная лошадь, то обязанъ удовлетворить перваго за всю его потерю [5]).

Адаты по поджогамъ. Если у обиженнаго поджогомъ два свидѣтеля, то присяжное ихъ показаніе считается достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію преступника [6]).

до 20 р. Въ остальныхъ случаяхъ пораненій тѣ-же адаты, что въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

[1]) Относительно похищенія засватанной дѣвицы тотъ-же адатъ, что и въ Каракайтагѣ.

[2]) Адатъ этотъ нынѣ не примѣняется.

[3]) За всѣ преступленія по прелюбодѣянію съ виновнаго взыскивался въ пользу бека штрафъ, назначенный для убійцъ; въ остальномъ адаты по прелюбодѣянію и уводу женщинъ тѣ-же, что въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

[4]) Если виновный въ воровствѣ неизвѣстенъ, а подозрѣвается, и если участники въ воровствѣ будутъ отказываться, то адаты тѣ-же, какъ въ Каракайтагѣ.

[5]) Въ остальныхъ случаяхъ воровства адаты тѣ-же, какъ въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

[6]) Въ остальныхъ случаяхъ поджоговъ адаты тѣ-же, какъ въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра. Адаты-же по долговымъ обязательствамъ и убыткамъ, причиняемымъ покоснымъ и пахотнымъ полямъ, тѣ-же, что въ магалѣ Урджамулъ.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Если жена не пожелаетъ жить съ мужемъ, то она можетъ уйти въ домъ своихъ родителей и требовать развода, причемъ она не только лишается кебинныхъ денегъ и всего своего имущества, но еще платитъ мужу пешманъ-пули, 25 руб. *).

Магалъ Гамринскій.

Адаты по убійствамъ. Кто убьетъ человѣка и въ убійствѣ сознается, тотъ выдаетъ родственникамъ убитаго шаріатъ-ахча 3 р. 30 коп., а родственники убитаго выходятъ съ оружіемъ въ рукахъ и нападаютъ на домъ убійцы; общество деревни, принимая посредничество, уговариваетъ обиженныхъ сложить оружіе и, взявъ отъ убійцы одного быка, отдаютъ имъ; затѣмъ, выдавъ другого канлы, называемаго иль-канлы, учиняютъ между родственниками обѣихъ сторонъ обрядъ лицезрѣнія (бетъ-гёрмагъ) и, прочитавъ молитву «Фатиха», умиротворяются **); иль-канлы, до истеченія года, не имѣетъ права показываться въ своей деревнѣ, а если будетъ встрѣченъ кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ убитаго и они ранятъ его, то за рану не отвѣчаютъ, а если убьютъ, то виновный въ этомъ дѣлается канлы. Во время примиренія, за кровь платится отъ 50 до 300 руб.

Если два человѣка убьютъ одного и въ убійствѣ оба сознаются, то оба обязаны выдать родственникамъ убитаго шаріатъ-ахча 3 р. 30 к. и удалиться изъ деревни; за обоими назначалось по одному канлы, которые, по истеченіи года, платили 30 р. и дѣлали угощеніе для обиженныхъ убійствомъ. Башъ-канлы остаются въ удаленіи до примиренія съ врагами или убійства ихъ ***).

Если кто бывалъ убитъ хищнически, и неизвѣстно кѣмъ именно, то родственники убитаго, по собственному убѣжденію, явясь къ мечети и въ присутствіи почетныхъ стариковъ принявъ присягу съ семью человѣками своихъ ближайшихъ родственниковъ, называли поименно кого-нибудь и объявляли своимъ канлы ****).

---

*) Въ остальныхъ случаяхъ, касающихся брака, адаты тѣ-же, что въ магалахъ Ганкъ, Гашшь и Мюра.

**) Выдача иль-канлы въ 1862 г. прекращена.

***) Этотъ адатъ нынѣ не примѣняется.

****) Адатъ этотъ назывался *джигка*, въ 1862 году отмѣненъ и взамѣнъ его установлено, чтобы обиженные убійствомъ требовали отъ подозрѣваемыхъ ими лицъ присяги съ 40-ка человѣками.

Если между нѣсколькими лицами произойдетъ ссора, въ которой будетъ убитъ кто-нибудь, и въ убійствѣ его никто лично не сознается, и если убитый успѣетъ до смерти назвать своего убійцу, то предсмертное показаніе его считается достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію преступника, а если убитый палъ замертво, то родственники его требуютъ отъ всѣхъ участвовавшихъ въ дракѣ по одной пулѣ и по своему желанію назначаютъ себѣ канлы, съ которыми поступается, какъ съ убійцами, остальные-же отъ всякаго взысканія избавляются.

Если кто убитъ на своемъ собственномъ мѣстѣ (мюлкъ), то убійство это называется «караканъ» и за него виновный, кромѣ себя, выдастъ шесть человѣкъ канлы и семь шаріатъ-ахча по 3 р. 30 к.; всѣ канлы должны удалиться изъ деревни и въ слѣдующемъ порядкѣ возвратиться: башъ-канлы послѣ примиренія; иль-канлы черезъ годъ послѣ назначенія его въ канлы и по уплатѣ родственникамъ убитаго 30 руб., причемъ угощаетъ всю ихъ фамилію, прочитавъ молитву «фатиха», и мирится; прочіе пять человѣкъ—по выдачѣ ихъ въ канлы черезъ 40 дней: явясь въ деревню, они обязаны угостить всѣхъ родственниковъ убитаго и выдать имъ по одному трехлѣтнему быку, или деньгами по 4 р. *).

Если два человѣка, поссорясь между собою, убьютъ одинъ другого, то засчитывается кровь за кровь и между родственниками ихъ вражды не остается.

Если одинъ изъ нихъ умретъ на мѣстѣ, а другой смертельно раненъ, то родственники послѣдняго имѣютъ право не выдавать шаріатъ-ахча до трехъ дней, въ ожиданіи, что и онъ, быть-можетъ, тоже умретъ; черезъ три дня они должны дать шаріатъ-ахча, и съ раненымъ поступается, какъ съ убійцею.

Если между двумя тохумами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые, и если убитыхъ будетъ одинаковое число съ обѣихъ сторонъ, то отъ ближайшихъ родственниковъ убитыхъ зависитъ засчитать кровь за кровь или требовать взаимно выдачи канлы.

Если съ одной стороны будетъ больше убитыхъ, нежели съ другой, то примиреніе также зависитъ отъ родственниковъ убитыхъ. Также поступается и въ томъ случаѣ, когда между двумя обществами произойдетъ драка, въ которой будутъ убитые.

Кто убьетъ своего сына или дочь, тотъ никѣмъ не преслѣдуется.

*) Нынѣ этотъ адатъ не примѣняется.

Если мать убьетъ сына или дочь, то отъ мужа зависитъ преслѣдовать ее или оставить свободною.

Если мать-убійца не имѣетъ мужа, то отъ остальныхъ дѣтей зависитъ, преслѣдовать ее или простить.

Если она не имѣетъ мужа и другихъ, кромѣ убитаго, дѣтей, то виновную преслѣдуютъ родственники мужа, которые получаютъ и все имѣніе, оставшееся послѣ него.

Кто убьетъ жену, тотъ дѣлается какъ своимъ дѣтямъ и родственникамъ убитой; отъ дѣтей зависитъ простить его и подчиниться его родительской власти; въ этомъ случаѣ убійца обязанъ угостить всю фамилію своей жены.

Если кто убьетъ брата, то братоубійцу вправѣ убить другой братъ; никто иной преслѣдовать его права не имѣетъ.

Неумышленное убійство преслѣдуется какъ умышленное.

Сумасшедшіе или несовершеннолѣтніе отъ преслѣдованія по убійствамъ не избавляются.

Если чья-нибудь лошадь или скотина причинитъ кому-нибудь смерть, то хозяева опой платятъ обиженному за полкрови.

Адаты по пораненіямъ. Кто ранитъ кого-нибудь, тотъ обязанъ выдать раненому «кепца гоча», т. е. три сабы пшеницы, $3^1/_2$ хинцы (фунта) масла, одного барана, или деньгами 2 руб., и $7^1/_2$ карп (5 аршинъ) холста и, по желанію раненаго, доставить джараха (врача), который, пользуя раненаго, живетъ на довольствіи виновнаго. Джарахъ, по вылѣченіи раненаго, получаетъ за труды свои удовлетвореніе; раненый-же ничего не получаетъ; кромѣ того, виновный обязанъ раненаго съ его родственниками угостить и помириться съ ними.

Если раненый не увидитъ, кто его ранилъ, то онъ требуетъ отъ подозрѣваемаго присяги съ 40-ка человѣками, съ тѣмъ, что если онъ таковой не выполнитъ, то съ нимъ поступается какъ съ виновнымъ въ пораненіи.

Если между нѣсколькими человѣками случится поранепіе, то отъ раненаго зависитъ назначить себѣ виновнаго.

Если раненый умретъ, то съ виновнымъ поступается какъ съ убійцею.

Если кто ранитъ сына или дочь, то за рану не преслѣдуется, но платитъ штрафъ 60 руб.

Если мать ранитъ сына или дочь, то отъ отца зависитъ, простить ее или наказать.

Если жена ранитъ мужа, и наоборотъ, то раненый за ра-

ну или можетъ требовать удовлетворенія, или нѣтъ, но виновный отъ штрафа не избавляется.

За пораненіе брата тотъ-же адатъ.

За нечаянное пораненіе виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное.

Сумасшедшіе и несовершеннолѣтніе отъ отвѣтственности за пораненіе не избавляются.

Если чья-нибудь скотина, лошадь или собака причинитъ кому-нибудь вредъ и если этотъ случай прежде повторялся уже два раза, то хозяева оныхъ отвѣчаютъ какъ за личное пораненіе или ушибъ, но штрафъ съ нихъ не взыскивается.

Адаты по прелюбодѣяніямъ и уводу женщинъ. Если кто похититъ дѣвушку и съ нею скроется въ домъ свой, то родственники ея, взявшись за оружіе, нападаютъ на домъ виновнаго; общество удерживаетъ ихъ и проситъ сложить оружіе и возвратиться по домамъ; затѣмъ они должны взять одного быка и отдать родственникамъ похищенной; если похищеніе случилось безъ ея согласія, то она отдается обратно къ роднымъ, съ виновнаго-же взыскивается въ пользу общества два быка, а если похищена дѣвушка съ ея согласія, то общество штрафуетъ и ее двумя быками, отцу-же ея виновный даетъ еще одного быка.

Въ обоихъ этихъ случаяхъ виновный скрывается 40 дней, а потомъ, угостивъ обиженную сторону и прочтя молитву «фатиха», мирится.

Кто похититъ засватанную дѣвушку, тотъ, независимо изложеннаго, еще удовлетворяетъ жениха за всѣ расходы его при сватовствѣ вдвое.

Съ похитителемъ вдовы поступается какъ съ похитителемъ дѣвицы.

Кто похититъ замужнюю женщину, тотъ, дабы получить разводъ отъ мужа, даетъ ему слѣдующее: одну арбу, двухъ быковъ, топоръ, веревку и четыре чувала *).

Если кто будетъ лишать невинности дѣвушку и она не бу-

---

*) По всѣмъ случаямъ похищенія женщинъ родственникамъ похищенной предоставляется право преслѣдованія: если они убьютъ обоихъ бѣжавшихъ, то за кровь не отвѣчаютъ; если убьютъ виновнаго, а похищенную примутъ въ свой домъ, то отвѣчаютъ за убійство; если убьютъ похищенную, а виновный скроется, то онъ считается канлы. Штрафъ взыскивается со всѣхъ виновныхъ одинаково.

детъ кричать, то объявленіе ея о томъ впослѣдствіи не признается и обвиняемый не преслѣдуется.

Кто встрѣтитъ препятствіе къ изнасилованію и не успѣетъ лишить дѣвушку невинности, то обязанъ скрываться 40 дней, а потомъ, вернувшись домой, никѣмъ не преслѣдуется.

Если, при изнасилованіи, женщина не будетъ упорствовать и кричать, то виновный въ изнасилованіи не отвѣчаетъ, а если женщина будетъ кричать и на крикъ ея сбѣгутся люди, виновный-же скроется, и если при этомъ мужъ изнасилованной убьетъ ее, то онъ можетъ преслѣдовать виновнаго; въ противномъ-же случаѣ виновный 40 дней скрывается и потомъ возвращается домой.

Адаты по воровствамъ. Если у кого-либо будетъ уворована скотина и воръ неизвѣстенъ, то обиженный принимаетъ съ тремя человѣками своихъ родственниковъ присягу противу человѣка, котораго онъ самъ изберетъ, и этотъ послѣдній, безъ всякаго возраженія, удовлетворяетъ обиженнаго *).

Если взявшій рушпетъ согласится обвинить виновнаго, то обязанъ присягою семи человѣкъ своихъ родственниковъ это доказать, безъ чего свидѣтельство его не имѣетъ силы.

Если два человѣка учинятъ одно воровство и одинъ изъ нихъ обнаруженъ, то этотъ послѣдній долженъ удовлетворить обиженнаго, а самъ требовать половинное удовлетвореніе отъ своего соучастника; если-бы послѣдній отъ участія отказался, то первый обязанъ присягою семи человѣкъ доказать, что послѣдній былъ его соучастникомъ, и получить отъ него слѣдуемое удовлетвореніе **).

Если нѣсколько человѣкъ украдутъ одного быка и въ томъ сознаются, то обиженнаго удовлетворяютъ за одного быка сообща. Если-же никто изъ нихъ не сознается, то каждый изъ нихъ обязанъ присягою семи человѣкъ очиститься, а если обиженный увидитъ, что они всѣ присягаютъ, то, давъ шестерымъ присягу, седьмого уличаетъ самъ присягою семи человѣкъ и получаетъ удовлетвореніе; если-же всѣ семеро примутъ присягу и обижен-

---

*) Впрочемъ, этотъ адатъ не допускался противу людей, не замѣченныхъ въ воровствѣ. Адатъ этотъ, называвшійся джигка, въ 1862 году отмѣненъ, и установлено отъ подозрѣваемаго требовать очистительной присяги съ семью человѣками родственниковъ.

**) Адатъ этотъ нынѣ не примѣняется.

ный впослѣдствіи докажетъ, что воровство учинено ими, то каждый изъ нихъ платитъ за одного украденнаго быка по одному быку *).

Если у кого изъ дому сдѣлано воровство неизвѣстными людьми, и впослѣдствіи обиженный воровствомъ найдетъ у кого-нибудь что-либо изъ своей пропажи, то онъ обязанъ принять присягу съ семью человѣками въ томъ: 1-е) что эта вещь одна изъ пропавшихъ изъ его дома и 2-е) что съ этою вещью у него украдено на такую-то сумму; затѣмъ лицо, у котораго найдено что-либо изъ уворованнаго, долженъ указать, отъ кого ему таковое досталось, или-же удовлетворить обиженнаго за всю его потерю. Если-же такое воровство сдѣлано со взломомъ стѣны, дверей или окна, то виновный кромѣ того платитъ 20 руб. **).

Адаты по грабежамъ. Кто днемъ или ночью, въ 14, 15 и 16 день рожденія луны, будетъ ограбленъ дорогой и узнаетъ кого-нибудь изъ грабителей, тотъ имѣетъ право, принявъ присягу съ семью человѣками, изобличить виновнаго и получаетъ съ него удовлетвореніе.

Если-же ограбленіе случилось не въ тѣ лунные дни, которые указаны выше, то обиженному не дозволяется присягою семи человѣкъ обличать указываемаго имъ грабителя, а этому послѣднему предоставляется право очистить себя присягою семи человѣкъ отъ подозрѣнія.

Если грабитель будетъ изобличенъ, но не признаетъ суммы иска обиженнаго, то этому послѣднему предоставляется присягою семи человѣкъ доказать, на какую сумму онъ ограбленъ.

Адаты по поджогамъ. Кто подожжетъ саманникъ, домъ, стогъ сѣна или хлѣбъ на полѣ и въ томъ сознается, тотъ обязанъ удовлетворить обиженнаго по стоимости сгорѣвшаго.

Если виновный въ поджогѣ неизвѣстенъ, то обиженный, принявъ противу подозрѣваемаго присягу съ тремя человѣками своихъ родственниковъ, получаетъ съ него удовлетвореніе ***).

Если изобличенный въ поджогѣ сумму иска не признаетъ дѣйствительною, то онъ вправѣ требовать отъ обиженнаго дока-

---

*) Адатъ этотъ нынѣ не примѣняется.

**) При опознаніи скотины, какъ доказательства по опознанію, такъ и доказательства ея доморощенства, тѣ-же, что и въ другихъ частяхъ округа. Относительно показаній противу покойниковъ адатъ тотъ-же, какъ въ Каракайтагѣ, по брачнымъ-же дѣламъ примѣняются адаты магала Терекеме.

***) Адатъ этотъ отмѣненъ въ 1862 году.

зательства; обиженный обязанъ присягою семи человѣкъ подтвердить сумму своего убытка и получить удовлетвореніе *).

Селеніе Башлы.

Адаты по убійствамъ. Если произойдетъ убійство, то виновный и вся его фамилія скрываются подъ опасеніемъ быть убитыми кѣмъ-либо изъ родственниковъ убитаго; до-тѣхъ-поръ, пока убійца не выдастъ шаріатъ-ахча, 3 р. 30 к., родственники убитаго вправѣ убить перваго встрѣчнаго родственника убійцы; но послѣ выдачи шаріатъ-ахча они не имѣютъ этого права, подъ опасеніемъ отвѣтственности. За убійство взыскивается одинъ быкъ въ пользу управляющаго селеніемъ и другой въ пользу общества; затѣмъ убійца остается каплы до примиренія съ врагами.

Если, по выдачѣ шаріатъ-ахча, родственники убитаго сдѣлаютъ выстрѣлъ по кому-нибудь изъ родственниковъ убійцы, то за это съ виновнаго взыскивается штрафъ въ пользу общества 5 руб.; если онъ ранитъ, то удовлетворяетъ раненаго, платитъ въ пользу общества одного быка и угощаетъ всю компанію, которую приглашаетъ раненый, — этимъ совершается примиреніе. Если-же онъ убьетъ тѣмъ выстрѣломъ, то дѣлается каплы; подобное убійство называется «каракапъ»; убійца платитъ семь шаріатъ-ахча и, кромѣ преступника, назначается другой каплы, одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ виновнаго. Назначеніе другого каплы зависитъ отъ желанія обиженныхъ убійствомъ. Затѣмъ, оба эти каплы преслѣдуются родственниками убитаго, отъ которыхъ зависитъ убить ихъ обоихъ, или-же, убивъ одного, примириться съ другимъ, или примириться съ обоими. За кровь при примиреніи ничего не платится, а убійца обязанъ пригласить къ себѣ всѣхъ родственниковъ убитаго и угостить ихъ со всею компаніею, которую приглашаетъ пострадавшій отъ убійства **).

Если убійца, скрывшійся бѣгствомъ, умретъ своею смертію, или будетъ убитъ кѣмъ-либо изъ постороннихъ, то вражда прекращается, но тѣло мертваго не должны привозить для погребенія

*) Объ убыткахъ, причиняемыхъ на поляхъ, адаты тѣ-же, какъ и въ Кайтагѣ. По убійствамъ, воровствамъ, прелюбодѣяніямъ и уводу женщинъ виновные штрафуются двумя быками; по покраненію и грабежу—5 рублями.

**) Въ послѣднее время мало-по-малу начинаютъ, во время примиренія, обиженные убійствомъ брать деньги за кровь, отъ 60 до 80 руб.

на общественномъ кладбищѣ, не испросивъ позволенія на то родственниковъ убитаго, причемъ выдается имъ отъ 3 до 6 руб. деньгами или трехъ-лѣтній быкъ.

Если нѣсколько человѣкъ убьютъ одного и никто въ убійствѣ его не сознается, то каждому изъ нихъ, исключая послѣдняго, дается присяга съ 40-ка человѣками, по выполненіи которой родственникамъ убитаго предоставляется право принять присягу съ 40-ка человѣками и обличить обвиняемаго въ убійствѣ, послѣ чего этотъ послѣдній обязанъ выдать шаріатъ-ахча 3 р. 30 к. и поступается съ нимъ какъ съ убійцею.

Если членъ какой-нибудь фамиліи будетъ неизвѣстно кѣмъ убитъ, и если родственники его взведутъ на кого-либо подозрѣніе, то, объявляя объ этомъ подозрѣваемому лицу черезъ общество, требуютъ допустить его къ присягѣ съ 12-ю человѣками для обвиненія его въ убійствѣ (люди эти именуются отвѣтчиками); если отвѣтчики откажутся отъ исполненія требованія общества, то общество предлагаетъ обиженному убійствомъ принять присягу въ подозрѣніи своемъ, съ 12-ю человѣками, по выполненіи коей подозрѣваемый назначается въ канлы и онъ обязанъ выдать шаріатъ-ахча; въ случаѣ-же упорства его выдать шаріатъ-ахча, общество употребляетъ противу него насиліе и даже поступается съ нимъ какъ съ убійцею *).

Если въ обоюдной дракѣ убиты оба на мѣстѣ, то засчитывается кровь за кровь и между родственниками убитыхъ никакой вражды не остается. Если-же одинъ будетъ убитъ на мѣстѣ, а другой смертельно раненъ, то этотъ послѣдній обязанъ выдать шаріатъ-ахча 3 р. 30 к., затѣмъ, если онъ умретъ, то засчитывается кровь за кровь, а если останется живъ, то обязанъ, въ случаѣ примиренія, угостить всю фамилію убитаго и, по прочтеніи молитвы «фатиха», дѣлается свободнымъ, называясь «кровнымъ братомъ».

Если между двумя тохумами, или обществами, произойдетъ ссора, въ которой будутъ убитые, и если убитыхъ съ обѣихъ сторонъ равное число, то засчитывается кровь за кровь.

Если-же съ одной стороны будетъ убитыхъ больше, нежели съ другой, то та сторона, съ которой больше убитыхъ, вправѣ назначить себѣ канлы по своему усмотрѣнію съ противной стороны, изъ числа участвовавшихъ въ дракѣ.

---

*) Адатъ этотъ нынѣ не примѣняется.

Если отецъ убьетъ сына или дочь, то никѣмъ не преслѣдуется и штрафуется лишь двумя быками: однимъ въ пользу управляющаго селеніемъ, другимъ въ пользу общества.

Если мать убьетъ сына или дочь, то также за кровь не отвѣчаетъ и платитъ тотъ-же штрафъ.

Кто убьетъ своего отца, того домъ общество предаетъ огню; если остальные братья пожелаютъ искать крови своего отца, то вправѣ преслѣдовать убійцу.

Кто убьетъ мать свою, съ того взыскивается штрафъ, два быка: одинъ въ пользу общества, другой—управляющаго *).

Кто убьетъ жену свою, тотъ выходитъ въ канлы.

Если жена убьетъ своего мужа, то она подвергается такой-же отвѣтственности.

Но если кто, заставши жену свою съ любовникомъ, убьетъ ихъ обоихъ, то за кровь не отвѣчаетъ. Если-же онъ убьетъ любовника, а жену оставитъ у себя, то отвѣчаетъ за кровь.

Если онъ убьетъ жену, а любовникъ скроется бѣгствомъ, то убійца обязанъ преслѣдовать любовника, пока убьетъ, — съ нимъ нѣтъ адата на примиреніе.

Кто убьетъ беременную женщину, тотъ отвѣчаетъ за двѣ крови и выдастъ два шаріатъ-ахча, по 3 р. 30 к.

За неумышленное убійство человѣка виновный отвѣчаетъ какъ за умышленное.

Несовершеннолѣтніе и сумасшедшіе отвѣчаютъ за убійство наравнѣ съ другими.

Если лошадь, на которой ѣдетъ хозяинъ, убьетъ кого-нибудь, то хозяинъ ея, если подобная выходка лошади повторится три раза, обязанъ удовлетворить за кровь, когда родственники убитаго того пожелаютъ **).

Адаты по нанесенію ранъ. Ранившій кого-либо выдаетъ раненому три сабы пшеницы, три хинцы масла, три кары ($1^1/_2$ аршина) холста, одного барана, и приглашаетъ врача; черезъ три дня послѣ перевязки раны съ обѣихъ сторонъ назначается по одному человѣку, которые опредѣляютъ стоимость раны; затѣмъ продолжается лѣченіе; если раненый отъ полученныхъ ранъ умретъ, то съ поранителемъ поступается какъ съ убійцею, а

*) Изложенные адаты нынѣ не примѣняются.

**) Порядокъ присяги при очищеніи отъ подозрѣнія въ убійствѣ тотъ-же, что и въ Каракайтагѣ; за кровь мужчины, женщины и дитяти одинаковая отвѣтственность.

если вылѣчится, то поранитель обязанъ уплатить опредѣленную сумму за рану и угостить раненаго, со всею его фамиліею; затѣмъ, прочтя молитву «фатиха», мирится *).

Если кто-нибудь раненъ, но кѣмъ именно неизвѣстно, и впослѣдствіи взведетъ на кого-нибудь подозрѣніе, то обвиняемый обязанъ принять присягу съ семью человѣками, чтобы очиститься отъ обвиненія; въ противномъ-же случаѣ съ нимъ поступается какъ съ виновнымъ въ покушеніи.

Если между нѣсколькими человѣками произойдетъ драка, въ которой одинъ окажется раненымъ, но кѣмъ именно неизвѣстно, то 1) при указаніи раненаго на кого-нибудь изъ участвовавшихъ въ дракѣ, съ послѣднимъ поступается какъ съ виновнымъ, и 2) если-же раненый не въ состояніи указать ни на кого изъ нихъ и они сами не выдадутъ дѣйствительно-виновнаго, то всѣ они признаются виновными въ покушеніи.

Если-же раненый умретъ и участвовавшіе въ дракѣ не выдадутъ виновнаго, то всѣ они обязаны выдать каждый по 3 р. 30 к. шаріатъ-ахча и дѣлаются канлы.

Кто нанесетъ побои беременной женщинѣ, отъ которыхъ произойдетъ выкидышъ, тотъ дѣлается канлы.

Если чья-нибудь собака укуситъ кого-нибудь за воротами своего двора, то хозяинъ ея отвѣчаетъ какъ поранитель.

Если чья-нибудь лошадь, подъ верхомъ, причинитъ кому-нибудь ушибъ и потерпѣвшій докажетъ, что это она сдѣлала не въ первый разъ, то хозяинъ ея отвѣчаетъ за ушибъ, какъ за рану, а если такая лошадь убьетъ чью-либо другую лошадь, то хозяинъ первой обязанъ отдать свою лошадь, взамѣнъ убитой.

Если кто нечаянно ранитъ кого, то отъ раненаго зависитъ требовать себѣ удовлетворенія.

Если несовершеннолѣтній ранитъ кого-нибудь, то отвѣчаетъ какъ и совершеннолѣтній **).

Адаты по прелюбодѣянію и похищенію женщинъ. Если кто похититъ дѣвушку и съ нею войдетъ въ чей-либо домъ, то хозяинъ дома обязанъ тотчасъ разлучить ихъ, помѣстивъ въ разныя комнаты; потомъ онъ спрашиваетъ, желаетъ-ли она остаться у похитителя или возвратиться домой; въ первомъ случаѣ совершает-

*) За увѣчье при покушеніи виновный отвѣчаетъ по шаріату.

**) За убійство человѣка виновный платилъ въ штрафъ два быка: одного беку, а другого обществу; за покушеніе — одного быка обществу. Теперь это не примѣняется.

ся кебинъ, а въ послѣднемъ дѣвица возвращается въ домъ родителей. Похититель дѣлается канлы, и втеченіи 40 дней преслѣдуется родственниками похищенной; по истеченіи 40 дней, онъ можетъ возвратиться домой, но не иначе, какъ съ-вѣдома сельскаго кадія. Если до 40-ка дней родственники похищенной убьютъ похитителя, то убійство это не преслѣдуется, а за убійство послѣ этого срока подвергаются отвѣтственности, какъ за убійство «караканъ».

При увозѣ вдовы тотъ-же адатъ.

Кто похититъ чужую жену, съ того взыскивается штрафъ десять быковъ въ пользу общества и мужу платится за разводъ съ женою 160 руб.; но и послѣ этого похититель остается навсегда канлы, и его вправѣ убить, какъ мужъ похищенной, такъ и родные ея *). Если-бы, послѣ похищенія, она не пожелала быть женою похитителя, объявя, что похищеніе это произошло безъ ея согласія, то она отдается мужу, если онъ приметъ ее; если-же не приметъ—то родителямъ ея; но похититель и въ такомъ случаѣ не избавляется отъ изложеннаго выше наказанія и преслѣдованія.

Кто насильно лишитъ невинности дѣвицу, тотъ обязанъ жениться на ней; въ противномъ-же случаѣ дѣлается канлы, какъ убійца.

Кто схватитъ за руку дѣвушку и по какому-нибудь случаю не успѣетъ изнасиловать ее, тотъ обязанъ скрыться на 40 дней и платитъ въ штрафъ двухъ быковъ: одного обществу, другого управляющему; по прошествіи 40 дней, онъ является въ деревню и никѣмъ не преслѣдуется **).

Адаты по воровствамъ. Кто уличенъ въ воровствѣ чего-либо у кого-нибудь изъ односельцевъ своихъ, тотъ удовлетворяетъ обиженнаго втрое противу его потери и кромѣ того съ виновнаго взыскивался штрафъ — два быка, одинъ въ пользу управляющаго, другой — общества, и домъ вора предавался огню ***).

Кто уличенъ въ воровствѣ со взломомъ стѣны, окна, крыши или дверей, тотъ подвергался, кромѣ изложеннаго въ предъидущемъ пунктѣ, взысканію 20 руб. въ пользу обиженнаго воровствомъ.

---

*) Адатъ этотъ не примѣняется.

**) Штрафъ нынѣ не взыскивается.

***) Послѣдній адатъ отмѣненъ въ 1862 году.

Если кто уличенъ въ воровствѣ чего-нибудь у кого-либо изъ жителей другого селенія, то съ виновнаго взыскивается въ пользу обиженнаго стоимость его потери, а если на открытіе воровства заплаченъ рушпетъ, то и рушпетъ; кромѣ того, въ прежнее время виновный платилъ штрафъ—въ пользу общества и управляющаго по одному быку и домъ его предавался огню.

Если случилось воровство и воръ неизвѣстенъ, то подозрѣваемый обязанъ принять присягу съ семью человѣками своихъ родственниковъ.

Если, послѣ очищенія подозрѣваемаго присягою, обиженный воровствомъ выставитъ свидѣтеля, къ обличенію виновнаго, то свидѣтель, принявъ присягу съ семью человѣками, опровергаетъ присягу перваго и съ виновнымъ поступается по вышеприведеннымъ примѣрамъ, а за ложную присягу общество взыскиваетъ въ штрафъ еще одного быка *).

Если у кого съ поля или съ тока будутъ украдены снопы хлѣба, то виновный обязанъ удовлетворить обиженнаго втрое противу его потери. По подозрѣнію въ такомъ воровствѣ обвиняемый долженъ очиститься съ 40-ка человѣками.

Если у кого въ домѣ остановится кунакъ, и изъ конюшни уведутъ его лошадь, не причинивъ никакого ущерба домохозяину, то этотъ послѣдній обязанъ удовлетворить кунака за потерю, а самъ искать вора. Но если, при уводѣ лошади кунака, украдено что-нибудь и у домохозяина, то этотъ послѣдній не отвѣчаетъ за пропажу кунака, а если кунакъ подозрѣваетъ домохозяина въ этомъ воровствѣ, то вправѣ требовать отъ него очистительной присяги. Если домохозяинъ выполнитъ присягу, то оба они должны искать вора; въ противномъ-же случаѣ домохозяинъ удовлетворяетъ своего кунака по стоимости его пропажи **).

Адаты по убыткамъ, причиняемымъ покоснымъ и пахотнымъ мѣстамъ. Кто найдетъ чью-нибудь скотину на своемъ полѣ или посѣвѣ, тотъ объявляетъ объ этомъ курухчи, которые взыскиваютъ съ хозяина скотины по одной сабѣ пшеницы.

---

*) По опознанію своей скотины адатъ тотъ-же, какъ въ магалѣ Каракайтагѣ. Доказательства-же доморощенности скотины тѣ-же, что въ магалахъ Ганкъ, Гапшь и Мюра.

**) Адаты по поджогамъ тѣ-же, какъ въ Гамринскомъ магалѣ, съ тою лишь разницею, что здѣсь виновный удовлетворяетъ втрое противу стоимости сожженаго.

Дѣла по долговымъ претензіямъ разбираются по шаріату.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Во время сватовства назначается кебинъ въ 120 руб.; эти деньги женихъ обязанъ отправить въ домъ своей невѣсты; на нихъ, какъ равно и на то, что по состоянію своему отецъ дастъ своей дочери, покупаются одежды и прочія вещи, необходимыя въ хозяйствѣ, и когда все это приготовится, совершается кебинъ.

Если послѣ женитьбы мужъ не пожелаетъ жить съ своею женою, то онъ вправѣ прогнать ее, но затѣмъ обязанъ отдать ей все то, что она принесла съ собою изъ дома родителей, какъ купленное на деньги жениха, такъ и на деньги своихъ родныхъ.

Жена не имѣетъ права оставить своего мужа безъ особыхъ важныхъ причинъ; она можетъ требовать развода въ двухъ случаяхъ: если мужъ не въ состояніи отправлять супружескихъ обязанностей, или если, по бѣдности своей, онъ не въ состояніи содержать семейство. Но если-бы она по какимъ-либо другимъ причинамъ пожелала развода, то все ея имущество поступаетъ въ пользу мужа, а также она лишается кебина и волосъ съ головы.

III.

САМУРСКІЙ ОКРУГЪ.

Адаты по убійствамъ. Если одинъ, или нѣсколько человѣкъ, убьютъ, какимъ-бы то ни было оружіемъ, или отравятъ, какого-либо человѣка и, совершивши это, сознаются, то они должны удалиться сами изъ деревни на полгода въ другую мѣстность, чтобы не встрѣтиться съ родственниками убитаго. По истеченіи полугодичнаго срока, виновные возвращаются въ деревню, гдѣ общество миритъ ихъ съ родственниками убитаго, поступая при этомъ слѣдующимъ образомъ: на убійцу надѣваютъ саванъ, и нѣсколько человѣкъ почетныхъ жителей ведутъ его къ дому ближайшихъ родственниковъ убитаго; тамъ убійца проситъ прощенія у этихъ родственниковъ, и затѣмъ, заплативъ 300 руб., если убитый мужчина, и 150 руб., если убита женщина, почетныя ли-

ца мирятъ оба тохума. Послѣ этого не бываетъ преслѣдованія убійцы.

Если убійца, или убійцы, не сознаются въ содѣянномъ имп преступленіи, то, въ доказательство совершенія преступленія, требуется отъ истца два свидѣтеля, которые должны подъ присягою подтвердить справедливость обвиненія истцомъ убійцы.

Если истецъ не можетъ подкрѣпить свое обвиненіе двумя свидѣтельскими показаніями, а только однимъ, то принимается одинъ свидѣтель, съ тѣмъ, однако, что истецъ долженъ подъ присягою показать, что этотъ свидѣтель не подкупленъ имъ и не свидѣтельствуетъ изъ корыстныхъ видовъ.

Свидѣтелями въ такихъ случаяхъ не допускаются: 1-е) враги обвиняемаго, 2-е) родственники убитаго, къ которымъ по какимъ-нибудь случаямъ можетъ перейти наслѣдство убитаго, 3-е) люди дурного поведенія и 4-е) люди обличенные, хотя одинъ разъ, въ лжесвидѣтельствѣ.

Если у истца нѣтъ свидѣтелей, то подозрѣваемый въ убійствѣ долженъ очистить себя присягою сорока родственниковъ, изъ коихъ двадцать назначаются по выбору истца и двадцать по выбору отвѣтчика; если всѣ сорокъ выборныхъ очистятъ обвиняемаго присягою, то онъ освобождается отъ всякаго преслѣдованія; если-же изъ числа сорока выборныхъ его не очистятъ присягою отъ одного до четырехъ человѣкъ, то предоставляется истцу, вмѣсто ихъ, выбрать другихъ его родственниковъ, и если эти послѣдніе выборные примутъ присягу въ безвинности подозрѣваемаго, то онъ свободенъ отъ всякаго подозрѣнія, а въ противномъ случаѣ онъ считается преступникомъ и съ нимъ поступаютъ какъ съ убійцею *).

Если, въ обоюдной дракѣ, одинъ убитъ, а другой, получивъ тяжкія раны, останется живъ и выздоровѣетъ, то послѣдній обвиняется такъ-же, какъ убійца, т. е. платитъ за кровь, не получая самъ никакого возмездія за полученныя раны.

Если, въ обоюдной дракѣ, оба участвовавшія лица убиты или умрутъ отъ ранъ, то въ такомъ случаѣ ни одна сторона не получаетъ вознагражденія, засчитывая кровь за кровь.

---

*) Въ число сорока человѣкъ выборныхъ не допускаются люди, находящіеся во враждѣ съ подозрѣваемымъ лицомъ. Врагами считаются тѣ, которые въ праздникъ байрамъ не приходятъ съ поздравленіемъ и, въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ семейства, не приходятъ съ соболѣзнованіемъ.

Если два лица, или два тохума, въ дракѣ между собою убьютъ кого-либо изъ постороннихъ лицъ, пришедшихъ унять драку, и убійца не будетъ извѣстенъ, то плата за кровь падаетъ на обѣ стороны, и онѣ должны удовлетворить родственниковъ убитаго.

Въ дракѣ двухъ тохумовъ, если будетъ убито равное число людей съ каждой стороны, то засчитывается кровь за кровь; если-же въ одномъ тохумѣ будетъ убито большее число людей, то противный тохумъ долженъ заплатить за превышающее число кровей.

Въ дракѣ нѣсколькихъ постороннихъ лицъ, если будетъ кто-либо убитъ неизвѣстно кѣмъ, то участвовавшіе въ ней очищаютъ себя присягою, каждый порознь, въ томъ, что не онъ совершилъ убійство, и затѣмъ, по приведеніи всѣхъ участвовавшихъ къ присягѣ, они платятъ за кровь убитаго поровну.

Въ дракѣ двухъ деревень между собою, если будутъ убитые, то поступаютъ такъ, какъ объяснено выше о дракѣ двухъ тохумовъ.

За убійство отца, виновнаго долженъ убить родной братъ, но если у него братьевъ нѣтъ, то онъ лишается своего родового наслѣдства, которое получаютъ другіе ближайшіе родственники убитаго.

За убійство матери виновный платитъ за кровь родственникамъ убитой и часть своему отцу, а въ случаѣ отецъ убійцы не находится въ живыхъ, то вся плата за кровь поступаетъ родственникамъ матери.

За убійство жены виновный платитъ за кровь родственникамъ жены и, если имѣетъ сыновей, часть имъ.

За убійство жены, которую мужъ засталъ въ прелюбодѣяніи и убилъ ее вмѣстѣ съ любовникомъ, онъ за кровь, какъ жены, такъ и любовника ея, не платитъ и освобождается отъ преслѣдованія ихъ родственниковъ. Въ случаѣ-же убійства при этомъ только одного лица, т. е. жены или любовника, виновный платитъ за кровь родственникамъ убитаго, по существующему адату.

За убійство сына или дочери отецъ освобождается отъ всякаго обвиненія, такъ-какъ онъ есть хозяинъ своего семейства.

За убійство брата или сестры виновный платитъ за кровь дѣтямъ ихъ; если-же таковыхъ нѣтъ, то братьямъ своимъ или сестрамъ.

За убійство мужа виновная или ближайшія ея родственники должны заплатить за кровь родственникамъ мужа.

За убійство беременной женщины постороннимъ лицомъ, ви-

новный платитъ за кровь какъ за самою женщину, такъ и за плодъ ея; если плодъ мужескаго пола, то какъ за мужчину, а если женскаго, то какъ за женщину. Если-же плодъ незрѣлый, то платится 50 руб.

За убійство матерью сына или дочери родственники матери платятъ за кровь отцу.

За неумышленное убійство совершившій оное платитъ стоимость полкрови, если родственники убитаго того потребуютъ; во всякомъ случаѣ, неумышленный убійца не платитъ штрафа.

При платежѣ за кровь, если виновный не имѣетъ состоянія, за него должны взнести плату его родственники.

Мѣстные лѣкаря, джарахи, за смерть не отвѣчаютъ, такъ-какъ лѣченіе производится на условіяхъ, по которымъ больной и родственники его всегда отрекаются напередъ отъ претензій при неблагопріятномъ исходѣ лѣченія.

Сумасшедшіе, учинившіе убійство, отвѣчаютъ наравнѣ съ прочими убійцами *).

Дѣти, какого-бы возраста и пола они ни были, за совершенное ими убійство подвергаются отвѣтственности наравнѣ со взрослыми.

Адаты по пораненіямъ. За всякую рану, нанесенную огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, виновный долженъ заплатить по оцѣнкѣ раны джарахомъ (лѣкаремъ).

Если-же обвиняемый въ нанесеніи раны не сознается въ своемъ поступкѣ, то со стороны истца требуется такихъ-же доказательствъ, какія требуются по обвиненію въ убійствѣ.

Если у истца не будетъ этихъ доказательствъ, тогда виновный долженъ очистить себя присягою съ четырьмя человѣками ближайшихъ своихъ родственниковъ, изъ которыхъ два должны быть назначены истцомъ, а два обвиняемымъ; когда выборные эти принесутъ присягу въ томъ, что обвиняемый не учинилъ пораненія, тогда виновный освобождается отъ платы. Если-же кто-либо изъ выборныхъ не приметъ присяги въ невиновности подозрѣваемаго, то въ такомъ случаѣ послѣдній платитъ за рану, сообразно ея оцѣнкѣ.

Если въ дракѣ нѣсколькихъ лицъ будутъ пораненые и въ нанесеніи ранъ никто не сознается, то за рану платитъ тотъ, на кого укажетъ пораненый.

Если до истеченія одного года раненый умретъ отъ полу-

*) Этотъ адатъ не примѣняется со времени покоренія Самурскаго округа.

ченной раны, то виновный въ покаленіи отвѣчаетъ какъ за убійство.

За лишеніе какого-либо одного изъ главныхъ членовъ тѣла, какъ-то: руки, ноги или глаза, съ виновнаго взыскивается половина платы, положенной за кровь по убійству.

За нанесеніе побоевъ или ранъ беременной женщинѣ, отъ которыхъ она выброситъ плодъ, виновный платитъ за увѣчье и раны женщины по оцѣнкѣ ихъ и за выброшенный плодъ ту-же сумму, какая обозначена выше, по убійству плода.

За неумышленное нанесеніе раны виновный подвергается такому-же взысканію, какъ и за умышленное.

Если чья-нибудь собака поранитъ человѣка и объ этомъ будетъ предупрежденъ ея хозяинъ, и за симъ уже случится второе покаленіе кого-нибудь этою-же собакой, то за второе, третье и т. д. покаленіе хозяинъ собаки платитъ за раны покаленнымъ ею людямъ; въ случаѣ-же отъ ея укушенія умретъ кто-нибудь, то хозяинъ собаки платитъ радственникамъ умершаго за кровь.

Адаты по прелюбодѣяніямъ и похищенію женщинъ. За увозъ дѣвицы, съ согласія ея совершитъ кебинъ, виновный, уже совершившій кебинъ, долженъ заплатить отцу или другимъ ближайшимъ родственникамъ дѣвицы такую-же сумму, какъ за убійство женщины, т. е. 150 руб.

Если увезена дѣвица, обрученная съ другимъ, и увезшій совершитъ съ нею кебинъ, то бракъ не расторгается, но похититель долженъ заплатить вышеозначенную сумму родителямъ невѣсты, которые въ свою очередь должны заплатить прежнему жениху ея всѣ издержки, какіе онъ понесъ при сватовствѣ.

Если увезшій обрученную съ другимъ дѣвицу не совершитъ съ нею кебина, то дѣвица возвращается родителямъ и виновный долженъ заплатить имъ 150 р., хотя-бы онъ и не успѣлъ имѣть съ этой дѣвицей прелюбодѣянія. При этомъ предоставляется право жениху, съ которымъ она была обручена прежде, взять ее себѣ въ жены или отказаться отъ нея; въ послѣднемъ случаѣ женихъ получаетъ отъ родителей невѣсты такое-же вознагражденіе, какое объяснено выше.

За растленіе дѣвицы виновный платитъ за кровь и если родители желаютъ выдать ее за виновника, то кебинъ долженъ быть совершенъ, хотя-бы лишившій дѣвицу невинности и не желалъ жениться; при нежеланіи-же родителей выдать дочь свою за растлителя, послѣдній не можетъ жениться, хотя-бы того и же-

лалъ; если-же онъ вторично похититъ ее, то снова платитъ за кровь родителямъ ея.

За изнасилованіе дѣвушки, совершившей кебинъ, или замужней женщины, или-же только за желаніе изнасиловать, встрѣтившее препятствіе отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, виновный долженъ заплатить какъ за цѣлую кровь, т. е. 300 руб.

Если виновный не сознается въ этомъ преступленіи, то со стороны дѣвушки или женщины требуются слѣдующія доказательства: она должна представить или свидѣтелей, или какіе-либо другіе вѣроятные и заслуживающіе вниманія факты *).

За прелюбодѣяніе съ замужней женщиной деньги получаетъ мужъ ея, который долженъ развестись съ нею, и она ни въ какомъ случаѣ не можетъ выйти замужъ за своего любовника.

Адаты по воровству. За воровство вещей, денегъ и другого имущества, какъ-то: лошади, коровы и т. д., изъ дому, изъ мечети, съ поля, — съ виновнаго взыскивается вдвое противу стоимости уворованной вещи и *муштулукъ*, т. е. деньги, употребленныя хозяиномъ уворованной вещи на розысканіе ея.

Если обвиняемый въ воровствѣ не сознается въ немъ, то отъ истца требуются два свидѣтеля, которые подъ присягою должны подтвердить показаніе его; если-же двухъ свидѣтелей истецъ не представитъ, то достаточно одного, съ тѣмъ, что истецъ долженъ самъ присягнуть въ томъ, что представляемый имъ свидѣтель не подкупленъ.

Если истецъ не можетъ представить и одного свидѣтеля, то обвиняемый въ воровствѣ долженъ очистить себя присягою четырехъ человѣкъ изъ близкихъ родственниковъ своихъ (изъ которыхъ двухъ человѣкъ выбираетъ истецъ и двухъ обвиняемый), въ томъ, что онъ не совершилъ взводимаго на него воровства. Если выборные четыре человѣка очистятъ его присягою, тогда и обвиняемый допускается къ присягѣ; если-же изъ выборныхъ кто-либо откажется отъ присяги и не можетъ поручиться за невиновность подозрѣваемаго, то онъ признается воромъ.

Если кто опознаетъ уворованную у него вещь и докажетъ принадлежность ея себѣ двумя или хотя однимъ свидѣтелемъ, въ неподкупности котораго самъ приметъ присягу, то хозяинъ ве-

*) Обвиненіе мужчины или женщины въ прелюбодѣяніи только тогда принимается, когда обвинитель представитъ свидѣтелей или фактическія доказательства; въ противномъ случаѣ отъ обвиняемыхъ не требуется очистительной присяги.

щи, у котораго она опознана, платитъ опознавшему за всѣ пропавшія у него вмѣстѣ съ опознанною вещи, а тому, у котораго она опознана, предоставляется право иска къ тому человѣку, у котораго онъ ее пріобрѣлъ.

При воровствѣ-мошенничествѣ, если кто обмѣрилъ кого, или обвѣсилъ, или продалъ порочную лошадь за безпорочную, виновные должны отдать недомѣренный или недовѣшенный товаръ покупателю, а также должны принять обратно порочную лошадь, быка и т. д.

Если проѣзжающіе остановятся на ночлегъ въ домѣ или въ полѣ и одинъ изъ нихъ объявитъ своимъ товарищамъ, что при немъ находится такое-то количество денегъ или вещей, и во время ночлега будутъ уворованы вещи или деньги и воръ не окажется, то всѣ товарищи должны уплатить стоимость уворованной вещи или пропавшія деньги, очистивъ себя предварительно присягою, каждый порознь, что не онъ воръ этой вещи, дабы товарищи не имѣли другъ на друга подозрѣнія.

Если у проѣзжающаго пропадутъ деньги или вещи, объявленныя товарищамъ, но не будетъ извѣстна пропавшая сумма, тогда тотъ, у котораго случилась пропажа, присягою утверждаетъ сумму, уворованную у него.

Если кто-нибудь опознаетъ лошадь, быка, корову, эшака и т. д. и представитъ свидѣтелей, что это есть его собственность, то опознанная скотина отдается опознавшему, а тому, у кого она опознана, предоставляется право иска къ продавцу ему этого животнаго; нить такого иска иногда доводитъ до вора, укравшаго это животное, а иногда находится хозяинъ, который черезъ свидѣтелей докажетъ, что опознанная скотина есть его доморощенная; въ такомъ случаѣ животное это отбирается отъ перваго опознателя и возвращается тому, кто доказалъ, что оно его доморощенное.

Адаты по поджогамъ. Кто подожжетъ мечеть, домъ, саманникъ, хлѣбныя скирды, сѣно и т. д., или вырубитъ деревья въ чужомъ саду, тотъ долженъ заплатить убытки, понесенные хозяевами, и сверхъ того въ прежнее время налагалось на него большое оштрафованіе, даже нерѣдко разорялся домъ преступника.

Если обвиняемый въ поджогѣ не сознается, то отъ истца требуются такія-же доказательства, какъ при обвиненіи кого-либо въ воровствѣ; если истецъ не представитъ ихъ, то отъ обвиняемаго требуется, чтобы онъ очистилъ себя присягою двадцати че-

ловѣкъ родственниковъ, изъ которыхъ десять должны быть выбраны истцомъ, а десять отвѣтчикомъ; если эти выборные подъ присягою поручатся за невиновность подозрѣваемаго, то онъ освобождается отъ подозрѣнія; если-же хотя одинъ изъ выборныхъ не рѣшится присягнуть и не поручится за невиновность подозрѣваемаго, тогда послѣдній обвиняется какъ преступникъ.

Адаты по долговымъ обязательствамъ. Если кто долженъ кому-нибудь деньги, вещи или другое имущество и отъ уплаты этого долга отказывается, то истецъ долженъ въ подтвержденіе своего иска представить въ доказательство двухъ свидѣтелей, которые подъ присягою должны подтвердить показаніе истца. При неимѣніи-же двухъ свидѣтелей принимается показаніе и одного, съ тѣмъ что истецъ долженъ самъ подъ присягою подтвердить, какъ справедливость своего иска, такъ и неподкупленность поставляемаго имъ свидѣтеля.

Если у истца пѣтъ свидѣтелей, то отвѣтчикъ одинъ лично присягаетъ въ томъ, что не состоитъ должнымъ истцу.

Если кто предъявитъ свой искъ о долгахъ на кого-нибудь и отвѣтчикъ подтвердитъ, что онъ, дѣйствительно, состоялъ должнымъ истцу, но долгъ свой заплатилъ, тогда отъ отвѣтчика требуется, чтобы онъ представилъ свидѣтелей.

Если отвѣтчикъ не представитъ свидѣтелей, то истецъ долженъ лично присягою удостовѣрить, что отвѣтчикъ состоитъ ему должнымъ и, по принесеніи этой присяги, съ отвѣтчика взыскивается долгъ.

Если кто-либо изъ должниковъ окажется несостоятельнымъ, то все имущество его дѣлится между кредиторами пропорціонально должной каждому суммѣ, и затѣмъ предоставляется право кредиторамъ секвестровать имущество должника, если онъ пріобрѣтетъ его вновь, и раздѣлить его также между собою, и такимъ образомъ поступать до-тѣхъ-поръ, пока долги несостоятельнаго должника будутъ уплачены кредиторамъ.

Адаты, по убыткамъ, причиняемымъ покоснымъ и пахотнымъ полямъ. Если кто потравитъ своимъ скотомъ пастбищныя или покосныя поля или-же скоситъ эти поля, то потрава свидѣтельствуется двумя выборными, назначаемыми обществомъ, которые опредѣляютъ цѣнность этой потравы, и съ виновныхъ взыскиваются убытки, причиненные хозяину.

Если обвиняемый въ потравѣ не сознается въ ней, то отъ владѣльца земли требуются два присяжные свидѣтеля въ под-

тверждение справедливости его показаній; если таковыхъ не имѣется, то достаточно и одного свидѣтеля, но въ такомъ случаѣ присягаетъ и самъ истецъ; если-же у истца не будетъ ни одного свидѣтеля, то обвиняемый въ потравѣ долженъ собственной присягой очистить себя въ томъ, что не его скотъ учинилъ потраву и что не онъ скосилъ поле.

Для сбереженія общественныхъ полей отъ потравъ назначаются отъ общества особенные сторожа (курухчи), которые, нашедши чей-либо скотъ на поляхъ общественныхъ, берутъ въ свою пользу одного барана или стоимость его съ хозяина скота, найденаго на поляхъ.

Если хозяинъ скота, найденнаго на общественныхъ поляхъ, не признаетъ, что его скотъ дѣйствительно находился на общественныхъ поляхъ, то въ опроверженіе его показанія достаточно присяжнаго показанія самого сторожа, который нашелъ тамъ этотъ скотъ.

Адаты по брачнымъ дѣламъ. Желающій жениться на дѣвушкѣ или вдовѣ долженъ заплатить за нее условленную плату (іолъ-пули) ея родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ—векилю (опекуну).

Бываетъ, что мужчина, бравши въ замужество за себя изъ какого-нибудь семейства женщину, обязался отдать въ то-же семейство свою сестру, дочь или находящуюся въ опекѣ его дѣвушку за одного изъ членовъ его въ замужество,—въ такомъ случаѣ онъ не платитъ іолъ-пули и обмѣнъ этотъ называется башабашъ.

Бываетъ иногда, что при такомъ обмѣнѣ женщинъ, одна изъ нихъ взрослая, достигнувшая лѣтъ, въ которыя дозволяется вступать въ бракъ, а другая, долженствующая поступить взамѣнъ ея, малолѣтная: въ такомъ разѣ мужчина, женившійся на взрослой, отдавая малолѣтную, доплачиваетъ условленную сумму денегъ тому семейству, изъ котораго беретъ взрослую дѣвушку.

Прежде вступленія въ бракъ, между желающими сочетаться имъ бываетъ обрученіе, которое производится слѣдующимъ образомъ: женихъ посылаетъ двухъ довѣренныхъ отъ себя лицъ, сватовъ, въ домъ невѣсты; они приносятъ ей подарки (нишанъ), состоящіе изъ кольца, платка и другихъ вещей, по принятіи которыхъ отъ сватовъ, невѣста считается обрученною и она не имѣетъ уже права выходить замужъ за другого, безъ согласія на то обрученнаго ея жениха.

Одинъ только отецъ имѣетъ право выдать дочь свою за-

мужъ противу ея желанія; прочіе-же родные и векили не имѣютъ этого права, такъ-что засватанная невѣста при жизни отца,—послѣ его смерти, можетъ отказаться отъ замужества съ тѣмъ жехомъ, съ которымъ она была обручена, и родные ея должны отдать жениху этому обратно ишанъ и всѣ издержки, какія онъ понесъ при сватовствѣ.

Если два семейства обручили дѣвушекъ, которыхъ по условію слѣдуетъ дать башабашъ, и одна изъ нихъ умретъ до совершенія кебина, то женихъ можетъ требовать, чтобы взамѣнъ ея далп другую изъ того-же семейства дѣвушку; если умретъ и другая, то онъ имѣетъ право требовать третью; затѣмъ его требованья прекращаются, если родители того семейства не захотятъ выдать за него четвертую, но они возвращаютъ ему іолъ-пули. Если-же женихъ не пожелаетъ, вмѣсто умершей своей невѣсты, взять другую дѣвушку въ томъ семействѣ, то родители умершей должны возвратить ему іолъ-пули.

Опредѣленной цѣны іолъ-пули нѣтъ; она совершенно зависитъ отъ обоюдныхъ условій, но вообще за дѣвушку платится болѣе, нежели за вдову.

За исключеніемъ іолъ-пули, женихъ обязывается подарить женѣ деньги, называемыя кебинными: дѣвушкѣ не менѣе 15 р., а вдовѣ—не менѣе 7 руб. 50 коп.; эти деньги—неприкосновенная собственность этой женщины.

Если, по совершеніи кебина и прочихъ обрядовъ, дѣвушка, вышедшая замужъ, окажется нецѣломудренною, то женихъ ея имѣетъ право потребовать отъ родителей ея въ возвратъ іолъ-пули и развестись съ нею.

Для удостовѣренія цѣломудренности дѣвушки существуетъ слѣдующій обычай: послѣ кебина, когда молодые удаляются въ комнату, гдѣ приготовлено для нихъ брачное ложе, у дверей этой комнаты остаются два родственника жениха, которые послѣ акта совокупленія должны принести простыню съ брачнаго ложа родственникамъ невѣсты.

Мужчина имѣетъ полное право безъ особенныхъ причинъ дать разводъ своей женѣ во всякое время.

Женщина имѣетъ право требовать развода только въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда мужъ не можетъ отправлять своихъ супружескихъ обязанностей, б) когда мужъ зараженъ прилипчивою болѣзнью и в) когда мужъ не можетъ по бѣдности содержать свою жену.

О ПОСЛѢДСТВІЯХЪ УБІЙСТВЪ И ПОРАНЕНІЙ МЕЖДУ ГОРЦАМИ ВОСТОЧНАГО КАВКАЗА.

I.

Кровомщеніе и оцѣнка жизни и ранъ, какъ обычай.

Ветхозавѣтное «кровь за кровь» существовало между кавказскими горцами еще до внесенія въ ихъ среду ислама. Это доказывается какъ тѣмъ, что горцы не-мусульмане (осетины, тушины, пшавы, хевсуры) придерживались этого обычая еще суровѣе мусульманъ, такъ и тѣмъ, что въ арабскихъ лѣтописяхъ Дагестана упоминается о существовавшихъ у невѣрныхъ горцевъ правилахъ отвѣтственности за кровь.

Судя по мѣстнымъ преданіямъ, убійства и пораненія были у горцевъ явленіями обыкновенными и часто повторявшимися. Въ обществахъ, не имѣвшихъ ни владѣтельныхъ фамилій, ни господствовавшихъ сословій, этому содѣйствовало, помимо другихъ естественныхъ причинъ, еще отсутствіе сколько-нибудь организованныхъ охранительныхъ порядковъ: достаточно было быть сильнымъ по числительности рода или храбрымъ, чтобы безнаказанно расправляться со встрѣчнымъ и поперечнымъ *). Тамъ-же, гдѣ были владѣтельныя фамиліи, никто не думалъ о способахъ къ ослабленію этого зла, потому-что оно составляло источникъ доходовъ владѣтелей, получавшихъ весьма значительный штрафъ, какъ за убійства, такъ и за пораненія.

Нельзя сказать, чтобы убійства и пораненія оставались у

*) Намъ извѣстенъ былъ, между-прочимъ, одинъ кайтагецъ (аула Карацанъ), который, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, убилъ въ разное время 18 одноаульцевъ, но, опираясь на сильную фамилію свою, оставался ненаказаннымъ. Только въ 1861 году, съ открытіемъ окружного управленія, онъ и сынъ его были задержаны.

горцевъ безъ всякихъ преслѣдованій; напротивъ, обычай узаконилъ нѣкоторые порядки преслѣдованія; но, предоставляя, какъ увидимъ ниже, расправу съ преступникомъ самой пострадавшей сторонѣ, горскіе обычаи тѣмъ самымъ поставили возмездіе въ зависимость отъ силы и вліятельности фамиліи преступника. На основаніи обычаевъ, убійца не преслѣдовался обществомъ; напротивъ, члены этого общества, не принадлежащіе къ роду убитаго, способствовали убійцѣ скрыться; но, взамѣнъ того, обычай предоставлялъ родственникамъ убитаго право отомстить убійцѣ смертью. Бывали случаи, что отомщеніе вызывало новое убійство, отомщавшееся въ свою очередь, и т. д., пока обѣ стороны не вымирали до послѣдняго; но это были исключенія и случались большею частью въ тѣхъ горскихъ обществахъ, которыя имѣютъ фамильныя башни, или когда убійство (первопачальное) случилось между сильными фамиліями, искавшими преобладанія. Обычай-же ограждалъ отъ такого кровомщенія и не допускалъ убійствъ, послѣ того какъ кровь получена за кровь.

По совершеніи убійства, преступникъ поступалъ двояко: если онъ принадлежалъ къ обществу, имѣющему каменные дома или башни, то спѣшилъ скрыться въ свой домъ; въ противномъ случаѣ, спѣшилъ бѣжать въ сосѣднее или отдаленное общество, смотря по тому, насколько опасна была фамилія убитаго; а если были по близости владѣтели или князья, то прибѣгалъ подъ ихъ покровительство. Если убійцѣ не удавалось скрыться и онъ бывалъ убитъ настигшими родственниками убитаго, то кровь зачиталась за кровь и общество спѣшило, послѣ этого, окончательно примирить обѣ фамиліи. Въ томъ-же случаѣ, когда убійцѣ удавалось благополучно переступить порогъ своего дома, онъ оставался въ безопасности, какъ потому, что дома, сложенные изъ камня, по архитектурѣ своей, представляютъ всѣ удобства для обороны, а если это башня, то и совершенную недоступность, такъ и потому, что броситься на чужой дворъ—значитъ, по обычаю, *попрать святость и неприкосновенность чужого порога*,—а это тяжкое преступленіе вызвало-бы негодованіе цѣлаго общества. Рѣдки были также случаи преслѣдованія тѣхъ, которымъ удавалось скрыться въ другое общество. Что-же касается тѣхъ, которые прибѣгали къ покровительству владѣтеля или князя, то они до того бывали увѣрены въ своей безопасности, что нерѣдко выѣзжали при свитѣ своего патрона, для сопровожденія его.

Въ Чечнѣ убійца не оставался въ аулѣ, онъ старался удалиться куда-нибудь подальше, опасаясь оставаться въ своей саклѣ, сдѣланной изъ хворосту и глины; въ то-же время удалялись, хотя-бы въ сосѣдніе аулы, и ближайшіе родственники его. Эти послѣдніе оставались въ изгнаніи до установленія примиренія между фамиліями и, согласно этикета, до разрѣшенія обиженной стороны. Возвратившись въ аулъ, они платили выкупъ (алумъ) въ различномъ размѣрѣ, смотря по степени родства съ виновнымъ, и освобождались отъ дальнѣйшей отвѣтственности.

Остался-ли убійца въ аулѣ, бѣжалъ-ли онъ на сторону, въ обоихъ случаяхъ для него наступали дни безпокойства и томительной осторожности. Оставшись въ аулѣ, онъ дѣлался арестантомъ: забирался въ самую недоступную комнату своего дома, окружалъ себя оружіемъ и сидѣлъ по цѣлымъ суткамъ передъ очагомъ, развлекаясь, если могъ, монотонною игрою на *сазѣ* или *пандурѣ*. Не менѣе тяжко было и убійцѣ, находившемуся въ изгнаніи, по-крайней-мѣрѣ на первое время, пока онъ не успѣлъ привыкнуть къ своему положенію. Онъ, можно сказать, боялся своей тѣни, во всемъ подозрѣвалъ сѣти и тайныхъ преслѣдователей. Относительно спокойнѣе другихъ жилъ удалившійся подъ покровительство. Принимать подъ свое крыло этихъ «жертвъ случайностей» почиталось такимъ похвальнымъ поступкомъ, что не только сильные уздени, но князья и владѣтели принимали бѣглыхъ убійцъ чуть не съ почетомъ и дѣлались ходатаями за нихъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что предпочесть тотъ или другой домъ для прибѣжища, значило—отличить его какъ сильнаго и великодушнаго.

Если враждебная сторона не склонялась на примиреніе, то заточеніе виновнаго продолжалось до его естественной или насильственной смерти *).

Случалось, что враждебная сторона склонялась на примиреніе; но этого достигали съ большимъ трудомъ и уже черезъ нѣсколько лѣтъ. Чтобы добиться отъ *хозяевъ крови* согласія на примиреніе, прибѣгали къ разнымъ средствамъ: подсылали посредниковъ, собирали стариковъ разъ, другой, третій и отправляли ходатаевъ. Если краснорѣчіе вожака, не смотря на то, что слова его льстятъ самолюбію «воина храбраго и великодушнаго», не

*) Мы знали такихъ убійцъ, которые сидѣли въ заточеніи болѣе 20 лѣтъ и походили скорѣе на мумій, нежели на живыхъ людей.

достигали желаемаго; если какая-нибудь циническая фраза одного изъ присутствовавшихъ родственниковъ убитаго губила весь эффектъ этого краснорѣчія,—посредники возвращались по домамъ, утѣшая себя мыслью, что выполнили свой долгъ; если-же цѣль достигнута, то пиръ и подарки служили имъ наградою. Опытные старики обыкновенно приступали къ посредничеству уже послѣ того, какъ узнавали стороною, что можно ожидать успѣха; но и при этомъ *порядочность* требовала, чтобы обиженная сторона не согласилась легко и скоро. Иногда, для достиженія той-же цѣли, убійца наряжался въ саванъ и въ этомъ видѣ являлся ночью въ домъ *ищущаго крови*; здѣсь онъ повергался на землю и предавалъ себя доброй волѣ хозяевъ.

Убійцѣ прощали или безусловно, или за уплату кровной цѣны. У разныхъ племенъ преобладало то или другое, завися отъ характера племени и отъ болѣе или менѣе укоренившихся понятій о великодушіи и совѣстливости. Тогда какъ одни прощали за чашку водки или бузы, или даже просто во отпущеніе грѣховъ своихъ, заявляя при этомъ, что нѣтъ такой цѣны, которая вознаградила-бы ихъ потерю, — другіе требовали опредѣленной платы за кровь.

Итакъ, убійца былъ вообще отвѣтственъ только передъ *хозяевами крови*, т. е. передъ родственниками убитаго; во власти этихъ послѣднихъ было наказать виновнаго, или простить ему.

Переходимъ къ пораненіямъ. При пораненіяхъ, преступность самого дѣйствія также не принималась во вниманіе и не преслѣдовалась; оцѣнивалась только степень вреда или, правильнѣе, убытка, причиненнаго раненому. Такъ, если раненыхъ было по нѣсколько человѣкъ съ каждой стороны, то сравнивались раны тѣхъ и другихъ и отвѣчала уже та сторона, которая нанесла больше ранъ или серіознѣе; но при этомъ она отвѣчала только за тѣ раны, или за то свойство ранъ, которыя оставались за вычетомъ полученныхъ самими отвѣтчиками.

Раны дѣлились на: 1) дѣлающія человѣка безполезнымъ, 2) тяжелыя и 3) легкія. Къ первымъ относились такія, вслѣдствіе которыхъ раненый лишался способности работать и самостоятельно существовать; ко вторымъ—поврежденіе черепа, лишеніе какого-либо члена и поврежденіе кости; къ третьимъ—такія, при которыхъ кость не тронута. Каждый изъ двухъ послѣднихъ родовъ ранъ имѣлъ множество подраздѣленій, а потому оцѣнка ранъ была разнообразна. Такъ, за отсѣченную или иска-

лѣченную руку платили отъ 60 — 100 руб., за каждый отрубленный палецъ отъ 5 — 10 руб.; за рану, дошедшую до кости, брали до 20 руб., за легкую отъ 1 р. до 15 р. *). Вотъ примѣръ удовлетвореній за раны: поранитель платитъ раненому: 6 р. деньгами, шесть мѣръ пшеницы, два фунта масла, полтора фунта меду, кусокъ бязи и два барана; онъ-же платитъ лѣкарю за первое посѣщеніе для осмотра раны 2 руб. и за лѣченіе 30 р. Другой случай: раненому 3 руб. деньгами, три мѣры пшеницы, два фунта масла, полтора фунта меду, кусокъ бязи и одного барана; черезъ годъ рана пересвидѣтельствуется и раненый получаетъ еще 5 руб. и одного барана; лѣкарю за первый визитъ 2 руб. и за лѣченіе 15 руб.

Вообще, поранитель подвергался слѣдующему расходу: посылалъ больному гостинецъ, платилъ лѣкарю за первый визитъ для осмотра раны, ему-же давалъ вознагражденіе за труды по лѣченію, наконецъ — раненому цѣну раны. По окончаніи всѣхъ этихъ расчетовъ, дѣло считалось конченнымъ, или кредиторъ удовлетвореннымъ.

Если послѣдствіемъ раны приключилась смерть, то, отъ какой-бы раны это ни произошло, виновный отвѣчалъ какъ за убійство **).

II.

Отвѣтственность за убійство и пораненіе по шаріату.

Внося въ горы религію и цивилизацію, аравитяне застали здѣсь почву, какъ нельзя быть лучше готовую принять принципы права, предлагаемые новою доктриною; мало того, эти послѣдніе до такой степени соотвѣтствовали установившимся обычаямъ и нравамъ горцевъ, что законодатель, начерчивая свой

*) Оцѣнщиками бывали лѣкарь и опытные старики.

**) Иногда самая ничтожная рана влекла за собою смерть, какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ пріемовъ лѣкаря, напр. *скобленія черепа*, такъ и вслѣдствіе отвращенія къ ампутаціямъ.

кодексъ, какъ-будто имѣлъ въ виду условія быта именно здѣшнихъ горцевъ. Здѣсь, какъ и въ пустыняхъ Аравіи, оказалось то-же дѣленіе на кланы, та-же патріархальность, то-же предпочтеніе мужчины женщинѣ, воинственность, тѣ-же врожденныя полудобродѣтели, которыми отличаются вообще свободныя и патріархальныя расы, и пр.

Относительно убійства и пораненій, та часть арабскаго уголовнаго законодательства, которая трактуетъ объ отвѣтственностяхъ за кровь, не только въ основаніяхъ своихъ не противорѣчила нравамъ и обычаямъ горцевъ, но, напротивъ, подтверждала и даже освящала ихъ, какъ постановленія согласныя съ божественными откровеніями. Изреченія, въ которыхъ, въ числѣ отличительныхъ качествъ «вѣрующаго и возлагающаго свое упованіе на Бога», указываются между-прочимъ и такія, по которымъ человѣкъ, «*испытавъ огорченіе, расправляется самъ и воздаетъ за зло равнымъ зломъ*», послуживъ основаніемъ этого законодательства, вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердили главное основаніе обычая горцевъ.

Такимъ образомъ, подобно адату, арабское законодательство предоставляетъ вѣдаться съ убійцею *хозяевамъ крови*, съ поранителемъ *хозяевамъ вреда* и отомщать смертью за смерть, раною за рану. Разница только въ томъ, что за единицу при оцѣнкѣ жизни и ранъ принимается по этому законодательству не корова, какъ было у горцевъ, а верблюдъ; кромѣ того, первый принимаетъ отчасти во вниманіе обстоятельства, смягчающія вину или усиливающія ее.

Какъ извѣстно, арабское законодательство основывается на коранѣ, но вслѣдствіе того, что этотъ послѣдній не возбраняетъ «споровъ о вѣрѣ», нѣкоторые неуясненные вопросы, или такіе, смыслъ которыхъ можно объяснять различно, объясняются разными толкователями по-своему. Вслѣдствіе этого, разныя страны мусульманскаго міра пользуются для судебной практики книгами тѣхъ или другихъ ученыхъ.

Кавказскіе горцы всѣ безъ исключенія принадлежатъ къ сектѣ Суни; но изъ нихъ горцы восточнаго Кавказа придерживаются толка Шапіэ, а западнаго—Ханафи.

На восточномъ Кавказѣ усвоенъ судьями (кади, кази) *нававійскій* сборникъ правовѣдѣнія (ильму пикхъ) *), съ коммен-

*) Мы придерживаемся произношенія горскихъ муллъ.

таріями Джемалэддина. Книги эти называются вообще *Магали* *).

Та часть Магали, которая заключаетъ въ себѣ уголовные законы по убійствамъ и нанесеніямъ ранъ, дѣлится на 5 главъ, изъ коихъ *первая* трактуетъ о нанесеніяхъ вообще, *вторая* о правѣ и порядкѣ отомщеній, *третья* о пеняхъ, *четвертая* о вознагражденіяхъ пенями, *пятая* о порядкѣ разбирательствъ по кровнымъ дѣламъ и о присягахъ по нимъ. Въ этихъ главахъ до мельчайшихъ подробностей разобраны случаи нанесеній и убійствъ, съ указаніемъ послѣдствій, которымъ подвергаются виновные.

По *Магали*, преступленія дѣлятся на три разряда: 1) *амбдъ*, т. е. умышленное и обдуманное, 2) *хата* — неумышленное и 3) *шибгулъ-амбдъ* — похожее на умышленное; это послѣднее объясняется такъ: положимъ, кто-нибудь, съ умысломъ причинить только боль, укололъ другого иголкой; если-бы уколотый вслѣдствіе этой раны умеръ, то преступленіе было-бы шибгулъ-амбдъ.

По преступленіямъ, признаннымъ за *амбдъ*, виновный всегда отвѣчаетъ лично, подвергаясь отомщенію (киссасъ), т. е. за смерть отомщается смертью-же, за нанесеніе—раною, подобною полученной въ длину, ширину и глубину **). Отомщеніе за смерть дѣлаетъ ближайшій родственникъ убитаго, а за рану самъ раненый или-же его повѣренный. По преступленіямъ, признаннымъ за *хата* или *шибгулъ-амбдъ*, отвѣтствуютъ родственники виновнаго, но не отомщеніемъ, а пенею (діэтъ) ***). Пеня платится верблюдами, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, платится цѣна верблюдовъ деньгами (въ городахъ) или сельскими произведеніями (въ деревняхъ). Самое большое вознагражденіе равняется 100 верблюдамъ; это пеня за лишеніе жизни и нанесеніе нѣкоторыхъ ранъ преступленіемъ *амбдъ*, въ томъ случаѣ, когда родственники умершаго не желаютъ дѣлать отомщенія. При этомъ, въ число ста верблюдовъ должны войти 30 трехлѣтнихъ, 30 четырехлѣтнихъ и 40 тельныхъ. По преступленіямъ *хата*, хотя за жизнь также

*) Иногда встрѣчается и *Тугпатулъ-мугтажъ*, *Ибну-Хажара*, заносимый изъ Константинополя поклонниками.

**) Нанесеніе ранъ въ отомщеніе правильнѣе назвать операціею, потому-что рана дѣлается спокойно, подъ наблюденіемъ свѣдущихъ стариковъ, чтобы не ошибиться и не сдѣлать болѣе предоставленнаго, что подвергаетъ отвѣтственности.

***) Если родни нѣтъ, то выплачивается изъ общественной казны.

платится сто верблюдовъ, но въ число ихъ входятъ верблюды *пяти* разрядовъ, именно: 20 однолѣтнихъ самцовъ, 20 такихъ-же самокъ, 20 какихъ-нибудь еще однолѣтнихъ, 20 двухлѣтнихъ и 20 трехлѣтнихъ. По преступленіямъ *шибгулъ-амбдъ*, хотя виновный платитъ подобно первому случаю, но ему дается разсрочка на три года.

За пораненія платятся разныя доли ста верблюдовъ; при этомъ самая большая цѣна 80 верблюдовъ (за выбитіе всѣхъ зубовъ).

Всѣ эти расплаты указываются только для тѣхъ случаевъ, когда обѣ стороны (преступникъ и пострадавшій) свободные и мусульмане. Для рабовъ-же, вольноотпущенныхъ, иновѣрцевъ, идолопоклонниковъ, также женщинъ,—правила иныя. За убитаго раба уздень отвѣчаетъ не киссасомъ, а діэтомъ, рабъ-же напротивъ; за убійство иновѣрца отвѣчаетъ мусульманинъ не киссасомъ, а діэтомъ; за убійство-же *муртада*, т. е. отступника отъ вѣры, не отвѣчаетъ ничѣмъ, а онъ за тоже отвѣчаетъ киссасомъ. За женщину и гермофродита платится половина назначеннаго за мужчину. За еврея (ягудію) и армянина (насранію) платится третья часть опредѣленнаго для мусульманина; за идолопоклонниковъ (мажусъ) и поклоняющихся кресту (васанъ) платится двѣ части отъ одной десятой опредѣленнаго за мусульманина, и проч.

Не входимъ въ дальнѣйшія подробности по киссасу и діэту, чтобы не утомить читателя; для сравненія-же вообще «Уложенія о наказаніяхъ» съ постановленіями книги Магали приводимъ, въ видѣ приложенія, параллель нѣкоторыхъ статей того и другой.

III.

Заключеніе.

Ни адатъ, ни арабское законодательство, касательно убійствъ и пораненій, не могли оставаться въ своей силѣ, послѣ того какъ Кавказъ, умиротворенный и правильно организованный,

подчинился условіямъ новой жизни. Дѣйствительно, мщеніе (киссасъ) было воспрещено съ перваго-же шагу и мстители преслѣдовались; преступники-же высылались изъ края административнымъ порядкомъ. Въ послѣдніе годы дѣло это приняло болѣе правильный видъ: дѣла по убійствамъ и пораненіямъ хотя и разбираются въ *народныхъ судахъ* по обычаю, но эти послѣдніе выясняютъ только вопросы, кто виновенъ и въ какой мѣрѣ обстоятельства смягчаютъ или увеличиваютъ преступленіе; что-же касается до наказаній, то они налагаются, примѣняясь къ «Уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ». Удовлетворяютъ-ли эти наказанія бывшихъ *хозяевъ крови* и *вреда*? Относительно убійцъ можно сказать съ достовѣрностью, что нѣтъ. Горцы смотрятъ на постановляемыя рѣшенія по убійствамъ, какъ на нѣчто незаконченное и временное, скорѣе какъ на отсрочку нежели наказаніе. Напр., законъ наказываетъ преступника ссылкою на нѣсколько лѣтъ; казалось-бы, что, вынесши это наказаніе, онъ расчитался съ обиженной стороной; но нѣтъ, по понятіямъ этой послѣдней, преступникъ не наказанъ, онъ не *отомщенъ* еще смертью, а потому остается по прежнему *кровнымъ врагомъ*. Кромѣ того, наказалъ виновнаго не онъ, хозяинъ крови, а отвлеченная идея—законъ; преступникъ-же принадлежитъ ему, хозяину крови, — слѣдовательно, законъ сдѣлался похитителемъ его священныхъ правъ. Хотя, по возвращеніи преступника изъ ссылки, хозяева крови, въ большей части случаевъ, не рѣшаются мстить, но они, можно сказать, затаеваютъ въ душѣ чувство мести и, выжидая спокойно удобнаго случая, передаютъ это чувство въ наслѣдство своимъ дѣтямъ, если сами не имѣли случая выполнить киссасъ.

Все это очень естественно, если взять во вниманіе незначительность времени, протекшаго со дня умиротворенія Кавказа; но можно надѣяться, что время (если мирному развитію настоящаго порядка не будутъ мѣшать разныя случайности въ будущемъ) должно будетъ взять свое и что кавказскій горецъ окончательно примирится и свыкнется съ мыслью, что не онъ хозяинъ преступника, котораго онъ могъ прежде карать и миловать, а законъ и власть. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительная жизнь внѣ чада самоуправства и расплатъ кусками человѣческаго мяса должна будетъ смягчить и очеловѣчить инстинкты горцевъ. И въ настоящее время уже можно замѣтить, что не всякій исполнитъ равнодушно тяжелый долгъ отомщенія; да къ тому-же

и поводы къ отомщенію становятся рѣже: горцы, по-видимому, отвыкаютъ отъ злоупотребленія оружіемъ въ мирное время; теперь, зачастую, повздорившіе между собою раздѣлываются кулаками или палками, тогда-какъ въ прежнія времена тѣ-же поводы влекли за собою убійства и тяжкія пораненія.

Благоразумная часть массы, можно сказать съ достовѣрностью, довольна тѣмъ, что преступленія по убійствамъ и пораненіямъ преслѣдуются закономъ, устраняющимъ ихъ самихъ отъ обязанности убивать и рѣзать. Одно не удовлетворяетъ ихъ, какъ замѣчено выше, это ссылка убійцъ на сроки, и если-бы виновные въ убійствѣ *амбдъ* ссылались на поселеніе навсегда, то законъ совершенно примирилъ-бы съ собою горцевъ.

II.

Приложеніе.

Сравненіе нѣкоторыхъ статей „Уложенія о наказаніяхъ“ съ соотвѣтствующими постановленіями книгъ „Магали“.

Уложеніе о наказаніяхъ.	Магали.
Ст. 1449. За умышлен. убійство отца или матери..... Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу въ рудникахъ безъ срока.	Убійцѣ *мститъ* смертью наслѣдующій (варисъ) убитому, хотя-бы это былъ родной братъ.
— 1451. Тому-же наказанію подвергаются виновные въ предумышл. убійствѣ жены или мужа, сына или дочери, родныхъ дѣда или бабки, внука или внуки, и вообще одного изъ родственниковъ восходящей прямой линіи.	За мужа или жену *мстятъ* наслѣдники ихъ. За дѣтей и нисходящихъ виновные *платятъ* цѣну крови наслѣдующимъ, лишаясь сами правъ наслѣдованія; также относительно линіи восходящей.
— 1452. Кто съ обдуман. намѣреніемъ убьетъ женщину беременную.... Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжную работу въ рудникахъ на время отъ 15 до 20 лѣтъ.	Наслѣдующіе *мстятъ* смертью; если пожелаютъ, то взамѣнъ крови возьмутъ *цѣну ея*, въ размѣрѣ половинномъ противу цѣны крови мужчины. При этомъ, если дитя вышло изъ утробы матери живое, или умерло, но не въ скорости, то за оное не отвѣтствуютъ; если-же оно вышло мертвое, или умерло въ скорости, то наслѣдники убитой женщины получаютъ отъ убійцы еще *курратъ*, т. е. несовершеннолѣтняго раба или рабыню. Если плодъ вышелъ не сформировавшійся, то за него не отвѣтствуютъ.
— 1456. Кто, имѣя намѣреніе нанести кому-либо	Преступленіе относится къ разряду шибгулъ-амбдъ, т. е.

смерть, вмѣсто сего лица, по ошибкѣ лишитъ жизни другого, тотъ подвергается тому-же самому наказанію, какому онъ долженствовалъ-бы подвергнуться, если-бы умертвилъ того, на жизнь коего имѣлъ умыселъ.

полуумышленныхъ, а потому отвѣтствуетъ не виновный, а его родня, *уплатою* за кровь родственникамъ убитаго.

Ст. 1461. Кто, безъ вѣдома и согласія беременной женщины, произведетъ изгнаніе плода ея, тотъ подвергается:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ.

Родственники виновнаго *платятъ* мужу курратъ.

— 1462. Кто, съ вѣдома и по согласію самой женщины, изгонитъ плодъ ея, тотъ подверг.:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири.

Родственники женщины *платятъ* курратъ мужу ея.

— 1466. Кто, безъ намѣренія учинить убійство, дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе..... и послѣдствіемъ онаго причинится кому-либо смерть, тотъ за сіе подвергается:

заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 2 до 4 мѣсяцевъ.

Преступленіе шибгулъ-амбдъ; за кровь убитаго *платятъ* родственники убійцы.

Ст. 1467. Кто и при необходимой личной оборонѣ превзойдетъ полагаемые оной предѣлы... подвергается:

или заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, или аресту отъ 3 до 7 дней, или выговору въ присут. суда.	Отвѣтствуетъ смотря по послѣдствіямъ: за убійство смертью, за пораненіе раною.
Ст. 1470. Кто случайно причинитъ смерть человѣку, тотъ не подвергается никакому наказанію.	
— 1472. Лишившій себя жизни не въ безуміи... и пр., признается неимѣвшимъ права дѣлать предсмертныя распоряженія, и потому..... изъявленная имъ воля не приводится въ исполненіе.	Преступленіе относится къ разряду «хата», а потому за виновнаго *платятъ* его родственники.
— 1486. Кто, съ обдуман. заранѣе намѣреніемъ, причинитъ кому-либо разстройство въ здоровьи, примѣшаетъ ядовитыя или друг. вредн. вещества... тотъ, если разстройство признано неизлѣчимымъ, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ. А во всѣхъ прочихъ: лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь.	Самоубійство, въ принципѣ, почитается равносильнымъ убійству ближняго; но самоубійца не лишается гражданскихъ правъ своихъ. Изъ имѣнія его, взамѣнъ кровной платы, взыскивается жертва (капарратъ) и раздается бѣднымъ.
Если сіе преступленіе учинено врачемъ, фармацевтомъ или повивальною бабкою, то опредѣленныя за оное наказанія возвышаются одною степенью.	Если снадобье дано было несовершеннолѣтнему или безумному, то за умершаго *отомщаютъ* смертью; если-же отравленъ совершеннолѣтній и въ здравомъ разсудкѣ, то преступленіе считается шибгулъ-амбдъ; родственники виновнаго *платятъ*.
	Если лѣкарство далъ хорошій лѣкарь, то не отвѣтствуетъ; если-же незнающій своего дѣла, то наказывается *отомщеніемъ*.

Ст. 1494. Кто, хотя и безъ намѣренія нанести увѣчье, рану или иное поврежденіе въ здоровьи... дозволитъ себѣ дѣйствіе, послѣдствіемъ котораго будутъ нанесены кому-либо болѣе или менѣе тяжкія раны и пр.... подвергается:

заключенію въ тюрьмѣ отъ 2 до 4 мѣсяцевъ, или аресту отъ 7 дней до 3 мѣс. или строгому выговору въ присутствіи суда.

— 1477. Кто, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, нанесетъ кому-либо тяжкое увѣчье... лишивъ его зрѣнія, языка, слуха или руки, ноги или дѣторонныхъ частей, или-же произведетъ неизгладимое на лицѣ его обезображеніе... подвергается:

лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на время отъ 4 до 6 лѣтъ.

Виновный подвергается *отомщенію* смертью, если послѣдствіемъ его дѣйствія приключилась кому-либо смерь; если-же причинились раны или увѣчья, то *платятъ* и лѣчатъ родственники виновнаго.

За раны вообще, нанесенныя не случайно, виновные подвергаются киссасу, т. е. имъ въ *отомщеніе* дѣлаютъ подобную-же рану, или получаютъ за рану пеню. Такъ, за лишеніе зрѣнія, лишаютъ зрѣнія-же (подносятъ къ зрачку раскаленное желѣзо), за языкъ—языкъ, за лишеніе слуха—тоже, за руку—руку и пр. Но если пожелаютъ, то вмѣсто отомщенія могутъ получить діэтъ, т. е. пеню, именно: за ногу или руку 10 верблюдовъ, за глазъ 5 вербл., за языкъ и слухъ 50 вербл. и пр. и пр.

Вообще, когда преступленіе по убійствамъ и пораненіямъ было не случайное, то виновный подвергается по Магали смерти за смерть или ранѣ за рану; когда-же преступленіе случайное, то отвѣтствуютъ за виновнаго его родственники, платя причитающуюся пеню. Впрочемъ, и въ первомъ случаѣ можно ограничиться пенею, если согласны хозяева крови, т. е. родственники пострадавшаго.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ЭЛЕКТРОФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ДВѢ НЕДѢЛИ ВЪ ДАРГИНСКОМЪ ОКРУГѢ.

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

..... Проселочная дорога, по которой я выѣхалъ изъ Дешлагара во внутренній Дагестанъ, едва-ли не одна изъ самыхъ живописныхъ въ этой части Кавказа; тотчасъ за Дешлагаромъ начинаются зеленыя горы, покрытыя кустарникомъ, большею частью мелкимъ орѣхомъ. Невысокія горы, представляющія мягкіе контуры; на склонахъ то раскидистый кустарникъ, то тучныя поля; некрутые подъемы, а на горизонтѣ высокія горныя цѣпи,—вотъ главныя черты здѣшняго ландшафта.

10-го августа 1873 г. пшеница на поляхъ уже была сжата и частію молотилась, частію стояла въ стогахъ, но просо украшало поля своею изумрудною зеленью. Первый аулъ *), попадающійся въ этой очаровательной мѣстности, есть *Вануша-махи*, вѣрнѣе *Урануша-махи* (верстъ 7 отъ Дешлагара), откуда довольно крутой, каменистый подъемъ ведетъ вдоль ручья *Чахекада* въ аулъ Ая-махи, въ двухъ верстахъ отъ Вануша-махи.

Между дикими, голыми скалами Горнаго Дагестана и Прикаспійскою равниною тянутся узкою полосою лѣсистые холмы, прелесть которыхъ еще возвышается дикостью ближайшихъ окрестностей. Между этими холмами лежитъ на довольно крутомъ склонѣ каменистой горы, обращенномъ къ юго-востоку, деревня *Ая-Лизила-махи*; дома, расположенные террасами, стоятъ большею частію по-одиночкѣ, возвышаясь одни надъ плоскими крышами другихъ. Съ запада, у самой махи, находится маленькое, но глу-

*) Позволяю себѣ называть дагестанскія селенія *аулами*; хотя это черкесское слово неизвѣстно на Восточномъ Кавказѣ, оно такъ срослось съ понятіемъ о горцахъ, что лучшаго названія для горской деревни невозможно пріискать. Въ Даргинскомъ округѣ большія селенія называются *ши*, а отселки *махи*.

бокое ущелье *Ая-кâда*, соединяющееся здѣсь съ оврагомъ Мильсаджъ-када, который далѣе, сворачивая немного къ югу, получаетъ названіе Кâлснаула-кâда. Вдоль этого, довольно значительнаго, оврага возвышается рядъ холмовъ, изъ которыхъ каждый, даже самый незначительный, имѣетъ особое названіе. Первый, находящійся насупротивъ деревни—*Таласъ*, слѣдующій, правѣе, *Алила-Коверхила* *), далѣе *Энцила* и высокая *Хархарашила*. Склоны этихъ горъ мѣстами вспаханы, мѣстами-же обросли густымъ, разнороднымъ кустарникомъ. На сѣверо-востокѣ, почти перпендикулярно къ Таласу, возвышается цѣпь Карамуза, образуя долину, у самаго начала которой находится гора *Батурша-муза* или *Батурша-бикъ (муза* значитъ гора, а *бикъ* — голова) въ видѣ огромной сопки, покрытая густымъ лѣсомъ. За этой горой на горизонтѣ видно Каспійское море, оживленное иногда бѣлымъ парусомъ проплывающаго мимо судна. Смотря по погодѣ, оно перемѣняетъ видъ; при ясномъ небѣ, отражая лучи солнца, оно кажется облитымъ золотомъ; при пасмурной-же погодѣ, оно темно-синяго цвѣта и сливается съ тучами на горизонтѣ. Къ сѣверу отъ Ая-махи, хребты *Хамхабарсла* (значитъ: «эшакъ «хамка» не могъ пройдти», подразумѣвается: черезъ узкій проходъ) и *Уракила*, служа предвѣстниками дикой природы внутренняго Дагестана, принимаютъ болѣе угрюмый видъ: темныя скалы вытѣсняютъ зеленые лѣса и золотыя нивы.

Едва успѣлъ я пріѣхать въ Ая-махи **), какъ толпа народа окружила меня и съ любопытствомъ глядѣла на рѣдкаго гостя ***).

---

*) Всѣ эти названія имѣютъ смыслъ; вотъ онъ, насколько я могъ его разобрать со словъ лезгинъ, плохо изъясняющихся по-русски: Алила-Коверхила значитъ земля Алія, по имени хозяина ея, выселившагося въ Турцію. Старинное названіе этой горы *Сатвава* (Satvahvah), что значитъ: «видъ на деревню». Энцила значитъ: «тѣнь». Хархарашила, отъ слова «харха», пуля, ядро, названа такъ по находящимся на вершинѣ камнямъ, похожимъ на крупныя ядра. Калсна-ула—«пастбище коровъ», отъ слова *калъ*, корова. Во всѣхъ этихъ именахъ буква *х* поставлена вмѣсто легкаго придыханія h.

**) Называется также Ая-кунтъ, см. списки насел. мѣстн. Дагестанской обл. А. Комарова, въ «Сборн. стат. свѣд. о Кавказѣ», т. I, Тифлисъ, 1869.

***) Г. М. Амировъ (Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана, «Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ», выпускъ VII, 1873) говоритъ, что женщины не выходятъ на встрѣчу пріѣзжимъ и что даже мать и сестры встрѣчаютъ у воротъ. Это замѣчаніе г. Амирова относится, вѣроятно, только до большихъ селеній и до богатыхъ семействъ. Сопровождавшій меня молодой лезгинъ былъ встрѣченъ матерью, извѣщенной о его пріѣздѣ, далеко за деревней.

Я прожилъ въ этомъ аулѣ 6 дней и успѣлъ бѣгло осмотрѣть ближайшія окрестности и слегка ознакомиться съ обычаями поселянъ.

Съ разсвѣтомъ начинаются полевыя работы, которыя продолжаются только до 2—3 часовъ по полудни; по-крайней-мѣрѣ, это касается мужчинъ. Во время моего пребыванія въ Ая-махи, молотили пшеницу, увозили съ поля послѣдніе стоги и жали овесъ. При молотьбѣ разстилаютъ хлѣбъ на плоскую крышу и по немъ водятъ запряженныя парою воловъ, нагруженныя камнями, деревянныя дровни, дно которыхъ обито острыми кремнями или же другимъ твердымъ камнемъ, «ирге-карка», привозимымъ изъ деревни Балкары *). Въ молотьбѣ участвуетъ все семейство: кто погоняетъ воловъ, кто переворачиваетъ снопы или подметаетъ солому и т. п. Какъ уже было замѣчено, всѣ работы продолжаются только до 2-хъ или 3-хъ часовъ по полудни; бросивъ работу и возвратившись домой, собираются въ кружки и на бесѣдѣ сообщаютъ другъ другу новости, даже политическія, которыя съ быстротою молніи летятъ по всему Дагестану. Мнѣ говорили, напримѣръ, что за хивинскою экспедиціею дагестанцы слѣдили съ величайшимъ вниманіемъ. При спѣшной однако-жъ работѣ, женщины остаются въ полѣ. Продолжительность хорошей погоды избаловала дагестанцевъ; половину дня они проводятъ въ бездѣльи и праздность эта поражаетъ пріѣзжаго.

Хлѣбопашество есть главное занятіе аямахинцевъ; мастеровыхъ имѣется только одинъ оружейный мастеръ, два каменьщика и нѣсколько плотниковъ. Многіе молодые люди ходятъ на лѣто, копать марену въ Джемикентъ, Валикентъ и другія селенія, лежащія въ окрестностяхъ Дербента. Заработываютъ они весьма мало, но цѣль ихъ собственно научиться татарскому (тюрко-адербейджанскому) языку. По воскресеньямъ возятъ въ Дешлагаръ на базаръ сельскія произведенія на продажу, какъ-то: пшеницу, овесъ, муку, яйцы, масло **), орѣхи и т. п., и этимъ ограничивается торговая промышленность аямахинцевъ.

---

*) Жители деревни Балкары (Балхаръ) — казикумухцы. Они и въ Даргинскомъ округѣ сохранили всю свойственную ихъ племени предпріимчивость, ходятъ по всему округу и ведутъ мѣновую торговлю. Между-прочимъ они промышляютъ глиняными сосудами, которые отдаютъ взамѣнъ такого количества пшеницы, какое вмѣстится въ промѣниваемый сосудъ, или-же за двойное количество ячменя или овса.

**) Масло приготовляется самымъ первобытнымъ способомъ: сосудъ, до

Подробности эти узналъ я, большею частію, въ разговорѣ съ молодыми людьми, которые по вечерамъ, послѣ ужина, собирались въ занимаемую мною саклю, гдѣ, сначала, важно сидѣли въ безмолвіи, отвѣчая лишь на вопросы; но впослѣдствіи они стали пѣть пѣсни и плясать лезгинку («дилхъ», т. е. пляска). При этомъ присутствующіе не хлопаютъ въ ладони, какъ въ остальномъ Дагестанѣ и даже въ другихъ селеніяхъ Даргинскаго округа, а бьютъ указательнымъ и среднимъ пальцами правой руки о косточки лѣвой. Пляшутъ довольно медленно и вяло, и только подъ конецъ вдругъ ускариваютъ движеніе, подпрыгиваютъ, топчатъ ногами и становятся совсѣмъ на цыпочки.

Жители Ая-махи часто обращались ко мнѣ за разными совѣтами; то больной попроситъ лекарства, то спросятъ, не знаю-ли я какъ лечить больную корову, иногда просили меня хлопотать передъ окружнымъ начальникомъ *) о такомъ-то или иномъ дѣлѣ, однимъ словомъ, добрые аямахинцы считаютъ каждаго «агу» всевѣдущимъ и всемогущимъ.

Хозяева мои старались угостить меня какъ можно лучше и, кромѣ того, болѣе достаточныя лица часто звали меня въ гости, причемъ подавали самыя затѣйливыя блюда лезгинской кухни: галушки изъ тѣста съ уксусомъ домашняго приготовленія, изъ бараньей сыворотки и съ бараньимъ саломъ; пельмени или лепешки, то съ творогомъ, тъ съ начинкой козлиной, бараньей, тыквенной или яичной; разнаго рода мясо: козлятину и баранину; яйцы; совершенно прѣсный хлѣбъ; наконецъ медъ, а иногда и ежевику, которая во множествѣ растетъ въ лѣсахъ.

Я жилъ у зажиточнаго, но не богатаго хозяина: сакля **) его не выходила изъ общаго уровня лезгинскихъ сакель, и потому, описывая ее, мы дадимъ понятіе объ устройствѣ жилищъ въ этой части Дагестана. Сакля эта каменная, не штукатурена, длиною аршинъ 10, а шириною 8; небольшой уголокъ занятъ сѣнями, отдѣленными дверью отъ самой сакли; не смотря на ограниченныя ея размѣры, въ ней находится перегородка, придѣланная къ потолку и не доходящая до полу, отдѣляющая очагъ отъ

половины наполненный сметаной, вѣшаютъ на веревки и болтаютъ до-тѣхъ-поръ, пока вся сметана не превратится въ масло, разумѣется, очень водянистое.

*) Старики сожалѣютъ о добромъ старомъ времени, когда даргинцы сами собой управляли и когда за убійство не наказывали.

**) Сакли называются на даргинскихъ нарѣчіяхъ: *халли*.

главной части сакли. Недалеко отъ очага высѣчено въ каменномъ полу, подлѣ единственнаго, небольшого окна, сидѣнье, гдѣ женщины прядутъ коноплю. Надъ очагомъ находится дымовая труба, состоящая иногда изъ выдолбленнаго бревна, а по большей части плетеная изъ хвороста и заштукатуренная смазкой изъ глины, самана и навоза. У дверей находится большой, служащій закромомъ, выдолбленный пень, доходящій до крыши, съ отверстіями вверху и внизу. Сюда сыплется зерно съ крыши послѣ молотьбы и изъ нижняго отверстія вынимается по мѣрѣ надобности. Вся мебель состоитъ изъ двухъ небольшихъ раскрашенныхъ и украшенныхъ рѣзьбой низкихъ шкаповъ домашней работы. Посреди сакли къ потолку прибита доска, гдѣ висятъ тарелки, фаянсовыя и оловянныя, на бичевкахъ, продѣтыхъ въ отверстія, просверленныя въ краяхъ. У Абакара, моего кунака, имѣются также два чайника; остальная посуда, глиняные кувшины, оловянные тазы и деревянные подносы—лезгинскія. На стѣнахъ висятъ 2—3 ружья и нѣсколько кинжаловъ, составляющихъ неизбѣжную принадлежность одежды всякаго лезгина, даже въ дѣтскомъ возрастѣ.

Женщины носятъ шаравары, бешметъ и большой платъ, въ родѣ чадры. Мужчины среди лѣта часто надѣваютъ шубы.

Всѣ явленія природы въ Дагестанѣ въ высшей степени грандіозны. Ночи, напр., въ горахъ восхитительныя; невозможно описать нѣгу темной дагестанской ночи, когда все умолкло, все тихо, ни единый листъ не колыхнется, а съ необъятнаго неба сверкаютъ тысячи блестящихъ звѣздъ... Но когда надъ моремъ собираются грозныя тучи и мало-по-малу покрываютъ все небо, представляется иное зрѣлище, не менѣе величественное: яркія молніи освѣщаютъ черную ночь и громъ гулко раздается въ ущельяхъ...

Растительность этой мѣстности чрезвычайно богата: въ огородахъ конопля достигаетъ до сажени вышины; на поляхъ урожай пшеницы доходитъ до самъ 10, овса до самъ 20; ячмень и просо тоже даютъ изобильный умолотъ. Въ лѣсу роскошно растутъ дубъ (мій), мелкій орѣхъ, калина, чинаръ, грабъ (шимъ), ежевникъ (чадуръ), mespilus, шиповникъ и друг., но все это остается кустарникомъ, потому-что лѣсъ много вырубается и быстро изчезаетъ. Душистыхъ травъ, мяты и т. п. множество; полевые цвѣты разнообразны: цикорія, вика, кашка (Achillea millefolium) доказываютъ плодородіе почвы.

Что касается до окрестностей Ая-Лизила-махи, то я уже замѣтилъ, что они весьма привлекательны; склоны горъ покрыты полями, а по верхушкамъ, иногда и по склонамъ, тянется густой, хотя и не крупный лѣсъ. Жители жалуются, что «урусскіе» вырубили много лѣсу. Мѣстами попадаются толстые въ аршинъ пни, мѣстами почва завалена хворостомъ. На горѣ Хархарашила, составляющей, какъ уже было упомянуто, продолженіе горъ Таласъ, Коверхила и Энцила, большое пространство представляетъ обугленный сухой кустарникъ и обугленные-же толстые пни, свидѣтельствующіе о пожарѣ, который свирѣпствовалъ здѣсь года два тому назадъ. Съ вершины Хархарашила открывается, съ одной стороны, удивительно хорошій видъ на Каспійское море и на равнину съ многочисленными селеніями, Дешлагаромъ, Мурегн и проч.; съ другой, видны угрюмыя Урахлинскія скалы.

На первыхъ-же порахъ поѣхалъ я въ сел. Мурегн, лежащее на плоскости, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ая-махи. Дорога туда сначала ведетъ по полямъ, расположеннымъ на горахъ, потомъ спускаясь среди густого кустарника, вдоль ручья *Буглиза-када*, текущаго въ глубокомъ оврагѣ, между двумя хребтами, покрытыми лѣсомъ. Дорога шириною въ 2—3 сажени, однако вѣтви кустовъ, скрещиваясь, мѣшаютъ ѣхать скоро. На берегу ручейка, быстро текущаго вдоль дороги, растутъ между камнями большія листья, которые, свернутые, служатъ въ дорогѣ горцамъ естественными чашами для черпанія воды. Чѣмъ ближе къ Мурегн, тѣмъ чаще попадаются среди густого кустарника чудесныя орѣховыя деревья, достигающія громадныхъ размѣровъ и чрезвычайно украшающія мѣстность. У самыхъ Мурегн поля усажены фруктовыми деревьями и посреди поля находится сакля, гдѣ упавшіе фрукты тотчасъ сушатся въ печкѣ.

Аулъ *Мурегн* лежитъ, какъ уже было упомянуто, на плоскости и тутъ уже жители занимаются воздѣлываніемъ хлопка, шелководствомъ и, главнымъ образомъ, садоводствомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ большой, прекрасный, находящійся посреди аула, фруктовый садъ, раздѣленный изгородями на множество мелкихъ участковъ. Громадныя, вѣтвистыя орѣховыя деревья, распространяя пріятную тѣнь, защищаютъ садъ отъ палящаго солнца. Въѣзжая въ аулъ, я обратился къ *юзбаши* (старшинѣ) съ вопросомъ о населенности аула и т. п., но онъ давалъ мнѣ уклончи-

вые отвѣты и направлялъ меня, для полученія свѣдѣній, къ начальству, подозрѣвая, вѣроятно, во мнѣ какого-нибудь шпіона или сборщика податей. Я вернулся въ Ая-махи, ничего не добившись отъ осторожнаго юзбаши.

Одна изъ самыхъ живописныхъ частей этой мѣстности, безъ сомнѣнія, ущелье, находящееся между хребтами Хамхабарсла и Уракила. Если перейти каменистую гору *Румъ* (или *Гумъ*; собственно *р* съ предыханіемъ), на юго-восточномъ склонѣ которой лежитъ Ая-махи, и направиться къ сѣверу, къ горамъ Кара-муза, на которыхъ виднѣется между камнями деревня *Цаяла-махи*, попадешь на красивую песчаную дорогу, которая заворачиваетъ за мысъ, образуемый здѣсь горною цѣпью Хамхабарсла и тянется съ сѣвера на югъ вдоль широкаго оврага Хамхабарсла-кâда, между высокимъ хребтомъ того-же имени и не менѣе высокимъ, крутымъ и скалистымъ Уракила. Первый покрытъ густымъ кустарникомъ, въ которомъ особенно выдается орѣшникъ съ огромными листьями; въ глубинѣ оврага, по лѣвую сторону дороги, журчитъ ручей. Дорога тутъ идетъ зигзагами, и оттого довольно отлога, но перейдя ручей, она круто поднимается на гору подъ зелеными сводами, образуемыми вѣтвями кустовъ. Столь-же очаровательнъ и спускъ съ горы; гуляешь въ созданномъ самой природой паркѣ, за которымъ тянется небольшая поляна, раздолье для пасущагося на ней стада коровъ; пастухъ съ товарищами и дѣвчонки, весело разговаривавшіе между собой, вмигъ умолкли при появленіи чужестранца и съ любопытствомъ глядѣли на неожиданнаго посѣтителя. Далѣе, дорога опять поднимается, но лѣсъ рѣдѣетъ и наконецъ совершенно изчезаетъ версты за 2 отъ деревни *Рума-кентъ*, за которой простирается ровное мѣсто вдоль горъ *Харзила-Алила*; пройдя паровое поле, спускаешься по крутому склону къ ручью, берущему начало у *Хаклела-када*, гдѣ берега его глинисты и низки; но вскорѣ камень замѣняетъ глину и мало-по-малу, по теченію ручья къ сѣверу, берега возвышаются и доходятъ до 10 саженей вышины; шириною-же ручей саж. 2—4; скалы, между которыми онъ течетъ, почти отвѣсны, мѣстами верхніе пласты даже выдаются впередъ, вися надъ ручьемъ. Вода, чрезвычайно прозрачная, струится быстро, падая маленькими водопадами съ одного большого камня на другой и разливаясь между ними. Болѣе отлогія мѣста густо обросли кустарникомъ, особенно орѣшникомъ, составляющимъ какъ-бы зеленую раму свѣжей, прохладной *Милхаджъ-када*.

Время, которымъ я могъ располагать, не позволяло мнѣ продлить пребываніе мое въ прелестной Ая-Лизила-махи; надо было ѣхать далѣе и 17-го августа распростился я съ зеленью лѣсовъ до самаго Дидо. Наканунѣ моего отъѣзда, кунакъ мой спѣлъ импровизацію, акомпонируя себѣ на чангурѣ, въ которой пожелалъ мнѣ добраго пути и всякаго благополучія. Вообще импровизаціи въ большомъ ходу у лезгинъ.

Изъ Ая-махи въ Урахли ѣдутъ ущельемъ Калснаула (получающимъ далѣе названіе *Махаргю-када*), мимо деревни того-же имени, состоящей всего изъ пяти дворовъ. Тотчасъ за этой деревней дорога поворачиваетъ къ западу, круто поднимаясь на скалистый перевалъ. Замѣтно, что находишься у предверья внутренняго, дикаго Дагестана: темныя скалы нагромождены одна на другой, тамъ и сямъ едва замѣтны аулы, выстроенные изъ того-же камня. Хотя Урахли отстоитъ только на 9 верстъ отъ Ая-махи, перемѣна въ ландшафтѣ разительна: горизонтъ ограничивается угрюмыми скалами, которыя совершенно замѣнили зелень. Путешественникъ чувствуетъ, что находится въ странѣ, произведшей Шамилей и Гамзатъ-бековъ... За перевалами видѣнъ аулъ *Урахли* *), расположенный на склонѣ скалистой горы, у рѣчки, въ теперешнюю пору мелкой, но по временамъ разносящей мостъ и близлежащую мельницу. Урахли — богатое селеніе, состоящее приблизительно изъ 600 дымовъ, изъ которыхъ много двухэтажныхъ. Селеніе это замѣчательно еще развалинами башни, бывшей свидѣтельницей войнъ даргинцевъ съ уцміемъ кайтагскимъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. При въѣздѣ моемъ въ Урахли, мнѣ бросилось въ глаза зрѣлище, характеризующее лезгинъ: цѣлая компанія мужчинъ сидѣла на «очарѣ» (площадь) и курила, тогда-какъ женщины кололи дрова и носили ихъ на плечахъ. Какъ у всѣхъ варварскихъ народовъ, женщина считается у лезгинъ чѣмъ-то въ родѣ рабочаго скота.

Въ Урахли присутствовалъ я при разборѣ тяжбъ и при этомъ случаѣ мнѣ сообщили, что, при заключеніи сдѣлокъ, даргинцы опредѣляютъ сроки восходомъ такой-то или другой звѣзды.—Вечеромъ, наибъ А. С. Антоновскій доставилъ мнѣ случай слышать разныя пѣсни, между-прочимъ урахлинскую, аварскую и кази-

*) Урахли въ послѣдніе годы получилъ оффиціальное названіе *Урахи*; жители большею частью называютъ этотъ аулъ: *Хюракли*. «Урахли»-же оно называется на плоскости. (См. списки насел. мѣстъ Дагестанской области А. Комарова).

кумухскій *даллай*, чрезвычайно веселый мотивъ котораго контрастируетъ съ угрюмой природой казикумухской земли....

На другое утро поѣхалъ я въ *Девгаши*, лежащія въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ. Сначала дорога идетъ долиной Урахлинской рѣчки, вдоль лѣсистыхъ горъ, вершинная линія которыхъ представляетъ естественную, отвѣсную стѣну. Здѣсь происходятъ весной скачки, призомъ которыхъ быкъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи видны Мургухскія горы, густо заросшія кустарникомъ и молодымъ лѣсомъ. Въ этой мѣстности, весьма лѣсистой, водится множество медвѣдей, кабановъ и туровъ. Жители, убивъ кабана, волочатъ его домой желѣзнымъ крюкомъ, прикрѣпленнымъ къ палкѣ, чтобы не прикасаться къ нечистому животному, которое продаютъ за выгодную цѣну въ штабъ-квартирахъ. Оставивъ лѣсъ этотъ по лѣвую руку и проѣхавъ черезъ аулъ *Мугры*, я направился на *Сираги*, по гористой мѣстности, въ которой лѣсъ мало-по-малу уступаетъ мѣсто прекрасной травѣ. Вскорѣ исчезаетъ и трава и являются однѣ песчаныя горы. Дорога спускается къ рѣчкѣ Сираги, отъ которой круто поднимается подъ сѣнью нѣсколькихъ густыхъ орѣшниковъ и ведетъ среди пашенъ къ аулу, лежащему на верхушкѣ высокой горы. Изъ Сираги *) въ *Цизгари* дорога ведетъ черезъ нѣсколько хребтовъ, то покрытыхъ лѣсомъ, то голыхъ, и черезъ мелкія рѣчки. Съ высшей точки перевала представляется чудесный видъ: множество хребтовъ съ округленными контурами, отчасти съ зеленѣющимъ лѣсомъ, отчасти голыя скалы, всюду изрѣзанныя долинами и котловинами и усѣянныя аулами, а на горизонтѣ необозримое голубое море. Въ Цизгари много двухъ, даже трехъ-этажныхъ сакель; плотно выстроенная изъ камня, съ толстыми стѣнами, съ крытымъ каменнымъ подъѣздомъ, на широкихъ, сложенныхъ изъ камня-же, четвероугольныхъ столбахъ и съ весьма маленькими окнами, каждая сакля походитъ на миніатюрную крѣпость. Между Цизгари и слѣдующимъ ауломъ, *Шадни*, населеннымъ казикумухцами, лѣсу нѣтъ, но пастбища богаты. Дорога буквально состоитъ только изъ подъемовъ и спусковъ.

Надъ ущельемъ, состоящимъ изъ двухъ уступовъ, изъ которыхъ нижній, узкій и извилистый, густо заросъ кустарникомъ, а верхній значительно разширяется, лежатъ Шадни. На упомя-

*) Въ Сираги, какъ и въ Урахли, Мулебки и Мугры, занимаются преимущественно пряденіемъ и тканьемъ конопли; въ Мекеге-же и въ Кутишахъ дѣлаютъ сукно.

нутомъ склонѣ растутъ дикія груши. Въѣзжая въ Шадни, я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, представляющагося только въ горахъ: изъ ущелья этого поднялся паръ и, быстро разгоняемый легкимъ вѣтромъ, распространился во всѣ стороны и вскорѣ покрылъ всю мѣстность туманомъ, надъ которымъ выплывали, какъ острова надъ моремъ, коническія вершины горъ. Мало-по-малу, когда я подъѣзжалъ къ слѣдующему за Шадни аулу *Бускри*, туманъ поднялся выше и покрылъ уже верхушки горъ, тогда-какъ въ долинахъ прояснилось. Болѣе отдаленные хребты слегка освѣщались солнцемъ и тамъ проглядывала небольшая полоса ярко-голубого неба. За Бускри находится небольшое плато, покрытое роскошною травою, откуда представляется довольно обширный видъ на широкую долину, образующую полукругъ около Бускри. Со всѣхъ сторонъ, на склонахъ хребтовъ и на холмахъ, возвышающихся въ долинѣ, находятся аулы, между-прочимъ Чишили, Девгаши, Калкнила, Ирекландъ и другіе. Пока я любовался картинами природы, юзбаши приготовилъ для меня закуску. Будучи однимъ изъ богачей околотка, юзбаши этотъ живетъ роскошнѣе другихъ: двухъ-этажная его сакля имѣетъ большой, широкій балконъ; главная комната, *гостиная*, если можно такъ выразиться, весьма просторна (14 аршинъ длины, 9 ширины и 4 вышины). На полу постланы ковры, вдоль стѣнъ положены мягкія подушки, на стѣнахъ висятъ разноцвѣтныя шелковыя одѣяла и большія металлическія блюда, съ персидскими вырѣзными узорами. На такомъ подносѣ подали чай, въ шлифованныхъ стаканахъ. Юзбаши освѣдомился о здоровьи князя Д. Д. Джорджадзе, который оставилъ по себѣ добрую память въ Дагестанѣ и о которомъ меня спрашивали по всему Сѣверному Дагестану. Не смотря на предложеніе старшины ужинать и ночевать у него, я уѣхалъ, спѣша въ Девгаши. Изъ Бускри довольно значительный спускъ по голой скалѣ упирается въ рѣчку, отъ которой такой-же подъемъ ведетъ на холмъ, гдѣ расположены Девгаши. Пріѣхавъ въ сумерки, я остановился, какъ и вездѣ, у юзбаши, сакля котораго просторна, однако не такъ, какъ у букринскаго, и не такъ богато убрана. Пока готовили ужинъ, я пошелъ, въ сопровожденіи кадія и нукеровъ, гулять по аулу, не отличающемуся впрочемъ отъ другихъ; такія-же темныя сакли съ маленькими окнами, такое-же множество большихъ и злыхъ собакъ, съ яростью кидающихся на прохожихъ. Возвратившись домой, я нашелъ въ чисто убранной комнатѣ столъ, уставленный самыми лакомыми, по по-

нятію лезгинъ, кушаньями: тутъ были галушки съ чеснокомъ, крутыя яйцы, яичница, соленая баранина, курдючье сало, молоко, сметана, сыръ, два сорта хлѣба и, знакъ цивилизаціи, чай. При всемъ моемъ желаніи угодить хозяину, я не могъ справиться и съ десятою долею поданныхъ лакомствъ, въ числѣ которыхъ сало занимало первое мѣсто. Послѣ ужина приготовили мнѣ мягкую постель не на полу, а на кровати, что имѣется только у богачей.

На другое утро передъ отъѣздомъ изъ Девгашей, зашелъ я къ Ама-Кади, выселявшемуся съ семействомъ въ Турцію и вернувшемуся оттуда. Они отправились сухопутьемъ черезъ Дербентъ, Кубу, Джары, Шемаху, Карсъ и Эрзерумъ въ Трапезунтъ, откуда перевезли ихъ на пароходѣ въ Константинополь, потомъ направили въ Шумлу, вернули въ Константинополь и поселили въ Іомѣ въ Сиріи. Еще на пути въ Эрзерумъ встрѣтили они обнищалыхъ чеченцевъ, которые, описывая испытанныя ими притѣсненія, отклоняли ихъ, но тщетно, ѣхать далѣе. Насмотрѣвшись на Турцію, испытавъ всякаго рода горе, они вернулись, разоренные въ конецъ.

Утро было ясное и пріятное; на отдаленныхъ Казикумухскихъ горахъ снѣгъ сіялъ отъ солнечныхъ лучей; путь мой велъ черезъ Мургухъ; дороги здѣсь гораздо шире тѣхъ, по которымъ я ѣздилъ наканунѣ, но также безлюдны: изрѣдка попадается арба какого-нибудь торговца. Мѣстныя арбы очень легки, и если вамъ встрѣтится тяжелая, скрипучая арба, то навѣрное можно сказать, что она куплена у проѣзжаго въ Дешлагарѣ или въ другомъ мѣстѣ по большой дорогѣ. Въ самой близи отъ Девгашей находится аулъ *Хункри*. Налѣво виднѣется на скатѣ горы аулъ *Икра*. Здѣсь уже появляется лѣсъ, который по мѣрѣ приближенія къ Мургуху становится гуще и гуще. У одного изъ многочисленныхъ ручьевъ, перерѣзывающихъ дорогу, лежитъ на скалѣ небольшое селеніе *Хюра-э*, состоящее изъ двухъ ауловъ на довольно большомъ разстояніи одинъ отъ другого. За Хюра-э дорога ведетъ густымъ молодымъ лѣсомъ, среди котораго разбросаны черешни и довольно толстые, но не высокіе чинары; вблизи деревень, на открытыхъ мѣстахъ, посажены фруктовыя деревья. По всей дорогѣ я встрѣтилъ одного только лезгина съ эшакомъ, нагруженнымъ грушами, и далѣе 2—3 женщинъ, съ головными платками, унизанными спереди серебряными монетами.

То спускаясь, то поднимаясь, проѣхалъ я по лѣсистой до-

рогѣ, между двумя аулами Хюлли, составляющими, какъ увѣряли мои провожатые, собственно одинъ. Вблизи, два пересѣкающіяся ущелья представляютъ прелестный видъ, весьма оживленный, потому-что сюда ходятъ за водой женщины, которыя среди зелени медленно пробирались къ аулу по крутой тропинкѣ. Кустарникъ, по мѣрѣ приближенія къ Мургуху, становится гуще, и чаще попадаются старыя деревья. Мѣстность эта чрезвычайно богата оленями и турами, есть даже и медвѣди. *Мургухъ* (или *Мургуши*) лежитъ въ живописной долинѣ съ довольно крутыми скатами у рѣки того-же имени. Мургушинскія женщины носятъ бешметы, вмѣсто рубахъ, составляющихъ женскій костюмъ по всему Даргинскому округу. Недалеко отъ селенія жали на полѣ нѣсколько молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Красные шаравары, сѣровато-синій бешметъ съ красными ластовками и такого-же цвѣта платокъ, повязанный за затылкомъ,—вотъ оригинальный костюмъ мургушинокъ. Головной уборъ ихъ живо напоминаетъ повязку древнихъ египетскихъ женщинъ, такъ-какъ намъ ее представляютъ памятники. Бешметъ на груди обшитъ серебряными монетами. Въ Мургухѣ нукеры совершили намазъ и такъ долго задержали меня, что я пріѣхалъ въ Урахли лишь въ сумерки.

На другой день поѣхалъ я далѣе, въ Мекеге, лежащее въ 16 верстахъ отъ Урахли. Сперва ѣдешь узкою долиною, гдѣ обросшія кустарникомъ горы чередуются съ голыми скалами. Недалеко отъ Урахли, на вершинѣ хребта, красуется аулъ *Мулебки*. У подошвы горы, около ручья, стоитъ мельница и красивая группа молодыхъ тополей. Далѣе, зеленыя горы уступаютъ мѣсто голымъ скаламъ, между которыми особенно замѣчательна *Бухна-Хинти*, огромный четыреугольный камень. Около дороги, со скалы падаетъ, съ вышины приблизительно въ сажень, тонкою струею прозрачный горный ручей. Потомъ, поднимаясь по отлогому подъему, попадаешь на небольшое плато, въ нѣсколько верстъ ширины, по которому ѣдешь послѣднія 8 верстъ до Мекеге. Мекеге, большое селеніе, въ которомъ считается до 700 дворовъ, лежитъ на мѣстѣ, болѣе ровномъ. На самомъ краю находится большая площадь, въ формѣ параллелограма, гдѣ по вторникамъ бываетъ базаръ и гдѣ находится домъ, занимаемый наибомъ. Домъ этотъ—большое, новое строеніе, двухъ-этажное, въ 9—10 небольшихъ европейскихъ оконъ со стеклами, принадлежащее богатому мекегинцу. Насупротивъ такое-же, но старинное

строеніе, отличающееся отъ перваго тѣмъ, что окна безъ стеколъ, которыя замѣняются деревянными ставнями. Мекеге замѣчательно еще своею мечетью, одною изъ самыхъ старинныхъ и чуть-ли не единственною въ Даргинскомъ округѣ, имѣющею минаретъ.

Благодаря любезности С. А. Антоновскаго, для меня устроили *той*, или балъ: собрались въ домѣ юзбаши, Кадила Баганда (т. е. Багандъ, сынъ кадія). Этотъ юзбаши имѣетъ много земли и 5000 овецъ, и все имѣніе его оцѣнивается въ 50 т. р. Онъ пользуется почетомъ, вліяніемъ и популярностью, между-прочимъ и потому, что платитъ за бѣдныхъ штрафы. Пока мнѣ сообщали эти свѣдѣнія о почтенномъ старшинѣ, собрались танцоры и танцовщицы. Музыка состояла изъ барабана и дудки, но когда музыканты-любители уставали, то кто-нибудь изъ присутствующихъ игралъ на чонгурѣ. Женщины и дѣвушки, принимавшія участіе въ танцахъ, нарядились въ лучшія одежды, состоявшія изъ широкихъ шелковыхъ рубахъ съ длинными, широкими рукавами, желтыхъ, красныхъ, или зеленыхъ. Большой одноцвѣтный или пестрый платокъ укутывалъ голову; концы, заброшенные изъ-подъ подбородка черезъ плечо, висѣли почти до полу. Прекрасный полъ танцуетъ съ распростертыми руками. Пляшутъ живѣе, нежели въ Шурѣ, но не выдѣлываютъ разныхъ *па*, какъ въ Урахли. Танцуетъ только пара; сперва вступаетъ въ кругъ молодой человѣкъ, вскорѣ за нимъ слѣдуетъ дѣвушка, когда-же онъ удаляется, его смѣняетъ другой. Если-же кто-нибудь кончаетъ танецъ, т. е. уходитъ безъ смѣны, то онъ благодаритъ музыкантовъ, снимая немного папаху, — обычай, явно введенный русскими; у мусульманъ, какъ извѣстно, вѣжливость не выражается снятіемъ покрова съ головы.

Имѣя дневку въ Мекеге, я на другое утро посѣтилъ Мекегинскій лѣсокъ, единственный въ этой печальной мѣстности, находящійся верстахъ въ 4 отъ аула. Дорога туда ведетъ вдоль ручейка узкимъ, извилистымъ ущельемъ, между высокими, почти отвѣсными скалами. Здѣсь показываютъ скалу, съ которой бросилась молодая вдова, доведенная до отчаянія упреками за равнодушіе, выказанное по случаю смерти мужа; далѣе находится мѣсто, откуда мекегинцы сбросили односельчанина своего, подговаривавшаго ихъ присоединиться къ Шамилю. Ущелье это имѣетъ замѣчательное эхо: при мнѣ замычала корова и вслѣдъ затѣмъ раздался продолжительный металлическій гулъ. Мало-по-малу уще-

лье разширяется и скалы уступаютъ мѣсто разсыпчатымъ горамъ, на которыхъ растетъ довольно значительный кустарникъ, оживленный множествомъ дичи и разнаго рода птицъ.

Около 4-хъ часовъ по полудни поѣхалъ я въ Лаваши. До перевала, находящагося на половинѣ дороги, она все поднимается по голымъ скаламъ, скаты которыхъ вспаханы; потомъ спускается по такой-же пустынной мѣстности: нигдѣ нѣтъ ни одного деревца; вездѣ горы безплодны и голы и поля скудны. Съ высшей точки перевала виднѣется море. Недалеко отъ Лавашей находится небольшой аулъ Карча-махи, единственный на всей этой дорогѣ. Въ Лаваши пріѣхалъ я вечеромъ.

Лаваши, по-лезгински *Лауаша*, построены на холмѣ среди волнообразной равнины, простирающейся на нѣсколько квадратныхъ верстъ. Окружное управленіе, находившееся до-тѣхъ-поръ въ Кутишахъ, перенесено сюда только въ январѣ 1873 г. Домъ начальника округа находится въ $^1/_4$ версты отъ аула. За отсутствіемъ кн. И. З. Баратова, я былъ очень радушно принятъ его помощниками и наконецъ увидѣлъ себя въ европейскомъ домѣ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ лезгинскихъ сакляхъ. Но время не позволяло мнѣ пользоваться удобствами европейской жизни и уже на другое утро посѣтилъ я знаменитыя Кутишинскія высоты.

Версты двѣ ѣхали мы по большой дорогѣ, потомъ свернули по проселочной и, поднявшись около 2-хъ верстъ по довольно крутому скалистому подъему, пріѣхали въ Кутиши, расположенные на склонѣ крутой горы. Въ этотъ день я засталъ въ Кутишахъ базаръ, который бываетъ еженедѣльно въ селеніи. Когда я пріѣхалъ, съ базара уже расходились, остались только одинъ аварецъ, разъѣзжающій по всѣмъ мѣстнымъ ярмаркамъ съ ситцами, и нѣсколько торговцевъ и торговокъ фруктами. Въ теперешнее время, съ перенесеніемъ окружного управленія въ Лаваши, кутишинская ярмарка утратила свое прежнее значеніе, но въ былое время она оживлялась толпами народа, съѣзжавшагося со всѣхъ окрестностей. Казенныя зданія также пришли въ упадокъ: казармы представляютъ развалины, а домъ, служившій помѣщеніемъ управленію, больницой и тюрьмой, проданъ кутишинскому жителю, который поспѣшилъ перестроить его по-лезгински, уничтоживъ окна и заложивъ ихъ камнемъ. Кутиши, довольно большое селеніе, состоящее приблизительно изъ 350 дворовъ, замѣчательно какъ одно изъ немногихъ аварскихъ селеній въ Даргин-

скомъ округѣ. Аварцы рѣзко отличаются отъ даргинцевъ и отъ населяющихъ Дагестанъ тюркскихъ племенъ болѣе грубыми и рѣзкими чертами лица, особенно чрезмѣрно длиннымъ носомъ, составляющимъ, сколько я могъ замѣтить, характеристическую черту аварскаго типа.

Отъ Кутишей, лежащихъ 6000' надъ уровнемъ моря, до «высотъ» считается 6 верстъ, но особенно крутыхъ подъемовъ нѣтъ, развѣ только небольшой, у самаго аула. Не дозрѣвшая пшеница свидѣтельствуетъ о высокомъ мѣстоположеніи. Мѣстами попадается мелкій известковый камень, но большею частію горы эти покрыты травой. Во времена Шамиля, какъ говорили мнѣ очевидцы, здѣсь трава доходила до такихъ размѣровъ, что за ней не видать было не только пѣшаго, но и всадника; когда-же на этихъ высотахъ построили лагерь и кордонныя укрѣпленія, мимо развалинъ которыхъ я проѣхалъ, солдаты стали косить этотъ дѣвственный лугъ, послѣ чего трава и потеряла необычайную свою величину. Отсюда мы двинулись далѣе и достигли высшей точки Кутишинскихъ высотъ, носящихъ мѣстное названіе *Улли-бека*. Сильный вѣтеръ почти всегда господствуетъ на этихъ высотахъ. Погода была ясна и, не смотря на легкій паръ, покрывавшій мѣстность, день былъ удачный для посѣщенія высотъ; видъ дѣйствительно величественъ: подъ ногами зрителя страшная круча отвѣсно спускается на нѣсколько сотъ футовъ въ мѣстность, всюду перерѣзанную скалами, ущельями и ручьями, среди которыхъ вьется, какъ черная лента, Казикумухское Койсу; множество хребтовъ, состоящихъ изъ голыхъ скалъ, одинъ за другимъ, представляютъ безчисленныя вершины, какъ волны бушующаго моря. Съ одной стороны находятся грозныя и величественныя, покрытыя снѣгомъ, Казикумухскія горы, съ другой возвышается надъ скалами фантастическая, имѣющая отсюда видъ неправильнаго четвероугольника, Чемоданъ-гора, называемая большею частію у лезгинъ: *Тлилимээръ*, у даргинцевъ: *Келимаръ*, въ Куядѣ: *Ротлламээръ*. На берегу Койсу лежитъ Ходжалъ-махи, съ своими садами, лѣвѣе Цудахаръ, съ правой стороны Куппа, Гунибъ, наконецъ Кикуна. Съ этими именами, съ этими могучими скалами, является тѣсно связаннымъ имя лезгинскаго имама Шамиля. Какъ Рюбецаль есть воплощеніе Исполиновыхъ горъ, какъ Альпы населяются воображеніемъ жителей геніями и духами, такъ и Дагестанскія скалы имѣютъ своего генія въ Шамилѣ,

генія, олицетворившаго какъ природу страны, такъ и характеръ жителей.

На возвратномъ пути съ высотъ, попался намъ на встрѣчу человѣкъ, гнавшій нагруженнаго эшака; всѣ провожатые мои, не исключая самого наиба (горца), стали съ насмѣшкою кричать ему вслѣдъ: *мяу*. Загадка эта разъяснилась тѣмъ, что слово это есть насмѣшливое названіе евреевъ, и попавшійся намъ человѣкъ былъ еврей.

По возвращеніи въ Кутиши, старшина угостилъ меня курицой, яйцами, двумя сортами сыра и бузой, т. е. мѣстнымъ пивомъ, крѣпкимъ, но не такъ кислымъ, какъ въ другихъ мѣстахъ округа. Къ обѣду я уже былъ въ Лавашахъ.

На слѣдующій день, т. е. 23-го августа, побывалъ я въ Акушѣ. Долгое время ѣхали мы по мѣстности такого-же характера, какъ и въ Лавашахъ: долина въ нѣсколько верстъ ширины, на которой возвышаются небольшіе и отлогіе голые холмы. Въ подобной-же мѣстности лежатъ аулы, по которымъ я проѣхалъ: Кака-махи и Наскентъ, красиво расположенный у рѣчки на холмѣ. Оставивъ по лѣвую руку Шаричебусанкъ, или Шули-Ула-махи, пріѣхали мы въ Тазиркентъ; затѣмъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи видѣнъ аулъ Улу-Ая (или Улу-махи). Вскорѣ послѣ того, обогнувъ небольшой хребетъ, увидѣли мы широкую, зеленую равнину, куда и направились, поднимаясь по незначительному подъему. То былъ знаменитый *Дузъ-майданъ*, по татарски *ровная площадь*, куда разъ въ годъ собиралось народное собраніе даргинцевъ для обсужденія важныхъ дѣлъ, касающихся всего союза. Въ послѣдній разъ сошлось на этотъ даргинскій форумъ народное собраніе въ 1866 году, по поводу спора даргинцевъ съ губденцами о пастбищахъ. Губденцы съ незапамятныхъ временъ гнали скотъ черезъ земли даргинцевъ за извѣстную плату, отчего часто происходили драки. Въ 1866 году губденцы отказались исполнить свои обязательства и даргинцы рѣшили сами съ ними управиться. Вліятельные люди созвали на Дузъ-майданъ народное собраніе, которое постановило, согласно обычаямъ добраго стараго времени, идти войною на губденцевъ и заставить ихъ уважать право даргинцевъ. Но дѣло кончилось иначе, нежели ожидали даргинцы: прежде чѣмъ они успѣли исполнить свое намѣреніе, въ дѣло вмѣшались русскія власти; главные зачинщики были сосланы на срокъ на житье въ Сибирь, другимъ пріостановлена выдача жалованья, чѣмъ и водворился миръ и порядокъ.

Проѣхавъ версты полторы по майдану, попали мы на скалистый грунтъ, поднялись по крутому подъему, потомъ спустились и передъ нами явились фантастическія горы ***Маарала***, лежащія за Акушой, которой не было видно за возвышеніями. Съѣхавъ по глинистой горѣ, прибыли мы въ акушинскій отселокъ Бургемякъ; оттуда до Акуши только версты $1^1/_2$—2. Акуша живописно лежитъ частію на крутой скалѣ, частію въ узкомъ ущельи, гдѣ протекаетъ быстрая рѣчка, около которой, на краю аула, находится мельница, окруженная молодыми ветлами и пирамидальными тополями; ветлы растутъ вездѣ, но тополи попадаются лишь изрѣдка въ аулахъ, и то молодыя, въ одной лишь Акушѣ находятся старыя *).

Акуша, какъ извѣстно, была главнымъ селеніемъ союза вольныхъ Даргинскихъ обществъ и до-сихъ-поръ тамъ живетъ Нуръ-Багандъ-кадій, послѣдній изъ наслѣдственныхъ кадіевъ всего союза, пользовавшихся правомъ надѣвать папаху на вновь избраннаго шамхала и игравшихъ столь важную роль въ исторіи Дагестана. Почтенный старикъ принялъ меня съ истинно азіатскимъ гостепріимствомъ. Домъ Нуръ-Багандъ-кадія похожъ на небольшой европейскій домикъ: лѣстница очень крута и узка, окна маленькія, комнаты обклеены самыми простыми обоями. Мнѣ отвели комнату, въ которой на стѣнахъ висѣло нѣсколько дорогихъ ружей и кинжаловъ. Вступивъ въ разговоръ со своимъ хозяиномъ, я не могъ не замѣтить умныя и благородныя черты его лица и чисто восточное достоинство его манеръ. Вскорѣ подали ужинъ: супъ ѣли ложками, жаркое вилками и ножами, чего я не видалъ во всемъ Дагестанѣ. Между-прочимъ подали невыбродившее вино, называемое чив'а. Ужинъ продолжался не долго, и послѣ кратковременной бесѣды всѣ разошлись.

На другое утро посѣтили меня почетныя лица Акуши, между которыми видное мѣсто занималъ старшій молла Гаджила-Али-будунъ, т. е. будунъ (или молла) Али, сынъ Гаджи, извѣстный своею ученостью не только въ Дагестанѣ, но, какъ мнѣ говорили, даже въ Турціи, откуда къ нему иногда обращаются за

*) Довольно трудно согласовать существованіе вѣковыхъ пирамидальныхъ тополей въ Акушѣ, гдѣ не было ботаническихъ садовъ, съ общепринятымъ мнѣніемъ, что дерево это, родомъ изъ Индіи, акклиматизировано въ другихъ странахъ посредствомъ нѣсколькихъ черенковъ, вслѣдствіе чего нигдѣ нѣтъ ни одной женской пирамидальной тополи. (См. Росмеслеръ, «Четыре времени года»). Разрѣшеніе этого вопроса предоставляю ботаникамъ.

совѣтами, прося разрѣшать разные политико-религіозные вопросы. Къ счастію, онъ не фанатикъ, и нѣсколько разъ своимъ вліяніемъ удерживалъ своихъ соотечественниковъ отъ вспышекъ. По наружности Гаджила-Али не походитъ на патріарха цѣлаго населенія: маленькіе глаза его весело глядятъ, круглое лицо его имѣетъ жовіальное выраженіе, и рыжая, крашеная борода отнюдь не придаетъ его виду представительности. Откланявшись съ гостями, пошелъ я на кладбище, откуда видна вся Акуша. Густой туманъ покрывалъ окрестности, даже близкія горы Мааралла видны были только отчасти. Въ Акушѣ 6 кладбищъ и 7 мечетей; изъ послѣднихъ большая, двухъ-этажная, о пяти окнахъ въ рядъ, обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что окна верхняго этажа не поставлены надъ нижними, а чередуются съ ними. Не смотря на густой туманъ, покрывавшій большую часть горъ, съ кладбища развертывался обширный видъ на ближніе и дальніе хребты. Акуша состоитъ изъ четырехъ частей, слитыхъ въ одно селеніе. Части эти называются: Дайшукъ, Харшукъ, Панджукъ и Каршукъ *).

Въ это-же утро поѣхалъ я съ пайбомъ въ Усишу, находящуюся въ 4-хъ верстахъ отъ Акуши. Изъ Акуши мы спустились, потомъ поднялись по довольно крутому подъему. Горы и скалы, большею частію голыя, не очень высоки, относительно окружающей ихъ мѣстности: тамъ и сямъ находятся на склонахъ скудныя пастбища, далѣе передъ нами раскрылась болѣе широкая, дикая долина, перерѣзанная хребтами безплодныхъ горъ и пустынныхъ скалъ, усѣянныхъ мелкимъ бѣлымъ известковымъ камнемъ. Можно-бы подумать, что здѣсь входъ въ Ахеронъ, или ожидающій собранія вѣдьмъ Блокбергъ, во время Вальпургіевой ночи. Точно какое-нибудь проклятіе лежитъ на этой мѣстности: дикія горы, то остроконечныя и крутыя, то представляющія террасы и уступы, на склонахъ которыхъ находятся огромные камни, похожіе на неправильной формы шары, стоящіе какъ-бы на пьедесталѣ. Среди этой глуши находится въ видѣ оазиса изумрудная ярина, побитая незадолго передъ тѣмъ сильнымъ градомъ и съ-тѣхъ-поръ снова выросшая бархатомъ ярко-зеленаго цвѣта. Между скалами паслась здѣсь баранта, питающаяся скудными горными травами; пастухъ, мальчикъ лѣтъ 10, забавлялся пронзительной музыкой лезгинскаго инструмента «зпикуне» или

*) Названія эти не находятся въ Спискѣ насел. мѣст. Дагест. обл.

«зипикъ», состоящаго изъ двухъ связанныхъ между собою соломенныхъ трубочекъ. Выѣхавъ изъ этой угрюмой котловины, мы вскорѣ пріѣхали въ Усишу, гдѣ я остановился у наиба. Надъ Усишинскими горами разстилался сильный туманъ; нельзя было и думать о поѣздкѣ туда. Затѣмъ я пошелъ ходить по аулу, расположенному на склонѣ горы, въ ущельи, по которому протекаетъ рѣчка Иникла. На домахъ сложенъ на крышахъ зимній кизякъ (по лезг. *деръ*) въ видѣ кирпича, тогда-какъ лѣтній прилѣпленъ къ стѣнамъ большими лепешками и такъ сушится на солнцѣ. Въ Усишахъ приблизительно 600 дворовъ и на все это населеніе приходятся только 1 серебрякъ, 3 — 4 сапожника и нѣсколько плотниковъ, столяровъ и кузнецовъ. Жители преимущественно занимаются хлѣбопашествомъ, которое впрочемъ далеко не прибыльно, вслѣдствіе какъ безплодности почвы, такъ и высокаго положенія аула. Пшеница обыкновенно даетъ самъ 3, просо самъ 3—4. Горы, на которыхъ выстроенъ аулъ, отчасти песчаны, отчасти глинисты, но вездѣ усыпаны мелкимъ известковымъ камнемъ и представляютъ самую жалкую и скудную растительность: много лопушника, много душистой травы, называемой по татарски ар-шуръ, по лезгински чуба, настой котораго жители пьютъ; называютъ они этотъ напитокъ шамилевскимъ чаемъ. У деревни къ довольно широкой Иникла-кâда примыкаетъ маленькая Урхула-кâда. Усиша со всѣхъ сторонъ окружена большими горами: Мекегинскими, Сиргинскими и другими. Вернувшись къ наибу, который живетъ въ плохомъ европейскомъ домѣ, украшенномъ, впрочемъ, по лезгинскому обычаю, бѣлыми камнями съ красными и зелеными привѣтственными надписями, я обѣдалъ вмѣстѣ съ другимъ гостемъ, гаджи изъ Цудахара, носящимъ высокую зеленую чалму и весьма довольнымъ собою, какъ всѣ гаджи, и съ юзбаши Магаматомъ*). Въ Акушу вернулся я подъ вечеръ, въ сильный дождь. На другое утро, простившись съ гостепріимнымъ Нуръ-Багандъ-кадіемъ, поѣхалъ я обратно въ Лаваши, гдѣ имѣлъ ночлегъ.

Изъ Лавашей въ Ходжалъ-махи дорога ведетъ сперва по ровной мѣстности, потомъ есть нѣсколько спусковъ, такъ-какъ Ходжалъ-махи лежитъ въ низменной котловинѣ. Близъ аула находится извѣстный Ходжалъ-махинскій водопадъ, который, падая

*) Въ Акушѣ говорятъ *Магаматъ*, *Махмудъ*, тогда-какъ въ Урахли вмѣсто *М* говорятъ *Б*: *Багаматъ*, *Бахмудъ*.

узкой струей съ высоты нѣсколькихъ саженъ, образуетъ два колѣна, а въ третьемъ разсыпается и течетъ по отвѣсному камню. Вскорѣ прибылъ я въ аулъ, къ юзбаши Омару, извѣстному богачу, который, живя около штабъ квартиры Ходжалъ-махи, узналъ нѣкоторые русскіе обычаи, напримѣръ, къ чаю подали лимонъ. Послѣ закуски, пригласили меня въ фруктовые сады, составляющіе по-настоящему одинъ обширный садъ, весьма богатый всѣми возможными сортами фруктовъ и множествомъ громадныхъ деревъ: мнѣ указали между-прочимъ на огромную грушу, за которую предлагали хозяину 200 руб. Подъ тѣнью вѣтвей другой груши, производятся на лугу смотры. Садъ этотъ находится на ровномъ мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ, на подобіе стѣны, высокими скалами, на верхушкѣ которыхъ растетъ курага. Въ саду женщины занимались тканьемъ знаменитыхъ ходжалъ-махинскихъ шалей и ковровъ. Женскій головной уборъ въ Ходжалъ-махи самый безобразный: на лобъ онѣ надѣваютъ подъ платокъ родъ козырька изъ матеріи, шитый серебромъ. Садъ тянется почти до деревни Ташкопуръ, лежащей у Казикумухскаго-Койсу, едва замѣтнаго въ узкомъ, глубокомъ ущельи, въ которомъ вода течетъ съ невѣроятною быстротою, бушуя среди камней. Говорятъ, что горцы кидаются въ эти разъяренныя воды и выплываютъ нѣсколько сотъ саженей далѣе. Камень, брошенный въ Койсу, нѣсколько разъ бьется съ обѣихъ сторонъ объ ущелье пока дойдетъ до воды. Тутъ, въ живописной мѣстности, возвышается на скалахъ красивая деревня Ташкопуръ; въ этой деревнѣ обращаютъ на себя вниманіе турьи рога, которые висятъ у дверей нѣкоторыхъ саклей. Туры водятся въ большомъ числѣ въ Казикумухскихъ горахъ, гдѣ охотятся ходжалъ-махинцы и жители сосѣднихъ ауловъ.

На другой день, т. е. 27-го августа, выѣхалъ я изъ Ходжалъ-махи по направленію къ Гуниbу. Дорога поднимается по пустыннымъ скаламъ; на отвѣсной, квадратной скалѣ лежитъ, на подобіе орлинаго гнѣзда, аулъ Куппа, населенный аварцами. Минуя этотъ аулъ, дорога идетъ на Куппинскій перевалъ, высшая точка котораго (4552') находится въ 26 верстахъ отъ Ходжалъ-махи. Здѣсь граница Даргинскаго округа.

Владиміръ Вилльеръ де Лиль-Адамъ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ СТАТЬѢ:

Двѣ недѣли въ Даргинскомъ округѣ.

По вечерамъ ая-махинскіе молодые люди собираются въ чью-либо саклю, на другой день въ другую, на третій—въ третью, и т. д., пока очередь не дойдетъ опять до первой. Тамъ они поютъ пѣсни, пляшутъ, разговариваютъ и внимаютъ разсказамъ стариковъ, преданіямъ и сказкамъ. Вотъ одна изъ ая-махинскихъ сказокъ:

Три царевича. Нѣкій царь славился могуществомъ и богатствомъ. Всѣ удивлялись драгоцѣнностямъ, скопленнымъ въ его чертогѣ. Но однажды по этой мѣстности прошелъ дервишъ, который остановился у дворца и, глядя на него, сказалъ: „Царь гордится богатствомъ своимъ, но всѣ его сокровища не могутъ сравниться съ одною вещью, которой у него нѣтъ.“—„Какая-же это вещь?“ спросилъ царь, слышавшій слова дервиша.—„Это чудесная птица *булбулъ* (или *вулвулъ* *), голосъ которой очаровываетъ всякого, кому удастся ее послушать“, отвѣтилъ странникъ; „достань эту птицу, о царь! и только тогда ты будешь дѣйствительно достоинъ славы богатѣйшаго человѣка въ мірѣ.“ Сказавъ это, дервишъ ушелъ, оставивъ царя въ глубокомъ раздумьи.

У царя было три сына. Узнавъ о горѣ отца, они предприняли отыскать рѣдкую птицу и доставить ее отцу. Выѣхали они вмѣстѣ и не разлучались, пока не доѣхали до перекрестка, гдѣ пересѣкались три дороги. На перекресткѣ стоялъ столбъ съ надписью, гласящей, что тотъ, кто пойдетъ по первой дорогѣ, скоро воротится, кто по второй — долго не воротится, а кто по третьей — тотъ вовсе не воротится. Старшій братъ поѣхалъ по первой дорогѣ, средній по второй, младшій по третьей.

Долго ѣхалъ онъ по пустыннымъ мѣстамъ; наконецъ, доѣхалъ до прекраснаго пастбища, на которомъ паслись баранта и большіе табуны лошадей; неподалеку красовался великолѣпный серебряный замокъ. Молодецъ вошелъ въ замокъ, гдѣ былъ принятъ хозяйкой, дѣвицей рѣдкой красоты. Она велѣла накормить его лошадь и онъ гостилъ и пировалъ у ней впродолженіи трехъ сутокъ; наконецъ, надо было разстаться и ѣхать дальше. „Куда-же ты отправляешься, добрый молодецъ?“ спросила кра-

*) У даргинцевъ нѣтъ ни чистаго *б*, ни чистаго *в*, а только среднее между этими звуками.

савица. Онъ разсказалъ ей, что ѣдетъ отыскивать чудесную птицу булбулъ. „Не найдешь ты этой птицы“, возразила она, „останься лучше здѣсь; ты видишь, какъ я богата; всѣ эти тучные луга и нивы, всѣ эти многочисленныя стада принадлежатъ мнѣ, я выйду за тебя замужъ и мы вѣкъ проживемъ въ счастіи и довольствѣ“.—„Не могу я остаться“, отвѣтилъ витязь, „мнѣ надо непремѣнно достать булбулъ“. Видя, что всѣ усилія ударжать его у себя тщетны, она простилась съ нимъ и дала ему, вмѣсто его лошади, превосходнаго чернаго коня.

Такъ отправился онъ въ путь и вечеромъ пріѣхалъ къ золотому замку, въ которомъ жила другая красавица, сестра первой. У ней онъ также гостилъ трое сутокъ, она сдѣлала ему тѣже предложенія, и въ свою очередь дала ему ретиваго рыжаго коня, на которомъ онъ прискакалъ къ третьему замку, брилліантовому, принадлежащему третьей сестрѣ. И тамъ провелъ онъ три дня и три ночи, и когда сталъ собираться въ путь, прекрасная дѣва убѣждала его жениться на ней и остаться съ ней въ брилліантовомъ замкѣ. Но молодецъ рѣшился довести до конца свое славное предпріятіе и не далъ себѣ обольститься чарами прелестной дѣвицы. Не успѣвъ удержать его у себя, она подарила ему отборнаго бѣлаго коня и двѣ пики, одну желѣзную и одну стальную, и дала ему наставленія, какимъ образомъ добраться безопасно до булбулъ: „Ты пріѣдешь въ замокъ дикой дѣвицы Уагегъ (Uaheg, т. е. колдуньи), у которой находится булбулъ. Дѣвица эта охотится впродолженіи семи сутокъ, послѣ чего спитъ безъ просыпу столько-же времени, и всю жизнь проводитъ такимъ образомъ между охотой и сномъ. Входъ въ ея чертоги стерегутъ одинъ *арсланъ* и одинъ *капланъ**), но не бойся и порази ихъ моими пиками“. Джигитъ благодарилъ за совѣты и помчался на славномъ конѣ, который съ быстротою молніи привезъ его къ замку, выстроенному изъ чистѣйшаго золота. Кругомъ замка бѣгали съ яростью собаки, вскармливаемыя ячменемъ, а вблизи паслось стадо гусей, которыхъ кормили костями. Удалецъ нашъ взялъ у собакъ ячмень и далъ гусямъ, а у гусей отнялъ кости и кинулъ собакамъ, которыя стали ихъ грызть, а пришельца не тронули. Подошелъ онъ къ замку, входъ въ который стерегли страшный арсланъ и свирѣпый капланъ. Неустрашимый витязь положилъ ихъ на мѣстѣ своими пиками и вошелъ въ покои Уагегъ.

*) Слова *арсланъ* и *капланъ* (собственно *кафланъ*) — синонимы и означаютъ льва, первое по-турецки, второе по-арабски.

Она спала на золотой кровати; черные волосы ея висѣли до полу; на рукѣ блисталъ дорогой перстень; у головы горѣла свѣча въ золотомъ подсвѣчникѣ, у ногъ другая — въ серебряномъ. Подлѣ кровати, въ золотой клѣткѣ, пѣла сладкія пѣсни удивительная булбулъ. Молодецъ взялъ клѣтку съ птицей, снялъ перстень съ руки красавицы, раскрылъ ея грудь и переставилъ подсвѣчники,— золотой поставилъ къ ногамъ, а серебряный къ головѣ. Послѣ этого онъ поспѣшилъ выйдти изъ замка, горя нетерпѣніемъ доставить отцу свою находку. На возвратномъ пути заѣхалъ онъ къ тремъ сестрамъ, у которыхъ гостилъ, и взялъ ихъ съ собой, вмѣстѣ съ несмѣтными ихъ сокровищами и безчисленными стадами.

Пріѣхавъ къ перекрестку, гдѣ разстался съ братьями, онъ опять встрѣтился съ ними, сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ. Оба брата ничего не нашли, истощили свои припасы, извели деньги и принуждены были работать своими руками, чтобы снискивать себѣ пропитаніе. Одинъ напялся къ еврею, который заставлялъ его собирать куриный навозъ, другой поступилъ къ поселянину, у котораго таскалъ на поле навозъ изъ хлѣва. Младшій братъ взялъ ихъ съ собой и одѣлъ какъ подобало ихъ сану.

Путь къ царскому дворцу ихъ отца пролегалъ черезъ пустынныя и безводныя страны, и вскорѣ огромный караванъ сталъ терпѣть недостатокъ въ водѣ. Къ счастію, попался колодезь, но до того глубокій, что нельзя было достать воды иначе, какъ спустившись на веревкѣ ко дну. Никто не рѣшался спуститься въ страшную глубину и нашему храбрецу пришлось самому доставать воду. Онъ напоилъ и людей, и скотъ, и уже собирался подняться на свѣтъ Божій. Но завистливые братья отрѣзали веревку и молодецъ остался въ колодцѣ; въ это мгновеніе умолкли пѣсни булбула. Безбожные-же братья пріѣхали къ отцу, поднесли ему булбула и хвастали, что завоевали всѣ привезенныя ими сокровища. Но царь и царица были неутѣшны, что любимецъ ихъ, младшій сынъ, пропалъ безъ-вѣсти. Вслѣдъ за братьями пріѣхала и дѣвица Уагегъ, пустившаяся въ погоню за похитителемъ птицы и перстня. Она объявила, что выйдетъ замужъ за молодца, съумѣвшаго перехитрить ее.

Между-тѣмъ, какъ оплакиваемый родителями младшій сынъ лежалъ безъ чувствъ въ водѣ, у колодца остановились проѣзжіе купцы. Одинъ изъ нихъ спустился за водой и увидѣлъ лежащаго въ обморокѣ юношу. Тотчасъ вытащили его изъ колодца, и въ

это мгновеніе вновь запѣла булбулъ, изъ чего красавицы заключили, что витязь спасенъ. Купцы заспорили о томъ, кому будетъ принадлежать найденный ими прекрасный молодой человѣкъ. Но какъ долго ни спорили, они не успѣли прійти къ соглашенію; узнавъ-же, что онъ царскій сынъ, они отпустили его, одѣвъ его съ головы до ногъ, такъ-какъ платье его сгнило въ водѣ. Простившись съ купцами, онъ направился ко дворцу отца. Неподалеку отъ дома встрѣтился онъ на полѣ съ пастухомъ и предложилъ ему помѣняться одеждой. Пастухъ, считая такое предложеніе насмѣшкой, долго не соглашался; наконецъ, тотъ успѣлъ убѣдить пастуха, что вовсе не шутитъ,—отдалъ ему свое платье и одѣлся въ его лохмотья. Подходитъ онъ къ дому отца, гдѣ собрались со всѣхъ сторонъ гости, чтобы праздновать молодецкими играми предстоящую свадьбу двухъ старшихъ братьевъ съ привезенными красавицами, просившихъ выждать сорокадневный срокъ для пріѣзда младшаго брата. Срокъ этотъ уже приближался къ концу, и братья, собираясь сыграть свадьбу, созвали на празднество извѣстнѣйшихъ джигитовъ. На игрищахъ, молодые люди старались выказать свою ловкость и силу. Между прочимъ, у царя былъ огромный старый лукъ. Всѣ гости тщетно пытались натянуть тетиву этого лука и пустить ею стрѣлу. Видя ихъ напрасныя усилія, младшій братъ, переодѣтый въ лохмотья и никѣмъ не узнанный, просилъ позволенія испытать свою силу. Братья приказали выгнать его съ царскаго двора, но царица настояла, чтобы ему дали лукъ. Молодецъ тотчасъ натянулъ его и грозно спросилъ: „Кто виноватъ, пѣтухи или куры?“ — „Куры не виноваты“, отвѣтили красавицы, „виноваты одни пѣтухи!“ Тогда онъ пустилъ стрѣлы въ братьевъ и убилъ ихъ на-мѣстѣ. Царь и царица очень обрадовались, что нашелся ихъ любимый сынъ, и съ торжествомъ отпраздновали его свадьбу съ красавицей Уагегъ. Я тоже тамъ былъ, и тебѣ я привезъ со свадьбы коня *), но сосѣдъ его у меня отнялъ, — ступай къ нему въ конюшню, тамъ ты его найдешь.

---

*) Или: эшака, иголку, или что-бы ни было.

Тамъ-же я слышалъ слѣдующее *преданіе о кукушкѣ*:

Однажды птицы уговорились выкопать бассейнъ, куда-бы стекались сосѣдніе ручьи. Всѣ птицы принимали дѣятельное участіе въ работахъ, одна только *гэгугъ* (кукушка) лѣнилась. Съ тѣхъ поръ птицы не даютъ ей пить воду и гонятъ, какъ только увидятъ, что она пьетъ изъ ручья или изъ рѣчки. Кукушка по неволѣ должна довольствоваться одною дождевою водой.

Владиміръ Вилльеръ де Лиль-Адамъ.

Въ статью вкрались слѣдующія опечатки:

					Напечатано:	Слѣдуетъ:
Стран.	1	строка	16	снизу—	Урануша-махи	Уануша-махи.
—	2	—	1 и 2	сверху—	Мильсаджъ-кѣда	Мильхаджъ-кѣда.
—	7	—	8	» —	предыханіемъ	придыханіемъ.
—	»	—	10	» —	Цаяла-махи	Уаяла-махи.
—	»	—	13	снизу—	Рума-кентъ	Рума-кантъ.
—	11	—	15	сверху—	Іомѣ	Гомѣ.
—	18	—	12	снизу—	Блокбергъ	Блоксбергъ.

ГОРСКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО.

Кистинцы Галгаевскаго общества, въ срединѣ іюня, празднуютъ торжество въ честь св. Мятцели *). Всѣ жители окрестныхъ горъ и жители равнинъ посѣщаютъ въ тотъ день *гору Мятцели*, весело проводятъ цѣлый день и ночью возвращаются домой. Обычай паломничества между горцами далеко неисключительное явленіе. Но онъ сохранился по преимуществу между здѣшними горцами (галгаевцами и осетинами), потому-только, что они свято, ненарушимо исполняютъ завѣтныя преданія отцовъ. И надобно замѣтить, нигдѣ такъ ясно не проявляются слѣды нѣкогда распространеннаго христіанства между этими горцами, какъ въ подобныхъ торжествахъ. Поэтому здѣшнее паломничество интересно какъ съ этнографической, такъ и съ исторической стороны.

Было почти темно, когда мы съ проводникомъ поднимались на гору. Едва замѣтная тропинка, служившая намъ первоначально вмѣсто дороги, пропала совсѣмъ, когда мы достигли вершины горы. Видъ открывался на югъ, и передъ нашими глазами, какъ на ладони, виднѣлась огромная, неизмѣримая даль. Кое-гдѣ мы различали на ней знакомыя мѣстности, но надъ ними висѣлъ таинственный полумракъ. До восхода солнца оставалось, по разсчету проводника, $1^1/_2$ часа или болѣе. Мы сѣли и ждали. Едва замѣтные клубы дыма на равнинѣ поднимались и разсѣевались по чистому небосклону. Звѣды почти потухли.

Мы ждали и, сидя, дремали. Но, вотъ, утренняя свѣжесть мгновенно охватила насъ. Мы укутались въ бурки. Становилось все свѣтлѣе. Вдругъ, вдали изъ-за тумана, потянулись, сначала одна, двѣ, а потомъ безчисленное множество лучезарныхъ полосъ. Мы встали. До того апатически-безучастная фигура моего

*) См. Сборн. свѣдѣн. о кавк. горцахъ, вып. V статья: «Ингушевскіе праздники».

проводника внезапно оживилась. Съ радости онъ пожималъ мнѣ руку, говоря: «Валлахъ, что это за чудо, что это за чудо»! Бурки мгновенно сняты были съ плечъ и не прошло болѣе того времени, что мы успѣли оправиться отъ неожиданнаго зрѣлища, какъ огромный огнистый шаръ показался передъ нами; бѣловато-розовые лучи бросились на равнину, и она мало-по-малу освѣтилась, какъ и все находящееся на ней. Продольныя ленты (рѣчки), начинавшіяся почти у нашихъ ногъ, потянулись вдаль громадными извилистыми линіями; онѣ заблестѣли мягкимъ, перемежающимся серебристымъ свѣтомъ. Городъ *), сосѣдніе аулы, все освѣтилось и оживилось...

До ближайшаго аула, Джерахъ, оставалось верстъ десять. — «Слава Богу, наконецъ-то мы не одни будемъ ѣхать въ эти проклятыя горы *(ломъ)*», воскликнулъ мой проводникъ, указывая на двухъ ѣхавшихъ впереди насъ всадниковъ. Мы скоро нагнали ихъ. Пользуясь свободными обычаями туземцевъ, мы присоединились къ ихъ обществу. Одинъ изъ нихъ, сутуловатый, толстый, съ румяными отвислыми щеками, черной бородой, плотно сидѣлъ на тощей, маленькой лошаденкѣ, которая, къ удивленію, тащила столь великую громаду мяса. Въ его привѣтливыхъ глазахъ и широкой улыбкѣ было много простодушія, а въ безпрестанномъ дребезжащемъ смѣхѣ проявлялся прежде всего житель ущелій и горъ, а потомъ шутникъ и балагуръ. Другой незнакомецъ казался во всѣхъ отношеніяхъ горскимъ аристократомъ, и онъ занялъ между нами среднее мѣсто, а это такой почетъ между туземцами, какой они оказываютъ только людямъ вполнѣ почтеннымъ. Дѣйствительно, незнакомецъ оказался однимъ изъ знатныхъ тагаурскихъ узденей. Подъ нимъ былъ великолѣпный конь, съ мягкою, глянцовитой шерстью и пушистымъ хвостомъ. На лѣвой ляшкѣ коня обозначено было тавро Абуковыхъ... Одѣтъ былъ тагаурецъ безукоризненно, по модѣ. Знатоки ея сейчасъ-бы замѣтили, что весь костюмъ его не имѣлъ ни малѣйшей нитки серебра; зато оружіе было въ серебрѣ и золотѣ.

Тагаурецъ дурно говорилъ по-ингушски, и потому на вопросы наши отвѣчалъ отрывисто, съ сознаніемъ собственнаго своего достоинства.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, наши встрѣчные продолжали прежній свой разговоръ, прерванный нашимъ присоединеніемъ.

---

*) Владикавказъ.

Толстякъ откашлянулся, дернулъ уздечкой, вздохнулъ и заговорилъ: — «Пріѣхали они въ лѣсъ. Людей было много и все охотники. Большая часть отправилась въ лѣсъ выгонять дичь,—офицеры-же расположились чай пить. Съ ними остался и нашъ родственникъ, Янирса. Проходитъ много времени, въ лѣсу тихо, ружейныхъ выстрѣловъ не слышно. Вотъ, одинъ изъ офицеровъ говоритъ Янирса: «ступай и торопи охотниковъ, время проходитъ». Тотъ, отыскивая товарищей, забрелъ въ самую средину лѣса. Извѣстно, въ лѣсу трава большая, съ конемъ человѣка не видать иногда. Вдругъ онъ слышитъ вблизи шелестъ. Онъ взвелъ курокъ и осторожно приблизился къ звѣрю. А онъ, сѣрый, сходный съ кабаномъ (пусть его мясо ѣдятъ гяуры!), тихонько ползетъ впередъ. Янирса пустилъ въ него пулю. Вдругъ кабанъ неожиданно закричалъ человѣческимъ голосомъ»!

— Уай, это онъ человѣка убилъ! вскричалъ мой проводникъ. Всему илбизъ (чортъ) виноватъ, будь онъ проклятъ...

— «Раненаго привезли домой», продолжалъ разсказчикъ, «и черезъ день онъ умеръ. Братья, родственники взбунтовались и порѣшили: мстить за кровь покойника... Не тѣ времена, чтобъ мстить! Ингуши кричали, ругались, а дѣло уладить не могли. Ужъ подлинно ингуши!... Съ помощью аллаха, *намъ* удалось уговорить отца взять за *кровь* 200 руб. Оставалось, чтобъ мать покойнаго усыновила Янирса. Мы взяли его и поѣхали въ ихъ аулъ. Онъ остановился у аульнаго кладбища *), а мы направились къ саклѣ, подлѣ которой бабы, съ исцарапанными лицами, бѣгали взадъ и впередъ, — ужъ подлинно у нихъ ума нѣтъ! Наконецъ, старуха согласилась допустить найденнаго сына. Мы послали за нимъ. Онъ шелъ съ народомъ, громко плача, какъ женщина. Впрочемъ, въ нашемъ коранѣ сказано: «плачущимъ поможетъ пророкъ». И помогъ»!

Проводникъ мой, въ молодости изучавшій мусульманское богословіе, покачалъ головой и двусмысленно улыбнулся.

— «Изъ сакли вышла худая, блѣдная женщина, съ истрепанными сѣдыми волосами, съ красными, сухими глазами. То была старуха — мать. Старики умоляли ее принять въ объятія, взамѣнъ потеряннаго, новаго сына. Женщина долго молчала, потомъ стремительно бросилась къ Янирса и обняла его. Слезы,

*) Убійца, при прощеніи, долженъ непремѣнно полежать у могилы покойнаго, причемъ не полагается быть при оружіи.

какъ вода, шли изъ ея очей, Уаллахи!—Янирса припалъ къ груди и губами отыскалъ соску... Кинусь прахомъ моего брата, я не могъ выдержать и заплакалъ, какъ дитя. И не я одинъ плакалъ, плакали старики и молодые, женщины и дѣти. А покойникъ, по всему видно, былъ трудолюбивый человѣкъ: новая сакля, чистый дворъ. Человѣкъ хотѣлъ жить, а умеръ... Э, и мы умремъ»!

Разсказчикъ умолкъ. Сумерки настигали насъ, но въ отдаленіи послышался лай собакъ. Вотъ, въ туманѣ, показался аулъ Джерахъ. Мы распрощались съ знакомцами и пріютились въ Джерахскомъ замкѣ.

Еще до восхода солнца мы покинули Джерахъ. Въ аулѣ остались одни старики да малыя дѣти. Насъ взялся довести до мѣста праздника одинъ молодой горецъ. Надо, однако, замѣтить, что мы немного опоздали паломничать, въ настоящемъ смыслѣ этого слова: еще вчера большинство паломниковъ ночевало повыше аула Баина, теперь-же они были на мѣстѣ. Поѣхали мы по чрезвычайно узкой, ровной дорогѣ, проложенной русскими войсками, еще за время Шамиля. Сытые кони бодро идутъ, вдыхая полной грудью свѣжій, горный воздухъ. Дѣлаетъ человѣка свѣжимъ и веселымъ это раннее пробужденіе спавшей природы.

Молодой нашъ чичероне много разсказывалъ намъ о Мятцели и странностяхъ этого святого. Такъ, по его словамъ, Мятцели терпѣть не можетъ тѣхъ, кто ему не приноситъ разъ въ годъ жертвы; поэтому обязанность каждаго добраго горца не только чтить праздники Мятцели, но еще и дома рѣзать жертвенныхъ барановъ, дабы испросить милость у святого. Между-прочимъ проводникъ разсказалъ слѣдующій знаменательный случай. Однажды, отецъ и родной дядя его поссорились между собой и пожелали подѣлить имущество на двѣ части. Когда дошла очередь до дѣлежа барановъ, то дядя утаилъ нѣсколько штукъ, что никому, однако, не было извѣстно. Вдругъ, на сходку аула, куда собрались почти всѣ старики, и между ними отецъ проводника, является старецъ, бѣдно одѣтый; онъ торжественно призываетъ отца взять къ себѣ утаенныхъ дядею овецъ и затѣмъ самъ изчезаетъ. Дѣйствительно, овцы нашлись; народъ осудилъ неправедника; потомъ начали искать правдиваго старца, но его нигдѣ не ока-

залось. Горцы сейчасъ догадались, что старецъ былъ никто иной, какъ Мятцели.

Къ характеристичнымъ особенностямъ горскаго патрона также относится его нелюбовь еще къ нѣкоторымъ слабостямъ человѣческой натуры. Такъ, если паломникъ скажетъ непристойность женщинѣ, то за этотъ проступокъ не допускается, по понятію народа, къ святому мѣсту. Достаточно сказать одно грубое слово, даже неблагочестивую мысль имѣть въ сознаніи, чтобъ грѣшникъ слетѣлъ въ кручу, откуда онъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи былъ-бы подняться на гору. Но вы думаете, что тотъ несчастный, который свалился въ бездну ущелья, уже мертвъ? Ошибаетесь, онъ невредимъ: его милуетъ и предохраняетъ отъ ушиба на пути паденія тотъ-же св. Мятцели.

— Теперь мы ѣдемъ къ нему, говорилъ намъ горецъ, ты думаешь, Мятцели забудетъ насъ? О, нѣтъ! Онъ обо всѣхъ насъ скажетъ архангелу Гавріилу.

Не доѣзжая аула Баина, мы были свидѣтелями слѣдующей сцены. Шли четыре дѣвушки съ тяжело-навьюченнымъ эшакомъ и остановились. Оказалось, что посвященная Мятцели овца упала на дорогѣ. А это плохой знакъ, по понятіямъ горцевъ. Мой товарищъ вынужденъ былъ слѣзть съ лошади и разсмотрѣть причины, по которымъ животное ни съ того, ни съ сего, при палящемъ, жгучемъ солнцѣ, упало.

— Э, баранъ издыхаетъ! глубокомысленно промолвилъ, качая головой, горецъ. Онъ раза три поворачивалъ животное (довольно тучное) на разныя стороны. — Видно, не хочетъ вамъ добра, обратился онъ къ дѣвушкамъ...

А онѣ стояли съ такою глубокою печалью, такое горе сказывалось въ ихъ влажныхъ глазахъ, что судейское рѣшеніе проводника не могли выслушать, безъ того чтобъ въ одинъ голосъ не воскликнуть:

— Надо было вести ее сегодня! Что мы будемъ дѣлать, куда намъ бросить барана?

— Да поможетъ вамъ Мятцели! сказалъ проводникъ и мы отъѣхали прочь.

Показались угрюмыя высокія башни. У воротъ одной изъ нихъ встрѣтилъ насъ сѣдой, сгорбленный человѣкъ и усиленно просилъ насъ выпить собственнаго его приготовленія пива.

— Кромѣ меня, дома никого нѣтъ, говорилъ онъ намъ, живо взбираясь по грубой и опасно-скользкой лѣстницѣ, — такъ

вы мои первые гости!... Не думалъ я дождаться васъ; одному скучно; старъ сталъ ходить къ Мятцели; вамъ, молодежи, посѣщать его...

Старикъ торопливо вышелъ изъ сакли.

Горскія сакли ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, что на равнинѣ. Здѣсь та выгода, что все сдѣлано надолго, прочно и хозяйственно, хотя и некрасиво. Старикъ воротился съ огромною чашей пѣнящагося пива въ рукахъ.

— Дай, Боже, благополучно добраться до мѣста, сказалъ онъ и отпилъ пива.

Черезъ четверть часа мы опять продолжали путь. За 3 версты отъ насъ по косогору тянулась винтообразная, пестрая лента. То были паломники. Кони наши съ трудомъ прибавили шагу. Жара усиливалась, хотя еще не было 10-ти часовъ. Солнце безпощадно жгло; только легкій вѣтерокъ развѣвалъ иногда нестерпимую духоту въ воздухѣ. Вотъ, дорога замѣнилась каменистою тропинкой. Любопытное зрѣлище представляла движущаяся масса паломниковъ. Мужчины и женщины шли вмѣстѣ, не стѣсняясь туземнымъ обычаемъ. При всеобщей усталости и трудности дороги, все-таки слышались веселые разговоры и смѣхъ.

— Какъ-бы дождя не было! говорилъ молодой паломникъ, вытирая рукавомъ черкески потъ, лившійся струею по его гладкой, чисто выбритой, головѣ.

— Не можетъ быть, сегодня день Мятцели, отвѣчали ему нѣсколько голосовъ.

Молодой человѣкъ, боявшійся дождя, замолчалъ и тоскливо сталъ смотрѣть на безконечно вьющуюся дорогу.

Мѣсто праздника представляетъ довольно возвышенную площадь, продолговатую и узкую. Здѣсь построены древней архитектуры три часовни. Первая и самая главная—*Мятцели*—стоитъ при началѣ площади. Здѣсь собрались почти всѣ паломники. Вдоль всей возвышенности разложены были костры, и женщины разставляли деревянную посуду. Бурдюки пива и араки были развязаны, но къ напиткамъ этимъ еще никто не прикасался. Всѣ чего-то ожидали и тревожно смотрѣли на человѣка высокаго роста, одѣтаго съ головы до ногъ въ бѣлое платье. Солидные горцы ухаживали за нимъ, а онъ повелительными жестами отдавалъ приказанія. Но, вотъ, ему поднесли огромную красную чашу пива.

Онъ взялъ ее; паломники тоже налили себѣ пива. Вдругъ все зашумѣло, задвигалось и побѣжало къ часовнѣ Мятцели. Близь нея собрался весь народъ, а впереди всѣхъ сталъ бѣлый человѣкъ; подлѣ него находился юноша, съ тупымъ, идіотическимъ выраженіемъ лица, съ значкомъ въ рукахъ. При малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка значокъ развѣвался, къ великой радости богомольцевъ.

— Что это за человѣкъ? спросили мы, указавъ на народнаго представителя.

— Цай-сагъ (жрецъ), былъ лаконическій отвѣтъ.

Жрецъ снялъ съ себя бѣлую шапку и обратился на востокъ. Онъ, съ блѣднымъ лицомъ, долго глядѣлъ на солнце, и почему-то молчалъ. Но, вотъ, онъ заговорилъ... Голосъ у него былъ сильный, крикливый, но съ замѣтною старческою разбитостью. Гробовое молчанье царило въ народѣ.

— Великій Боже, создавшій небо и землю! воскликнулъ жрецъ, причемъ онъ обратилъ свои тусклые взоры на свѣтлое солнце, лучи котораго ослѣпляли глаза,—Боже, благослови наше предпріятіе, благослови пришедшихъ къ Тебѣ съ дарами, дай намъ плодородіе и обиліе хлѣба. Избави свой народъ отъ мора и голода, о великій!

Жрецъ остановился. Спокойно, почти торжественно онъ обвелъ взоромъ все собраніе. Богомольцы не проронили ни слова и впились въ него глазами.

Проповѣдникъ опять обратился къ солнцу—и полился потокъ неуловимаго краснорѣчія. Онъ взывалъ то къ великому аллаху, то къ Мятцели, просилъ добра тому бѣдному народу, который стоялъ съ нѣмымъ благоговѣніемъ, безъ шапокъ. Мы бѣдны, но мы чтимъ и боимся Бога, повторялъ умоляющій голосъ, мы принесли сюда наши богатства, въ жертву Мятцели и аллаху, чтобы умилостивить ихъ за наши прегрѣшенія. Мы многаго не хотимъ: здоровье народное и достаточное продовольствіе составляютъ предметъ нашей униженной просьбы...

Могучій голосъ отчетливо раздавался по горамъ и эхо внятно вторило ему.

Жрецъ былъ величественъ. Рука его съ чашею дрожала, пѣнящееся пиво лилось черезъ край сосуда. Послѣ продолжительныхъ варіацій на одну и туже тему, проповѣдь окончилась словомъ «аминь».

— Очіо, очіо!..., закричала толпа.

Жрецъ при этихъ словахъ мгновенно обернулся и сильнымъ голосомъ отвѣтилъ толпѣ: очіо!... аминь, аминь!...

Затѣмъ положили на землю откормленныхъ овецъ и перерѣзали имъ горла. Число ихъ простиралось до 80-ти штукъ. Мужчины усѣлись въ кружки и между ними пошла круговая чаша. Пиво истреблялось въ огромномъ количествѣ. Молодежь занялась танцами. Нельзя сказать, чтобъ наши горянки отличались въ танцовальномъ искусствѣ, какъ ихъ сосѣдки — осетинки или кабардинки. Не имѣлось ни зурны, ни скрипки, была одна гармоника, случайно купленная у заѣзжаго торгаша армянина, издававшая слишкомъ слабые звуки среди горъ. Зато ничего вольнаго, ничего выходящаго изъ приличія не видно было въ взаимныхъ отношеніяхъ между молодыми людьми. Они пришли сюда показывать не свой нарядъ или красоту, а единственно провести разъ въ году весело праздникъ. Немного у жителей горъ такихъ торжественныхъ дней. Совсѣмъ не то на равнинѣ. Тамъ весьма часто придираются къ случаю, какъ-бы собраться и учинить танцы.

Здѣсь кстати замѣчу, что при всемъ страстномъ желаніи обладать красотою, дѣвушки равнинъ далеко уступаютъ горянкамъ. Кабардинская или осетинская дѣвушка, напримѣръ, непремѣнною обязанностью считаетъ довести свой станъ до неимовѣрной тонизны. Отсюда, сколько труда и физическихъ мученій предстоитъ ей! Она уродуетъ свой организмъ до того, что когда минетъ ей 17-я весна, она выглядитъ чахлою и худою, какъ щепка. Строгія матери тщательно охраняютъ дочерей своихъ отъ шалостей и всякихъ вольныхъ мускульныхъ движеній; въ раннемъ возрастѣ (на 11 или 12 году) обшиваютъ имъ груди тугимъ, варварскимъ корсетомъ. Днемъ и ночью благовоспитанная дочь не покидаетъ его, въ противномъ случаѣ она подвергается наказаніямъ. Особенности этихъ корсетовъ состоятъ въ томъ, что берутся двѣ довольно толстыя доски, обшиваютъ ихъ сафьяномъ и зашнуровываютъ на спинѣ; отъ этого корпусъ не можетъ подаваться ни впередъ, ни назадъ. Легко вообразить, что̀ долженъ терпѣть отъ этого неокрѣпшій организмъ дѣвочки. Вотъ, почему мы съ удовольствіемъ смотрѣли на физическую красоту горскихъ дѣвушекъ. Мы положительно не встрѣтили между ними ни одной съ блѣднымъ лицомъ, впалой грудью, неровной походкою.

Въ шагахъ 50-ти отъ Мятцели, перпендикулярно къ ней, стоитъ вторая часовня, какъ ее называютъ туземцы, *Мятер-дя-*

ле; третья, *Суссонъ*, отъ Мятердяле налѣво, находится въ котловинѣ.

Мы отправились къ часовнѣ Мятцели разсмотрѣть ея внуттреннія достопримѣчательности. Привратникъ, тотъ юноша, который присутствовалъ на всеобщей молитвѣ со значкомъ въ рукахъ, теперь стерегъ часовню отъ нескромныхъ глазъ. Мы ему объяснили причину нашего прихода.

Сторожъ вытаращилъ глаза и сомнительно покачалъ головой: «я спрошу жреца», сказалъ онъ и немедленно пошелъ розыскивать своего начальника. Послѣдній не замедлилъ явиться.

— Вы хотите посмотрѣть келью? величественно спросилъ онъ насъ, выпрямивъ свой старческій станъ. Да? извольте... Эй, отворяй! приказалъ онъ своему помощнику. Тотъ изумленно поглядѣлъ, но безпрекословно повиновался приказанію...

Сырой, затхлый воздухъ обдалъ насъ, когда мы очутились посреди четырехъ узенькихъ каменныхъ стѣнъ: сплошная сырость и плѣсень покрывали ихъ. Между стѣнами вбиты деревянные шесты и на нихъ висятъ попарно рога оленьи, бычачьи и даже турьи.

Жрецъ, порывшись, показалъ намъ маленькій серебряный колокольчикъ.— «Вотъ, этотъ колокольчикъ», говорилъ онъ намъ, «подарилъ Мятцели осетинъ... да будетъ благословенъ его родъ»...

Затѣмъ, намъ нечего было разсматривать, развѣ самого хранителя кельи. Онъ высокаго роста, ему лѣтъ за 60, но держится прямо, можно сказать, величественно, откидывая на затылокъ голову. Голосъ его, отзывающійся нѣкоторымъ разслабленіемъ, значительно еще твердъ и звученъ. Особенно замѣчательны его глаза: тусклые, безжизненно-стеклянные, они смѣло и проницательно смотрятъ изъ-подъ нависшихъ сѣрыхъ бровей. Блѣдное, изборожденное морщинами, лицо, длинная сѣдая борода, внушали къ его личности невольное почтеніе. Къ сожалѣнію, жрецъ говорилъ съ нами отрывисто, часто задумываясь. Пивные пары, видимо, отуманили его голову. Но все-же казалось, что этотъ человѣкъ могъ-бы быть жрецомъ не только полудикихъ горцевъ, но и мудрыхъ египтянъ.

Близъ дверей кельи мы замѣтили огромную кучу сваленнаго безпорядочно мяса. На вопросъ, зачѣмъ оно здѣсь, жрецъ отвѣчалъ, что баранина предназначена Мятцели.

Было около 4-хъ часовъ по полудни. Жаръ спалъ. Дулъ прохладный вѣтерокъ. На небѣ образовался рядъ какъ-бы тон-

Р.С.Ф.С.Р

кою нитью связанныхъ межъ собой островковъ. Удивительно хороши были эти облака, когда они добѣгали до снѣжныхъ остроконечныхъ вершинъ, разсыпались, словно жемчугъ, и скрывались за горами.

Объемистыя корзины хлѣба, мяса и т. п. стояли близь кельи Мятцели. Паломники ожидали жреца. Готовилась важная процессія. Когда жрецъ вошелъ незамѣтно въ келью, всеобщее вниманіе было чрезвычайное. Сторожъ отгонялъ любопытныхъ отъ дверей, но его не слушались. Было не до него. Неожиданно раздался легкій стукъ изъ кельи. Толпа стремительно сама поспѣшила отворить настежъ двери... Жрецъ бросилъ изъ кельи горсть мучныхъ кренделей, а народъ алчно ловилъ ихъ, какъ небесную манну. Потомъ процессія, имѣя въ главѣ жреца, направилась ко второй часовнѣ. Жрецъ и его помощникъ выхватывали полныя корзины и изъ нихъ бросали взадъ и впередъ мясо, хлѣбъ, главное — кренделй, которые съ великою жадностью поѣдались толпою. Достигнувъ часовни *Мятердяле*, жрецъ остановился и прокричалъ: — Очіо, очіо!... Ему отвѣчали неменѣе энергическими голосами. Умиленіе богомольцевъ было всеобщее.

Наконецъ, женщины тоже стали приготовляться. Принарядившись, онѣ съ корзинами и зажженными восковыми свѣчами двинулись къ часовнѣ *Суссонъ*. Въ толпѣ ихъ не было ни одного мужчины.

Около семи часовъ вечера паломники возвращались домой Осѣдлали лошадей, навьючили эшаковъ, которые при этомъ горько ревѣли. Солнце заходило. Съ долинъ и боковъ горъ поднимался золотистый паръ. Все казалось улыбающимся: и лѣса, и золотистая зелень и сами торопящіеся паломники. Не успѣли мы съѣхать внизъ горы разстояніе въ 50 шаговъ, какъ неожиданно раздался сильный, крикливый, знакомый голосъ.

Пѣшіе и конные остановились и, снявъ шапки, оглянулись назадъ.

Близь кельи Мятцели стояла кучка людей, но особенно замѣтна была бѣлая фигура цай-сага (жреца). Онъ говорилъ прощальную, благодарственную рѣчь. Опять воззванія, то къ «великому аллаху», то къ Мятцели, то къ тому бѣдному народу, который съ

почтительнымъ наклоненіемъ головъ слушалъ своего проповѣдника. Когда рѣчь окончилась, то на всѣхъ насъ напала внезапная веселость, точно мы обрадовались кончинѣ какихъ-либо физическихъ бѣдствій. Мы шли сюда, больные и изнеможенные; мы принесли жертвы нашему патрону; онъ былъ милостивъ, снизошелъ къ нашему грустному положенію, скорбящихъ исцѣлилъ, неимущихъ обнадежилъ,—послѣ этого какъ-же не быть веселости? Въ эти минуты позабыты были докучные вопросы дня и все то, что «тайно тревожитъ миръ души». Дѣвушки пѣли «мятцеловскія пѣсни», слова которыхъ, при всемъ моемъ стараніи, остались неразгаданными. Звонкій смѣхъ, шутки, оглашали горы... Мы бросили коней и пошли вмѣстѣ съ паломниками.

Часть ихъ отправилась по лѣвую сторону горы, другая взяла направо, именно къ Джераху... Ночь, безлунная, но свѣтлая, съ мягкими тѣнями, спустилась съ горъ. Съ нами шелъ жрецъ и его помощникъ.

— «А что, если жрецъ потеряетъ значокъ»? спрашивалъ неизвѣстный голосъ.

— «Заплатитъ штрафъ, мы ему не родня... Ты думаешь, какъ!»...

— Вотъ, я вамъ разскажу (говорилъ монотонный, спокойный голосъ), какъ меня попутали *илбизы* (черти). Съ сыномъ своимъ—теперь покойнымъ — прошлую зиму пошелъ я въ лѣсъ. Взяли мы двухъ эшаковъ... Снѣгъ былъ глубокій, вѣтеръ дулъ въ лицо, глаза слѣпилъ... Кое-какъ нарубили мы дровъ и возвращались по этой самой дорогѣ. Вдругъ, сынъ-то мой, ужъ не маленькій, говоритъ мнѣ: —«пойду посмотрю, что дѣлаетъ Мятцели»—и направляется въ гору, къ кельямъ... Говорю: не смѣй ходить, тебя джины (духи) испортятъ, — и насильно не пускаю безумца. Тотъ даже и слушать не хочетъ отца. Прежде былъ смирный, послушный юноша, а вдругъ перечить сталъ, — это меня удивило. «Дѣлать нечего», отвѣчаю, «если пойдешь, то не показывайся домой». Отошелъ нѣсколько шаговъ, вижу, сынъ мой стоитъ, какъ вкопанный, безъ шапки, и смотритъ мнѣ вслѣдъ. Подумалъ, подумалъ я, да и порѣшилъ, что онъ непремѣнно догонитъ меня... Не такъ-то оказалось на дѣлѣ...

— Вѣрно, джины успѣли испортить его сердце, рѣшилъ одинъ изъ паломниковъ.

— Пришелъ домой, жду его весь вечеръ,—нѣтъ; наступила ночь, морозная, тихая, но темная. Тогда только я испугался и

разсказалъ сосѣдямъ о случившемся. И вотъ, я, Моусръ и Али пошли искать его слѣдовъ. Дошли до Мятцели, никому не хочетмя лѣзть на гору,—темно, еще убьешься до смерти... Такъ мы и рѣшили возвратиться домой, а на утро собрать побольше народу, и тогда уже осмотрѣть всѣ мѣста. Пришли домой, а намъ говорятъ, что сынъ воротился. Мы его начинаемъ распрашивать, что онъ видѣлъ на горѣ; ничего онъ не отвѣчаетъ; потомъ, только мнѣ, наединѣ, все разсказалъ. Какъ онъ меня оставилъ, пошелъ онъ на гору, шелъ, шелъ да все падаетъ и не можетъ идти. «Хочу возвратиться», передавалъ онъ, «но какія-то невидимыя руки тянутъ меня все вверхъ и вверхъ»...

— Аллахъ, что за чудо! воскликнули молчавшіе слушатели... — Что-же онъ на горѣ видѣлъ?

— Да ничего особеннаго... Джины потаскали его вездѣ да и отпустили... Призвалъ я моллу, тотъ читалъ ему коранъ, ничего не помогло. Съ утра до вечера билъ его ознобъ, хотя онъ одѣтъ былъ въ шубу; духи не выходили вонъ изъ него. Племянникъ привезъ изъ Назрана ученаго кади, три дня онъ гостилъ у насъ, жегъ онъ священные листы корана, впускалъ дымъ во внутрь больного, просто замучилъ мальчика... На четвертый день онъ померъ. Молла говорилъ, что очень ужъ много джиновъ вошло въ его тѣло, выгнать ихъ никто не могъ, только путешествіе въ Мекку освободило-бы больного отъ этого несчастія... Такъ и умеръ мальчикъ ни за что, ни про что...

Разсказчикъ вздохнулъ и замолчалъ...

Каждый началъ говорить о злыхъ духахъ и тому подобныхъ предметахъ, но видно было, что всѣ они имѣли смутное понятіе объ этихъ суевѣріяхъ. Однѣ женщины вполнѣ, можно сказать, знакомы съ этимъ предметомъ; но онѣ только слушали и не вмѣшивались въ мужскія бесѣды...

Взошла луна—и мы достигли Джераха. Люди еще не спали. Кое-гдѣ изъ оконъ и растворенныхъ дверей мелькали огоньки. Блеяли козы и овцы. Возвратившіеся паломники развьючивали утомленныхъ эшаковъ...

Асламбекъ Базоркинъ.

Нѣжинъ.
15 октября 1873 г.

ВЪ ОСЕТИНСКОМЪ АУЛѢ.

5 мая, 1870 года, аулъ Брута *).

Когда, двѣ недѣли тому назадъ, я подъѣзжалъ къ аулу, куда мы переселились только недавно, на меня нашло уныніе. Это чувство было вызвано мрачнымъ, непривлекательнымъ видомъ аула. Смотря на него, я невольно вспоминалъ съ удовольствіемъ прежній нашъ аулъ, въ которомъ провелъ столько отрадныхъ дней. Вспомнилъ ближайшій лѣсъ, куда уходилъ я за орѣхами, рѣчку, гдѣ купался и часто, мельницы, подъ которыми мнѣ неоднократно приходилось лазить за рыбою; вспомнилъ тѣ вишневыя и грушевыя деревья, которыя росли въ маленькомъ нашемъ саду, прилегавшемъ къ нашей саклѣ. Ничего подобнаго не замѣчалъ я въ новомъ нашемъ аулѣ. Я не видѣлъ въ немъ также и того довольства, которое замѣтно въ аулахъ, по дорогѣ отъ Владикавказа. Проѣзжая черезъ нихъ, я видѣлъ большія гумна, наполненныя огромными скирдами пшеницы; видѣлъ на рѣчкѣ множество мельницъ, весьма порядочныхъ; видѣлъ дома европейской постройки, покрытые черепицей, и меленькіе, аккуратно содержимые садики передъ этими домами. Словомъ, видно было по всему, что тамъ жители стараются обставить свою жизнь по возможности лучше, удобнѣе. А тутъ представились только жалкія сакли, мрачно глядѣвшія своими одиночными крошечными окнами изъ-подъ соломенныхъ крышъ. Сколько я ни старался, не могъ увидѣть ни одного деревца—и увы!—ни одного гумна со скирдами, какъ въ сосѣднихъ аулахъ. Когда я въѣхалъ уже въ аулъ, мнѣ стало еще грустнѣе, потому-что ближе присмотрѣлся къ саклямъ, лѣпившимся по обѣимъ сторонамъ улицы. Сакли почти всѣ

*) Брута въ 40 верстахъ къ С. отъ Владикавказа, осетинскій аулъ.

были плетневыя, вымазанныя или глиною, или-же коровьимъ пометомъ. Мнѣ казалось, смотря на нихъ, что если подуетъ порядочный вѣтеръ, то онъ разнесетъ ихъ по полю со всѣмъ домашнимъ скарбомъ. Улица, по которой я ѣхалъ, была пуста и, казалось, весь аулъ вымеръ. Только нѣсколько дворняшекъ, растянувшись посреди улицы, грѣлись на солнцѣ. Увидѣвъ мое приближеніе, онѣ кинулись мнѣ навстрѣчу, причемъ одна изъ нихъ вцѣпилась въ хвостъ моей лошаденки и вырвала клокъ волосъ. Два маленькихъ мальчика, а можетъ-быть дѣвочки — не могу утвердительно сказать, потому-что костюмъ ихъ былъ неопредѣленный,—копались въ лужицѣ, образовавшейся отъ вчерашняго дождя. Они усердно лѣпили горки изъ грязи; но, увидѣвъ мое приближеніе, они бросились бѣжать, оставивъ свое занятіе, и очутились въ ближайшемъ дворѣ. Вѣроятно, они испугались моего русскаго костюма. — «Эй! саидусъ! саидусъ! твоя чушка»! кричали они мнѣ вслѣдъ, стараясь попасть въ меня комками грязи. Куры съ цыплятами въ чемъ-то копались, да прошла съ кувшиномъ воды какая-то женщина, — вотъ и всѣ встрѣчи при въѣздѣ моемъ на новое мѣстожительство. Наконецъ, по указанію одного мальчика, я достигъ до нашего двора. Дворъ этотъ мало отличался отъ сосѣднихъ дворовъ, и по величинѣ, и по конструкціи; двѣ сакли, изъ которыхъ одна о двухъ помѣщеніяхъ: одно называется *уатъ*, а другое *тавдгананъ*. Въ уатѣ, какъ это и всегда бываетъ, помѣщаются женщины; тутъ-же на нарахъ вдоль стѣны возвышается одинъ на другомъ тюфяки, затѣмъ выше одѣяла и наконецъ все это завершается подушками. Вдоль стѣны, противоположной двери, всегда во всякомъ уатѣ красуется *синтагъ* (огромная койка, которая замѣняетъ также и диванъ); за синтагомъ на нарахъ вдоль стѣны раставлены сундуки, по порядку своихъ размѣровъ. На стѣнѣ-же этого помѣщенія часто висятъ доспѣхи хозяина, какъ, наприм., ружье, шашка, пистолетъ. Назначеніе всякаго тавдганана то, чтобы это помѣщеніе, которое всегда прилегаетъ къ уату, согрѣвало зимою семью отъ холода, для чего въ тавдгананахъ всегда устроена печка или огромный каминъ. Тавдгананъ не нововведеніе между осетинами: онъ съ давнихъ поръ между ними распространенъ. Лѣтомъ, тавдгананъ служитъ складочнымъ мѣстомъ всякаго домашняго скарба, и въ эту пору года живутъ въ немъ рѣдко. Но за неимѣніемъ другого помѣщенія, болѣе удобнаго, я поселился въ тавдгананѣ, причемъ, вмѣсто мебели, окружаютъ меня всякаго рода кадки и

другія принадлежности домашняго обихода. Необходимая пристройка всякаго осетинскаго жилья есть *хадзаръ*. Хадзаръ служитъ съ одной стороны кухней, съ другой помѣщеніемъ работниковъ у узденей. Что-же касается до хадзаровъ у чернолюда (сау адам), то они служатъ помѣщеніемъ всей семьи впродолженіе дня. Къ хадзару нашему лѣпится курятникъ, плетневый, въ которомъ живетъ два десятка куръ, надоѣдающихъ мнѣ своимъ кудахтаньемъ. За курятникомъ тянется навѣсъ для аробъ (ордондон, что въ переводѣ значитъ мѣсто для аробъ). Кунацкой у насъ не оказывается, между-тѣмъ-какъ кунацкая составляетъ также почти необходимую пристройку всякаго порядочнаго двора. И все это окружено плетневой низенькой огорожей. А другіе и того не имѣютъ. Вонъ, напримѣръ, напротивъ насъ живетъ Казы, такъ онъ со всею семьею помѣщается въ одной маленькой плетневой саклѣ. У него нѣтъ стойла и даже курятника, какъ у другихъ, и одинокая сакля его торчитъ почти посреди улицы безъ всякой огорожи...

6 мая.

Скука. . . Невыносимая скука! . . . Первыя полторы недѣли еще кое-какъ прошли, но теперь нѣтъ возможности совладѣть со скукою. . . Никто не посѣщаетъ меня, да и самъ я никого уже не посѣщаю: со всѣми родными и знакомыми уже повидался неоднократно. Въ первые дни моего пріѣзда время проходило еще сносно. Придутъ нѣсколько женщинъ—родственницъ, поздравить меня съ пріѣздомъ. Первымъ долгомъ онѣ обнимали меня троекратно, приговаривая: о, мое солнышко! . . мой ясный день! . . какъ ты выросъ! какой ты большой сталъ! . . Потомъ желали мнѣ быть *иналаромъ* (генераломъ) или *афицеромъ*. У насъ, въ особенности женщины, никакъ не могутъ допустить, чтобы, учась у русскихъ въ школѣ, не получить офицера. — «А какой ты мнѣ сдѣлаешь подарокъ, когда сдѣлаешься офицеромъ»? обыкновенно спрашиваетъ посѣтительница: «ужъ ты мнѣ привези башмаки, чтобы я носила ихъ въ знакъ памяти, или-же привези мнѣ платокъ шелковый; а вотъ моему маленькому Бибо—сапожки».—«Хорошо, хорошо», говорю я обыкновенно на это.—«Да не забывай насъ, когда сдѣлаешься офицеромъ», добавляетъ она: «а то вотъ сколько нашихъ въ Россіи пропало, какъ только получили офицера. Позабыли даже своихъ родныхъ и не помо-

гаютъ имъ»! И на этомъ я ихъ утѣшаю. Потомъ, поболтавъ между собою объ аульныхъ новостяхъ, до которыхъ, скажу мимоходомъ, наши женщины большія охотницы, онѣ расходятся по домамъ. Или-же, если женщинъ нѣтъ, придетъ какой-нибудь мужчина и поздоровается, взявши за руку, но никогда не обнимется, какъ женщины. Станетъ онъ распрашивать такимъ-же точно образомъ и прежде всего, конечно, спроситъ: скоро-ли будешь офицеромъ? — Скоро, отвѣчаю я на это. — «Это хорошо», говоритъ онъ: «только не забывай своихъ», добавитъ онъ и также сошлется на тѣхъ офицеровъ изъ нашихъ, которые, по его выраженію, *улупа харынц* (т. е. прокучиваютъ свое жалованье) и пренебрегаютъ своими. Попроситъ и онъ себѣ подарочка. Обыкновенно, если посѣтитель старикъ, то уже я заранѣе знаю, что онъ попроситъ трубку, оправленную серебромъ; если молодой — попроситъ или кинжалъ серебряный, или-же газыри серебряные. Пообѣщаешь имъ, и они разойдутся, довольные мною. Такимъ образомъ, благодаря посѣтителямъ и посѣтительницамъ, проходила моя монотонная аульная жизнь. Но теперь, такъ-какъ никто уже не сталъ посѣщать меня, то и скука вполнѣ овладѣла мною. Напрасно я принимаюсь за чтенье—не помогаетъ. Единственные гости, которые еще посѣщаютъ по временамъ мою обитель, — это телята; во время жары, спасаясь отъ оводовъ и комаровъ, они вбѣгаютъ съ шумомъ въ раскрытыя двери моего тавдганана и нарушаютъ тишину моей отшельнической жизни. . .

9 мая.

Проснувшись, я взглянулъ въ окно. Прежде всего въ глаза мнѣ кинулся нашъ аульный холмъ,—этотъ холмъ*) у меня какъ

*) Холмъ въ аулѣ—это мѣсто общественнаго собранія. Сюда въ нерабочую пору собираются всѣ аульные жители и часто рѣшаютъ частныя и общественныя дѣла или-же просто проводятъ досужее время въ пустыхъ разговорахъ. Сообщаютъ другъ другу новости разнаго рода—кто о приказаніи начальника округа, кто о покосѣ. Иной разъ среди собравшейся толпы холмовниковъ раздается монотонный звукъ двухструнной скрипки, которая у насъ, осетинъ, называется кабаньей головой (хуу сæр). Подъ монотонный звукъ кабаньей головы какой-нибудь старецъ напѣваетъ пѣснь про Баби или Чермена, или-же разсказываетъ легенду про Батраса, сына Хамыца, который велъ упорную борьбу даже съ небомъ и наконецъ самъ погибъ отъ своего знаменитаго ахсаргарда (меча). И если-бы этотъ лысый холмъ, на которомъ собираются завсегдатели, получилъ даръ слова, и могъ-бы разсказать слышанныя имъ отъ болтливыхъ стариковъ разныя росказни, если-бы онъ сооб-

бѣльмо на глазу,—на которомъ толпа мужчинъ о чемъ-то шумно разговаривала. На вопросъ мой, что за сборище, братъ мнѣ сказалъ, что то собрались старшины и судьи, такъ-какъ нынче *суды бадены бон'у* (т. е. сегодня день засѣданія). Я вспомнилъ, что въ аулахъ теперь введены правильныя судебныя засѣданія. Пойду-ка посмотрю, о чемъ говорятъ, подумалъ я. Одѣлся, умылся, пошелъ на холмъ. Всѣ привѣтствовали меня съ добрымъ утромъ. Тѣ, которые сидѣли, приподнялись съ своихъ мѣстъ и предложили мнѣ сѣсть. Я отказался, какъ требовало приличіе, такъ-какъ я былъ моложе ихъ. — «Будетъ сейчасъ засѣданіе суда», обратился ко мнѣ одинъ знакомый старикъ, бывшій членомъ суда. «Ты вѣдь по книжному знаешь и, вѣроятно, всякое дѣло понимаешь лучше насъ: такъ, гдѣ случится, тамъ можешь направить насъ на путь, если будемъ ошибаться». Я согласился присутствовать въ ихъ засѣданіи, но не съ тою цѣлью, чтобы наставлять старцевъ велемудрыхъ, ибо не къ лицу былобы мнѣ, безбородому мальчику, по ихъ выраженію,—научать стариковъ, видавшихъ многое на своемъ вѣку, уму-разуму. Вообще, считается нескромностью со стороны молодого человѣка участвовать въ разговорахъ со стариками и даже слушать ихъ мудрыя рѣчи. «Пошелъ вонъ отсюда»! говорятъ обыкновенно эти мудрецы любопытному безбородому, который осмѣлится заслушаться ихъ разговора.—«Вѣдь ты не старикъ. Стыдно тебѣ при старикахъ». Настоящее-же предложеніе мнѣ было сдѣлано изъ вѣжливости. Среди общаго разговора раздался голосъ одного старика, который спросилъ: всѣ-ли налицо судьи? Оказались всѣ налицо. «Идемте-же въ судебный домъ», сказалъ тотъ-же старикъ—и всѣ сошли съ холма. Я тоже послѣдовалъ за ними и мы направились къ кунацкой аульнаго старшины, Кургоко. Судьи размѣстились на диванѣ, который есть необходимѣйшая принадлежность всякой кунацкой, по старшинству. Мнѣ принесли маленькій низенькій табуретъ, на которомъ я помѣстился ниже всѣхъ, такъ-какъ былъ моложе всѣхъ, да и было-бы величайшей нескромностью съ моей стороны, если-бы я сѣлъ среди стариковъ, хотя-бы они и предлагали это. Всѣхъ судей числомъ пять; они всѣ старики, исклю-

---

щилъ намъ, сколько людей провели на немъ всю свою жизнь до самой дряхлости въ праздной болтовнѣ, то пришлось-бы намъ придти въ ужасъ. Но холмъ молчитъ и покорно поддерживаетъ на своей лысинѣ стариковскія тѣла, безмолвно внимая ихъ нескончаемой болтовнѣ отъ утра до самаго поздняго вечера.

чая одного, самого хозяина кунацкой, Кургоко, которому не больше лѣтъ тридцати. Аульный крикунъ, опершись на свою длинную суковатую палку, сталъ у дверей. Мальчикъ-писарь, принявшій эту должность на три мѣсяца, сѣлъ передъ судьями и, развернувъ журналъ, въ которомъ записывались рѣшенія дѣлъ аульныхъ, положивъ чернильницу на полъ и вооружившись перомъ, принялъ выжидательную позу. — «Эхъ, какой мы, право, дрянной народъ», сказалъ одинъ изъ стариковъ. «Не заведемъ себѣ не только домъ для суда, но даже такую незначительную по своей стоимости принадлежность, какъ столъ, который необходимъ для писаря». — «Да и то правда», подтвердилъ другой: «посмотрѣть въ другихъ аулахъ, такъ все не то, что у насъ. Тамъ есть и отдѣльно построенный для суда домъ, есть и столъ, и писарь не пишетъ такъ, какъ у насъ, на колѣняхъ, и чернильницу не ставитъ на полъ. И мечети у нихъ хорошія, крытыя или черепицей, или желѣзомъ; а у насъ что̀ есть? Есть мечеть, и та не крыта вотъ уже второй годъ, а что̀ стоитъ покрыть ее соломой? А что касается до тебя», обратился онъ къ писарю, «такъ мы тебя на счетъ платы за твои труды не обидимъ. Тебѣ за три мѣсяца слѣдуетъ 10 руб. и по мѣркѣ пшена, и мы тебѣ это дадимъ». Въ этомъ-же родѣ говорили и другіе присутствовавшіе въ кунацкой и Богъ знаетъ до-какихъ-поръ длились-бы эти разговоры, если-бъ одинъ изъ судей не замѣтилъ: а скоро-ли начнемъ дѣла-то рѣшать? Судьи пріутихли. Нѣкоторые при этомъ вынули изо рта свои трубочки, изъ которыхъ они испускали дымъ махорки, — явились челобитчики. Это были два парня; одинъ изъ нихъ, Уруцъ, принесъ жалобу на Бибо, за то, что послѣдній, еще при жизни отца его, задолжалъ ему 8 руб., которые и по настоящее время не отдаетъ ему, Уруцу. Одинъ изъ судей обратился къ Бибо, стоявшему у дверей, съ вопросомъ: почему онъ не отдаетъ долга Уруцу? — «Зачѣмъ-же я буду отдавать, когда не я ему долженъ, а онъ мнѣ долженъ 4 руб.», сказалъ на это Бибо. Уруцъ въ свою очередь взваливалъ долгъ на Бибо, Бибо на Уруца, и такимъ образомъ пренія ни къ какому результату не приходили. Судьи, стараясь какъ-нибудь покончить это дѣло, потребовали у нихъ свидѣтелей, но свидѣтелей не оказалось, какъ у одного, такъ и у другого. Какъ ни судили, ни рядили — все-же-таки ни къ какому окончательному результату не приходили. Въ концѣ измучились старцы, такъ-что на лицахъ ихъ показался потъ. — «Довольно»! сказалъ одинъ изъ

судей, видя безплодность преній: «довольно: ничего не выйдетъ. Бьемъ, бьемъ солому, а зерна все-же нѣтъ. Толкуемъ и толкуемъ много, а все-же ничего путнаго не выходитъ. Ну, согласились-бы хоть на мировую, что-ли, но и этого не хотятъ». — «Въ такомъ случаѣ пусть присягу примутъ», сказалъ другой старикъ, утирая потъ съ лица. — «Маци»! обратился онъ къ крикуну, который все это время стоялъ у дверей и флегматически покуривалъ: «сходи за муллою, да только скорѣе»... Крикунъ безмолвно повиновался и вскорѣ возвратился, сопровождая нашего аульнаго муллу, который, прихрамывая на одну ногу, несъ подъ мышкой коранъ.—«А, селямъ алейкюмъ»! произнесъ протяжно мулла, входя въ храмъ правосудія. — «Алейкюмъ селямъ»! отвѣтили на это протяжно старцы, приподнимаясь съ своихъ мѣстъ. — «Сядь, мулла, вотъ тутъ», сказали ему судьи. Мулла сѣлъ на указанное мѣсто. Ему объяснили поводъ, по которому его призвали. — «Какъ! изъ-за такого маловажнаго дѣла приводить къ присягѣ»! воскликнулъ мулла, окидывая удивленнымъ взглядомъ присутствовавшихъ судей. «Судьи», обратился онъ къ нимъ: «вы должны быть осмотрительнѣе относительно присяги; присягу вы должны дозволять только въ крайнихъ случаяхъ, при важныхъ дѣлахъ, иначе, какой-же страхъ будетъ имѣть нашъ народъ и какое будетъ онъ питать уваженіе къ преславному святому корану, когда эта книга при всякомъ маловажномъ дѣлѣ будетъ, какъ-бы въ шутку, разворачиваться для присяги!? Опомнитесь, судьи! Подумайте, что это дѣло важное. Что-же касается до меня, то я не беру на себя грѣха и не стану въ такомъ ничтожномъ дѣлѣ раскрывать коранъ и приводить къ присягѣ». Сказавъ это, мулла замолчалъ. Судьи, опустивъ головы, какъ-будто о чемъ-то призадумались. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ поддержали слова, сказанныя муллою, а одинъ изъ нихъ пришелъ даже чуть не въ ярость. «Вы не знаете и не понимаете священнаго значенія присяги»! кричалъ онъ на всю кунацкую. «Вы на то судьи, чтобы»... — «А тебя кто спрашиваетъ»? перебилъ его одинъ изъ старцевъ, выходя изъ задумчивости. «Ступай отсюда, козлиная ты борода, пока тебя не вывели. Или ты пьянъ, или сумасшедшій»! На эти послѣднія слова тотъ сталъ-было возражать, но, по приказанію старшаго изъ судей, былъ выведенъ изъ кунацкой. — «Если ужь такъ», сказали судьи, «такъ пусть идетъ дѣло это на рѣшеніе въ городъ». . . Въ это время, когда еще засѣданіе не должно было прекратиться, въ две-

ряхъ кунацкой показался сынъ Кургоко, который несъ маленькій круглый столикъ съ разрѣзаннымъ пирогомъ. За нимъ выступалъ другой мальчикъ, съ мѣднымъ чайникомъ въ одной и стаканомъ въ другой рукѣ. — «Аа! берекетъ! берекетъ»! воскликнули нѣкоторые, рѣзко перемѣняя тонъ и обративши взоры на пирогъ, начиненный сыромъ. — «Ну, теперь довольно! Пора прекратить пренія», сказалъ Кургоко, «нужно и горло промочить»...—«Да.... кричали порядкомъ», сказалъ одинъ изъ почтенныхъ старцевъ. «И вѣдь этакіе собачьи сыны! Ничего не подѣлаешь съ ними, съ такими упрямцами»...—«Вы дѣлаете то, что въ состояніи», сказалъ кто-то изъ-за кунацкой, гдѣ тоже собралась порядочная толпа.—«Сколько есть умѣнья и силъ, стараемся», отвѣтилъ польщенный старецъ. — «Бери! бери! нечего тамъ много разговаривать», говорилъ Кургоко, протягивая къ старцу стаканъ, наполненный аракою. — «Да ты что мнѣ подаешь», сказалъ старикъ, какъ-бы нѣсколько обиженнымъ тономъ, отодвигая отъ себя стаканъ: «ты дай сперва вотъ Саге: онъ старше меня». — «Онъ ужъ пилъ», говоритъ Кургоко.—«Ну, такъ дай Богъ вамъ берекетъ», говоритъ старикъ, взявши стаканъ, съ сіяющимъ видомъ. «Дай Богъ, чтобы твои дѣти всѣ здоровы были, и чтобы вотъ этотъ маленькій *бичо* сдѣлался большимъ мужчиною». Говоря это, онъ поднесъ стаканъ къ губамъ маленькаго сына Кургоко, но тотъ отвернулся отъ стакана.—«Не пьешь араки? ахъ, *маладецъ*! Ну, да милость Божья снизойдетъ на тебя» *), обратился онъ къ ниже-сидѣвшему судьѣ. — «На здоровье»! отвѣчаетъ послѣдній—и пошла круговая попойка...

13 мая.

Сегодня я писалъ у своего окна и не замѣтилъ, какъ подошелъ ко мнѣ старикъ Мосе. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на то, какъ я писалъ. — «Что-же ты меня, старика-то, не научишь писать по книжному? Развѣ я не могу научиться»?—«Какъ не можешь? Но на это есть сперва особая книжка» (я объяснилъ ему значеніе азбуки).—«Эхъ! а какъ-бы мнѣ, старику, хотѣлось выучиться по книжному! Если-бы зналъ я читать, я-бы взялъ

*) Хуцау хорзах да од — эта фраза почти не переводима на русскій языкъ. Во время попойки старшій обыкновенно обращается къ ниже-сидящему съ этою фразою, которую нужно понимать въ смыслѣ: «за твое здоровье»!

самую большущую книгу и читалъ-бы ее... А то, что я теперь на самомъ дѣлѣ? Ничто... Хоть и старикъ, но ничего не знаю, а вотъ ты еще молодой, а знаешь все, какъ чортъ. Вотъ, ты теперь пишешь какія-то каракулькп, и удивительнѣе всего для меня, какъ ты по этимъ каракулькамъ узнаешь разныя имена. Гдѣ написано имя Саге, тамъ уже не прочтешь Мосе... что сегодня написалъ, то можешь сказать слово въ слово черезъ три-четыре дня. А я ничего не понимаю въ этомъ и смотрю съ бараньей тупостью. Видно, жалче насъ народа и Богъ не создавалъ»! Говоря это, онъ грустно покачалъ головой. «Оставь-ка лучше писать и возьми книжечку да переведи мнѣ какой-нибудь чудесный разсказъ» (амбисонд). Мосе страстный охотникъ слушать амбисонды. Онъ меня посѣщаетъ почти каждый день, съ-тѣхъ-поръ какъ я ему однажды перевелъ отрывокъ изъ странствованій Улисса. Теперь я взялъ и перевелъ ему сказку Гримма «Дѣдушка и внучекъ». Мосе слушалъ съ большимъ вниманіемъ и когда я кончилъ, онъ воскликнулъ: «*араби!* *) какая истинная правда! Есть и у нашего народа точно такой-же амбисондъ», и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую сказку, въ которой нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не замѣтить поразительнаго сходства со сказкою Гримма.

Старикъ и его сынъ. У одного сына состарѣлся отецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослѣпъ. Старикъ, да къ тому-же слѣпой, не могъ больше работать и потому сидѣлъ всегда во время работъ дома. Сыну надоѣло смотрѣть на то, какъ престарѣлый отецъ его сидитъ безъ дѣла и не помогаетъ ему ни въ чемъ, и онъ сказалъ однажды про себя: «вотъ, теперь отецъ мой состарѣлся и я не знаю, какую онъ мнѣ пользу еще можетъ принести. Я думаю — никакой. Такъ зачѣмъ-же онъ будетъ даромъ ѣсть мой хлѣбъ? Дай-ка я сброшу его съ высокой скалы, чтобы и о смерти его никто не узналъ». Затѣмъ онъ зашилъ старика-отца въ телячью шкуру, сплелъ корзину и, положивъ его въ нее, понесъ на высокую скалу, чтобы сбросить его оттуда. На пути старикъ заговорилъ изъ корзины: «Эй, мой сынъ! Ты усталъ, неся меня на своихъ плечахъ»?—«Ничуть», отвѣчалъ сынъ. — «Ну, хорошо, мой сынъ, мое солнышко, хорошо, что ты не усталъ. Но только прошу тебя: когда ты меня сбросишь со скалы, то не бросай корзины, въ которую ты меня посадилъ теперь, чтобы сбро-

*) Араби — произносится въ знакъ удивленія, — слово непереводимое.

сить меня со скалы. Ты не бросай ея со мною». — «Зачѣмъ ты это говоришь»? спросилъ сынъ.—«Какъ, зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы твоимъ сыновьямъ, когда они возмужаютъ такъ-же, какъ и ты, и ты самъ постарѣешь такъ, какъ я, не пришлось плесть новую корзину, въ которой-бы тебя, какъ и ты меня теперь несешь, принесли, чтобы сбросить тебя со скалы». — «Ахъ! вѣдь отецъ правъ», подумалъ сынъ и понесъ старика-отца обратно, и съ-тѣхъ-поръ сталъ относиться къ нему съ такимъ почтеніемъ, какого прежде никогда къ нему не имѣлъ.

15 мая.

Вчера у сосѣда, Дзарахмата, былъ праздникъ. Онъ праздновалъ рожденіе своего сына, который появился на свѣтъ вчера-же. Веселье длилось до самаго поздняго вечера. Посреди двора были устроены танцы, въ которыхъ принимала участіе одна молодежь. Мужчины пожилыхъ лѣтъ, образовавъ кружокъ и взявши другъ друга подъ руки, кружились на одномъ и томъ-же мѣстѣ и пѣли какую-то несвязную пѣсню про *бѣлаго быка* (урс гал). Они горланили до-тѣхъ-поръ, пока имъ изъ сакли не вынесли жареныхъ на маслѣ пироговъ (олибахта) и чайникъ араки. Изъ пироговъ на этотъ разъ до мѣста назначенія дошло только два, такъ-какъ одинъ изъ нихъ, какъ это случается весьма часто при такихъ праздникахъ, былъ похищенъ дорогою толпою голодныхъ мальчиковъ, которые и съѣли его мигомъ за курятникомъ. Подъ навѣсомъ ордондона нѣсколько дѣвушекъ, качаясь на качеляхъ, пѣли пѣсню:

О мады майрем!
О фыды хицау!
Кей радтай царинаѵ *).
. . . . . .

При такихъ-же торжественныхъ случаяхъ, дѣвицы обыкновенно поютъ, общеупотребительную между ними только, слѣдующую пѣсню **):

*) Пѣсню эту должно понимать въ такомъ смыслѣ: о мать Марія, о отецъ Господь! что далъ, да проживетъ многія лѣта. . .

**) Чтобы сохранить правильный выговоръ этой пѣсни, я пишу ее на туземномъ-же языкѣ, причемъ прошу обратить на выговоръ слѣдующихъ буквъ: æ — выговаривается какъ лат. æ, т. е. звукъ между а и е; г — какъ татарское ѕ̆; Ѧ—дз; Ѫ—дж; Ѣ—п; Ѣ—т; Ј—какъ й; Ў—короткое у; х—

Оме халон фæҕæхv,
Ӯj jæ дvхv цv хæссv?
Ӯj jæ дvхv qæмцvхал.
Qæмцv халæj цv ҕæнv?
Ахсҕæҕҕæ дv сҕæна.
Ахсҕæҕҕæj ҕa цv ҕæна?
Лæццvнҕæ дv раӯада.
Лæццvнҕæj ҕa цv ҕæна?
Хӯмæллæгмæ цæ арвіҕа.
Хӯмæллæгæj цv ҕæна?
Бæлæнv дv сорvца.
Бæлæнv jæ цv ҕæна?
Хісҕvҕæ дv Фæҕæна *).
. . . . . .

Со всѣхъ сторонъ шли женщины, въ лучшихъ своихъ нарядахъ, чтобы поздравить хозяевъ съ благополучнымъ окончаніемъ родовъ и появленіемъ на свѣтъ мальчика, а не дѣвочки. Они шли не съ пустыми руками, но каждая несла съ собою хунъ (три пирога, жареные на маслѣ, или печеные въ золѣ). Эти приношенія уничтожались принимавшими участіе въ весельи мужчинами. Веселье длилось почти до самой полночи... Вотъ, и теперь слышится звукъ разбитой гармоники, хлопанье въ ладоши и звонъ таза, который играетъ роль барабана.

16 мая.

У меня нашелся теперь въ аулѣ пріятный собесѣдникъ. Это — нашъ сосѣдъ Хатацко. На полевую работу онъ не выходитъ, потому-что у него болятъ ноги, вслѣдствіе чего онъ ступаетъ всегда пригнувшись, словно крадучись. Не смотря ни на какія жары, я всегда вижу его въ шубѣ. — «Зачѣмъ ты ходишь въ шубѣ въ такую жару»? спрашиваю я его.—«Какъ, зачѣмъ? Такъ, чудакъ, прохладнѣе», отвѣчалъ онъ. Онъ кое-какъ говоритъ по-

---

какъ тат. ҽ; q — какъ тат. ә; ҕ — какъ к, v — ы. Остальныя буквы соотвѣтствуютъ тѣмъ-же буквамъ русской азбуки.

*) Пѣсню эту можно перевести такъ:

Вонъ летитъ ворона,
А что несетъ въ клювѣ?
Въ клювѣ несетъ соломинку.
А на что ей соломинка?
Совьетъ себѣ гнѣздышко.
А на что ей гнѣздышко?
Выведетъ птенцовъ.
А на что ей птенцы?
Пошлетъ ихъ за хмѣлемъ.
А на что ей хмѣль?
Сваритъ она пиво.
А на что ей пиво?
Будетъ поминать мертвыхъ.
. . . . . .

Обыкновенно, къ концу этой пѣсни прибавляются разныя просьбы, относимыя къ воронѣ. Интересно-бы знать происхожденіе этой пѣсни. Я сомнѣваюсь, чтобы она была чисто народнымъ произведеніемъ, ибо подобный складъ и размѣръ стиха не въ духѣ осетинскихъ произведеній.

русски; участвовалъ неоднократно въ слѣпцовскихъ дѣлахъ и съ особеннымъ восхищеніемъ вспоминаетъ о храбрости Слѣпцова и быстротѣ его сѣраго коня. Живетъ Хатацко не бѣдно и даже съ достаткомъ. Въ рабочую пору, изъ мужчинъ его только одного можно видѣть въ аулѣ, да развѣ еще стараго кузнеца Даута, у котораго Хатацко просиживаетъ по цѣлымъ днямъ и проводитъ съ нимъ время въ болтовнѣ. Если-же Хатацко не въ кузницѣ, то навѣрное его можно видѣть на холмѣ, гдѣ онъ сидитъ, сгорбившись, съ своею неразлучною дочкою, которая сопровождаетъ его совершенно нагою, хотя ей уже лѣтъ шесть. «Отчего ты не одѣваешь ее»? спросилъ я Хатацко. — «Она еще не нуждается въ одеждѣ: она еще маленькая и не стыдно ей ходить въ такомъ видѣ, а вотъ какъ подрастетъ, такъ я ее разодѣну на славу и выдамъ замужъ за хана или пашу: такъ, вѣдь, дочка»? обратился онъ къ ней, шлепая ее по голому тѣлу. Та кричитъ. Сегодня меня кто-то окликнулъ съ холма. Я выглянулъ въ окно — Хатацко, по обыкновенію, сидитъ на холмѣ и зоветъ меня къ себѣ, махая своимъ костылемъ.—«Подь сюда! подь сюда»! кричалъ онъ мнѣ. Я отправился, хотя жара была невыносимая. — «Тебѣ, видно, скучно»? спросилъ онъ меня, когда я съ нимъ поздоровался. «Я знаю, ты не привыкъ къ нашей собачьей жизни. Послѣ того, какъ ты изнѣжился у русскихъ, нашъ черствый чурекъ и наша дымная сакля покажутся невыносимыми, я знаю. Но что-же дѣлать: мы народъ бѣдный. Работаемъ какъ волы, а все-таки никакого берекета нѣтъ, — и это оттого, что не умѣемъ жить». Сказавъ это, онъ грустно покачалъ головой и замолкъ. Я тоже молчалъ. «Да что ты нынѣче такой *хмарный*»? обратился опъ ко мнѣ, и. не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: «это не годится, нужно быть всегда веселымъ, разговорчивымъ, шустрымъ, не то, право,, тебѣ можно какую-нибудь болѣзнь получить. Возьми меня въ примѣръ: я во всю жизнь не предавался печали», продолжалъ онъ серьезно, говоря на родномъ языкѣ: «не предавался печали, хоть и остался такимъ-же круглымъ сиротою, какъ и ты, да еще при худшихъ обстоятельствахъ, чѣмъ ты съ братомъ. Мнѣ было тогда восемь лѣтъ, брату шесть. Отецъ намъ почти ничего не оставилъ по смерти. Единственная лошадь, на которой онъ ѣздилъ, была вскорѣ продана, какъ и оружіе его, оправленное въ серебро. Насъ пріютилъ одинъ родственникъ и мы стали жить у него; но какое-же житье сироты въ нашемъ народѣ! Потаскался по задворкамъ, испыталъ много оскорбленій и всякихъ побоевъ

отъ своихъ сверстниковъ, но никогда не унывалъ: я старался своимъ обидчикамъ отплачивать тѣмъ-же. Впослѣдствіи я сталъ выдѣляться между своими товарищами своимъ проворствомъ и смышленостью, теряя во время игръ и танцевъ между молодежью и научился такъ играть и танцовать, что меня полюбили старики нашего аула и стали за меня заступаться, когда кто-нибудь, бывало, обижалъ меня. Лѣтъ тринадцати я уже сталъ принимать участіе въ полевыхъ работахъ, какъ и мой братъ, — мы погоняли воловъ во время паханья. Потомъ, современемъ, мы сами пристрастились къ работѣ и стали самостоятельно жить и работать. Но въ работѣ я отставалъ отъ брата. Мнѣ все хотѣлось послужить у русскихъ, и я, дѣйствительно, служилъ примѣрно, но Богу угодно было послать на меня проклятую болѣзнь, и я, вотъ въ 30 лѣтъ, уже негодный человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, нечего мнѣ роптать. Мы, слава Богу, живемъ съ достаткомъ, благодаря трудолюбію брата. А отчего онъ сталъ такимъ хорошимъ работникомъ? Оттого что онъ не увлекся, какъ я, молодечествомъ, не погнался за джигитствомъ. А что было-бы, если-бъ и онъ, какъ я, пристрастился къ верховой ѣздѣ, чѣмъ и какъ-бы мы теперь жили? Такъ-же, какъ твой дядя Тего, который никто иной, какъ негодный шелопай, проводящій время въ безцѣльныхъ разъѣздахъ. Теперь времена другія настали, дорогой Бобо, времена джигитства миновали... Пора намъ разстаться съ оружіемъ и взяться за соху. Меня удивляетъ», продолжалъ онъ, «какъ твой младшій братъ еще не хочетъ понять, что продавать отцовское оружіе совсѣмъ не грѣшно. Отчего онъ не хочетъ продать его и на вырученныя деньги не купитъ хоть корову? На кой конецъ оно будетъ торчать на стѣнѣ вашего уата, на добычу ржавчинѣ, когда маленькія ваши сестры просятъ ѣсть? Удивляюсь! Оставилъ-бы эту дурь! По моему мнѣнію, гораздо было-бы благоразумнѣе какъ-можно скорѣе сбыть его съ рукъ, пока, можетъ быть, кто-нибудь купитъ его, или-бы, наконецъ, снесъ онъ къ Дауту, и онъ-бы сковалъ изъ него серпъ или косу,—и то лучше, чѣмъ оно будетъ на стѣнѣ торчать. Вотъ еще что скажу: наша молодежь все еще и теперь склонна иногда къ воровству. Это гнусное занятіе, разоряющее другихъ, должно презирать, а не считать за молодечество. Въ настоящее время на джигита, разъѣзжающаго на своей лошадкѣ по ауламъ, съ оружіемъ, я смотрю какъ на человѣка вреднаго, бездѣльнаго, который, шатаясь по домамъ, объѣдаетъ другихъ»... Все это го-

ворилъ Хатацко съ полнымъ убѣжденіемъ и даже съ нѣкоторою язвительностью. Я не ожидалъ отъ него столь рѣзкихъ приговоровъ надъ молодечествомъ, освященнымъ предками, не предполагалъ въ немъ такихъ здравыхъ мнѣній о томъ, что въ настоящее время нашъ якорь спасенія — работа и работа...

18 мая.

Съ нѣкотораго времени я сталъ посѣщать холмъ. Тамъ форумъ аула, тамъ можно наслышаться всякихъ новостей и *амбисондовъ* отъ болтливыхъ стариковъ, тамъ можно услышать рѣшенія общественныхъ и частныхъ дѣлъ. Я такъ часто сталъ посѣщать холмъ, что неоднократно слышу отъ своего брата: «зачѣмъ ты все ходишь туда? Стыдно тебѣ со стариками тамъ болтать». Я знаю, почему дѣлается это замѣчаніе. Высшее сословіе считаетъ унизительнымъ для себя ходить на холмъ, такъ-какъ туда собираются люди изъ низшаго сословія. Но я, конечно, нимало не обращаю вниманія на это предубѣжденіе и все-таки хожу на холмъ коротать скучные дни аульной жизни.

Вотъ и вчера просидѣлъ я тамъ цѣлый вечеръ и услышалъ много занимательныхъ разсказовъ. Между-прочимъ, вотъ что разсказывалъ одинъ старикъ. Недалеко отъ нашего аула есть огромное болото, поросшее камышомъ. Болото это, какъ извѣстно, образовалось на мѣстѣ стараго нашего аула. Разсказчикъ увѣрялъ, что въ этомъ болотѣ живетъ чудовище непомѣрной величины, чудовище это—*заліаг-калм* *). Этотъ заліаг-калм издаетъ странный ревъ, похожій на ревъ буйвола; на головѣ имѣетъ золотой тазъ. Какъ-то слухъ объ этомъ чудовищѣ распространился и по другимъ ауламъ. Любопытные изъ сосѣднихъ ауловъ приходили неоднократно поглядѣть на это чудовище и нѣкоторымъ, какъ увѣряли они, удалось видѣть его. Разсказы такихъ очевидцевъ распространили въ народѣ ужасъ, и вотъ, однажды, рѣшили убить это чудовище, чтобы оно не надѣлало, паче чаянія, какихъ-либо непріятностей. Для этого почти весь нашъ аулъ и нѣкоторые изъ сосѣднихъ ауловъ отправились съ заряженными винтовками на мѣсто, откуда, по увѣреніямъ очевидцевъ, долженъ былъ пока-

*) *Заліаг-калм*—этимъ именемъ называютъ удава, отсюда названіе это переходитъ уже на всякую змѣю большой величины. Калм—змѣя, заліаг — не переводимо.

заться заліаг-калмъ. Десятки винтовокъ уставились наготовѣ по тому направленію, откуда онъ долженъ былъ показаться. Въ безмолвномъ, напряженномъ молчаньи смотрѣли они въ болото. Вдругъ раздается знакомый ревъ и вслѣдъ затѣмъ раздались выстрѣлы; но чудовище не убито, потому-что оно не показалось. Говорятъ, кто-то ѣхалъ мимо этого болота и заснулъ въ арбѣ. Когда раздался какъ-разъ надъ его ухомъ этотъ страшный ревъ, слышный за 25 верстъ, то онъ, въ испугѣ, выпрыгнувъ изъ арбы, бѣжалъ до-тѣхъ-поръ, пока не упалъ замертво.

Это явленіе, наводящее на суевѣрныхъ горцевъ такой страхъ, можно объяснить, какъ мнѣ кажется, весьма просто. Такъ-какъ дно болота покрыто густымъ слоемъ тины, то ключевая вода, проходя черезъ эту тину, производитъ звукъ, который конечно не такъ силенъ, чтобы слышенъ былъ за 25 верстъ. Но суевѣрное воображеніе горца даетъ самымъ простымъ явленіямъ природы чудовищныя объясненія. Потомъ зашла рѣчь о небесныхъ свѣтилахъ. — «Какъ ты думаешь, гдѣ теперь солнце скрылось»? спросилъ я у одного. — «Извѣстно, въ морѣ», отвѣтилъ тотъ съ самоувѣренностью. «Гдѣ-же иначе и скрываться ему»? продолжалъ онъ. «Если-бы оно не погружалось въ море, то былъ-бы потомъ, потому-что воды набралось-бы столько, что она вышла-бы изъ своихъ береговъ и затопила-бы насъ. А солнце своимъ жаромъ уничтожаетъ много воды». — Я сталъ ему объяснять, какъ умѣлъ, что солнце не погружается въ море, что оно неподвижно, что оно больше земли, что земля вращается около солнца... — «Э, нѣтъ! Что ни говори, а земля никакъ не вертится», перебило меня нѣсколько голосовъ. «Какъ-же мы въ такомъ случаѣ никуда не падаемъ»? Я сталъ объяснять. Круглоту земли между-прочимъ признали, но никакъ не хотѣли вѣрить тому, чтобы земля вертѣлась вокругъ такого незначительнаго по своей величинѣ тѣла, какъ солнце.—«Ужь ты тамъ что ни говори, а дѣды наши лучше вашихъ книгъ знали. Мы говоримъ то, что говорили наши дѣды и прадѣды». Протестовать противъ дѣдовскихъ традицій съ моей стороны было-бы и не кстати, и неосторожно, ибо я навлекъ-бы на себя сильную непріязнь стариковъ; пожалуй, назвали-бы еще гяуромъ. Поэтому я замолчалъ. —«А изъ чего сдѣланы луна, солнце и звѣзды»? спросилъ какой-то любопытный.—«Они созданы Богомъ изъ чесноку», объяснялъ другой. — «Какимъ образомъ это такъ устроено Богомъ, объ этомъ предки наши ничего не знали, но говорятъ, что дѣйстви-

тельно изъ чесноку». Я улыбнулся.—«Смѣйся, смѣйся»! обратился ко мнѣ тотъ, кто объяснялъ составъ звѣздъ; «а все-же наши дѣды не ошибались, ибо они научились сами отъ дѣдовъ, а тѣ отъ своихъ дѣдовъ и такъ отъ самого Атана и Амана (Адама и Евы), которые, какъ самые близкіе люди къ Богу, знали очень хорошо, какъ сотворено все видимое». — «А небо какъ устроено»? спросилъ тотъ-же любопытный.—«Небесъ всѣхъ пять: изъ нихъ 1-е состоитъ изо льда, 2-е изъ мѣди, 3-е изъ серебра, 4-е изъ золота, а 5-е изъ чистаго брильянта».—«А какъ-же ледяное небо не таетъ отъ солнца»? допрашивалъ все тотъ-же. — «А ужъ это такъ Богъ устроилъ», пояснилъ съ важностью знатока другой.—«А отчего происходитъ громъ»? — «Это трудно объяснить... Говорятъ, что по небу катятся камни, но наврядъ-ли это такъ... А вотъ слышали-ли про это чудо: тамъ, гдѣ ударитъ громъ, оказывается часто стальная цѣпь. Въ одномъ аулѣ, кажется — Даргавсѣ, около стога сѣна ударило громомъ. Стогъ сгорѣлъ. Когда хозяинъ стога пришелъ на мѣсто несчастія, то нашелъ тамъ стальную цѣпь; онъ взялъ ее и повѣсилъ въ своей саклѣ надъ очагомъ, какъ простую цѣпь. Однажды, надъ очагомъ на этой цѣпи онъ варилъ въ котлѣ свиное мясо,—хозяинъ былъ христіанинъ. Въ то время, когда вода въ котлѣ уже вскипѣла, капля ея какъ-то попала на цѣпь. Какъ только это случилось, цѣпь, къ удивленію семьи, сидѣвшей у очага, раскачала котелъ и, опрокинувъ его, обдала варомъ всю семью (аллахъ, аллахъ! произнесли нѣкоторые изъ слушателей). Потомъ, сбросивъ съ себя нечистый котелъ, цѣпь, какъ змѣя, обвилась вокругъ перекладины, на которой онъ висѣлъ. Хозяинъ, смекнувъ, что это цѣпь не простая, снялъ ее и понесъ къ рѣчкѣ, чтобы смыть съ нея каплю воды изъ нечистаго котла. Какъ только онъ окунулъ цѣпь въ рѣчку — пошелъ дождь (аллахъ, аллахъ! повторили слушатели). Затѣмъ, по наущенію знахарей и знахарокъ аула, онъ отнесъ эту цѣпь въ священное мѣсто Рекомъ, гдѣ она хранится и по настоящее время въ маленькомъ ящикѣ, откуда ее берутъ и окунаютъ въ воду, когда хотятъ, чтобы пошелъ дождь. Я самъ видѣлъ эту цѣпь, Валлахи»! закончилъ разсказчикъ. Нѣсколько голосовъ подтвердили, что въ Рекомѣ дѣйствительно хранится эта цѣпь *).

*) Урочище Рекомъ (мѣстоположеніе Рекома указано Джантемировъ Шанаевымъ въ Осетин. народн. сказаніяхъ, въ «Сборникѣ свѣд. о кавк. горц.», вып. III).

20 мая.

Вчера опять на холмѣ слушалъ стариковъ. Сперва разсуждали о предстоящихъ покосахъ, потомъ перешли къ частнымъ дѣламъ. Заговорили потомъ о чудесномъ дѣйствіи корана, о цѣлительной силѣ талисмановъ, объ излѣчиваніи обойденныхъ чертями. По разсказамъ, такіе цѣлительные талисманы пишетъ мулла сосѣдняго аула Джериханъ. Мосе разсказывалъ какую-то легенду про Аматхана. Окончивъ ее, онъ обратился ко мнѣ. «Разскажи-ка намъ про того человѣка, о которомъ ты уже мнѣ разсказывалъ, какъ его — Адиссе»? Я принесъ Грубе и сталъ переводить о странствованіи Одиссея. Толпа любопытныхъ окружила меня и внимательно слушала, изрѣдка обнаруживая знаки удивленія. Нѣсколько слушателей особенно были заинтересованы моимъ переводомъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже слышали что-то подобное. Они останавливали меня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дѣлали кое-какія добавленія. — «У насъ тоже есть что-то въ родѣ этого амбисонда», сказалъ одинъ молодой мужчина. Я попросилъ его разсказать. Разсказъ его, дѣйствительно, напоминалъ странствованія Одиссея. Въ этомъ разсказѣ роль Одиссея играютъ трое гаджи *), которые, возвращаясь изъ Каабе (Мекки), по морю, терпятъ кораблекрушеніе, но спасаются на обломкѣ корабля и волна выбрасываетъ ихъ на островъ оиг'а (одноглазаго, циклопа) **). Они приходятъ къ циклопу, который съѣдаетъ изъ нихъ двоихъ, третій-же спасается, выколовъ глазъ циклопу и одѣвшись въ шкуру огромнаго козла, любимца циклопа ***).

1 іюня.

Я уже помирился съ аульною скукою. Она не тяготитъ меня такъ, какъ прежде. Не посѣщаю холма—и то не такъ скучно. Наши старики что-то въ послѣднее время стали жаловаться на свое горькое житье. «Что за житье наше»? говорилъ сейчасъ одинъ старикъ, сидя въ моемъ тавдгананѣ. «Посмотришь, какъ живемъ мы, такъ даже совѣстно. Ну, что за сакли у насъ?

*) Гаджи—лицо, побывавшее въ Меккѣ на поклоненіи священному гробу Мухаммеда.

**) Оиг — собственно левъ, но употребл. иногда въ значеніи сильнаго, большаго человѣка, великана.

***) См. «Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ», вып. VII, Народн. сказ. осетинъ.

Курятники какіе-то, не избавляющіе насъ отъ холода зимою, а лѣтомъ отъ дождей, даже самыхъ незначительныхъ. На дворѣ капнетъ—въ саклѣ капнетъ. Зимою, сколько мы дровъ истребляемъ! Впродолженіи зимы привезешь по-крайней-мѣрѣ аробъ сто, огонь всегда пылаетъ среди сакли, а все-таки мало тепла. Рукамъ бываетъ тепло и ногамъ тоже, потому-что почти зарываемъ ихъ въ золу, а спина все-таки мерзнетъ. А платье отчего такъ скоро рвется у насъ? Оттого, что впродолженіи всей зимы жжешь его у огня и по цѣлымъ мѣсяцамъ не снимаешь съ плечъ. . . Шубы намъ служатъ и лѣтомъ, и зимою. Ѣдѣ не знаемъ мѣры. Зарѣжу, напримѣръ, я барана на ночь и уже къ утру его не будетъ: оставлять какъ-то неловко. Фруктами лѣсными мы не хотимъ пользоваться: намъ кажется стыднымъ везти ихъ возами отсюда и промѣнивать на хлѣбъ. И что это аулъ нашъ отсталъ отъ всѣхъ другихъ ауловъ? Почему бѣднѣе всѣхъ? Посмотрѣть кругомъ—такъ ни у кого не увидишь порядочнаго строенія, какъ въ другихъ аулахъ. Право, прежніе наши холопы живутъ гораздо состоятельнѣе насъ. . . Однако, мнѣ надо спѣшить: скоро пойдетъ дождь, а сакля наша протекаетъ; нужно будетъ немножко прикрыть ее соломою», сказалъ онъ и вышелъ. Въ самомъ дѣлѣ, подулъ сильный вѣтеръ. Вонъ, на сосѣдней саклѣ вѣтеръ перевернулъ почти всю соломенную крышу. Хозяинъ суетится около своей сакли; подаетъ сыну, который успѣлъ вскочить на крышу, полѣно—положить его на оставшуюся часть крыши, чтобы и ее не снесло вѣтромъ. На остальныхъ сакляхъ тамъ и сямъ тоже показались хозяева, укладывая на крышахъ дручья, полѣна, камни и все что тяжело, что можетъ предохранить соломенную крышу отъ разрушенія вѣтра. Въ нашемъ уатѣ поднялась такая-же суетня. Снимаютъ тюфяки, подушки и одѣяла съ нары и громоздятъ ихъ въ кучу, гдѣ не протекаетъ. Въ мой тавганань приносятъ тазы, чашки, тарелки и ставятъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ, а протекаетъ почти во всѣхъ мѣстахъ. Но такъ протекаетъ не у однихъ насъ; я увѣренъ, что почти во всѣхъ сакляхъ аула такая-же течь. Развѣ вонъ только Эльмурза не опасается, что въ саклѣ у него будетъ течь, потому-что крыша его сакли земляная, а не соломенная, какъ у другихъ. Идетъ дождь. Прибѣжали откуда-то куры съ своими цыплятами и лѣзутъ, промокшія, въ мой тавганань; вонъ пѣтухъ, гдѣ-то запоздавши, улепетываетъ что есть мочи черезъ улицу и изчезаетъ подъ навѣсъ сарая; вонъ бѣжитъ кто-то, накинувъ на себя войлокъ и со-

провождая теленка ударами палки. Дождь шлепаетъ по лысинѣ холма, журчитъ по соломѣ, протекаетъ внутрь строеній и мочитъ все, что попадаетъ на пути. Среди сакли уже порядочныя лужи... Но, слава Богу! тучи прошли и небо прояснилось; солнце засіяло еще ярче, чѣмъ прежде. Изъ саклей выползли жители, вынося на солнце все свое промокшее добро. И сколько гніетъ платья и домашней утвари отъ всякаго дождя въ аулѣ! А все отъ того, что плохо кроются сакли.

4 іюня.

Эти два дня я гостилъ у родныхъ въ сосѣднемъ аулѣ. Одинъ мой родственникъ женился и у него шелъ пиръ. Я былъ приглашенъ черезъ Данела. Такъ-какъ аулъ, куда меня приглашали, отстоитъ недалеко отъ нашего, то я отправился съ Данеломъ вечеркомъ пѣшкомъ. Дорогою Данелъ сообщилъ мнѣ нѣсколько эпизодовъ изъ своей жизни. Такъ-какъ онъ типъ извѣстнаго разряда нашей молодежи, то мнѣ хочется оставить въ памяти его образъ. Если не во всѣхъ, то по-крайней-мѣрѣ въ большей части нашихъ ауловъ найдется нѣсколько экземпляровъ этого характернаго типа нашей современной молодежи. Данелъ — мужчина среднихъ лѣтъ, съ жиденькою русою бородкою и съ маленькими усиками; глаза его живые, проницательные. Ходитъ онъ вѣчно въ заплатанномъ бешметѣ. Сѣрая черкеска его тоже достаточно поношена: въ одномъ мѣстѣ она заплатана кожею, а въ другомъ матеріей. На груди красуется нѣсколько газырей, самыхъ разнокалиберныхъ. Одни изъ нихъ безъ затычекъ, вслѣдствіе чего въ нихъ только гуляетъ вѣтеръ, и два-три газыря съ затычками. Въ одномъ изъ нихъ хранятся всегда двѣ-три спички, которыми онъ закуриваетъ *папиросъ*. Онъ не какую-нибудь вонючую махорку куритъ, а *туренцка*, какъ онъ называетъ турецкій табакъ. Туренцки у него бываетъ не больше, какъ на двѣ-три папироски; она тщательно завернута въ бумажкѣ, вложенной въ складку шапки. Туренцки онъ не покупаетъ—да у него и денегъ-то нѣтъ,—а выпрашиваетъ у торговца ситцами въ нашемъ аулѣ, Михела, или-же у кого-нибудь другого, курящаго турецкій табакъ. Папиросная бумага встрѣчается у него рѣдко, а если встрѣчается, такъ это для него роскошь. Онъ обходится и безъ папиросной бумаги, довольствуясь простой, писчей. Я сказалъ, что въ одномъ изъ газырей съ затычками хранятся

спички; въ остальныхъ-же двухъ газыряхъ на запасъ хранятся два заряда. Придется-же ему танцовать съ какою-нибудь хорошенькою дѣвушкой: нужно-же шикнуть, т. е. выстрѣлить во время самыхъ танцевъ изъ пистолета, съ которымъ онъ рѣдко разстается. Шапка его отъ ветхости похожа скорѣе, какъ у насъ выражаются, на дохлую курицу, чѣмъ на шапку. А можетъ-быть и отъ того она растрепана, что неоднократно тѣшилась ею молодежь и стрѣляла по ней. И несмотря на все это бѣдное одѣяніе, онъ всегда бываетъ веселъ, болтливъ, разговорчивъ, учтивъ, и, что выдается рѣзче всего въ его характерѣ, бываетъ услужливъ. Многіе въ немъ весьма часто нуждаются. Пріѣдетъ-ли къ кому-нибудь въ аулъ какой-либо важный гость, — Данелъ ухаживаетъ за гостемъ. Онъ очень хорошо знаетъ *оздан-дзинад* (узденскій этикетъ) и потому умѣетъ обходиться съ гостемъ, хоть будь онъ даже біасланъ-алдар (кабардинскій князь); онъ вездѣ понатерся, вездѣ бывалъ и все знаетъ. И онъ весьма гордится тѣмъ, что знаетъ въ совершенствѣ оздан-дзинад и часто щеголяетъ этимъ знаніемъ. Ни одна пирушка въ нашемъ аулѣ отъ него не ускользнетъ. Да и сами хозяева, въ домѣ которыхъ происходитъ пиръ, не пожелаютъ отсутствія Данела, потому-что онъ отличный распорядитель танцами и самъ отличный танцоръ. Танцы почти всегда открываетъ Данелъ. При этомъ, подхвативъ любую дѣвицу подъ мышку, онъ старается изумить толпу какимъ-нибудь нововведеніемъ въ танцахъ. Съ дѣвицами-же Данелъ обходится какъ братъ съ сестрами, — и дѣвицы только одного его не дичатся, только съ нимъ однимъ свободно говорятъ, отъ другихъ-же парней конфузятся и бѣгаютъ. Дѣвицы ничуть не сердятся на Данела за то, что онъ отпускаетъ имъ неприличныя остроты весьма плоскаго свойства: похихикаютъ подъ своими длинными рукавами рубахъ и только. Другіе-же парни не настолько смѣлы, чтобы шутить съ дѣвицами, да и вообще странная у насъ натянутость въ отношеніяхъ между дѣвицами и парнями! Дѣвицы даже какъ-бы стыдятся показывать парнямъ свои лица. . . Данелъ не только душа молодого общества нашего аула, но его и въ другихъ аулахъ знаютъ. Будь въ аулѣ за 50 верстъ пирушка, онъ и туда поспѣшитъ, если только есть возможность поспѣть; и въ другомъ аулѣ его примутъ съ удовольствіемъ; тамъ, какъ и въ нашемъ аулѣ, онъ будетъ распоряжаться играми и будетъ веселить честную компанію, за что поѣстъ и попьетъ, можетъ-быть, слаще всѣхъ. Для него нѣтъ опредѣленнаго постоян-

наго мѣстопребыванія, хотя у него есть своя собственная сакля. Но что за сакля? Она похожа на сказочную избушку на курьихъ ножкахъ. Стоитъ эта сакля особнякомъ, почти на самой серединѣ улицы, безъ всякихъ пристроекъ и забора. Въ ней живетъ престарѣлая мать Данела, потерявшая всякую надежду на помощь со стороны сына.

Такъ вотъ съ этимъ Данеломъ отправился и къ роднымъ въ сосѣдній аулъ. Дорогою нужно было переходить намъ черезъ небольшую рѣчку. Такъ-какъ моста черезъ нее не оказалось, то Данелъ вызвался перенести меня на своихъ плечахъ, и не смотря на мой отказъ, убѣдительно просилъ меня согласиться на его предложеніе. — «Какъ ты шибко идешь», сказалъ я Данелу, когда мы пошли дальше. — «Въ ходьбѣ я посоперничаю съ лошадью», сказалъ на это Данелъ самодовольно. «Въ прошломъ году, когда въ Санибѣ былъ *кувд* (пиръ), я отправился съ однимъ товарищемъ; онъ отсталъ отъ меня на половинѣ дороги, я-же поспѣлъ къ кувду, хотя до Саниба около 50 верстъ». Стали мы подходить къ аулу. Еще издали слышалось хлопанье въ ладоши и звукъ гармоники; кто-то даже билъ въ мѣдный тазъ, замѣняя тѣмъ барабанъ. Дворъ, куда мы вошли, былъ наполненъ людьми. Шумъ, гамъ, пѣсни, звукъ гармоники, хлопанье, — все это сливалось въ нестройный гулъ.—«Разступитесь, люди, и дайте гостямъ дорогу», сказалъ Данелъ, раздвигая толпу. — «Никакъ пришелъ Данелъ»? сказалъ кто-то изъ толпы. — «Ахъ, чтобы тебя Богъ покаралъ (Хуцау ард дыл фацауа)«! обратился къ нему другой. «Что-же ты до-сихъ-поръ не приходилъ? вотъ дѣвки по тебѣ скучаютъ и не хотятъ танцовать. Заставь ихъ, пожалуйста»!... Дѣвицы, стоявшія вдоль наружной стѣны уата, передъ которой танцовала пара, увидѣвъ Данела, какъ будто повеселѣли. — «Добрый вечеръ, дѣвки», привѣтствовалъ Данелъ, подходя къ нимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ тихо захихикали, закрываясь длинными рукавами, а нѣкоторыя даже фыркнули и побѣжали было внутрь уата, гдѣ была невѣста. — «А! такъ вотъ какъ»! воскликнулъ Данелъ, ухватившись за платокъ одной бѣжавшей дѣвушки. Платокъ остался въ его рукахъ. Дѣвушка, выглянувъ въ окно, умоляла знаками отдать ей похищенный платокъ, но Данелъ не далъ его до-тѣхъ-поръ, пока всѣ дѣвушки не вышли опять и не стали танцовать. Такъ-какъ было уже темно, то два или три парня держали высоко надъ головой зажженныя лучины, чтобы свѣтить танцующимъ. Между-тѣмъ на одномъ концѣ дво-

ра мужчины дѣлали *симд* *); на этотъ разъ они пѣли пѣсню циничнаго содержанія про пресловутаго во всей Осетіи Асаго. Изъ *хадзара* раздавался гулъ и слышались отрывочныя фразы слѣдующаго рода: выпей, ради отца твоего!... ради мертвыхъ твоихъ!... не могу, ей Богу, Валлахи!... Ну, еще немножко... на голову вылью, если не выпьешь... Потомъ слышалась пѣсня, сопровождавшаяся хлопаньемъ въ ладоши: Аназай, аназай, акулайка **)! (Выпей, выпей, опрокинь).

Игры длились почти до самой полночи. Все это время, я стоялъ въ группѣ молодыхъ парней, которые издали поглядывали на дѣвушекъ. Кто-то меня окликнулъ и я пошелъ въ тавгананъ, гдѣ мнѣ приготовили ужинъ изъ *олибаха*, сжареннаго въ маслѣ. Данела со мною не было и я попросилъ, чтобы его позвали. Онъ пришелъ и присѣлъ на корточки за столъ, между-тѣмъ какъ я сидѣлъ на синтагѣ. Мать жениха присѣла также подлѣ меня и подкладывала мнѣ лучшіе кусочки олибаха. Не успѣлъ я взять второй кусочекъ, какъ въ сѣняхъ, соединяющихъ уать новобрачныхъ съ тавгананомъ, раздался грохотъ и мнѣ послышалось, что кто-то прошепталъ умоляющимъ голосомъ: «пусти меня, ради твоихъ мертвыхъ! ради твоего отца»! Тотчасъ Данелъ выскочилъ изъ-за стола и мигомъ изчезъ въ сѣняхъ. Я вопросительно взглянулъ на сидѣвшую около меня женщину, но та съ улыбкою сказала: это молодежь тамъ балуется. . . Послѣ ужина я приглашенъ былъ въ кунацкую, гдѣ для меня была приготовлена постель, и я легъ спать, между-тѣмъ какъ танцы еще продолжались.

На утро слѣдующаго дня я проснулся поздно. Вышедши изъ кунацкой и умывшись, я отправился во дворъ, гдѣ вчера происходило веселье. Дворъ теперь былъ еще шумнѣе, потому-что еще больше собралось посѣтителей. Передъ воротами, на *уыл* (на дернѣ), расположились старики и шумно разговаривали, въ

*) *Симд*, — обыкновенно, для этого мужчины образуютъ кругъ, держа другъ друга подъ мышки, и поютъ, кружась на одномъ мѣстѣ. Поютъ иногда пѣсни весьма циничнаго содержанія, хотя въ симдѣ нерѣдко участвуютъ, въ перемежку съ мужчинами, и дѣвушки. Дѣвушки при этомъ, потупивъ головы въ землю, молча краснѣютъ, и только.

**) Эту пѣсню поютъ обыкновенно, когда идетъ большая круговая попойка. Она всегда сопровождается хлопаньемъ въ ладоши. Поется она дотѣхъ-поръ, пока очередной не выпьетъ поданное до конца, хотя-бы ему дали чашку араки и рогъ тура, наполненный пивомъ. И никакими мольбами не избавишься отъ нихъ раньше окончанія.

ожиданіи баранины, которая передъ ними была навалена на плетни. Нѣсколько парней своими кинжалами рубили ее на мелкія части; тутъ-же три кадушки, приличной величины, стояли съ напитками: одна съ аракой, другая съ пивомъ и третья съ бузой. Я сталъ поодаль, у плетня, и смотрѣлъ на шеренгу дѣвицъ, стоявшихъ вдоль стѣны уата, совершенно отдѣльно отъ парней. Онѣ стояли молча, потупивъ взоры въ землю и немного опустивъ на лица платки. Между собою онѣ не говорили, а перешептывались, какъ будто кого-то стыдились. Улыбка рѣдко появлялась на ихъ блѣдныхъ лицахъ. Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что наши дѣвушки лишены того цвѣта лица, который называется «кровь съ молокомъ»: проводятъ онѣ почти всю свою жизнь въ сидячемъ положеніи и занимаются только шитьемъ.—«Смотрите-ка, Пацо, чортъ, сколько дѣвушекъ еще везетъ изъ Брута», сказалъ кто-то около меня. Пацо—прототипъ Данела. Онъ тоже изъ нашего аула и отличается своею учтивостью и *кастардзинад'омъ* (прислуживаньемъ старшимъ). Онъ подъѣзжалъ на этотъ разъ въ арбѣ, понукая запряженную въ нее кляченку. Арба его наполнена была дѣвушками, которыя лицомъ были обращены назадъ. — «Ну-те, козлы, теперь вылѣзайте»! сказалъ Пацо, когда подъѣхалъ къ воротамъ.—«Да смотрите, танцуйте хорошо, не то васъ обратно отвезу и вамъ долго не придется побывать на такомъ весельи». Дѣвушки слѣзли съ арбы и направились къ своимъ подругамъ, которыя стояли у стѣны уата. Онѣ стыдливо опускали взоры, закрывали лица и, краснѣя, проходили передъ парнями, которые кидали на нихъ жгучіе взгляды и, подмѣиваясь, отпускали своего рода комплементы. Вечеромъ этого дня назначался *чиндз'ахсав* *), а потому меня задержали еще на день. При наступленіи вечера, выстрѣлъ изъ пистолета возвѣстилъ, что новобрачную выводятъ изъ уата въ *хадзаръ*. Дѣйствительно, изъ уата выходила невѣста, сопровождаемая толпою дѣвушекъ, которыя пѣли пѣсню, обычную въ такихъ случаяхъ: *алай булай! ой алай булай!* **).

*) Чиндз'ахсав — ночь невѣстина. Обыкновенно, на третій или второй день, новобрачную вводятъ въ первый разъ въ хадзаръ, куда она до этого торжественнаго дня не можетъ входить. Послѣ-же чиндз'ахсава путь въ хадзаръ ей открытъ. Вводъ молодой въ хадзаръ совершается съ разными обрядами.

**) Я не могу передать смыслъ этихъ словъ, ибо на осетинскомъ языкѣ они ничего не означаютъ. Какимъ образомъ эти слова попали въ нашу обрядную пѣсню — предоставляю разъяснить знатокамъ осетинскихъ свадебныхъ обрядовъ.

Кухыл-хацаг *), держа за руку молодую, велъ ее къ хадзару. Такъ-какъ хадзаръ былъ близокъ, то невѣста скоро скрылась, вмѣстѣ съ сопровождавшими ее дѣвушками, и я не могъ подробно разсмотрѣть эту процессію. Въ хадзарѣ еще разъ раздался выстрѣлъ изъ пистолета и потомъ опять послышалось пѣніе: алай булай! Заинтересованный, я кое-какъ протолкался черезъ толпу, чтобы посмотрѣть, какими обрядами сопровождается *чиндз'ахсав*. Съ моей стороны любопытство это было непозволительно, ибо мнѣ, какъ близкому родственнику жениха, не позволялось по обычаю смотрѣть на молодую. Но, однако, этотъ обычай, освященный вѣками, я преступилъ и видѣлъ обрядъ чиндз'ахсава. Я видѣлъ, какъ кухыл'хацаг, съ обнаженной головой, обвелъ молодую, у которой лицо было закрыто бѣлымъ вуалемъ, троекратно около рахыса (рахыс — цѣпь, висящая надъ очагомъ и пользующаяся въ народѣ священнымъ почетомъ). Между-тѣмъ мужчины, сидѣвшіе вдоль стѣны, продолжали пѣть и пить. Послѣ троекратнаго обхожденія, невѣста остановилась у очага. Кто-то палочкою снялъ съ лица ея бѣлый вуаль и, втыкая эту палочку съ вуалемъ въ стѣну хадзара, громогласно произнесъ: семь сыновей и одну дочь! И всѣ присутствовавшіе загалдили: семь сыновей и одну дочь **)! Все это время *авсин* (хозяйка дома) стояла на женской сторонѣ очага ***), держа въ рукѣ чашку, наполненную, какъ это обыкновенно бываетъ, медомъ, смѣшаннымъ съ масломъ. Когда сняли съ молодой вуаль, *авсин* поднесла къ губамъ ея ложку, наполненную этою смѣсью, и произнесла: «будьте другъ другу такъ сладки, какъ этотъ медъ и это масло вмѣстѣ». И всѣ присутствовавшіе въ хадзарѣ повторили эти слова. Затѣмъ кухыл'хацаг сталъ выводить молодую изъ хадзара. Въ то

*) Кухыл-хацаг — держащій за руку. Обыкновенно, женихъ выбираетъ одного изъ своихъ сверстниковъ кухыл'хацагомъ. Должность его состоитъ въ томъ, что онъ сопровождаетъ невѣсту, какъ самое ближайшее лицо къ ней. Молодая обходится съ нимъ, какъ съ братомъ. У кухыл'хацага женихъ гститъ впродолженіи двухъ или трехъ недѣль и тогда женихъ именуется уазег (гостемъ), а кухылъ-хацаг—фисим'омъ.

**) Это пожеланіе молодой. У насъ предпочитаютъ рожденіе мальчика—рожденію дѣвочки.

***) У хадзарнаго очага женщины сидятъ совершенно отдѣльно отъ мужчинъ. Обыкновенно, для женщинъ назначается мѣсто съ лѣвой стороны очага, а для мужчинъ съ правой. На сторонѣ мужской всегда есть бандон (деревянный диванъ), на женской-же сторонѣ нѣтъ ничего, такъ-какъ женщины никогда не сидятъ на бандонѣ, а сидятъ на корточкахъ или-же просто на землѣ.

время, когда онъ съ молодою проходилъ черезъ толпу молодыхъ парней и пожилыхъ мужчинъ, сопровождаемый тою-же обрядною пѣсней (алай булай), кто-то ударилъ его по бритой обнаженной головѣ, затѣмъ еще и еще: удары посыпались на бѣдную голову кухыл'хацага, не смотря на то, что онъ умолялъ своихъ палачей оставить его въ покоѣ *).

Было уже около 11 часовъ, когда Данелъ подошелъ ко мнѣ.—«Пойдемъ къ фисимамъ М», сказалъ онъ. «Ты тѣмъ болѣе долженъ видѣться съ нимъ, что онъ твой близкій родственникъ. А ты знаешь, что́ я вчера похитилъ у молодца»? продолжалъ Данелъ, указывая на пистолетъ, впсѣвшій у него на лѣвомъ бедрѣ. «Знаешь, зачѣмъ я вчера выскочилъ изъ-за стола? Ты, вѣроятно, слышалъ грохотъ въ сѣняхъ? Я зналъ, что это лукавый М—ъ крался къ своей молодой женѣ. Я еще до этого слѣдилъ за нимъ, но не могъ открыть его убѣжища, а онъ, чортъ, залѣзъ на чердакъ и выжидалъ удобнаго случая пробраться къ *своей*. Не зная, что его караулитъ въ сѣняхъ Афако, онъ спрыгнулъ съ чердака и только-что хотѣлъ шмыгнуть въ свой уатъ, какъ Афако поймалъ его за черкеску. Къ тому времени подоспѣлъ и я и вырвалъ у него пистолетъ; теперь его выкупаютъ фисимы медомъ: обѣщались цѣлый улей сжечь» **). Хоть я отнѣкивался отъ такого приглашенія, но Данелъ упросилъ меня, заклиная отцомъ, дѣдомъ, прадѣдомъ и всѣми моими мертвыми. Я отправился. Фисимы М. живутъ въ сосѣднемъ аулѣ, въ верстахъ трехъ отсюда. Входя въ саклю, гдѣ гостилъ М., Данелъ первымъ долгомъ обратился къ нему съ такими словами: «Ну, нечего сказать! Хорошъ-же ты. Еще не успѣлъ никто лечь спать, а ты лѣзешь къ невѣстѣ». — «А, чтобъ тебя Богъ покаралъ за твою вчерашнюю продѣлку», сказалъ М., приподнимаясь съ спитага, на которомъ онъ лежалъ. Тутъ-же около него сидѣли три его сверст-

*) Впослѣдствіи я узналъ, что бить по головѣ кухыл'хацага во время обряда чиндз'ахсава дозволяется обычаемъ, но только конечно такъ, чтобы не нанести значительнаго поврежденія. При этомъ-же требуется, чтобы эти удары онъ переносилъ съ стоическою твердостью, иначе онъ выкажетъ плохое качество.

**) Обычай дозволяетъ ловить жениха, когда онъ идетъ къ молодой, причемъ, конечно, онъ употребляетъ разныя уловки, чтобы избавиться отъ преслѣдователей, которые отнимутъ у него или пистолетъ, или кинжалъ и этимъ осрамятъ его передъ сверстниками. Отнятое оружіе выкупать долженъ фисимъ. Онъ не долженъ давать въ обиду своего гостя и всячески заботиться о цѣлости его личности и всего того, что принадлежитъ ему.

ника, которые пѣли какую-то пѣсню, но при нашемъ входѣ замолчали и привѣтствовали насъ добрымъ вечеромъ. «Стыдно, стыдно такъ рано пробираться къ невѣстѣ», продолжалъ Данелъ, садясь на синтагъ около М.; я тоже, поздоровавшись, сѣлъ около него. — «А мнѣ-то какое дѣло, что еще никто не легъ», сказалъ М., «я довольно ожидалъ на чердакѣ... Вы будете до утра веселиться—и мнѣ, по милости вашей, придется тогда просидѣть на чердакѣ цѣлую ночь»?... Пошутили, потолковали. Къ тому-же времени Фисимъ М—а принесъ цѣлый улей бѣлаго меду. — «Ну, теперь пистолетъ опять твой», сказалъ Данелъ, подавая его М. —«Не бойся, на уазег (нашъ гость), мы не ударимъ въ грязь лицомъ и не дадимъ никому обидѣть тебя», сказалъ Фисимъ. Позвали еще нѣкоторыхъ гостей и нѣсколько сотовъ меду было уничтожено, остальное Данелъ навалилъ на тарелку, чтобы взять съ собою для своихъ товарищей.—«Ну, теперь идемъ», сказалъ Данелъ, приподнимаясь съ своего мѣста. «И тебѣ пора теперь къ своей молодой», обратился онъ къ М.; «теперь уже тебя никто не подкараулитъ: всѣ уже спятъ». Въ самомъ дѣлѣ, было уже далеко за полночь. М. всталъ и вышелъ, ему подвели какую-то кляченку; онъ сѣлъ на нее, предложилъ и мнѣ сѣсть на *фасари* *) и мы поѣхали, между-тѣмъ какъ Данелъ, съ кухыл'хацагомъ и еще другимъ парнемъ, шелъ позади пѣшкомъ, не забывши захватить съ собой медъ. Недалеко отъ уата, М. слѣзъ въ густомъ конопляникѣ; я сдѣлалъ тоже. М., привязавъ свою кляченку къ колу, вбитому въ землю, направился къ уату, а я поджидалъ Данела съ товарищами. Вскорѣ и они показались. «Гдѣ М.»? спросилъ меня Данелъ. Я сказалъ, что онъ ушелъ къ уату. — «А, шельмецъ! онъ уже успѣлъ... Погодите, мы посмотримъ черезъ щели, какъ онъ раздѣваетъ свою невѣсту», — и онъ приложился къ щели въ стѣнѣ уата.—«Ради Бога, не дѣлай этого»! умолялъ кухыл'хацагъ Данела, но Данелъ продолжалъ смотрѣть. «Бѣдняжка, какъ она дрожитъ», говорилъ онъ шопотомъ, продолжая смотрѣть въ щель. «Онъ раздѣваетъ ее, а она стоитъ на одномъ мѣстѣ, плачетъ и дрожитъ всѣмъ тѣломъ... теперь осматриваетъ за ковромъ подъ нарами, нѣтъ-ли кого тамъ» **)... Кухыл'хацагъ

---

*) Фасарц—позади сѣдла.

**) Дѣвицы имѣютъ привычку въ первыя двѣ ночи подслушивать новобрачныхъ, для чего онѣ нерѣдко прячутся за ковромъ подъ нарами, на которыхъ разложены тюфяки. Поэтому женихъ предварительно долженъ тщательно осмотрѣть уголки своего уата, нѣтъ-ли кого тамъ.

ушелъ обратно. «Какъ-бы это устроить какую-нибудь штуку»? сказалъ оставшійся съ Данеломъ парень. — «Давай, бросимъ въ трубу зарѣзанную курицу»! воскликнулъ Данелъ, обрадовавшись своей выдумкѣ. Парень побѣжалъ въ курятникъ и вскорѣ воротился, неся курицу, съ которой осторожно и взлѣзъ на крышу сакли. Перерѣзавъ ей ножомъ кинжальнымъ горло, онъ бросилъ ее въ трубу и тотчасъ-же спрыгнулъ, хихикая отъ удовольствія*). Данелъ тоже смѣялся. «Вотъ, я думаю, М—ъ-то гонится за курицей»! сказалъ онъ... Но я не ожидалъ, что они еще выдумаютъ, и отправился спать въ кунацкую...

8 іюня.

Оу-у-уй! байкусут менс адам! дысон Карасе амарди-оу-у-уй! (Оуй! послушайте, люди! ночью умеръ Карасе, оу-у-уй!). Такъ кричалъ нынче чуть свѣтъ Маци, крикунъ нашего аула, съ вершины холма. — «Вотъ тебѣ на»! сказалъ я, проснувшись отъ этого громогласнаго крика нашего фидіога (крикуна); умеръ мой родственникъ... впрочемъ, онъ былъ уже старъ, да къ тому-же долго болѣлъ... Нужно идти *мардме*» (т. е. посѣтить семейство несчастнаго и посѣтовать). Всталъ, одѣлся и умылся. Вышелъ. По улицѣ толпами шли мужчины и женщины. Мужчины всѣ были вооружены длинными палками. Назначеніе этихъ палокъ то, чтобы на нихъ опираться, такъ-какъ мужчинамъ приходится много стоять. Въ прежнее-же время этими палками сердобольные родственники умершаго колотили себя по головѣ до крови и даже до ошеломленія. Женщины были наряжены въ лучшія платья и шли сторонясь мужчинъ. Когда я вышелъ со двора, со мною поровнялся Хатацко. Мы присоединились къ толпѣ мужчинъ и скоро подошли ко двору, гдѣ былъ умершій. Вдоль плетня стояли мужчины, опершись на свои длинныя палки, и смотрѣли грустно въ землю. Мы остановились на почтительномъ разстоя-

*) Вообще подсматриванія и подобныя продѣлки въ обычаѣ между нашею молодежью. Въ первые два-три дня молодому нѣтъ покоя отъ парней. Я помню, какую штуку устроила наша молодежь съ Далетомъ, въ нашемъ аулѣ. Его бѣдную саклю почти совсѣмъ разломали. Такъ-какъ сакля его была плетневая, обмазанная глиной, то глину вывалили, такъ-что маленькая сакля Далета (его уатъ) представляла на утро родъ клѣтки. Когда я пришелъ посмотрѣть на эту скандальную продѣлку нашей аульной молодежи, то увидѣлъ въ саклѣ толпу дѣвушекъ. Дѣвушки эти часто были тревожимы мальчишками, которые, продѣвая хворостины черезъ щели сакли, рвали ихъ платья...

ніи отъ той сакли, гдѣ лежалъ мертвый, и какъ требовала церемонія, стали, какъ вкопанные, въ рядъ, печально понуривъ головы. Мулла, стоявшій у плетня съ другими мужчинами, произнесъ протяжно: фа-а-ати-ха! и всѣ присутствовавшіе сдѣлали *дуа*, т. е. прочли молитву за упокой, держа ладони вверхъ, и потомъ провели руками по лицу. По окончаніи дуа, мы все-же не двигались съ мѣста, до-тѣхъ-поръ пока къ намъ не подошелъ родственникъ умершаго и не сказалъ: «да поможетъ вамъ Богъ! не печальтесь (*кыг ма кенут*)! Что-же дѣлать? Богу угодно было взять его—и взялъ»... На это нѣкоторые изъ насъ сказали печальнымъ тономъ: «да ниспошлетъ на васъ Богъ лучшія блага и да дастъ Онъ вамъ другое утѣшеніе». Сказавъ это, мы молча присоединились къ толпѣ мужчинъ, стоявшихъ вдоль плетня. За нами шла другая толпа мужчинъ, которая съ тою-же церемоніей присоединилась къ намъ, и т. д. Женщины нашего аула, молча, съ поникшими головами, проходили въ саклю, гдѣ лежалъ мертвый, и оплакивали его. Изъ сакли я слышалъ отрывчатыя фразы плакальщицы: «мой день... мое солнышко... тебя ожидаютъ гости, но ты ничего не говоришь... твоя семья осиротѣла... Что будутъ дѣлать твои дѣти, о ма бон (о мой день»)! За этимъ раздавался глухой плачъ. Посѣтители приходили безпрестанно. Были между ними и изъ другихъ ауловъ, что можно было узнать по вооруженію. Ихъ, вѣроятно, объ этомъ извѣстилъ *карганаг* *). Посѣтители изъ чужихъ ауловъ пріѣзжали верхами, съ лошадей слѣзали за ауломъ и оттуда шли пѣшкомъ до мѣста несчастія **). Мулла, приглашенный изъ чеченскаго аула, читалъ подъ навѣсомъ, монотоннымъ голосомъ, коранъ, положенный на подушку. Уже часовъ двѣнадцать. Вонъ, и *цырт* ***) привезли. Мужчины идутъ къ рѣчкѣ, чтобы взять *абдаз* ****). Солнце неумолимо жжетъ своими полуденными лучами, а мы все стоимъ, молча. Посѣтители приходятъ и уходятъ. Вотъ приблизилось около десяти женщинъ. Это *марцыгой* *****) изъ со-

---

*) Обыкновенно, по смерти кого-нибудь посылается карганег—вѣстникъ, на хорошей лошади, чтобы онъ извѣстилъ родныхъ и знакомыхъ.

**) Считается неприличнымъ подъѣзжать верхомъ ко двору, гдѣ лежитъ мертвый.

***) Цырт—надмогильный столбъ. Его привозятъ иногда до кончины больного. Онъ бываетъ всегда дубовый, какъ и могильныя доски, которыми тѣло закрывается отъ земляной могильной насыпи.

****) Абдаз—омовеніе. Передъ совершеніемъ молитвы моютъ руки, ноги, уши, ротъ, носъ. . .

*****) *Марцыгой* — женщины изъ другого аула, идущія оплакивать мертва-

сѣдняго аула; арба поодаль слѣдуетъ за ними. Онѣ медленно выступаютъ впереди, опустивъ печально головы; лица у всѣхъ закрыты платками, вѣроятно изъ скромности передъ мужчинами, которые, однако, на нихъ и не смотрятъ, а погружены въ какое-то оцѣпенѣніе. У каждой изъ этихъ женщинъ на поясѣ виситъ бѣлый платокъ (*цасты калмарзан* — глазной платокъ для утиранія слезъ во время оплакиванія мертваго). Это обыкновенная принадлежность всякой женщины, которая ходитъ на марцыгой. Вотъ онѣ остановились на довольно почтительномъ разстояніи отъ воротъ и размѣщаются въ двѣ шеренги, причемъ женщины постарше лѣтами становятся въ первую, а женщины помоложе во вторую шеренгу. Впередъ выдвигается одна старушка, одѣтая въ короткій *) красный бешметъ. Она опускаетъ съ головы верхній платокъ на плечи, нѣкоторыя женщины, постарѣе лѣтами, слѣдуютъ ея примѣру; потомъ всѣ онѣ засучиваютъ рукава (все это дѣлается при глубокомъ молчаніи) и двигаются едва замѣтнымъ шагомъ. Старушка начинаетъ голосить: «о ма бон! цы ма кандзинан» (что я буду дѣлать)? Остальныя женщины производятъ какой-то неопредѣленный звукъ. Его можно уподобить звуку, издаваемому индюкомъ, когда онъ, распустивъ широко хвостъ и крылья, вертится около своей самки.—«О, несчастный! что ты теперь намѣренъ дѣлать»? обращается она къ сыну умершаго, который все это время стоялъ у воротъ, опершись на свою палку. «Что мы будемъ дѣлать, когда мы лишились лучшаго въ семьѣ, о ма бон»! Остальныя женщины издаютъ все тотъ же неопредѣленный звукъ. «Э-эхе-хе»! рыдаетъ 25-ти лѣтній сынъ: «о ма бон»! — «Что мы будемъ дѣлать, когда наше солнце померкло»? продолжаетъ старушка. Между-тѣмъ женщины, оплакивавшія мертваго въ саклѣ, вышли на крыльцо и стали съ засученными рукавами вдоль стѣны, подъ навѣсомъ крыльца. Старушка замолчала. Вдругъ она издаетъ надтреснутымъ голосомъ отчаянный крикъ: *дадай*! и со всего размаха ударяетъ себя сжатыми кулаками по лицу. Шеренги слѣдуютъ ея примѣру; но онѣ

го. Часто между ними бываютъ и такія женщины, которыя не знаютъ вовсе ни самого умершаго, ни его родственниковъ. Женщины съ большою охотою отправляются на марцыгой. Тутъ имъ предстоитъ случай поболтать и посплетничать съ другими женщинами, до чего онѣ большія охотницы. Всю дорогу марцыгой идетъ почти пѣшкомъ, что означаетъ большое соболѣзнованіе по умершему.

*) Женщины у насъ носятъ короткіе бешметы, а мужчины длинные.

бьютъ себя не кулаками, а ладонями. *Ма бон* *)! раздается съ крыльца, гдѣ женщины бьютъ себя также по лицу. Когда руки марцыгоя опускаются, женщины, стоящія у крыльца, одновременно поднимаютъ руки и шлепаютъ себя по лицамъ съ крикомъ: *ма бон!* Когда ихъ руки опускаются, руки марцыгоя поднимаются также плавно и одновременно и шлепаютъ себя также по лицу съ крикомъ: *дадай!* Марцыгой такимъ образомъ подвигается впередъ; женщины-же, стоящія у крыльца въ шеренгѣ, остаются на одномъ мѣстѣ, обративши лица къ марцыгою. Вотъ старушка покачнулась: мнѣ показалось, что кровь течетъ по лицу ея отъ усиленныхъ ударовъ. Двѣ женщины поддерживаютъ ее, и она, въ безсознательномъ состояніи ударяя себя по лицу, но уже слабѣе, продолжаетъ предводительствовать шеренгами **). Наконецъ, вся процессія скрывается въ саклѣ, гдѣ лежитъ мертвое тѣло, и оплакиваніе продолжается. А вотъ и марцыгой изъ чеченскаго аула. Чеченки становятся посреди двора, образовавъ кругъ. Одна женщина, постарше всѣхъ лѣтами, выходитъ на средину круга и начинаетъ голосить протяжно; остальныя-же женщины, кружась медленно около нея, такимъ-же протяжнымъ голосомъ издаютъ неопредѣленный: о-оо!, ударя легко себя по лицамъ. Весьма непріятно слышать этотъ вой. Онѣ выли до-тѣхъ-поръ, пока присутствовавшіе мужчины не попросили ихъ, черезъ посредство чеченскаго мальчика, перестать соболѣзновать.

Скучно смотрѣть на эти неподвижныя, словно восковыя, лица мужчинъ. Отсутствіе разговора, а тѣмъ болѣе смѣха, наводитъ на посѣтителя сонливое состояніе; изрѣдка только это глубокое молчаніе прерывается муллою, который, каждый разъ при новыхъ посѣтителяхъ произноситъ свое протяжное: фа-а-ти-ха!... Наконецъ, выносятъ тѣло умершаго, положенное на плетенкѣ. Подъ тѣломъ, обернутымъ въ бѣлый саванъ, лежитъ тюфякъ, а подъ головою подушка. Женщины становятся въ рядъ. Четверо мужчинъ выступаютъ впередъ, неся тѣло на плечахъ. Процессія двигается такъ: впереди тѣло, за нимъ всѣ мужчины и въ нѣкоторомъ разстояніи толпа женщинъ, среди которой раздается плачъ. Процессія идетъ скорымъ шагомъ. Вотъ и кладбище. Около свѣжей могилы кладутъ тѣло, обративъ его лицомъ къ *каабе*. Жен-

*) Ма бон (мой день)—угроза, произносимая во время сильнаго горя.

**) Я узналъ, что эта старушка была сестра умершаго, поэтому неудивительно, что она обнаружила такое сильное соболѣзнованіе по умершему.

***) Женщины дуа не дѣлаютъ.

щины не доходятъ до кладбища, а остаются поодаль, откуда посылаютъ свои рыданія. Мулла вышелъ впередъ и, ставъ у тѣла, обратился лицомъ къ ЮВ., по направленію къ Меккѣ, и сталъ читать молитву. Мужчины, бравшіе *абдаз*, стали позади муллы и помолились за упокой души умершаго. Опустили тѣло въ могилу. Потомъ накось прикрыли его дубовыми досками, доски засыпали землею и поставили *цырт*. Мулла, произнося молитву, троекратно облилъ могилу вдоль изъ кувгана (рукомойникъ). Потомъ онъ поспѣшно отошелъ отъ могилы и всѣ послѣдовали его примѣру. На нѣкоторомъ разстояніи онъ останавливается и, поворотясь къ свѣже-засыпанной могилѣ, произноситъ панегирикъ по умершемъ: «послушайте, добрые люди! умершій былъ хорошій человѣкъ, — это каждый изъ насъ знаетъ. Онъ дурного ничего не сдѣлалъ, а хорошаго много. Онъ былъ щедръ и своимъ добромъ помогалъ многимъ. Теперь нѣтъ его... Онъ ушелъ въ *дзенет* (рай) къ праведнымъ: Богъ этого желалъ. Да никто о немъ дурного не скажетъ и всякій да пожелаетъ ему *дзенет*». И всѣ загалдили: *дзенеты бадед* (да будетъ онъ въ раю)!

29 іюня.

Подъ вечеръ вчера сидѣлъ я у своего окна и читалъ книгу. Подходитъ ко мнѣ Кургоко, нашъ аульный старшина, и говоритъ: «ради Бога, ради всѣхъ твоихъ мертвыхъ *), помоги намъ въ одномъ дѣлѣ. Начальникъ округа прислалъ *кулера* **) изъ города, отобрать штрафныя деньги ***). Съ кого слѣдуетъ штрафъ — записано на бумагѣ, а такъ-какъ писарь аульный заболѣлъ и кулеръ тоже не можетъ читать, то будь такъ услужливъ, сопровождай насъ и читай по бумагѣ, кто долженъ платить штрафъ, сколько и за что». Я не отказался сдѣлать старшему *кастардзинад*. Онъ мнѣ вручилъ длинный списокъ оштрафованныхъ лицъ, и я отправился съ нимъ въ его кунацкую, гдѣ находился и кулеръ Гаги, уполномоченный для сбора штрафныхъ денегъ. Тутъ-же былъ и другой старшина аула, Афако, и крикунъ Маци —

*) Самая сильная мольба, когда заклинаютъ кого-нибудь мертвыми.

**) Кулеръ — курьеръ; онъ назначается изъ осетинъ-же и выполняетъ должность нарочнаго; находится при начальникѣ округа и за свою службу пользуется нѣкоторыми льготами.

***) Штрафы налагаются аульнымъ начальникомъ и утверждаются начальникомъ округа, который для сбора ихъ посылаетъ кулера.

непремѣнное лицо при такихъ случаяхъ. «Идемте и начнемъ сборъ съ верхняго конца аула», сказалъ Кургоко, и всѣ мы пятеро отправились. Почти на концѣ аула изъ штрафованныхъ жилъ Бимболатъ. Мы подошли къ воротамъ. На зовъ Кургоко вынырнулъ изъ низенькой сакли тщедушный старичокъ, самъ Бимболатъ. Пожелавъ намъ добраго вечера, онъ обратился къ Кургоко съ вопросомъ, что̀ намъ нужно.—«За тобою 5 р. штрафу», сказалъ Кургоко, «за то, что лошадь твоя паслась на чужомъ покосѣ». Бимболатъ видимо былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ. Онъ старался оправдаться, но въ оправданіи путался. Гаги и слушать не хотѣлъ его оправданій и настоятельно потребовалъ отъ него штрафныхъ денегъ. Бимболатъ говорилъ, что у него нѣтъ вовсе денегъ, что неоткуда и взять ихъ.—«Ну, такъ есть скотина; мы угонимъ вола или корову, что есть, а тамъ, когда добудешь 5 р., возьмешь обратно».—«У меня только два вола», сказалъ Бимболатъ со слезами на глазахъ: «что-же буду я дѣлать, если изъ этихъ двухъ воловъ угоните одного? Не на чемъ даже дровъ возить»! Гаги не слушалъ этихъ резоновъ.—«Что-жъ дѣлать», сказалъ наконецъ Бимболатъ, видя тщету мольбы, «если такъ, гоните одного вола», — при этомъ онъ указалъ въ стойло и отвернулся. Въ стойлѣ, дѣйствительно, стояли два вола. Маци, по приказанію Кургоко, выгналъ одного изъ нихъ.—»Э э! да это не стоитъ и 5 р.», воскликнулъ Гаги, увидя вола вблизи; при этомъ онъ ткнулъ его палкою въ ребра, и волъ, чуть перебиравшій ноги отъ крайней худобы, чуть не свалился на бокъ. «Ну, нечего дѣлать! ограничимся и этимъ», продолжалъ Гаги, качая головою. Мы вышли. Маци прошелся раза два по худымъ бокамъ Бимболатова вола своей геркулесовской дубиной и волъ зачастилъ ногами впереди насъ. Бимболатъ-же еще постоялъ нѣкоторое время, и потомъ, махнувъ грустно рукою по нашему направленію, тихими шагами направился къ своей саклѣ, откуда только-что вынырнулъ къ намъ такъ радушно. «А вотъ Гути»! сказалъ Афако, указывая на одинъ дворъ. Мы подошли. Я окинулъ дворъ глазами и увидѣлъ кругомъ только бѣдность. Посреди двора лѣпилась маленькая сакля изъ плетня, вымазанная грязью и покрытая даже не соломой, какъ другія сакли, а навозомъ. Къ этой мизерной саклѣ примыкалъ маленькій курятникъ, и изъ него слышалось кудахтанье встревоженной курицы; далѣе виднѣлись обломки арбы. У сакли, при нашемъ входѣ въ нее, лежала лохматая собака, весьма походившая на волка; она кинулась на

насъ съ сильнымъ лаемъ. Но изъ сакли вышелъ Гути, пастухъ нашего аула.—«Добрый вечеръ»! привѣтствовалъ онъ насъ. Гути былъ одѣтъ въ порыжѣлую дырявую бурку; изъ-подъ нея виднѣлись рубища; онъ былъ босъ. На угреватомъ, худомъ его лицѣ я ничего не могъ прочесть, кромѣ смущенія.—«Будь счастливъ»! сказали мы на его радушное привѣтствіе. — «За тобой штрафъ», обратился къ нему Кургоко. (Въ спискѣ, дѣйствительно, значилось его имя: онъ былъ оштрафованъ за дерзость). Услышавъ это извѣстіе, бѣдный Гути, какъ былъ, такъ и остался, точно окатили его ведромъ холодной воды. Его маленькіе глазки широко раскрылись, угреватое лицо разомъ поблѣднѣло, какъ полотно, и, казалось, даже рыженькая бородка его приняла другой цвѣтъ отъ словъ Кургоко.—«Какъ это?... за что»?... могъ онъ только сказать послѣ продолжительной паузы. Въ спискѣ значилось, что онъ сильно поспорилъ съ Мухаммедомъ, за что оштрафованъ тремя рублями. Гути старался-было оправдываться, но путался точно такъ-же, какъ и Бимболатъ. Гаги не принялъ и его резоновъ.—«Не въ моей власти принимать оправданья», говорилъ онъ: «я посланъ изъ города начальствомъ и выполняю только его приказанія». — «Да гдѣ-жъ взять мнѣ столько денегъ?... у меня никогда не бывало столько... Мнѣ даже самому съ прошлаго года не выплачиваютъ за собственные мои труды полтинники и мѣры пшена. Сколько разъ я жаловался вамъ»! обратился онъ къ сильнымъ аула. Сильные аула, Кургоко и Афако, единогласно замѣтили ему, что теперь не время объ этомъ говорить, а надо отдавать штрафъ. — «Если нѣтъ денегъ, то, вѣроятно, есть скотина», сказалъ Гаги.—«Есть корова. Но это единственное животное, которое поддерживаетъ всю мою семью. Что будутъ дѣлать вонъ тѣ малютки, если вы отнимете ихъ кормилицу»? — и онъ указалъ по направленію двери сакли, откуда выглядывали боязливо мальчикъ и дѣвочка; лохмотья едва прикрывали ихъ тѣла. «Ну, хоть вы сжальтесь и заступитесь за меня»! обратился онъ къ старшинамъ, снявъ шапку и кланяясь. — «Мы ничего... мы исполняемъ волю начальства», говорили старшины, переминаясь въ смущеніи съ ноги на ногу. — «Коли такъ», сказалъ Гути, «такъ гоните вонъ ее». Онъ указалъ на корову, которая была привязана къ плетню. Около нея стояла, съ деревяннымъ ведромъ въ рукѣ, женщина; одѣта она была такъ-же бѣдно, какъ Гути и его дѣти; она, вѣроятно, была его жена и доила корову. Когда мы повернулись туда, женщина, опустивъ голову, побрела

въ саклю. Маци, по приказанію Гаги, отвязалъ корову и присоединилъ къ волу Бимболата. — «Ну, спокойной ночи»! сказали Гаги и старшины, обращаясь къ Гути. — «Не желаю вамъ провести такой спокойной ночи, какую я проведу», отвѣтилъ Гути, стоя къ намъ полуоборотомъ. Мы вышли.

Совсѣмъ уже свечерѣло. Откуда-то набѣжалъ туманъ, и мелкій дождь, словно осенью, пошелъ какъ изъ частаго сита. Мы шли молча. Маци погонялъ впереди вола и корову ударами огромной своей палки, приправляя эти удары ругательствами, относившимися къ животнымъ. — «Ого-го-го»! говорилъ онъ: «чтобъ тебя зарѣзали на поминки твоему-же хозяину». Зашли еще къ Бибо, у котораго выгнали, почти силою, быка, за три рубля, не смотря на то, что онъ грозилъ убить того, кто осмѣлится выгнать это животное изъ стойла. Старшинамъ кое-какъ удалось урезонить его и онъ напослѣдокъ сказалъ: «такъ и быть! ради васъ, уступаю своего бычка»!... Обошли еще два-три двора и ни у кого не оказалось денегъ, кромѣ Саге. Съ Саге взяли 5 р. за ругательство. Но я знаю, какъ дорого достались Саге эти 5 р. Четыре дня тому назадъ я шелъ къ рѣчкѣ купаться; на берегу рѣчки кто-то усердно копалъ; я подошелъ—это былъ Саге. Онъ работалъ въ одной рубашкѣ и нижнемъ бѣльѣ, на босу ногу; на головѣ его была войлочная шапка. Онъ рылъ, какъ я увидѣлъ, канаву. «Зачѣмъ ты копаешь эту канаву»? спросилъ я.—«Казмахашатъ, вонъ тамъ, будетъ строить мельницу и нужно провести рѣчку», сказалъ онъ, выгинаясь и утирая обильный потъ, катившійся съ его лица изъ-подъ войлочной шапки. По его указанію, онъ долженъ былъ прорыть пространство разстояніемъ около 150 шаговъ, причемъ на пути ему приходилось скапывать край холма. «Работаю съ утра до вечера», говорилъ онъ, «а все-таки въ полторы недѣли прорылъ только третью часть». — «А плата какая»? спросилъ я.— «Семь рублей», сказалъ онъ; «что-же дѣлать? Лучше что-нибудь, чѣмъ сидѣть сложа руки». И вотъ, этотъ Саге изъ своихъ семи руб. отдаетъ безропотно 5 р. за ругательство! Почти весь неимовѣрный трудъ ухнулъ. Отобранную скотину загнали въ стойло къ Кургоко, и скотина будетъ стоять тамъ впродолженіи трехъ дней. Кто изъ оштрафованныхъ къ этому сроку не представитъ денегъ, тотъ лишится своей скотины. Но я убѣжденъ, что никто изъ нихъ не представитъ денегъ, и скотинѣ предстоитъ продажа во Владикавказѣ.

2 іюля.

«Что это значитъ»? спросилъ я вчера у Хатацко, указывая на сосѣдній дворъ: «вотъ уже второй день, какъ происходитъ тамъ какая-то суетня».— «Это Бибо справляетъ поминки», отвѣтилъ Хатацко: «его мать въ прошломъ году умерла... Да и разорили-же его, бѣдняжку, эти поминки! теперь онъ справляетъ уже третьи поминки и каждый разъ рѣжетъ непремѣнно пару воловъ, не считая барановъ и ягнятъ. Спасибо знакомымъ и родственникамъ, что они при такихъ случаяхъ помогаютъ ему, а то-бы онъ въ конецъ разорился, — и теперь-то почти разоренъ... Вотъ и настоящія поминки сколько хлопотъ стоили ему, бѣдному: у него не хватало даже пшена, чтобы испечь чуреки, и онъ попрошайничалъ то у меня, то у другого, то у третьяго. А не справить поминки по умершему, какъ тебѣ самому извѣстно, величайшій позоръ... У насъ, тѣмъ, которые не справили поминокъ, произошло-ли это отъ недостатка или другой какой причины, нѣтъ проходу.—«Твои мертвые голодаютъ и ѣсть просятъ», обыкновенно попрекаютъ ихъ. Справишь плохія поминки, т. е. такія, на которыхъ-бы не отъѣлся цѣлый аулъ до отвала, скажутъ, что хозяинъ скупъ. Потому-то каждый старается не осрамиться въ народѣ и разоряется до послѣдней крохи, выжимаетъ всѣ соки, чтобы накормить голодныхъ одноаульцевъ и не прослыть въ народѣ за дурного человѣка. Посмотри, сколько онъ израсходовалъ теперь: два вола, изъ которыхъ одинъ подаренъ ему ближнимъ родственникомъ, 10 барановъ, 3 ягненка, да араки, да пива, да бузы,— все это чего-нибудь да стоитъ для нашего брата—бѣдняка. А сколько испекъ чурековъ, пирожковъ, наварилъ каши? И все это завтра уничтожится. Уже за недѣлю старики готовились къ этому *хисту* (поминкамъ) и не разъ уже забѣгали во дворъ Бибо, какъ-бы невзначай, а между-тѣмъ хлебнули араки, попробовали, хороша-ли она». — «А ты пойдешь завтра на хистъ»? спросилъ я. — «Конечно, пойду! нельзя не пойти: останутся недовольными; скажутъ: гнушается нами. Если и тебя будутъ приглашать, то и тебѣ не слѣдуетъ отказываться», закончилъ онъ.

Я смотрѣлъ во дворъ Бибо. Посреди этого двора было разведено нѣсколько костровъ; на нихъ варилась баранина. Мальчики—эти непремѣнные посѣтители такихъ случаевъ—обступили со всѣхъ сторонъ котлы. Одинъ изъ мальчиковъ сидитъ передъ

костромъ и, надѣвъ на палочку небольшой кусокъ мяса (физонакаг), жаритъ его съ большимъ усердіемъ на угольяхъ; другой подкладываетъ дрова въ костеръ. Но, вотъ изъ одного котла торчатъ куски баранины; какой-то мальчикъ, соблазненный этими кусками, протягиваетъ къ нимъ руку, но вдругъ слышитъ громогласный голосъ надсмотрщика надъ котлами: «ты что тутъ, собачій сынъ, лѣзешь съ погаными руками въ котелъ!? Прочь всѣ вы скорѣй отсюда, не то вамъ всѣмъ журавлиныя ваши голени переломаю»! кричитъ онъ, ища орудіе, чтобы на самомъ дѣлѣ осуществить свое намѣреніе. Но мальчики не ожидаютъ, пока онъ отыщетъ орудіе, и со свойственной имъ быстротой разсыпаются во всѣ стороны, какъ разлетается стая воробьевъ. Тотъ, который жарилъ на угольяхъ кусочекъ, оставляетъ свое занятіе и торопится спасать себя. Надсмотрщикъ ругается на всѣ лады; онъ беретъ кусокъ мяса съ угольевъ и съ остервененіемъ бросаетъ его мальчику-хозяину, желая ему отъ всей души подавиться имъ. Хозяинъ, обрадованный тѣмъ, что ему возвращенъ его кусочекъ, преспокойно поднимаетъ его и, обчистивъ кое-какъ отъ грязи, принимается съ большимъ аппетитомъ уплетать его. «Дай мнѣ, Дзодзи»! говоритъ ему другой мальчикъ: «вѣдь ты вотъ третій кусокъ ѣшь, а мнѣ еще ни одинъ не достался».—«А мнѣ-то что»? отвѣчаетъ тотъ, разрывая жадно зубами полусырую баранину: «мнѣ, вѣдь, не даромъ они достались: я за нихъ держалъ за ножки барана, когда сдирали съ него кожу; за это я получилъ *физонакаг*. А вотъ тотъ кусокъ, что я ѣлъ передъ тѣмъ,—тотъ я укралъ у Беслана». Такъ разсуждали они у плетня, между-тѣмъ какъ другіе мальчики взгромоздились на самый плетень: всѣ они въ рубашкахъ; нѣкоторые вовсе даже безъ покрова, общипанные, ободранные и на головахъ, что называется, *дохлыя курицы*. «А вотъ я васъ»! гремитъ Маци. —«Вишь, ломаютъ плетни! Чтобы вамъ своихъ плетней никогда не видать, собачьи сыны! Вотъ, вы еще подойдите, такъ я васъ»!, говоритъ онъ, грозя своею дубиной.

Маци — неумолимый врагъ аульныхъ мальчишекъ во время хистовъ и кувдовъ (пирушекъ). Какъ ревностный блюститель порядка при подобныхъ случаяхъ, онъ всячески преслѣдуетъ мальчишекъ, постоянно нарушающихъ этотъ порядокъ. Они неимовѣрно жадны и не упустятъ, если имъ предоставится удобный случай, похитить откуда-нибудь олибахъ или кусокъ мяса. На это они бросаются съ быстротою коршуна и убѣгаютъ по-

дальше отъ глазъ своего вѣчнаго преслѣдователя, Маци, чтобы съѣсть похищенное гдѣ-нибудь за гумномъ.

3 іюля.

Сегодня Хатацко сидѣлъ передъ моимъ окномъ и разсказывалъ мнѣ легенду про Маргуца, а я записывалъ ее въ свою книжку. Не дописалъ я и половины легенды, какъ съ вершины холма гаркнулъ во все горло Маци: оу-у-уй! байкусут! (послушайте)! *абон амбырдма Бибои дуарма лаг ама лапу рацауад, оу-уй! На фекустон мачи загад* (Сегодня ко двору Бибо да выйдетъ мужчина съ мальчикомъ! Де не скажетъ никто: не услышалъ)! — «А, чтобы тебя Богъ покаралъ», воскликнулъ Хатацко, прерывая легенду на самомъ интересномъ мѣстѣ. (И въ самомъ дѣлѣ: Маци обладаетъ удивительно громкимъ голосомъ. Стоитъ ему только взойти на холмъ и крикнуть—голосъ его раздается явственно съ одного конца аула до другого. И зато, какой-же фуроръ произвелъ онъ, когда аульная администрація посвящала его въ важную должность крикуна. Я помню, какъ это было. Собрались около мечети аульныя власти, съ аульнымъ начальникомъ. Старшины заговорили о томъ, что нѣтъ въ аулѣ хорошаго крикуна, и что Гудзи уже не годится, что его надо смѣнить. — «А вотъ Маци чѣмъ не крикунъ»? сказалъ кто-то. Позвали Маци, коренастаго мужчину, съ широкою грудью, и заставили его для пробы прокричать: кто въ пятницу будетъ работать, съ того штрафъ 5 рублей. Маци важно взлѣзъ на арбу, тутъ-же стоявшую, и только что закричалъ: «оу-у-уй! байкусут!, какъ всѣ присутствовавшіе замахали руками: довольно! довольно! Богъ-бы тебя покаралъ! (хуцау ард дыл фацауа!) совсѣмъ оглушилъ! Вотъ голосъ-то! *маладецъ*, Маци, *маладецъ*»! Маци, слыша такіе лестные для себя отзывы, ухмылялся, и какъ ораторъ, одобренный за рѣчь, сходитъ съ своей трибуны, такъ Маци съ важностью сошелъ съ арбы, осыпаемый похвалами за громогласный крикъ. Такъ съ-тѣхъ-поръ за нимъ и осталась должность и слава хорошаго крикуна). Какъ только Маци прикричалъ это, Хатацко обратился ко мнѣ: «нужно будетъ идти... вѣроятно, скоро будутъ и приглашать». Въ самомъ дѣлѣ, во дворъ къ намъ вошелъ молодой парень и отъ имени Бибо пригласилъ насъ на *хист*. Такъ-какъ отказываться, какъ выражался Хатацко, было «срамно», то мы съ нимъ и отправились ко двору Бибо. По улицѣ, впере-

ди и сзади насъ, шли толпы мужчинъ, шумно разговаривая. Большею частью всѣ шли съ своими дѣтьми: кто въ сопровожденіи своего маленькаго сына, а кто въ сопровожденіи маленькой дочки *). Намъ идти было недалеко. Передъ нами шли два старика и вели такой разговоръ: «Э-эхъ!—не прежнія времена теперь», говорилъ одинъ: «прежде, бывало, *хисты* были съ такимъ *баракатомъ*, что цѣлые аулы объѣдались, а теперь зарѣзалъ какого-нибудь вола, два-три барана—и только. *Тогда* рѣзали по 5—10 воловъ, по 40 барановъ, по 8 *цачинаговъ* **) варили пива».—«Да, Паци, ты правду говоришь», отвѣчалъ другой старикъ, покуривая трубку.—«Слышишь»? обратился ко мнѣ тихо Хатацко: «они еще не понимаютъ, что эти-то поминки, что они называютъ баракатомъ, насъ-то и разорили въ конецъ».—«Вотъ, сюда! сюда»! сказалъ хозяйскій сынъ, когда мы приблизились къ мѣсту, гдѣ расположился длинный рядъ стариковъ вдоль плетня. Старики сидѣли по старшинству. Мы съ Хатацко послѣдовали за хозяйскимъ сыномъ; онъ усадилъ насъ вмѣстѣ съ стариками, хотя я, строго говоря, не имѣлъ права садиться; но я считался пока гостемъ, а гостямъ въ этомъ случаѣ дѣлается предпочтеніе. Передъ нами возвышались цѣлыя горы говядины и баранины, съ которыми управлялся Данелъ съ своимъ кинжаломъ; чашки и тарелки съ разными приготовленіями осетинской кухни ставились на дернѣ; три кадушки, стоявшія тутъ-же и около нихъ по одному парню, свидѣтельствовали, что въ напиткахъ не будетъ недостатка. Старики шумно вели разговоръ въ ожиданіи баранины и напитковъ. Наконецъ, дождались: два-три молодыхъ человѣка стали раскладывать баранину и мясо передъ стариками на длинныхъ столахъ, другіе три-четыре человѣка вооружились чайниками, стаканами, чашками и стали разносить араку, пиво и бузу... И пошло наполненіе голодныхъ желудковъ. Только и слышится: по-

*) Обыкновенно, идущіе на поминки старики берутъ съ собою маленькаго сына или внука, дочку или внучку. Что сами не доѣдаютъ — отдаютъ имъ, что послѣдніе не доѣдаютъ—несутъ домой, надѣвая мясо, чуреки на заостренную палочку. Поэтому, обыкновенно фидіогъ кричитъ, чтобы выходили *лапу ама лаг* (мужчина и мальчикъ). Женщины въ хистахъ не участвуютъ.

**) Цачинаг—огромный мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ пиво. Онъ имѣетъ конусообразный видъ и состоитъ изъ мѣдныхъ листовъ, сшитыхъ мѣдными-же гвоздями. Обыкновенно, котелъ этотъ ставится въ яму, выкопанную у берега рѣчки. Ставится онъ такъ: въ ушки продѣвается огромный колъ, который, опираясь на края ямы, поддерживаетъ котелъ; подъ котломъ въ ямѣ разводится сильный огонь.

жалуйста до дна!... ради твоихъ мертвыхъ!... Не могу! Ей богу, не могу: по горло напился! Одинъ молодой присталъ ко мнѣ, чтобы и я выпилъ полную чашку араки, смѣшанную съ бузою *). Я, съ помощью Хатацко, отговорился, а то этотъ молодецъ былъ столь упрямъ, что наровилъ мнѣ чашку вылить на голову **). По окончаніи хиста, всѣ стали расходиться. Дѣвочки и мальчики несли длинныя палочки, съ воткнутыми на нихъ кусочками мяса и чурека, которыми ихъ снабдили ихъ отцы и родственники; нѣкоторые изъ нихъ покачивались и болтали несвязныя фразы: заботливые отцы напоили ихъ изъ своихъ стакановъ. Хозяину оставили одни пустыя посудины, да кости, разбросанныя по двору, на которыя сбѣжались десятки аульныхъ собакъ, — и грызутся за нихъ.

Вотъ какъ хозяинъ, Бибо, накормилъ да напоилъ до отвалу цѣлый аулъ; но спрашивается, что-же онъ будетъ ѣсть эту-же ночь? Онъ будетъ голодать и голодать не одну и не двѣ ночи, мѣжду-тѣмъ-какъ одноаульцы изъ остатковъ его хиста будутъ питаться цѣлую недѣлю.

1 августа.

Вчера я воротился изъ аула Гизель, отъ своихъ стариковъ — молочныхъ родителей. И какъ-же они, бѣдные старички, обрадовались моему пріѣзду: не знали, какъ меня и принять. Старикъ Симайли, мой молочный отецъ, ознаменовалъ мое посѣщеніе тѣмъ, что раздобылъ откуда-то ягненка и зарѣзалъ его. Старуха Дойонъ испекла *олибахта*, достала изъ *кабица* ***) долго хранившуюся у нея для торжественнаго случая бутылку араки и такимъ образомъ сдѣлала *кувд*, пригласивъ на него двухъ-трехъ сосѣдей. Когда все было готово и гости сѣли съ мужской стороны по старшинству, причемъ первое мѣсто занималъ Симайли, послѣдній взялъ одинъ *олибах* съ кускомъ шашлыка въ одну и стаканомъ араки въ другую руку, поднялся съ своего мѣста и,

*) Нѣтъ ничего противнѣе этой смѣси, а между-тѣмъ осетины пьютъ ее съ удовольствіемъ. Обыкновенно, араку прибавляютъ къ бузѣ для тѣхъ, которые отказываются отъ араки.

**) Выливать на голову напитокъ—въ обычаѣ у осетинъ. Чѣмъ упрямѣе пристаетъ раздающій, тѣмъ получаетъ больше похвалъ.

***) Кабиц—соотвѣтствуетъ кладовой. Кабиц—небольшое помѣщеніе, примыкающее къ хадзару и соединяющееся съ нимъ крошечной дверцею. Дверца идетъ со стороны женской отъ очага.

снявъ шапку, чему послѣдовали и гости, сталъ молиться: «Господи! мы на тебя уповаемъ! (Хуцау даума анкалма касам)! помилуй насъ (аказнын баке)»... Долго онъ молился, причемъ за каждой фразой его молитвы всѣ присутствовавшіе говорили благоговѣйно: оммен! оммен! (аминь! аминь)! Наконецъ, молитву свою онъ заключилъ такими словами: «теперь, дай Богъ, чтобы тотъ молодой человѣкъ, ради котораго сдѣланъ этотъ *кувд*, сдѣлался иналаромъ, чтобы на него обратилась милость *пацаха* (пацахы хорзах ссаред) и чтобы, сдѣлавшись иналаромъ, своихъ не забывалъ и помогалъ-бы имъ»!... — «Оммен! оммен»! твердили три-четыре мальчика, которые забѣжали въ саклю съ цѣлью поживиться чѣмъ-нибудь. «*Ацаход*»! обратился ко мнѣ Симайли, когда кончилъ молитву, и протянулъ свои руки ко мнѣ. Я зналъ, что значитъ *ацаход*. Это значило — подойти и взять *олибах* и кусокъ шашлыка, откусить отъ нихъ немного, потомъ изъ стакана отпить глотокъ араки и передать стаканъ кому мнѣ заблагоразсудится: онъ поступалъ въ полное мое распоряженіе. Я поднесъ стаканъ Дойонъ. Та взяла и, присѣвъ на корточки, отпила немножко изъ стакана за мое здоровье и передала стаканъ обратно мнѣ, я-же отдалъ *урдиджетагу* *), который, доливъ стаканъ, подалъ Симайли, какъ старшему, и попойка пошла по старшинству. Передъ нами стоялъ маленькій круглый столикъ, уставленный шашлыкомъ отъ зарѣзаннаго ягненка, съ разрѣзанными *олибахами*...

На слѣдующій день послѣ моего пріѣзда въ Гизель, я съ молочнымъ братомъ отправился къ своимъ знакомымъ. Идя по улицамъ Гизели, я удивлялся происшедшимъ въ этомъ аулѣ перемѣнамъ. Я не узнавалъ въ немъ прежнюю Гизель. Теперешній видъ аула ни въ чемъ не напоминаетъ тотъ видъ, который онъ имѣлъ три-четыре года тому назадъ. Тогда сакли были жалкія, грязныя, а теперь чистыя и опрятныя. Есть даже между ними довольно порядочные дома, напримѣръ, у станичнаго, какъ называютъ аульнаго начальника, Кута, у Торчиковыхъ, у Галасовыхъ и другихъ; улицы расположены правильно; окна саклей большею частью обращены къ улицѣ, чего никогда прежде не бывало. Въ Гизели есть и церковь. Въ субботу звонили къ вечернѣ и я зашелъ въ церковь. Тамъ я встрѣтилъ только двухъ-

*) Роль прислужника. Эту должность принимаетъ добровольно какой-нибудь услужливый парень. Онъ раздаетъ араку, шашлыкъ и другія яства.

трехъ стариковъ и столько-же мужчинъ среднихъ лѣтъ, изъ которыхъ двое купили свѣчи и поставили передъ образами. Одна старуха, съ ребенкомъ на рукахъ, ползла по полу на колѣняхъ; ребенокъ изрѣдка вскрикивалъ. Мужчины среднихъ лѣтъ стояли около меня и любопытствовали знать, что изображено на образахъ, — я объяснялъ имъ, что зналъ. Они удивлялись... Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ 4 или 5 мальчиковъ, обучающихся при аульной школѣ; ими управлялъ, вмѣсто регента, учитель школы— молодой человѣкъ, когда-то учившійся во владикавказскомъ училищѣ. Пѣли школьники, пріятными голосами, гимны, переведенные на осетинскій языкъ. Служилъ священникъ, кончившій курсъ въ тифлисской духовной семинаріи, нѣкто Токаевъ, весьма уважаемый въ аулѣ. Его съ особеннымъ увлеченіемъ слушаетъ аульное населеніе, когда онъ разсказываетъ на народномъ языкѣ что-нибудь изъ земной жизни Христа. Онъ самъ осетинъ. По окончаніи вечерни, я вышелъ изъ церкви съ молочнымъ братомъ. На улицѣ, вдоль одного плетня, сидѣло множество стариковъ и не стариковъ и шумно разговаривали.—«Отчего они въ церковь не идутъ»? спросилъ я брата. — «Ожидаютъ поминокъ», отвѣчалъ онъ: «сейчасъ начнутся у Лекса поминки». Это обстоятельство даетъ поводъ подумать, что въ осетинахъ мало христіанско-религіознаго чувства; но такое предположеніе будетъ не совсѣмъ вѣрно, если отнести его ко всѣмъ осетинамъ безъ исключенія. Вотъ, напримѣръ, мой молочный отецъ, Симайли, чѣмъ не ревностный христіанинъ? За свою ревность онъ даже пріобрѣлъ завистниковъ. Разскажу случай, характеризующій его религіозность, породившую зависть къ нему. Дня три спустя послѣ моего пріѣзда въ Гизель, случилась у кого-то пирушка. Собралось туда множество посѣтителей, между-прочимъ былъ и я приглашенъ съ Симайли. Конечно, попойка была порядочная и всѣ напились достаточно. По окончаніи пира, гости стали благодарить хозяина: «да ниспошлетъ на тебя Богъ свою милость»!, — и уходили. Симайли-же сперва всталъ и началъ кое-какъ креститься, говоря: *«госводи! госводи! госводи»!...*—*«Аххa»*! воскликнулъ одинъ старикъ, стоявшій около него: «какъ-будто, кромѣ тебя, никто не знаетъ: *«госводи! госводи»!...*—«А отчего-же ты, безвѣрный, не говоришь и не крестишься»? озлился Симайли и поссорился со старикомъ. Ссора чуть не кончилась трагически. Въ домѣ Симайли, какъ разъ надъ порогомъ, виситъ деревянный закоптѣлый крестъ, на который онъ смотритъ, какъ на святыню. Симайли

покумился съ аульнымъ священникомъ; онъ подарилъ ему даже дойную корову.

Симайли, слѣдуя примѣру другихъ, перестроилъ свой дворъ: плетневую огорожу замѣнилъ досчатымъ заборомъ, съ тесовыми воротами... Но въ семейной жизни онъ весьма тяжелаго нрава: онъ вспыльчивъ и выказываетъ порою недовольство своею безбѣдною жизнію. Въ минуту дурного настроенія духа, онъ жестоко обращается съ своей престарѣлой женой. Бѣдная Дойонъ! Сколько тяжкихъ оскорбленій перенесла ты отъ его грубаго обращенія впродолженіи своей замужней жизни! Отъ мужа, я знаю, ты ни разу не слыхала ласковаго слова. Въ воображеніи моемъ рисуется и теперь картина его жестокаго обращенія съ тобою, свидѣтелемъ которой я былъ еще въ дѣтствѣ. Пришелъ онъ, не помню откуда-то, не въ духѣ; разсердился на тебя и крѣпко ударилъ тебя по спинѣ толстой палкой. Помню, какой пронзительный крикъ вырвался тогда изъ твоей груди отъ невыносимой боли и теперь словно этотъ крикъ раздается въ моихъ ушахъ. Ты схватилась за больное мѣсто и съ рыданіемъ прижалась въ уголъ сакли, умоляя о пощадѣ. Но пощады не было. Разъярившійся Симайли еще пуще сталъ бить тебя палкою, и тогда я тоже зарыдалъ: мнѣ стало невыносимо жаль тебя. На крикъ прибѣжали сосѣди и розняли... Бѣдная осетинка! Скоро-ль ты избавишься отъ положенія рабыни? А какія у насъ отношенія жениха къ невѣстѣ! Довольно привести одинъ примѣръ, чтобы составить себѣ понятіе объ этихъ натянутыхъ отношеніяхъ. Одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ, нѣкто Асламбекъ, сосваталъ себѣ дочь Симайли. Однажды, вечеромъ, когда я лежалъ на дворѣ, Асламбекъ подошелъ ко мнѣ, печальный, и спросилъ: «а что, Иналъ, твои молочные родители на работу ушли»? — «Да», сказалъ я: «только дочь Симайли, твоя невѣста, одна осталась». Асламбекъ покраснѣлъ и промолчалъ. «Пойдемъ-ка къ нимъ въ саклю», обратился онъ ко мнѣ, все еще краснѣя. Я всталъ, не спрашивая у него причины, почему ему понадобилось туда, такъ-какъ догадывался, что ему хотѣлось посмотрѣть свою невѣсту. Мы пошли. Подъ навѣсомъ крыльца сидѣла Дзго, невѣста Асламбека; она усердно шила что-то и не замѣтила, какъ мы приблизились. Асламбекъ на нѣкоторомъ разстояніи остановился и сталъ смотрѣть на нее, молча. Дзго подняла глаза и, увидѣвъ его, быстро вскочила съ своего мѣста и изчезла въ саклѣ, захлопнувъ за собою дверь.—«Вотъ тебѣ на»! воскликнулъ Асламбекъ.

«Что мы, волки, что-ли, что насъ боятся»?, обратился онъ ко мнѣ, стараясь улыбнуться. Но улыбка вышла горькая. Онъ молча, печально, сѣлъ у порога сакли. «Хоть-бы угостили чѣмъ-нибудь», произнесъ онъ наконецъ довольно громко. Черезъ нѣсколько времени окно сакли чуть пріотворилось и изъ него показалась рука Дзго съ тарелкой, въ которой лежалъ нарѣзанный сыръ съ бѣлымъ чурекомъ. Я взялъ тарелку и поставилъ ее передъ Асламбекомъ. Онъ не сталъ ѣсть. «Уйдемъ отсюда»! сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія и всталъ съ своего мѣста: «насъ убѣгаютъ, мы мѣшаемъ только», и онъ потащилъ меня за руку со двора. Мы сѣли на траву. — «А что, и у русскихъ невѣста такъ бѣгаетъ отъ своего жениха»? спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Я объяснилъ ему, что у русскихъ, напротивъ, женихъ и невѣста чаще прежняго видятся.—«Ахъ! какъ это хорошо»! воскликнулъ онъ. «А вотъ у насъ, видишь, какъ... Я своей невѣсты еще ни разу какъ слѣдуетъ не видалъ... Да и засваталъ ее по наущенію старухъ... Говорили, хорошая невѣста»... А я зналъ, что она злого нрава, совершенно противоположнаго характеру Асламбека. Какъ-то они уживутся?

Вчера, при прощаньи, Дойонъ разрыдалась. Бѣдная Дойонъ! Придется-ли еще свидѣться когда-нибудь съ тобою? Можетъ-быть, скоро сведутъ тебя въ могилу горькіе дни, проведенные тобою съ грубымъ Симайли, и мнѣ прійдется оплакивать тебя на твоей могилѣ...

Иналъ Кануковъ.

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗЪ ГОРСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ.

Въ прежнихъ выпускахъ настоящаго «Сборника» (I, II и IV) были помѣщаемы нѣкоторые криминальные случаи изъ жизни кавказскихъ горцевъ. Въ дополненіе къ этому, въ нашей статьѣ мы приводимъ перечень такихъ-же случаевъ, въ большинствѣ происшедшихъ въ Дагестанѣ, за послѣдніе четыре года, причемъ выбраны нами только самые характерныя изъ преступленій, преимущественно такія, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на семейныя и родственныя отношенія горцевъ. Сверхъ того, мы обратили вниманіе и на всѣ случаи кровомщенія, показывающіе, до какой степени еще трудно искоренимъ этотъ варварскій обычай, освященный вѣками.

Въ концѣ перечня преступленій за каждый годъ отдѣльно, мы приводимъ общую сумму всѣхъ преступленій, въ число которыхъ не включены, впрочемъ, *нечаянные* случаи убійствъ и пораненій, происшедшіе единственно отъ неосторожнаго обращенія съ оружіемъ, во время чистки его. Не лишнимъ также сочли мы привести, независимо общей суммы, количество такихъ преступленій за 1871 и 1872 годы по Дагестанской области, которыя рѣшены на основаніи мѣстныхъ адатовъ. По той-же области указано нами и количество самоубійствъ втеченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ (1873—74), такъ-какъ въ VI выпускѣ «Сборника» были уже опубликованы случаи самоубійствъ за предшествовавшіе годы *).

*) Всѣ приводимые нами факты извлечены изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія.

Въ 1871 году.

Житель селенія Лучекъ, Самурскаго округа, Сейдунъ-Али Шахвелядъ-оглы, по подозрѣнію въ ухаживаніи за женою односельца своего Рамазана Курбанъ-оглы, былъ пораненъ смертельно во время сна въ своей собственной овчарнѣ, въ ночь на 4 января, родственникомъ своимъ Фейзуллою Гаджи-Гассанъ-оглы, подстрекаемымъ на это вышеупомянутымъ Рамазаномъ.

Жителька сел. Кая, Казикумухскаго округа, Маріамъ Шабанъ-кизы, вслѣдствіе ссоры съ мужемъ, убѣжала къ своей матери, Айшѣ Мамата-кизы. Домъ послѣдней часто посѣщалъ односелецъ ихъ, Муслимъ Сулейманъ-оглы, котораго мужъ Маріамъ, Дейтъ Мухаммедъ-оглы, заподозрилъ, что онъ уговариваетъ Маріамъ развестись съ нимъ и выйти замужъ за него, Муслима. Дейтъ попросилъ нѣсколько односельцевъ своихъ сходить къ Маріамъ уговорить ее вернуться домой. Они исполнили его просьбу и, вернувшись изъ дома Айши, сказали, что послѣдняя не пускаетъ свою дочь. Вслѣдствіе этого Дейтъ, наконецъ, самъ пошелъ къ тещѣ за женой. И когда, вслѣдствіе отказа послѣдней идти съ нимъ, онъ хотѣлъ насильно взять ее, то Айша заступилась за свою дочь, за что Дейтъ ударомъ кинжала прокололъ ей насквозь икру лѣвой ноги и поранилъ правую. Отъ этихъ ранъ Айша вскорѣ умерла.

Житель сел. Маали, Гунибскаго округа, Абакаръ Мараловъ-оглы, женившись на односелкѣ своей, Гюль-Салимъ Байрамъ-кизы, прожилъ съ нею года полтора и далъ ей разводъ. Мѣсяцевъ черезъ шесть Абакаръ опять сошелся съ Гюль-Салимъ и, женившись, прожилъ съ ней семь мѣсяцевъ и снова далъ ей разводъ, а самъ ушелъ въ горы. Возвратясь черезъ нѣсколько времени домой, онъ около мѣсяца прожилъ одинокимъ. Потомъ сталъ требовать къ себѣ Гюль-Салимъ, какъ-бы неразведенную свою жену; но послѣдняя не изъявила своего согласія возвратиться къ нему. За это Абакаръ разсердился и положилъ отомстить бывшей женѣ своей, которой самъ-же два раза уже давалъ разводъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Гюль-Салимъ, съ матерью и младшею сестрой своей, Альджа-кизъ, пошли въ огородъ, находящійся за деревнею. Узнавъ объ этомъ, Абакаръ пошелъ вслѣдъ за ними и, нагнавъ, присоединился къ нимъ. Мать Гюль-Салимъ,

Наримъ-Гюль, испугавшись Абакара, просила его оставить ихъ и идти своей дорогой, но онъ, не слушая ее, продолжалъ идти рядомъ съ Гюль-Салимъ. Тогда женщины, боясь, чтобы Абакаръ не сдѣлалъ имъ какого-нибудь зла, ушли отъ него въ находившійся неподалеку садъ. Но Абакаръ послѣдовалъ и туда за ними. Наконецъ, все не рѣшаясь напасть на Гюль-Салимъ, онъ уступилъ настойчивымъ просьбамъ ея матери и оставилъ ихъ; но, выйдя изъ сада, онъ опять сталъ поджидать ихъ возвращенія около дороги. Женщины-же, замѣтя это и опасаясь его, прошли домой другой дорогой, такъ-что на этотъ разъ ему не удалось сдѣлать имъ ничего дурного. Но онъ не оставилъ своего намѣренія и въ тотъ-же день передъ вечеромъ зашелъ къ брату Гюль-Салимъ, Тахтару, но отсюда его скоро выпроводили. Не смотря на это, Абакаръ рѣшился вскорѣ вернуться сюда и, увидѣвъ, что въ домѣ никого на этотъ разъ не было, незамѣтно зашелъ въ него. Вскорѣ послѣ этого пришла туда Гюль-Салимъ съ сестрой, Альджа-кизъ. И какъ только женщины, не подозрѣвая его присутствія, вошли въ домъ, Абакаръ мгновенно бросился на Гюль-Салимъ, вытащилъ ее на дворъ и кинжаломъ нанесъ ей 13 ранъ, причемъ поранилъ и Альджа-кизъ, старавшуюся оградить отъ него свою сестру. Гюль-Салимъ тутъ-же умерла.

27 марта, жительница селенія Тинды, Андійскаго округа, Букатъ Гусса-кизы, прибѣжавъ на мѣсто общественной сходки, выхватила неожиданно у находившагося тутъ чауша кинжалъ и ранила имъ, бывшаго тамъ-же, односельца своего, Кумашъ-Али Мулла-Магомилъ-васъ, за то, что онъ обманулъ ее, обѣщавъ на ней жениться.

Въ 1859 году, житель селенія Кубни, Казикумухскаго округа, Махмудъ Али-оглы, засваталъ дочь односелки своей, Патиматъ Магомедай-кизы, Шагалай Уцуми-кизы. Но вслѣдствіе недостаточности своей онъ не могъ сразу уплатить своей невѣстѣ *кебинъ* *), и выплачивалъ его по частямъ. Уплата кебина затянулась надолго, — почти на два года, — такъ-что первый пылъ Махмуда уже остылъ и онъ, наконецъ, началъ прямо насмѣхаться надъ ней, и даже въ глаза ей говорилъ, что онъ беретъ ее

*) Условная плата при совершеніи брака, которая производится частью деньгами, частью-же вещами.

не за красоту, что она вовсе не красива даже, а онъ женится на ней по расчету. Вслѣдствіе этого Шагалай измѣнила свое намѣреніе выйти за Махмуда замужъ; она могла это сдѣлать тѣмъ болѣе, что *кебинный листъ* (брачный контрактъ) еще не былъ написанъ. Но Махмудъ, узнавъ объ этомъ намѣреніи своей невѣсты, началъ преслѣдовать ее разными оскорбленіями. Шагалай не вытерпѣла, наконецъ, и пошла, въ сопровожденіи дяди своего, Исмаила Магомедай-оглы, съ жалобою на Махмуда въ окружной судъ. Услыхавъ объ этомъ, Махмудъ рѣшился убить ее, и, по дорогѣ въ селеніе Кумухъ, — гдѣ находится судъ,—около селенія Хурухры, онъ подкараулилъ ихъ. Только-что Шагалай съ дядей поравнялись съ Махмудомъ, какъ этотъ послѣдній стремительно бросился на Шагалай и, нанеся ей ударъ кинжаломъ, скрылся бѣгствомъ отъ преслѣдованія Исмаила. Шагалай-же умерла на одиннадцатый день.

Житель сел. Цудахаръ, Даргинскаго окр., Мама Кади-оглы, былъ очень друженъ съ жителемъ селенія Кара, Мухаммедомъ Саидиловъ-Али-оглы, пася вмѣстѣ стада барановъ на Дагъ-кутанѣ. Но послѣдній, шутя, иногда подсмѣивался надъ своимъ товарищемъ за частыя посѣщенія его односелки своей, Маріамъ Мама-кызы, жившей временно въ селеніи Карабудахкентъ. 10 февраля, Мама Кади-оглы, возвращаясь изъ Карабудахкента пьянымъ, встрѣтился на своемъ кутанѣ съ Мухаммедомъ Саидиловъ-оглы, который, по своему обыкновенію, началъ подшучивать надъ своимъ товарищемъ. Но на этотъ разъ Кади-оглы разобидѣлся шутками; вслѣдствіе чего началась у нихъ ссора и, наконецъ, Кади-оглы, выхвативъ кинжалъ, распоролъ животъ своему другу.

7 апрѣля, житель селенія Кахабъ-росо, Аварскаго округа, Исупъ Али-оглы, за оскорбленіе его дочери, ранилъ кинжаломъ односельца своего, Али Якубъ-оглы.

24 іюля, житель селенія Утемишъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Кадачой Хизри-оглы, ранилъ кинжаломъ роднаго брата своего, Казаха, за то, что послѣдній, поссорившись съ женой Кадачоя, ударилъ ее кулакомъ.

Между жителями сел. Инхо, Андійскаго округа, Нуръ-Магома Муртузали-васъ и Джамаломъ Рамазанилъ-васъ существовала вражда изъ-за того, что Нуръ-Магома женился на женщинѣ, за

которую безуспѣшно сватался еще прежде Джамалъ. И изъ-за этого между ними нерѣдко происходили ссоры. Однажды, именно 8 августа, жена Джамала, Чамастакъ, возвращалась съ односелкой своей, Пирдузъ, домой съ поля, неся вязанку сѣна. Проходя черезъ садъ, лежавшій на пути ихъ, онѣ увидѣли Нуръ-Магому съ женой, собиравшихъ груши. Когда Чамастакъ поравнялась съ ними, то Нуръ-Магома бросилъ въ нее грушей и попалъ въ спину. Такъ-какъ подобныя выходки онъ позволялъ себѣ неоднократно при встрѣчѣ съ Чамастакъ, съ цѣлью нанести ей оскорбленіе, то она разсердилась и выбранила его. Тогда Нуръ-Магома съ женой бросились на Чамастакъ съ руганью, при чемъ послѣдняя схватила за уши Чамастакъ, намѣреваясь вырвать серьги, но этому помѣшали прибѣжавшіе изъ сосѣдняго сада люди— они разняли женщинъ. Чамастакъ пригрозила Нуръ-Магомѣ жалобою на него, прибавивъ, что онъ поплатится за это оскорбленіе штрафомъ. А Нуръ-Магома на это, съ своей стороны, отвѣтилъ угрозой,— если онъ подвергнется штрафу — снять съ нея при первой встрѣчѣ платье. Наконецъ, они разошлись. Чамастакъ, вернувшись домой, разсказала обо всемъ, происшедшемъ съ ней въ саду, мужу. Тогда Джамалъ, съ братомъ, Магомою, и родственникомъ своимъ, Юсупомъ Моллачиласуль-васъ, бросились къ садамъ, разными дорогами, чтобы перехватить Нуръ-Магому и наказать его за оскорбленіе Чамастакъ. Но въ садахъ они не нашли уже никого. Они прошли дальше — и, недалеко отъ селенія, на берегу рѣки, увидѣли Нуръ-Магому съ нѣсколькими односельцами, окончившими омовеніе. Братъ Джамала, Магома, подбѣжалъ къ Нуръ-Магомѣ и сталъ передъ нимъ съ угрожающимъ видомъ. А Джамалъ, пользуясь тѣмъ, что Нуръ-Магома, нагнувшись, надѣвалъ сапоги, подбѣжалъ сзади и нанесъ ему ударъ кинжаломъ по головѣ, и потомъ,— не успѣлъ еще Нуръ-Магома обернуться къ нему и вынуть изъ ноженъ свой кинжалъ для обороны,— Джамалъ нанесъ ему второй ударъ. Тогда и Магома нанесъ ему третью рану, также сзади. Нуръ-Магома только что успѣлъ разъ ударить Джамала кинжаломъ въ голову, какъ упалъ въ изнеможеніи отъ потери крови. Братъ его, Гаджи-Магома, находившійся шагахъ въ 20-ти отсюда, видя, что Нуръ-Магому рубятъ, бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ на помощь; но тутъ Юсупъ преградилъ ему дорогу. Тогда Гаджи-Магома отстранилъ Юсупа ударомъ кинжала въ щеку — и бросился на Джамала; но Юсупъ все-таки не допустилъ его до Джамала, настигнувъ его и вон-

зивъ ему въ животъ кинжалъ. А когда онъ падалъ, братъ Джамала, Магома, подбѣжавъ, нанесъ ему еще другую смертельную рану въ спину, и Гаджи тутъ-же упалъ мертвый. Нуръ-Магома умеръ на 19-й день отъ полученныхъ имъ ранъ.

Реджебъ Сафаръ-оглы и Али-Бекъ Абдулла-оглы, жители селенія Дарвагъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, были большими друзьями. Но, однажды, на покосѣ, они поссорились за что-то между собой очень сильно, и въ этой ссорѣ Али-Бекъ, разгоряченный, желая побольше досадить Реджебу, сказалъ ему, что онъ имѣлъ съ его женой любовную связь, еще до выхода ея въ замужество: подобныя вещи считаются у горцевъ кровною обидой, и за нихъ мстятъ съ ожесточеніемъ. Реджебъ, дѣйствительно, вполнѣ повѣрилъ этому, потому-что Али-Бекъ, по дружбѣ, часто и прежде говорилъ ему, что нѣтъ въ Дарвагѣ ни одной женщины, съ которой онъ не имѣлъ любовной связи. Онъ такъ оскорбился этимъ извѣстіемъ, что съ этихъ-поръ началъ искать случая убить бывшаго друга своего, ставшаго теперь его кровнымъ врагомъ. И вотъ, 28 іюня, Реджебъ, узнавъ, что Али-Бекъ ушелъ въ свой верхній огородъ, прилегающій къ опушкѣ лѣса, захватилъ съ собой ружье и отправился туда-же. Чтобы его никто не замѣтилъ, онъ не пошелъ прямой дорогой, а пробрался окольными путями, лѣсомъ, къ огороду Реджеба, и, высмотрѣвъ его здѣсь, приготовился сдѣлать по немъ выстрѣлъ. Но было еще слишкомъ далеко,—и Реджебъ, боясь промахнуться, началъ прокрадываться по кустарнику ближе къ огороду. Въ это самое время Али-Бекъ ушелъ съ верхняго огорода на нижній и такимъ образомъ доставилъ Реджебу удобный случай приблизиться, безъ опасенія, что его услышатъ, почти къ самой оградѣ, гдѣ онъ выбралъ себѣ удобное мѣстечко въ кустахъ и сталъ дожидаться возвращенія Али-Бека. Ему не долго пришлось мучиться ожиданіемъ своего врага. Али-Бекъ скоро вернулся на свой верхній огородъ. Здѣсь онъ увидѣлъ нѣсколькихъ односельцевъ своихъ, сидѣвшихъ подъ деревомъ и разговаривавшихъ между собой. Али-Бекъ подошелъ къ нимъ и, подсѣвъ, вступилъ и самъ съ ними въ разговоръ. Онъ сѣлъ немного въ сторонѣ отъ другихъ, лицомъ прямо къ Реджебу, такъ, что послѣднему чрезвычайно удобно было прицѣлиться въ него. Раздался выстрѣлъ—и Али-Бекъ упалъ за-мертво, прострѣленный двумя пулями и картечью.

Житель селенія Губденъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, 15-лѣтній мальчикъ, Абдулъ Вагабъ-Мама-оглы, 7 февраля, выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ въ спину односельца своего, Мутая Ахмедъ-оглы. По разслѣдованію этого происшествія въ Дагестанскомъ Народномъ Судѣ, оказалось, что Абдулъ Вагабъ-Мама-оглы еще прежде питалъ ненависть къ убитому имъ Мутаю по слѣдующему обстоятельству. Мутай соблазнилъ сестру Абдула, Аймисей, которая убѣжала изъ дому къ нему и жила съ нимъ. Потомъ Мутай, въ силу существующаго народнаго адата, долженъ былъ загладить проступокъ свой женитьбой на Аймисей. Но онъ недолго прожилъ съ ней, — и мѣсяца черезъ четыре далъ ей разводъ. 7 февраля, Абдулъ Вагабъ-Мама-оглы пошелъ посмотрѣть на пирушку, происходившую во дворѣ односельца своего, Амая. Туда-же пришелъ и Мутай. И вмѣсто того, чтобы быть почтительнымъ къ лицу, принадлежавшему къ семейству, оскорбленному имъ,—чѣмъ онъ только и могъ, по обычаю, заслужить прощеніе и помириться,—Мутай началъ насмѣхаться надъ Абдуломъ. Увидѣвъ-же, что Абдулъ разсердился, онъ убѣжалъ отъ него. Но насмѣшки его такъ раздражили Абдула и подняли въ немъ всю прежнюю ненависть противъ Мутая, за проступокъ съ сестрой, что Абдулъ выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ спину бѣжавшему Мутаю, который отъ полученной раны на другой день умеръ.

Житель селенія Герга, Даргинскаго округа, Омаръ Муртузали-оглы, 5 февраля убилъ кунака своего, находившагося у него въ гостяхъ, жителя селенія Хунгія, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Адзи Магома-оглы. По разслѣдованію этого происшествія оказалось слѣдующее. Адзи, старый кунакъ Омара, былъ человѣкъ не дурной, но имѣлъ скверную привычку ругаться самой непристойной бранью, въ особенности выпивши. Пріѣхавъ съ братомъ своимъ, Гази, къ Омару, они, какъ и слѣдуетъ старымъ пріятелямъ, выпили. Адзи, по своему обыкновенію, началъ ругать всѣхъ присутствующихъ. Омаръ, какъ хозяинъ и кунакъ Адзи, все сдерживалъ себя, хотя ему и чрезвычайно непріятно было слышать брань, направленную на его семейство, и уговаривалъ своего гостя перестать и успокоиться. Но пьяный Адзи ничего не слушалъ. Наконецъ, онъ ужъ разошелся до того, что началъ очень оскорбительно отзываться о молодой снохѣ Омара, въ присутствіи ея-же. Тутъ Омаръ, бу-

дучи и самъ выпивши, не вытерпѣлъ и, бросившись на Адзи, пригвоздилъ его своимъ кинжаломъ къ землѣ.

2 апрѣля, житель селенія Унцукуль, Аварскаго окр., Магома Гаджи-оглы, въ молельнѣ, убилъ односельца своего Моллачи Гаджи-Магома-оглы. Слѣдствіемъ раскрыто слѣдующее. Моллачи, будучи женатъ на сестрѣ Магомы и имѣя уже ребенка отъ нея, женился потомъ еще на другой. Вслѣдствіе этого между Моллачи и первою его женой начались частыя ссоры, такъ-какъ послѣдняя, не желая дѣлиться любовью мужа съ своей соперницей, повела интригу противъ нея. Она не разъ даже убѣгала изъ дому, вслѣдствіе этихъ ссоръ, къ брату своему, но каждый разъ была возвращаема послѣднимъ съ наставленіями—переносить терпѣливо всѣ непріятности, если она имѣетъ ихъ, отъ своего мужа и не ссориться съ нимъ. Моллачи-же, напротивъ, думалъ, что онъ-то, Магома, подстрекаетъ свою сестру на ссоры съ нимъ. Поэтому онъ и началъ искать случая объясниться съ своимъ шуриномъ. И вотъ, однажды, окончивъ обычную вечернюю молитву, онъ выходитъ изъ общественной молельни и встрѣчается съ Магомою, только-что шедшимъ молиться. Онъ далъ Магомѣ окончить молитву. И когда этотъ собрался уходить, Моллачи подошелъ къ нему съ упреками и бранью. Магома отвѣчалъ ему, разумѣется, тѣмъ-же. Тогда Моллачи, будучи гораздо сильнѣе, схватилъ его за шею и, пригнувъ къ полу, началъ бить, не смотря на крики и просьбы Магомы—оставить его въ покоѣ. Другіе односельцы ихъ, молившіеся въ это время тутъ-же, подскочили и старались разнять ихъ; когда, наконецъ, имъ удалось оттащить Моллачи, то Магома бросился бѣжать. Моллачи, отпущенный разнимавшими, пустился за нимъ въ догонку, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ изъ молельни, повалился — и тутъ только свидѣтели этой драки замѣтили глубокую кинжальную рану въ боку Моллачи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже умеръ. Магома-же до того былъ испуганъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ озлобленъ совершенно безпричиннымъ нападеніемъ на него Моллачи, — считавшагося силачемъ въ своемъ селеніи, — что, взбѣжавъ отъ него на крышу, оттуда уже въ мертваго началъ бросать камни, пока его не увѣрили, что противникъ его уже мертвъ.

Житель сел. Боцада, Гунибскаго округа, Абубакаръ Мусалъ-Магома-оглы, былъ долженъ незначительную сумму односель-

ну своему Магомѣ Кизилясулъ-оглы, занимавшемуся мелочной торговлей. Абубакаръ не хотѣлъ платить своего долга. И вотъ, однажды, онъ, идя къ одному изъ односельцевъ своихъ, встрѣтилъ своего заимодавца, Магому Казилясуль-оглы, который началъ бранить его за долгъ, а потомъ, бросившись на него, повалилъ на землю, сѣлъ на него верхомъ и, разорвавъ сзади штаны, намѣревался его изнасиловать. Это происходило вблизи дома Абдурахмана Даудъ-оглы, который, прибѣжавъ на шумъ, уговорилъ родственника своего, Магому, оставить въ покоѣ своего должника. Освободившись такимъ образомъ, Абубакаръ, вмѣстѣ съ своимъ освободителемъ, отправились къ мѣсту, гдѣ собирается джамаатъ. Вскорѣ послѣ нихъ сюда-же пришелъ и Магома. Здѣсь онъ опять началъ приставать къ Абубакару и ругать его и между-прочимъ, указывая на разорванные шаровары, сказалъ, что если-бы не было посторонняго лица при ихъ первой ссорѣ, то онъ непремѣнно изнасиловалъ-бы его. Выведенный этими оскорбленіями изъ себя, Абубакаръ обнажилъ кинжалъ и всадилъ его въ животъ Магомѣ, отъ чего этотъ вскорѣ умеръ.

28 февраля, житель сел. Кикуны, Гунибскаго округа, Гусейнъ Али-оглы, выстрѣломъ изъ ружья убилъ односельца своего Османа Гаджи-Магома-оглы. По разслѣдованіи этого происшествія оказалось слѣдующее. Между Гусейномъ и Османомъ существовала давнишняя вражда изъ-за того, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ Гусейнъ, бывши тогда старшиною, обвинилъ Османа въ кражѣ четырехъ бревенъ изъ склада лѣса, принадлежащаго инженерному вѣдомству. Однажды, незадолго до убійства Османа, Гусейнъ вмѣстѣ съ убитымъ были въ гостяхъ у одного изъ своихъ односельцевъ, гдѣ пили водку и закусывали. Возвращаясь вечеромъ домой, порядочно уже выпившій, Гусейнъ замѣтилъ Осману, что ему, какъ изобличенному въ воровствѣ лѣса, и потомъ еще и барана, не слѣдовало-бы выходить изъ дому въ ночное время, изъ опасенія могущихъ пасть на него новыхъ подозрѣній въ воровствѣ. Османъ обидѣлся этой насмѣшкой и, будучи притомъ не совсѣмъ также трезвъ, пихнулъ Гусейна кинжаломъ, но попалъ въ кинжальныя ножны и потому не сдѣлалъ ему никакого вреда. На другой день Османъ явился къ Гусейну съ повинною. Такъ-какъ Гусейнъ не получилъ никакого вреда, и къ тому-же Османъ былъ родственникъ ему, то онъ и простилъ его. Спустя нѣсколько дней, именно 28 февраля, Османъ опять пиро-

валъ у своего односельца, Гирея. Когда онъ отсюда возвращался домой, то, проходя мимо дома Гусейна, увидѣлъ послѣдняго, выходившаго съ своего двора. Османъ бросился къ нему съ ругательствами и угрозами, говоря: «теперь я поступлю съ тобой лучше, чѣмъ прежде!» Гусейнъ испугался его угрозъ. Онъ вбѣжалъ въ домъ, схватилъ свое ружье, выбѣжалъ обратно и, увидѣвъ Османа, стоявшаго уже во дворѣ, выстрѣлилъ въ его сторону. Ружье Гусейна было, задолго еще передъ этимъ, заряжено двумя пулями. Османъ получилъ двѣ раны, отъ которыхъ тутъ-же испустилъ духъ,—съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, не успѣвъ употребить его въ дѣло, предупрежденный пулями Гусейна.

14 января, житель сел. Аршимахи, Даргинскаго округа, Мухаммедъ Юсупъ-оглы, замѣтивъ, что дочь его, Батина, невѣста аршимахинца Ханъ-Магомы Курбанъ-оглы, зашла въ домъ своего жениха, заподозрилъ ее въ преждевременномъ близкомъ сношеніи съ женихомъ и пошелъ подсмотрѣть за ними. Вошедъ въ домъ Ханъ-Магомы, онъ дѣйствительно засталъ свою дочь лежащею на постели вмѣстѣ съ женихомъ своимъ. Это такъ возмутило его, что онъ бросился на нихъ съ обнаженнымъ кинжаломъ и нанесъ Ханъ-Магомѣ четыре раны, а дочери своей, Батинѣ, девять тяжелыхъ ранъ, отъ которыхъ она тотчасъ-же умерла.

27 апрѣля, житель селен. Чумлы, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Али Багома-оглы, разсердившись на свою жену за то, что она не пошла во-время доить корову, толкнулъ ее ногой такъ, что она упала и, ударившись объ уголъ очага, разбила себѣ голову, отъ чего вскорѣ и умерла.

Въ 1870 году, житель селенія Ходжалъ-Махи, Даргинскаго округа, Мухаммедъ Сайбунны-Мухаммедъ-оглы нечаянно убилъ односельца своего. Сводный братъ убитаго, Кади Кади-оглы, хотя и примирился наружно съ Мухаммедомъ, но затаилъ въ себѣ месть за кровь своего своднаго брата, хранилъ ее втеченіе почти цѣлаго года, выжидая случая и не только не выказывая никакой вражды, но даже стараясь скорѣе пріобрѣсти дружбу убійцы брата, чтобы потомъ добыть его кровь, прикрывъ преднамѣреніе свое какой-нибудь мгновенной вспышкой. Ему предста-

вился этотъ случай 3 февраля 1871 года. Въ этотъ день — онъ, и еще двое, были у своего односельца, Халакова, въ гостяхъ, гдѣ выпили много водки и джабы *). Выпивъ всю водку здѣсь, они пошли въ домъ Кики Гасанъ-оглы. Только-что они всѣ разсѣлись здѣсь по мѣстамъ и послали въ духанъ за водкой, какъ Мухаммедъ Сайбунны-Мухаммедъ-оглы пожаловался на головную боль, почему жена хозяина предложила ему подушку для отдыха. Онъ принялъ предложеніе хозяйки и прилегъ. Въ это-же время Кади Кади-оглы обратился къ нему съ просьбой—пойти съ нимъ прогуляться, говоря, что и у него головная боль скорѣе пройдетъ на свѣжемъ воздухѣ. Но Мухаммедъ отказался, какъ потому, что онъ пьянъ, такъ и потому, что вообще чувствуетъ себя не такъ здоровымъ. При этомъ онъ прибавилъ, что Кади какъ-будто къ чему-то приготовился, надѣвъ шубу и навѣсивъ кинжалъ на поясъ. Кади отъ этихъ словъ измѣнился въ лицѣ, при мысли, что Мухаммедъ могъ проникнуть его намѣреніе. Онъ показалъ видъ обиженнаго и отвѣтилъ коротко, что онъ постоянно готовъ. Мухаммедъ, замѣтивъ взволнованный видъ Кади, сказалъ ему: «я нисколько не намѣренъ былъ обидѣть тебя своимъ замѣчаніемъ, и если мои слова непріятны для тебя, то прошу у тебя извиненія и позволяю тебѣ сдѣлать со мною все, что ты пожелаешь». Тогда Кади, не говоря ни слова, бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ на Мухаммеда и нанесъ ему двѣ смертельныя раны. Мухаммедъ, защищаясь, успѣлъ сдѣлать своему убійцѣ только двѣ незначительныя царапины. Онъ тотчасъ-же умеръ. И, умирая, Мухаммедъ проговорилъ Кади: «я нечаянно убилъ, въ прошломъ году, твоего брата; теперь, ты ранилъ меня смертельно,—и я не могу обвинить тебя за твой поступокъ».

12 февраля, въ селеніи Гадаръ, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, молодые люди, собравшись на *очарѣ* **), около мечети, играли между-собой. Во время игры, одинъ изъ нихъ, Изи Уммать-оглы, вынулъ у другого, Мирзы Раджабъ-оглы, газырь и, высыпавъ изъ него на руку порохъ, сталъ просить его себѣ.

---

*) Мѣстная виноградная водка.

**) По-кумыкски, *очара*—въ родѣ нашей торговой биржи. Здѣсь старики собираются толковать о своихъ дѣлахъ, а молодежь или прогуливается, или занимается разными играми. Мѣсто для очары отводится преимущественно около мечети.

Мирза отвѣчалъ, что это у него послѣдній порохъ и поэтому онъ не можетъ отдать его. Послѣ отказа, Изи началъ, шутя, отходить отъ Мирзы и не отдавалъ ему пороха, вслѣдствіе чего началась у нихъ борьба, во время которой Мирза, шутя-же, ударилъ Изи въ шею. Въ этотъ-же моментъ братъ Изи, Джаматлы Умматъ-оглы, выходилъ изъ мечети, и думая, что его брата бьютъ, подскочилъ къ Мирзѣ и ударилъ его кинжаломъ въ спину, подъ лопатку. Мирза отъ этой раны черезъ 11 дней умеръ.

Жители сосѣднихъ селеній Сеидаръ-кентъ и Алкодаръ, Кюринскаго округа, имѣющія смежныя и частью смѣшанныя хлѣбопахотныя земли, выгоняютъ на нихъ, послѣ уборки хлѣбовъ, свою баранту. 21-го августа, сеидаръ-кентскіе пастухи пустили своихъ барановъ на алкодарскую землю. Увидѣвъ это, алкодарскій пастухъ потребовалъ вывода барановъ съ своей земли; но сеидаръ-кентцы не хотѣли выводить. Въ это время подошли еще три алкодарскіе пастуха и общими усиліями имъ удалось согнать сеидаръ-кентскихъ барановъ съ своего поля. На шумъ отъ происшедшей при этомъ драки между пастухами, сбѣжались жители обоихъ селеній. Нѣкоторые изъ прибѣжавшихъ сами приняли участіе въ дракѣ; другіе-же старались разнять дравшихся и хотя и успѣли прекратить драку, но не могли предотвратить выстрѣла изъ ружья, сдѣланнаго однимъ изъ сеидаръ-кентскихъ пастуховъ, Коджо Рамазанъ-оглы, которымъ раненъ былъ алкодарецъ, Кази Велибекъ-оглы. Но, все-таки, усиліями алкодарскаго старшины и сеидаръ-кентскаго судьи, ссора была прекращена и жители обоихъ селеній уже направились-было къ своимъ деревнямъ, когда братъ Коджо, Селимханъ, получивъ отъ жены ложное извѣстіе, будто-бы алкодарцы убили Коджо, прибѣжалъ на мѣсто драки и, взявшись за кинжалъ, сталъ спрашивать, кто убилъ его брата. Братъ-же раненаго Кази, Кюрабекъ Велибекъ-оглы, увидѣвъ Селимхана, закричалъ: «вотъ кого надо убить, — его братъ ранилъ моего брата!» и затѣмъ, бросившись на Селимхана, началъ драться съ нимъ на кинжалахъ. Тогда алкодарцы бросились на помощь Кюрабеку, а сеидаръ-кентцы стали также помогать Селимхану. Такимъ образомъ, между жителями обоихъ селеній опять возобновилась общая драка, кончившаяся тѣмъ, что были ранены Селимханъ, Айдулъ-Бекъ, Кеуха-Курбанъ и снова, раненый уже прежде, Кази. Изъ нихъ Селимханъ былъ до того израненъ, что вскорѣ умеръ.

22 мая, житель сел. Шодрода, Андійскаго округа, Ходисъ Шахманилъ-васъ и Али Гаджи-Магомилъ-васъ, подозрѣвая односельца своего, Гаджи-Магому Бугалъ-васъ, въ воровствѣ у нихъ овчины, зазвали его въ одинъ пустой домъ и нанесли ему двѣ раны: первый — ударомъ кинжала, а второй — выстрѣломъ изъ пистолета.

8 сентября, житель сел. Джули, Кюринскаго округа, Рамалданъ Мирза-Мухаммедъ-оглы, сорвалъ, безъ спросу, тыкву на огородѣ односельца своего Ага-Мухаммеда Герейханъ-оглы. Ага-Мухаммедъ, увидѣвъ это, разсердился за такое самовольство и, схвативъ камень, бросилъ въ Рамалдана и разбилъ ему голову. Рамалданъ тутъ-же умеръ.

4 декабря, житель сел. Ткварчели, въ Абхазіи, Хазгирей Оришбаія и житель сел. Бедія, Наурузъ Гварашія, пасли вмѣстѣ въ лѣсу скотъ; потомъ разошлись и при этомъ собака Науруза пристала къ Хазгирею. Черезъ нѣсколько времени Наурузъ, хватившись своей собаки, пошелъ ее отыскивать и, увидѣвъ ее съ Хазгиреемъ, началъ звать къ себѣ. Но Хазгирей удерживалъ собаку, не пускалъ ее къ Наурузу, вслѣдствіе чего между ними произошла ссора, во время которой Хазгирей выстрѣлилъ изъ пистолета въ Науруза и ранилъ его смертельно,—онъ въ тотъ-же день умеръ.

Житель сел. Окумъ, Очемчирскаго округа, тавадъ Бардго Эмухвари, нанялъ односельца своего, піоша Кваташа Квачахія, вырыть канаву, за 26 руб. Но Кваташъ, получивъ всѣ деньги отъ Эмухвари впередъ, не исполнилъ своего обязательства. Поэтому Бардго Эмухвари подалъ жалобу на Кваташа въ окумскій общественный судъ, прося заставить его — или вырыть канаву, или-же возвратить выданныя ему за работу деньги. Судъ назначилъ разбирательство по этой жалобѣ на 29 августа. Истецъ и отвѣтчикъ явились въ назначенный день въ судъ — и, въ ожиданіи своей очереди для разбора дѣла, начали ссориться и ругаться между собой. Но Кваташъ превзошелъ тавада Эмухвари въ ругани, такъ-что послѣдній не выдержалъ и, не стѣсняясь присутствіемъ суда, выхватилъ кинжалъ и всадилъ его въ грудь Кваташу. Совершивъ это, Эмухвари потомъ бѣжалъ и скрылся; но

по прошествіи нѣкотораго времени, успокоившись, одумался, возвратился въ судъ и отдался въ руки правосудія.

14 января, жители сел. Микаге, Даргинскаго округа, Урши Багандъ-оглы и Реджабъ Иса-оглы, въ числѣ прочихъ гостей, были на свадьбѣ у односельца своего Багандъ-Будуна Омаръ-оглы. Передъ вечеромъ первые двое пошли искать зурначей и домъ для устройства танцевъ. Во время поисковъ они встрѣтились съ своимъ односельцемъ Нуграддиномъ Махсутъ-оглы. Между ними завязался разговоръ, во время котораго Реджабъ (14-лѣтній мальчикъ), хвастаясь своимъ пистолетомъ, началъ, шутя, прицѣливаться въ Нуграддина. Но Нуграддинъ разсердился на него за это и бросился отнимать пистолетъ, которымъ, во время борьбы происшедшей при этомъ, Реджабъ нечаянно сдѣлалъ небольшую царапину на щекѣ Нуграддина. Наконецъ Урши разнялъ ихъ и уговорилъ Нуграддина оставить мальчика въ покоѣ. Впослѣдствіи оказалось, что пистолетъ Реджаба, вѣроятно отъ удара объ камень во время борьбы, былъ немного погнутъ и одной гайки на немъ не доставало. Реджабъ чрезвычайно огорчился этимъ и заплакалъ, такъ-какъ пистолетъ былъ не его, ему далъ его одинъ родственникъ для того, чтобы только надѣть на свадьбу. Урши пожалѣлъ мальчика и пошелъ къ Нуграддину спросить, нѣтъ-ли у него гайки. Какъ только Урши пришелъ въ домъ Нуграддина, послѣдній сказалъ ему, что онъ удивляется, какъ онъ рѣшился придти къ нему, послѣ-того-какъ онъ помогалъ Реджабу въ ихъ дракѣ и даже ранилъ его въ щеку, и что онъ вовсе не желаетъ видѣть его у себя въ домѣ. На это Урши отвѣчалъ, что онъ вовсе не ссорился съ нимъ и не принималъ никакого участія въ борьбѣ его съ Реджабомъ, поэтому не могъ и ранить его, но если Нуграддину неугодно видѣть его у себя, то онъ уходитъ,—и сейчасъ-же вышелъ. Нуграддинъ-же, не говоря ни слова, выскочилъ вслѣдъ за нимъ и, нагнавъ его въ своемъ дворѣ, нанесъ ему пять тяжелыхъ ранъ кинжаломъ, отъ которыхъ Урши, добравшись домой, черезъ два часа умеръ.

28 февраля, житель сел. Кумухъ, Абдулъ-Халекъ Абдулъ-Галимъ-оглы, ранилъ кинжаломъ односельца своего, Абдулъ-Кашра Абдулъ-Бари-оглы, за то, что послѣдній ударилъ палкой собаку перваго, и когда, находившаяся при этомъ, жителька сел.

Дусрекъ, Хадижа Шабанъ-кизы бросилась разнимать ихъ, то Абдулъ-Халекъ ранилъ и ее выстрѣломъ изъ пистолета.

Жители сел. Акуша, Даргинскаго округа, Иса Муса-Гаджи-оглы, и сел. Наскентъ, Карабудага Ахмадъ-оглы, въ числѣ другихъ гостей, пировали на свадьбѣ въ домѣ акушинскаго старшины Загума Загумъ-оглы. Въ полдень, когда наступило время молитвы, многіе изъ гостей пошли на рѣку для совершенія омовенія. А Иса-Муса-Гаджи-оглы, будучи не въ состояніи слѣдовать за ними отъ сильнаго опьяненія, зашелъ въ комнату Карабудаги, съ которымъ онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, чтобы прилечь тамъ на его постели. Карабудага былъ работникомъ у Загума и имѣлъ въ его домѣ отдѣльную каморку. При входѣ въ комнату, Иса увидѣлъ въ углу старенькую папаху Карабудаги. Она ему очень не понравилась, — онъ ее взялъ и разрѣзалъ кинжаломъ. Дѣти, находившіяся въ домѣ, подсмотрѣвъ, пошли и разсказали объ этомъ Карабудагѣ. Тогда Карабудага пошелъ въ свою комнату и, подошедъ къ Исѣ, началъ наносить ему удары кулакомъ по головѣ. Какъ видно, онъ хотѣлъ только пошутить съ своимъ другомъ, но, будучи также сильно пьянъ, не разсчиталъ силы своихъ ударовъ. Иса, почувствовавъ боль, вспылилъ до того отъ такого грубаго обхожденія, что, выхвативъ кинжалъ, пырнулъ имъ Карабудагу — и убилъ наповалъ.

12 февраля, жители сел. Тарки, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Адиль-Гирей Али-Киншо-оглы и Ибрагимъ Ираби-оглы, возвращаясь домой съ пирушки, поссорились между собой, причемъ Адиль-Гирей, выхвативъ пистолетъ, выстрѣлилъ въ Ибрагима, который отъ полученной раны въ тотъ-же день умеръ.

11 іюня, жители сел. Ашага-Картасъ, Кюринскаго округа, Исабекъ Кача-оглы и двоюродный братъ его Асали Рамазанъ-оглы, поссорились между собой изъ-за границы покоснаго мѣста. Асали, разсердившись, бросился на брата съ обнаженнымъ кинжаломъ. Исабекъ, отступая отъ него, началъ защищаться бывшей у него въ рукахъ косой и задѣлъ ею Асали по спинѣ, такъ-что этотъ упалъ и черезъ нѣсколько минутъ умеръ.

Всѣхъ *преступленій* *), значащихся въ «Вѣдомостяхъ о происшествіяхъ», представляемыхъ ежемѣсячно Главнокомандующему Кавказскою Арміей, за 1871 годъ было:

Убійствъ..... 157
Пораненій..... 185

Изъ нихъ *преступленій*, совершенныхъ въ ссорѣ или въ пьяномъ видѣ, *безъ всякихъ причинъ* или по самымъ ничтожнымъ причинамъ, было:

Убійствъ..... 78
Пораненій..... 100

Дѣлъ, рѣшенныхъ по адату въ 1871 году въ Дагестанской области, было слѣдующее количество:

По убійствамъ..... 134
— пораненіямъ 189

Въ 1872 году.

10 августа, житель сел. Бацада, Магома Омаръ-оглы, подозрѣвая сестру свою, Хадижатъ, въ любовной связи съ однимъ изъ односельцевъ своихъ, завелъ съ нею изъ-за этого, съ намѣреніемъ, ссору, во время которой ранилъ ее смертельно кинжаломъ.

17 мая, житель сел. Хивъ, Кюринскаго округа, Салмахъ-Ханъ-Омаханъ-оглы, подозрѣвая сестру свою, Гюлумъ-Ага, въ любовной связи съ односельцемъ, Рамазаномъ Рамазанъ-оглы, нанесъ ей четыре кинжальныхъ раны.

Въ ночь съ 28 на 29 октября, житель сел. Башлы, Кайтаго-Табасаранскаго округа, 14-лѣтній мальчикъ, Омаръ Ибрагимъ-оглы, поссорившись съ матерью своей за развратное ея поведеніе, бросился на нее съ кинжаломъ и ранилъ ее.

---

*) Кромѣ *нечаянныхъ* случаевъ.

18 января, житель сел. Инху, Андійскаго округа, Шеихъ Гасанъ-оглы, поссорившись съ своей женой, разрѣзалъ ей ножомъ ухо; когда-же она вырвалась у него и хотѣла убѣжать, то онъ, догнавъ ее, ранилъ кинжаломъ въ лѣвую руку.

5 января, житель сел. Конхидатль, Андійскаго округа, Магома Иса-оглы, ранилъ въ голову палкою жену свою, Парабу Чамхаръ-кизы, за то, что она ходила въ домъ сосѣда, съ которымъ онъ былъ въ ссорѣ.

15 января, житель сел. Гимерсу, того же округа, Моллачиловъ Магома-оглы, разсердившись на свою жену, Айшатъ, за самовольный уходъ ея изъ дому, началъ колотить ее полѣномъ и перебилъ ей лѣвую руку.

17 августа, житель сел. Ахатлы, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Бахасай Мухаммедъ-Мирза-оглы, разсердившись на свою жену, послѣ происшедшей между ними ссоры, хотѣлъ ударить ее обухомъ топора, но вмѣсто того нечаянно попалъ въ голову односельца своего, Камбулата Сагитъ-оглы, который въ это время подбѣжалъ къ ссорившимся, для того чтобы разнять ихъ. Отъ этого удара Камбулатъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

2 марта, житель сел. Губдень, Омаръ Искэндэръ-оглы, выстрѣломъ изъ пистолета смертельно ранилъ брата своего, Али, за то, что послѣдній, въ ссорѣ, пригрозилъ ему самъ убить его.

12 октября, житель сел. Гадаръ, Мехти Багандъ-оглы, 65 лѣтъ, ранилъ кинжаломъ отца своего, Баганда Нестуръ-оглы, который отъ этого на третій день умеръ. По разслѣдованіи этого происшествія оказалось, что Мехти былъ долженъ своему отцу двѣ сабы пшеницы. Когда отецъ потребовалъ у Мехти долгъ, то послѣдній отвѣтилъ ему: «пшеница еще въ полѣ». Старикъ-отецъ разсердился на старика-сына своего за такой отвѣтъ и толкнулъ его ногой, такъ-что Мехти упалъ. Тогда 65-лѣтній старикъ, Мехти, вспылилъ и, вскочивъ на ноги, бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ на отца и поранилъ его смертельно.

1 января, между жителями селенія Юхари-Ярагъ, Кюринскаго округа, Абдуллою Мирзаметъ-оглы и Мухаммедомъ Магеррамъ-

оглы, произошла ссора изъ-за того, что бараны Мухаммеда забрели на маренникъ Абдуллы, и, въ послѣдовавшей затѣмъ дракѣ, они поранили другъ друга кинжалами. Братъ Мухаммеда, Абдулъ-Муталибъ, увидя ихъ драку, вступился за Мухаммеда и также ранилъ кинжаломъ Абдуллу, отъ котораго и самъ получилъ рану.

1 октября, житель сел. Дибгаша, Кайтаго-Табасаранскаго округа, 13-лѣтній мальчикъ Юсуфъ Бекъ-Иби-оглы, подравшись за потраву пастбищнаго мѣста съ 13-лѣтнимъ-же Разаха Махмудъ-оглы, ранилъ его кинжаломъ.

2 іюля, между жителями сел. Худыхъ, Кюринскаго округа, Акуша-Шихомъ Рамазанъ-оглы, братомъ его, Аліемъ, съ одной стороны, и Эюбомъ Рамазанъ-оглы и Гасаномъ Мазалай-оглы—съ другой, произошла драка изъ-за пастбищнаго мѣста для барановъ, въ которой Гасанъ, Акуша-Шихъ и братъ его, Али, были убиты, а Эюбъ Рамазанъ-оглы съ женою, Таманъ,—ранены.

22 января, житель сел. Утемишь, Шейхъ Али-оглы, 10-лѣтній мальчикъ, поссорившись съ своимъ односельцемъ-сверстникомъ, Абдуллою Кадали-оглы, ранилъ его кинжаломъ.

8 января, житель сел. Сабда, Гунибскаго округа, Сапаръ Махмадъ-оглы, въ своемъ домѣ убилъ зятя своего, жителя сел. Чирахъ, Акапи. По разслѣдованіи этого дѣла въ Гунибскомъ окружномъ судѣ выяснилось, что убійство это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Сапаръ Махмадъ-оглы, вслѣдствіе недостаточности состоянія для содержанія своего семейства, постоянно находился въ отлучкѣ изъ дома, на заработкахъ. До него часто доходили слухи, что зять его, Акапи Алгабилъ-оглы, въ его отсутствіе постоянно насилуетъ жену его, которая нѣсколько разъ даже жаловалась на Акапи мѣстному начальству; но Акапи все-таки не оставлялъ ее въ покоѣ. Хотя Сапаръ и не вѣрилъ этому, но въ виду такъ настойчиво повторявшихся слуховъ, онъ однажды вернулся домой, за тѣмъ, чтобы убѣдиться лично, насколько слухи эти справедливы. И тутъ Сапаръ увидѣлъ, что сомнѣваться въ любовныхъ отношеніяхъ Акапи къ его женѣ нельзя и что, дѣйствительно, отношенія эти были насильственны со стороны Акапи. Вскорѣ послѣ его возвращенія, имен-

но 8 января, къ Сапару собралось нѣсколько изъ его знакомыхъ, для свиданія съ нимъ. Пришелъ и Акапи, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Сапару его посѣщеніе, разумѣется, было чрезвычайно непріятно, и онъ попросилъ его прямо уйти. Акапи ушелъ. Но потомъ вернулся опять и уже вооруженный. Въ это время гостей у Сапара уже никого не было и онъ оставался одинъ. Онъ объяснилъ Акапи всю неловкость его прихода, послѣ такихъ неблаговидныхъ поступковъ его съ женой, и вторично просилъ уйти изъ его дома, сказавъ, что онъ не желаетъ посѣщеній его и впередъ. Выслушавъ это, Акапи, не говоря ни слова, обнажилъ кинжалъ и хотѣлъ броситься на Сапара. Но Сапаръ, замѣтивъ это движеніе, предупредилъ ударъ, выхвативъ также свой кинжалъ, которымъ и нанесъ Акапи смертельную рану въ голову.

17 іюня, житель селенія Орода, Гунибскаго округа, Аки, проѣздомъ, остановился на ночлегъ въ селеніи Большой-Дженгутай, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, въ домѣ проживающаго временно тамъ жителя селенія Тилитль, Магомы Абдулла-оглы, который въ ту ночь находился въ полѣ, а дома оставались только двѣ жены его. Ночью Аки сталъ склонять одну изъ этихъ женщинъ, Умукусу Ахмедъ-кизы, на прелюбодѣяніе съ нимъ. Умукусу сначала не согласилась и просила Аки оставить ее въ покоѣ. Наконецъ, вслѣдствіе неотступныхъ просьбъ Аки, она ему уступила, боясь, чтобы онъ не изнасиловалъ ее. Но, идя на постель къ нему, Умукусу захватила съ собой ножъ, и, только-что Аки готовъ былъ удовлетворить свое желаніе, она отрѣзала ему дѣторождный членъ и, убѣжавъ изъ дому, дала знать объ этомъ сельскому старшинѣ.

3 мая, жители селенія Татляръ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Гаджи-Мухаммедъ Осланъ-оглы и Гуль-Мухаммедъ Яръ-Мухаммедъ-оглы, производили посѣвъ на своихъ смежныхъ поляхъ. Во время работы Гуль-Мухаммедъ поссорился съ Гаджи Мухаммедомъ-Осланъ-оглы за то, что послѣдній провелъ воду съ поля перваго на свое. И въ этой ссорѣ Гюль-Мухаммедъ убилъ Гаджи-Мухаммеда и, оттащивъ тѣло его въ сторону, зарылъ его на маренникѣ. На другой день оно было найдено и принесено къ брату убитаго, Надыру Кафланъ-оглы, который тотчасъ-же заподозрилъ въ этомъ убійствѣ Гюль-Мухаммеда, такъ-какъ этотъ наканунѣ только вдвоемъ съ убитымъ находился на посѣвѣ.

Гуль-Мухаммедъ, услыхавъ, что Надыръ его заподозрѣваетъ, убѣжалъ въ другое село. Тогда Надыръ-Кафланъ-оглы, подъ вліяніемъ злобы и мести, бросился къ брату Гюль-Мухуммеда и ранилъ его выстрѣломъ изъ ружья.

Житель сел. Хадага, того-же округа, Амиръ-Ханъ Муртузали-оглы, во время поѣздки всего Хадагскаго общества въ сады, для очистки виноградниковъ, 15 апрѣля, въ пьяномъ видѣ, поссорившись съ односельцемъ своимъ, Османомъ Халиль-Ибрагимъ-оглы, убилъ его, послѣ чего скрылся въ лѣсъ. Братъ-же убитаго, Исмаилъ, въ это время отсталъ отъ прочихъ, для того чтобы заѣхать на свой кутанъ, находившійся невдалекѣ отъ ихъ пути. Догнавъ своихъ товарищей, онъ тутъ узналъ объ убійствѣ брата и тотчасъ-же погнался за убійцей, поскакавъ обратно въ село, думая, что Амиръ-Ханъ скрылся туда. Не найдя его по дорогѣ, Исмаилъ отправился прямо въ домъ Амиръ-Хана и, не видя его и здѣсь, убилъ кинжаломъ больного брата Амиръ-Хана, Султана, жену его, Пату, и поранилъ сестру его, Ханумъ.

9 іюля, жительница сел. Вильтахъ, Казикумухскаго округа, Бава-Узалъ Мухаммедъ-Гаджи-кизы, ранила кинжаломъ смертельно жителя сел. Табахлю, Буттая Мухаммедъ-оглы. При разборѣ этого дѣла въ Казикумухскомъ окружномъ судѣ, оказалось, что Буттай лѣтъ 30 тому назадъ убилъ отца Бава-Узалъ. И хотя онъ былъ за это наказанъ ссылкою, но семейство убитаго имъ не помирилось съ нимъ. Поэтому, когда Буттай вернулся, лѣтъ за 5 передъ этимъ, изъ ссылки на родину, то сынъ убитаго Буттаемъ, Иманъ-Али Мухаммедъ-Гаджи-оглы, постоянно искалъ случая отмстить ему за кровь отца. Но, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, и полагая, что женщину не подвергнутъ ссылкѣ въ Сибирь за убійство, а накажутъ ее только по мѣстному адату, онъ подговорилъ свою сестру, Бава-Узалъ, на совершеніе этого преступленія. Бава-Узалъ согласилась на это и, взявъ братнинъ кинжалъ, пошла на дорогу, гдѣ и подстерегла Буттая.

Жители сел. Султанъ-Янги-Юртъ, Нуръ-Магома Магома-оглы, и сел. Дургели, Гаджи-Муратъ Ханъ-Киши-оглы, находясь работниками на хуторѣ штабсъ-капитана Невяровскаго, въ

Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ, 17 апрѣля 1872 года, поссорившись между собой, подрались, причемъ Нуръ-Магома, выхвативъ свой кинжалъ, убилъ Гаджи-Мурата. Нуръ-Магома былъ наказанъ за это по адату. Мѣсяцевъ черезъ 5 послѣ этого, именно 6-го сентября, отецъ убитаго, Ханъ-Киши Гаджи-Муратъ-оглы, находясь по своему дѣлу въ г. Петровскѣ, случайно встрѣтился тамъ съ братомъ убійцы своего сына, Османъ-Курбаномъ Магома-оглы. Вспомнилъ старикъ о несчастномъ сынѣ, въ мигъ вскипѣла кровная месть въ сердцѣ его,—и онъ бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ на Османъ-Курбана. Но этотъ успѣлъ приготовиться. Произошла драка—и оба упали, смертельно пораненные другъ другомъ.

Житель сел. Лиджа, Кайтаго-Табасаранскаго окр., Кевха-Байрамъ Али-Сафаръ-оглы, занимающій должность сельскаго старшины, шелъ 22 апрѣля на мельницу, находящуюся за селеніемъ, и увидѣлъ впереди себя двухъ односельцевъ своихъ, Султана Керимъ-оглы и Шахбаза Шисинъ-оглы, шедшихъ съ нимъ по пути. Вскорѣ къ этимъ двумъ присоединился братъ Шахбаза, Мамедъ-Рза, а Султанъ направилъ свой путь по дорогѣ въ сел. Гапиль. Какъ только Кевха-Байрамъ поравнялся съ ними, Шахбазъ хотѣлъ выстрѣлить въ него изъ ружья, но оно дало осѣчку; вслѣдъ за нимъ Мамедъ-Рза выстрѣлилъ изъ пистолета и ранилъ Кевха-Байрама. Шахбазъ послѣ этого вторично выстрѣлилъ изъ ружья, но не попалъ, потому-что Кевха-Байрамъ убѣжалъ.— При разборѣ этого дѣла въ Кайтаго-Табасаранскомъ окружномъ судѣ, Шахбазъ и Мамедъ-Рза, сознавшись въ покушеніи на убійство, объяснили, что они считаютъ Кевха-Байрама своимъ кровнымъ врагомъ, потому-что этотъ послѣдній, въ 1865 году, выстрѣломъ изъ ружья убилъ на воровствѣ барановъ брата ихъ, Али-Рза.

Жители сел. Данухъ, Андійскаго окр., Омаръ Даци-оглы, и сынъ его, Хадисъ, вечеромъ 20-го августа, явясь къ старшинѣ и членамъ сельскаго суда, заявили, что у нихъ зарѣзали барана и они подозрѣваютъ въ этомъ односельца своего Гази-Мухаммеда Муртузали-оглы. Судъ сейчасъ-же вызвалъ отвѣтчика. Разобравъ дѣло, судъ предложилъ Гази-Махаммеду принять, по адату, очистительную присягу, съ 3 человѣками. Но Гази-Мухаммедъ остался недоволенъ рѣшеніемъ суда и при этомъ обра-

тился съ упрекомъ къ Омару, что онъ занимается подобными кляузами. Изъ-за этого между нимъ и Хадисомъ произошла драка, которая прекращена распоряженіемъ судей о заарестованіи ихъ обоихъ: Гази-Мухаммеда заперли въ комнатѣ, находящейся при судѣ, а Хадиса отправили въ арестантскую, помѣщавшуюся въ отдѣльной саклѣ. На дорогѣ встрѣтился съ Хадисомъ Сулейманъ, братъ Гази-Мухаммеда, и работникъ послѣдняго, односелецъ ихъ Омаръ Ага-оглы. Сулейманъ завелъ ссору съ Хадисомъ изъ-за брата, за что Хадисъ бросился-было на Сулеймана съ обнаженнымъ кинжаломъ, но Омаръ Ага-оглы удержалъ его, а чоушъ, Али, сопровождавшій Хадиса, схватилъ Сулеймана,—и такимъ образомъ они предупредили драку. Но Сулейманъ вырвался изъ рукъ чоуша и, бросившись бѣжать, наткнулся невдалекѣ на брата Хадиса, Идриса, котораго и пырнулъ кинжаломъ на смерть. Умиравшій Идрисъ, падая, закричалъ: „меня убилъ Сулейманъ,— не пускайте его“. Услыхавъ его, Хадисъ вырвался изъ рукъ Омара и, нагнавъ Сулеймана, началъ рубить его кинжаломъ, пока тотъ не скрылся въ чей-то домъ. Подоспѣвшіе-же судьи, старшина и другіе люди удержали Хадиса и начали его уговаривать, чтобы онъ оставилъ преслѣдованіе Сулеймана. Но Хадисъ въ суматохѣ этой опять вырвался и побѣжалъ въ домъ, куда скрылся Сулейманъ. Не видя его тутъ, онъ выбѣжалъ обратно, и въ это время какъ-разъ встрѣтился съ Сулейманомъ, выскочившимъ изъ конюшни. Хадисъ тутъ-же убилъ его на-повалъ выстрѣломъ изъ пистолета.

Житель сел. Маджалисъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Нуръ-Мухаммедъ Мехти-оглы, 16-ти лѣтъ, совершилъ мужеложство съ односельцемъ своимъ, мальчикомъ 12-ти лѣтъ, Амирсланомъ Аяй-оглы. Нуръ-Мухаммедъ, при заарестованіи его, сознался въ своемъ преступленіи. При допросѣ-же на другой день, въ Кайтаго-Табасаранскомъ окружномъ судѣ, онъ показалъ, что, за нѣсколько дней передъ этимъ, онъ пошелъ въ поле поливать посѣвъ и засталъ тамъ брата Амирслана, Халиля, въ скотоложствѣ съ его телкомъ. Халиль, увидя его, бѣжалъ. Поэтому Нуръ-Мухаммедъ, въ отмщеніе за своего телка, черезъ нѣсколько дней хотѣлъ-было изнасиловать Амирслана, но такъ-какъ къ нему подошли въ то время два посторонніе мальчика, то онъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія.—А Амирсланъ Аяй-оглы показалъ, что когда онъ находился на пастьбѣ скота, къ нему пришелъ

Нуръ-Мухаммедъ и, обнаживъ свой кинжалъ, угрожалъ, что убьетъ его, если онъ будетъ кричать; затѣмъ Нуръ-Мухаммедъ повалилъ его на землю и изнасиловалъ.

Житель сел. Султанъ-Янги-Юртъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго окр., Билялъ Тахтаръ-оглы, 20-ти лѣтъ отъ роду, возвращаясь на арбѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, съ полевыхъ работъ домой, нагналъ, шедшаго пѣшкомъ съ работы-же, односельца своего, Курмана Бай-Бекъ-оглы, 11-лѣтняго мальчика, и пригласилъ его присѣсть къ себѣ на арбу. Потомъ, въѣхавъ въ кусты, Билялъ своротилъ съ дороги въ сторону, выпрягъ быковъ и тогда приступилъ къ Курману съ намѣреніемъ изнасиловать его. Но такъ какъ послѣдній сопротивлялся, то Билялъ ударилъ его по губамъ и разбилъ ихъ до крови. Въ это время подъѣхали султанъ-янги-юртовцы, Магомадъ Зиралъ-оглы и Курмалау Султанъ-оглы. Тогда Билялъ, бросивъ свою арбу и мальчика, бѣжалъ въ кусты, а Магомадъ и Курмалау, увидѣвъ плачущаго и окровавленнаго Курмана и узнавъ отъ него о намѣреніи Билала, запрягли быковъ въ арбу послѣдняго и привезли Курмана въ село.—По заарестованіи и доставленіи въ Управленіе Начальника Сѣвернаго Дагестана, Билялъ Тахтаръ-оглы сознался во всемъ.

8 апрѣля, житель сел. Дженгутай, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго окр., Шепи Акай-оглы, 18-ти лѣтъ, изнасиловалъ своего односельца, 6-лѣтняго мальчика Салима Темиргай-оглы. Хотя въ этомъ преступленіи Шепи Агай-оглы и не сознался, но по судебно-медицинскому освидѣтельствованію, какъ его, такъ и Салима, доказано, что преступленіе это надъ Салимомъ совершено именно имъ, Шепи.

9 ноября, житель сел. Зиль, Кайтаго-Табасаранскаго окр., Баба-Шахбанъ Наврузъ-Бекъ-оглы, выстрѣломъ изъ пистолета убилъ односельца своего Сафара Сіпвъ-оглы, за то, что послѣдній изнасиловалъ его.

Общая сумма *преступленій*, по „Вѣдомостямъ о происшествіяхъ“ за 1872 годъ, была слѣдующая:

убійствъ . . . : . . . . . 136.

покушеній . . . . . 158.
мужеложствъ . . . . . 3.

Изъ нихъ преступленій, совершенныхъ въ ссорѣ или въ пьяномъ видѣ, было слѣдующее количество:

убійствъ. . . . . 52.
покушеній . . . . . 104.

Количество *всѣхъ дѣлъ*, рѣшенныхъ по адатамъ въ Дагестанской области, было слѣдующее:

по убійствамъ . . . . . 155.
по покушеніямъ . . . . . 249.
по мужеложствамъ . . . . . 3.

Въ 1873 году.

29 іюля, житель сел. Дарвагъ, Кайтаго-Табасаранскаго окр., 9-лѣтній мальчикъ Агаси Газаръ-оглы, поссорился изъ-за фруктовъ съ односельцемъ своимъ, 14-лѣтнимъ Мухаммедомъ Ханъ-Мухаммедъ-оглы, и ранилъ его ножомъ въ животъ.

18 сентября, житель сел. Инху, Андійскаго окр., Гази-Магома Нуръ-Магома-оглы, ранилъ камнемъ въ голову односельца своего, Магому Гази-Юнусъ-оглы, который отъ этого черезъ 7 дней умеръ. По произведенному слѣдствію оказалось слѣдующее: Гази-Магома Нуръ-Магома-оглы ходилъ съ матерью своей на кутанъ Тлантлари. На дорогѣ встрѣтили они Магому Гази-Юнусъ-оглы, который остановился поговорить съ ними. Въ это время собака Магомы бросилась на Гази-Магому и разорвала ему черкеску, за что этотъ послѣдній ударилъ собаку ногою, отъ чего она упала въ кручу. За это хозяинъ собаки обругалъ Гази-Магому,—и такимъ образомъ они поссорились между собой. До драки, впрочемъ, дѣло не дошло, а они только поругались и розошлись каждый своей дорогой. Но Гази-Магома, возвратившись домой, началъ пріискивать средство отомстить Магомѣ Гази-Юнусъ-оглы за эту ссору изъ-за собаки. Онъ пошелъ за село, на дорогу, по которой долженъ былъ возвратиться Магома. Дождавшись его, онъ притворился молящимся. Ма-

гома, ничего не подозрѣвая, подошелъ къ нему—и Гази-Магома опять завелъ съ нимъ ссору изъ-за собаки. Потомъ, вдругъ Гази-Магома бросился на Магому и началъ колотить его кулаками. Но въ это время къ нимъ подошелъ односелецъ ихъ, Нуръ-Магома Магома-Алилъ-васъ, когорому удалось разнять ихъ,—и послѣ этого они всѣ трое направились домой, въ село. Впереди пошелъ Магома, за нимъ Нуръ-Магома, сзади-же шелъ Гази-Магома. Не успѣли они сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ Гази-Магома схватилъ на дорогѣ камень и пустилъ имъ въ голову Магомы; этотъ упалъ, ошеломленный ударомъ, а Гази-Магома бѣжалъ.

Жители сел. Хивъ, Кюринскаго округа, братья Шамхалъ, Арабъ и Гаджи Рустомъ-Ханъ-оглы, пошли, въ ночь на 8-е іюля, разыскивать вора, уведшаго у нихъ корову. Для удобства розысковъ они разошлись по разнымъ дорогамъ.—Гаджи встрѣтилъ на своемъ пути односельца своего, Араза Ханъ-Омаръ-оглы, и, принявъ его за вора, напалъ на него и ранилъ смертельно кинжаломъ, причемъ и самъ получилъ незначительную рану отъ Араза.—Не найдя ни вора, ни коровы, всѣ три брата сошлись, наконецъ, вмѣстѣ и отправились домой. На обратномъ пути въ село, къ нимъ присоединился еще, вышедшій навстрѣчу имъ, сынъ Шамхала, Гашимъ. Немного не доходя до селенія, братья встрѣтились съ нѣсколькими своими односельцами. Но ночью, въ темнотѣ, они не распознали другъ друга,—и, предполагая каждая партія въ другой дурныхъ людей, воровъ, затѣяли между собой драку. Слѣдствіемъ этой драки было то, что Шамхалъ и Гаджи Рустомъ-Ханъ-оглы и сынъ Шамхала, Гашимъ, израненные, умерли черезъ нѣсколько дней.

12 ноября, житель селенія Зильвачи, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Ибрагимъ Курбанъ-оглы, ранилъ кинжаломъ жену брата своего, Абакара, Ашуру Гусейнъ-кизы, которая отъ этого на другой день умерла. По разслѣдованіи этого дѣла оказалось слѣдующее. Ибрагимъ Курбанъ-оглы жилъ нераздѣльно съ братомъ своимъ въ одномъ домѣ. Ашура, зайдя въ комнату Ибрагима, у котораго были въ гостяхъ въ то время родственники его, — проговорила ему, что его эшакъ очень много ѣстъ,—чтобы онъ поменьше расходовалъ сѣна на него. Ибрагима взбѣсило это замѣчаніе, и онъ велѣлъ Ашурѣ замолчать, при-

совокупивъ при этомъ, что если онъ и переводитъ много сѣна, то онъ въ состояніи и пріобрѣтать его. Но Ашура начала ругать его. Тогда Ибрагимъ вскочилъ, выхватилъ свой кинжалъ и нанесъ ей смертельную рану въ животъ. Ашура притомъ была еще и беременна.

25 марта, житель селенія Акори, Андійскаго округа, Мухаммедъ Мараго-Миквасъ-оглы, ранилъ кинжаломъ односельца своего, Халиля Мусуласулъ-оглы, подозрѣвая его въ любовной связи съ своей женой, потому-что засталъ Халиля разговаривающимъ съ глазу на глазъ съ нею.

Житель селенія Муни, того-же округа, Базакъ Ибрагимъ-Иль-васъ, ранилъ свою жену, Паару-Амма Каиль-ясъ, пустивъ въ нее скамейкой, которая попала ей въ голову, — за то, что Паару хотѣла, вопреки желанія мужа, идти на работу къ одному изъ своихъ односельцевъ.

19 февраля, житель сел. Хуля, Самурскаго округа, Юсуфъ Шейда-Бекъ-оглы, напавъ на шедшую по воду съ своими подругами - односелками, 18-лѣтнюю дѣвушку, Гову Мухаммедъ-Шерифъ-кизы, убилъ ее наповалъ, нанеся ей семь кинжальныхъ ранъ. Юсуфъ, по отзыву его односельцевъ при разслѣдованіи этого дѣла, считался чрезвычайно безнравственнымъ молодымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого, когда за годъ передъ совершеннымъ имъ убійствомъ, онъ посватался за Гаву, то родители дѣвушки отказали ему наотрѣзъ. За этотъ отказъ Юсуфъ и хотѣлъ отмстить имъ убійствомъ дочери.

25 марта, житель селенія Ашали, Андійскаго округа, Суракатъ Мухамадилъ-васъ, ранилъ кинжаломъ родную сестру свою, Залиху, за то, что она родила ребенка отъ незаконной связи.

6 декабря, житель селенія Ичичали, Андійскаго округа, Муртузали Муртузали-васъ, ранилъ односельца своего, Газіова Курбамиль-васъ, за то, что послѣдній приходилъ ночью къ сестрѣ Муртазали.

8 августа, жительница сел. Аргуани, того-же округа, Баба, ранила кинжаломъ односельца своего, Будая Итиниль-васъ, за то, что онъ, зашедши къ ней въ домъ, намѣревался изнасиловать ее.

Въ послѣднихъ числахъ марта, житель селенія Малый Дженгутай, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Умаръ Магома-оглы пропалъ безъ вѣсти, а черезъ нѣсколько дней у воротъ его дома нашли подкинутую окровавленную и порубленную въ нѣсколькихъ мѣстахъ шубу его. Слѣдствіемъ открыто, что Умаръ чрезвычайно жестоко обращался съ своимъ семействомъ. Такъ, престарѣлой женѣ своей, отъ которой онъ имѣлъ уже трехъ взрослыхъ дѣтей, Умаръ далъ разводъ и безъ всякаго сожалѣнія выгналъ ее изъ дому, ничѣмъ не обезпечивъ ея существованія; другая жена Умара сама убѣжала къ своимъ родителямъ, чтобы избавиться отъ жестокаго и грубаго обращенія съ ней, и родители ея даже хлопотали черезъ мѣстное начальство и почетныхъ лицъ села о разводѣ своей несчастной дочери съ Умаромъ, но послѣдній на это не соглашался. Дѣти его постоянно также подвергались безжалостнымъ побоямъ и брани, и разъ даже Умаръ, пьяный, выстрѣлилъ изъ пистолета въ своего сына Джамау, но пробилъ только шубу на немъ. Наконецъ, 19-лѣтній Джамау не вытерпѣлъ такого жестокаго обращенія отъ отца, къ тому-же онъ ненавидѣлъ его за то, что Умаръ выгналъ его старуху-мать. И вотъ, когда однажды пьяный Умаръ вернулся домой и, разбранивъ своихъ дѣтей, улегся спать, Джамау убилъ его топоромъ; потомъ, уложивъ его въ чувалъ, спряталъ въ пустой комнатѣ, а черезъ день, утромъ, вывезъ тѣло его на арбѣ за село и зарылъ его тамъ въ одной балкѣ. Сначала Джамау хотѣлъ-было скрыть свое преступленіе и пустилъ по селу молву, будто его отецъ куда-то уѣзжалъ, имѣя при себѣ 200 руб. денегъ, и что разбойники, узнавъ, вѣроятно, объ этомъ, напали на него въ той балкѣ, гдѣ онъ зарытъ, и, убивъ, ограбили. Но потомъ, на судѣ, онъ во всемъ сознался.

21 октября, житель селенія Ягдыгъ, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Амуръ-Бекъ Мазъ-оглы, 20-ти лѣтъ отъ роду, нанесъ кинжаломъ отцу своему, Мазу Омаръ-оглы, четыре раны, отъ которыхъ Мазъ на другой день умеръ. По разслѣдованіи этого дѣла въ кайтаго-табасаранскомъ окружномъ судѣ, оказалось слѣдующее. Мазъ Омаръ-оглы приказалъ сыну своему идти на мельницу, чтобы перемолоть пшеницу. Амуръ-Бекъ отвѣчалъ на это отцу, что такъ-какъ «завтра онъ долженъ перемолоть бекскую пшеницу, то вмѣстѣ съ нею перемелетъ и свою». Отецъ-же его настаивалъ все-таки на томъ, чтобы онъ шелъ немедлен-

но на мельницу. Но сынъ наотрѣзъ сказалъ отцу, что онъ не пойдетъ на мельницу. За это Мазъ Омаръ-оглы началъ ругать своего сына и нѣсколько разъ ударилъ его рукой по головѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и жена брата Амуръ-Бека, Фатьма Мола-Сафаръ-кизы, стала упрекать его въ томъ, что онъ не исполняетъ приказанія отца, котораго онъ долженъ слушаться во всемъ. Тогда Амуръ-Бекъ, раздраженный, какъ побоями, нанесенными ему отцомъ, такъ и упреками Фатьмы, — далъ пинка своему отцу и потомъ, выхвативъ кинжалъ, бросился на упавшаго Маза Омаръ-оглы и поранилъ его.

Жители селенія Араканы, Гитино-Магома и сынъ его Магома, жили вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Сынъ помѣщался въ верхнемъ этажѣ, а отецъ въ нижнемъ. 16 мая Магома ѣздилъ въ селеніе Кодутль, для покупки овса. Когда на слѣдующій день онъ вернулся домой, то былъ приглашенъ отцомъ своимъ къ себѣ. Прійдя къ отцу, Магома засталъ у него попойку: Гитино-Магома угощалъ джабой зятя своего, Али Гамалъ-оглы. Гитино-Магома предложилъ сыну выпить съ дороги, но Магома отказался, зная свой дурной характеръ въ пьяномъ состояніи. Но потомъ не могъ не уступить настойчивымъ требованіямъ отца и выпилъ стакана два этого туземнаго вина. Черезъ нѣсколько времени къ Гитино-Магомѣ пришелъ двоюродный братъ его, Магома Аталовъ-оглы, и хозяинъ предложилъ ему также раздѣлить съ ними попойку. Но такъ-какъ вся джаба была уже выпита, то Гитино-Магома послалъ своего сына въ духанъ, — купить тамъ вина на 25 коп. Раньше, чѣмъ Магома ушелъ, зять его, Али, сильно опьянѣвъ, отправился домой. Вслѣдъ за нимъ пошелъ и Магома и, прійдя въ духанъ, выпилъ тамъ еще нѣсколько стакановъ джабы—и сильно опьянѣлъ. Отецъ его, замѣтивъ угрюмый его видъ, когда онъ вернулся съ виномъ домой, спросилъ, за что и на кого онъ сердится, и обругалъ его при этомъ дуракомъ. Магома, не отвѣчая на вопросъ отца, назвалъ его распутной женщиной. Обиженный этимъ, Гитино-Магома ударилъ два раза по щекѣ сына своего, который, подставляя при этомъ голову свою, приговаривалъ: «бей еще, бей»! Магома Аталовъ-оглы, видя возраставшее неудовольствіе между отцомъ и сыномъ, началъ уговаривать послѣдняго уйти къ себѣ наверхъ, но Магома, прійдя уже отъ нѣсколькихъ стакановъ джабы въ безсознательное состояніе, не послушался совѣтовъ

своего родственника и остался. Вскорѣ послѣ этого Гитино-Магома вышелъ на дворъ, а вслѣдъ за нимъ пошелъ и сынъ его. Предполагая, что Гитино-Магома вышелъ по естественной надобности, а сынъ его, Магома, — чтобы подать ему воды, для омовенія, Магома Аталовъ-оглы остался въ комнатѣ. Но видя, что они долго не возвращаются, Магома Аталовъ-оглы зажегъ лучину и пошелъ на дворъ посмотрѣть, что они тамъ дѣлаютъ. Походивши по двору и не видя никого, онъ вдругъ замѣтилъ, лежавшаго навзничь близъ сарая, Гитино-Магому, и когда онъ подошелъ къ нему и нагнулся, то увидѣлъ, что онъ израненъ. На вопросъ, кто его ранилъ, Гатино-Магома указалъ на сына. Тогда Магома Аталовъ-оглы созвалъ людей и съ помощью ихъ перенесъ раненаго въ комнату, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Когда послали наверхъ за сыномъ, то нашли его спящимъ съ женой своей; по осмотрѣ-же его кинжала онъ оказался окровавленнымъ.

На допросѣ Магома Гитино-Магома-оглы показалъ, что онъ отъ опьяненія былъ въ тотъ вечеръ до того въ безчувственномъ состояніи, что совершенно не помнитъ, какимъ образомъ могъ совершить отцеубійство; при этомъ онъ высказывалъ самое глубокое огорченіе. По свидѣтельству другихъ дѣтей убитаго, братъ ихъ, Магома, въ пьяномъ видѣ всегда терялъ всякое сознаніе и приходилъ въ иступленіе, а два раза, въ подобныхъ случаяхъ, покушался даже на самоубійство. Общество села Араканы также отозвалось о Магомѣ Гитино-Магома-оглы, какъ о человѣкѣ хорошаго поведенія, но въ пьяномъ состояніи приходившемъ въ безсознательность и обнаруживавшемъ тогда склонность къ убійству.

Жители селенія Чаяхъ, Казикумухскаго округа, Чупанъ Пумяхъ-оглы и Ванати Мансуръ-оглы, оба 11-лѣтніе мальчики, играя и борясь между собой, упали другъ на друга, причемъ Чупанъ наткнулся животомъ на кинжалъ Ванати, конецъ котораго высовывался изъ худыхъ ноженъ, — и отъ полученной такимъ образомъ тяжелой раны онъ на другой день умеръ. Братъ-же его, Халиль, полагая, что Чупанъ былъ раненъ преднамѣренно, бросился къ Ванати и нанесъ ему три кинжальныя раны.

Утромъ 11 мая, жительница сел. Орота, Аварскаго округа, Хадижатъ Дибиръ-кизы, сходивъ по воду, вернулась домой и

сейчасъ-же объявила своимъ родственникамъ, что въ то время, когда она возвращалась, съ ней встрѣтился односелецъ — Омаръ Сулейманъ-оглы, который остановилъ ее за руку и началъ хватать за груди и другія части тѣла. Вслѣдствіе этого мужъ сестры Хадижатъ, Лабазанъ Юнусъ-Шейхъ-оглы, пошелъ къ Омару, чтобы потребовать объясненія его поступка. Найдя его за селомъ, въ полѣ, Лабазанъ приступилъ къ нему съ упреками, а Омаръ отвѣчалъ ему бранью. Такимъ образомъ они поссорились и, наконецъ, подрались, причемъ поранили другъ друга; но сбѣжавшимся вскорѣ народомъ были разведены по домамъ. Тутъ оказалось, что Лабазанъ былъ довольно тяжело раненъ въ голову. Затѣмъ братъ Лабазана, Магома, задумалъ отмстить за своего брата, и съ этимъ намѣреніемъ сдѣлалъ засаду въ тотъ-же день около мечети, гдѣ оротскіе жители уже собрались, для совершенія полуденной молитвы. Вскорѣ онъ увидѣлъ брата Омара, Кура-Магому, шедшаго также въ мечеть помолиться Магома бросился на него изъ своей засады и нанесъ нѣсколько смертельныхъ ранъ кинжаломъ, отъ которыхъ Кура-Магома вскорѣ и умеръ.

18 іюня, житель селенія Карабудахкентъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Абдулъ-Халикъ Халисъ-оглы, 17-ти лѣтъ отъ роду, выстрѣломъ изъ пистолета убилъ односельца своего Гасана Гази-оглы. По произведенному по этому дѣлу въ дагестанскомъ народномъ судѣ разслѣдованію оказалось, что убитый Гасанъ Гази-оглы былъ двоюродный братъ карабудахкентца, Атау Юсупъ-оглы, который въ 1872 году, 26 мая, убилъ отца Абдулъ-Халика, Халиса Юсупъ-оглы, поссорившись съ послѣднимъ въ пьяномъ видѣ. Атау былъ наказанъ за это убійство, по состоявшемуся тогда опредѣленію дагестанскаго народнаго суда, на основаніи адата, изгнаніемъ въ канлы на пять лѣтъ и взысканіемъ съ него штрафа, какъ въ пользу родственниковъ убитаго имъ Халиса, такъ и въ штрафную общественную сумму.

Утромъ, въ день описываемаго происшествія, Абдулъ-Халикъ Халисъ-оглы, вмѣстѣ съ работникомъ своимъ, Алыпкачемъ, и свояками — Ибрагимомъ и Бамматъ-Мирзой, поѣхалъ въ поле за сѣномъ. Когда они проѣзжали черезъ мостъ, находящійся около селенія, то имъ повстрѣчался Гасанъ Гази-оглы, возвращавшійся домой съ общественнаго пастбища, куда онъ выгонялъ скотину. Гасанъ, увидя Абдулъ-Халика, тотчасъ своротилъ съ

дороги и, направившись къ стоявшимъ шагахъ въ сорока стогамъ сѣна, хотѣлъ за ними спрятаться. Но въ тоже время Абдулъ-Халикъ соскочилъ съ арбы, бросился за Гасаномъ и выстрѣлилъ въ него изъ пистолета.

Общая сумма преступленій въ Дагестанской области, въ 1873 году, по «Вѣдомостямъ о происшествіяхъ», слѣдующая:

Убійствъ..... 138
Пораненій..... 192

Изъ этого количества преступленій, совершенныхъ въ ссорѣ или въ пьяномъ видѣ, притомъ безъ всякой причины, или по самой ничтожной причинѣ, единственно, какъ видно, вслѣдствіе постоянно носимаго на себѣ горцами оружія, — было:

Убійствъ..... 49.
Пораненій..... 92.

Въ 1874 году.

4 января, житель селенія Хунзахъ, Аварскаго округа, всадникъ Дагестанской постоянной милиціи, Османъ Гаджи-Мухаммедъ-оглы, убилъ кинжаломъ жителя селенія Чондотль, Кади Гимбатъ-оглы, нанеся ему семнадцать ранъ, за то, что послѣдній былъ въ любовной связи съ женой Османа.

Впослѣдствіи-же, при разбирательствѣ этого дѣла въ аварскомъ окружномъ судѣ, онъ, схвативъ лежавшій на окнѣ, какъ вещественное доказательство, кинжалъ другого преступника, мгновенно бросился на предсѣдателя суда, войсковаго старшину Тиханова, и нанесъ ему четыре раны: въ животъ, въ правый бокъ и, когда Тихановъ хотѣлъ отнять кинжалъ, Османъ ранилъ ему кисти обѣихъ рукъ. Въ это время одинъ изъ членовъ суда успѣлъ схватить убійцу, причемъ также получилъ отъ него рану. Но остальные члены помогли обезоружить Османа и связать его.

Въ ночь съ 7 на 8 января, житель сел. Утемышь, Кайтаго-

Табасаранскаго округа, Вели-Ханъ Селихъ-оглы, заставъ въ саклѣ съ своей женой односельца, Хасбулата Шакчу-оглы, выстрѣломъ изъ ружья ранилъ его.

8 января, житель сел. Дарвагъ, того-же округа, Шахбанъ Ланкаръ-оглы, засталъ въ саклѣ наединѣ съ своей женой односельца, Джаватъ Темиръ-Ханъ-оглы, бросился на него и ранилъ кинжаломъ.

31 января, житель сел. Мюраго, того-же округа, Мухаммедъ Минатулла-оглы, убилъ кинжаломъ односельца своего, Мухаммеда Бактыкай-оглы, за то, что послѣдній имѣлъ любовную связь съ женой убійцы.

19 марта, житель сел. Ахты, Самурскаго округа, Ага-Верды Имамъ-Верды-оглы, заставъ своего двоюроднаго брата, Гаджи-Рагима Алла-Верды-оглы, въ прелюбодѣяніи съ женой своей, Гюзелью Сулейманъ-кизы, нанесъ имъ обоимъ раны кинжаломъ, причемъ Гаджи-Рагимъ раненъ былъ смертельно.

25 апрѣля, житель сел. Гадыри, Андійскаго округа, Иса Ханту-васъ, убилъ кинжаломъ дядю своего Кура-Магому Лабазанъ-васъ и тетку Касумъ Магома-ясъ.

По разслѣдованіи этого дѣла въ андійскомъ окружномъ судѣ, оказалось, что убійство это произведено было при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Вечеромъ, въ день происшествія, Иса Ханту-васъ, съ отцомъ своимъ и матерью, сидѣли въ саклѣ около огня. Вдругъ вошелъ младшій братъ убійцы, Хасанъ, взялъ кинжалъ и вышелъ опять вонъ. Иса съ отцомъ нагнали его и спросили, куда онъ идетъ съ кинжаломъ. Хасанъ отвѣтилъ, что у тетки, Касумъ, находится какой-то мужчина, и онъ хочетъ узнать, кто это такой. Отецъ, Ханту, не хотѣлъ вѣрить этому, но все-таки послалъ Хасана за сельскимъ старшиной. Когда Хасанъ уходилъ, то братъ вынулъ у него изъ ноженъ кинжалъ. Иса съ отцомъ долго дожидались прихода старшины, но, наконецъ, не дождавшись его, подошли къ саклѣ Касумъ и стали просить ее отворить имъ дверь. Но Касумъ, не смотря на всѣ ихъ просьбы и увѣщанія, не хотѣла отворить имъ дверь и даже ничего не отвѣчала. Тогда они, раздраженные такимъ упорствомъ ея, силой от-

ворили дверь, и Иса, первый вскочивъ въ саклю, наткнулся на какого-то мужчину и ударилъ его своимъ кинжаломъ. Когда этотъ упалъ, а Иса продолжалъ наносить ему ударъ за ударомъ, тогда тетка его, Касумъ, не желая допустить его до убійства, хотѣла удержать его руку, но Иса ударилъ и ее кинжаломъ. Касумъ упала и стала кричать, зовя на помощь. Иса, боясь, чтобы ему не помѣшали, началъ съ остервененіемъ колоть ее кинжаломъ и, наконецъ, перерѣзалъ ей горло. Когда собравшійся народъ и сельскій старшина зажгли свѣчу и зашли въ саклю, то около дверей нашли трупъ убитаго Кура-Магомы Лабазанъ-васъ, а по срединѣ — Кусумъ Магома-ясъ, которая, хотя и была еще жива, но ничего не могла уже говорить. Все время, пока Иса истязался такимъ образомъ надъ своими жертвами, отецъ его, Ханту, стоялъ у дверей сакли съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, карауля, чтобы изъ сакли никто не выскочилъ.

13 января, житель селенія Чурташи, Казикумухскаго округа, Габибулла-Абдурахманъ, по подозрѣнію въ развратѣ, зарѣзалъ ножемъ въ конюшнѣ жену свою, Аджу Цахай-кизы, а потомъ, когда его хотѣли арестовать, ранилъ сельскаго старшину, Давлатлу-Магому Али-оглы, и брата его, Цахая.

15 марта, житель селенія Каранай, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Умаханъ Исмаилъ-Бекъ-оглы, 17-ти лѣтъ, ѣхавъ вмѣстѣ съ своей сестрой, Пахай, изъ города Темиръ-Ханъ-Шуры, поссорился съ ней на дорогѣ за ея развратную жизнь и, раздраженный этой ссорой, убилъ ее.

12 апрѣля, жительница селенія Нахки, Даргинскаго округа, Хамисъ Муса-кизы, убила кинжаломъ другую жену своего мужа, Ашуру Гасанъ-кизы.

31 марта, житель сел. Чиркатъ, Андійскаго округа, Джамалэддинъ Абдулла-Кадыръ-васъ, убилъ односельца своего, Рамазана Баги-Султанъ-васъ, за то, что послѣдній препятствовалъ своей свояченицѣ выдти замужъ за Джамалэддина.

2 марта, жительница сел. Киляль, того-же округа, Тамари Магома-Мирза-ясъ, ранила кинжаломъ односельца своего, Мухаммеда Кебедъ-васъ, за то, что послѣдній, преслѣдуя постоянно

ее, наносилъ ей часто обиды, и, наконецъ, въ послѣдній разъ оскорбилъ ее тѣмъ, что бросилъ въ нее камнемъ.

23 іюля, жители сел. Карабудахкентъ, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Али Асельдеръ-оглы и Муса Ибрагимъ-оглы, нечаянно встрѣтившись, выстрѣлили другъ въ друга изъ пистолетовъ, вслѣдствіе вражды между собой, и оба упали мертвыми.

15 января, житель сел. Зуванчи, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Омаръ-Али Кади-оглы, поссорился за что-то съ роднымъ братомъ своимъ, Мирзою. Во время ссоры, разозлившійся Мирза бросился на Омара съ кинжаломъ. Послѣдній, желая защитить себя, также обнажилъ кинжалъ и тяжело ранилъ брата, умершаго на шестой день послѣ этого.

5 марта, житель сел. Конода, Андійскаго округа, Мухама-Анта Кура-васъ, 12-лѣтній мальчикъ, поссорившись, убилъ кинжаломъ односельца своего, мальчика-же, Лабазана Юсупъ-васъ.

23 марта, житель сел. Ансалты, того-же округа, Абдулла Магома-васъ, въ ссорѣ убилъ кинжаломъ родную сестру свою, Айшатъ.

26 апрѣля, житель сел. Дитунши, Даргинскаго округа, Ханъ Барко-оглы, 8-ми лѣтъ, поссорившись съ 7-лѣтнимъ односельцемъ своимъ, Гаджи Гасанъ-оглы, убилъ его выстрѣломъ изъ пистолета.

17 апрѣля, житель сел. Микага, того-же округа, Мухаммедъ-Али Ильясъ-оглы, ранилъ кинжаломъ, въ ссорѣ, жену свою, Гюль-Ханумъ Али-Ханъ-кизы.

1 іюля, жители сел. Курахъ, Кюринскаго округа, Гасанъ-Яръ Метъ-оглы и братъ его, Гаджи-Курбанъ, во время ссоры изъ-за барана ранили другъ друга кинжалами, отчего послѣдній изъ нихъ вскорѣ умеръ.

3 января, житель сел. Камахалъ, Казикумухскаго округа, Чорта Искэндэръ-оглы, ранилъ кинжаломъ на общественной сходкѣ жену свою, Бату Мама-кизы, которая отъ этого на другой день умерла.

При разбирательствѣ этого дѣла въ казикумухскомъ окружномъ судѣ, мать умершей, Марьямъ Мама-кизы, показала слѣдующее. Дня за два до пораненія, Бата приходила къ матери съ своимъ груднымъ ребенкомъ, и, жалуясь на мужа за дурное обращеніе его съ нею, спрашивала совѣта, что ей дѣлать? При этомъ, она показывала свою опухшую вывихнутую руку, объяснивъ, что наканунѣ, послѣ ужина, мужъ потребовалъ ее къ себѣ для удовлетворенія своей похоти; Бата въ это время кормила грудью своего ребенка, и потому просила мужа обождать немного, сказавъ, что она прежде покормитъ и тогда исполнитъ все, что̀ ему угодно. Но Чорта оскорбился этимъ отказомъ и, схвативъ ее, бросилъ на полъ, такъ-что она вывихнула себѣ руку. Марьямъ посовѣтовала своей дочери примириться съ мужемъ и возвратиться къ нему въ домъ. Но Бата не соглашалась на это и осталась у матери. Въ день пораненія, Бата, выйдя передъ вечеромъ изъ дома, объявила матери, что она пойдетъ жаловаться на мужа сельскому судьѣ. Марьямъ послѣдовала за нею. Пришедъ на мѣсто сходки, гдѣ находились въ то время старшина, судья и нѣсколько человѣкъ изъ односельцевъ, Бата заявила свою жалобу, показавъ имъ, въ доказательство дурного обращенія съ нею мужа, свою вывихнутую руку. Въ это время пришелъ на сходку и мужъ Баты, Чорта Искэндэръ-оглы, вмѣстѣ съ теткой своей Патиматъ. Послѣдняя, услышавъ жалобу Баты, подошла къ ней и сказала, что она женщина не хорошая, дурного поведенія. На это Бата отвѣтила, что Патиматъ сама не хорошая женщина и дурного поведенія. Тогда Чорта, подошедъ къ женѣ и сказавъ ей, что она не должна такъ называть его тетку, обнажилъ при этомъ кинжалъ и нанесъ ей глубокую рану въ бокъ.

Чорта Искэндэръ-оглы, при разслѣдованіи, сознавшись въ убійствѣ жены, показалъ, что онъ уже нѣсколько разъ жаловался сельскимъ властямъ на неисполненіе Батою въ отношеніи его супружескихъ обязанностей.

При дознаніи обнаружилось, что Бата была женщина трудолюбивая, примѣрная хозяйка и хорошаго поведенія, что не смотря на дурное обращеніе съ нею мужа, она терпѣливо, впродолженіи 8-лѣтней супружеской жизни, переносила все, и только въ послѣднее время раза два или три жаловалась сельскимъ властямъ на притѣсненія и побои со стороны мужа своего.

20 января, въ селеніи Цудахаръ, Даргинскаго округа, меж-

ду нѣсколькими жителями произошла драка, въ которой ранены участвовавшіе: Гази-Мухаммедъ Холо-Мухаммедъ-оглы, Сааду Зури-Мама-оглы и Курбанъ-Багомадъ Хурчиля-Рабаданъ-оглы. Изъ нихъ первый въ тотъ-же день умеръ.

По разслѣдованіи этого происшествія оказалось слѣдующее:

Наканунѣ драки, одинъ цудахарецъ, по имени Муса Рабаданъ-оглы, вывелъ изъ своего дома на улицу 3-лѣтнюю дѣвочку, свою родственницу, и велѣлъ ей идти къ себѣ домой. Въ это самое время проѣзжалъ мимо пьяный Гази-Мухаммедъ Холо-Мухаммедъ-оглы и, остановившись передъ Мусой, сказалъ ему: «зачѣмъ ты прогоняешь дѣвочку?—я возьму ее въ жены себѣ; хотя она и маленькая еще, но я все-таки женюсь на ней». Эта шутка не понравилась Мусѣ и онъ, будучи въ это время также выпивши, поссорился съ Гази-Мухаммедомъ; но посторонніе люди, сбѣжавшіеся на шумъ, не допустили ихъ до драки, и Гази-Мухаммедъ уѣхалъ домой. Спустя нѣкоторое время, онъ опять вернулся къ дому Мусы и сталъ искать оторвавшуюся подкову своей лошади. Тутъ онъ встрѣтился съ дядею упомянутой дѣвочки, Курбанъ-Багомадомъ Хурчиля-Рабаданъ-оглы, который потребовалъ отъ него объясненій, какъ онъ смѣлъ насмѣхаться надъ его племянницей. По этому поводу между ними произошла ссора, не имѣвшая однако дурныхъ послѣдствій, такъ-какъ прибѣжавшіе люди успѣли ихъ развести.

На другой день, утромъ, на мѣстѣ общественной сходки собралось нѣсколько человѣкъ, въ числѣ которыхъ находились Закарига Баки-оглы и Магомадъ Рабаданъ-оглы—родственникъ Мусы. Закарига, не обращаясь лично ни къ кому, спросилъ, что за ссора произошла вчера между Гази-Мухаммедомъ и Мусою Рабаданъ-оглы? Когда на этотъ вопросъ Магомадъ-Расулъ началъ разсказывать о случившемся, то Магомадъ Рабаданъ-оглы сдѣлалъ ему замѣчаніе: «здѣсь нечего говорить — сказалъ онъ — объ этомъ; если хочешь, ступай къ Мусѣ и тамъ разсказывай». Изъ-за этого между ними произошла ссора, перешедшая потомъ въ драку, но присутствовавшіе развели ихъ. Между-тѣмъ на шумъ прибѣжали братъ Магомадъ-Расула, Гази-Магомадъ, и троюродный братъ Магомада Рабаданъ-оглы, Магомадъ Хурчиля-Рабаданъ-оглы, съ своимъ роднымъ братомъ Курбанъ-Багомадомъ, и также начали ругаться, заступаясь каждый за своихъ родныхъ. Чтобы предотвратить драку, посторонніе развели ссорившихся и направили ихъ къ своимъ домамъ. Когда они отошли уже на нѣкото-

рое разстояніе, то одинъ изъ присутствовавшихъ — родственникъ обѣимъ сторонамъ — Гази-Магомадъ Гаджи-Ахмадъ-Гаджи-оглы, сказалъ Магомаду и Ашурилову, сыновьямъ Рабадана: «что вы все ссоритесь съ Гази-Мухаммедомъ»? На это Ашурилов отвѣтилъ: «отчего намъ не говорить, если онъ говоритъ». Такимъ отвѣтомъ Гази-Магомадъ Гаджи-Ахмадъ-Гаджи-оглы обидѣлся, какъ человѣкъ старый и пользовавшійся въ своемъ селѣ уваженіемъ, и ударилъ Ашурилова кулакомъ раза два. Послѣдній съ своей стороны не хотѣлъ остаться въ долгу и отвѣтилъ ему тѣмъ-же. Видя это, отецъ Ашурилова и Магомада, Рабаданъ, подбѣжалъ къ нимъ и, взявъ своихъ сыновей, повелъ ихъ домой. Между-тѣмъ, Гази-Мухаммедъ Холо-Мухаммедъ-оглы, котораго вмѣстѣ съ его братомъ уводили домой, увидѣвъ издали упомянутую сейчасъ драку, вырвался отъ державшихъ его людей и, подбѣжавъ къ братьямъ Магомаду и Ашурилову, ударомъ сзади сбилъ съ ногъ перваго. Тогда Магомадъ, вскочивъ, обнажилъ кинжалъ и вонзилъ его въ лѣвый бокъ Гази-Мухаммеду по самую рукоятку, а потомъ ударилъ его еще раза два по головѣ. Раненый Гази-Мухаммедъ, зажавъ лѣвой рукой рану въ боку, выхватилъ свой кинжалъ и ударилъ имъ Магомада, но не ранилъ. Въ это время подбѣжали и другіе, въ томъ числѣ двоюродные братья сыновей Рабадана, Сааду и Магомадъ, сыновья Зузи Мама-оглы, и троюродный братъ ихъ, Курбанъ-Багомадъ. Всѣ они приняли участіе въ дракѣ и начали рубить кинжалами Гази-Мухаммеда, который успѣлъ нанести нѣсколько ранъ только Сааду и потомъ, обезсилѣвши, упалъ. Братъ его, Магомадъ-Расулъ, ранилъ нападавшаго на него Курбанъ-Багомада; братъ-же послѣдняго, Магомадъ, обнажилъ кинжалъ, хотѣлъ-было также броситься въ драку, но въ это время сбѣжавшіеся люди успѣли прекратить драку и развести всѣхъ дравшихся.

3 апрѣля, житель селенія Урата, Гунибскаго округа, Абдулъ-Керимъ Абдулъ-Керимъ-оглы, убилъ односельца своего, Дебира Джебраилъ-оглы, подозрѣвая его въ воровствѣ одного куска бязи и деревяннаго веретена.

26 іюня, житель селенія Мюраго, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Мухаммедъ Гаджи-оглы, выстрѣломъ изъ пистолета ранилъ изъ кровомщенія, спавшаго на пастьбѣ скота, односельца своего, Сулеймана Омаръ-оглы.

Общая сумма преступленій въ Дагестанской области за 1874 годъ, съ 1 января по августъ мѣсяцъ, слѣдующая:

Убійствъ..... 47.
Покушеній..... 137.

Изъ этого числа *преступленій*, совершенныхъ *безъ всякихъ причинъ*, просто въ ссорѣ или въ пьяномъ видѣ,—было:

Убійствъ..... 12.
Покушеній..... 86.

Случаи самоубійствъ среди горцевъ были слѣдующіе:

Въ 1873 году:

17 февраля, всадникъ Дагестанской постоянной милиціи, житель селенія Таркп, Джемалэддинъ Ахметъ-Хановъ, застрѣлился въ г. Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

22 февраля, жительница селенія Ирига, Кайтаго-Табасаранскаго округа, 15-лѣтняя дѣвочка, Паръ-Даузъ Муса-кизы, повѣсилась въ комнатѣ своего дома. Причина этого была та, что мать ея побранила ее наканунѣ за то, что она ходила безъ позволенія въ селеніе Сурхачи на свадьбу и тамъ ночевала.

1 марта, житель селенія Чора, Кюринскаго округа, Мазачъ Ибрагимъ-оглы, намѣревался заколоться кинжаломъ, но только ранилъ себя въ животъ.

2 мая, жительница селенія Ушхара, Даргинскаго округа, Заза Курбанъ-Багомадъ-кизы, повѣсилась въ своемъ домѣ, въ припадкѣ умопомѣшательства.

2 іюня, жительница сел. Нацы, Даргинскаго округа, Туты Рамазанъ-кизы, дѣвушка 14-ти лѣтъ, найдена въ своемъ домѣ повѣсившеюся.

10 іюня, жительница сел. Муги, того-же округа, Хадижатъ Нурай-Кади-кизы, находившаяся въ замужествѣ за односельцемъ своимъ, Муса-Адтой Танталъ-Магома-оглы, повѣсилась въ своей комнатѣ.

4 іюня, житель сел. Ашты, Казикумухскаго округа, Катай Махмудъ-оглы, уйдя на кладбище своего селенія, застрѣлился тамъ изъ пистолета, неизвѣстно по какой причинѣ.

30 августа, житель селенія Казанищи, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Гебекъ Юсупъ-оглы, по неизвѣстной причинѣ застрѣлился изъ пистолета.

11 августа, житель селенія Танты, Даргинскаго округа, Рабаданъ Курбанъ-оглы, находясь пастухомъ при стадѣ барановъ, застрѣлился изъ пистолета, вслѣдствіе семейныхъ непріятностей.

Въ началѣ сентября мѣсяца, жительница сел. Шахува, Казикумухскаго округа, Пираузъ Али-кизы, бросилась съ кручи и убилась.

19 сентября, житель селенія Танты, Турма-Али Мухаммедъ-оглы, застрѣлился изъ пистолета.

17 октября, жительница селенія Хунгія, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Джума Гусейнъ-кизы, въ болѣзненномъ состояніи застрѣлилась изъ пистолета.

25 ноября, жительница сел. Илоры, Очемчирскаго округа, Сухумскаго отдѣла, Гулія, выходя рано утромъ изъ своей сакли, на порогѣ нанесла себѣ рану ножомъ въ животъ, отъ которой черезъ четверть часа умерла. По заявленію илорскаго старшины, при разслѣдованіи этого происшествія, — она страдала умопомѣшательствомъ.

Итого самоубійствъ въ 1873 году было 12 и одно покушеніе на самоубійство. Въ этомъ числѣ: женщинъ 7, мужчинъ 5, и одинъ мужчина покушался заколоться.

Въ 1874 году, съ 1 января по августъ мѣсяцъ:

24 января, жительница селенія Нахки, Даргинскаго округа, дѣвушка Хадижатъ Уцма-кизы, бросилась съ кручи.

30 января, житель селенія Башлы, Кайтаго-Табасаранскаго округа, Курбанъ Темиръ-Ханъ-оглы, въ пьяномъ видѣ застрѣлился изъ пистолета.

5 февраля, житель селенія Хунзахъ, Газіовъ Гаджи-Магома-

оглы, содержавшійся подъ арестомъ на хунзахской крѣпостной гауптвахтѣ, удушился поясомъ отъ собственныхъ шароваръ.

17 марта, житель селенія Бахлухъ, Аварскаго округа, Ашуриловъ Мухаммедъ-оглы, застрѣлился изъ ружья.

12 марта, житель селенія Гелли, Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа, Хубаилъ Темиръ-Булатъ оглы, застрѣлился изъ пистолета.

2 марта, житель селенія Балкхаръ, Даргинскаго округа, Сулейманъ Чопанъ-оглы, застрѣлился изъ ружья.

7 марта, въ селеніи Ругуджа, Гунибскаго округа, повѣсилась тамошняя жительница, Патиматъ Муса-кизы.

3 апрѣля, житель сел. Хопи-кентъ, Кюринскаго округа, Гасанъ-бекъ Калча-оглы, застрѣлился изъ пистолета.

10 іюля, содержавшійся подъ стражей въ Самурскомъ окружномъ управленіи, въ отдѣльной камерѣ, житель селенія Рутулъ, Мехти Мамай-оглы, найденъ повѣсившимся.

Итого по августъ 1874 года самоубійцъ было всего 9. Изъ этого числа мужчинъ—7 и 2 женщины.

По роду выбранной смерти и оружія, самоубійства распредѣляются, за оба года, такимъ образомъ: удушившійся поясомъ—1, повѣсившихся — 6, застрѣлившихся — 11, заколовшихся ножомъ — 1, бросившихся съ кручи — 2 и покусившійся заколоть себя кинжаломъ — 1.

По полу, самоубійцы раздѣляются такъ: женщинъ: повѣсилось — 5, закололась ножомъ — 1, застрѣлилась — 1 и бросилось съ кручи—2. Мужчинъ: удушился собственнымъ поясомъ—1, повѣсился—1, застрѣлилось—10 и покусившійся заколоться кинжаломъ—1.

В. Цвѣтковъ.

СОСТАВЪ НАСЕЛЕНІЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Въ послѣдней (VIII) книжкѣ «Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества» помѣщена статья А. В. Комарова: *Народонаселеніе Дагестанской области* (съ этнографической картой). Нашъ «Сборникъ» не можетъ не дать отзыва объ этой интересной статьѣ, представляющей первую серьезную попытку привести въ порядокъ всѣ свѣдѣнія о населеніи Дагестана—страны по-преимуществу разноплеменной и въ этнографическомъ отношеніи еще весьма мало изслѣдованной.

Матеріалами для автора служили: 1) изслѣдованія языковъ аварскаго, лакскаго и хюркилинскаго генер. Услара *); 2) свѣдѣнія, собранныя въ 1865 — 66 гг. подробными рекогносцировками Дагестана; 3) камеральныя описанія нѣкоторыхъ округовъ Дагестанской области, относящіяся къ 1865 — 67 гг.; 4) податные списки всѣхъ округовъ области и 5) свѣдѣнія, собранныя авторомъ частною перепискою и разспросами наибскихъ письмоводителей и другихъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія.

На основаніи этихъ матеріаловъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что «строгая, научная группировка всѣхъ племенъ Дагестана еще пока невозможна, по неимѣнію для этого самыхъ необходимыхъ свѣдѣній, какъ этнографическихъ, такъ и историческихъ». Тѣмъ не менѣе,—по замѣчанію автора,—уже одно знакомство съ топографическими условіями страны, даже при поверхностномъ изученіи ея этнографіи и исторіи, приводитъ къ слѣдующимъ двумъ заключеніямъ:

Во-первыхъ, *чѣмъ малодоступнѣе горы, тѣмъ разнообразнѣе въ нихъ населеніе.* «Почти въ каждой котловинѣ, — говоритъ

*) Изслѣдованіе его-же языка кюринскаго появилось въ свѣтъ уже послѣ составленія статьи г. Комарова.

г. Комаровъ,—въ каждомъ отдѣльномъ ущельи, огражденныхъ высокими, скалистыми хребтами, и выходящихъ къ быстрой и глубокой рѣкѣ, живетъ особое племя, часто не имѣющее ни малѣйшаго сходства, или родства, съ сосѣдними племенами; тамъ-же, гдѣ горы становятся доступнѣе, разнообразіе племенъ уменьшается, зато увеличиваются численность каждаго племени и пространство, на которомъ оно живетъ».

Во-вторыхъ, *все населеніе Дагестана дѣлится на двѣ части*, рѣзко отличающіяся одна отъ другой. «Вся равнинная, прибрежная къ Каспійскому морю полоса заселена племенами, преимущественно тюркскими, пришедшими въ Дагестанъ во времена историческія; тогда-какъ горная часть населена множествомъ совершенно различныхъ племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ лезгинъ, время прибытія которыхъ въ Дагестанъ теряется въ глубинѣ вѣковъ».

Итакъ, всѣ племена, населяющія Дагестанъ, образуютъ двѣ группы: *плоскостную* и *горную*. Авторъ, однако, подраздѣляетъ горную группу на двѣ части, «отличающіяся одна отъ другой во многихъ отношеніяхъ, по причинамъ этнографическимъ, историческимъ и топографическимъ»,—и вслѣдствіе этого онъ дѣлитъ все населеніе Дагестанской области на *три отдѣла*. Мы послѣдуемъ за авторомъ въ его подробномъ обозначеніи этихъ отдѣловъ.

Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ всѣ племена, живущія въ большой, главной котловинѣ Дагестана, составляющей бассеинъ рѣкъ, образующихъ по сліянію рѣку Сулакъ. Дробясь скалистыми хребтами на множество мелкихъ котловинъ и ущелій, территорія этихъ племенъ образуетъ треугольникъ, стороны котораго касаются слѣдующихъ пунктовъ: съ В. Чиръ-Юртъ, Малый Дженгутай, Кутиши, Гергебиль, Салты, Балхаръ, Цоукуль и Кусуръ (включая всѣ эти селенія въ составъ отдѣла), съ З.—Андійскій хребетъ и съ Ю.—часть главнаго Кавказскаго хребта отъ горы Большой Андаразани до горы Гудуръ. Все пространство этого отдѣла равняется 205 квадр. милямъ, что составляетъ 0,42 всего пространства области. Населеніе-же состоитъ слишкомъ изъ 158000 д., или-же 35,18% всего населенія области.—Большая часть племенъ этого отдѣла имѣетъ свои особые языки и нарѣчія, непонятные для сосѣдей; общимъ разговорнымъ языкомъ служитъ языкъ аварскій, а письменнымъ—арабскій, за исключеніемъ южной части Казикумухскаго округа, гдѣ господствуетъ языкъ тюрко-адербейджанскій.

Второй отдѣлъ составляютъ горскія племена, живущія къ востоку отъ перваго до равнины, идущей вдоль берега Каспійскаго моря; восточная граница этого отдѣла проходитъ отъ сел. Кадаръ на Губденъ, Дешлагаръ, Маджалисъ, Ерси, Хели-Пенджикъ, Янанъ-Калу и Фаргатъ. Пространство его равняется 170 квадр. м., что составляетъ 0,35 пространства всей области; населеніе же состоитъ изъ 205000 д., или 45,56% всего населенія области.—Въ сравненіи съ населеніемъ перваго отдѣла, населеніе второго не такъ разнообразно въ этнографическомъ отношеніи, живетъ не въ столь недоступныхъ ущельяхъ и пользуется бо̀льшими удобствами къ жизни. Оно постоянно подчинялось чуждымъ вліяніямъ, находясь въ зависимости то отъ Персіи, то отъ Турціи, то отъ правителей Дербента, Ширвана и Казикумуха, тогда какъ горцы перваго отдѣла всегда упорно отстаивали свою независимость. Безъ сомнѣнія, въ силу означенныхъ постороннихъ вліяній, и общимъ разговорнымъ языкомъ у племенъ второго отдѣла явился языкъ тюрко-адербейджанскій, употребляющійся у нихъ и въ письмѣ, наравнѣ съ арабскимъ.

Третій отдѣлъ составляютъ всѣ тѣ племена, которыя живутъ на прибрежной равнинѣ Дагестанской области, отъ устья Сулака до устья Гюргень-чая, на пространствѣ 115 кв. м., что составляетъ 0,23 всего пространства области. Численность населенія этого отдѣла равняется слишкомъ 85500 д., или 19,26% всего населенія области.—Территорія племенъ третьяго отдѣла, какъ удобная для сообщеній и изобильная водой, лѣсомъ и пастбищами, въ прежнее время постоянно служила мѣстомъ борьбы народовъ сѣвера и юга,—и отъ этихъ народовъ, разновременно здѣсь проходившихъ, остались нѣкоторыя части на постоянное жительство. Поэтому населеніе этого отдѣла также весьма разнообразно въ этнографическомъ отношеніи, съ преобладаніемъ, однако, тюркскаго элемента, почему и общій языкъ здѣсь—тюрко-адербейджанскій.

Охарактеризовавъ такимъ образомъ въ общихъ чертахъ племена всѣхъ трехъ отдѣловъ, авторъ переходитъ къ частностямъ, обозначая порознь каждое племя каждаго отдѣла, съ объясненіемъ ихъ названій и съ указаніемъ ихъ численности. Весь этотъ отдѣлъ статьи чрезвычайно интересенъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Мы приведемъ изъ нихъ только самыя существенныя.

Всѣхъ горскихъ племенъ перваго отдѣла авторъ насчитываетъ *пятнадцать*, а именно:

1. Аварскія племена.
2. Андійцы.
3. Каратинцы.
4. Ахваки.
5. Багулалъ.
6. Идери.
7. Чамалалъ.
8. Хуани, или хваршинцы.
9. Цеза, или дидойцы.
10. Капучинцы.
11. Гунзалъ.
12. Буюхади, или ботлихцы.
13. Чеченцы.
14. Лаки, или казикумухцы.
15. Арчинцы.

Самое многочисленное изъ этихъ племенъ — *Аварское* (до 96000 д.). Оно представляетъ множество подраздѣленій, такъ-какъ жители каждаго общества аварцевъ считаютъ себя отдѣльнымъ племенемъ *). Языкъ аварскій имѣетъ много нарѣчій, и хотя принимается два главныхъ, однако не только каждое аварское общество, но и нѣкоторыя отдѣльныя селенія имѣютъ свои особенности, если не въ строеніи языка, то, по-крайней-мѣрѣ, въ измѣненіи словъ и произношеніи **).

За аварцами, по численности, слѣдуютъ *лаки*, или казикумухцы (32625 д.). Языкъ ихъ особый и отдѣльныхъ нарѣчій не имѣетъ ***).

Только языки этихъ двухъ племенъ перваго отдѣла научно изслѣдованы и, слѣдовательно, только о нихъ можно положительно сказать, что это, по отношенію къ языку, отдѣльныя племена. О прочихъ-же тринадцати выше исчисленныхъ племенахъ Нагорнаго Дагестана (кромѣ чеченцевъ), пока языки ихъ не изслѣдованы, по-неволѣ остается довольствоваться одними лишь предположеніями. Такъ, отно-

*) По двумъ главнымъ нарѣчіямъ аварскаго языка, *хунзахскому* и *анцухскому*, аварское племя распадается на два отдѣла: *Маарулалъ* и *Багулалъ*. Маарулалъ состоитъ изъ слѣдующихъ обществъ: Хунзъ, Хедолалъ, Нака-Хиндалалъ и Тлурутли (они составляли ханскую Аварію), Ункъ-Ратль, Технуцалъ, Бактли, Хиндалалъ, Куйада, Андалалъ и Телетль. Къ Багуалалъ принадлежатъ: Гидатль, Кель, Карахъ, Мукъ-ратль, Тленсерухъ, Косо, Томсъ, Анцухъ, Тохъ, Анцъ-Росо, Унхъ, Бугунъ, Тлебель, Тленъ и Тумъ, или Джурмутъ.

**) Мы ограничиваемся этими немногими словами объ аварцахъ, такъ-какъ о языкѣ ихъ и подраздѣленіи по обществамъ и нарѣчіямъ, приведено нѣсколько свѣдѣній, какъ во 2-мъ выпускѣ нашего «Сборника», въ предисловіи къ аварскимъ народнымъ сказаніямъ, такъ и въ настоящей книгѣ «Сборника», въ статьѣ г. Загурскаго: «Замѣтки о Кюринскомъ языкѣ».

***) О *лакахъ* въ нашемъ «Сборникѣ» также помѣщено нѣсколько статей; изъ нихъ укажемъ на придисловіе къ «Лакскимъ народнымъ сказаніямъ» (вып. I), и относительно особенностей лакскаго языка см. выше цитированную статью г. Загурскаго.

сительно *андійцевъ* (числомъ 5693 д.), г. Комаровъ говоритъ, что они, «по языку, наружному виду, обычаямъ, одеждѣ женщинъ, довольно рѣзко отличаются отъ аварцевъ и чеченцевъ и потому должны быть разсматриваемы какъ особое племя». Также и *каратинцы* (общество Карата, въ числѣ 4952 д.)—по замѣчанію автора—имѣютъ языкъ особый, подраздѣляющійся еще на два нарѣчія, на которыхъ говорятъ въ селеніяхъ *Алакъ* и *Хелятлерди*, Каратинскаго общества, *Годовери* и *Зиберъ-Хули*, Ункратльскаго общества. Но слѣдующія два племени, *Ахваки* (2464 д.) и *Багулалъ* (1989 д.), по всей вѣроятности, не составляютъ уже особыхъ племенъ, такъ-какъ и самъ авторъ замѣчаетъ, что «языкъ ахвакскій довольно близокъ къ каратинскому и, вѣроятно, есть только особое его нарѣчіе», точно также и языкъ общества Багулалъ—«близокъ къ каратинскому». Далѣе, авторъ замѣчаетъ, что сосѣди общества Багулалъ, *тиндинцы*, сами себя называющіе *Идери* (числомъ 2515 д.), «по происхожденію и языку близки къ багулальцамъ». Такимъ образомъ, не имѣется еще основанія принимать каратинцевъ, ахваковъ, багулальцевъ и тиндинцевъ (идери) за особыя племенныя единицы.

Изъ слѣдующихъ затѣмъ племенъ, о *чамалальцахъ* авторъ замѣчаетъ, что они (числомъ 2418 д.) составляютъ особое племя, значительно отличающееся отъ всѣхъ своихъ дагестанскихъ сосѣдей, и имѣютъ свой особый языкъ. Также и племя *Цеза*, или *дидойцы* (4010 д.), по наружному виду, одеждѣ женщинъ, обычаямъ и языку, рѣзко отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Но *хуани*, или *хваршинцы* (1094 д.), хотя и показаны авторомъ особымъ племенемъ, однако, по его-же словамъ, языкъ ихъ «близокъ къ дидойскому и, вѣроятно, есть его нарѣчіе».

Далѣе, племя *Капучинское* (1708 д.) имѣетъ особый языкъ; племя *Гунзалъ* (568 д.) также имѣетъ свой языкъ и считаетъ себя особымъ племенемъ, а *Буюхади*, или *ботлихцы* (1102 д.), считаются совершенно особымъ племенемъ, и языкъ ихъ — по словамъ автора—«непонятенъ никому въ Дагестанѣ».

Наконецъ, изъ племенъ перваго отдѣла, остаются: *чеченцы* (484 д.) и *арчинцы* (592 д.). Первые изъ нихъ проживаютъ въ трехъ селеніяхъ, по сосѣдству съ Чечнею, а вторые суть жители сел. Арчи и принадлежащихъ къ нему шести отселковъ, Казикумухскаго округа. «По преданію,—говоритъ авторъ,—племя это прежде было многочисленно и исповѣдывало христіанскую религію, что и послужило причиною войны съ лаками и аварцами, кото-

рые увели большую часть жителей въ плѣнъ, въ разныя мѣста Дагестана» *).

Замѣтимъ, однако, что П. К. Усларъ, относительно арчинскаго языка высказалъ предположеніе, что онъ очень приближается къ аварскому (маарулалъ) и что, можетъ быть, даже принадлежитъ къ нему. Сами-же арчинцы, дѣйствительно, считаютъ свой языкъ вполнѣ самостоятельнымъ и гордятся тѣмъ, что онъ не переходитъ за предѣлы ихъ селенія. О происхожденіи этого языка они имѣютъ слѣдующее преданіе: когда Богъ сотворилъ народы и языки, то первыхъ оказалось больше, чѣмъ послѣднихъ; поэтому многіе народы говорили однимъ языкомъ, причемъ всѣ отказались отъ самаго труднаго языка, который и достался въ удѣлъ самому малочисленному народу на землѣ, т. е. имъ, арчинцамъ. — Въ настоящее время они считаются самыми строгими мусульманами; по образу жизни, одеждѣ и обычаямъ, не отличаются отъ своихъ сосѣдей, съ которыми, однако, не входятъ ни въ какія родственныя отношенія; между собою они имѣютъ какъ-бы фамильное сходство,—всѣ они бѣлокуры, очень красивы, высокаго роста, съ орлиными носами и продолговатыми лицами.

Къ горскимъ племенамъ второго отдѣла принадлежатъ:

1. Даргинскія племена.
2. Кайтахцы.
3. Ухбуканъ, или кубачинцы.
4. Табасаранцы.
5. Агулы.
6. Кюринцы.
7. Мюхадары, или рутульцы.
8. Цахурцы.

Даргинскія племена не имѣютъ своего общаго названія; каждое изъ нихъ называется особо, преимущественно по названію главнаго селенія **). Всѣхъ даргинцевъ насчитываютъ 80,270 д. Каждое изъ даргинскихъ племенъ имѣетъ свое нарѣчіе. Эти нарѣчія, довольно близкія между собою, г. Усларъ дѣлитъ на три группы: 1) Акушинскія нарѣчія, 2) Вуркунскія и 3) Хайдакскія ***).

Почти такъ-же, какъ Даргинское, многочисленно племя *Кюринское*: г. Комаровъ насчитываетъ кюринцевъ, въ предѣлахъ одного Дагестана, 79,823 д. Языкъ кюринскій особый; онъ изслѣ-

---

*) Объ арчинскомъ языкѣ есть нѣсколько указаній въ настоящей книгѣ «Сборника», въ статьѣ г. Загурскаго о языкѣ кюринскомъ.

**) Болѣе подробныя свѣдѣнія о даргинскихъ нарѣчіяхъ приведены во 2-мъ выпускѣ «Сборника» и въ цитируемой выше статьѣ г. Загурскаго.

***) Къ даргинскимъ племенамъ принадлежатъ: 1) *Акуша-Даргуа*, 2) *Усала-Табунъ*, 3) *Мухала-Табунъ*, 4) *Микхела-Табунъ*, 5) *Хюркиля-Табунъ*, 6) *Кебе-Даргуа*, 7) *Цудкрила-Табунъ*, 8) *Сиргала-Табунъ*, 9) *Ушуми-Даргуа*

дованъ г. Усларомъ, который различаетъ въ немъ два главныхъ нарѣчія: *кюринское* и *ахтинское* *).

Далѣе, по численности, стѣдуютъ *табасаранцы* (17,044 д.). Языкъ табасаранскій особый; по замѣчанію г. Комарова, языкъ этотъ не имѣетъ нарѣчій, а есть только небольшая разница въ выговорѣ населеній Табасарани *сѣверной* и Табасарани *южной*. Есть извѣстія, что г. Усларъ уже окончилъ свои изслѣдованія и языка табасаранскаго.

Особымъ племенемъ г. Комаровъ считаетъ *мюхадаровъ*, или *рутульцевъ*, жителей 17 селеній Самурскаго округа, численностью 10,007 д., называющихся такъ по имени главнаго селенія, Мюхадъ (по-тюркски), или Рутулъ (по-кюрински), причемъ замѣчаетъ, что «языкъ рутульскій близокъ къ кюринскому, но для кюринцевъ непонятенъ».

Особымъ-же племенемъ считаетъ авторъ *кайтахцевъ* (правильнѣе—*хайдаковъ*), числомъ 7050 д. «Всѣ нарѣчія кайтахскія—говоритъ г. Комаровъ — близки между собой, но значительно отличаются отъ даргинскихъ». Но считаемъ нужнымъ замѣтить, что г. Усларъ, въ своемъ изслѣдованіи о языкѣ хюркилинскомъ, замѣчаетъ, что «хайдакскій языкъ дробится на нѣсколько нарѣчій, которыхъ обозначить, впрочемъ, по неимѣнію данныхъ, еще нельзя. Семейство хайдакскихъ нарѣчій, при самомъ даже поверхностномъ взглядѣ, обнаруживаетъ родство съ семействомъ акушинскимъ. Съ непривычки, однако, жители Акуши-даргуа и Кабадаргуа не могутъ понимать хайдаковъ». Много вѣса имѣетъ также, сдѣланное г. Усларомъ, замѣчаніе, «что хайдаки поютъ пѣсни почти исключительно на нарѣчіи каба-даргуа».

Показанныя особыми племенами, *агулы* (5357 д.) и *цахурцы* (3428 д), повидимому, также имѣютъ въ Дагестанѣ близкихъ своихъ сородичей. По замѣчанію г. Комарова, «языкъ агульскій довольно близокъ къ языку табасаранскому и можетъ быть принятъ за его нарѣчіе» **). О цахурцахъ-же сказано, что они «по происхожденію близки къ рутульцамъ, языкъ ихъ можетъ быть причисленъ также къ нарѣчіямъ кюринскаго языка, хотя онъ не-

---

и 10) *Варкунъ-Даргуа* (значеніе слова *даргуа* неизвѣстно; слово-же *табунъ* означаетъ «общество»).

*) См. статью въ настоящемъ выпускѣ «Сборника»: «Замѣтки о кюринскомъ языкѣ».

**) Между агулами, — въ селеніяхъ Арсугъ, Бурчагъ и Худигъ,—говорятъ языкомъ особымъ, непонятнымъ для остальныхъ агуловъ.

понятенъ ни кюринцамъ, ни рутульцамъ». Г. Усларъ, однако, рутульцевъ называетъ по отношенію къ кюринцамъ «народомъ иноязычнымъ» *); объ агулахъ-же замѣчаетъ, что «покуда всѣ наши свѣдѣнія о языкѣ агульскомъ ограничиваются записанными личными мѣстоименіями и числительными, которыя представляютъ нѣкоторое сходство съ кюринскими». Онъ-же, повидимому, считаетъ самостоятельнымъ и языкъ цахурскій *(цахюръ)*; но прибавляетъ, что о немъ «не имѣетъ еще положительныхъ свѣдѣній». «Ахтинцы увѣряли меня — говоритъ г. Усларъ — что эти языки *(мижетъ* и *цахюръ)* не имѣютъ ничего общаго съ языкомъ кюринскимъ; существуютъ и противоположныя показанія. Эти вопросы могутъ быть разрѣшены не иначе, какъ точными изслѣдованіями» **).

Наконецъ, къ горскимъ племенамъ второго отдѣла причислены авторомъ *кубачинцы*, или *ухбуканъ* (1839 д.). Объ этомъ племени сказано слѣдующее: «О происхожденіи жителей сел. Кубачи, называющихъ себя франками, было много изслѣдованій и толковъ, не рѣшившихъ однако доселѣ положительно этого вопроса. У самихъ кубачинцевъ объ ихъ происхожденіи есть нѣсколько легендъ, которыя всѣ сводятся къ слѣдующему разсказу. Одинъ изъ персидскихъ шаховъ, еще задолго до появленія арабовъ въ Дагестанѣ, вывелъ изъ Рума (Греціи) нѣсколько оружейниковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ съ семействами и поселилъ ихъ въ Дербентѣ. Черезъ нѣсколько времени дербентцы, недовольные ими за что-то, выгнали ихъ изъ города. Послѣ долгихъ бѣдствій и странствованій по горамъ, они поселились на настоящемъ мѣстѣ, укрѣпили его башнями и занялись выдѣлкой кольчугъ и отдѣлкой оружія. Скоро селеніе увеличилось значительно и кубачинцы пріобрѣли общую извѣстность, какъ искусные мастера» ***). И далѣе: «Въ селеніи сохранились двѣ башни старинной постройки и нѣсколько большихъ камней съ барельефами, а также особой формы домаш-

---

*) См. предисловіе къ изслѣдованію о кюринскомъ языкѣ.

**) Тамъ-же. Упомянутый здѣсь языкъ *мижетъ* употребляется населеніемъ, живущимъ по р. Самуру вверхъ отъ аула Кюлитаръ (Кюлютль).

***) Авторъ объясняетъ разныя названія кубачинцевъ. Такъ, общеупотребительное названіе ихъ, *Кубачи*, или *Гувечи*, происходитъ отъ кюринскаго слова *кубе*,—«кольчуга», «панцырь». Акушинское названіе—*Арбучи*, *Арбуканъ*, сиргинское—*Ургабука* и кубачинское *Ухбуканъ*, или *Аргвуганъ*, имѣютъ тоже значеніе. Персидское названіе, перешедшее и къ арабскимъ писателямъ, *Зирехъ-геранъ*, тоже значитъ «дѣлающіе кольчуги, или панцыри».

ныя утварь. Женщины повязываютъ платки на головѣ совершенно особымъ способомъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающимся въ Дагестанѣ. Все это можетъ быть принято за доказательство особенности племенного происхожденія кубачинцевъ». Наконецъ, авторъ замѣчаетъ, что «языкъ кубачинскій пока считается особымъ». — Приведши всѣ эти данныя для характеристики кубачинскаго племени, мы не можемъ, однако, пройти молчаніемъ высказанное о немъ мимоходомъ замѣчаніе г. Услара, въ его изслѣдованіи о хюркилинскомъ языкѣ. Говоря о нарѣчіи хайдакскомъ, П. К. Усларъ, въ примѣчаніи, выразился такъ: «Уроженецъ селенія Кешта, котораго я имѣлъ случай разспрашивать объ этомъ нарѣчіи, увѣрялъ меня, что оно представляетъ самое близкое сходство съ кубачинскимъ языкомъ. Повидимому, этотъ мнимо-франкскій языкъ есть не болѣе, какъ одно изъ нарѣчій акушино-хайдакскихъ, но за это, конечно, поручиться еще нельзя».

Къ *третьему* отдѣлу горскихъ племенъ Дагестана относятся:

1. Кумыки.
2. Ногайцы.
3. Тюркскія племена.
4. Татъ.
5. Горскіе евреи.

Въ этотъ-же отдѣлъ отнесено авторомъ населеніе городовъ, штабъ-квартиръ и слободокъ, при укрѣпленіяхъ, состоящее изъ русскихъ, армянъ, грузинъ, казанскихъ татаръ, персіянъ, евреевъ, и проч., числомъ 5846 душъ.

Между означенными племенами третьяго отдѣла, по численности, первое мѣсто занимаютъ *кумыки* (52577 д.). Авторъ полагаетъ, что они появились въ Дагестанѣ не раньше конца XII вѣка и, прійдя съ сѣвера, вытѣснили жившія на плоскости даргинскія племена въ горы. Языкъ ихъ есть особое нарѣчіе тюркскаго языка и имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ; въ особенности отличаются выговоромъ жители сел. Башлы и ихъ сосѣди.

Ногайцы (1966 д.) кочуютъ по обоимъ берегамъ р. Сулака, при его устьѣ.

Тюркскія племена переселились въ Дагестанъ изъ разныхъ мѣстъ Адербейджана, Ширвана и Кубы. Ихъ числится 18250 д. и всѣ они говорятъ тюрко-адербейджанскимъ яыкомъ.

Татъ—это потомки людей, выведенныхъ изъ Персіи царями Сассанидской династіи для возобновленія укрѣпленій Дербента и той стѣны, которая идетъ къ западу отъ Дербента по Табасаранскимъ горамъ. Они живутъ въ семи селеніяхъ, числомъ 2535 д., и сохранили до настоящаго времени татское нарѣчіе пер-

сидскаго языка. По замѣчанію автора, нарѣчіе это въ послѣдніе годы стало замѣняться языкомъ тюрко-адербейджанскимъ, и потатски теперь говорятъ только старики и женщины.

Наконецъ, *горскіе евреи* (5389 д.) переселились въ Дагестанъ, судя по нѣкоторымъ преданіямъ, тоже изъ Персіи; они между собой говорятъ испорченнымъ персидскимъ языкомъ (татъ) *); женщины ихъ носятъ одежду персидскаго покроя.

Мы перечислили всѣ племена, населяющія Дагестанъ. За исключеніемъ жителей городовъ и штабъ-квиртиръ, г. Комаровъ насчитываетъ этихъ племенъ *двадцать восемь*. Если взять во вниманіе пространство области (всего 490 кв. миль) и общую цифру ея населенія (450 тыс. д.), то нельзя не замѣтить, что составъ населенія этой области необыкновенно пестръ. Правда, представленная выше группировка этого населенія по племенамъ еще не имѣетъ вполнѣ научной опоры, и главнымъ основаніемъ племенныхъ отличій взяты преимущественно языки, которые не всѣ еще изслѣдованы. Принявши это во вниманіе, можно предполагать, что дальнѣйшіе труды по изученію горскихъ языковъ, въ связи съ этнографическими и историческими изслѣдованіями горскихъ населеній, представятъ намъ племенной составъ Дагестанской области въ бо́льшемъ однообразіи, по сравненію съ тѣмъ, какимъ онъ наглядно является на прекрасно-составленной картѣ, которая приложена къ статьѣ г. Комарова. Уже и теперь, благодаря непрерывающимся лингвистическимъ изслѣдованіямъ г. Услара, можно сдѣлать кое-какія замѣчанія въ смыслѣ нѣкотораго обобщенія племенного разнообразія, замѣчаемаго въ населеніи Дагестана. Поэтому, выше, приводя данныя изъ статьи г. Комарова, мы въ то-же время не упускали случая приводить ту или другую замѣтку г. Услара, такъ-какъ въ дѣлѣ кавказско-горскаго языковѣдѣнія мы не имѣемъ судьи, болѣе его компетентнаго.

Считаемъ нужнымъ остановиться еще на цифрахъ, которыми авторъ опредѣляетъ, какъ общую численность населенія Дагестанской области, такъ и частные его итоги. Все населеніе области показано авторомъ въ *449534* д. об. п. Какъ выше было замѣчено, такое исчисленіе основано на данныхъ 1865 и отчасти

*) О горскихъ евреяхъ см. особую статью въ III вып. нашего «Сборника».

1867 гг. Есть значительные поводы предполагать, что показанная цифра гораздо ниже дѣйствительной,—и это не только потому, что населеніе области, съ теченіемъ времени, естественно нарастало, но еще и потому, что вообще показанія о населеніи Дагестана, доставляемыя наибами и ихъ письмоводителями, должны приниматься за крайній minimum.

Въ нашемъ «Сборникѣ» не разъ уже заявлялось, съ какою осторожностью слѣдуетъ относиться къ тѣмъ или другимъ цифрамъ, опредѣляющимъ численность горскихъ населеній; сами горцы, изъ болѣе просвѣщенныхъ, заявляютъ тоже самое. Не далѣе какъ въ VII кн. «Сборника», одинъ изъ нихъ выразился такъ: «я увѣренъ, что дѣйствительное число жителей нашего (Даргинскаго) округа больше противъ оффиціальныхъ показаній по-крайней-мѣрѣ на $^1/_4$», — и тутъ-же завѣрилъ, что «въ нашемъ аулѣ (Хюркиляши) число дымовъ на $^1/_3$ больше противъ оффиціальнаго числа». Есть основанія вполнѣ довѣрять подобнымъ признаніямъ.

Ближе къ дѣйствительности оффиціально-показываемое число *дымовъ*, а не *душъ*. По исчисленію автора, всѣхъ дымовъ, или дворовъ, въ Дагестанской области—*99953*.

При указанной выше неизбѣжной неточности въ цифрахъ, опредѣляющихъ численность горцевъ,—эта неточность нѣсколько сглаживается и получаетъ характеръ значительной вѣроятности, и даже достовѣрности, черезъ выводъ *процентныхъ* отношеній. Слѣдующая таблица, составленная авторомъ, даетъ во всякомъ случаѣ весьма близкое къ дѣйствительности понятіе о составѣ населенія Дагестанской области:

Общій составъ населенія Дагестанской области.	Число душъ.	Проценты.
1) *По племенамъ*:		
Русскихъ, грузинъ, армянъ и проч.	4,846	1,30
Различныхъ горскихъ племенъ	362,971	80,74
Тюркскихъ племенъ	75,328	16,76
Евреевъ	5,389	1,20
	449,534	100
2) *По вѣроисповѣданіямъ*:		
Христіанъ	5,000	1,11
Магометанъ: суннитовъ	427,615	95,12 } 97,69
шіитовъ	11,550	2,57 }
Іудеевъ	5,389	1,20
	449,534	100
3) *По мѣсту жительства*:		
Горожанъ	17,940	4,00
Поселянъ	431,594	96,00
	449,534	100

Къ статьѣ приложена весьма поучительная замѣтка *о названіяхъ дагестанскихъ горъ, рѣкъ, озеръ и проч.* Она вызвана тою путаницей, сбивчивостью и неправильностью въ названіяхъ, которыя существуютъ на картахъ Дагестана. Авторъ раздѣляетъ всѣ ошибки въ этихъ названіяхъ на три группы и основаніемъ такого дѣленія принимаетъ причины, произведшія эти ошибки. Во-первыхъ, посредниками при первыхъ нашихъ сношеніяхъ съ горцами Дагестана были преимущественно переводчики изъ татаръ и армянъ, говорившіе на адербейджанскомъ языкѣ; поэтому для многихъ мѣстъ Дагестана, вмѣсто настоящихъ, чисто-мѣстныхъ именъ, мы усвоили названія татарскія. Во-вторыхъ, къ путаницѣ названій повела невозможность точно передать по-русски многіе звуки горскихъ языковъ, и въ-третьихъ, къ ошибкамъ повело излишнее усердіе съемщиковъ и составителей картъ, желавшихъ непремѣнно добиться какого-бы то ни было названія такихъ предметовъ, которые не имѣютъ особыхъ названій. Авторъ подкрѣпляетъ свои доводы многими примѣрами. Дѣйствительно, изъ этихъ примѣровъ нельзя не убѣдиться, что многія подписи на имѣющихся нынѣ картахъ Дагестана должны возбуждать недоумѣніе и даже смѣхъ. Напр., есть надпись «рѣка Гяркъ»; авторъ объясняетъ, что *герхъ* по-акушински значитъ *рѣчка*; поэтому надпись эта означаетъ: «рѣка рѣчка». Или надпись «Кудья-хохъ» буквально значитъ: «гора большой холмъ». Найдутся многія надписи, еще болѣе забавныя или не имѣющія вовсе никакого смысла.

Пользуемся случаемъ замѣтить, что почтенному автору цитируемой нами статьи принадлежитъ уже значительная заслуга въ установленіи правильнаго обозначенія именъ собственныхъ на картѣ Дагестана. Въ этомъ отношеніи особенно важенъ трудъ автора: «Списки населенныхъ мѣстъ Дагестанской области», напечатанный въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ», изд. въ Тифлисѣ, въ 1869 г.

Безъ сомнѣнія, для географіи страны дѣломъ первой необходимости представляется—установить правильную транскрипцію, или правописаніе именъ собственныхъ. Вопросъ только въ томъ, какъ достигнуть этого. Нашъ многоуважаемый кавказскій лингвистъ, П. К. Услеръ, уже преподалъ наставленіе по этому предмету. «Безъ изслѣдованія туземныхъ языковъ — сказалъ онъ — также нельзя водворить точности въ географической номенклатурѣ, какъ безъ тріангуляціи нельзя водворить точности въ географической картѣ». И для того, чтобы основать номенклатуру Кавказа на прочныхъ началахъ, онъ высказалъ два тезиса:

«1) Между азбуками всѣхъ нынѣ уже письменныхъ кавказскихъ языковъ и русской азбукой слѣдуетъ установить неизмѣнное отношеніе, т. е. транскрипцію. Поддѣлка русской азбуки подъ горскіе звуки ведетъ только къ запутанности. Въ аварской азбукѣ существуетъ *шесть* различныхъ *к*, всѣ они по-русски не могутъ и не должны быть изображаемы иначе, какъ черезъ *к*. Установленіе неизмѣнной транскрипціи составляетъ первое условіе правильности номенклатуры.

«2) Для каждаго жилого мѣста преимущественно избирать то названіе, которое даютъ ему сами жители, а не сосѣди. Названіе должно быть записано на туземномъ языкѣ грамотнымъ туземцемъ и потомъ уже переписано по-русски на основаніи установленной транскрипціи. Должно заставлять туземца записывать, а не произносить, и потомъ самому переписать по-русски записанное имъ, а не прислушиваться къ его произношенію» *).

На этихъ началахъ, мало-по-малу, по мѣрѣ изслѣдованія восточно-кавказскихъ языковъ, установится вполнѣ точное правописаніе всѣхъ именъ собственныхъ, долженствующихъ быть заносимыми на карту Дагестана. Но какъ, однако, быть съ тѣми именами, которыя усвоены нами неправильно и въ этомъ неправильномъ видѣ получили уже въ нашей литературѣ право гражданства? И въ этомъ разѣ, казалось-бы, слѣдуетъ вполнѣ придержаться указанія П. К. Услара, замѣтившаго, что «трудно, напр., столь извѣстное названіе *Гимры* замѣнить туземнымъ *Гену* и т. п.». Намъ кажется, что это вполнѣ разумное замѣчаніе должно быть строго проведено черезъ всю номенклатуру карты Дагестана. Usus est tyrannus. Было-бы слишкомъ педантично писать въ настоящее время *Пари*, вмѣсто *Парижъ*, а главное, для читателей нужно было-бы это «Пари» всякій разъ объяснять въ скобкахъ общепринятымъ у насъ словомъ «Парижъ». Тоже самое слѣдуетъ замѣтить и въ отношеніи нѣкоторыхъ собственныхъ именъ дагестанскихъ: трудно, напр., ввести въ нашу литературу названіе извѣстнаго аула «Хергебъ», когда онъ давно уже извѣстенъ намъ подъ именемъ «Гергебиль»; тоже, кажется, слѣдуетъ замѣтить и о названіи «Хайдакъ», извѣстномъ намъ оффиціально подъ именемъ «Кайтагъ» и которое авторъ пишетъ: «Кайтахъ». Казалось-бы, во избѣжаніе пестроты въ номенклатурѣ, слѣдуетъ условиться и положительно остановиться на чемъ-либо строго-опредѣленномъ.

*) Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. Общества, кн. VII, Смѣсь, стр. 39.

Къ статьѣ своей г. Комаровъ присоединилъ двѣ таблицы, представляющія составъ населенія Дагестанской области, во-1-хъ, *по округамъ*, и во-2-хъ, *по племенамъ*. Мы приводимъ здѣсь послѣднюю изъ этихъ таблицъ, какъ резюмирующую весь разсмотрѣнный нами выше почтенный трудъ г. Комарова.

СОСТАВЪ НАСЕЛЕНІЯ ДАГЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ПЛЕМЕНАМЪ.

НАЗВАНІЕ ПЛЕМЕНЪ.	Языкъ.	Число населенныхъ пунктовъ.	Число дворовъ.	Число мужчинъ.	Число женщинъ.	Всего.
1. Аварскія племена:						
Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ.....	Нѣсколько нарѣчій Аварскаго языка.	13	2399	5190	4969	10159
» Даргинскомъ		4	749	1706	1583	3289
» Андійскомъ		28	3093	5166	5527	10693
» Аварскомъ		84	7828	13752	14463	28215
» Гунибскомъ.....		208	11426	20855	21069	41924
» Казикумухскомъ		8	324	709	664	1373
» Самурскомъ.....		1	66	132	154	286
		346	25885	47510	48429	95939
2. Куаппалъ (Андійцы).....	Андійскій.	10	1499	2677	3016	5693
Въ Андійскомъ округѣ.						
3. Кирди (Калалалъ, Каратинцы).						
Въ Андійскомъ округѣ.	Каратинскій.	12	1223	2191	2299	4490
» Аварскомъ » ...		1	128	225	237	462
		13	1351	2416	2536	4952
4. Садакилиду (Ахвакъ).						
Въ Андійскомъ округѣ.	Ахвакскій.	20	281	562	530	1092
» Гунибскомъ » ..		3	382	684	688	1372
		23	663	1246	1218	2464
5. Багулалъ (Ганитлало).....	Багулальскій.	6	577	991	998	1989
Въ Андійскомъ округѣ.						

6. Идери (Типдалъ). Въ Андійскомъ округѣ.	Идеринскій	6	704	1248	1267	2515
7. Чамалалъ..... Въ Андійскомъ округѣ.	Чамалальскій.	16	658	1187	1231	2418
8. Хуапи (Хуарши). Въ Андійскомъ округѣ.	Особое нарѣчіе Дидойскаго языка.	6	297	553	541	1094
9. Цеза (Цунталъ, Дидо)..... Въ Андійскомъ округѣ.	Дидойскій.	40	1184	2066	1944	4010
10. Капуча (Хваналъ). Въ Гунибскомъ округѣ.	Капучинскій.	3	425	844	864	1708
11. Гунзалъ (Ендзеби)..... Въ Гунибскомъ округѣ.	Особое нарѣчіе Капучинскаго языка.	4	169	299	269	568
12. Буюхади (Бохлихъ)..... Въ Андійскомъ округѣ.	Бохлихскій	2	303	564	538	1102
13. Горные Чеченцы. Въ Андійскомъ округѣ.	Чеченскій.	3	116	236	248	484
14. Лаки (Казикумухцы).						
Въ Даргинскомъ округѣ.	Лакскій.	3	427	961	893	1854
» Казикумухск. »		91	6930	15280	14417	29697
» Самурскомъ »		3	162	590	484	1074
		97	7519	16831	15794	32625
15. Арчинцы..... Въ Казикумухск. окр.	Арчинскій.	7	197	301	291	592
16. Даргин. племена.						
Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ..	Нѣсколько нарѣчій Даргинск. языка.	2	1853	4164	3822	7986
» Даргинск. округѣ..		249	13470	30351	28570	58921

Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.....	Нѣсколько нарѣчій Даргинск. языка.	34	2468	5262	5832	11094
» Казикумухск. округѣ		8	427	889	743	1632
» Гунибскомъ »		1	147	283	354	637
		294	18365	40949	39321	80270
17. Кайтахцы..... Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.	Кайтахскій	52	1680	3475	3575	7050
18. Ухбуканъ (Кубачинцы)	Кубачинскій.	1	400	856	983	1839
19. Табасаранцы.						
Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ....	Табасаранскій.	74	1544	3749	3616	7365
Въ Кюринскомъ округѣ.		51	1613	5098	4581	9679
		125	3157	8847	8197	17044
20. Агулы.						
Въ Казикумухскомъ округѣ.....	Агульскій	1	70	240	212	452
» Кюринскомъ округѣ.		19	984	2512	2393	4905
		20	1054	2752	2605	5357
21. Кюринцы.						
Въ Кюринскомъ округѣ.	Кюринскій.	128	8268	22108	21337	43445
» Самурскомъ »		43	5858	19289	17089	36378
		171	14126	41397	38426	79823
22. Рутульцы (Мюхадаръ) ..... Въ Самурскомъ округѣ.	Рутульскій.	17	1723	5264	4743	10007
23. Цахуръ..... Въ Самурскомъ округѣ.	Цахурскій.	15	585	1798	1630	3428
24. Кумыки.						
Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ..	Кумыкскій.	28	9371	21383	19722	41105
» Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.....		6	2074	5661	5811	11472
		34	11445	27044	25533	52577
25. Погайцы..... Кочуютъ въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ.	Татарскій.	—	345	1048	918	1966

26. Тюркскія племена.						
Въ Дербентскомъ градоначальствѣ.....	Тюрко-Адербейджанскій.	13	2754	6335	5314	11649
Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ.....		16	1309	3308	3293	6601
		29	4063	9643	8607	18250
27. Татъ.						
Въ Дербентскомъ градоначальствѣ.....	Татскій.	1	38	82	75	157
» Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ....		6	453	1169	1209	2378
		7	491	1251	1284	2535
28. Евреи.						
Въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ..	Татскій.	6	128	265	271	536
Въ Дербентскомъ градоначальствѣ.....		4	305	863	855	1718
» Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ....		7	269	653	608	1261
» Кюринскомъ округѣ.		6	270	737	710	1447
» городахъ и штабъ-квартирахъ.....		4	—	233	194	427
		27 *)	972	2751	2638	5389
29. Русскіе, армяне и другіе.						
Въ городахъ и штабъ-квартирахъ		—	—	3453	2393	5846
Всего въ Дагестанской области.....		1347	99953	229497	220037	449534

*) Въ общемъ итогѣ числа населенныхъ пунктовъ этой цифры нѣтъ, потому-что евреи не составляютъ особыхъ селеній.

Изъ числа показанныхъ въ таблицѣ жителей племени Хуани (Хуарши) слѣдуетъ исключить до 800 душъ об. п., выселенныхъ изъ Дагестана за возмущеніе, бывшее въ 1871 г. въ Ункратлѣ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ издано въ 1874 году, отдѣльною книжкою, сочиненіе Д. С. С. Александра Егоровича Соколова, подъ заглавіемъ: *Путешествіе мое въ Имеретію съ Линіи Кавказской, мое тамъ у царя пребываніе, съ нимъ сношеніе, и обратное путешествіе въ Грузію.*

Авторъ озаглавленнаго сочиненія—имѣющаго значеніе преимущественно для исторіи Закавказья—отправленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, 28 мая 1802 года, въ Грузію и Имеретію, для освобожденія царевича Константина, сына царицы Анны имеретинской, проживавшей въ Петербургѣ, изъ заточенія у имеретинскаго царя Соломона, его дяди. Кромѣ того, ему поручено было, секретной инструкціей вице-канцлера кн. Куракина, разузнать настроеніе духа и отношенія кавказскихъ народовъ къ Россіи. По первому порученію Соколовъ не имѣлъ желаннаго успѣха; но зато въ его запискахъ, веденныхъ во время путешествія, есть много интересныхъ страницъ, изъ которыхъ можно ознакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ и отношеніями кавказскихъ народовъ къ Россіи. Замѣтки эти начинаются со дня прибытія его на Линію Кавказскую, въ Георгіевскъ, 23 іюня 1802 года, и прежде всего заключаютъ въ себѣ обзоръ мѣстъ, черезъ которыя слѣдовалъ его путь, «съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ топографическихъ и статистическихъ замѣчаній, которыя мнѣ и время и обстоятельства сдѣлать позволили».

Путь автора лежалъ отъ Георгіевска на Моздокъ; отсюда, черезъ Екатеринодаръ и по переправѣ черезъ р. Малку, «слѣдовали мы далѣе—говоритъ Соколовъ—по весьма плодоносной степи, множествомъ цвѣтовъ испещренной и чащами дубовыми украшенной». Переправясь въ бродъ черезъ нѣсколько рѣчекъ, впадающихъ въ Терекъ, путешественники достигли небольшой рощи на р. Урухѣ, гдѣ и расположились ночевать. Отсюда путь ихъ

направился къ Чернымъ горамъ, «по прямой равнинѣ съ множествомъ холмиковъ до черкескаго селенія Коголькова, вокругъ коего мы занимались разсматриваніемъ многихъ столбовъ изъ камня изсѣченныхъ, съ надписями на татарскомъ языкѣ, о коихъ старшіе Кубатіевы намъ сказывали, что оные изображаютъ надгробіе славившихся князей Большой Кабарды, на тѣхъ мѣстахъ погребенныхъ». 4-го іюня авторъ приблизился къ горамъ. «Проходя дремучими лѣсами весьма трудною дорогою, безпрестанно поднимаясь и опускаясь по склизкимъ и грязнымъ пригоркамъ, едва проходимымъ отъ множества свалившагося лѣса, поднялись мы на превысокую гору, пріятнымъ скатомъ зелени и цвѣтовъ украшенную. Достигнувши вершины оной, должны мы были спѣшиться (Соколова охранялъ конвой, состоявшій изъ 20 казаковъ) и снять вьюки съ лошадей, потому-что на самой вершинѣ надобно намъ было пролѣзать щелью въ камнѣ, сдѣланною съ помощью пороха, которая носитъ имя Стодугорской (или Дюгорской) заставы. Лишь только мы перелѣзли сію щель, какъ объяты были необычайнымъ шумомъ, отъ стремящейся р. Уруха по ущелью каменныхъ горъ и съ ужасомъ увидѣвши себя на вершинѣ горы, на подобіе стѣны оканчивающейся къ подошвѣ и къ самому Уруху».

Описывая такимъ образомъ всѣ трудности горнаго пути, авторъ далѣе разсказываетъ, какъ они достигли до осетинскаго селенія Кантемира, «у самыхъ подошвъ снѣговыхъ горъ лежащаго на высотѣ». Здѣсь путешественники встрѣчены были, какъ непріятели. Жители селенія — говоритъ Соколовъ — «усмотрѣвъ насъ изъ далека съ башень своихъ, по вершинамъ горъ для осмотровъ построенныхъ, и заключивъ по вооруженнымъ казакамъ, меня конвоевавшимъ, о насъ, какъ о непріятеляхъ, собрались всѣ вооруженные къ воротамъ селенія, для отраженія насъ»... Недоразумѣніе, однако, разъяснилось и жители селенія успокоились. Дальнѣйшій путь потребовалъ отъ путешественниковъ перекостюмировки. «Выступили мы въ походъ—говоритъ Соколовъ—въ престранныхъ нарядахъ. Одежда наша состояла изъ короткихъ черкескихъ кафтановъ; на головѣ у насъ были осетинскія круглыя шапочки, на ногахъ родъ башмаковъ, весьма нефигурно сшитыхъ изъ бараней кожи, на подобіе чулочныхъ носковъ, у коихъ подошва сдѣлана на подобіе сѣтки изъ тонкаго ремешка, чтобы, ходя по снѣгу, не поскользнуться; а въ рукахъ у каждаго по надежной дубинкѣ для подпоры». Затрудняемый проводни-

ками изъ осетинъ, и застигнутый на перевалѣ черезъ снѣговой хребетъ дождями, Соколовъ, наконецъ, кое-какъ успѣлъ перевалиться, и вотъ какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Взошедъ на небольшую площадку на самой вершинѣ, объяты мы были трепетомъ, обозрѣвъ утесъ, на подобіе стѣны, излучинами къ подошвѣ оканчивающійся и снѣгомъ покрытый, по которому намъ надлежало спускаться. — Опоясавшись веревкой и давъ передній конецъ осетину, а задній Алію *), началъ я такимъ образомъ спускаться..... Отъ лучей солнца, на полднѣ уже катившагося, снѣгъ сдѣлался такъ рыхлъ, что не было возможности на ономъ ни какъ держаться; нѣсколько осетинцевъ шли впередъ, прокладывая на снѣгу слѣды, чтобы, ступивъ въ оныя, я могъ спускаться, но все было тщетно; ибо снѣгъ безпрестанно осыпался подъ осетинцемъ, впереди меня шедшимъ, имѣвшимъ въ рукѣ конецъ веревки, который, ежеминутно со слѣдовъ обрываясь, увлекалъ меня, а я за собой Алія. Катившись такимъ образомъ внизъ, засыпаемый съ головы до ногъ талымъ снѣгомъ, часто я почиталъ минуту послѣднею въ жизни моей..... Наконецъ, я сѣлъ на бурку, которую осетинцы, съ каждой стороны взявъ за уголъ, мало-по-малу за собой тащили».....

Такимъ способомъ и съ такими ощущеніями, семьдесятъ три года тому назадъ, проникъ въ Имеретію посланецъ нашего правительства! 8-го іюля онъ былъ уже въ селеніи Геби, на берегу Ріона.

Выше мы замѣтили, что сочиненіе Соколова касается главнымъ образомъ положенія Закавказья въ первые годы настоящаго столѣтія. Касаться этихъ событій не принадлежитъ къ задачамъ нашего «Сборника». Но въ книгѣ Соколова есть нѣсколько страницъ, прямо характеризующихъ одно изъ горскихъ племенъ — дигорскихъ осетинъ, черезъ земли которыхъ онъ проходилъ по пути въ Имеретію. Намъ кажется не лишнимъ привести здѣсь относящіяся къ нимъ замѣчанія Соколова—человѣка вообще любознательнаго и наблюдательнаго. При недостаткѣ свѣдѣній о прошломъ кавказскихъ горцевъ, и эти краткія замѣчанія имѣютъ свое значеніе.

Вотъ, составленное Соколовымъ, *краткое описаніе Дигора или Стодугора съ нѣкоторыми замѣчаніями*, съ соблюденіемъ правописанія подлинника.

---

*) Али Кантемиръ, главный проводникъ Соколова.

Краткое описаніе Дигора или Стодугора съ нѣкоторыми замѣчаніями.

Пространство цѣпей горъ, прежде сего Дигоромъ называвшееся, простиралось на довольное разстояніе, и именно, отъ земли владѣльца Малой Кабарды Тавъ-Султана (о коей подробнѣе изъяснено будетъ ниже) по кряжу Черныхъ и Каменныхъ Горъ и по подошвамъ снѣговыхъ, почти до Ельбруса.

Изстари Дигорцы повиновались Тавъ-Султану до тѣхъ поръ, когда Большая Кабарда возымѣла верхъ силою надъ симъ поколѣніемъ, и съ того времени Дигорцы хотя и платятъ Тавъ-Султанамъ подати за землю, но таковую же даютъ и Большой Кабардѣ, дабы тѣмъ избавиться отъ набѣговъ ихъ и разореній. Кромѣ же того Дигорскіе старшины, Кантемиры, воспитываютъ дѣтей Кабардинскихъ Князей, изъ коихъ у Алія я видѣлъ сына Князя Мисостова.

Дигорцы нынѣ раздѣляются на 2 рода, Бадилятовъ и Черкесетовъ.

Первые заключаются въ жителяхъ Дигора, отъ селенія Нары, по правой сторонѣ рѣки Уруха, въ горахъ обитающихъ, до заставы Стодугорской, и въ селеніяхъ Кабановѣ, Шегемовѣ, Каражовѣ, Тугановѣ и Кубатіевѣ, происшедшихъ отъ переселившихся изъ Дигора на землю Тавъ-Султанову семей.

А Черкесеты заключаются въ жителяхъ, обитающихъ въ горахъ, по лѣвой сторонѣ Уруха, отъ селенія Кантемира до Нары.

Сосѣдственные горскіе жители съ Бадилятами суть: Куртаянцы, Тагаурцы и Чими, подвластные владѣльцамъ Малой Кабарды, Ахлову и Мударову; сосѣди же Черкесетовъ Осетинцы, родовъ: Балкара, Ишегема и Каражей, подвластные владѣльцамъ Большой Кабарды. Балкарцы обитаютъ въ самомъ сосѣдствѣ съ Дигорцами, на рѣчкѣ Черегъ, Каражеи на рѣчкѣ того же имени, въ ущельяхъ Ельбруса, и Ишегемцы на рѣчкѣ того же имени, между Балкарцовъ и Каражей.

Почерпавъ сіи свѣдѣнія отъ старшинъ Кантемирскихъ, любопытствовалъ я отъ него о способахъ существованія Дигорцовъ, внушая имъ, сколь полезна для нихъ быть можетъ ихъ приверженность къ Россіи. Они меня увѣряли, что ни чего для нихъ лестнѣе быть не можетъ, естьли-бы токмо они могли надѣяться на то, что имъ оказаны будутъ нѣкоторыя милости; въ семъ они

никогда успѣха имѣть не могли, хотя неоднократно прибѣгали съ просьбами о томъ къ Начальствующимъ на Линіи Кавказской.

На вопросъ, отъ меня имъ сдѣланный, въ чемъ бы ихъ желанія состояли, они продолжали говорить мнѣ слѣдующее: что какъ выше сказано, Дигорцы повиновались Тавъ-Султану, въ томъ токмо отношеніи, что платили сему владѣльцу небольшую дань за землю, ими населяемую. Что нѣсколько тому лѣтъ назадъ владѣльцы Большой Кабарды, примѣтя ослабленіе потомковъ Тавъ-Султана, отъ раздѣленія, между ними происшедшаго, употребили случай тотъ въ свою пользу, начавъ господствовать не токмо надъ самими Тавъ-Султанами, но и надъ всѣми прочими селеніями, на ихъ землѣ находящимися: Кубатіевымъ, Тугановымъ, Каражовымъ, Шегемовымъ и Кабановымъ, взимая съ нихъ большія подати и преклонивъ къ себѣ старшинъ, какъ сихъ селеній, такъ и всѣхъ Дигорскихъ, избыточными подарками; и такимъ образомъ владѣльцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самыхъ подошвъ Снѣговыхъ горъ.

Стеная подъ игомъ хищниковъ, имъ самимъ подобныхъ, и видя могущество Россіи, повсюду простирающееся къ благополучію скиперту ея покоряемыхъ, желали-бы они отъ онаго избавиться.

Въ удовлетвореніе моему любопытству, какимъ-бы то образомъ могло событься, они продолжали: чтобы всѣмъ Дигорцамъ, въ безплодныхъ каменистыхъ горахъ обитающимъ, было дано дозволеніе переселиться на землю Тавъ-Султановъ, впустѣ лежащую между рѣкъ Уруха и Терека, на томъ положеніи, чтобы, при отведеніи имъ достаточнаго количества земли, за которую они не отрекутся платить подати Тавъ-Султану таковой же, каковую имъ возносятъ выше помянутыя селенія: Кубатіево, Туганово, Каражево, Ишегемово и Кабаново, построены имъ были Христіянскія церкви и къ онымъ опредѣлены священнослужители; а при томъ, чтобы они были навсегда обезпечены со стороны безопасности отъ владѣльцевъ Большой Кабарды небольшимъ, но достаточнымъ, прикрытіемъ Казаковъ или другого войска, такъ какъ подобныя прикрытія были даваны многимъ другимъ мирнымъ Осетинскимъ селеніямъ, для охраненія ихъ отъ набѣговъ Кабардинцовъ.

Границы владѣній поколѣнія Тавъ-Султановъ, какъ мнѣ старшины Дигорскіе истолковали, распространяются обширною степью слѣдующимъ образомъ: Отъ устья рѣчки Аргудана, по кряжу Снѣговыхъ горъ черезъ Урухъ, до устья Аредона, продолжаются по

лѣвому берегу сей послѣдней, до впаденія оной въ Терекъ, а потомъ черезъ Терекъ вверхъ по рѣчкѣ Киржиму, до устья рѣки Куркъ, и внизъ по оной до впаденія ея въ Терекъ, и наконецъ вверхъ по Тереку, до впаденія въ оную Аргудана.

Желающихъ переселиться на сію землю, по увѣренію Дигорскихъ, можно считать до 120 деревень, и въ оныхъ полагать до 1,400 дворовъ или семей.

Нынѣ существующіе Тавъ-Султаны четыре брата; одинъ старшій служитъ въ пограничномъ Моздокскомъ Судѣ.

Они тѣмъ охотнѣе согласятся уступить впустѣ лежащую степь Дигорцамъ, что не токмо возымѣютъ выгоду отъ сихъ переселенцевъ мѣною, но и обезпечены будутъ безопасностію отъ владѣльцовъ Большой Кабарды.

По моему мнѣнію, и для насъ отъ переселенія сего могутъ произойти ощутительныя выгоды въ томъ, что когда-бы оное вліяніемъ Высочайшей воли на Тавъ-Султановъ въ дѣйство произвелось, то во всякомъ случаѣ, относительно хищническихъ операцій горскихъ жителей Большой Кабарды на соотчичей своихъ, Россіи покоренныхъ, населеніе пункта сего, Большую Кабарду отъ Малой раздѣляющую, могло-бы служить диверсіею.

Дигорцы, не исключая изъ общаго сего названія и переселившихся на пространную землю Тавъ-Султана, которые отъ обитающихъ въ горахъ разнствуются токмо построеніемъ хижинъ, Дигорцы, которыхъ по истинѣ не можно назвать хищниками въ сравненіи съ прочими, имъ подобными, обитателями ущельевъ, народъ ни малѣйшаго просвѣщенія еще не имѣетъ. О вѣрѣ ихъ опредѣлительно можно сказать токмо то, что нѣкогда по ихъ селеніямъ путешествовали Россійскіе Священники, у которыхъ многіе крестились въ Христіянской законъ; но понятія объ ономъ имѣютъ весьма мало, или, лучше сказать, никакого, и всѣ вообще пребываютъ въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ, исповѣдуя идолопоклонническіе обряды, наполненные предразсудками, исключая, однако же, варварства. Вообще, въ семъ народѣ замѣтна наклонность къ Христіянской Вѣрѣ. Старшины ихъ или помѣщики, избираемые гласомъ народнымъ, всегда изъ семей, храбростію и благоразуміемъ отличающихся, или наслѣдственные, всѣ Татарскаго Исповѣданія.

Образъ жизни ихъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ выгодъ, или прихотей. Питаются они весьма дурно печенымъ хлѣбомъ изъ проса, или пшеницы, овечьимъ мясомъ, молокомъ и сыромъ;

кожи овечьи имъ служатъ верхнею одеждою, а часто единственною одеждою мужчинъ.

Мужчины почетные ни чѣмъ инымъ не занимаются, какъ оружіемъ. Исправное ружье, пистолетъ, сабля и кинжалъ составляютъ все его благополучіе. Простолюдины же, кромѣ тѣхъ, которые сопутствуютъ на рати съ почетными, смотрятъ за стадами, въ горахъ пасущимися, и большая часть шатается праздно.

Въ случаѣ опасности, селенію предстоящей, запрятавъ женщинъ и дѣтей въ хижины, всѣ выходятъ на выгодныя мѣста съ оружіемъ, а не имѣющіе онаго—съ пращами и дубинами.

Женщины ихъ употребляются во всѣ работы домашнія и хлѣбопашество, гдѣ грунтъ земли того позволяетъ.

Жилища горскихъ обитателей складены изъ камня, безъ всякой оныхъ связи известію, или чѣмъ другимъ. Оныя расположены всегда кучею всѣхъ семей, селеніе составляющихъ, на подобіе замка на высокихъ и неприступныхъ мѣстахъ, и при всякомъ селеніи есть нѣсколько башенъ, почти на вершинахъ горъ расположенныхъ, съ которыхъ смотрятъ во всѣ стороны караульные, и коль скоро издали примѣтятъ приближеніе чего либо сомнительнаго, то, по данному отъ нихъ сигналу, въ одно мгновеніе всѣ жители занимаютъ удобныя мѣста къ оборонѣ, такъ какъ то случилось и со мною, что все Кантемирово селеніе насъ встрѣтило съ положенными на сошки ружьями и съ пращами въ рукахъ. Жилища же переселившихся на землю Тавъ-Султана Дигорцовъ разнствуютъ отъ сихъ тѣмъ, что они расположены нѣкоторымъ образомъ регулярно селеніями при рѣчкахъ; хижины ихъ не изъ камня складены, а выстроены на подобіе Малороссійскихъ мазанокъ и крыты соломою; внутри оныхъ по наружной стѣнѣ всегда есть особое мѣсто для раскладки огня, съ отверстіемъ на подобіе трубы, для ухода дыму.

Дигорскія горы во многихъ мѣстахъ по ущельямъ наполнены непроходимыми лѣсами и изобилуютъ весьма свинцовыми и желѣзными рудниками.

Съ дикостію мѣстъ сообразуется и характеръ сего народа. Хищность, искуство въ оной, алчность къ деньгамъ, проворство въ ратяхъ и въ бѣганіи по горамъ, подобно дикимъ звѣрямъ, образъ ихъ разговора, уподобляющагося болѣе ссорѣ, когда они между собою разсуждаютъ, все доказываетъ ихъ глубокое невѣжество.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ VIII-му ВЫПУСКУ

СБОРНИКА СВѢДѢНІЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

СКАЗКИ МАНГЫШЛАКСКИХЪ ТУРКМЕНЪ.

А. К.

СКАЗКИ
МАНГЫШЛАКСКИХЪ ТУРКМЕНЪ.

(ЗАПИСАНЫ ВЪ 1871 ГОДУ СО СЛОВЪ ХОДЖА-МАМБЕТА БЕКЪ-КУЛОВА).

I.

Прожора.

Въ давнія времена жилъ одинъ царь. У этого царя было три сына; дочерей не было. Пришло время, умерла царица. Народъ сталъ говорить: не годится царю быть безъ жены. Нашли дѣвицу хорошаго рода; женился на ней царь; жилъ съ нею два года, дѣтей не было, на третій годъ царица родила дочь. Когда родилась эта дѣвочка, ночью изъ царскаго табуна пропала одна кобыла. Пришелъ табунщикъ, сказалъ объ этомъ царю; приказалъ царь хорошенько караулить табунъ, не поймаютъ-ли вора. Пошелъ табунщикъ къ табуну; на другой день опять пришелъ къ царю, сказалъ: ночью еще одна кобыла пропала. «Дурно смотрите», сказалъ царь и приказалъ старшему сыну: «иди ты въ эту ночь, карауль табунъ, не увидишь-ли чего. Это не хорошее дѣло для меня». Въ сумерки пошелъ старшій царевичъ, согналъ табунъ въ одно мѣсто, стерегъ его до разсвѣта, ничего не видалъ. Подумалъ царевичъ: вѣрно негодяи табунщики сами зарѣзали кобылъ и съѣли. Подумавши такъ, легъ и заснулъ. Проснулся уже тогда, когда солнце высоко взошло. Пошелъ табунъ посмотрѣть; пришелъ, сталъ считать, видитъ—опять одной кобылы недостаетъ; не зная, какъ и когда она пропала, воротился домой. Спросилъ его царь: «Сынъ мой! что видѣлъ?» — «Ничего не видѣлъ», отвѣчалъ царевичъ, «но еще одна кобыла пропала; какъ и когда пропала, не знаю». Разгнѣвался царь; тогда средній ца-

ревичъ сказалъ: «Отецъ! сегодня я пойду въ табунъ, что увижу—скажу». — «Иди, сынъ мой»! сказалъ царь. Пошелъ средній царевичъ; пришелъ еще засвѣтло въ табунъ, согналъ его въ одно мѣсто, караулилъ, ничего не видалъ. «Всѣ врутъ, я ничего худого не замѣчаю»! сказалъ онъ, легъ и заснулъ. Взошло солнце, проснулся царевичъ, всталъ, пошелъ къ табуну, сталъ считать; опять недостаетъ одной кобылы; не зная, какъ и когда она пропала, воротился домой, пришелъ къ отцу, сказалъ: «ничего не видѣлъ; но еще одна кобыла пропала».

Крѣпко разсердился царь. Въ это время младшій царевичъ сказалъ: «Отецъ! сегодня я пойду табунъ караулить». Ничего не отвѣчалъ царь. Пошелъ младшій царевичъ, осѣдлалъ отцовскаго коня, взялъ его оружіе, поѣхалъ въ табунъ. Пріѣхалъ, собралъ табунъ въ одно мѣсто, подъѣхалъ къ большому дереву, слѣзъ съ коня, развелъ огонь, приготовилъ себѣ ужинъ; только что собрался ѣсть, видитъ: идетъ старая старуха, голова у ней какъ котелъ. Подошла къ нему старуха, сѣла около него; сидѣла, сидѣла, ни слова не сказала; встала, ушла. Почему я съ ней не заговорилъ? подумалъ царевичъ; дай-ка пойду за нею, посмотрю, что будетъ? Всталъ онъ, сѣлъ на коня, поѣхалъ, догналъ старуху. Шла, шла старуха, пришла къ большому камню, подняла камень, ушла подъ него; камень на прежнее мѣсто опустился. Подъѣхалъ царевичъ къ этому камню, слѣзъ съ коня, привязалъ его, поднялъ камень, видитъ—большая пещера, стоитъ большой котелъ и въ немъ варится мясо отъ сорока кобылъ. Старуха обернулась къ нему и сказала: «Добро пожаловать, сынокъ, войди въ нашъ домъ. Намъ давно нужно такого молодчика. Хорошо сдѣлалъ, что пришелъ». Вошелъ царевичъ въ пещеру, видитъ: сорокъ свѣтильниковъ горятъ, сорокъ разбойниковъ лежатъ и спятъ. Подошелъ къ нимъ царевичъ, поднялъ съ полу сапогъ, да одного изъ нихъ по головѣ имъ стукнулъ. Вскочили разбойники, зашумѣли, закричали: кто это ударилъ? кто ударилъ? Прибѣжала старуха, спросила: что случилось? Разсказали ей разбойники, какъ было дѣло. Она говоритъ имъ: «Ничего! сюда пришелъ одинъ молодецъ, вѣрно это онъ сдѣлалъ». Царевичъ успѣлъ спрятаться, стали его искать; нашли, вывели, говорятъ ему: это ты, негодяй, такое дѣло сдѣлалъ? Онъ отвѣчалъ имъ: «правда, я это сдѣлалъ. Спать-ли молодцу по ночамъ? Я сынъ вора и самъ воровать вышелъ, буду вамъ товарищемъ». Обрадовались разбойники, говорятъ: «такого-то молодца намъ и недоставало». Приказа-

ли старухѣ поскорѣй имъ ѣсть принести; спросили царевича: «знаешь-ли такое мѣсто, гдѣ-бы намъ хорошенько поживиться»? Отвѣчалъ царевичъ: «знаю я, изъ всѣхъ мѣстъ, самое лучшее. У сосѣдняго царя есть три дочери; добра у нихъ видимо, невидимо! Пойдемъ украдемъ ихъ, отдадимъ тремъ старшимъ изъ насъ». Очень обрадовались этому разбойники. Старуха принесла кушанье, усѣлись они, каждый съѣлъ по вареной кобылѣ; царевичу небольшой кусокъ дали. Наѣвшись, встали разбойники, осѣдлали лошадей, вывели изъ-подъ камня, сѣли, сказали царевичу: «поѣзжай впередъ! куда ты поѣдешь, туда и мы». Поѣхалъ царевичъ, разбойники за нимъ.

Три царевны жили въ особомъ дворцѣ, который для нихъ выстроилъ, за городомъ, царь, ихъ отецъ. Поѣхали разбойники къ этому дворцу. Подъѣхали близко, остановились; сказалъ имъ царевичъ: «слѣзайте съ коней, ждите меня тутъ, если-же я васъ буду звать, то приходите ко мнѣ по-одиночкѣ».—Хорошо! отвѣчали разбойники. Царевичъ пошелъ во дворецъ, вошелъ въ ворота; увидѣлъ его караульщикъ, спросилъ: кто ты?—«Я», отвѣчалъ царевичъ. Караульщикъ подумалъ, что это, вѣроятно, посланный отъ царя, оставивъ товарищей, одинъ идетъ къ царевнамъ, ничего больше не сказалъ. Подошелъ царевичъ къ караульщику, убилъ его. Отворилъ двери, вошелъ во дворецъ; видитъ: горятъ три свѣтильника, три царевны лежатъ на кроватяхъ и спятъ; у каждой царевны въ головахъ лежитъ по мечу. Взялъ царевичъ мечъ старшей царевны, вытащилъ изъ ноженъ отцовскій мечъ, ударилъ по мечу царевны, разрубилъ его, на прежнее мѣсто положилъ; взялъ мечъ средней царевны и его разрубилъ, на прежнее мѣсто положилъ. Взялъ онъ мечъ младшей царевны, ударилъ, разсыпался отцовскій мечъ; подобралъ царевичъ куски, вложилъ въ ножны младшей царевны, а ея мечъ вложилъ въ свои ножны, вышелъ изъ дворца, затворилъ двери, сталъ звать разбойниковъ. Подошелъ къ нему одинъ изъ разбойниковъ, спросилъ: «что случилось, товарищъ»?—«Иди сюда»! сказалъ царевичъ; отвелъ его въ сторону, ударилъ мечомъ по шеѣ, отсѣкъ голову, отрѣзалъ одно ухо, на нитку вздѣлъ его; позвалъ другого разбойника, съ нимъ сдѣлалъ тоже. Такимъ порядкомъ, одинъ по одному, со всѣми покончилъ, всѣхъ сорокъ убилъ. Сорокъ головъ въ одно мѣсто сложилъ, сорокъ туловищей въ другое мѣсто собралъ, сорокъ ушей нанизалъ на нитку, повѣсилъ надъ дверями, вбилъ колъ, привязалъ къ нему сорокъ коней. Кончивъ все это, сѣлъ на коня, назадъ поѣхалъ;

пріѣхалъ къ камню, поднялъ его, вошелъ въ пещеру, сказалъ старухѣ: «бабушка! гдѣ у тебя ключи отъ кладовой»? Догадалась старуха, что нехорошее что-то случилось; не дала ключей. Вынулъ царевичъ мечъ, отрубилъ старухѣ руку; отдала она ключи. отворилъ царевичъ кладовую; денегъ въ ней—безъ счету, драгоцѣнныхъ вещей—биткомъ набито. Осмотрѣвъ все, вышелъ царевичъ, заперъ кладовую, ключъ себѣ взялъ, пошелъ, убилъ старуху, вышелъ изъ пещеры, опустилъ камень, сказалъ: «время теперь отцовскій табунъ посмотрѣть». Сѣлъ онъ на коня, поѣхалъ; пріѣхалъ къ табуну, собралъ его, погналъ къ дому. Начало разсвѣтать; видитъ царевичъ: показалось надъ табуномъ черное облако и стало спускаться. «Не было-бы бѣды»! подумалъ царевичъ, взялъ отцовскій лукъ, пустилъ стрѣлу въ облако. «Ай»! послышалось изъ облака и что-то упало на землю. Подошелъ царевичъ, видитъ—лежитъ на землѣ дѣтскій палецъ; поднялъ его, въ платокъ завернулъ, въ карманъ положилъ. Воротился царевичъ домой, когда уже солнце взошло, пришелъ къ отцу и сказалъ: «ничего не видѣлъ».—«А табунъ цѣлъ-ли»? спросилъ царь. —«Цѣлъ», отвѣчалъ онъ.

Въ это время пришла царица и плача сказала: «у моей дочери какой-то злой человѣкъ отрѣзалъ одинъ палецъ и унесъ его». Вынулъ царевичъ изъ кармана платокъ, досталъ палецъ, подалъ его царицѣ, сказалъ: «въ степи нашелъ». Приложили палецъ къ рукѣ дѣвочки,—ея палецъ; закричала, заплакала царица, стала просить царя убить младшаго сына; не согласился на это царь.

Рано утромъ проснулись три царевны, увидѣли, что ихъ мечи разрублены, а въ ножны младшей царевны вложены куски чужого меча; выскочили на дворъ, видятъ: сторожъ ихъ, убитый, лежитъ; сорокъ отрубленныхъ головъ въ одну кучу сложены, сорокъ туловищей въ другомъ мѣстѣ собраны, сорокъ ушей, нанизанныхъ на нитку, надъ дверями висятъ, сорокъ коней, къ одному колу привязанныхъ, стоятъ. Испугались царевны; послали къ царю, отцу ихъ, служанку разсказать, что случилось. Услышалъ царь объ этомъ происшествіи, приказалъ своему войску собираться. Собралось войско, вышелъ царь, сѣлъ на коня, поѣхалъ, съ войскомъ, во дворецъ къ дочерямъ. Пріѣхалъ, увидѣлъ, что все такъ есть, какъ разсказала служанка.

Разослалъ царь гонцовъ во всѣ города, во всѣ жилья, объявить, что скоро у него будетъ собраніе, для совѣщанія по одному важному дѣлу, и просилъ всѣхъ пріѣхать. Дошла объ этомъ

вѣсть и до царя, отца трехъ царевичей; взялъ онъ всѣхъ трехъ сыновей, всѣхъ своихъ людей собралъ, съ ними пріѣхалъ къ царю, отцу трехъ царевенъ. Пріѣхали, видятъ: на площади лежатъ ножны младшей царевны и возлѣ нихъ куски меча; особо назначенные люди смотрятъ, чей мечъ войдетъ въ ножны. Много народа подходило пробовать,—ничей мечъ не вошелъ въ ножны. Подошли три царевича: двухъ старшихъ мечи не вошли въ ножны; младшаго царевича мечъ какъ разъ пришелся по ножнамъ, а разрубленный мечъ ровно вошелъ въ его ножны. Заговорилъ народъ объ этомъ; узналъ и царь, отецъ трехъ царевенъ, позвалъ къ себѣ младшаго царевича, спросилъ его: «твое было дѣло, молодецъ»? — «Да, я это сдѣлалъ», отвѣчалъ царевичъ и разсказалъ все, по порядку. — «Ай да молодецъ»! сказалъ царь и всѣ присутствующіе. Стали цари дѣтей своихъ сватать; женились три царевича, на трехъ царевнахъ. Большой пиръ былъ. Взялъ царь сыновей своихъ, съ женами, отправился въ свое царство. Вышла имъ на встрѣчу царица, сказала царю: «не хочу видѣть младшаго твоего сына; выгони его отсюда, пускай живетъ въ другомъ мѣстѣ». Царь сына выгнать не выгналъ, но и въ дворецъ свой не пустилъ. Увидалъ царевичъ, что мачиха ему зла желаетъ, сказалъ самъ себѣ: «нельзя жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ насъ не любятъ». Приготовилъ коня, оружіе, выбралъ хорошій день, попрощался съ молодою женой, сѣлъ на коня, въ путь отправился. Куда поѣхалъ онъ—никто не зналъ. Ѣхалъ царевичъ, ѣхалъ, три мѣсяца ѣхалъ; пріѣхалъ къ высокому развѣсистому дереву; остановился, слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его, пустилъ на траву, положилъ сѣдло подъ голову, легъ и сталъ дремать. Вдругъ слышитъ какой-то звукъ; всталъ царевичъ, посмотрѣлъ на дерево, ничего не замѣтилъ; только-что опять легъ, опять слышитъ какой-то шумъ на деревѣ. Всталъ царевичъ, посмотрѣлъ на дерево; видитъ наверху орлиное гнѣздо, въ немъ сидятъ орлята и кричатъ; большая змѣя ползетъ по дереву къ гнѣзду. Выхватилъ царевичъ мечъ, подбѣжалъ къ дереву, разсѣкъ змѣю пополамъ; упала она на землю, разрубилъ онъ ей голову на два куска; потомъ пошолъ легъ онъ на свое мѣсто и заснулъ. Въ гнѣздѣ было три орленка; каждый годъ мать ихъ выводила на этомъ деревѣ дѣтей и каждый годъ въ это самое время всѣхъ ихъ пожирала змѣя. Скоро прилетѣла орлица, увидѣла, что дѣти ея цѣлы и здоровы; сказала: «ахъ, дѣтки мои! васъ-ли я вижу цѣлыми, кто васъ спасъ»? Заплакала она отъ радости, на гнѣздо сѣла. Орля-

та отвѣчали ей: «сидѣли мы, ничего не зная; вдругъ видимъ: лѣзетъ къ намъ злая змѣя, чтобы насъ съѣсть, но вотъ тотъ молодецъ, который теперь спитъ, разрубилъ ее на три куска». Слетѣла орлица съ дерева, сѣла возлѣ царевича. Проснулся царевичъ, всталъ; заплакавши, говоритъ ему орлица: «большое добро ты мнѣ, молодецъ, сдѣлалъ,—чѣмъ отплатить тебѣ?—«Мнѣ ничего не надо», отвѣчалъ ей царевичъ. Взлетѣла орлица на гнѣздо, сказала: «дѣтки мои! двухъ изъ васъ я дарю этому молодцу, служите ему». Отвѣчали ей орлята: «на приказаніе твое, матушка, мы согласны, только разскажи намъ, за что ты отдаешь насъ»? —«Дѣтки»! сказала орлица, «каждый годъ въ этомъ гнѣздѣ бывали у меня дѣти и каждый годъ, въ это самое время, змѣя всѣхъ ихъ поѣдала; теперь этотъ молодецъ убилъ змѣю, избавилъ меня отъ страшнаго врага; вотъ за что я и подарила ему двухъ изъ васъ». Тѣмъ временемъ царевичъ коня осѣдлалъ, оружіе надѣлъ, сѣлъ, поѣхалъ; слетѣли орлята съ гнѣзда, полетѣли надъ его головой, по обѣ стороны. Понравилось это царевичу; продолжалъ онъ ѣхать, ѣхалъ еще одинъ мѣсяцъ; ничего не случилось. Въ одинъ день подъѣхалъ онъ къ дремучему лѣсу; вдругъ слышитъ громкій ревъ; поѣхалъ онъ туда, видитъ: лежитъ львица, реветъ, одна нога у ней распухла отъ занозы. Подъѣхалъ къ ней царевичъ, съ коня слѣзъ, занозу вытащилъ, гной выдавилъ, лапу тряпкой завязалъ. Львица ему сказала: «Гай! молодецъ! много ты мнѣ добра сдѣлалъ; у меня шестеро дѣтей, но отъ нихъ я еще не видала ничего хорошаго». Заревѣла львица, позвала дѣтей; скоро шесть львовъ прибѣжали, спросили: «зачѣмъ ты, мать, звала насъ»? Сказала имъ львица: «ай, дѣтки! сколько времени я болѣла, никто изъ васъ не помогъ мнѣ, а вотъ этотъ молодецъ сразу меня вылѣчилъ; теперь онъ мнѣ милѣе васъ, за это двухъ изъ васъ я дарю ему, служите ему». Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва по обѣ стороны его побѣжали. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, нѣсколько мѣсяцевъ ѣхалъ, подъѣхалъ къ большому городу; передъ городомъ рѣка. Пріѣхалъ царевичъ на берегъ рѣки, слѣзъ съ коня, разсѣдлалъ его, на траву пустилъ, свою одежду снялъ, найденныя лохмотья надѣлъ, приказалъ орламъ и львамъ остаться при конѣ, самъ въ городъ пошелъ, у мясниковъ десять бараньихъ шкуръ и требухъ купилъ, назадъ воротился, спать легъ. Утромъ рано всталъ, умылся, шкуры вмѣстѣ связалъ, на себя надѣлъ; требухъ вывернулъ, вмѣсто шапки на голову надѣлъ, такъ въ городъ пошелъ.

Пришелъ, какъ нищій у каждой двери сталъ милостыни просить. Такъ каждый день въ городъ ходилъ. Разъ, вечеромъ, одѣлся царевичъ въ свои одежды, сѣлъ на коня, съ орлами и львами, по берегу рѣки, прогуливался. У царя этого города было три дочери; младшая увидѣла прогуливающагося царевича; понравился онъ ей. «Хорошо-бы мнѣ за него замужъ выйти», подумала она, съ этой мыслью спать легла. Ничего не зная объ этомъ, вернулся царевичъ на свое мѣсто, заснулъ. Утромъ, вставши, опять бараньи шкуры и требухъ надѣлъ, въ городъ пошелъ, у каждой двери милостыню просилъ. Приказала младшая царевна замѣсить тѣсто, положила въ него свое кольцо, лепешку испекла, свою служанку позвала; приказала отдать этому нищему лепешку, когда онъ къ ея двери прійдетъ. Пришелъ царевичъ, лепешку взялъ, на свое мѣсто возвратился. Пошла младшая царевна къ сестрамъ, сказала имъ: «знаете-ли что я вамъ скажу»? Стали ее сестры просить: «скажи, да скажи»! Говоритъ она: «время быстро уходитъ; а нашъ отецъ, кажется, и не думаетъ насъ замужъ выдавать»! — «Что-же намъ дѣлать»? спросили ее сестры. — «Погодите! я найду дорогу», сказала она; пошла въ садъ, садовника позвала, сказала ему: «дай мнѣ три яблока: одно совсѣмъ зеленое, другое на половину спѣлое, третье совсѣмъ спѣлое». Пошелъ садовникъ выбирать яблоки, выбралъ такія, какъ приказала царевна, принесъ, отдалъ ей. Завязала она ихъ въ платокъ, къ отцу отослала. Смотрѣлъ царь на яблоки, смотрѣлъ, ничего не понялъ; царицу спросилъ. Отвѣчала царица: «развѣ не видишь, что это значитъ? Пора дочерей замужъ выдавать». Понялъ царь, въ чемъ дѣло. Приказалъ яблоки назадъ дочерямъ отнести и сказать, что на утро соберетъ всѣхъ мужчинъ и велитъ имъ, по-одиночкѣ, проходить передъ балкономъ, а на балконѣ должны стоять царевны, и чтобы каждая бросила свое яблоко тому человѣку, за котораго хочетъ замужъ выйти.

Приказалъ царь собрать всѣхъ мужчинъ изъ своего царства. Пришли всѣ, кто только могъ ходить. Велѣлъ царь всѣмъ, одинъ за однимъ, передъ балкономъ пройти; а на балконъ уже вышли царевны, съ яблоками въ рукахъ. Начали мужчины передъ ними проходить; прежде всѣхъ пошли два царскіе визиря; прошли, за ними пошли два ихъ сына—оба красивые молодцы; какъ только поравнялись они съ балкономъ, обѣ старшія царевны бросили свои яблоки, одна первому, другая второму. Пошелъ за тѣмъ народъ, идутъ, идутъ, никому не бросаетъ младшая ца-

ревна своего яблока. Всѣ прошли, не бросила. Видитъ царь: стоитъ нищій, въ бараньи шкуры обернутъ, вонючій требухъ на головѣ,—приказалъ и ему пройти. Подошелъ нищій къ балкону, бросила ему яблоко младшая царевна. Крѣпко огорчился царь; сказалъ: «не разсмотрѣла, видно, моя дочь, что это за человѣкъ». Однако не хотѣлъ свое слово измѣнить, отдалъ младшую дочь этому нищему. Для двухъ старшихъ дочерей сдѣлалъ царь большой пиръ; для младшей дочери пира не сдѣлалъ. Былъ возлѣ царской конюшни небольшой домикъ,—въ немъ помѣстили нищаго съ женою; никто къ нимъ не ходилъ, только одна царица изрѣдка навѣщала дочь.

Однажды сильно заболѣлъ царь; старые люди сказали, что отъ его болѣзни только и есть одно лѣкарство, мясо кулана *). Спросилъ царь: «гдѣ-же его достать»? Оба визиря отвѣчали: «наши сыновья достанутъ»! Пошли визири домой, послали сыновей на охоту, приказали имъ привезти мяса кулана. Узнала объ этомъ младшая царевна, сказала мужу: «а ты для чего сидишь дома? Почему не ѣдешь на охоту»?—«Подожди, отвѣчалъ онъ, поѣду». Надѣлъ бараньи шкуры, вонючій требухъ на голову насунулъ, вышелъ изъ города, пришелъ на берегъ рѣки, гдѣ пасся его конь; сбросилъ съ себя шкуры, требухъ, обмылся, надѣлъ свои одежды, осѣдлалъ коня, надѣлъ оружіе, сѣлъ, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва, разинувъ пасти, по обѣ стороны его побѣжали; скоро пріѣхалъ на то мѣсто, гдѣ охотились сыновья визирей. Увидѣли они его, спросили: «что это за молодецъ? Такого еще никогда не бывало въ нашемъ царствѣ». Никто не зналъ его.

Приказалъ царевичъ орламъ найти кулана; полетѣли орлы въ разныя стороны; скоро увидали кулана; побѣжали львы, поймали его. Прискакалъ царевичъ, слѣзъ съ коня, перерѣзалъ горло у кулана, сказавъ: «да будетъ мясо твое вредно, а кишки лѣкарство»! Распоролъ животъ, вытащилъ кишки. Въ это время подъѣхали къ нему визирскіе сыновья, стали просить его продать имъ мясо кулана. — «Отдамъ, сказалъ царевичъ, только не за деньги, а если согласитесь, чтобы я на вашихъ крестцахъ положилъ свои клейма». Не согласились они, снова стали деньги предлагать. Царевичъ сказалъ: «только тогда и отдамъ, когда на крестцы ваши свои клейма положу». Подумали

*) Дикій оселъ.

визирскіе сыновья, подумали, сказали: «кто намъ въ эти мѣста смотрѣть станетъ»? Согласились, раздѣлись, наложилъ царевичъ на обоихъ свои клейма; отдалъ имъ мясо кулана, взяли его визирскіе сыновья, въ городъ поѣхали.

Царевичъ воротился на берегъ рѣки, разсѣдлалъ коня, на траву пустилъ, раздѣлся, чисто-на-чисто куланьи кишки перемылъ, бараньи шкуры надѣлъ, вонючій требухъ на голову насунулъ, кишки за пазуху положилъ, къ женѣ пошелъ. Прійдя домой, велѣлъ женѣ куланьи кишки хорошенько сварить. Сварила ихъ она, на блюдо положила, къ отцу понесла; принесла, отдала матери. Очень худо сдѣлалось царю, когда онъ поѣлъ куланьяго мяса, привезеннаго двумя старшими зятьями. Въ это время принесла царица блюдо съ кишками, поставила передъ царемъ.—»Это что такое»? спросилъ царь.—«Это куланьи кишки», отвѣчала царица, «старшіе зятья наши бросили ихъ; а зять-нищій подобралъ, домой принесъ; дочь наша, его жена, сварила и тебѣ прислала». Царь сказалъ: «отъ мяса мнѣ сдѣлалось хуже, какая-же польза можетъ быть отъ кишекъ? выбрось ихъ»! Стала его царица просить не обидѣть дочь, пожалѣть ее, хоть чуть-чуть попробовать приготовленнаго ею кушанья. Взялъ царь ложку этого кушанья, въ ротъ положилъ, проглотилъ,—понравилось ему; съѣлъ еще ложку, еще вкуснѣе показалось; ложка за ложкой, все дочиста съѣлъ царь; скоро совсѣмъ здоровъ сталъ.

Много времени, послѣ этого, прошло. Однажды прискакалъ гонецъ отъ сосѣдняго царя звать царя, съ царицей, съ дѣтьми, съ народомъ. на большой пиръ. Согласился царь, приготовиться велѣлъ. Утромъ царь съ двумя старшими зятьями, царица со всѣми тремя дочерями, визири, почетные люди, весь народъ, отправились къ сосѣднему царю въ гости. Просила младшая царевна своего мужа, чтобы и онъ одѣлся и ѣхалъ на пиръ. Согласился царевичъ, надѣлъ бараньи шкуры, вонючій требухъ на голову насунулъ, изъ дома вышелъ; увидалъ его народъ, уходившій на пиръ, сталъ надъ нимъ смѣяться. Когда всѣ ушли, пошелъ царевичъ на берегъ рѣки, бараньи шкуры сбросилъ, вонючій требухъ снялъ, въ свои одежды одѣлся, коня осѣдлалъ, оружіе надѣлъ, сѣлъ, поѣхалъ; два орла надъ головой его полетѣли, два льва, разинувъ пасти, по обѣ стороны его побѣжали. Скоро догналъ царевичъ народъ, идущій на пиръ; увидали его, сказали царю. Остановился царь, посмотрѣлъ на царевича; понравился онъ ему; послалъ царь ему сказать, чтобы

ѣхалъ вмѣстѣ съ ними на пиръ; поѣхалъ царевичъ. Пріѣхали въ городъ сосѣдняго царя, подъѣхали къ сборному мѣсту; всѣ слѣзли съ лошадей, слѣзъ и царевичъ. Жена его послала къ нему слугъ своихъ сказать, чтобы подошелъ къ царю, ея отцу. Пошелъ царевичъ къ царю; орлы, львы его при конѣ остались. Посадилъ царь царевича возлѣ себя, спросилъ: изъ какого онъ царства, чей сынъ, откуда и куда ѣдетъ. Назвалъ царевичъ своего отца; потомъ сказалъ: «бѣжали у меня два раба, ихъ отыскивать ѣду я». — «Хорошо, сказалъ царь, здѣсь много народа, послѣ посмотримъ, не найдутся-ли ваши рабы». Начался пиръ, много разныхъ кушаній, питей, разносили, много танцовали, забавлялись, смѣялись, очень веселились. Кончился пиръ; приказалъ царь, чтобы никто изъ его людей не смѣлъ уходить домой, пока не увидитъ всѣхъ царевичъ, отыскивающій своихъ рабовъ. Сказалъ царевичъ, что у его рабовъ на крестцахъ положены его клейма. Велѣлъ царь всѣмъ раздѣться и по-одиночкѣ проходить. Раздѣлись, начали, одинъ за другимъ, проходить; всѣ прошли, ни у кого нѣтъ клейма; остались двое царскихъ зятей; велѣлъ царь имъ раздѣться; раздѣлись они: смотрятъ, видятъ у обоихъ на крестцахъ клейма. Очень царь огорчился и устыдился, а царевичъ сказалъ ему: «за ваши ласки дарю вамъ обоихъ этихъ рабовъ».

Попрощались цари, пожелали другъ другу здоровья. Сталъ пріѣзжій царь домой собираться, вышла царица, вышли ея дочери; къ младшей одинъ орелъ подлетѣлъ, одинъ левъ подбѣжалъ, проводили ее до арбы; самъ-же царевичъ ее за руку взялъ, провелъ и посадилъ. Увидала это царица, очень обрадовалась, подумала: ужъ не мужъ-ли это ея младшей дочери. Поѣхало царское семейство, поѣхалъ царь, за нимъ на своемъ конѣ, съ орлами и львами, поѣхалъ царевичъ. Пріѣхали въ городъ, вошелъ царь во дворецъ, особаго человѣка поставилъ смотрѣть, куда пойдетъ царевичъ. Старшія двѣ царевны по своимъ домамъ разошлись, младшая осталась у воротъ. Подъѣхалъ царевичъ, со своими орлами и львами, слѣзъ съ коня, взялъ жену за руки, вошелъ съ ней въ свой домикъ. Конь, орлы и львы у воротъ остались. Какъ только сказали объ этомъ царю, побѣжала царица къ младшей дочери, вошла, видитъ—сидитъ она, обнявшись съ царевичемъ. Теперь вѣрно узнала царица, кто мужъ ея младшей дочери. Пошла, сказала объ этомъ царю. Обрадовался царь, позвалъ младшаго зятя съ женой къ себѣ, обласкалъ ихъ, большой пиръ сдѣлалъ. Приказалъ для нихъ новый, хорошій домъ по-

строить, убрать, украсить его; когда домъ былъ готовъ, съ почетомъ ввели въ него царевича, съ женою, стали они въ немъ жить. Прошло нѣсколько времени. Разъ царевичъ, сидя съ женой, тяжело вздохнулъ. «Развѣ тебѣ чего-нибудь недостаетъ? сказала жена, о чемъ ты такъ вздыхаешь»?—«Такъ себѣ вздохнулъ, безъ всякой причины», отвѣчалъ ей царевичъ. Не повѣрила она, пристала къ нему: скажи да скажи. Разсказалъ царевичъ женѣ все подробно, что съ нимъ прежде случилось. Выслушавъ его разсказъ, задумалась царевна; подумала, подумала, сказала ему: —«Хочешь узнать, что въ твоемъ царствѣ дѣлается? съѣзди туда, счастливый тебѣ путь! Узнаешь, если здоровъ будешь, ко мнѣ возвращайся». Обрадовался царевичъ, согласился въ свое царство съѣздить. Сказали объ этомъ царю. «Хорошо, пускай ѣдетъ»! сказалъ царь. Вышелъ царевичъ изъ дома, пошелъ къ своему коню, осѣдлалъ его, прилетѣли къ нему два орла, прибѣжали два льва. Поблагодарилъ царевичъ орловъ за все добро, которое они ему сдѣлали, сказалъ имъ: «теперь летите себѣ домой»; попрощались съ нимъ орлы, улетѣли. Сказалъ царевичъ львамъ: «и вы бѣжите себѣ домой». Отвѣчали ему львы: «мы еще нужны будемъ тебѣ, не уйдемъ»! Приказалъ имъ царевичъ остаться при женѣ его, пока онъ будетъ ѣздить. Пошелъ царевичъ, попрощался съ царемъ, царицею, со всѣмъ царскимъ семействомъ. Вышла жена его провожать, сказалъ ей царевичъ: «львы пускай при тебѣ останутся; во всякое время, какъ только захотятъ уйти, отпусти ихъ». Сѣлъ царевичъ на коня, поѣхалъ; жена его, съ плачемъ, домой воротилась.

Ѣхалъ царевичъ, ѣхалъ, благополучно до своего царства доѣхалъ; не попадается ему по дорогѣ никакой скотины, ни одного человѣка. Пріѣхалъ въ свой городъ, видитъ—во всемъ городѣ души живой нѣтъ. Опечалился онъ, поѣхалъ во дворецъ своего отца, и тамъ никого нѣтъ. Престолъ, золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчугъ, все цѣло, все на своихъ мѣстахъ; обошелъ онъ весь дворецъ, никого живого не нашелъ. Вышелъ царевичъ изъ дворца, сѣлъ на коня, поѣхалъ по городу, долго ѣздилъ, никого не встрѣтилъ, вездѣ пусто. Вдругъ увидалъ за городомъ, въ степи, въ одномъ мѣстѣ дымъ. Поѣхалъ туда царевичъ, пріѣхалъ, видитъ: стоитъ кибитка, вышла изъ нея женщина и сказала: «добро пожаловать, братъ мой»! Узналъ онъ сестру, у которой отрубилъ палецъ. Обняла она его, ввела въ кибитку, усадила на почетное мѣсто, сама вонъ вышла. Оглянулся царевичъ,

видитъ: сидятъ отецъ его, мачиха, два брата, ихъ жены и его жена. Всѣ семеро худые, тощіе, едва души въ нихъ держатся. Вошла сестра его, спросила: «братъ! сколько ногъ у твоего коня»? Догадался царевичъ, что она сожрала одну ногу, отвѣчалъ: «три». Вышла она, опять вошла, спросила: «братъ! у коня твоего сколько ногъ»? — «Двѣ», отвѣчалъ онъ. Опять вышла она, вошла, спросила: «братъ! сколько у твоего коня ногъ»?—«Одна», отвѣчалъ онъ. Снова вышла она, вошла, спросила: «братъ! сколько у твоего коня ногъ»? — «Мой конь безногій», отвѣчалъ онъ. Вышла она еще разъ, возвратясь спросила: «братъ! ты сюда на конѣ пріѣхалъ или пѣшкомъ пришелъ»?—«Я сюда пѣшкомъ пришелъ, коня у меня не было», отвѣчалъ онъ. Черезъ нѣсколько времени сказала она ему: «братъ мой! возьми балалайку, сядь на верхнемъ кругу кибитки, ноги сюда свѣсь, поиграй намъ; а я для тебя обѣдъ приготовлю». Взяла она котелъ, налила воды, надъ огнемъ повѣсила. Взялъ царевичъ балалайку, вышелъ изъ кибитки, чтобы сѣсть, какъ сказала сестра. Прибѣжала къ нему лисица, спросила: «молодецъ, что хочешь дѣлать»?—Сказалъ ей царевичъ все; выслушавъ его, лисица сказала ему: «твоя сестра прожора, она хочетъ съѣсть тебя, ты ея врагъ съ-тѣхъ-поръ, какъ отстрѣлилъ ей палецъ; развѣ все это выскочило у тебя изъ памяти? Слушай меня и сдѣлай вотъ-что: оба твои сапога наполни пескомъ и повѣсь на кругу, балалайку дай мнѣ, я буду играть, а самъ бѣги отсюда». Послушался царевичъ лисицы; отдалъ ей балалайку, снялъ сапоги, набилъ ихъ пескомъ, привязалъ къ кругу, спустилъ въ кибитку; самъ взялъ мечъ и три стрѣлы, побѣжалъ въ степь. Потренькивая на балалайкѣ, усѣлась лисица на кибиткѣ. Черезъ нѣсколько времени подняла прожора обѣ руки вверхъ, ухватилась за сапоги, потащила; посыпался изъ сапогъ песокъ, засорилъ ей глаза. Протерла она глаза, выскочила изъ кибитки, видитъ: лисица на балалайкѣ играетъ, брата ея нѣтъ; догадалась, что онъ убѣжалъ. Посмотрѣла она кругомъ, увидала его далеко въ степи, погналась за нимъ. Видитъ царевичъ, нагоняетъ его прожора, не уйти ему отъ нея; взялъ онъ три стрѣлы, въ трехъ мѣстахъ воткнулъ ихъ въ землю; сдѣлалось три дерева. Взлѣзъ онъ на одно дерево, сидитъ,—подбѣжала прожора, начала зубами грызть дерево; перегрызла, упало оно, успѣлъ царевичъ на другое дерево перелѣзть; перегрызла она и другое дерево, упало оно; перелѣзъ царевичъ на послѣднее дерево,—начала прожора и его грызть.

Узнали львы, что хозяину ихъ грозитъ бѣда, налились ихъ глаза кровью; увидала это жена царевича, подумала, что они уйти хотятъ, выпустила ихъ. Побѣжали львы на помощь къ царевичу; увидала ихъ прожора, перестала дерево грызть, сказала: «братецъ! какіе это звѣри бѣгутъ»? — «Львы», отвѣчалъ онъ, «они тебя съѣдятъ»! — «Куда-бы мнѣ спрятаться»? сказала она. — «Полѣзай въ воду»! сказалъ царевичъ. Побѣжала она, влѣзла въ озеро по самое горло. Подбѣжали львы, увидали ее, бросились въ озеро, вытащили оттуда злодѣйку, на куски разорвали. Обрадовался царевичъ, избавившись отъ бѣды, слѣзъ съ дерева, со львами къ кибиткѣ пошелъ. Пришли, приказалъ царевичъ львамъ: «бѣгите въ степь, пригоните какую-нибудь скотину, надо кормить отца, мачиху, братьевъ съ ихъ женами, мою жену; надо ихъ сдѣлать на людей похожими». Побѣжали львы, скоро много скота нагнали, накормилъ царевичъ всѣхъ семерыхъ, вышли они изъ кибитки; въ городъ, въ свои дома пошли. Побѣжали снова львы въ степь, розыскали лошадей, верблюдовъ, барановъ; разбѣжавшійся, въ разныя мѣста, народъ нашли, всѣхъ собрали жить по прежнему. Сказалъ царь младшему сыну: «я уже состарѣлся; будь ты, вмѣсто меня, царемъ»! Не согласился царевичъ, сдѣлалъ царемъ старшаго брата; попрощался со всѣми, поѣхалъ ко второй женѣ, взялъ ее, возвратился къ отцу. Отецъ, братья навстрѣчу имъ вышли, съ почетомъ въ домъ ввели, народъ собрали, большой пиръ сдѣлали. Собралъ царевичъ слугъ, верблюдовъ; отправился въ пещеру, нѣсколько дней сокровища изъ нея въ свой домъ перевозилъ. Послѣ этого сталъ жить царевичъ съ двумя женами, въ полномъ счастіи; съ ними весело время проводилъ.

Тѣ, о которыхъ мы разсказывали, да погрузятся въ забвеніи, какъ погружается въ водѣ печень; мы-же, какъ легкое, да плаваемъ наверху.

II.

Золотой Сазанъ.

Въ прошедшія времена, на берегу моря, жилъ одинъ старикъ; у него былъ одинъ сынъ, была старая, дырявая лодка, былъ неводъ. Каждый день старикъ съ сыномъ ловили рыбу. Однажды закинули они неводъ, подтянули его къ берегу; видятъ: бьется хорошій, красивый сазанъ, чешуя на немъ вся золотая. Старикъ сказалъ сыну: «сынокъ! ты этого сазана изъ воды не вынимай; подожди, пока я разскажу объ этомъ шаху; надо, чтобы онъ его живымъ увидалъ. Шахъ насъ за это наградитъ». Пошелъ старикъ къ шаху, прійдя сказалъ: «государь! я рабъ вашъ, бѣдный рыбакъ, каждый день плохимъ неводомъ ловлю рыбу; что поймаю, то и продамъ на базарѣ; тѣмъ только и живу. Сегодня въ мой неводъ попался золотой сазанъ; пришелъ вамъ сказать объ этомъ; единственнаго сына своего при рыбѣ оставилъ, приказалъ меня дожидать». Спросилъ царь у своихъ визирей: «видалъ-ли кто-нибудь золотого сазана»? Отвѣчали ему визири: «никогда, ни отъ кого, даже не слыхали о такомъ чудѣ». Шахъ, съ визирями, сѣли на коней, поѣхали къ морскому берегу смотрѣть золотого сазана.

Когда старикъ ушелъ къ шаху, сынъ его подумалъ и сказалъ: «я единственный сынъ у отца; этотъ сазанъ тоже можетъ быть единственный во всемъ морѣ; понравился онъ мнѣ, жаль, если онъ не останется живымъ; отпущу-ка я его въ море, если отдадимъ его шаху, что намъ отъ этого прибудетъ? а за доброе дѣло Богъ наградитъ». Вывернулъ онъ неводъ, уплылъ сазанъ въ море; на берегъ молодецъ неводъ вытащилъ. Въ это время шахъ, съ визирями, подъѣзжалъ къ берегу. Старикъ бѣгомъ впередъ подбѣжалъ къ сыну, спросилъ: «гдѣ-же золотой сазанъ»? Отвѣчалъ сынъ: «батюшка! выпустилъ я его въ море». — «Зачѣмъ ты его выпустилъ? сейчасъ шахъ пріѣдетъ его смотрѣть»! сказалъ старикъ. — «Ахъ, батюшка! я одинъ у тебя, золотой сазанъ тоже одинъ, жаль мнѣ его стало; я доброе дѣло сдѣлалъ, отпустивши его на волю», сказалъ сынъ. Подъѣхалъ къ нимъ шахъ; подбѣжалъ къ нему старикъ, сказалъ: «виноватъ я, государь, передъ тобою»! — «Въ чемъ твоя вина»? спросилъ шахъ. — «Пока я ходилъ, сынъ мой выпустилъ золотого сазана въ море», сказалъ старикъ. Очень разгнѣвался шахъ, спросилъ старика: «не ты-ли

сказалъ, что даришь золотого сазана шаху»? — «Говорилъ я, не исполнилъ сынъ мой», отвѣчалъ старикъ. — «Если такъ», сказалъ шахъ, «то сейчасъ-же убей сына; не хочешь этого сдѣлать самъ, такъ посади въ твою старую дырявую лодку и пусти ее въ море. Своими глазами хочу видѣть, какъ онъ поплыветъ въ ней по морю». Заплакалъ бѣдняга старикъ, но дѣлать нечего, нельзя не исполнить шахскаго приказанія; посадилъ онъ сына въ лодку, отпихнулъ ее въ море; вѣтеръ былъ съ берега, погналъ лодку. Не прошло часу, какъ лодка скрылась изъ виду. Старикъ, рыдая, возвратился въ свой домъ. Шахъ, съ визирями, въ городъ уѣхалъ.

Молодой рыбакъ, безъ хлѣба, безъ воды, плылъ по морю десять дней; не тонула лодка, сильный вѣтеръ все гналъ ее да гналъ впередъ. На одиннадцатый день подплыла лодка къ острову, пристала къ берегу; выпрыгнулъ рыбакъ на землю, осмотрѣлся, видитъ: идетъ къ нему навстрѣчу красивый молодецъ; обрадовался рыбакъ, подошелъ къ нему, поздоровался; тотъ отвѣтилъ ему; пожали другъ другу руки, въ разговоръ вступили. Разсказалъ рыбакъ все что съ нимъ случилось; потомъ спросилъ: «а ты кто такой? куда идешь, что здѣсь дѣлаешь»? — «Я бѣдный человѣкъ, хожу по берегу, собираю выброшенную моремъ рыбу, варю ее, ѣмъ, этимъ только и живу», отвѣчалъ молодецъ. Согласились они, съ этого времени, ходить вмѣстѣ; все что найдутъ дѣлить пополамъ; длинное что найдутъ—поперекъ разрѣзать, короткое что найдутъ—вдоль разрѣзать. Такъ условившись, пошли они по берегу, нашли небольшую рыбу, спекли ее, пополамъ раздѣлили, съѣли. Отдохнувъ, пошли дальше, рѣшили идти, пока не дойдутъ до конца острова. Нѣсколько дней шли они по берегу, увидали высокую, крутую гору, отыскали дорогу, взошли по ней на вершину; на вершинѣ два пастуха пасли стадо рогатаго скота; выпросили они у пастуховъ одного быка, разрѣзали его; наварили, нажарили мяса, сами наѣлись и пастуховъ накормили. Спросили они у пастуховъ: «далеко-ли городъ»? Пастухи сказали: «отсюда до города три дня пути». — «Разскажите намъ, что хорошаго, что дурного въ вашемъ городѣ»? сказалъ молодецъ. Пастухи отвѣчали: «у нашего царя есть единственная дочь; теперь ей уже шестнадцать лѣтъ, но съ самаго дня рожденія до-сихъ-поръ она не сказала ни одного слова. Царь для нея за городомъ построилъ особый дворецъ, тамъ она и живетъ. По всему царству приказалъ объявить такъ: всякій, кто вылѣчитъ ее отъ нѣмоты,

получитъ ее въ жены; если-же кто возмется за это и не исполнитъ съ успѣхомъ, тому отрубятъ голову. Много людей бралось ее лѣчить; но кончилось тѣмъ, что имъ всѣмъ отрубили головы». Оба молодца, выслушавъ разсказъ пастуховъ, вскричали: «я пойду туда! я пойду туда»! Потомъ переговорили другъ съ другомъ и рѣшили, что первымъ пойдетъ бѣдный молодецъ, а рыбакъ останется. Если молодецъ вылѣчитъ царевну, то подѣлить ее пополамъ; если-же нѣтъ, то обоимъ умереть. Попрощался молодецъ съ другомъ-рыбакомъ, сказалъ: «помни наше условіе—хорошее пополамъ, дурное пополамъ»!

Пошелъ молодецъ, три дня шелъ, пришелъ ко дворцу царевны; видитъ: великолѣпный дворецъ; у воротъ много народу стоитъ; пробрался онъ къ дверямъ, постучалъ, спросилъ: «можно войти»? Изъ дома двѣ царевнины служанки отвѣчали: «позволено входить всякому, кто-бы онъ ни былъ». Отворилъ молодецъ двери, вошелъ во дворецъ, видитъ: сидитъ царевна на тронѣ, а внизу двѣ служанки; поклонился онъ. Служанки спросили: «скажи, молодецъ, что тебѣ нужно»? Сталъ онъ говорить: «насъ три брата; разъ вышли мы всѣ трое изъ дому и пришли въ дремучій лѣсъ. Старшій братъ, хорошій столяръ, срубилъ большое дерево, сдѣлалъ изъ него топоромъ красивую дѣвицу, совсѣмъ какъ живую, только голую и безъ души. Средній братъ, искусный портной, сшилъ одежды, одѣлъ деревянную дѣвицу, сдѣлалась она еще красивѣе. Видя это, я самъ себѣ подумалъ: оба брата мои свое искусство показали, а я-то что сдѣлаю? Подумавъ такъ, пошелъ я къ водѣ, умылъ лицо, руки, подошелъ къ сдѣланной братьями дѣвицѣ, усердно взмолился къ Богу: Господи! дай этой дѣвицѣ душу! Услышалъ Богъ всемогущій мою молитву; въ ту-же минуту стала дѣвица живою. Тутъ мы всѣ три брата заспорили: кому должна принадлежать дѣвица? Старшій братъ сказалъ: мнѣ! Средній братъ сказалъ: нѣтъ, мнѣ! Я сказалъ: нѣтъ! она моя! Спорили, спорили, ничѣмъ не рѣшили; я и пришелъ сюда царевну спросить: кому должна принадлежать дѣвица»? Когда онъ кончилъ, обѣ служанки начали споръ; одна сказала: «разумѣется, дѣвица должна принадлежать старшему брату, который вырѣзалъ ее изъ дерева». Другая сказала: «нѣтъ! она должна принадлежать среднему брату, который одѣлъ ее и украсилъ». Заспорили сильнѣй служанки, спорили, спорили, раскричались. Вдругъ послышалось: «эй, вы, болтуньи! дѣвица должна принадлежать младшему брату»! Эти слова проговорила царевна. Услышавъ ихъ, молодецъ

вышелъ изъ дворца; одна изъ служанокъ подошла къ царевнѣ, взяла у нее кольцо, отнесла, отдала молодцу. Послали сказать царю, что дочь его проговорила. Сѣлъ царь на коня, съ почетными людьми къ дочери пріѣхалъ, спросилъ молодца: «Эй, молодецъ! кто ты такой? что ты разсказывалъ? гдѣ твои братья»? Отвѣчалъ онъ: «Государь! мой старшій братъ, вырѣзавшій изъ дерева дѣвицу—вы; средній братъ, одѣвшій, украсившій ее—царица, жена ваша; я самъ, по молитвамъ котораго всемогущій Богъ далъ дѣвицѣ даръ слова, младшій братъ». Царь сказалъ: «обѣщаніе мое неизмѣнно»!, велѣлъ пиръ сдѣлать, отдалъ молодцу дочь свою. Сталъ молодецъ царя просить не задерживать его, а тотчасъ-же отпустить. Согласился царь, взялъ молодецъ царевну, приданое ея, все взялъ, къ другу своему пошелъ. Рыбакъ встрѣтилъ его, радуясь; остановились они, стали дѣлиться, разложили имущество и деньги на двѣ равныя кучки; все подѣлили, даже одежду съ царевны. Осталась голая царевна; по условію рѣшили и ее пополамъ раздѣлить: одну половину одному, другую другому. Поставилъ молодецъ царевну по серединѣ, вытащилъ мечъ, высоко замахнулся надъ головой ея; испугалась царевна, вскрикнула; въ это время выскочила изъ ея рта змѣя, въ четверть длиною; увидя ее, царевна еще больше испугалась. Отдалъ молодецъ рыбаку мечъ, велѣлъ убить змѣю; взялъ рыбакъ мечъ, догналъ змѣю, изрубилъ ее въ куски. Молодецъ сказалъ царевнѣ: «теперь одѣнься, успокойся, ничего дурного съ тобой не будетъ». Заговорила царевна свободно: сидѣвшая въ ней змѣя была причиною ея нѣмоты. Собралъ молодецъ въ одну кучу имущество, деньги; сѣлъ съ сыномъ рыбака, сказалъ ему: «другъ мой! знаешь-ли, кто я»? — «Знаю, что ты другъ мой, нашелъ я тебя на островѣ», отвѣчалъ рыбакъ. — «Я тебѣ потому другъ», сказалъ молодецъ, «что прежде ты мнѣ много добра сдѣлалъ, отъ смерти меня спасъ. Я тотъ самый золотой сазанъ, котораго ты изъ невода выпустилъ. Я единственный сынъ рыбнаго царя; въ то время какъ тебя шахъ приказалъ посадить въ дырявую лодку и оттолкнуть ее въ море, я, видя, что ты страдаешь за меня, позвалъ большихъ рыбъ и приказалъ имъ поддерживать лодку и везти ее къ острову, самъ-же я въ человѣка обратился и на встрѣчу къ тебѣ вышелъ. Сдѣланное тобою для меня добро я никогда не забуду; царевну и все это имущество, и деньги, отдаю тебѣ; будь счастливъ».

Перенесли они на морской берегъ все, привели туда-же и

царевну. Сказалъ золотой сазанъ: «возвращайся на свою родину, для переѣзда я пришлю большую рыбу; ты ничего не опасайся; садись на нее съ царевной, она васъ доставитъ къ самой двери твоего дома. Прощай»! Сказавъ это, ушелъ въ море золотой сазанъ. Черезъ часъ подплыла большая рыба, на островъ похожая. Взошелъ на нее рыбакъ, съ царевной, перенесли туда-же все имущество, кибитку поставили. Поплыла рыба по морю, скоро берегъ изчезъ изъ виду; плыли они нѣсколько дней; наконецъ пристала рыба къ берегу, противъ дома стараго рыбака; вышли они на берегъ, перенесли все имущество; уплыла большая рыба въ море. Вошелъ рыбакъ въ домъ; отецъ, мать, его увидали, отъ радости заплакали. Сказалъ отецъ: «сынъ мой! радуюсь, что ты нашелъ себѣ счастіе; но если шахъ о томъ услышитъ, опять велитъ тебя убить». — «Къ шаху я самъ пойду»! сказалъ сынъ. Оставилъ онъ у отца царевну, всѣ драгоцѣнности, попрощался, пошелъ къ шаху. Пришелъ, поклонился, сказалъ привѣтствіе. Шахъ его спросилъ: «ты что за человѣкъ»? Отвѣчалъ ему рыбакъ: «я вашъ виновный рабъ, приговоренный вами къ смерти; я сынъ стараго рыбака и самъ рыбакъ». — «Если ты рыбакъ», сказалъ шахъ, «откуда у тебя такая дорогая одежда»? Тутъ разсказалъ рыбакъ шаху, одно за другимъ, все что съ нимъ случилось. Выслушалъ его шахъ и сказалъ: «вину твою прощаю»!

Приказалъ шахъ мастерамъ выстроить новый хорошій домъ, возлѣ дома стараго рыбака. Подарилъ этотъ домъ его сыну, сказавъ: «вину твою простилъ, жена твоя царская дочь, надо ей въ хорошемъ домѣ жить»!

«Я еще на ней не женился», сказалъ рыбакъ, «не хотѣлъ этого сдѣлать безъ вашего позволенія». Понравились шаху эти слова, велѣлъ онъ созвать почетныхъ людей, позвалъ кадіевъ, муллъ, совершилъ бракъ, большой пиръ сдѣлалъ.

Сталъ молодой рыбакъ съ своей женой жить въ счастіи и довольствѣ. Старикъ со старухой, глядя на нихъ, радовались.

III.

Локманъ.

Въ древнія времена, былъ царь, очень правосудный, очень хорошій царь. Изъ дней въ одинъ день, увидалъ царь сонъ; приказалъ со всего царства собрать астрологовъ, ученыхъ, гадальщиковъ. Собрались они; сказалъ имъ царь: «узнайте, что я видѣлъ сегодня во снѣ»? Пошли астрологи на звѣзды смотрѣть, ученые книги читать, гадальщики гадать; кончили, пришли къ царю, сказали: «вы видали во снѣ, что будете на яву, какъ мудрецъ Локманъ, понимать языкъ всѣхъ птицъ и звѣрей».—«Правда»! сказалъ царь; «но знаете-ли, какъ мнѣ этого достичь»? Отвѣчали они: «на одномъ островѣ живетъ змѣиный царь; надо достать его мяса, варить; первый наваръ съ саломъ выбросить; потомъ опять варить, пока выступитъ желтый жиръ; кто выпьетъ этотъ жиръ, тотъ сдѣлается такимъ-же мудрымъ, какъ Локманъ». — «Кто-же можетъ найти этого змѣя и ко мнѣ принести»? спросилъ царь. Пошли астрологи, на звѣзды посмотрѣли, ученые книги читали, гадальщики погадали; кончили, къ царю пришли, сказали ему: «въ вашемъ царствѣ, у такого-то человѣка, есть двѣнадцатилѣтній сынъ; только этотъ мальчикъ можетъ найти змѣинаго царя, поймать его и принести къ вамъ». Велѣлъ царь тотчасъ привести къ нему этого человѣка; привели.—«Есть у тебя двѣнадцатилѣтній сынъ»? спросилъ царь. — «Есть», отвѣчалъ онъ. — «Сейчасъ приведи его ко мнѣ»! сказалъ царь. Пошелъ человѣкъ домой, взялъ сына, привелъ его къ царю.—«Послушай, мальчикъ»! сказалъ царь, «прикажу тебѣ сдѣлать одно дѣло, сдѣлаешь-ли его»?—«Удастся, такъ сдѣлаю»! отвѣчалъ мальчикъ. — «Даю тебѣ сорокъ дней сроку», сказалъ царь, «въ это время поймай и принеси ко мнѣ змѣинаго царя. — «Нѣтъ! этого дѣла мнѣ не сдѣлать», сказалъ мальчикъ, «гдѣ и какъ найду я змѣя? для такого дѣла я еще совсѣмъ малъ». — «Я знаю, что только ты одинъ можешь поймать змѣя, иначе не приказывалъ-бы тебѣ», сказалъ царь. — «Хорошо; можно-ли будетъ, нельзя-ли будетъ, а постараюсь исполнить ваше приказаніе», сказалъ мальчикъ.

Приказалъ царь дать мальчику на сорокъ дней хлѣба, на сорокъ дней воды, посадить его въ исправную лодку и пустить

ее по морю. Поплылъ мальчикъ, плылъ нѣсколько дней; пристала лодка къ острову, вышелъ мальчикъ на берегъ. Въ одну сторону прошелъ, въ другую сторону прошолъ, видитъ: идетъ какой-то человѣкъ. Пошелъ мальчикъ къ нему на встрѣчу, подошелъ, поздоровался, тотъ его спросилъ: «что ты за мальчикъ? зачѣмъ и откуда пришелъ сюда»? Мальчикъ отвѣчалъ: «ахъ! господинъ мой! я сюда попалъ по волѣ и приказанію нашего царя».—«Га! я хорошо знаю, зачѣмъ ты здѣсь, тебѣ приказалъ царь найти змѣинаго царя, такъ-ли»? сказалъ человѣкъ. — «Да, правда»! сказалъ мальчикъ.—«Я тебѣ скажу, какъ найти и поймать змѣинаго царя», сказалъ человѣкъ. Мальчикъ очень обрадовался и сказалъ: «господинъ мой! да вознаградитъ тебя Богъ, если ты поможешь мнѣ окончить это дѣло».—«Слушай, что я тебѣ скажу, то ты и сдѣлай», сказалъ человѣкъ.—«Сдѣлаю все, что прикажешь», сказалъ мальчикъ.—«Отыщи ты чашку и сундукъ», сказалъ человѣкъ.—«И то и другое есть у меня», сказалъ мальчикъ.—«Хорошо», сказалъ человѣкъ, «иди въ эту сторону, дойдешь до воды, увидишь въ ней много буйволовъ; скоро они выйдутъ изъ воды, буйволицы станутъ своихъ буйволятъ кормить; ты потихоньку подойди къ нимъ, надой цѣлую чашку молока, потомъ все въ туже сторону иди дальше, встрѣтишь множество змѣй, ты ихъ не бойся, иди дальше; сначала тебѣ будутъ встрѣчаться небольшія змѣи; но чѣмъ дальше будешь идти, тѣмъ все крупнѣе и крупнѣе будутъ становиться змѣи. Ты смѣло иди къ нимъ, ни одна тебя не тронетъ; когда увидишь змѣй величиною съ гору и между ними небольшую площадку, иди туда и тамъ остановись; поставь сундукъ, постели въ него ваты, чашку съ молокомъ поставь возлѣ; крышку подними, самъ ложись тутъ-же и притворись спящимъ. Змѣи тотчасъ дадутъ знать своему царю, что стоитъ чашка, полная молока, около нея сундукъ съ ватой и одинъ спящій мальчикъ. Змѣиный царь очень любитъ молоко: какъ только услышитъ объ этомъ, сейчасъ придетъ, все молоко выпьетъ, насытится, спать захочетъ, залѣзетъ въ сундукъ, въ кольцо свернется, заснетъ; ты не зѣвай, скорѣй вставай, захлопни крышку сундука, ключемъ запри, самъ сверху садись. Когда змѣй проснется, будетъ тебя словами очень стращать, убить пообѣщается. Ты ничего не бойся, съ сундука не слѣзай. Потомъ станетъ тебя змѣй просить отпустить его; будетъ обѣщать тебѣ много золота, драгоцѣнностей,—ты ничему не вѣрь, сиди; потомъ, когда змѣй уймется, прикажи ему тебя, сидящаго на сундукѣ, доставить домой; онъ это сдѣ-

лаетъ. Прибывши въ свое царство, не слушай змѣя, чтобы онъ тебѣ ни говорилъ, возьми и отнеси его къ царю, отдай ему,—что онъ захочетъ, то съ нимъ и сдѣластъ». Окончивъ эти слова, человѣкъ изчезъ.

Подумалъ мальчикъ, подумалъ о всемъ, что слышалъ, сказалъ: «сдѣлаю-ка я такъ, какъ онъ говорилъ». Взялъ онъ въ руки чашку, взвалилъ на плечи сундукъ, пошелъ въ указанную сторону; дошелъ до воды, увидѣлъ буйволовъ, подождалъ, вышли буйволы изъ воды, стали буйволицы своихъ буйволятъ кормить; поставилъ онъ сундукъ на землю, потихонько подошелъ къ буйволицамъ, надоилъ полную чашку молока, взвалилъ сундукъ на плечи, пошелъ опять въ ту-же сторону; скоро встрѣтилъ небольшихъ змѣй, не испугался; пошелъ дальше, увидалъ крупныхъ змѣй, ничего не боясь пошелъ дальше, дошелъ до змѣй величиною съ гору, отыскалъ между ними чистое мѣсто, остановился тамъ, поставилъ сундукъ на землю, открылъ его, постелилъ ваты, возлѣ чашку съ молокомъ поставилъ, самъ легъ на землю и отъ усталости заснулъ. Проснулся, видитъ: молоко все выпито, а змѣиный царь, свернувшись кольцомъ, въ сундукѣ спитъ; вскочилъ мальчикъ, захлопнулъ крышку сундука, ключемъ заперъ, самъ сверху сѣлъ.

Черезъ нѣсколько времени очнулся змѣиный царь; съ гнѣвомъ закричалъ: «кто осмѣлился меня въ сундукѣ запереть? Послушай, мальчикъ! сейчасъ меня выпусти, нето убью тебя, прикажу змѣямъ, въ одинъ мигъ разтерзаютъ тебя»! Мальчикъ сказалъ: «дѣлай, что хочешь; я тебя не выпущу и самъ съ сундука не сойду, пока ты меня, съ сундукомъ, не доставишь въ наше царство». Тогда змѣиный царь сталъ его просить: «ай, дитя мое! выпусти меня, дамъ тебѣ все, что ты захочешь—серебра, золота, драгоцѣнныхъ камней, жемчугу, выпусти меня»! Мальчикъ сказалъ: «что-бы ты ни далъ, не могу тебя выпустить, я долженъ исполнить царское приказаніе».

Приказалъ змѣиный царь змѣямъ поднять сундукъ съ мальчикомъ и доставить въ его царство; собрались змѣи, обвились около сундука, подняли его, понесли къ берегу, въ воду вошли, по морю поплыли. Приплыли въ царство мальчика, на берегъ сундукъ вынесли, поставили на землю. Снова сталъ змѣиный царь мальчика просить: «дитя мое! освободи меня, сдѣлаю тебя самымъ счастливымъ человѣкомъ на свѣтѣ; есть у меня только одинъ сынъ; съ тобой — два будетъ. Царя своего ты не бойся; не до-

пущу я, чтобы онъ лишилъ тебя жизни»! Разжалобился мальчикъ, подумалъ: «такъ меня проситъ змѣй; а я для него ничего не сдѣлалъ; выпущу-ка я его». Слѣзъ онъ съ сундука, отворилъ его, выползъ оттуда змѣиный царь, обвилъ мальчика хвостомъ, сказалъ: «дитя мое! ничего не бойся; слушай, что я тебѣ скажу, помни мои слова; первое: тебя царь очень строго будетъ допрашивать, куда ты дѣвалъ пойманнаго тобой змѣя; смотри не говори, до-тѣхъ-поръ, пока тебѣ не будетъ угрожать неизбѣжная смерть; второе: вотъ тебѣ волосъ отъ моего уса; когда тебѣ будетъ надобность во мнѣ, прійди на это мѣсто и сожги его, я тотчасъ прійду къ тебѣ». Мальчикъ сказалъ: «хорошо! буду все помнить и все исполню». Попрощались они; мальчикъ домой воротился, какъ будто-бы съ нимъ ничего не случилось; змѣиный царь уползъ. Прибѣжалъ мальчикъ домой, увидалъ его отецъ, сказалъ: «здравствуй, сынокъ! благополучно-ли ты возвратился»? — «Благодареніе Богу»! отвѣчалъ мальчикъ, «благополучно».—«Что, принесъ ты змѣинаго царя»? спросилъ отецъ.—«Нѣтъ, батюшка! не видалъ я его; сколько ни искалъ, не нашелъ», отвѣчалъ мальчикъ.—«Ахъ, сынокъ! убьетъ тебя за это царь, лишимся мы тебя! Бѣги, дитя мое, отсюда въ чужую сторону», сказалъ отецъ.—«Нѣтъ! никуда я не пойду; посмотримъ, что Богъ дастъ, то и будетъ», сказалъ онъ.

Взялъ мальчикъ свои бабки, пошелъ на улицу съ товарищами играть. Такъ прошло нѣсколько времени; однажды созвалъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадальщиковъ, сказалъ имъ: «теперь прошелъ уже срокъ, данный мною мальчику для поимки змѣинаго царя; узнайте, живъ мальчикъ или погибъ»? Посмотрѣли астрологи на звѣзды, ученые книги почитали, гадальщики погадали, кончили, къ царю пришли, сказали: «мальчикъ змѣинаго царя поймалъ, домой возвратился и отъ васъ скрывается». Велѣлъ царь пять человѣкъ послать, отыскать мальчика и къ нему привести. Пошли эти люди, пришли, не нашли мальчика въ домѣ, отца его спросили: «вернулся твой сынъ или нѣтъ»?—«Нѣтъ, еще не возвращался. Я его не видалъ», сказалъ отецъ. Пошли царскіе посланные назадъ, пришли, сказали царю, что мальчика не нашли, онъ еще домой не возвращался. Призвалъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадальщиковъ; разсердившись, сказалъ: «зачѣмъ неправду говорите? мальчикъ еще не возвращался».—«Онъ на улицѣ съ товарищами въ бабки играетъ», сказали они. Послалъ царь тѣхъже людей поймать мальчика на улицѣ; пошли они, увидалъ ихъ

мальчикъ, догадался, что это его ищутъ, побѣжалъ, въ одномъ старомъ, развалившемся домѣ спрятался. Подошли царскіе люди, искали, искали его, не нашли, пришли къ царю, сказали, что нигдѣ не нашли. Кликнулъ царь астрологовъ, ученыхъ, гадальщиковъ, спросилъ: «гдѣ теперь мальчикъ»?—«Въ старомъ домѣ спрятался», отвѣчали они. Опять послалъ царь искать мальчика въ старомъ домѣ; пошли, всѣ уголки осмотрѣли, мальчика не нашли; онъ домой ушелъ. Воротились посланные къ царю, сказали: «нигдѣ не нашли». Увидѣлъ царь, что ему трудно мальчика поймать, позвалъ старыхъ умныхъ людей, сталъ съ ними совѣтоваться. Одинъ старикъ сказалъ: «царь, я знаю, какъ его поймать; прикажите въ полѣ сдѣлать большую загородку, съ однимъ выходомъ; когда она будетъ готова, велите собрать туда всѣхъ мужчинъ, отъ малаго до стараго; угостите ихъ всѣхъ, потомъ садитесь у выхода и прикажите, чтобы всѣ, раздѣвшись донага, выходили-бы по-одиночкѣ. Кто хоть разъ видѣлъ змѣинаго царя, того сейчасъ можно узнать,—у него все тѣло будетъ пестрое». Понравился царю этотъ совѣтъ; приказалъ онъ строить загородку, съ однимъ выходомъ; построили; велѣлъ царь созвать туда всѣхъ мужчинъ, отъ шести лѣтъ до шестидесяти; собрали, сдѣлалъ имъ царь пиръ; кончился пиръ, сѣлъ царь у выхода; приказалъ всѣмъ донага раздѣться и, одинъ за другимъ, выходить изъ загородки. Раздѣлись всѣ, начали выходить, пошелъ и мальчикъ; какъ увидали царскіе люди, что тѣло у него пестрое, схватили его, подвели къ царю.—«Ты когда возвратился»? спросилъ царь. — «Сегодня», отвѣчалъ мальчикъ. Кликнулъ царь палачей, велѣлъ имъ повалить мальчика на землю, дать ему сорокъ ударовъ палкой по брюху. Повалили его палачи, дали сорокъ ударовъ, подняли, поставили.—«Это тебѣ за ложь»! сказалъ царь; «теперь говори правду! Гдѣ змѣиный царь»? — «Не видалъ я змѣинаго царя», отвѣчалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему сорокъ ударовъ палкою по спинѣ. Повалили палачи мальчика, дали сорокъ ударовъ по спинѣ, подняли, поставили.—«Эй, мальчикъ! говори правду», сказалъ царь, «поймалъ-ли ты и принесъ-ли змѣинаго царя»? — «Если-бы я его принесъ, то сказалъ-бы, не видалъ я его»! отвѣчалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему сорокъ палокъ по правому боку. Повалили палачи мальчика, дали сорокъ ударовъ по правому боку, подняли, поставили.—«Слушай, мальчикъ! правду говори; а не то велю тебя убить», сказалъ царь. — «Если-бы что зналъ, то сказалъ-бы», отвѣчалъ

мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ дать ему еще сорокъ ударовъ палкою, по лѣвому боку. Повалили палачи мальчика, дали ему сорокъ ударовъ по лѣвому боку, подняли, поставили.—«Эй, мальчикъ! скажи правду, не то сейчасъ умрешь ты», сказалъ царь.—«Столько мученій я ужъ вытерпѣлъ, что сказалъ-бы,—не нашелъ я змѣинаго царя; не мучьте меня больше»! сказалъ мальчикъ. Приказалъ царь палачамъ повалить мальчика на спину и лить ему въ ротъ крѣпкій разсолъ. Повалили палачи мальчика, стали лить ему въ ротъ разсолъ, скоро лишился онъ чувствъ, остановились палачи. Черезъ нѣсколько времени очнулся мальчикъ, подняли его, поставили. Царь сказалъ: «если еще разъ нальютъ тебѣ въ ротъ разсолу, ты умрешь. Говори правду»!—«Ничего не видалъ», сказалъ мальчикъ. Велѣлъ царь палачамъ опять его повалить и вливать въ ротъ разсолъ, подошли къ нему палачи; тогда мальчикъ сказалъ: «ну, теперь я сдержалъ свое слово. Змѣинаго царя я видѣлъ и завтра въ это время принесу его къ вамъ». —«Какое ты слово сдержалъ»? спросилъ царь.—«Я обѣщалъ змѣиному царю не говорить, что видѣлъ его, пока мнѣ не будетъ угрожать явная смерть», отвѣчалъ мальчикъ. —«Иди, приведи змѣя»! сказалъ царь и приказалъ двумъ человѣкамъ идти съ нимъ и присматривать, чтобы онъ не убѣжалъ. Пошелъ мальчикъ, пришелъ на то мѣсто, гдѣ разстался съ змѣинымъ царемъ, развелъ огонь, досталъ волосъ, данный ему змѣемъ, сжегъ его. Тотчасъ явился змѣиный царь, съ женою и сыномъ, и сказалъ мальчику: «сынъ мой! очень благодарю тебя за то, что ты ради меня вытерпѣлъ столько мученій; мнѣ все извѣстно. Теперь я готовъ умереть; на мѣсто меня сынъ мой будетъ змѣинымъ царемъ, и ты тоже будешь царемъ, вмѣсто настоящаго царя; будешь ученъ и мудръ, какъ Локманъ. Сдѣлай вотъ что: возьми мечъ, разруби меня на три части, голову и хвостъ здѣсь зарой въ землю, середину отнеси, царю отдай; царь прикажетъ тебѣ ее варить, ты первый жиръ съ навара сними и влей въ бутылку; когда послѣ того наваръ еще закипитъ, ты собери всплывшій жиръ въ чашку и самъ его выпей». Взялъ мальчикъ мечъ, разрубилъ змѣя на три части, голову и хвостъ тутъ-же въ землю зарылъ; попрощался съ женой и сыномъ змѣинаго царя, самъ съ присмотрщиками понесъ среднюю часть къ царю. Принесли къ царю туловище змѣя; сказалъ царь мальчику: «ты нашелъ змѣя, ты и вари его мясо»!

Котелъ мальчику дали, таганъ дали, дровъ дали, воды

дали, ложку дали, чашку дали, бутылку дали; въ особый домъ ввели, двери заперли. Царь сказалъ ему: «смотри! какъ всплыветъ первый жиръ, собери его въ чашку; потомъ опять кипяти; всплыветъ второй жиръ, ты его собери въ бутылку; когда кончишь, дай мнѣ знать—я самъ прійду, выпью тотъ жиръ, который будетъ въ бутылкѣ». — «Все исполню, какъ приказываете», сказалъ мальчикъ.

Поставилъ мальчикъ котелъ на таганъ, налилъ воды, положилъ змѣиное мясо, огонь развелъ; закипѣлъ наваръ, взялъ онъ ложку, снялъ сверху жиръ, влилъ его въ бутылку, опять сталъ кипятить наваръ, всплылъ второй жиръ, собралъ онъ его въ чашку. У дверей двое караульныхъ были, сказалъ имъ мальчикъ: «идите къ царю, скажите ему, что я окончилъ свое дѣло». Пошли они, сказали. Пріѣхалъ царь съ нѣсколькими визирями, у дверей остановились, съ коней слѣзли, двери отворили, въ домъ вошли. Царь сказалъ: «благодари Бога, мальчикъ, за то, что ты все хорошо сдѣлалъ; много горя ты перенесъ, за это возьми выпей тотъ жиръ, который въ чашкѣ». Взялъ мальчикъ чашку, все выпилъ, ничего не оставилъ. Велѣлъ ему царь чашку хорошенько вымыть, вытереть, чтобы ни капли жиру въ ней не оставалось; вымылъ онъ чашку, чисто вытеръ. Велѣлъ ему царь вылить въ нее жиръ изъ бутылки; вылилъ онъ. Взялъ царь чашку, поднесъ ко рту, весь жиръ выпилъ. Уѣхалъ царь, съ визирями, во дворецъ; мальчикъ къ отцу домой пошелъ. Подходитъ къ дому, навстрѣчу ему ихъ собака бѣжитъ; прибѣжала, говоритъ: «ну, господинъ мой, теперь ты сталъ такимъ-же мудрымъ, какъ Локманъ; сегодня царь умретъ, завтра ты царемъ будешь». Понялъ мальчикъ собачьи слова, дальше пошелъ, собака за нимъ побѣжала. Пришелъ мальчикъ домой, какъ будто-бы съ нимъ ничего не бывало; увидали его отецъ и мать; обрадовались, что онъ живымъ воротился.

Въ тотъ-же день заболѣлъ царь и послалъ за мальчикомъ; пошелъ мальчикъ къ царю, но еще и до города не дошелъ, какъ царь умеръ. Догадался народъ, что первый жиръ отъ змѣя выпилъ царь, а второй мальчикъ и что мальчикъ теперь сталъ ученъ и мудръ, какъ Локманъ. Въ то время былъ обычай: умершаго царя для похоронъ не выносить, пока на его мѣсто не будетъ избранъ новый царь. Сталъ народъ совѣтоваться, кого-бы избрать царемъ; у умершаго царя не было ни сына, ни брата; была только одна дочь; но дѣвица въ цари не годится. Былъ у

покойнаго царя въ клѣткѣ попугай, услышалъ онъ эти разговоры, сказалъ: «мальчикъ, принесшій змѣинаго царя, да будетъ нашимъ царемъ; лучше его царя не найти». Услышалъ народъ эти слова, стали думать, всѣ согласились выбрать мальчика царемъ. Прошла ночь, утромъ возвели мальчика на тронъ, царемъ провозгласили; умершаго царя хоронить понесли.

Ставши царемъ, мальчикъ каждый день по три часа на тронѣ сидѣлъ, судъ производилъ; потомъ одинъ гулять за городъ ходилъ; слушалъ, что звѣри, птицы говорили; все понималъ, все зналъ отъ нихъ, гдѣ что дѣлается. Мудрымъ царемъ сдѣлался; народъ его очень любилъ.

Вотъ какъ мальчикъ сначала горе видѣлъ, потомъ радость видѣлъ и счастливымъ сдѣлался.

IV.

Злая жена.

Въ прошедшія времена жилъ-былъ одинъ человѣкъ; была у него злая, сварливая жена; сколько онъ ни старался ее исправить, ничего сдѣлать не могъ. Недалеко отъ нихъ, въ степи, былъ колодезь, въ сорокъ кулачей (сажень) глубиной; пришло мужу на умъ засадить жену въ этотъ колодезь, не исправится-ли она. Сказалъ онъ ей: «жена! знаешь глубокій колодезь? на днѣ его много золота; пойдемъ сегодня достанемъ его». — «Хорошо, пойдемъ»! отвѣчала жена.

Взяли они длинную веревку, пошли, пришли къ колодцу; мужъ сказалъ: «обвяжи меня вокругъ пояса, я спущусь въ колодезь, возьму золото и когда дерну веревку, ты меня вытащи». — «Постой»! сказала жена, «лучше я полѣзу въ колодезь, ты-то меня вытащишь, а вытащу-ли я тебя — не знаю». Обвязалась жена веревкой вокругъ поясницы, спустилъ ее мужъ въ колодезь; туда-же и всю веревку спустилъ; взялъ большой камень, навалилъ его на отверстіе колодца, самъ домой пошелъ, сталъ спокойно своими дѣлами заниматься. Черезъ три дня захотѣлось ему посмотрѣть, что его жена дѣлаетъ; пришелъ онъ къ колодцу,

приподнялъ камень, видитъ: лѣзетъ изъ колодца дивъ; испугался онъ, поскорѣй камень опустилъ. Тогда дивъ сказалъ ему: «послушай, молодецъ! подними камень, выпусти меня, я тебѣ, что ты захочешь, дамъ». — «Да зачѣмъ тебѣ хочется вылѣзть изъ колодца»? спросилъ человѣкъ.—«Много уже лѣтъ я прожилъ спокойно въ этомъ колодцѣ», сказалъ дивъ, «никто меня не тревожилъ; нѣсколько дней тому назадъ спустилась ко мнѣ какая-то женщина; нѣтъ мнѣ отъ нея покоя, отъ дурного ея обращенія со мной хочу теперь бѣжать».—«Эта женщина моя жена, очень я радъ, что отъ нея избавился», сказалъ человѣкъ. — «Выпусти меня»! снова сталъ просить дивъ, «я сдѣлаю такъ, что вашъ царь отдастъ тебѣ въ жены свою дочь». — «Не выпущу! обманешь»! сказалъ человѣкъ. — «Повѣрь! слова мои правдивы, выпусти меня»! сказалъ дивъ. Отвалилъ человѣкъ камень, выпустилъ дива. — «Теперь ты иди домой», сказалъ дивъ, «а я пойду мучить царскую дочь; она будетъ бѣситься, царь со всѣхъ странъ ученыхъ созоветъ; прійдутъ. Они станутъ читать, но отъ ихъ чтенія она не выздоровѣетъ. Тогда ты назовись ученымъ и пди къ царю. Царь объявитъ, что тому человѣку, который вылѣчитъ его дочь, онъ отдастъ ее въ жены. Ты иди къ царевнѣ; какъ только прійдешь, я ее оставлю и она выздоровѣетъ; тогда ты на ней женишься». Пошелъ человѣкъ домой, а дивъ въ царскій дворецъ, вошелъ въ царскую дочь и началъ ее мучить, стала она бѣситься. Велѣлъ царь со всѣхъ странъ ученыхъ созвать; собрались ученые, читали, читали, ничего не сдѣлали. Тогда царь велѣлъ объявить по всему царству, что тотъ, кто вылѣчитъ царевну, женится на ней. Услышалъ объ этомъ мужъ злой жены, пришелъ къ царю, сказалъ: «я ученый, пришелъ вашу дочь лѣчить; если позволите, вылѣчу».—«Иди, лѣчи»! сказалъ царь, «не вылѣчишь— велю тебя казнить»!

Согласился онъ на это, пошелъ къ царевнѣ; какъ только увидалъ его сидѣвшій въ ней дивъ, сказалъ ему: «добро пожаловать, молодецъ! слушай, что я тебѣ скажу: я теперь уйду, царевна выздоровѣетъ и ты на ней женишься; но смотри, если услышишь, что я въ другомъ мѣстѣ буду какую-либо дѣвицу мучить, не смѣй туда приходить». Молодецъ на это отвѣчалъ: «если женюсь на царской дочери, на что мнѣ другія дѣвицы? Не пойду туда, гдѣ ты будешь». Оставилъ дивъ царевну, ушелъ. Царевна выздоровѣла, встала. Извѣстили царя, что дочь его вылѣчилъ пришедшій ученый. Царь сказалъ: «слово мое непзмѣнно»! Велѣлъ большой

пиръ сдѣлать, отдалъ дочь замужъ. Женился молодецъ, остался жить съ женой у царя. Прошло нѣсколько времени; вздумалось диву войти въ дочь сосѣдняго царя; вошелъ онъ въ нее, сталъ ее мучить, взбѣсилась она. Тогда этотъ царь послалъ къ первому царю посла; пріѣхалъ посолъ, сказалъ: «нашъ царь приказалъ извѣстить васъ, что его дочь очень заболѣла и проситъ прислать къ нему того ученаго, теперь зятя вашего, который вылѣчилъ вашу дочь; можетъ быть, онъ поможетъ и нашей царевнѣ». Призвалъ царь зятя, сказалъ ему: «сосѣдній царь зоветъ тебя, его дочь заболѣла, поѣзжай! вылѣчи ее»! Не посмѣлъ онъ царя ослушаться, согласился ѣхать. Сѣлъ на коня, одинъ поѣхалъ. Подъѣзжаетъ онъ къ городу, а навстрѣчу ему дивъ вышелъ, сердито спросилъ его: «ты зачѣмъ, молодецъ, ѣдешь? не говорилъ-ли я тебѣ: не ходи туда, гдѣ я буду дѣвицъ мучить; за это я тебя самого до смерти замучу». — «Я сюда пріѣхалъ не для того, чтобы царскую дочь лѣчить», отвѣчалъ онъ. — «Такъ зачѣмъ-же»? спросилъ дивъ. — «Моя первая жена вылѣзла изъ колодца, тебя вездѣ ищетъ и теперь сюда идетъ; узнавъ объ этомъ, я поскорѣй сюда пріѣхалъ, тебѣ сказать», отвѣчалъ молодецъ. — «Правду-ли ты говоришь»? сказалъ дивъ. — «Правду истинную»! сказалъ молодецъ. — «Ну»! сказалъ дивъ, «ты иди вылѣчи царскую дочь, а я убѣгу подальше отсюда»! Изчезъ дивъ, а молодецъ отправился въ городъ. Самъ царь вышелъ къ нему на встрѣчу, сказалъ: «дочь моя выздоровѣла; мучившій ее дивъ тебя испугался, знаю я; отдаю тебѣ въ жены мою дочь». Взялъ молодецъ другую царскую дочь, женился на ней, въ домъ свой возвратился, съ двумя женами весело и счастливо жить сталъ.

V.

Сѣрый братъ и сѣрая сестра.

Давно, давно, было-ли, не было-ли, жилъ-былъ одинъ богатый человѣкъ; у него одинъ сынъ былъ и одна дочь была. Сына звали — сѣрый юноша, дочь — сѣрая дѣвица; оба очень были похожи другъ на друга. Изъ дней въ одинъ день, умеръ богачъ;

чисто его обмыли, въ бѣлый саванъ завернули, глубоко въ землю закопали, крѣпко могилу утоптали, кушаньемъ, питьемъ помянули; домой ушли. Послѣ похоронъ отца, братъ съ сестрой въ одной кибиткѣ жить стали; мать ихъ не захотѣла вмѣстѣ съ ними жить, потому-что была любовницей одного дива. Изъ дней въ одинъ день, женщина эта сказала диву, своему любовнику: «эй, дивъ! сынъ мой очень силенъ; если узнаетъ, что ты мой любовникъ, онъ тебя живымъ не оставитъ, убьетъ»! — «Что-же намъ дѣлать»? сказалъ дивъ. — «Какъ-бы сынъ не узналъ о тебѣ; ты, когда увидишь его, уходи»! сказала она.—«Днемъ бѣжать мнѣ нельзя», сказалъ дивъ; «лучше давай убьемъ твоего сына».—«Какъ-же мы его убьемъ»? спросила она. Дивъ сказалъ: «Я тебѣ дамъ ремень, ты имъ сыну оба большіе пальца на рукахъ свяжи и скажи, чтобы онъ разорвалъ ремень; онъ согласится, но не смотря на его силу, вытянетъ ремень во всю длину рукъ, а не разорветъ его; послѣ этого, ты еще разъ свяжи ему пальцы, тогда я сдѣлаю свое дѣло». Согласилась женщина, отъ дива ремень взяла; дивъ взялъ въ руки мечъ, спрятался у ней въ кибиткѣ.

Сѣрый юноша каждый день приходилъ навѣщать мать, и въ этотъ день онъ пришелъ и сказалъ: «здравствуй мать! здорова-ли? каково поживаешь»?—«Я одна въ кибиткѣ живу, боюсь»! сказала она. — «Кого-же ты боишься? вѣдь я сынъ твой, защищу и охраню тебя», сказалъ онъ. — «Какая у тебя сила»? сказала она. —«Слава Богу, у меня силы довольно; самъ это знаю», отвѣчалъ онъ.—«Ай, дитя мое! достанетъ-ли у тебя силы вотъ этотъ ремень разорвать»? сказала она. — «Этотъ ремень не только я, но и всякій мальчикъ разорветъ», отвѣчалъ онъ. — «Дай-ка я тебѣ свяжу имъ большіе пальцы, а ты попробуй разорвать», сказала мать. — «На, вяжи»! сказалъ сынъ, протягивая руки. Взяла она ремень, крѣпко связала имъ оба большіе пальца рукъ сына; сказала: «ну! теперь рви»! Потянулъ молодецъ ремень, тянулъ, тянулъ, во всю длину рукъ вытянулъ, не разорвался ремень.—«Дурно связала, давай еще разъ свяжу», сказала мать. Подставилъ сынъ руки, взяла она ремень, снова оба большіе пальца крѣпко имъ стянула, завязала, сказала: «ну-ка? рви»! Снова сталъ молодецъ ремень вытягивать; въ это время выскочилъ дивъ, мечомъ его по шеѣ ударилъ, упала его голова на землю. Взяли они отрубленную голову и туловище, изъ кибитки вынесли, въ степи на землю бросили; сами, ничего уже не опасаясь, спать легли.

На другой день утромъ, сидѣла сѣрая дѣвица у дверей своей

кибитки, въ степь смотрѣла, видитъ—въ одномъ мѣстѣ много воронъ летаетъ; пошла она въ ту сторону, увидѣла голову и туловище, подбѣжала къ нимъ, узнала, что это ея братъ убитъ. Ни слова не сказавши, взяла она голову и туловище, отнесла въ свою кибитку, до вечера горько плакала, потомъ взяла иглу, съ шелковой ниткой; приставила отрубленную голову на свое мѣсто, крѣпко пришила; одѣла трупъ брата въ свое платье, а сама въ его платье одѣлась. Завернула брата въ полотно, крѣпко увязала, положила. По закатѣ солнца вышла она изъ кибитки, поймала братниного коня, осѣдлала его, вынесла трупъ брата, крѣпко его къ сѣдлу привязала, надѣла оружіе брата, сѣла на коня, въ степь необозримую поѣхала.

Нѣсколько дней, нѣсколько мѣсяцевъ, ѣдучи по степи, пріѣхала сѣрая дѣвица къ большому дереву; подъѣхала къ нему, съ коня слѣзла; подумавъ, сама себѣ сказала: «положу-ка я брата на дерево, между вѣтвями, тамъ его ни собаки, ни волки, ни птицы не тронутъ». Взобралась она на дерево, положила брата, вѣтвями укрыла, слѣзла съ дерева, сѣла на коня, поѣхала прямо впередъ. Черезъ нѣсколько дней пріѣхала сѣрая дѣвица, одѣтая мужчиной, въ большой городъ. Въ то время у царя этого города былъ большой пиръ; велѣлъ царь на высокомъ шестѣ золотое кольцо укрѣпить; объявилъ, что тотъ, кто на скаку собьетъ стрѣлой это кольцо, получитъ въ жены его дочь. Много было охотниковъ, пускали стрѣлы, никто кольца не сбилъ; взяла сѣрая дѣвица лукъ, стрѣлу вынула, уперлась въ стремена, поскакала, пустила стрѣлу, золотое кольцо съ шеста полетѣло, на землю упало. Очень обрадовался царь тому, что такой красивый молодецъ будетъ его зятемъ; подозвалъ его къ себѣ, спросилъ: «кто ты такой? откуда и куда ѣдешь? кто твой отецъ?»—«Мое имя сѣрый юноша, отецъ мой былъ такой-то, ѣду я изъ такого-то царства», отвѣчала она. Приказалъ царь гостей созвать, большой пиръ сдѣлалъ, женилъ сѣраго молодца на своей дочери. Послѣ пира отвели родственницы царевну къ сѣрому молодцу, въ особый домъ, попрощались, однихъ оставили. Усѣлись молодые, за руки не взялись; сказала сѣрая дѣвица царевнѣ: «я тебя не трону, до-тѣхъ-поръ пока не вернусь на свою родину, далъ такое обѣщаніе». Проспдѣли они всю ночь; какъ свѣтло стало, пошла сѣрая дѣвица къ царю, стала просить царя отпустить ее на родину. Позволилъ царь, добраго пути пожелалъ, дочери хорошее приданое далъ, въ путь снарядилъ, отправилъ. Поѣхали онѣ по дорогѣ къ тому дереву, на

которомъ былъ спрятанъ трупъ сѣраго молодца. Ѣхали нѣсколько дней, оставался до дерева еще день пути, сѣрая дѣвица сказала царевнѣ: «ты оставайся сегодня здѣсь, а я поѣду впередъ; завтра утромъ отправляйтесь дальше, на дорогѣ попадется вамъ большое дерево, возлѣ него будетъ пастись мой конь, а я буду спать на верху, на вѣтвяхъ; если при твоемъ пріѣздѣ не проснусь, ты сама разбуди меня». Сказавъ это, сѣрая дѣвица поскакала впередъ къ дереву, прискакала, пустила коня на траву, взяла листъ бумаги, написала на немъ все, что съ ней случилось-взлѣзла на дерево, сняла съ брата свои платья, сама въ нихъ одѣлась, а брата одѣла въ его платья; вложила за пазуху ему написанную ею бумагу; слѣзла съ дерева, обратилась въ сѣраго зайца, въ степь убѣжала. Много-ли, мало-ли бѣжала, попалась въ капканъ, поставленный на зайцевъ однимъ молодымъ человѣкомъ. Нѣсколько дней прошло, какъ этотъ молодецъ ничего въ свои капканы не поймалъ; вдругъ увидѣлъ онъ, что въ одинъ капканъ заяцъ попался; побѣжалъ онъ къ этому капкану, высвободилъ зайца, схватилъ его, въ ту-же минуту обратился заяцъ въ красивую дѣвицу. Очень удивился молодецъ такому чуду. Сказала ему сѣрая дѣвица: «ты меня не бойся; видно я предназначена тебѣ судьбой, ты долженъ жениться на мнѣ». Взялъ ее молодецъ, повелъ въ свой домъ, женился на ней.

Тутъ мы ихъ и оставимъ; разскажемъ, что случилось съ царевной.

Въ назначенный день, утромъ, отправилась царевна въ путь; пріѣхала къ большому дереву, увидала коня своего мужа, а его самого—спящимъ на вершинѣ дерева, между вѣтвями. Приказала она служанкамъ кибитку поставить, обѣдъ приготовить; сама, съ одной служанкой, полѣзла на дерево мужа будить. Взлѣзли они на дерево; приблизясь къ спящему, царевна открыла его лицо; увидала, что онъ мертвый; испугалась; заплакала, рыдая говорила: «ай! бѣда какая! что мнѣ теперь дѣлать? видно отъ Бога мнѣ не суждено быть счастливой съ этимъ мужемъ»! Глядя на нее, расплакалась и служанка. Въ это время видятъ онѣ: бѣжитъ по степи стадо сайгаковъ; одинъ сайгакъ наткнулся на сухой кустъ, сучкомъ ему брюхо распороло. Закричалъ раненый сайгакъ; услыша его крикъ, одинъ старый самецъ отдѣлился отъ стада, побѣжалъ подъ дерево, набралъ въ ротъ какой-то травы, сталъ ее жевать, жевалъ, жевалъ, пережевалъ, подбѣжалъ къ раненому сайгаку, выплюнулъ жвачку на рану, тотчасъ рана срослась,

зажила; вскочилъ сайгакъ, вмѣстѣ съ прочими въ степь убѣжалъ.

Видя это, приказала царевна служанкѣ на деревѣ остаться, сама слѣзла на землю, отыскала ту траву, которую собиралъ сайгакъ, набрала ее полный ротъ, хорошенько пережевала, взлѣзла на дерево, открыла голову сѣраго молодца, стала выплевывать траву на разрѣзъ; срослась голова съ туловищемъ; ожилъ сѣрый молодецъ, открылъ глаза, сказалъ: «Господи Боже! какъ я долго спалъ»!, потомъ быстро вскочилъ на ноги, увидалъ царевну со служанкой. Царевна сказала: «пойдемъ внизъ, кибитка давно поставлена, кушанье готово, только за тобой была остановка». — «Хорошо! идите въ кибитку, я сейчасъ туда-же прійду», отвѣчалъ ей сѣрый молодецъ. Когда царевна съ служанкой сошли съ дерева, сѣрый молодецъ подумалъ: какъ это случилось, что онъ вдругъ очутился на деревѣ; осмотрѣлся кругомъ, сунулъ руку за пазуху, нашелъ бумагу, писанную его сестрой, прочелъ, что тамъ было написано, узналъ все, что съ нимъ и съ сестрой до этого времени случилось. Горько онъ заплакалъ, не зная, куда дѣвалась его сестра, обратившись въ сѣраго зайца. Соскучилась царевна, дожидая его; послала служанку сказать ему, что кушанье простынетъ. Слѣзъ сѣрый молодецъ съ дерева, вошелъ въ кибитку, съ царевной пообѣдалъ. Остались они на этомъ мѣстѣ; нѣсколько дней вмѣстѣ, какъ мужъ съ женой, прожили. Въ одинъ день разсказалъ сѣрый молодецъ царевнѣ все, что съ нимъ случилось, прочиталъ ей, что сестра его написала передъ тѣмъ, какъ обратилась въ сѣраго зайца. Выслушавъ его разсказъ, царевна сказала: «теперь я понимаю, почему послѣ свадьбы она не легла со мною спать: я-бы узнала, что она дѣвица, а не мужчина». Прожилъ сѣрый молодецъ съ женой еще нѣсколько времени, потомъ попросилъ у ней позволенія ѣхать отыскивать свою сестру; сказала ему жена: «не могу тебя удерживать, поѣзжай, отыщи ее»! Сѣлъ на коня сѣрый молодецъ, оружіе надѣлъ, поѣхалъ отыскивать свою сестру, обратившуюся въ сѣраго зайца. Много дней, много мѣсяцевъ ѣздилъ; во многихъ городахъ былъ, нигдѣ сестры не нашелъ. Наконецъ, пріѣхалъ онъ въ одинъ городъ, видитъ: на улицѣ мальчики въ бабки играютъ; подъѣхалъ онъ къ нимъ, сталъ на ихъ игру смотрѣть. Одинъ мальчикъ, приготовляясь бросить бабку, сказалъ: «не своей рукой бросаю, рукой сѣраго дяди бросаю»! Услышавъ эти слова, взялъ сѣрый молодецъ этого мальчика, отвелъ его въ сторону, спросилъ: «за-

чѣмъ ты говорилъ, бросая бабку, что бросаешь ее рукою сѣраго дяди»? Мальчикъ отвѣчалъ: «мнѣ мать моя приказала такъ говорить всякій разъ, когда буду что-либо бросать, а если кто меня спроситъ, зачѣмъ я такъ говорю, того привести къ ней; а какъ ты спросилъ, то и прошу тебя: пойдемъ въ нашъ домъ».— «Какъ зовутъ твою мать»? спросилъ сѣрый молодецъ. — «Моя мать сѣрая дѣвица», отвѣчалъ мальчикъ. Заплакалъ молодецъ отъ радости, пошелъ къ сестрѣ. Мальчикъ впередъ побѣжалъ, матери все разсказалъ; выбѣжала она изъ дома, увидала своего брата; узналъ и онъ сестру, слѣзъ съ коня, обнялъ ее; пошли они обнявшись въ домъ, сѣли, стали другъ друга распрашивать; пришелъ и мужъ ея, обнялъ его. Разсказалъ братъ сестрѣ все, что съ нимъ случилось, и она ему о себѣ все разсказала. Пробылъ сѣрый молодецъ у сестры нѣсколько дней, потомъ къ женѣ поѣхалъ; пріѣхалъ, разсказалъ ей, какъ нашелъ сестру. Прошло немного времени; захотѣлось сѣрому молодцу узнать, что подѣлываетъ его мать; сказалъ онъ объ этомъ женѣ; осѣдлалъ коня, оружіе надѣлъ, сѣлъ, поѣхалъ по дорогѣ къ отцовскому кочевью. Ѣхалъ, ѣхалъ, ночью пріѣхалъ къ своей кибиткѣ, вошелъ, увидѣлъ въ ней нѣсколько играющихъ мальчиковъ,—всѣ на дива похожи; догадался, что всѣ они рождены его матерью отъ дива; всѣхъ ихъ убилъ. Пошелъ въ кибитку къ матери, нашелъ ее спящею съ дивомъ; на одной постелѣ, обоихъ сразу убилъ. На разсвѣтѣ собралъ тѣла всѣхъ убитыхъ имъ, вынесъ, въ глубокій колодецъ бросилъ, сверху большой камень навалилъ. Возвратясь отъ колодца, поѣхалъ сѣрый молодецъ къ женѣ, съ нею вмѣстѣ перекочевалъ на свою родину. Узналъ объ этомъ народъ, всѣ къ нему приходили, говорили: «теперь враговъ своихъ ты истребилъ, друзей пріобрѣлъ, живи въ счастіи и довольствѣ».

VI.

Золотое яблоко.

Было-ли, не было-ли, когда-то жилъ-былъ царь; дожилъ онъ до шестидесяти лѣтъ, а жена его до пятидесяти пяти лѣтъ; но не было у нихъ ни сына, ни дочери, никакого потомства не бы-

ло. Однажды сидѣлъ царь, задумавшись; пришла къ нему царица, сказала: «о чемъ ты думаешь»? Отвѣчалъ царь: «думаю о потомствѣ». Сказала ему царица: «такъ не сиди, ступай въ степь, выбери уединенное мѣсто, чтобы никто тебя не видѣлъ; помолись усердно Богу. Можетъ быть, Богъ и дастъ кого-нибудь». Понравились царю эти слова, велѣлъ онъ себѣ приготовить кушанья на дорогу, осѣдлать коня, одѣлся, оружіе взялъ, привязалъ въ торока запасы и молитвенный коврикъ, сѣлъ на коня, поѣхалъ въ степь. Ѣхалъ онъ, ѣхалъ, на девятый день подъѣхалъ къ горѣ, взобрался на нее, слѣзъ съ коня, пустилъ его на траву, самъ разостлалъ коврикъ, началъ Богу молиться. Только окончилъ молитву, видитъ: подошелъ къ нему весь обросшій волосами дервишъ, поздоровался; царь отвѣтилъ ему. Тогда дервишъ сказалъ: «эй, царскій сынъ! въ этомъ мѣстѣ что дѣлаешь»? Царь подумалъ, что это, можетъ-быть, самъ Богъ ему явился; всталъ съ мѣста, сложилъ на груди руки и сказалъ: «господинъ мой! я такого-то царства царь; потомства у меня нѣтъ; если самъ умру, некого будетъ на мое мѣсто оставить. Пріѣхалъ я на эту гору молить Бога о дарованіи мнѣ потомства». Дервишъ сказалъ ему: «я тебѣ двухъ сыновей дамъ; но когда имъ исполнится по четырнадцати лѣтъ, ты одного долженъ отдать мнѣ». Отвѣчалъ ему царь: «если это сбудется, видитъ Богъ, одного сына себѣ оставлю, другого тебѣ отдамъ». Вынулъ дервишъ изъ-за пазухи одно яблоко, подалъ его царю и сказалъ: «возьми это яблоко, поѣзжай домой; въ тотъ день, когда пріѣдешь, разрѣжь яблоко пополамъ; одну половину самъ съѣшь, другую отдай женѣ твоей съѣсть; отъ этого родятся у васъ два сына; старшій сынъ вамъ останется; младшаго мнѣ отдадите, когда ему исполнится четырнадцать лѣтъ».— Сказалъ царь: «хорошо, все такъ сдѣлаю», взялъ яблоко, сѣлъ на коня, домой поѣхалъ, дервишъ на томъ-же мѣстѣ остался. Пріѣхалъ царь домой, разрѣзалъ яблоко пополамъ; одну половину самъ съѣлъ, другую половину съѣла царица. Забеременѣла царица, въ надлежащее время родила двухъ сыновей. Очень радовался этому царь, большой пиръ сдѣлалъ, скачку сдѣлалъ. Исполнилось мальчикамъ семь лѣтъ; призвалъ царь ученаго муллу, отдалъ ему сыновей учиться; учились мальчики до четырнадцати лѣтъ; помнилъ царь, что въ этотъ годъ надо отдать младшаго сына. Въ одинъ день сказали царю, что пришелъ весь обросшій волосами дервишъ и проситъ позволенія войти; приказалъ царь впустить его. Вошелъ дервишъ; увидѣлъ царь, что это тотъ са-

мый, который далъ ему яблоко; поздоровался съ нимъ царь, на первое мѣсто посадилъ. Дервишъ сказалъ: «царь! у насъ вѣдь есть старое условіе»? — «Да, господинъ»! отвѣчалъ царь. — «Ну! такъ прикажи скорѣй привесть мальчиковъ; я своего возьму и уйду»! сказалъ дервишъ. Послалъ царь за сыновьями; пришли они. Царь, съ царицей, оба со слезами на колѣни упали, стали просить дервиша не брать отъ нихъ сына, обѣщали взамѣнъ отдать ему все, что-бы онъ ни потребовалъ. Дервишъ сказалъ: «нѣтъ! кромѣ мальчика, мнѣ ничего не надо». Взялъ онъ младшаго сына и ушелъ съ нимъ. Шли они нѣсколько дней, пришли на ту гору, гдѣ царь Богу молился, взошли наверхъ, сѣли, поѣли; дервишъ сказалъ мальчику: «сынъ мой! я тебя пошлю въ одно мѣсто; что прикажу тебѣ, исполни точно! Отсюда ты пойдешь по дорогѣ, которую я тебѣ укажу; идя по ней, ты прійдешь къ дверямъ золотого дворца, отвори двери и войди; увидишь большой камень, обложенный яхонтами, изумрудами, алмазами и жемчугомъ; на томъ камнѣ будетъ стоять коробка, ты ее возьми, выйди и возвратись сюда. Когда ты возьмешь коробку, со всѣхъ сторонъ послышатся звуки, выйдутъ къ тебѣ дѣвицы, станутъ просить, чтобы ты поставилъ коробку на мѣсто; ты ни на что не смотри, ни слова не говори, уходи. Потомъ станутъ стращать тебя со всѣхъ сторонъ; иди—ничего не бойся; потомъ будутъ давать тебѣ золотое яблоко,—не смотри на него и не бери, уходи. Благополучно принесешь мнѣ коробку, я тебя отвезу къ отцу твоему и отдамъ тебя обратно; если-же, взявъ коробку, ты тамъ скажешь хотя одно слово или возьмешь еще что-нибудь, то и ты пропадешь и я погибну». Сказавши это, вывелъ дервишъ мальчика на дорогу, по которой ему надо было идти. Пошелъ мальчикъ, шелъ, шелъ, пришелъ къ дверямъ золотого дворца, отворилъ двери, видитъ: осыпанный драгоцѣнными камнями большой камень, на немъ стоитъ коробка; взялъ онъ ее, назадъ пошелъ; вдругъ явилось двѣнадцать дѣвицъ, сказали ему: «эй, молодецъ! куда уходишь, останься, поиграй съ нами». Ничего не сказалъ имъ мальчикъ, шелъ себѣ потихоньку; поднялся шумъ, крикъ, гамъ; ни на что не обращая вниманія, шелъ себѣ мальчикъ; подкатилось къ его ногамъ чудесное золотое яблоко, взглянулъ онъ на него, не утерпѣлъ, взялъ его въ руки. Только что онъ поднялъ яблоко, изчезло все и онъ очутился въ мрачномъ подземельи, усѣянномъ человѣческими костями. Сказалъ тогда мальчикъ: «ахъ, Боже мой! зачѣмъ я забылъ приказаніе дервиша»!

Сѣлъ онъ, заплакалъ; когда успокоился, сталъ думать, что ему дѣлать; думалъ, думалъ, вздумалъ посмотрѣть: что̀ такое въ коробкѣ; открылъ онъ ее, увидалъ свѣчку, зажегъ ее, въ туже минуту явились двѣнадцать дѣвицъ, которыхъ онъ видѣлъ. Стали дѣвицы съ нимъ играть, смѣяться; позабавившись, сказали ему: «эй, молодецъ! позволь намъ уйти». Онъ-же сказалъ имъ: «пускай одна изъ васъ покажетъ мнѣ дорогу, по которой я-бы могъ уйти изъ этого сквернаго мѣста». Младшая дѣвица сказала: «иди за мной; я тебѣ покажу дорогу; недалеко отсюда есть отверстіе, въ него выйдешь». Привела она его къ отверстію и сказала: «теперь отпусти насъ; потуши свѣчку и закрой коробку, мы изчезнемъ». Потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку; изчезли дѣвицы; ощупью добрался онъ до отверстія; съ большимъ трудомъ вылѣзъ изъ подземелья; осмотрѣлся кругомъ; вездѣ пусто, никого не видать. Не зная куда идти, сѣлъ онъ на землю, досталъ коробку изъ-за пазухи, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться, потомъ спросили: что ему нужно? Сказалъ имъ царевичъ: «куда мнѣ идти»? Младшая дѣвица сказала: «отдай мнѣ золотое яблоко, взамѣнъ его вотъ тебѣ кошелекъ; сколько нужно будетъ денегъ, изъ него бери, въ немъ всегда будетъ ихъ достаточно. Теперь иди вотъ въ ту сторону, скоро будетъ три дороги, ступай по правой — въ городъ прійдешь. Если еще въ насъ будешь имѣть нужду, зажги свѣчку, мы явимся къ тебѣ; теперь-же отпусти насъ». Отдалъ царевичъ ей яблоко, взялъ кошелекъ, потушилъ свѣчку, закрылъ коробку, изчезли дѣвицы. Кошелекъ, коробку за пазуху спрятавъ, пошелъ царевичъ въ указанную сторону; пришелъ къ тремъ дорогамъ, пошелъ по правой, шелъ нѣсколько дней, пришелъ въ большой городъ; пошелъ къ царю этого города, попросилъ мѣста для постройки дома. Позволилъ царь ему домъ построить. Выбралъ царевичъ мѣсто, красивый, удобный, домъ построилъ, лошадей купилъ, слугъ нанялъ, весело зажилъ. Въ одинъ день, сидя дома, открылъ онъ коробку, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться, вдоволь позабавились; младшая дѣвица подошла къ нему и сказала: «смотри, береги коробку и никому о ней не говори». Потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку, изчезли дѣвицы.

Много уже денегъ, для расхода, вытащилъ царевичъ изъ кошелька, а въ немъ все не убываетъ ихъ; видя такое благополучіе, возгордился онъ; велѣлъ осѣдлать себѣ коня, положилъ за

пазуху кошелекъ и коробку, сѣлъ, поѣхалъ, подъѣхалъ къ воротамъ царскаго сада, хотѣлъ въ садъ ѣхать; не пустилъ его сторожъ, сказавъ: «въ этомъ саду никому нельзя гулять, кромѣ царя». Царевичъ сказалъ ему: «на, подержи моего коня и вотъ этотъ кошелекъ, пока я вернусь изъ сада; за то, что ты меня пустишь въ немъ погулять, дамъ тебѣ сто червонцевъ». Взялъ сторожъ его коня, привязалъ у воротъ, взялъ и кошелекъ,—позволилъ царевичу по саду погулять. Вошелъ царевичъ въ садъ, весь обошелъ, все осмотрѣлъ; пришелъ къ царскому увеселительному дому, вошелъ въ него, увидѣлъ, что тамъ никого нѣтъ, сѣлъ, досталъ коробку, открылъ ее, зажегъ свѣчу, явились двѣнадцать дѣвицъ, стали съ нимъ играть, смѣяться.

Въ этотъ день царскій визирь вышелъ на прогулку; проходя возлѣ сада, онъ увидѣлъ привязанную у воротъ лошадь, подошелъ, спросилъ у сторожа: «кто зашелъ въ садъ»? Сторожъ отвѣчалъ: «пріѣхалъ какой-то молодой человѣкъ, обѣщался дать мнѣ сто червонцевъ, въ залогъ оставилъ вотъ этотъ кошелекъ; я его пустилъ въ садъ». Визирь, увидя кошелекъ, взялъ его, сунулъ къ себѣ за пазуху; пошелъ въ садъ; вошелъ въ домъ, въ которомъ царевичъ игралъ и смѣялся съ дѣвицами; незамѣченный ими, визирь сѣлъ и сталъ смотрѣть, какъ играли дѣвицы между собой и съ царевичемъ. Наплясавшись, наигравшись, дѣвицы стали просить царевича отпустить ихъ; потушилъ онъ свѣчку, закрылъ коробку, изчезли дѣвицы. Подошелъ къ нему визирь и сказалъ: «у тебя, молодецъ, чудесная вещь есть; съ сегодня будемъ друзьями». Позвалъ нукеровъ своихъ и приказалъ имъ подать вина; принесли вино, сталъ царевичъ его пить; скоро опьянѣлъ, упалъ и заснулъ. Визирь вынулъ у него изъ-за пазухи коробку, къ себѣ положилъ; приказалъ шестерымъ нукерамъ взять спящаго царевича, въ степь отвезти, тамъ убить его, намочить его кровью рубашку и привезти къ нему. Взяли нукеры царевича, отвезли въ степь, выбрали скрытое мѣсто, приготовились убить его; видя это, одинъ изъ нукеровъ сказалъ остальнымъ: «большой грѣхъ мы сдѣлаемъ, если убьемъ этого, ни въ чемъ невиннаго, человѣка». Остальные ему отвѣчали: «мы должны исполнить приказаніе визиря, не разбирая, виноватъ этотъ человѣкъ, или нѣтъ». Но первый нукеръ снова сталъ ихъ просить не убивать его; скоро и прочіе нукеры, боясь грѣха, согласились съ нимъ. Сняли они рубашку съ царевича; убили орла, его кровью намочили рубашку, возвратились въ городъ, отдали ее визи-

рю. Черезъ нѣсколько времени отрезвился царевичъ, проснулся, всталъ, видитъ: нѣтъ у него ни кошелька, ни коробки, ни рубашки, все пропало. Не зналъ онъ, что дѣлать, пошелъ куда глаза глядятъ, скоро пришелъ въ одну деревню, тамъ нанялся къ хлѣбопеку въ работники, хлѣбъ носить на продажу.

Визирь, овладѣвъ коробкой, задумалъ показать царю чудесныя ея свойства; для этого просилъ царя со всѣмъ семействомъ, съ знатными людьми со всего царства, прійти къ нему на пиръ. Всѣхъ родныхъ, всѣхъ знакомыхъ позвалъ визирь. Царь, царица, сыновья ихъ, дочери ихъ, знатные люди, родные, знакомые, всѣ собрались къ визирю на пиръ. Поѣли, попили, повеселились; сказалъ визирь всему собранію: «теперь покажу вамъ чудесныя свойства вотъ этой коробки». Взялъ онъ коробку, открылъ, зажегъ свѣчу; въ ту-же минуту явились двѣнадцать здоровыхъ молодцовъ, съ дубинами въ рукахъ, и припялись колотить ими кто царя, кто царицу, кто царскихъ дѣтей, кто знатныхъ людей; никого не пропустили; всѣхъ отколотили; кому руку, кому ногу перебили, кому голову пробили, нѣсколькихъ человѣкъ до смерти избили; кончивъ свое дѣло, потушили свѣчу и изчезли. Самъ царь закрылъ коробку, взялъ ее къ себѣ, домой пошелъ; визиря приказалъ въ тюрьму посадить. На другой день утромъ собралъ царь весь народъ, сталъ спрашивать, кому принадлежитъ чудесная коробка. Слуги царевича сказали, что коробка принадлежитъ ихъ господину; но куда онъ самъ дѣвался, не знаютъ. Тогда шесть визирскихъ нукеровъ сказали царю: «эти люди говорятъ правду; визирь, взявъ отъ ихъ соннаго господина коробку, намъ приказалъ отвезти его въ степь и тамъ его убить; но мы, боясь грѣха, его не убили, а оставили соннаго въ степи; гдѣ-же онъ теперь, не знаемъ». Приказалъ царь разослать людей по всѣмъ городамъ, по всѣмъ деревнямъ, велѣлъ вездѣ спрашивать, найти его и привесть къ нему. Нѣсколько посланныхъ пришли въ ту деревню, гдѣ жилъ царевичъ; узнали, что недавно къ хлѣбопеку нанялся какой-то неизвѣстный человѣкъ. Призвали его, спросили: кто онъ? Сначала не открылся имъ царевичъ, а сказалъ: «я бѣдный человѣкъ, ничего не знаю». Но какъ они отъ него не отставали, все хотѣли узнать, кто онъ такой, то и разсказалъ онъ все, что зналъ и видѣлъ. Взяли они его, привели къ царю. Узналъ его царь, спросилъ: «ты не тотъ-ли молодецъ, который просилъ у меня позволенія домъ построить»? — «Да, тотъ самый»! отвѣчалъ царевичъ. — «Узнаешь-ли ты эту коробку»? спросилъ царь. — «Много горя претерпѣвъ, опять на-

шелъ я свою коробку; но при ней долженъ быть еще кошелекъ». Послалъ царь за кошелькомъ, пошли въ тюрьму къ визирю, взяли у него кошелекъ, принесли. Царь опять спросилъ: «Хорошо! эти обѣ вещи твои-ли»?—«Мои», отвѣчалъ царевичъ.—«Какія онѣ имѣютъ свойства»?—«Въ кошелькѣ деньги не истощаются, сколько-бы ихъ ни вынимали изъ него; а свойство коробки, если желаете, я покажу вамъ», сказалъ царевичъ.—«Не нужно»! закричалъ царь, «въ другомъ мѣстѣ показывай»!—«Ахъ, государь»! сказалъ царевичъ, «отъ меня непріятнаго ничего не будетъ; это бываетъ только у тѣхъ, которые зло сдѣлали». Открылъ коробку, зажегъ свѣчку; явились двѣнадцать дѣвицъ. Обрадовался, успокоился царь, сѣлъ, стали съ нимъ дѣвицы играть, смѣяться; досыта натѣшился царь. Попросили дѣвицы позволенія уйти; потушилъ царевичъ свѣчку, закрылъ коробку, изчезли дѣвицы.

Сказалъ царь царевичу: «Ай спасибо, молодецъ! милость моя къ тебѣ; отдаю тебѣ одну изъ дочерей моихъ». Не зналъ царевичъ, что и отвѣчать на это; долженъ былъ согласиться. Сдѣлалъ царь большой пиръ, выдалъ дочь замужъ за царевича. Вышелъ потихоньку царевичъ изъ дому, зашелъ въ уединенное мѣсто, вынулъ коробку, открылъ ее, зажегъ свѣчку, явились двѣнадцать дѣвицъ; начали играть, смѣяться; сказалъ онъ имъ: «что мнѣ дѣлать? царь далъ мнѣ жену, противъ моей воли». Младшая дѣвица сказала ему: «на тебѣ золотое яблоко, иди съ женой за городъ гулять, брось яблоко на землю,—куда оно покатится, туда и ты иди». Потушилъ онъ свѣчку, закрылъ коробку, изчезли дѣвицы; возвратился царевичъ къ царевнѣ, женѣ своей, сказалъ ей: «вечеромъ гулять поѣдемъ». Наступилъ вечеръ, сѣли они на коней, поѣхали по городу кататься. Ѣздили, ѣздили, выѣхали за городъ; бросилъ царевичъ на землю золотое яблоко; покатилось оно шибко; поѣхали они за нимъ. Катилось яблоко, катилось, прикатилось къ золотому дворцу; вышли изъ дворца двѣнадцать дѣвицъ, встрѣтили ихъ, сказали царевичу: «слѣзай съ коня, а царевну отпусти совсѣмъ въ домъ, къ отцу». Спросилъ царевичъ: «какъ-же она найдетъ дорогу въ такую темную ночь»? Сказали ему дѣвицы: «ты золотое яблоко назадъ пусти, оно доведетъ ее до дому». Бросилъ царевичъ на землю яблоко; сказалъ царевнѣ, чтобы она возвратилась къ отцу. Покатилось золотое яблоко, поѣхала за нимъ царевна, на утренней зарѣ пріѣхала къ дверямъ своего дома, слѣзла съ коня, пошла къ отцу, все ему разсказала.

Двѣнадцать дѣвицъ ввели царевича во дворецъ, посадили

его, сами стали въ рядъ, руки сложили, сказали: «сейчасъ прійдутъ наши госпожи». Очень довольный сидѣлъ царевичъ; вдругъ явились двѣнадцать пери, каждая красивѣе восходящаго солнца. Какъ увидѣлъ ихъ царевичъ — выскочилъ у него умъ изъ головы, только черезъ нѣсколько времени назадъ въ голову возвратился. Усѣлись возлѣ него двѣнадцать пери, а прежнія двѣнадцать дѣвицъ, какъ служанки, стояли. Ничего не сказалъ царевичъ, все любовался красотою пери; наконецъ одна изъ нихъ сказала: «мы всѣ двѣнадцать—дочери царя и царицы пери; чтобы овладѣть нами, много погибло царскихъ сыновей,—никто не могъ. Тебѣ-же, какъ вымоленному у Бога и теперь единственному сыну у отца, потому-что братъ твой умеръ вскорѣ послѣ ухода твоего, Богъ помогъ сдѣлать то, чего доселѣ никто не могъ. Дервишъ, пославшій тебя сюда, узнавъ, что ты завладѣлъ коробкой, съ горя утопился въ морѣ. Всѣ твои желанія исполняла служанка нашей младшей сестры, потому-что тебѣ предназначена въ жены младшая изъ насъ». При этихъ словахъ младшая пери встала, подошла къ царевичу, подала ему руку, спросила: «чего ты желаешь? если хочешь возвратиться домой, въ эту-же ночь будешь тамъ». Захотѣлъ царевичъ воротиться домой, къ отцу. Вышли всѣ изъ золотого дворца, одна пери позвала огромнаго дива и приказала ему отвезти царевича, съ невѣстой и служанкой, въ домъ его отца. Подошелъ дивъ, легъ на землю; сѣли на него всѣ трое. Сказалъ имъ дивъ: «закройте глаза». Закрыли они глаза, въ ту-же минуту полетѣлъ дивъ; черезъ нѣсколько времени сказалъ дивъ: «ну! теперь откройте глаза». Открыли они глаза, увидали, что они уже въ городѣ, слѣзли съ дива, отпустили его. Скоро свѣтать стало; какъ взошло солнце, пошли они къ царскому дворцу; пришли, сторожа ихъ спросили: «что вы за люди»? Отвѣчалъ имъ царевичъ: «я сынъ вашего царя. Идите! извѣстите его о моемъ возвращеніи».

Побѣжалъ одинъ сторожъ къ царю, сказалъ: «вашъ сынъ пришелъ»!, за хорошую вѣсть подарка попросилъ. Всталъ царь, сказалъ: «во снѣ-ли я это слышу, или на яву»?; позвалъ царицу; выбѣжали оба изъ дому, увидали сына, начали его обнимать, цаловать, съ радости заплакали; взяли, повели всѣхъ во дворецъ, распрашивать стали. Все, что съ нимъ случилось, разсказалъ царевичъ подробно отцу. Очень радовался царь возвращенію сына, гостей созвалъ, большой пиръ сдѣлалъ, кадіевъ, муллъ позвалъ, свадьбу справилъ; сына на свое мѣсто царемъ поставилъ.

VII.

Змѣя, кошка и собака.

Когда-то жилъ одинъ бѣдный молодецъ, была у него мать, отца не было; ѣсть имъ было нечего, лечь спать не на чемъ, покрыться нечѣмъ. Каждый день ходилъ молодецъ въ лѣсъ, набиралъ тамъ вязанку дровъ, на своей спинѣ относилъ ее на базаръ, продавалъ за два гроша; на одинъ грошъ покупалъ хлѣба, на другой—мяса; только этимъ и жилъ съ матерью. Въ одинъ день, продавъ свою вязанку дровъ за два гроша, пошелъ онъ покупать хлѣбъ; попались ему навстрѣчу два мальчика, тащатъ на веревкѣ котенка; сказалъ онъ имъ: «ахъ, ребятки! не грѣхъ-ли вамъ мучить котенка, куда вы его тащите»? Мальчики сказали ему: «будемъ таскать, пока не издохнетъ». — «Не мучьте его больше, лучше мнѣ отдайте»! сказалъ молодецъ.—«Если онъ тебѣ нуженъ, купи у насъ, дай одинъ грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ изъ кармана грошъ, отдалъ имъ, взялъ котенка, подумалъ: что дѣлать! одинъ день, какъ-нибудь, проживемъ безъ мяса; купилъ на оставшійся грошъ хлѣба, пришелъ домой, матери сказалъ: «этого котенка мальчики хотѣли замучить; жалко мнѣ его стало, за одинъ грошъ купилъ его у нихъ; когда изъ дому буду уходить, тебѣ веселѣй будетъ; зато денекъ посидимъ на одномъ хлѣбѣ». Похвалила его мать за доброе дѣло. Съѣли они свой хлѣбъ, кусочекъ котенку дали. На другой день пошелъ, по обыкновенію, молодецъ въ лѣсъ, набралъ вязанку дровъ, принесъ на базаръ, продалъ за два гроша; пошелъ хлѣбъ покупать; навстрѣчу ему опять тѣ-же мальчики, тащатъ на веревкѣ щенка; спросилъ онъ ихъ: «куда вы тащите щенка»?—«Мы его тащимъ, чтобы утопить», отвѣчали мальчики.—«Эхъ, ребятки! не топите его, лучше мнѣ отдайте», сказалъ онъ.—«Нуженъ онъ тебѣ, такъ возьми! заплати намъ за него грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ грошъ, отдалъ мальчикамъ, взялъ собаченку; на другой грошъ купилъ хлѣба, воротился домой, сказалъ матери: «матушка! сегодня для тебя купилъ еще за грошъ собачку; хотѣли ее мальчики утопить; пожалѣлъ я; опять безъ мяса денекъ просидимъ». Похвалила его мать за доброе дѣло; разрѣзала хлѣбъ на четыре куска: одинъ сама съѣла, другой сыну отдала, котенку и собаченкѣ по куску дала. Вечеромъ спать легли, утромъ рано

встали; пошелъ молодецъ въ лѣсъ, набралъ вязанку дровъ, принесъ на базаръ, за два гроша продалъ, пошелъ хлѣбъ покупать. Опять попались ему навстрѣчу тѣ-же мальчики, тащили они на веревкѣ маленькую змѣю; подошелъ къ нимъ молодецъ, спросилъ: «куда вы эту змѣю тащите»? — «Потаскаемъ, потаскаемъ, да и убьемъ ее», отвѣчали мальчики. — «Эй, ребятки, грѣшно! лучше отдайте мнѣ эту змѣю», сказалъ онъ. — «Нужна тебѣ она, такъ возьми; только заплати намъ за нее грошъ», сказали мальчики. Вынулъ молодецъ грошъ, отдалъ имъ, взялъ змѣю, за пазуху положилъ; пошелъ на остальной грошъ хлѣба купилъ, домой воротился, матери сказалъ: «Матушка! сегодня вотъ эту змѣю купилъ».—«Для чего, для какой надобности ты купилъ ее»? спросила мать. — «Жаль ее стало; кто знаетъ? можетъ быть и отъ нея какая-нибудь польза будетъ», сказалъ онъ. Въ этотъ день хлѣбъ въ пятеромъ ѣли. Вечеромъ спать легли, утромъ рано встали; молодецъ въ лѣсъ пошелъ, набралъ вязанку дровъ, отнесъ на базаръ, за два гроша продалъ, на одинъ гропъ хлѣба купилъ, на другой—мяса, всѣхъ накормилъ. Такимъ порядкомъ прошло нѣсколько времени. Однажды вышелъ молодецъ изъ дому, вслѣдъ за нимъ выползла змѣя, спросилъ онъ ее: «ты куда идешь»? — «Я тебѣ скажу кое-что, не знаю только, сдѣлаешь-ли ты»? отвѣчала ему змѣя.—«Говори! сдѣлаю», сказалъ молодецъ.—«Ты меня спасъ отъ смерти», сказала змѣя, «за это я хочу отплатить тебѣ добромъ. Я сынъ царя змѣинаго; у меня, кромѣ отца, есть еще мать, братья и сестры. Возьми меня, посади за пазуху и иди въ ту сторону, куда я покажу». Взялъ молодецъ змѣю, посадилъ за пазаху, пошелъ по указанной ею дорогѣ. Пришелъ въ лѣсъ, дальше пошелъ; змѣя его спросила: «не слышишь-ли ты особаго запаха»?—«Нѣтъ! не слышу», отвѣчалъ онъ. — «Когда услышишь, скажи мнѣ», сказала змѣя. Пошелъ молодецъ дальше въ лѣсъ, еще немного прошелъ, услышалъ дурной запахъ, змѣѣ о томъ сказалъ.—«Теперь пусти меня на землю, самъ оставайся здѣсь, никуда не уходи; когда я тебя позову, тогда иди ко мнѣ», сказала змѣя. Пустилъ молодецъ змѣю на землю; поползла она впередъ, становясь все больше и больше, пока не стала огромной змѣей. Навстрѣчу ей выползла другая большая змѣя, сошлись онѣ, обвились хвостами, повертѣлись въ разныя стороны, разошлись; поползли въ разныя стороны; первая змѣя, ползя къ молодцу, все уменьшалась и уменьшалась, пока не сдѣлалась такою-же, какъ была прежде; приползла къ нему, сказала: «эта змѣя мой старшій братъ;

теперь ты опять положи меня за пазуху; дальше пойдемъ». Положилъ молодецъ змѣю за пазуху, дальше пошелъ, черезъ нѣсколько времени снова услышалъ онъ дурной запахъ, сказалъ о томъ змѣѣ; она сказала ему: «теперь ты пусти меня на землю, скоро прійдутъ мои отецъ и мать, и съ ними много змѣй; но ты ничего не бойся. Станутъ тебя просить, чтобы ты отпустилъ меня; но ты не соглашайся; будутъ давать тебѣ много разныхъ вещей, денегъ, драгоцѣнныхъ камней, — ничего не бери; проси только тотъ камушекъ, который всегда лежитъ у моего отца подъ языкомъ; скажи, что только за него отпустишь меня. Если согласятся на это, ты меня отдай; тогда я тебѣ скажу, какія свойства имѣетъ тотъ камушекъ». Сказавъ это, поползла змѣя навстрѣчу къ отцу; ползя, все становилась больше и больше, пока не стала большой змѣей. Встрѣтилась съ отцомъ, обвились хвостами, поздоровались. Попросилъ змѣиный царь молодца зайти въ ихъ жилище, погостить у нихъ; змѣя его, опять сдѣлавшись маленькой, къ нему приползла; взялъ онъ ее, положилъ за пазуху, пошелъ къ змѣиному царю въ гости; пришелъ, нѣсколько дней гостилъ; сказала ему его змѣя: «теперь пора тебѣ домой, иди къ моему отцу, проси, чтобы тебя отпустилъ; будетъ онъ тебя просить меня отдать, ты, смотри, не отдавай до-тѣхъ-поръ, пока не получишь камушка, о которомъ я тебѣ говорила». Пошелъ молодецъ къ змѣиному царю прощаться, свою змѣю за пазуху посадилъ. Пришелъ, попросилъ позволенія домой идти. Сказалъ ему змѣиный царь: «послушай, молодецъ! ты сдѣлалъ добро моему сыну, теперь хочешь уйти отъ насъ; оставь мнѣ сына; за это я дамъ тебѣ все, что попросишь,—денегъ, драгоцѣнныхъ камней». На это молодецъ сказалъ: «денегъ и драгоцѣнностей не возьму, а если отдашь мнѣ тотъ камушекъ, который у тебя подъ языкомъ, то, такъ и быть, разстанусь съ своимъ другомъ, твоимъ сыномъ». Царь змѣиный сказалъ ему: «на что тебѣ тотъ камушекъ? вѣдь ты не знаешь его свойствъ! Лучше, я тебѣ дамъ такой камень, за который можно купить цѣлый городъ». Молодецъ сказалъ: «если не отдашь мнѣ того камушка, то другихъ мнѣ и тысячи не нужно, не возьму»! Увидалъ змѣиный царь, что нечего дѣлать, надо разстаться съ камушкомъ; вынулъ его изъ подъ языка, молодцу отдалъ. Взялъ молодецъ камушекъ, попрощался съ змѣинымъ царемъ, пошелъ, его змѣя пошла его провожать. Когда они отошли немного, змѣя сказала ему: «этотъ камушекъ имѣетъ вотъ какія свойства: если его положить подъ языкъ и пожелать чего

нибудь, то въ ту-же минуту исполнится всякое желаніе. Положи его подъ языкъ и скажи: хочу быть дома,—сейчасъ будешь тамъ. Что захочешь, то и сдѣлается. Но помни, что пріобрѣсть этотъ камушекъ много охотниковъ найдется». Попрощался молодецъ съ змѣею, поблагодарилъ ее; положилъ камушекъ подъ языкъ; подумалъ: хочу быть дома,—и въ ту-же минуту очутился дома, самъ не зная, какъ это сдѣлалось. Увидала его мать, очень обрадовалась; сѣли они, до вечера сидѣли, разговаривали. Когда совсѣмъ темно стало, вышелъ молодецъ изъ дому, положилъ камушекъ подъ языкъ, сказалъ: «пускай для меня и для матери будутъ царскія одежды и хорошія кушанья». Въ ту-же минуту все это явилось. Взялъ ихъ молодецъ, кушанья отнесъ къ матери, одежды спряталъ. Кушаньямъ старуха очень обрадовалась, сѣла она съ сыномъ, досыта наѣлись, остатки котенку и собаченкѣ отдали; спать легли, утромъ встали; сказалъ молодецъ матери: «ты, матушка, иди теперь къ царю, проси, чтобы онъ отдалъ за меня замужъ свою дочь. Если онъ согласится, то я дамъ ему все, что онъ пожелаетъ». Мать ему сказала: «мы не всегда находимъ, чего поѣсть, что-же мы можемъ дать царю»? Сынъ сказалъ ей: «ты знай иди! можетъ что и найдемъ»!—«Смотри, сынокъ! какъ-бы не приказалъ царь и тебя и меня казнить», сказала она. Не отсталъ онъ отъ нея, пока не согласилась старуха идти къ царю; тогда молодецъ вынулъ богатое платье, далъ матери надѣть. Одѣлась старуха, возгордилась, подбодрилась, пошла въ царскій дворецъ; скоро пришла, пошла прежде къ царицѣ, сказала ей, зачѣмъ пришла. Разсердилась царица, съ гнѣвомъ сказала ей: «какъ смѣешь ты мнѣ это говорить? развѣ твой сынъ пара моей дочери»? Пошла царица къ царю, со смѣхомъ сказала: «пришла какая-то старуха, сватаетъ нашу дочь за своего сына». Царь спросилъ ее: «какой-же ты дала отвѣтъ»?—«Никакого отвѣта не дала», отвѣчала царица. На это царь сказалъ: «такъ отпустить ее не годится; ты пришли ко мнѣ эту старуху, я ей отвѣчу». Привели старуху къ царю, спросилъ онъ ее: «что тебѣ надо»?—«Меня сынъ послалъ просить васъ отдать за него вашу дочь; что вы захотите, все мы вамъ доставимъ за это», отвѣчала она. Царь сказалъ: «если сдѣлаете все то, что я скажу, тогда выдамъ дочь». —«Приказывайте», сказала она и сложила на грудь руки. Тогда царь сказалъ: «возлѣ вашего дома постройте дворецъ, лучше и красивѣе моего дворца; отъ этого дворца и до моего чтобы была прямая дорога, съ обѣихъ сторонъ усаженная деревьями; кру-

гомъ дворца чтобы былъ хорошій садъ; когда все это будетъ кончено, приходи ко мнѣ, я дамъ отвѣтъ; а до того, ты подумай только, не стыдно-ли тебѣ просить мою дочь? какъ я ее отдамъ»! Поклонилась старуха царю, домой пошла; все, что было, пересказала сыну. Сынъ ей сказалъ: «все это въ моихъ рукахъ; въ одну ночь окончу»! Дождался онъ вечера; какъ только совсѣмъ темно стало, вышелъ онъ изъ дому, камушекъ подъ языкъ положилъ, сказалъ: «на этомъ мѣстѣ будь дворецъ, лучше и красивѣе царскаго дворца; вокругъ него садъ; а отъ него до царскаго дворца прямая дорога, обсаженная цвѣтущими деревьями. Во дворцѣ кушанья, посуды и всего что-бы было вдоволь». Въ ту-же минуту все что онъ сказалъ исполнилось. Утромъ рано обошелъ молодецъ сады, дворецъ, все осмотрѣлъ, остался доволенъ; пошелъ къ матери, сказалъ ей: «ну, матушка! иди къ царю, скажи ему, что все, имъ приказанное, исполнено». Обрадовалась старуха, поскорѣе одѣлась, по новой дорогѣ приплясывая пошла въ царскій дворецъ, къ царицѣ вошла, сказала: «ай, государыня! царское повелѣніе мы исполнили». Пошла царица къ царю, сказала: «вчерашняя старуха опять пришла; говоритъ, что твое приказаніе исполнено». — «Привесть сюда эту старуху»! приказалъ царь. Привели старуху, спросилъ ее царь: «ну, старуха! все-ли сдѣлано, что я приказалъ»? — «Да, государь! все окончено», отвѣчала она. — «Ты иди себѣ домой», сказалъ царь, «я сейчасъ пойду осмотрю вашъ дворецъ и садъ». Воротилась старуха домой, все сыну разсказала. Одѣлся онъ въ богатую одежду, пошелъ въ свой дворецъ ожидать царя. Скоро пришелъ царь, съ царицей, дочерью, съ большой свитой. Увидали великолѣпный дворецъ, удивительный садъ, прекрасную дорогу, красиваго молодца въ богатыхъ одеждахъ. Сказала царица царю: «прійдется намъ отдать дочь нашу за этого молодца, вижу я, что онъ ее любитъ; да и она на него не дурно смотритъ». Понравились эти слова царю. Осмотрѣли садъ, взошли всѣ во дворецъ, пировать стали; подозвалъ царь молодца и дочь, сложилъ ихъ руки. На другой день сдѣлалъ царь большой пиръ, женилъ молодца на своей дочери, большое приданое далъ, рабовъ, рабынь далъ. Взялъ молодецъ жену въ свой дворецъ, сталъ съ ней въ счастіи и довольствѣ жить.

Каждый день ѣздилъ молодецъ съ царемъ, съ почетными людьми на охоту; цѣлый день забавлялись, соколами, борзыми собаками дичь травили; къ ночи домой возвращались. Въ одинъ

день, когда молодецъ былъ на охотѣ, пришелъ къ его женѣ одинъ изъ ея рабовъ, хитрый и злой, сказалъ ей: «госпожа моя! вы царская дочь, а мужъ вашъ изъ простыхъ людей, однако не говоритъ вамъ всего откровенно. Если-бы онъ уважалъ васъ, то разсказалъ-бы вамъ, какъ это онъ, въ одну ночь, успѣлъ построить такой дворецъ, насадить такіе сады. До-сихъ-поръ никто не зналъ этого; надо вамъ все узнать отъ него». — «Ей Богу! это правда»! сказала она; «сегодня-же ночью распрошу мужа обо всемъ». Услышавъ это, ушелъ рабъ. Наступилъ вечеръ, воротился молодецъ домой, поужиналъ, на одной постели легъ спать съ женой. Сказала она ему: ,,ты со мной, я съ тобой, другъ съ другомъ, вмѣстѣ, соединились; у тебя со мной, у меня съ тобой, все должно быть общее; но гдѣ-же откровенность, какая должна быть между мужемъ и женой»?—«Чего ты отъ меня хочешь? говори!» сказалъ онъ.—«Этотъ дворецъ, эти сады, это убранство, отъ кого ты получилъ»? сказала жена. — «Эхъ, красавица! милая моя! зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь? Развѣ это увеличитъ твое счастье? Не спрашивай больше, это тайна», сказалъ онъ. Жена однако не перестала его допрашивать, такъ, что онъ принужденъ былъ разсказать ей все; вынулъ камушекъ, показалъ ей и разсказалъ, какія чудесныя свойства онъ имѣетъ. Обрадовалась она, узнавши эту тайну. Ночь проспали, утромъ встали, опять молодецъ на охоту поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ его отъѣзда, пришелъ къ его женѣ рабъ, сказалъ: «госпожа моя! узнали-ли о томъ, что я вамъ вчера говорилъ»?—«Узнала», отвѣчала она; «но тебѣ не скажу, ты кому-нибудь разскажешь». Сталъ рабъ божиться, клясться, что никому не скажетъ; просилъ ее разсказать, что узнала. Не вытерпѣла она; разсказала рабу все, что узнала отъ мужа. Обрадовался рабъ, выслушавъ ея разсказъ, сказалъ ей: «гай, госпожа моя! не знаете вы въ чемъ дѣло! зачѣмъ этотъ камушекъ оставляете у мужа? пусть отдастъ его вамъ; вы его въ сундукъ спрячьте,—нуженъ будетъ, тогда и дадите ему; иначе, можетъ случиться, что онъ его потеряетъ». Подумала она, подумала, нашла, что рабъ говоритъ дѣльно; захотѣла въ ту-же ночь взять у мужа камушекъ. Ушелъ рабъ. Вечеромъ воротился молодецъ домой, съ охоты, поужиналъ съ женой, на одной постели спать легли. Тогда сказала жена: «отдай камушекъ мнѣ; я его спрячу въ сундукъ; всякій разъ, какъ онъ тебѣ понадобится, я его выну и отдамъ тебѣ, а то можетъ случиться, что ты его потеряешь». — «Оставь это дѣло»,

сказалъ мужъ; «пускай камушекъ будетъ у меня». Но она его не послушалась, стала къ нему ласкаться, просить отдать ей камушекъ; не выдержалъ молодецъ, вынулъ камушекъ, отдалъ его женѣ. Ночь проспали, утромъ встали; сѣлъ молодецъ на коня, на охоту поѣхалъ. Какъ только онъ уѣхалъ, пришелъ къ его женѣ рабъ, сказалъ ей: «ну, что, госпожа моя! взяли у мужа камушекъ»? — «Да, взяла», отвѣчала она; «онъ теперь въ моихъ рукахъ» —«Не покажете-ли его мнѣ? хотѣлъ-бы его разсмотрѣть», сказалъ рабъ. Сначала она не соглашалась показать ему камушекъ; но онъ такъ ее усиленно просилъ, что наконецъ она уступила; вынула камушекъ, положила его ему на руку. Началъ рабъ разсматривать камушекъ, смотрѣлъ, смотрѣлъ, да вдругъ быстро положилъ его въ ротъ, подъ языкъ, и сказалъ: «этотъ дворецъ, сады, дорога, эта женщина, все это вмѣстѣ со мною да будетъ на противоположномъ берегу моря»! Въ ту-же минуту все сказанное имъ сдѣлалось.

Вечеромъ воротился молодецъ домой съ охоты, видитъ: нѣтъ ни дворца, ни садовъ, ни жены, ничего не осталось, все пропало. Вздохнулъ онъ, въ старый свой домъ пошелъ; встрѣтили его кошка и собака, сказали ему: «не горюй, не печалься, господинъ нашъ, мы постараемся возвратить тебѣ все потерянное». Сказавъ это, вышли обѣ изъ дому, прибѣжали на берегъ моря, сѣли. Кошка сказала собакѣ: «я немножко умѣю гадать по звѣздамъ; давай-ка узнаемъ, гдѣ намъ найти камушекъ»? Посмотрѣла, посмотрѣла на звѣзды, подумала, подумала, сказала: «дастъ Богъ, найдемъ! онъ на другомъ берегу моря». Тогда собака сказала: «садись на меня, я поплыву и перевезу тебя на тотъ берегъ». Усѣлась кошка на спину собаки, вошла собака въ воду, поплыла. Плыла по морю собака, сколько-то времени плыла, до берега доплыла. Увидали они дворецъ, спрыгнула кошка на землю, къ дворцу побѣжала; собака на берегу осталась. Подбѣжала кошка къ дворцу, увидала мышиныя норки; стала она караулить, выскочила одна мышь, поймала ее кошка, въ зубахъ держитъ. Сказала ей мышь: «ай, кошечка, душа моя! чѣмъ я виновата передъ тобой, что ты меня съѣсть хочешь»? — «Ты мнѣ отъ Бога назначенная пища»! отвѣчала кошка. — «Ай, госпожа кошка»! сказала мышь, «сдѣлай мнѣ добро, отпусти меня; я единственный сынъ у отца, собирался скоро жениться, сдѣлай милость, отпусти»!—«Хорошо»! сказала кошка, «я-то тебѣ сдѣлаю добро, отпущу тебя; а ты сдѣлаешь-ли мнѣ, что я прикажу? говори»! — Мышь

сказала: «если по силамъ моимъ будетъ, то, что ты прикажешь— сдѣлаю»! Кошка сказала: «въ этомъ дворцѣ есть одинъ рабъ; у него во рту небольшой камушекъ, достань его и мнѣ принеси. Если принесешь тотъ камушекъ, то обѣщаюсь не трогать ни одной мыши изъ твоей родни»! Обрадовалась мышь, сказала: «будь покойна! я скоро принесу тебѣ и отдамъ тотъ камушекъ». Выпустила кошка мышь, сказала ей: «иди, принеси! Если-же обманешь меня, то я переловлю всю твою родню, никого въ живыхъ не оставлю». Побѣжала мышь; какъ только наступила ночь, вошла она во дворецъ; увидала спящаго раба, обмокнула она свой хвостъ въ воду, потомъ его въ золѣ обваляла; потихонько подкралась къ рабу, сунула свой хвостъ въ его носъ; вскочилъ рабъ, зачихалъ, закашлялъ, выскочилъ у него камушекъ изо рта, на землю упалъ. Быстро схватила мышь камушекъ, убѣжала, принесла его къ кошкѣ, отдала ей. Поблагодарила ее кошка; сама къ собакѣ пошла, сказала ей: «ай, госпожа собака! нашла я камушекъ, возвратимся скорѣй домой». Обрадовалась собака, посадила кошку къ себѣ на спину, вошла въ воду, по морю поплыла; плыла собака, сколько-то времени плыла; немного еще оставалось плыть до берега, сказала она кошкѣ: «послушай, кошка! много я трудовъ испытала, отдай мнѣ камушекъ; я сама отдамъ нашему хозяину».—«Не все-ли равно, у кого камушекъ»? сказала кошка; «вѣдь мы обѣ служимъ одному господину». Собака сказала: «такъ-то оно такъ; да все-таки давай мнѣ камушекъ»! — «Хорошо»! сказала кошка, «погоди! до берега осталось немного; выйдемъ на землю, тогда отдамъ тебѣ камушекъ»! — «Нѣтъ, такъ нельзя», сказала собака, «на этомъ мѣстѣ отдай»! Уступила кошка, сказала: «на, бери»! Подняла собака голову вверхъ, ротъ разинула, выпустила кошка камушекъ изо рта; не успѣла собака его поймать—упалъ камушекъ въ воду; заплакали обѣ, на берегъ вышли, тамъ усѣлись.

Дожидаясь, когда возвратятся его кошка и собака, молодецъ каждый день ходилъ по городу и у всякаго встрѣчнаго спрашивалъ, не видалъ-ли онъ ихъ. Разъ, какой-то человѣкъ сказалъ ему, что видѣлъ, какъ его кошка и собака сидятъ на берегу и плачутъ. Обрадовался молодецъ этому извѣстію, побѣжалъ на берегъ, видитъ: сидятъ его кошка и собака и обѣ плачутъ. Подошелъ онъ къ нимъ, сказалъ: «вы, скоты, о чемъ плачете? чего вы здѣсь сидите? идите домой»! — «Много мы виноваты передъ тобой», сказала собака; «нашли мы твой чудесный камушекъ, къ

тебѣ несли; но вотъ здѣсь недалеко въ воду упустили».—«Правду-ли ты говоришь»? спросилъ молодецъ. Кошка и собака присягнули ему, что это правда. Пошелъ молодецъ по берегу, увидалъ человѣка, который сѣткой ловилъ рыбу, позвалъ его, сказалъ: «пойди-ка сюда! брось здѣсь сѣть, все что поймаешь мнѣ отдай»! Подошелъ рыбакъ, бросилъ сѣть въ море, вытащилъ; попалось счетомъ три, четыре рыбки; заплатилъ за нихъ молодецъ рыбаку, взялъ ихъ, домой пришелъ, выпотрошилъ, изъ одной рыбки вынулъ свой камушекъ. До вечера, сидя дома, съ кошкой и собакой забавлялся; когда совсѣмъ темно стало, вышелъ молодецъ изъ дому, положилъ камушекъ подъ языкъ, сказалъ: «мой дворецъ, мои сады, моя жена, рабъ ея, все по-прежнему воротись на свое мѣсто»! Въ ту-же минуту все исполнилось. Побѣжалъ молодецъ къ царю, разсказалъ ему все что случилось, прибавилъ, что всему причиной былъ рабъ. Царь съ царицей, со свитой, съ палачами, во дворецъ къ молодцу пошелъ. Взошли, увидали, что рабъ собирается изнасиловать царскую дочь. Велѣлъ царь палачамъ взять раба, вывести и повѣсить. Во всю ночь царь съ царицей пировали у зятя, только утромъ домой ушли. Послѣ этого зажилъ молодецъ съ женой въ счастіи и благоденствіи.

VII.

Столяръ и его жена.

Въ старыя времена жилъ-былъ царь. Разъ сидѣлъ царь съ своими визирями и почетными людьми, бесѣдовалъ. Кто-то сказалъ: «между красивымъ мужчиною и красивой женщиной несогласія не бываетъ». Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ сказалъ: «въ нашемъ околоткѣ есть одинъ искусный столяръ; самъ красивъ и жена его хороша, кромѣ мужа ни на кого не смотритъ». —«Ну, врядъ-ли она устоитъ отъ искушенія»! сказали оба царскіе визиря. «Нѣтъ»! сказалъ тотъ человѣкъ, «вы напрасно о ней такъ дурно говорите». Тогда оба визиря попросили царя потребовать столяра, дать ему какую-нибудь работу; сказали: «посмотримъ и его искусство и жену его испытаемъ въ его отсутствіе». Понра-

вилось это царю; приказалъ онъ сейчасъ-же послать за столяромъ. Пришелъ столяръ къ царю, поклонился ему, сталъ. Сказалъ ему царь: «послушай, молодецъ! говорятъ, ты искусный мастеръ; можешь-ли для меня хорошій дворецъ построить»? — «Могу, государь»! отвѣчалъ онъ. — «Я слышалъ, у тебя красивая жена», сказалъ царь; «ты здѣсь будешь своимъ мастерствомъ заниматься, въ твое отсутствіе какъ-бы она не погуляла съ кѣмъ-нибудь другимъ»? — «Моя жена не сдѣлаетъ этого»! отвѣчалъ онъ.—«Такъ ты вѣришь своей женѣ»? спросилъ царь.—«Вполнѣ вѣрю»! отвѣчалъ онъ.—«Однако, если случится, что твоя жена загуляетъ съ кѣмъ-нибудь другимъ, ты что тогда сдѣлаешь»? спросилъ царь. — «Если такое дѣло случится, то позволю убить себя»! отвѣчалъ онъ.—«Хорошо»! сказалъ царь и приказалъ дать ему сколько надо подмастерьевъ, работниковъ, матеріаловъ; мѣсто указать, гдѣ строить новый дворецъ. Построилъ мастеръ себѣ возлѣ этого мѣста домикъ, поселился въ немъ и усердно занялся постройкой дворца.

Черезъ нѣсколько времени, пришелъ одинъ изъ визирей къ царю, сказалъ: «государь! позволь мнѣ идти познакомиться съ женою нашего мастера и испытать ее». — «Иди»! сказалъ царь, «черезъ пятнадцать дней возвратись». Пришелъ визирь домой, взялъ полторы тысячи червонцевъ, поѣхалъ знакомиться съ женой столяра. Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ визирь, одинъ, въ ту деревню, гдѣ жила жена столяра. Была въ той деревнѣ одна старуха, которая знакомила мужчинъ съ женщинами; къ ней и пріѣхалъ визирь. Встрѣтила старуха визиря у воротъ, ввела въ домъ, паласъ постелила, садиться попросила, потомъ спросила: «что угодно господину»? Визирь сказалъ: «дамъ тебѣ пятьсотъ червонцевъ, если приведешь ко мнѣ жену столяра». Взяла старуха пятьсотъ червонцевъ, обѣщалась скоро это дѣло устроить; пошла къ женѣ столяра, вошла въ ея домъ, сказала ей: «ай, дитя мое! съ тобой хочетъ познакомиться царскій визирь; не пойдешь-ли для этого ко мнѣ»? Отвѣчала ей жена столяра: «ай, старушка! я и сама очень желаю съ нимъ познакомиться; но въ твой домъ мнѣ идти нельзя; я еще молодая женщина, стыдно мнѣ самой идти къ мужчинѣ; лучше пускай ночью визирь прійдетъ ко мнѣ». Обрадовалась старуха, домой побѣжала, сказала визирю: «ночью идите къ ней въ домъ». Обрадовался и визирь.

Въ домѣ столяра была глубокая яма, закрывавшаяся крышкой. Позвала жена столяра свою служанку, сказала ей, что надо

сдѣлать, когда прійдетъ визирь. Приготовили онѣ на ужинъ разныхъ кушаній, хорошую постель постелили, подушекъ наложили. Только день кончился, пришелъ визирь; жена столяра встрѣтила его у дверей, «добро пожаловать», сказала, просила на почетное мѣсто садиться, поужинать. Визирь сказалъ: «ахъ, сударыня! я усталъ съ дороги, лучше ляжемъ спать».—«Хорошо! ляжемъ, постель готова», сказала жена столяра и взглянула на служанку. Вышла служанка, потихонько подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее. Визирь спросилъ: «это кто стучится въ двери»? — «Это стучитъ мой братъ», отвѣчала жена столяра; «съ тѣхъпоръ, какъ мужъ мой уѣхалъ, онъ каждый вечеръ, въ это время, навѣщаетъ меня; посидитъ немного и уйдетъ».—«Что-же мнѣ дѣлать»? сказалъ визирь, «куда ты меня спрячешь»? — «Полѣзай, вотъ, въ эту яму, сиди въ ней, пока братъ мой будетъ здѣсь», сказала она; обвязала визиря вокругъ пояса веревкой, спустила его въ яму, сверху крышкой закрыла; позвала служанку. Поужинали обѣ, спать легли, визирь въ ямѣ остался. Утромъ рано сталъ визирь кричать: «эй, сударыня! ради Бога, выпусти меня; по ошибкѣ зашелъ я къ тебѣ». Ничего она ему не отвѣтила. Долго кричалъ визирь; наконецъ, жена столяра сказала служанкѣ: «поди! спроси, что ему нужно». Пошла служанка, открыла крышку надъ ямой, сказала: «что тебѣ надо»? — «Вытащи меня отсюда»! сказалъ визирь. — «Госпожи моей нѣтъ дома, не могу тебя вытащить», сказала она. Тогда онъ сказалъ: «я голоденъ, дай хоть кусокъ хлѣба и воды».—«Госпожа моя ушла къ брату, мнѣ самой оставила только кусокъ хлѣба и кружку воды, велѣла очистить отъ сѣмянъ цѣлый мѣшокъ хлопка. Если ты этотъ хлопокъ вычистишь, то я тебѣ отдамъ свой хлѣбъ и воду», сказала служанка.—«Послушай»! сказалъ онъ, «дай мнѣ ѣсть; сто червонцевъ дамъ тебѣ за кусокъ хлѣба». —«Если даже и тысячу дашь, не дамъ! за деньги не продаю, чисти хлопокъ»! сказала она. Подождалъ, подождалъ визирь, началъ его крѣпко голодъ мучить, согласился онъ хлопокъ чистить. Дала ему служанка мѣшокъ хлопка, дала хлѣба, кружку воды дала, закрыла яму. Черезъ нѣсколько дней опять сталъ кричать визирь; открыла служанка яму, спросила: «что ты кричишь»? — «Кончилъ чистить хлопокъ, возьми его»! сказалъ визирь. Опустила служанка въ яму шнурокъ, привязалъ онъ мѣшокъ съ хлопкомъ, вытащила она; тогда визирь попросилъ хлѣба и воды; служанка сказала: «еще мѣшокъ хлопка очисти, дамъ тебѣ хлѣба и воды».—«Тащи»! сказалъ визирь. Дала она

ему еще мѣшокъ хлопка, кусокъ хлѣба, кружку воды; закрыла яму. Такимъ порядкомъ шли дни за днями.

Двадцать дней ждалъ царь возвращенія своего визиря; видя, что его нѣтъ, сказалъ другому визирю: «что это значитъ? срокъ давно окончился, а визирь мой не возвратился»! — «Государь! позволь мнѣ пойти узнать, что случилось», сказалъ второй визирь. Позволилъ царь ему идти; велѣлъ черезъ пятнадцать дней возвратиться. Пошелъ визирь домой, взялъ полторы тысячи червонцевъ, одинъ поѣхалъ въ деревню столяра. Пріѣхалъ въ домъ къ старухѣ, вышла она ему навстрѣчу, «добро пожаловать», сказала. Вошелъ визирь въ домъ, сѣлъ, сказалъ: «послушай, старуха! нѣсколько дней тому назадъ пріѣзжалъ сюда визирь; не знаешь-ли, гдѣ онъ теперь»? Старуха отвѣчала: «тотъ визирь ночью пошелъ къ женѣ столяра; я не видала, когда онъ оттуда воротился». Далъ ей визирь пятьсотъ червонцевъ, сказалъ: «сведи меня, старуха, съ женой столяра».—«Приготовьтесь», сказала она; «я сейчасъ пойду къ ней». Пошла старуха къ женѣ столяра, пришла, сказала ей: «ай, дитя мое! еще одинъ визирь пришелъ; говоритъ, что очень тебя любитъ, хочетъ познакомиться съ тобой».—«Хорошо»! отвѣчала она, «пускай ночью приходитъ». Обрадовалась старуха, домой прибѣжала, сказала визирю: «ночью идите къ ней». Наготовила жена столяра разныхъ кушаній; постель постелила, подушекъ наложила, стала ожидать визиря; служанкѣ сказала: «и съ этимъ визиремъ поступишь такъ-же, какъ съ первымъ». Ночью пришелъ визирь въ домъ жены столяра, вышла она ему навстрѣчу, поздоровалась, просила садиться; сѣлъ визирь на почетное мѣсто; попросила она его ужинать. — «Нѣтъ»! сказалъ онъ, «не хочу, съ дороги усталъ, лучше спать ляжемъ». Взглянула она на служанку; вышла служанка, потихоньку подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее.—«Кто это стучитъ въ дверь»? спросилъ визирь.—«Это мой братъ», отвѣчала жена столяра, «онъ каждый вечеръ, въ это время, приходитъ меня навѣщать; посидитъ немного и уйдетъ».—«Какъ-же мнѣ быть»? сказалъ онъ, «не спрячешь-ли меня куда-нибудь»?—«Полѣзай, вотъ въ эту яму»! сказала она; «посиди тамъ, пока братъ уйдетъ». Всталъ визирь съ мѣста, открыла она яму, обвязала его вокругъ поясницы веревкой, въ яму опустила, крышку закрыла. Въ это время, сидѣвшій въ ямѣ первый визирь закричалъ: «куда ты лѣзешь? тише, тише! смотри, хлопокъ мой помнешь»! — «А ты кто такой? въ это время, что ты здѣсь въ ямѣ дѣлаешь»? спросилъ

второй визирь.—«Ахъ! другъ мой! меня сюда засадила эта проклятая баба», отвѣчалъ онъ. — «Гай, гай, значитъ и я попался»! сказалъ второй визирь. Легли они оба спать, утромъ принялись очищать хлопокъ, кончили мѣшокъ; закричали служанкѣ, чтобы взяла у нихъ очищенный хлопокъ, а имъ-бы дала снова работу, хлѣба и воды. Опустила служанка въ яму шнурокъ, привязали они къ нему хлопокъ, вытащила она его, увидала, что онъ хорошо вычищенъ; спустила къ нимъ еще мѣшокъ хлопка, хлѣба и воды. Такъ продолжалось изо-дня въ день.

Прошло уже двадцать дней, какъ ушелъ второй визирь; не получая о немъ никакихъ извѣстій, велѣлъ царь осѣдлать себѣ коня, одѣлся, сѣлъ, одинъ поѣхалъ въ деревню столяра. Пріѣхалъ въ домъ старухи; выбѣжала она ему навстрѣчу; сказалъ ей царь: «эй, старуха! иди къ женѣ столяра; скажи ей, что сегодня я у ней буду въ гостяхъ». Побѣжала старуха къ женѣ столяра, сказала ей: «ай, дитя мое! сегодня у тебя гостемъ будетъ самъ царь».—«Очень рада»! сказала она, «прошу ночью прійти». Прибѣжала старуха домой, царю объ этомъ сказала. Жена столяра вымела, вычистила свой домъ, постель постелила, подушки разложила, разныхъ кушаній наготовила. День лишь кончился, пришелъ къ ней царь; встрѣтила она его съ поклономъ, на первое мѣсто посадила; сказала: «не угодно-ли чего-либо покушать»? Царь отвѣчалъ ей: «нѣтъ! съ дороги я усталъ; ляжемъ спать»! Взглянула жена столяра на служанку; вышла служанка, потихонько подошла къ наружной двери, стала стучать въ нее. «Кто это стучитъ въ дверь»? спросилъ царь.—«Это мой братъ; каждый вечеръ онъ приходитъ навѣщать меня, посидитъ немного и уйдетъ», сказала жена столяра. — «Какъ-же мнѣ быть»? спросилъ царь.—«Ай, государь! спрячьтесь въ эту яму, пока братъ мой не уйдетъ, тогда я васъ выпущу». Всталъ царь съ мѣста, обвязала она его веревкой вокругъ поясницы, стала въ яму опускать. Оба визиря закричали: «эй! кто ты такой? лѣзь тише, не помни нашего хлопка»! — «А вы-то кто такіе»? спросилъ царь. — «Мы оба царскіе визири», отвѣчали они. — «Что вы такое говорите о хлопкѣ»? спросилъ царь. — «Что дѣлать»! сказали они, «попались мы въ западню! Эта проклятая баба не даетъ намъ ни хлѣба, ни воды, пока мы ей не очистимъ хлопка». Тутъ узналъ царь, какъ его оба визиря попали въ яму, какъ оба хотѣли спать съ женой столяра и оба ошиблись. Подумалъ немного царь, закричалъ: «эй, госпожа! виноваты мы, будь добра! вытащи меня! съ

этого времени будешь моей сестрой». Опустила она веревку, со служанкой вытащили царя; выйдя изъ ямы, царь сказалъ: «ну, родная моя! теперь вытащи обоихъ визирей»! Приказала она служанкѣ, та обоихъ вытащила. Царь имъ сказалъ: «ай, безчестные визири! не стыдно-ли вамъ послѣ такого дѣла»? Попрощался царь съ женой столяра, съ обоими визирями пошелъ въ домъ старухи, взяли своихъ коней, сѣли, поѣхали въ городъ. Возвратясь во дворецъ, взошелъ царь на престолъ, сѣлъ, приказалъ привесть къ себѣ столяра; тотчасъ-же пошли за нимъ, привели; сказалъ ему царь: «ну, мастеръ! счастливъ ты, имѣя такую жену. Дарю тебѣ построенный тобою дворецъ, приведи сюда жену свою, съ нею въ немъ живи! Самъ-же ты будь моимъ визиремъ».

Пошелъ столяръ въ свою деревню; взялъ жену, привелъ ее въ новый дворецъ, сдѣлался царскимъ визиремъ, сталъ жить въ счастіи и довольствѣ.

А. К.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

I. Научныя изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.

III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.

IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическія свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлеченія изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопредѣленные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ“, назначается гонорарій, по уговору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, равно и всѣ сношенія по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управленіе, на имя редактора „Сборника“, Н. И. Воронова.

Содержаніе вышедшихъ въ свѣтъ книгъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

1-й выпускъ.

I. Предисловіе.

II. Адаты и судопроизводство по нимъ (съ приложеніями), *А. В. Комарова.*

III. Этнографическіе очерки Аргунскаго округа (съ 3-мя рисунками), *А. П. Ипполитова.*

IV. Шамхалы Тарковскіе (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, *П. У.*

б) Казикумухскія (лакскія) народныя сказанія (Нѣсколько словъ о казикумухахъ; сказки, басни, анекдоты и пословицы).

VI. Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова.*

VII. Воспоминанія муталима, *Абдуллы Омарова.*

VIII. Горская лѣтопись:

1) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

2) Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе, *Е. С.—ва.*

3) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.

4) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.

5) Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.

6) Изъ горской криминалистики: I. Народная казнь женщины въ сел. Калаки. II. Убійство и казнь женщины въ сел. Оглы.

7) Библіографическая замѣтка.

Приложеніемъ къ I-му выпуску служитъ *Карта земель горскаго населенія, состоящаго въ военно-народномъ управленіи.*

II-й выпускъ.

I. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ, *П. У.*

II. Ученіе „Зикръ“ и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ, *А. П. Ипполитова.*

III. Ученіе о тарикатѣ:

1) Адабуль-Марзія, соч. шейха *Джемалэддина Казикумухскаго*, перев. съ арабскаго: а) Отъ редакціи; б) Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемалэддина о тарикатѣ, сеида *Абдурахмана*; в) Адабуль-Марзія и г) Послѣсловіе отъ переписчика.

2) Тарикатскія легенды, поученія и письма (перев. съ арабскаго и татарскаго).

IV. Матеріалы для исторіи Дагестана:

1) Казикумухскіе и Кюринскіе ханы (съ приложеніями и родословною таблицею), *А. К.*

2) Мехтулинскіе ханы (съ родословною таблицею).

V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ (Аварскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ объ аварцахъ, *Н. В.*; б) Сказки и басни, собранныя и переведенныя съ аварскаго *Айдемиромъ Чиркеевскимъ*).

VI. Этнографическіе очерки:

1) Свадьба въ горскихъ обществахъ Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Воспоминанія муталима (окончаніе), *Абдуллы Омарова.*

VII. Горская лѣтопись:

1) Устройство поземельнаго быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа, *П. А. Гаврилова.*

2) Научное извѣстіе (Грамматическія и филологическія изслѣдованія Хюркилинскаго языка, П. К. Услара), *Н. В.*

III-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани.

2) Низамъ Шамиля (матеріалъ для исторіи Дагестана).

3) Горскіе евреи, *І. Я. Чернаго*.

4) Привиллегированныя сословія Кабардинскаго округа.

5) Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго* (съ приложеніемъ: похороны и поминки у горцевъ, *Чаха Ахріева*).

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Осетинскія народныя сказанія: а) Предисловіе отъ собирателя; б) Сказки, басни и анекдоты; в) Легенды, преданія и повѣрья, *Джантемира Шанаева*.

III. Этнографическіе очерки:

1) Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварскаго племени, *Н. Львова*.

2) Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаній дѣтства), *Абдуллы Омарова*.

3) Изъ путешествія по Дагестану (съ двумя рисунками). *Н. И. Воронова*.

IV. Горская лѣтопись:

1) О распространеніи грамотности между горцами, *П. У.*

2) Экономическое положеніе бывшихъ зависимыхъ сословій Кабардинскаго округа, *Н. Ф. Грабовскаго*.

3) Изъ горской криминалистики.

IV-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго.*

2) Природа и люди Закатальскаго округа, *А. И. Фонъ-Плотто.*

3) Матеріалы для древней исторіи осетинъ, *П.*

4) Истинные и ложные послѣдователи тариката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).

5) Ичкерія (историко-топографическій очеркъ), *И. М. Попова.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаній: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахріева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографическіе очерки:

1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллы Омарова.*

2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Извлеченіе изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).

2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.

3) Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петрусевича.*

4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).

5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петрусевича.*

V-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Дагестанскія лѣтописи. I. Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловіемъ *П. У.*

2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-мя таблицами), *Л. П. Загурскаго.*

3) Матеріалы для исторіи Осетинъ, гл. VI—XXXVI, *В. Б. Пфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Шанаева.*

2) Изъ Чеченскихъ сказаній, *Чаха Ахріева.*

3) Изъ Кабардинскихъ сказаній о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографическіе очерки:

1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*

2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахріева.*

IV. Горская лѣтопись:

1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу объ отчужденіи собственности по *назру* (обѣту), съ предисловіемъ.

2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Самурзакани).

3) Статистическія свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управленіи.

VI-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Абхазцы (Азега),—по поводу сочиненія г. Дубровина: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“,—***.

2) Карта горскихъ народовъ, подвластныхъ Шамилю (съ приложеніями), *И. П. Линевича*.

3) Чеченское племя (съ примѣчаніями), *Умалата Лаудаева*.

4) Адаты жителей Кумыкской плоскости.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Кабардинская старина (I. Коварная жена.—II. Дохшуко Бгуншоковъ.—III. Отцовское завѣщаніе.—IV. Жанболатъ.—V. Айдемирканъ.—VI. Князь Амфоко Тосултановъ.—VII. Созырыхо, сынъ Коала.—VIII. Гоаша-Махо.—IX. Абадзехъ-кровомститель.—X. Два друга).

2) Кабардинскія сказки.

III. Горская лѣтопись:

1) Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, *А—а*.

2) Научныя извѣстія: I. По поводу изслѣдованій П. К. Услара о Кюринскомъ языкѣ, *Н. В.*—II. Нѣсколько словъ о новомъ лингвистическомъ трудѣ академика Шифнера, *Л. П. Загурскаго*.

3) О самоубійствахъ въ Дагестанской области, *Н. В.*

4) Населеніе Закатальскаго округа по народной переписи 1871 года, *Н. В.*

5) Замѣтка.

IV. *Приложеніе*:

Статистическія свѣдѣнія о Мангишлакѣ (съ картою), *И. П. Линевича*.

VII-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Сказаніе очевидца о Шамилѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).

2) Бывшее Елисуйское султанство (съ картою), *И. П. Линевича.*

3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономическаго быта жителей Елисуйскаго наибства, Закатальскаго округа, ***.

4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева.*

5) Адаты Даргинскихъ обществъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаній: а) Нартовскія сказанія (два варіанта о Сосрыко — О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Нарты и Сырдонъ—Гатагъ и его сыновья—Хатагъ-Барагъ), *Дж. Шанаева;* б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуцыра Шанаева.*

2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насрэддинѣ, *М. Амирова.*

III. Этнографическіе очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурада Амирова.*

IV. Приложенія:

1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, живших и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммедъ-Сафы къ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Разсказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня,—собр. и перев. *А. К.*

VIII-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и матеріалы:

1) Замѣтки о кюринскомъ языкѣ (въ связи съ изслѣдованными восточно-кавказскими языками), *Л. П. Загурскаго.*

2) Ингуши (ихъ преданія, вѣрованія и повѣрья), *Чаха Ахріева.*

3) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ.

4) О послѣдствіяхъ убійствъ и пораненій между горцами восточнаго Кавказа, *П.*

II. Этнографическіе очерки:

1) Двѣ недѣли въ Даргинскомъ округѣ (путевыя замѣтки), *Владиміра Вилльеръ де Лиль-Адамъ.*

2) Горское паломничество, *Аслambека Базоркина.*

3) Въ осетинскомъ аулѣ, *Инала Канукова.*

III. Горская лѣтопись:

1) Изъ горской криминалистики, *В. В. Цвѣткова.*

2) Составъ населенія Дагестанской области, *Н. В.*

3) Библіографическая замѣтка, *Н. В.*

IV. Приложеніе:

Сказки мангышлакскихъ туркменъ, *А. К.*

Желающіе пріобрѣсти вышедшія книги „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ благоволятъ обращаться въ Кавказское Горское Управленіе или въ книжные магазины гг. Берештама и Вартанова, въ Тифлисѣ.

Цѣна каждаго выпуска „Сборника“ *два* руб. Цѣна Карты земель горскаго населенія *пятьдесятъ* коп. За пересылку по почтѣ плата особо.

Цѣна VIII выпуска „Сборника“ 2 руб.